

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2019

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 9 **Том 25**

2 0 1 9 **Volume 25**

№ 2
Апрель – Июнь

№ 2
April – June

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 Авдеев А.Г.**
Родовая усыпальница Готовцевых в селе Ликурга: предварительные итоги исследования
- 14 Джабаева Т.Ч.**
Формирование крупной феодальной собственности на кумыкской равнине Дагестана с XVI до середины XVIII вв.
- 18 Бенда В.Н., Козлов Н.Д.**
О причинах хищений материальных и финансовых средств в военном ведомстве во второй половине XVIII века и мерах борьбы с ними (на примере Московской артиллерийской канторы)
- 23 Бутин А.Ю.**
Августейший покровитель ученого священника из провинции: М.Я. Диев и Николай I
- 27 Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н.**
Костромское губернское жандармское управление и его первый руководитель
- 33 Руколеев А.В.**
Особенности деятельности Минералогического общества в России в дореволюционный период
- 38 Ковба В.И., Чугунов Е.А., Чугунова О.Д.**
Судьба военного историка в контексте истории страны (А.Н. де Лазари: военачальник, ученый, педагог, жертва)
- 44 Ермушин М.В., Митров А.Г., Беляев Г.В.**
Производственные совещания на предприятиях советской промышленности в 1920–30-е гг. в исследованиях советских, российских и зарубежных историков
- 49 Абовян Е.Н., Дзюбан В.В.**
Новозыбков в годы Великой Отечественной войны
- 55 Нестеров Д.А.**
Особенности использования авиационных сил поддержки в условиях асимметричного конфликта: на примере чрезвычайной ситуации в Малайе (1948–1960)
- 60 Новоторцева А.М.**
Архипастырское служение митрополита Симферопольского и Крымского Гурия (Егорова) в годы советской власти
- 67 Зинчук С.М.**
Внутрицерковные процессы в период осуществления приходской реформы в первой половине 1960-х гг.
- 71 Сазонов Д.И.**
Отречение от веры. Мировоззренческая убежденность или сумма обстоятельств?
К теме ренегатства 1960-х годов
- 79 Никифоров Ю.С.**
Синтез классических и междисциплинарных методов в исследовании региональной проблематики новейшей отечественной истории (1950–1980-е гг.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 86 Шишкова И.А.**
Сентименталистская революция и викторианские ценности в литературе США
- 91 Марков А.В.**
Сложный экфрасис в русской поэзии: основы теории и один пример

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 A.G. Avdeyev**
The patrimonial tomb of the Gotovtsevs in the village of Likurga: preliminary results of the study
- 14 T.Ch. Dzhabayeva**
Formation of large feudal property on Kumyk Plain of Dagestan from the 16th to the mid 18th centuries
- 18 V.N. Benda, N.D. Kozlov**
On the reasons of plunder of material and financial means in military department in the 2nd half of the 18th century and measures of fight against them (on the example of the Moscow artillery office)
- 23 A.Yu. Butin**
August patron of the learned priest from the province
- 27 G.G. Bril', L.N. Zaytsev**
Kostroma provincial gendarmerie management and its first supervisor
- 33 A.V. Rukoleyev**
Features of the Mineralogical Society in Russia in the pre-revolutionary period
- 38 V.I. Kovba, Ye.A. Chugunov, O.D. Chugunova**
Military historian's fate in the context of the country's history (Aleksandr de Lazari: military commander, teacher, oppression victim)
- 44 M.V. Yermushin, A.G. Mitrov, G.V. Belyayev**
Production meetings at the enterprises of the Soviet industry in the 1920s-30s in the studies of Soviet, Russian and foreign historians
- 49 Ye.N. Abovyan, V.V. Dzyuban**
Town of Novozybkov and its region at World War II (East Front)
- 55 D.A. Nesterov**
Features of the use of air support forces in conditions of asymmetric conflict on the example of the Malayan Emergency (1948–1960)
- 60 A.M. Novotortseva**
Archpastoral service of Guriy (secular surname – Yegorov), Metropolitan Simferopol and the Crimea under Soviet power
- 67 S.M. Zinchuk**
Intra-Church processes during the implementation of parish reform in the 1st half of the 1960s
- 71 D.I. Sazonov**
Renunciation of faith. Worldview conviction or the sum of circumstances?
On the topic of the 1960s apostacy
- 79 Yu.S. Nikiforov**
Synthesis of classical and interdisciplinary methods in the study of regional problems of the Soviet Russian history (the 1950s till the 1980s)

SCIENCE OF LITERATURE

- 86 I.A. Shishkova**
The sentimental revolution and Victorian values in American literature
- 91 A.V. Markov**
Complex ekphrasis in Russian poetry: basics of theory and one case

- 98 Туфанова О.А.**
Легендарный политический эпизод
в «Повести о победах Московского государства»
- 102 Новиков М.В., Перфилова Т.Б.**
Маскулинность и женственность героев народного
эпоса в трактовке Ф.И. Буслаева
- 108 Володина Н.В.**
«Еще раз» *лишние люди*: от литературного типа
к концепту (историко-функциональный аспект)
Статья вторая
- 114 Федотова А.А.**
«За что у нас хаживали в каторгу»:
криминальный сюжет
в ранней прозе Н.С. Лескова
- 118 Овчинина И.А., Хромова И.А.**
Масленица как художественная доминанта
оперного либретто А.Н. Островского
«Вражья сила»
- 124 Лебедев Ю.В.**
«Весенняя сказка» А.Н. Островского «Снегурочка»
в литературном процессе 1870-х годов
- 130 Лобкова Н.А.**
Из истории публикаций П.В. Анненкова в «Вестнике
Европы» (по письмам к М.М. Стасюлевичу)
- 136 Ван Лиэ**
Природа и чувство в тургеневской повести
- 145 Токарев Г.В.**
Взгляды Л.Н. Толстого на брак
- 148 Рудова О.С.**
Гоголевский текст в творчестве В.В. Набокова:
история становления вопроса в критике
и литературоведении
- 154 Дымченко А.С.**
Историческая проза о Петровской эпохе
в архангелогородском локальном тексте:
романы «Петр Первый» А.Н. Толстого
и «Россия молодая» Ю.П. Германа
- 159 Королева В.В.**
Миф о художнике Леонардо в романах
Д.С. Мережковского «Воскресшие Боги. Леонардо
да Винчи» и Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры дьявола»
- 165 Мощенко И.А.**
Отражение литературного процесса в Китае
40–50-х годов XX века в работах отечественных,
китайских и западных исследователей
- 171 Костылева И.А.**
Концепция личности В.М. Шукшина
в романе-биографии А. Варламова «Шукшин»
- 176 Текенова У.Н.**
Фольклорно-мифологическая основа детского
миросознания в произведениях Л. Кокышева
и Д. Каинчина
- 181 Бакула В.Б.**
Архетип Солнца в романе саамской писательницы
Надежды Большаковой
- 187 Горелов О.С.**
Принципы сюрреалистического юмора
в поэзии Л. Шваба
- 192 Шарифуллина С.В.**
О Туркестанской выставке В.В. Верещагина
(на материале статьи в журнале «Семейные вечера»)
- 195 Склизкова Т.А.**
Понятия «английскости» и «русскости»
в фильме Т. Стоппарда «Анна Каренина»
- 98 O.A. Tufanova**
Legendary political episode
in "The Tale of Victorious Moscow State"
- 102 M.V. Novikov, T.B. Perfilova**
Manliness and womanliness of national epos heroes
in interpretation of Fyodor Buslaev
- 108 N.V. Volodina**
"Once again" about "unwanted people": the
transformation from literary type to a concept
(historical and functional aspect). Part II.
- 114 A.A. Fedotova**
"What People at Our Place Used to Be Condemned to
Penal Servitude for": criminal plot
in Nikolai Leskov's early prose
- 118 I.A. Ovchinina, I.A. Khromova**
Russian Shrovetide as an art dominant
of the opera libretto "The Power of the Fiend"
by Alexander Ostrovsky
- 124 Yu.V. Lebedev**
"A Spring's Tale" "The Snow Maiden" by Alexander
Ostrovsky in the 1870s literary process
- 130 N.A. Lobkova**
From history of P. Annenkov's publications in "Vestnik
Evropy" (by the letters to M. Stasyulevich)
- 136 Wang Liye**
Nature and feeling in Ivan Turgenev's story
- 145 G.V. Tokarev**
Leo Tolstoy's views on marriage
- 148 O.S. Rudova**
Nikolai Gogol's text in the works of Vladimir
Nabokov: the history of foundation of the issue in
criticism and literary studies
- 154 A.S. Dymchenko**
Historical prose about the epoch of Peter I into
Arkhangelsk local text: novels "Peter I" by Aleksey
Nikolayevich Tolstoy and "Young Russia"
by Yuri German
- 159 V.V. Korolyova**
Myth about Leonardo the artist in the novels "Resurrection
of Gods. Leonardo da Vinci" by D. Merezhkovsky and
"The Devil's Elixirs" by E. T. A. Hoffmann
- 165 I.A. Moshchenko**
Reflection of Chinese Literature
of the 1940s—50s in the Russian,
Chinese and Western critical papers
- 171 I.A. Kostilyova**
The concept of personality of Vasily Shukshin in the
biography novel by Aleksey Varlamov "Shukshin"
- 176 U.N. Tekanova**
Folklore and mythological foundations
of children's worldview by Lazar' Kokyshev
and Dibash Kainchin
- 181 V.B. Bakula**
The archetype of the Sun in the novel by the Saami
writer Nadezhda Bol'shakova
- 187 O.S. Gorelov**
Principles of surrealist humour
in the poetry of Leonid Shvab
- 192 S.V. Sharifullina**
About the Turkestan exhibition of V.V. Vereshchagin
(based on the article in the magazine "Family Parties")
- 195 T.A. Sklizkova**
The notions "Englishness" and "Russianess"
in Tom Stoppard's film "Anna Karenina"

200 Иващенко Е.Г.

Жанровое своеобразие районных СМИ
Амурской области 1930-х гг.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**205 Окутина Н.Н.**

К вопросу о государственно-правовом регулировании
мещанского самоуправления в России

210 Мельников И.Н., Смирнова О.А.

История становления нотариата
на Костромской земле

214 Саенко С.И.

Диалектический, системный, структурный
и функциональный аспекты научного анализа
норм административного права

218 Черкасов К.В.

Противодействие коррупции на уровне федерального
округа: организационно-правовые аспекты
(на примере Приволжского федерального округа)

222 Кузьмина Н.В.

Особая жестокость при совершении преступления:
понятие и особенности квалификации

225 Кобзарев Ф.М.

К вопросу об определении процессуального статуса
нового свидетеля обвинения в уголовном процессе

229 Кудряшова А.В.

Организационные аспекты деятельности прокуроров
в свете рекомендаций органов Совета Европы
(часть 2)

233 Орловская И.В.

Правотворческая функция прокуратуры
как эффективный способ обеспечения
реализации принципа гласности,
учета общественного мнения
при принятии экологически значимых решений

238 Пашин В.М., Павлюков В.В.

Понятие прокурорского надзора за исполнением за-
конов в сфере оперативно-розыскной деятельности
на современном этапе реформирования
надзорной деятельности прокуратуры

242 Бабичев Д.А.

Механизм принятия оперативно-розыскных реше-
ний: сущность, элементы, отношение к предмету
прокурорского надзора

247 Тетерина О.А., Метелкин А.А., Иванова К.А.

Проблемные вопросы участия прокурора
в рассмотрении судом ходатайства следователя
об избрании меры пресечения

251 Кукушкина Л.А., Редков Н.А.

Правовое воспитание несовершеннолетних
в условиях роста детерминации преступности

256 Ткач А.С.

К вопросу о формировании и деятельности
муниципальной избирательной комиссии

260 Дедюева М.В., Соловьева Д.А.

Проблемные вопросы предложения другой работы
при расторжении трудового договора
по сокращению численности или штата работников

264 Дедюева М.В., Носкова А.Д.

Проблемные вопросы взыскания
с работника расходов на обучение

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**268 Федуленкова Т.Н.**

От историографии до проповеди:
пластика жанра или идиостиля?

200 Ye.G. Ivashchenko

Genre variety of Soviet local mass media
of the Amur region during the 1930s

JURAL SCIENCE**205 N.N. Okutina**

On the issue of the state and legal regulation of petty
bourgeois' self-government in the Russian Empire

210 I.N. Mel'nikov, O.A. Smirnova

The history of the formation of notariat
in Kostroma land

214 S.I. Sayenko

Dialectical, systemic, structural
and functional aspects of the scientific analysis
of administrative law norms

218 K.V. Cherkasov

Anti-corruption at the level of the federal district:
organisational and legal aspects (on the example
of the Volga Federal District)

222 N.V. Kuz'mina

Special cruelty at crime committing:
concept and features of qualification

225 F.M. Kobzaryov

On the issue of determination of the procedural status of
the new witness for the prosecution in criminal procedure

229 A.V. Kudryashova

Organisational aspects of prosecutors' activity
in view of recommendations of bodies
of the Council of Europe (part 2)

233 I.V. Orlovskaya

The law-making function of the Prosecutor's office
as an effective way to ensure the implementation
of the principle of transparency, taking into
account public opinion when making
environmentally significant decisions

238 V.M. Pashin, V.V. Pavlyukov

The concept of the prosecutor's supervision for the
execution of the laws in the sphere of operational-
searching activity at the present stage of reforming
supervisory activity of the prosecutor

242 D.A. Babichev

Mechanism of determining operational-investigative
decisions: essence, elements, relation to the subject of
prosecutor's supervision

247 O.A. Teterina, A.A. Metyolkin, K.A. Ivanova

The problematic issues of the participation of the
prosecutor in the consideration by the court of the
petition of the investigator to elect a preventive measure

251 L.A. Kukushkina, N.A. Redkov

Legal upbringing of minors in the context
of the growth of crime determination

256 A.S. Tkach

On the formation and functioning of the municipal
election commission

260 M.V. Dedyuyeva, D.A. Solov'yova

Problematic issues of another job offer upon
termination of an employment contract to downsize the
number or staff

264 M.V. Dedyuyeva, A.D. Noskova

Financial obligations in employment contract of the
parties: comparative analysis

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE**268 T.N. Fedulenkova**

From historiography to a sermon:
grace of genre or individual style?

РОДОВАЯ УСЫПАЛЬНИЦА ГОТОВЦЕВЫХ В СЕЛЕ ЛИКУРГА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA

В статье, написанной в рамках проекта CIR (Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum), подводятся предварительные итоги исследования комплекса белокаменных надгробных плит из уникального историко-культурного и архитектурного памятника конца XVII в. – родовой усыпальницы галичских служилых людей Готовцевых в селе Ликурга Буйского района Костромской области. В ней сохранилось 11 белокаменных надгробных плит с эпитафиями, самая ранняя из которых датируется концом XVI – началом XVII в., самая поздняя – 1725 г. Надписи на плитах содержат важный материал по генеалогии галичской ветви рода Готовцевых вплоть до её пресечения в первой четверти XVIII в. В приложении к статье публикуется самая древняя намогильная плита с эпитафией Давыду Уракову сыну Готовцеву.

Ключевые слова: *эпиграфика Московской Руси, белокаменные надгробия, Костромская область, село Ликурга, служилое сословие Московской Руси, генеалогия дворянских родов, Готовцевы.*

Галичские служилые люди Готовцевы (Готовцовы), согласно «Бархатной книге», вели начало от ордынского мурзы Ахмета (Ашмета), выехавшего на службу в Москву при Василии Тёмном и крестившегося под именем Петра [11, с. 305–306]. Родовая фамилия образовалась от прозвища его сына Андрея «Готовец», обозначавшего, согласно В.И. Далю, «человека бодрого, быстрого, немешкотного, готового и поспевающего всегда к сроку» [6, с. 388]¹. Первым её носителем был сын Андрея Петровича, носивший, по сведениям В. Руммеля, наряду с именем тюркского происхождения Урак², христианское имя Игнатий [5, с. 433], которое, видимо, являлось его молитвенным именем и в повседневном обиходе не употреблялось.

«Родовое гнездо» Готовцевых в селе Григорьевском, Троицкое тож (совр. село Ликурга Буйского района Костромской области) – уникальный историко-культурный и архитектурный памятник начала 80-х гг. XVII – начала 20-х гг. XVIII в. Его идейно-смысловым центром является окружённое кирпичной оградой с монументальными святыми воротами кладбище с двумя каменными храмами – холодным Троицким и тёплым Архангельским. Оба строились на средства стольника Семёна Васильевича Готовцева. Холодный Троицкий храм с приделом во имя Иоанна Предтечи был заложен в 1682/83 г. и освящён 20 мая 1685 г. (антиминсы выданы 18 марта 1703 г.). Тёплый Рождественский храм с приделами во имя пророка Илии и свт. Николая Чудотворца был построен в 1686 г. (антиминсы выданы 13 апреля) и обновлён в 1721 г. [19, с. 327]³.

У южной стены первого храма в конце XVII в. была сооружена кирпичная родовая усыпальница Готовцевых, не имеющая аналогов среди сельских усыпальниц дворянских родов этого времени. В качестве примера можно привести некрополь Кожиных в с. Гретьково (Кожино тож), к роду которых принадлежал прп. Макарий Калязинский. Не позднее 1612 г., судя по древнейшему датированному надгробию (CIR4032), здесь были выстроены два каменных храма – приходский во имя Рождества Богородицы и храм-усыпальница во имя прп. Макария Калязинского [15, л. 61 об.]. И усыпальница Готовцевых, и Макарьевский храм были сооружены на месте родовых захоронений, совершавшихся на церковном некрополе.

Комплекс белокаменных намогильных плит сохранился полностью и содержит важный материал по генеалогии галичской ветви рода Готовцевых вплоть до её пресечения в первой четверти XVIII в. Десять надгробий, заполнивших всё внутреннее пространство усыпальницы, датируются временем от конца XVI – начала XVII в. (CIR0069) до 1709 г. (CIR0060). Последним по времени памятником является фрагмент плиты-вставки с эпитафией Семёну Васильевичу Готовцеву († 1725, CIR0059).

Впервые к истории с. Ликурга обратился колумб костромских древностей прот. М.Я. Диев в 1833 г. [7, с. 124–130]. Эпиграфическое же наследие усыпальницы Готовцевых вызывало неизменный интерес костромских краеведов с начала 70-х гг. XIX в. Первая публикация эпитафий была сделана уроженцем села Ликурга В.А. Самаряновым в 1871 г. [14, с. 425–435; 15, с. 428, 429]. В 1890 г. их новую публикацию осуществил

И.К. Херсонский [18, с. 46–48 (отд. пагинации)], по которой они были позднее воспроизведены В.Н. Шереметевским в «Русском провинциальном некрополе» [20, с. 221]. Списки с надписей, сделанные прот. М.Я. Диевым, были опубликованы А.А. Титовым в 1909 г. [8, с. IX–X]. Все публикации сделаны гражданским шрифтом с многочисленными ошибками и исправлениями текста эпитафий в соответствии с орфографическими нормами XIX в.

В августе 2016 г. надгробия из родовой усыпальницы Готовцевых были документированы и подготовлены к научному комментированию группой CIR (Corpus inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей)⁴. В данной статье в качестве предварительного результата исследования публикуется самая древняя из сохранившихся надгробных плит с эпитафией Давыду Уракову сыну Готовцеву⁵.

Приложение

Белокаменная надгробная плита с эпитафией Давыду Уракову сыну Готовцеву CIR0069 (Ил. 1, 2).

Наименование памятника. Заготовка эпитафии Давыду Уракову сыну Готовцеву. Конец XVI – начало XVII в.

Местонахождение памятника. Усыпальница Готовцевых в селе Ликурга (совр. Буйский р-н Костромской обл.).

История памятника. Памятник неоднократно перемещался в XX в. Ныне находится внутри родовой усыпальницы Готовцевых, построенной в конце XVII в. у южной стены Троицкого собора.

Описание носителя. Белокаменная надгробная плита трапециевидной формы. По периметру верхней части плиты идёт узор в виде полосы плетёного орнамента. Узор отделён от эпитафического поля плоской полосой. В верхней части эпитафическо-

Ил. 1. Белокаменное надгробие с эпитафией Давыду Уракову сыну Готовцеву. Верхняя грань с эпитафией

Ил. 2. Белокаменное надгробие с эпитафией Давыду Уракову сыну Готовцеву.
Общий вид

го поля вырезана полурозетка, составленная из полосы плетёного узора в шесть перевивов. В центре полурозетки расположен крест, вписанный в круг. Центр креста украшен точкой. Границы полурозетки обозначены плоским полукругом. От нижней части эпиграфического поля отходит нижняя тяга, составленная из полосы плетёного орнамента в шесть перевивов. Орнамент вплетён в орнамент нижней розетки, также состоящей из полосы плетёного орнамента в шесть перевивов. В центре розетки расположен крест, вписанный в круг. От боковых сторон эпиграфического поля отходят полукруглые дуги, украшенные плетёным орнаментом в пять перевивов, отделенные врезной линией от узора центральной розетки. Орнаментальное оформление нижней части плиты отделено от эпиграфического поля тонкой врезной линией, проходящей по границе узора. В центре плиты сохранилась разметка, нанесённая резчиком узора. Поверхность плиты покрыта выбоинами, самая крупная из которых находится над правой боковой дугой. Левая и правая боковые грани плиты покрыты идущими сверху вниз полосами резного узора, состоящими из линии равнобедренных треугольников, обращённых вершинами друг к другу, линии правонаклонных насечек, линии из разреженных аркад и каннелюр и линии левонаклонных насечек.

Описание надписи. Надпись выполнена в технике прямой резьбы, нанесена по графье. Надпись в пять строк. Ниже надписи находятся две строки, намеченные графьёй и оставшиеся незаполненными.

Транскрипция надписи.

лѣтѣ ꙗѣ (клеймо) (vacat)
(vacat) прѣстѣви
рѣ бѣжнѣ даѣвѣ ураковѣ
сѣвѣ готѣцѣ а положѣ
живоначалѣ Троицы
(vacat)
(vacat)

Практическая транскрипция. Лета 7000 (vacat) прѣстѣви(ь) раб Б(о)жии Давыд Ураков с(ы)н Готовцев, а положен Живоначал(ь)ной Троицы (vacat).

Датировка памятника. Конец XVI – начало XVII в.

Обоснование датировки. Отсутствие в эпитафии точной даты смерти, вместо которой оставлены свободные места на камне, свидетельствует о том, что плита с надписью была создана ещё при жизни Д.У. Готовцева. Нижнюю дату её можно определить по отсутствию номера столетия, что позволяет предположить, что надпись была вырезана не позднее 31 августа 1592 г., чему не противоречат её палеографические особенности. Почти полную аналогию декоративному оформлению надгробия дают намогильные плиты Н.И. Плещеева-Охотина († 14 июня 1594 г.) и Савостьяна квасника († 3 марта 1605 г.) из Троице-Сергиева монастыря [3, с. 130, рис. 4.2; с. 133, рис. 6.2]. Распространение же аналогичных узоров на боковых гранях В.И. Вишневецкий датирует второй половиной XVI – первой третью XVII в. [3, с. 130, рис. 4.2; с. 136]. Оформление центральной части

верхней полурозетки и нижней розетки изображением вписанного в круг креста – достаточно редкий пример декоративного оформления надгробных плит. Аналогичное украшение на надгробии неизвестного В.И. Вишневецкий датирует второй половиной XVI – первой половиной XVII в. [3, с. 130, рис. 4.2; с. 135, рис. 7.4]. Более поздний пример даёт полурозетка на белокаменной намогильной плите из московской церкви Всех Святых на Кулишках с той разницей, что нижняя и боковая тяга на данном памятнике декорированы узором «волна». Издатели датируют плиту второй четвертью XVII в. [2, с. 237, № ВСК–1]. Знак тысячелетия сильно разрушен, но его палеографические особенности могут указывать на конец XVI – начало XVII в. (ср.: CIR0701 – 1596 г., CIR0697 – 1603 г.). Таким образом, время создания эпитафии может лежать в пределах конца XVI, самое позднее – начала XVII в.

Публикации:

Рук.: [4, л. 28. № 4] (гражданским шрифтом, по публикации В.А. Самарянова [14, с. 432]) (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.).

Изд.: [14, с. 432] (1871 г., гражданским шрифтом, с сохранением буквенной цифири); [18, с. 47] (1875 г., гражданским шрифтом); [8, с. IX] (1909 г., гражданским шрифтом); [20, с. 221] (1914 г., гражданским шрифтом, по публикации И.К. Херсонского [18, с. 47 (отд. пагинации)]).

В соответствии с камнем публикуется впервые.

Особенности структуры. В эпитафии отсутствуют указания на год, день и месяц смерти. Необычным для времени её создания является указание на место погребения у храма.

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества. Разделение на слова и диакритические знаки отсутствуют. Палеографические признаки букв И (стк. 5), имеющей удлинённую правую мачту, и Ц (стк. 4, 5) с удлинённым хвостом скорее характерны для XV в., но в первой трети XVI в. встречаются как исключение [10, с. 193, табл. 81], а для конца XVI в. выглядят архаичными. Выносная буква Ъ в словах «ѡракѡ» (стк. 3) и гогоѡѡ (стк. 4) вырезана в виде двух изолированных петель. Лигатуры: стк. 1 – лѣ в слове «лѣгѣ»; стк. 2 – пр и лѣ в слове «прѣстѣлѣ»; стк. 4 – ап в словосочетании «а положѣ»; стк. 5 – нѣ и лѣ в слове «живоначѣлно», тр в слове «Тронцы». Контрактуры: ѣжн (стк. 3), сѣгъ (стк. 4). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: рѣ ѣжн, дѣлѣ (стк. 3), гогоѡѡ (стк. 4), живоначѣлно (стк. 5). Оформление окончаний строк с помощью выносных букв и буквенных титл: прѣстѣлѣ (стк. 2), ѡракѡ (стк. 3), положѣ (стк. 4). Надпись наносилась по готовой плите, о чём свидетельствует знак тысячи с титлом, «заехавший» на границу полурозетки (стк. 1). В начале стк. 2 резчик вырезал вертикальную мачту для буквы, но работу не закончил.

В начале стк. 5 возможен пропуск предлога «у», как предполагал В.Н. Шереметевский. Ошибки резчика: в начале второй строки резчик изобразил вертикальную черту, которую можно интерпретировать или как ошибочно поставленную букву I, или как первую вертикальную перекладину буквы П, поставленную при несостоявшейся попытке написать слово «прѣстѣлѣ» с начала строки.

Филологический комментарий. Сокращённое написание сочетаний «согласный + Ъ» или «согласный + Ц»: прѣстѣлѣ (стк. 2), рѣ (стк. 3), дѣлѣ ѡракѡ (стк. 3), гогоѡѡ (стк. 4), положѣ (стк. 4), живоначѣлно (стк. 5).

Текстологический комментарий. 1. ѡ (vacat)] ѡ... (далее ничего не видно) – В.А. Самарянов. 7... (нельзя разобрать) – свящ. И.А. Вишневецкий. 7... – И.К. Херсонский. 7... – В.Н. Шереметевский. 2.) прѣстѣлѣ] преставился – В.А. Самарянов, свящ. И.А. Вишневецкий, И.К. Херсонский, В.Н. Шереметевский. 3. дѣлѣ] Давидъ – В.А. Самарянов, свящ. И.А. Вишневецкий, И.К. Херсонский, В.Н. Шереметевский. ѡракѡ] Урликовъ – В.А. Самарянов, свящ. И.А. Вишневецкий, И.К. Херсонский. Урликов (?) – В.Н. Шереметевский. 5. живоначѣлно] Живоначальные – В.А. Самарянов, свящ. И.А. Вишневецкий, И.К. Херсонский. (у) Живоначальные – В.Н. Шереметевский.

Реально-исторический комментарий. 3–4. дѣлѣ ѡракѡ сѣгъ гогоѡѡ. Отец Давыда, галичский сын боярский Урак Андреев сын Готовцев, вероятно, был первым владельцем села Григорьевское. Сам Давыд в марте 1573 г. вместе с братьями Иваном и Василием был дворянином Государева двора с поместным окладом 200 четей земли и денежным окладом в 15 рублей [17, с. 85]. Старший сын Давыда Дмитрий как галичский служилый человек впервые упоминается под 1587/88 г. [1, с. 63–64, № 44]. Младший сын Давыда Иван в 1596 г. – новик, повёрстанный 160 четями земли [9, с. 128]. 5. живоначѣлно. Тронцы. Первое упоминание церкви Троицы в селе Григоровское, Троицкое тож в письменных источниках.

Полевое документирование. Документировано 15.08.2016 г., код документирования OG0095, код надписи CIR0069.

Операторы документирования. Сергей Пешков, Антон Клейменов, Александр Пешков, Екатерина Романенко, Дарья Анисимова, Евгений Юшин.

Авторы описания. Александр Авдеев, Глеб Донской.

Примечания

¹ Ср.: [16, с. 99], где слово «урак» и его родственные связаны с народным обозначением жимолости голубой (*Lonicera coerulea* L.).

² Очевидно, этимология имени восходит к татарскому «урак» – серп, жатва (см.: [12, с. 271; s. v. Ур*]).

³ Дату начала и окончания строительства Троицкой церкви уточняет утраченная надпись в клейме

в правой части цоколя иконостаса, дату обновления Рождественской церкви – утраченная надпись в клейме в цоколе в правой части иконостаса напротив правого клироса [14, с. 428; 13, с. 131–138].

⁴ О методике документирования, принципах научного описания и комментирования надписей Московской Руси см. сайт Свода: sig.rssda.su.

⁵ Публикация осуществлена в соответствии с правилами, принятыми в CIR.

Библиографический список

1. Акты служилых землевладельцев конца XV – начала XVII века. Т. 2 / сост. А.В. Антонов. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 608 с.

2. Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие: каталог. – М.: ООО «ТМ Продакш», 2017. – 765 с.

3. Вишневецкий В.И. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. – М.: ИА РАН, 2013. – Вып. 9. – С. 125–139.

4. Вишневецкий И.А., свящ. Буйского уезда село Троицкое в Ликурге // Государственный архив Костромской области. – Ф. 179. – Оп. 2. – Д. 73.

5. В. Р[уммель]. Готовцовы // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типо-лит. И.А. Корина, 1893. – Т. 9. – С. 433.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880. – LXXXVIII, 699 с. (репр.: М., 1979).

7. Диев М.Я., прот. О селе Ликурге // Записки и труды Общества истории и древностей Российских при Московском университете. – 1833. – Ч. 6. – С. 24–130.

8. [Диев М.Я.]. Старинные волости и станы в Костромской стороне: Материалы для Историко-географического словаря Костромской губернии / предисл. Ан. Титова. – М., 1909. – XV, 62, IV с.

9. Лихачёв Н.П. Десять новиков, поверстаных в 1596 году // Известия Русского генеалогического общества. – СПб.: Сириус, 1909. – Вып. 3. – Отд. II. – С. 113–209.

10. Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // Археология СССР. Свод археологических источников. – М.: Наука, 1971. – Вып. Е1–49. – 194 с.

11. [Новиков Н.И.] Родословная Книга князей и дворян Российских и выезжих [...] изданная по самовернейшим спискам. Ч. 2. – М.: В Университетской тип. у Н. Новикова, 1787. – 453 с.

12. Остроумов Н. Татарско-русский словарь. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1892. – IV, 246 с.

13. Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. 10. Буйский район, Сусанинский район / ред. И.Ю. Кондратьева, Е.Г. Щеболева. – Кострома: Костромаиздат, 2008. – 343 с.

15. Переписная книга поместных и вотчинных земель по Кашинскому уезду 1628/29 г. // Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 173.

14. Самарянов В.А. Троицкая церковь, что в Ликурге Костромской губернии, в Буйском уезде // Труды I Археологического съезда в Москве 1869. – М.: Синодальная тип., 1871. – Т. 2. – С. 425–435.

15. Самарянов В.А. Троицкая церковь, что в Ликурге, Костромской губернии, в Буйском уезде // Костромские губернские ведомости. – 1875. – № 45–47. – С. 428, 429.

16. Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1972. – Вып. 7. – 355 с.

17. Список опричников Ивана Грозного / подг. текста и предисл. Д.Н. Альшица. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. – 152 с.

18. Херсонский И.К. Сведения о некоторых памятниках старины, доставленные в Костромскую ученую комиссию от церковей Костромской епархии // Костромская старина. – Кострома, 1890. – Вып. 1. – С. 1–74 (отд. пагинации).

19. Холмогоровы В.И. и Г.И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церковей 1628–1710 и 1722–1746 гг. – Кострома: Губернская тип., 1895. – 403, III, VII с.

20. [Шереметевский В.Н.]. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. – М.: Тов-во И.И. Кушнерев и К^о, 1914. – 1008 с.

References

1. Akty sluzhilyh zemlevladel'cev konca XV – nachala XVII veka. T. 2 / sost. A.V. Antonov. – M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. – 608 s.

2. Berkovich V.A., Egorov K.A. Moskovskoe belokamennoe nadgrobie: katalog. – M.: ООО «ТМ Продакш», 2017. – 765 s.

3. Vishnevskij V.I. Ornament belokamennyh srednevekovykh nadgrobij Troice-Sergieva monastyrya: analiz i hronologiya // Arheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminar. – M.: IA RAN, 2013. – Вып. 9. – С. 125–139.

4. Vishnevskij I.A., svyashch. Bujskogo uezda selo Troickoe v Likurge // Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F. 179. – Op. 2. – D. 73.

5. V. R[ummel']. Gotovcovy // Enciklopedicheskij slovar' / F.A. Brokgauz, I.A. Efron. – SPb.: Tipo-lit. I.A. Korina, 1893. – T. 9. – S. 433.

6. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 1. – SPb.; M.: Izd. M.O. Vol'fa, 1880. – LXXXVIII, 699 s. (repr.: M., 1979).

7. Diev M.YA., prot. O sele Likurge // Zapiski i trudy Obshchestva istorii i drevnostej Rossijskih pri

Moskovskom universitete. – 1833. – CH. 6. – S. 24–130.

8. [Diev M.YA.]. Starinnye volosti i stany v Kostromskoj storone: Materialy dlya Istoriko-geograficheskogo slovarya Kostromskoj gubernii / predisl. An. Titova. – M., 1909. – XV, 62, IV s.

9. Lihachyov N.P. Desyatny novikov, poverstannyh v 1596 godu // Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva. – SPb.: Sirius, 1909. – Vyp. 3. – Otd. II. – S. 113–209.

10. Nikolaeva T.V. Proizvedeniya russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisyami XV – pervoj chetverti XVI v. // Arheologiya SSSR. Svod arheologicheskikh istochnikov. – M.: Nauka, 1971. – Vyp. E1–49. – 194 s.

11. [Novikov N.I.] Rodoslovnaya Kniga knyazej i dvoryan Rossijskikh i vyezhhih [...] izdannaya po samovernejshim spiskam. CH. 2. – M.: V Universitetskoj tip. u N. Novikova, 1787. – 453 s.

12. Ostroumov N. Tatarsko-russkij slovar'. – Kazan': Tip. Imperatorskogo un-ta, 1892. – IV, 246 s.

13. Pamyatniki arhitektury Kostromskoj oblasti: katalog. Vyp. 10. Bujskij rajon, Susaninskij rajon / red. I.YU. Kondrat'eva, E.G. SHCHEboleva. – Kostroma: Kostromaizdat, 2008. – 343 s.

15. Perepisnaya kniga pomestnyh i votchinnyh zemel' po Kashinskomu uezdu 1628/29 g. // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. – F. 1209. – Op. 1. – D. 173.

14. Samaryanov V.A. Troickaya cerkov', chto v

Likurge Kostromskoj gubernii, v Bujskom uezde // Trudy I Arheologicheskogo s"ezda v Moskve 1869. – M.: Sinodal'naya tip., 1871. – T. 2. – S. 425–435.

15. Samaryanov V.A. Troickaya cerkov', chto v Likurge, Kostromskoj gubernii, v Bujskom uezde // Kostromskie gubernskie vedomosti. – 1875. – № 45–47. – S. 428, 429.

16. Slovar' russkikh narodnyh govorov. – L.: Nauka, 1972. – Vyp. 7. – 355 s.

17. Spisok oprichnikov Ivana Groznogo / podg. teksta i predisl. D.N. Al'shica. – SPb.: Rossijskaya nacional'naya biblioteka, 2003. – 152 s.

18. Hersonskij I.K. Svedeniya o nekotoryh pamyatnikah stariny, dostavlennye v Kostromskuyu uchenuyu komissiyu ot cerkvej Kostromskoj eparhii // Kostromskaya starina. – Kostroma, 1890. – Vyp. 1. – S. 1–74 (otd. paginacii).

19. Holmogorovy VI. i G.I. Materialy dlya istorii Kostromskoj eparhii. Otd. 1. Galichskaya desyatina s prigorody Soligalichem, Sudaem, Unzheyu, Kologrivom, Parfen'evym i CHuhlomoyu zhilyh dannyh cerkvej 1628–1710 i 1722–1746 gg. – Kostroma: Gubernskaya tip., 1895. – 403, III, VII c.

20. [SHeremetevskij V.N.]. Russkij provincial'nyj nekropol'. T. 1. Gubernii Arhangel'skaya, Vladimirskaya, Vologodskaya, Kostromskaya, Moskovskaya, Novgorodskaya, Oloneckaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburskaya, Tverskaya, YAroslavskaya i Vyborgskoj gubernii monastyri Valaamskij i Konevskij. – M.: Tov-vo I.I. Kushnerev i Ko, 1914. – 1008 s.

Джабаева Тахмина Чарагановна

кандидат исторических наук

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
tahmina.dji@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРУПНОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА КУМЫКСКОЙ РАВНИНЕ ДАГЕСТАНА С XVI ДО СЕРЕДИНЫ XVIII ВВ.

Статья посвящена детальному анализу истории формирования феодальной земельной собственности кумыкских князей Дагестана, ее особенностей, роли семейно-родового фактора. Отмечается осторожность и предусмотрительность царской власти в установлении связей с владельцами Дагестана, в том числе и с кумыкскими князьями. Кроме того, приводятся данные об образовании взаимовыгодных отношений между кумыкскими князьями Дагестана и царской властью. Отмечается, что к 1722 г. земля на кумыкской равнине Дагестана уже была в полной собственности княжеской фамилии. Позднее выданные царской властью документы лишь подтверждали и в определенной мере регламентировали землепользование князей.

В статье делается вывод о том, что задолго до XVIII века земли кумыков находились в потомственном владении кумыкских князей. В четвертом колене после Султан-Мута – родоначальника кумыкских князей – (примерно в начале XVIII в.) земли его были разделены на участки по числу княжеских родов, которые владели ими вместе, не деля между собой.

Ключевые слова: Дагестан, землевладение, кумыкская равнина, князья, потомки, царская власть, захват земель, документы.

В Дагестане до 60-х годов XIX в. значительная часть используемых земель находилась в частной феодальной собственности. В зависимости от типа хозяйства и естественно-географических условий эта собственность выступала в разных видах.

В равнинных и предгорных районах Дагестана преобладала крупная и мелкая вотчинная собственность, в основном на пахотные земли и на зимние пастбища, в горных районах – крупная феодальная собственность на летние пастбищные земли. Фонд пахотных земель, находившихся в собственности феодалов, был относительно невелик.

На кумыкской равнине большая часть земельного фонда была собственностью крупных феодалов. Здесь 10 княжеским фамилиям принадлежало в общей сложности более 4000 тыс. десятин, а бекам и чанкам – 150 тыс. десятин. Князья открыто настаивали на полном и безусловном признании за ними собственности на всю земельную площадь.

Комиссия по исследованию положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области отметила, что «... в течение периода с 1722 г. до 50-х годов XIX века, ввиду отсутствия каких-либо письменных или устных законов общественного устройства, правил землевладения и землепользования, при шатких и меняющихся обычаях, у местного населения захват земель происходил произвольно, руководствуясь интересами сильных: влиятельные и сильные люди – князья и дворяне, пользуясь своей силой, захватывали на своих территориях наилучшие и в больших количествах земли, обездоливая и ставя в кабальную зависимость простой народ» [11, с. 286]. В материалах комиссии также отмечено, что для расположения к себе влиятельной верхушки дагестанского общества, способной повлиять на местное население в процессе завоевания царизмом края,

главная распорядительная власть в Дагестане сама раздавала, не имея на то законных полномочий, туземные земли и сквозь пальцы смотрела на самые широкие земельные захваты отдельными лицами, способствуя тем самым заложению фундамента института крупной феодальной поземельной собственности [11, с. 286].

Опираясь на многочисленные исторические источники, мы подтверждаем, что к 1861 году вся земля Засулакской Кумыкии (Эндреевское, Аксаевское и Костекоское владения) находилась в собственности князей. Но с источниками формирования земельного фонда к 1722 году и дальнейшей роли в этом процессе царской распорядительной власти не все так однозначно.

Приступая к исследованию вопроса об истории формирования земельного фонда кумыкских князей, мы начали с XVI в., когда вся земля, населенная кумыками (от Буйнака до Терека и вглубь Дагестана – до Кадара и Дургели), называлась шамхальством Тарковским.

С распадом Золотой Орды в Дагестане происходил процесс дробления крупных феодальных образований на мелкие уделы. Из обширного шамхальства выделился ряд новых самостоятельных владений – Дженгутаевское, Баматулинское, Буйнакское, Эндреевское. Впоследствии, в XVII в., из Эндреевского владения выделились Аксаевское и Костекоское.

Правителем Эндреевского бийлика во второй половине XVI в. был Султан-Мут – родоначальник кумыкских князей.

Из истории нам известно, что в 1577 г. в селе Буйнак после смерти дагестанского шамхала Чопан-Шамхала осталось пять сыновей. Четверо из них были от первой жены, дочери Султан-Ахмеда Уцмиева. От второй жены, кабардинки из рода Анзоровых, не имеющего княжеского звания,

шамхал имел еще одного сына по имени Султан-Мут. После смерти отца старшие братья отказались признать в Султан-Муте равного себе члена семейства и лишили его наследства [5, с. 40]. Султан-Мут, решив, что братья поступили с ним несправедливо, отправился в Кабарду. Там с помощью родственников матери ему удалось собрать небольшой военный отряд. С ним он вернулся в селение Гельбах, жители которого приняли его с почестями и решили помочь ему. Опираясь на эти силы, Султан-Мут выступил против своих братьев и потребовал от них выделения законной части наследства. Братья вынуждены были уступить его требованиям и дали ему из наследственных владений земли, принадлежавшие Чопан-Шамхалу. Они располагались на правом берегу Сулака от моря до Черкеевских гор, и занимали пространство от Сулака на север и запад до Терека и Сунжи и на восток до Каспийского моря.

Из Гельбаха Султан-Мут перешел в Эндреевское владение [7, с. 155]. Здесь были построены укрепления и большие села, где он поселил подвластных ему жителей, дав им пахотные земли и другие угодья, за которые он получал «ясака» и «булку» [9, д. 169, л. 45]. Таким образом, Султан-Мут взял под свою власть эти земли и население и основал отдельное от других братьев правление.

Эндреевское владение было главным в то время и самым крупным населенным пунктом на Кумыкской равнине, резиденцией старших князей засулакских кумыков. Здесь находились крупный торговый центр и известные на всем Северном Кавказе учебные заведения – медресе.

Формирование крупной феодальной земельной собственности на кумыкской равнине продолжилось, когда в 40-х годах XVII века Султан-Мут выделил одному из своих младших сыновей, Алибеку, земельный надел в среднем течении реки Аксай. Спустя несколько лет после смерти отца, примерно в 1651 году, сын поселился в кабаках у реки Аксай и один из них избрал своей резиденцией, дав ему название реки Аксай, на правом берегу которой он и был расположен. Кабак, названный по имени реки, быстро перерос в городок, который укрепился экономически и приобрел политическое значение как центр нового феодального государственного образования – Яхсай бийлик [2, с. 16]. С этого времени им правили феодальные владетели – бии, потомки Султан-Мута, и старший владетель носил титул «уллубий». Кумыкское селение быстро вступило в торговые сношения с укрепленными русскими городками Терки и Сунжино, а также со станицами терских и Сунженских казаков.

Эндреевское владение перешло к сыновьям Султан-Мута Айдемиру и Казаналипу. Впоследствии его внуки и правнуки, получив свои уделы, поселились: один в Аксае, другие в Костеке и Казии-Юрте. В своем очерке «Рассказ кумыка о кумыках»

Давлетмурза Шихалиев подтверждает информацию о том, что «Костек основан Алишем Хамзиным» в 60–70-х годах XVII столетия. Хамза же был сыном Казаналипа, уллубия Эндреевского владения. Таким образом, получается, что Костек был основан Казаналиповыми, эндреевскими биями, потомками Султан-Мута. Постепенно он разросся и к началу XVIII века стал «башгентом» – «стольным градом» формировавшегося тогда феодального государственного образования – удельного княжества «Костек-бийлик». В этом бийлике, как и в Эндреевском и Аксаевском владениях, все земли без исключения составляли полную собственность княжеских родов, прежде всего Казаналиповых и Хамзиных, потомков Султан-Мута [2, с. 15].

Аксаевское и Костековское владения, хоть и считались самостоятельными, тем не менее на деле находились в зависимости от Эндреевского.

Таким образом, еще задолго до XVIII века земли кумыков находились в потомственном владении кумыкских князей. В четвертом колене после Султан-Мута (примерно в начале XVIII в.) земли его были разделены на участки по числу княжеских родов, которые владели ими вместе, не деля между собой [12]. Так, земли Куру, Алак, Харч, Гачалатау и другие, которые принадлежали Султан-Муту, стали собственностью четырех княжеских фамилий – Айдемировых, Темировых, Каплановых, Хамзаевых.

Постепенно появлялись единоличные владения, которые образовались в результате покупки князьями земли и выделения им части из общего состояния [4, с. 120]. Князья, «будучи полноправными владетелями земли», отдавали ее за «известную» плату «в вечное пользование людям свободным и чагарам» [1, с. 19].

В «Трудах» поземельной комиссии отмечается, что с начала XVIII в., когда царские власти стали устанавливать связи с владетелями Дагестана, в том числе и с кумыкскими князьями, а также вмешиваться в их земельные отношения, представители царской администрации стали раздавать ордера, охранные листы, билеты и т. д. на право строить деревни, хутора с пожизненным правом владения деревнями и прилегающими к ним земельными угодьями. С течением времени, после урегулирования земельного вопроса в крае, эти выданные листы представлялись владельцами их как санкционированное право на поземельную собственность [11, с. 286].

Однако отметим, что, исходя из вышеизложенной истории формирования крупной кумыкской поземельной собственности, мы можем утверждать, что к этому времени князья и без данных охранных листов и билетов владели кумыкскими землями. Охранные документы лишь подтверждали и в определенной мере регламентировали землепользование князей.

Регламентирующий характер охранных документов подтверждает история, когда в 1711 году Петр I направил в городок Терки князя А. Бековича-Черкасского, чтобы он «вошел в сношения с кумыцкими» феодальными владетелями, прежде всего с уллубием Аксая. Во время пребывания в Терках князь Бекович-Черкасский встречался с влиятельными феодалами и уллубием Аксая и узнал об их благосклонном отношении к России. В это время Аксаевским владением управлял тесть шамхала Султан-Махмуд. Согласно охранному листу, данному Султан-Махмуду по повелению Петра I 18 сентября 1722 года, в его владениях запрещалось чинить обиды, наезды и собирать налоги, кроме того, ему назначалось жалованье [7, с. 155].

Кроме того, имеется письмо пятерых сыновей Хамзы (сына Султан-Мута) Петру I, в котором, ссылаясь на верность и преданность отца государю, пять сыновей – Айдемир-бег, Кебек-бег, Муртаза Али-бег, Темир-бег и Анд-бег – также готовы служить верно и быть в послушании. Все указы и повеления готовы выполнять [6, с. 29].

В свою очередь кумыцкие князья рассчитывали на определенные гарантии защиты со стороны Российской империи от притязаний и набегов соседних владений и компенсаций в случае ущерба. В письме аксаевского владетеля прежде всего отмечается его верная служба России, далее претензия о том, что он, в отличие от отца и деда, не пожалован милостью Его Императорского Величества. Речь шла об ущербе, нанесенном калмыками, и в случае подобных неприятельских нападений владетель Аксая требует помощи терских и донских казаков. Коллегия иностранных дел удовлетворила требования аксаевского владетеля. Ему назначалось жалованье, калмыки обязаны были возместить ущерб, донские и терские казаки в дальнейшем должны были гарантировать поддержку и защиту [6, с. 43].

Имеются письма и других кумыцких князей – Андреевского и Костековского владений – кизлярскому коменданту, в которых содержатся жалобы и просьбы в содействии решению того или иного вопроса, поимке или разоблачении вора и др. [8, т. 2, с. 107].

О сложившихся взаимоотношениях кумыцких князей с царской властью к 1722 году свидетельствует встреча по прибытию в Дагестан Петра I не только с шамхалом Тарковским, но и с аксаевским владетелем. В знак уважения и верности 28 июля 1722 г. они с почестями встречали русского императора. Шамхал Тарковский передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пополнение провианта, также 3 персидских лошади; 6 лошадей и 100 быков на содержание войска подарил аксаевский владетель [3, т. 1, с. 23].

Укрепляя крупное феодальное землевладение в интересах господствующего меньшинства и не-

ограниченного полновластия ханов, беков, шамхалов, уцмиев, майсумов и частично чанок, царская власть в рамках завоевательной политики снабжала князей «грамотами», «орденами», «билетами», «охранными листами», что свидетельствовало об именно признании прав кумыцких князей на землю, а не о даровании земельных участков [10, с. 305].

Необходимо отметить роль Андреевского правителя Султан-Мута в истории кумыцкого народа. Имя Султан-Мута вошло в историю как храброго, воинственного и предприимчивого правителя Андреевского бийлика. Можно предположить, что, возможно, если бы не данная личность в истории Дагестана, судьба обширных земельных угодий Засулакской Кумыкии была бы иной. Вместе с тем лучшая территория Дагестана – Северная Кумыкия, а это богатые пахотные места, тучные пастбища, леса и вода – никогда не осталась бы в свободном доступе и без своего феодального правителя.

Политика укрепления феодальной собственности по отношению к ханам последовательно проводилась до ликвидации ханств в Дагестане, то есть до 60-х годов XIX в., а по отношению к бекам – до середины 1913 г.

С 60-х годов XIX века в политике царизма в земельном вопросе происходили существенные перемены, что было связано с окончанием Кавказской войны. С этого времени правительство решительно переходило от признания вотчинных прав местных феодалов к их пересмотру и ограничению.

Библиографический список

1. Алиев Б.Г. Формы землевладения в Дагестане в XVII–XVIII вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1988. – С. 4–30.
2. Банмурзаева Ш.Б. Роль султан-Мута в становлении и развитии феодальной государственности в Засулакской Кумыкии в конце XVI – первой половине XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – 22 с.
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.: в 3 т. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1869. – Т. 1. – 548 с.
4. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1961. – 367 с.
5. Гасан-Эфенди Алкадари. Асари-Дагестан (исторические сведения о Дагестане) / пер. и прим. Али Гасанова (Алкадари). – Махачкала: Изд. Дагестанского науч.-исслед. ин-та, 1929. – 184 с.
6. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сб. документов / под ред. В.Г. Гаджиева. – М.: Наука, 1988. – 355 с.
7. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. – Махачкала: Дагестанское книж. изд-во, 1957. – 408 с.

8. Памятники права народов Дагестана: в 2 т. – М.: Проспект, 2011. – Т. 2: Антология памятников права народов Северного Кавказа. – 440 с.

9. Происхождение жителей и об их правах в пользовании землей // РФ ИИАЭ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 20–50.

10. Рамазанов Х.Х. Аграрная политика русского царизма и проблемы земельных отношений в Дагестане // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала: Дагестанское книж. изд-во, 1988. – С. 305–308.

11. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землеустройства в Нагорной полосе Терской области, с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной полосы с пояснительной запиской к указанным проектам. – Владикавказ: Электротпечатня К. Григорьева, 1908. – С. 370.

12. Шихалиев Д.М. Статьи о кумыках // Кавказ. – Тифлис, 1848. – № 11.

References

1. Aliev B.G. Formy zemlevladieniya v Dagestane v XVII–XVIII vv. // Razvitie feodal'nyh otnoshenij u narodov Severnogo Kavkaza. – Mahachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo, 1988. – S. 4–30.

2. Banmurzaeva SH.B. Rol' sultan-Muta v stanovlenii i razvitii feodal'noj gosudarstvennosti v Zaslakskoj Kumykii v konce XVI – pervoj polovine XVII vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Mahachkala, 2007. – 22 s.

3. Butkov P.G. Materialy dlya novej istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.: v 3 t. – SPb.: Tip. Imper. Akad. nauk, 1869. – Т. 1. – 548 s.

4. Gadzhieva S.SH. Kumyki: istoriko-etnograficheskoe issledovanie. – М.: Nauka, 1961. – 367 s.

5. Gasan-Efendi Alkadari. Asari-Dagestan (istoricheskie svedeniya o Dagestane) / per. i prim. Ali Gasanova (Alkadari). – Mahachkala: Izd. Dagestanskogo nauch.-issled. in-ta, 1929. – 184 s.

6. Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.: sb. dokumentov / pod red. V.G. Gadzhieva. – М.: Nauka, 1988. – 355 s.

7. Magomedov R.M. Obshchestvenno-ekonomicheskij i politicheskij stroj Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov. – Mahachkala: Dagestanskoe knizh. izd-vo, 1957. – 408 s.

8. Pamyatniki prava narodov Dagestana: v 2 t. – М.: Проспект, 2011. – Т. 2: Antologiya pamyatnikov prava narodov Severnogo Kavkaza. – 440 s.

9. Proiskhozhdenie zhitelej i ob ih pravah v pol'zovanii zemlej // RF IIAE. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 20–50.

10. Ramazanov H.H. Agrarnaya politika russkogo carizma i problemy zemel'nyh otnoshenij v Dagestane // Razvitie feodal'nyh otnoshenij u narodov Severnogo Kavkaza. – Mahachkala: Dagestanskoe knizh. izd-vo, 1988. – S. 305–308.

11. Trudy komissii po issledovaniyu sovremennoego polozheniya zemlepol'zovaniya i zemlevladieniya v Nagornoj polose Terskoj oblasti, s prilozheniem proektov o zemel'nyh pravah, o napravlenii pozemel'nyh sporov i o razmezhevanii zemel' i zemleustrojstve zhitelej Nagornoj polosity s poyasnitel'noj zapiskoj k ukazannym proektam. – Vladikavkaz: Elektropechatnya K. Grigor'eva, 1908. – S. 370.

12. SHihaliyev D.M. Stat'i o kumykah // Kavkaz. – Tiflis, 1848. – № 11.

Бенда Владимир Николаевичкандидат исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин
bvn.1962@mail.ru**Козлов Николай Дмитриевич**доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин
kozni49@yandex.ru

О ПРИЧИНАХ ХИЩЕНИЙ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ФИНАНСОВЫХ СРЕДСТВ В ВОЕННОМ ВЕДОМСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА И МЕРАХ БОРЬБЫ С НИМИ (на примере Московской артиллерийской конторы)

В статье затрагивается тема результатов проведения комплексной ревизии денежных и материальных средств в местах их хранения и содержания, проведенной в соответствии с указанием Сената в середине второй половины XVIII в. На примере деятельности Московской артиллерийской конторы – отделения Главного военного органа управления артиллерийским и инженерным корпусами в Москве – рассматриваются проблемы обеспечения целостности и сохранности государственных финансовых и материальных средств в этом учреждении. Автор анализирует причины, приведшие к массовым хищениям денежных и материальных средств в Московской артиллерийской конторе и излагают итоги проведенного расследования по данному факту. Показаны меры ответственности, к которой были привлечены должностные лица конторы, виновные или причастные к этим злоупотреблениям. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, в научный оборот вводятся ранее не опубликованные архивные документы.

Ключевые слова: XVIII в., Екатерина II, Канцелярия главной артиллерии и фортификации, Московская артиллерийская контора, финансовые и материальные средства, хищения, специальная комиссия.

В 1774 г. указами Правительствующего сената (далее ПС) было предписано, чтобы во всех местах хранения материальных и денежных средств «...онные немедленно имеющиеся у них денежные суммы при собрании всех членов освидетельствовали и о смотре наличия денег рапортовали Сенату» о том, сколько денежных средств было выявлено на момент проверки и «...сколько оных быть должно» [1, л. 2], то есть необходимо было провести неотложную ревизию денежных средств, «...поверив наличное состояние их по книгам» [8, с. 291] (имеются в виду приходно-расходные книги учета и движения материальных и денежных средств). Вследствие этого предписания такая ревизия была проведена и в Московской артиллерийской конторе (с 1722 г.). В ходе этой ревизии была «освидетельствована денежная казна», то есть наличие необходимых денежных средств в кассе. По результатам проверки оказалось, что у ответственного за казну (в те времена это была цалмейстерская должность) квартирмейстера (должностное лицо в обер-офицерском звании, отвечавшее за продовольственное, финансовое и другие виды снабжения армии) Иевлева была выявлена недостача денежной казны в размере 141 850 р. [1, л. 2].

О данном факте сразу было доложено в ПС, который дал указание о немедленном начале следствия по данному факту. Причем ввиду того, что руководящие должностные лица артиллерийской конторы были причастны к данному правонарушению, так как в соответствии с должностными обязанностями должны были отвечать за сохран-

ность, целостность и правильность расходования денежных средств, получаемых от государства, ПС учредил для проведения следствия специальную комиссию [1, л. 2]. Но едва эта комиссия закончила расследование всех обстоятельств выявленной недостачи денежных средств в кассе Московской артиллерийской конторы, как Канцелярия главной артиллерии и фортификации (далее КГАиФ) доложила в ПС о новом хищении, состоявшего в том, что «...у артиллерии капитана Чевкина на бытность его при Московском арсенале цейхвартером (ответственный за хранение материальных средств артиллерийского и инженерного корпусов) не явилось амуниционных вещей по цене на 106 153 р.» [1, л. 2 об.].

Ввиду возможной связи двух правонарушений расследование вновь выявленного хищения было поручено той же комиссии, которая занималась расследованием недостачи денежных средств в кассе артиллерийской конторы. Комиссия по результатам своего расследования пришла к заключению, что растрата или хищение денежных средств у квартирмейстера Иевлева и материальных средств у капитана Чевкина могла произойти по вине самих руководящих должностных лиц артиллерийской конторы. Оказалось, что при назначении на материально ответственные должности того же Иевлева были нарушены требования указа от 1714 г., которым предписывалось, чтобы материально ответственные лица более одного года не находились в должности, после чего их необходимо было заменять другим человеком. А квартирмейстер Иевлев мало того что был молодым офицером,

так еще и *находился в цалмейтерской должности более трех лет* [1, л. 4]. Другими инструкциями и указами также предписывалось, чтобы наличие денежных средств в кассе (казне) проверялось ежемесячно и ежегодно всеми ответственными должностными лицами артиллерийской конторы. Касса (казна) при этом должна была опечатываться печатью главного должностного лица и других чинов, в обязанности которых входила эта процедура. Это требование не выполнялось. Это привело к тому, что и сам Иевлев, пользуясь бесконтрольностью со стороны старших начальников, стал проявлять халатность при исполнении своей должности и лично перестал контролировать сохранность и целостность денежных средств (денежной казны). Иевлев стал перепоручать прием и выдачу денежных средств из кассы своему помощнику канцеляристу Ведякину, которому доверял ключ и печать от кладовых [1, л. 6]. Иногда получалось так, что только один Ведякин принимал и выдавал деньги кому хотел, в том числе и по распискам некоторым руководящим должностным лицам (так называемым присутствующим) артиллерийской конторы. Например, начальник артиллерийской конторы (главный присутствующий) генерал-поручик Мартынов получили таким образом из кассы около 4000 р., генерал-майор Аммосов – до 3000 р., ассессор Сабуров, который должен был осуществлять контроль за правильностью приема и расходования денежных средств в кассе – до 9000 р. [8, с. 292].

Специальной комиссии, расследовавшей эти злоупотребления, вышеперечисленные лица в свое оправдание заявляли, что денежные средства из кассы ими брались в зачет причитающегося им денежного жалования, а казна не проверялась ими потому, что над нею должен был быть «особый присмотр» со стороны Сабурова. Комиссия не сочла нужным принять данный аргумент за оправдание, так как сверх определенных должностных лиц, контролирующих казну, и старшие начальники артиллерийской конторы обязаны были осуществлять контроль за правильностью расходования денежных средств из казны. Однако главные чины артиллерийской конторы мало того что не делали этого сами, так еще когда Сабуров ходатайствовал перед ними о проведении необходимых ревизий денежной казны с их участием, оставляли его ходатайство без всякого удовлетворения. Сверх этого главные должностные лица артиллерийской конторы в 1774 г. пошли на явный подлог, доложив в КГАиФ, что денежная казна якобы «...хранится в особых палатах и состоит к отдаче в готовности и в надлежащее время присутствием свидетельствуется» [1, л. 7 об.]. На самом деле к моменту их доклада в КГАиФ в кассе Московской артиллерийской конторы уже была существенная недостача денежных средств.

Комиссия также установила, что главные должностные лица артиллерийской конторы своим халатным отношением к исполнению контролирующих функций способствовали хищениям капитаном Чевкиным материальных средств, хранившихся в складах (магазинах). Опять же, специальными инструкциями, указами и законами предписывалось, чтобы старшие воинские чины (в данном случае старшие воинские чины Московской артиллерийской конторы) в середине декабря каждого года осматривали магазины и проверяли наличие в них соответствующего имущества. Однако за время нахождения Чевкина в должности цейхвартера этого не делалось на протяжении более двух лет. Также при приеме Чевкиным от поставщика, фабриканта Грунта, сукна и других материалов кто-то должен был лично присутствовать при этом из главных должностных лиц артиллерийской конторы и ярлыками со своей печатью опечатывать принимаемое имущество и материалы. *Однако такого члена приемной комиссии материальных средств даже не назначали!* Опять же, пользуясь бесконтрольностью со стороны старших чинов, Чевкин, как и Иевлев, стал поручать печать и ключи от складов своему помощнику – цейхдиреру Катеринину [8, с. 292].

Было выявлено еще одно нарушение со стороны старших должностных лиц артиллерийской конторы. В 1772 г. капитана Чевкина в его должности сменил цейхвартер Филипов. Однако прием сукна от поставщика Грунта продолжал осуществлять все тот же Чевкин! Вскоре на складах была обнаружена недостача более 200 000 аршин (≈ 142000 м) сукна и каразеи [1, л. 11] (грубая шерстяная ткань). Но и после этого Московская артиллерийская контора умолчала о злоупотреблениях Чевкина и Грунта, вследствие чего КГАиФ разрешила продолжать поставку сукна на следующие годы все тому же подрядчику Грунту, благодаря чему хищения приняли еще больший размер. Следственной комиссией был допрошен фабрикант Грунт, который показал, что тех должностных лиц артиллерийской конторы, от которых зависело подписание актов приема и выдачи денег за якобы поставленную продукцию в соответствии с ложными рапортами Чевкина, он «...одаривал сукном, напитками, товарами и деньгами» [1, л. 11 об.]. Это подтвердил и Чевкин, но все упомянутые должностные лица конторы отрицали эти обвинения. Ввиду отсутствия явных улик и отрицания этого злоупотребления всеми виновными, следственная комиссия приняла решение показания Грунта «...оставить и предать воли Божьей, пока оно впредь само объявится» [8, с. 293]. Кстати, из всех старших должностных лиц артиллерийской конторы сознался в приеме подношений от Грунта только один генерал-майор Аммосов, который показал, что на самом деле Грунт доставлял ему к праздникам и на

именины сахар, чай, сукна и разные напитки, но принимал он эти подношения только из-за уважения к Грунту, а не за подписание соответствующих актов и других бумаг [1, л. 19 об.].

По результатам следствия, которое продолжалось несколько лет, 29 июня 1781 г. указом императрицы Екатерины II из Правительствующего сената все виновные в данных правонарушениях и злоупотреблениях были отданы под суд или привлечены к другой ответственности. В преамбуле указа были обозначены те или иные нарушения и проступки всех должностных лиц артиллерийской конторы, которые напрямую или косвенно потворствовали совершению этих преступлений. Так, например, «...присутствовавшие в той конторе артиллерии *генерал-поручик Мартынов, генерал-майор Аммосов, инженер-полковник Уваров* оказались виновными в небрежности должности их, несмотрении за имевшими на руках своих деньги и вещи при них, в неосвидетельствовании казны, во взятии под расписки казенных денег и в несправедливом доношении начальству об их целостности и исправности во всем. *Асессоры Долгов, Сабуров* не только в равном преступлении, но по бытности смотрителем над казной – в участии с похитителями забором денег, поверением печати другим и знанием обмана в перекладке мешков. *Контролер Хрущов* – в не освидетельствовании казны и вещей и в несправедливом рапортовании. Бывший в унтер-цалмейстерской должности *квартирмейстер Иевлев* – в преступлении должности, поверяя оную канцеляристу в заборе на себя денег, в раздаче в долги, в ложном рапортовании и в обмане расположенных мешков с тяжеловесной монетой между легковесной, чтобы никто не узнал расхищения казны. *Писаря Трофимова* в знании и умолчании, что другой писарь привозил себе денег и в долги раздавал» [1, л. 19]. Бывший *цейхвартер Чевкин* в обмане из корысти по приему амуниционных вещей, в ложных рапортах, в утрате через то немалой суммы и во взятии денег казенных. *Фабрикант Грунт* в уговаривании помянутого Чевкина на таковые преступления и оболщении его к тому корыстию, для закрытия своей несправности взяв немалое число казенных денег за вещи и их непоставление. *Вагенмейстер Титов* – в оплошном смотре за порученными ему и капитану Марису в совесть Иевлеву, чтобы показать деньги проигранными в карты. Из них же Аммосов, Хрущев, Иевлев – в игрании в запретительную игру, а сверх того по оговору в приеме якобы присутствующими от фабриканта Грунта подарков вещами и деньгами, хотя прочее не доказано» [1, л. 19 об.].

Все виновные понесли заслуженное ими наказание [1, л. 19 об.]. Генерал-поручик Мартынов был отставлен от службы (по всей видимости, соответствует освобождению от занимаемой должности), а Аммосов, Уваров, Хрущев и Титов – ис-

ключены (уволены) со службы с запретом впредь их определять или назначать на какую-либо должность или службу. Помимо этого, Аммосову было запрещено посещение Санкт-Петербурга и Москвы. Долгов и Сабуров были лишены своих чинов, Иевлев – разжалован в рядовые и отправлен для дальнейшей службы в отдаленные гарнизоны. Чевкин был лишен дворянского достоинства и вместе фабрикантом Грунтом сослан в Оренбург.

Что касается фабриканта Грунта, то ему предписывалось восполнить весь материальный ущерб, причиненный государственной казне по его вине. С этим случаем прослеживаются любопытные исторические параллели. В современной России, как только уличают в казнокрадстве или других хищениях и злоупотреблениях соответствующих должностных лиц, те, избежав ареста, бросаются в бега и скрываются от правосудия. Аналогичным образом поступил в те времена и фабрикант Грунт, который избежал ареста и сумел скрыться. Правительствующий сенат в отношении его личности сделал специальное определение, которым предписывалось, что так как «...о фабриканте Грунте неизвестно, где он находится, требовать Санкт-Петербургское губернское правление и Московскую полицмейстерскую канцелярию, чтобы в случае его въезда в столицах и пребывания, сыскав, отправить в комитет за караулом» [1, л. 19 об.–20], то есть, выражаясь современным языком, фабрикант Грунт был объявлен в розыск.

В заключение отметим, что от следствия и суда были освобождены только два должностных лица Московской артиллерийской конторы – генерал-майор Лавров и асессор Вельяшев-Волынцев «по совершенно их неприкосновенности» к указанным злоупотреблениям и правонарушениям [8, с. 293].

Что же могло привести или что способствовало таким злоупотреблениям и хищениям денежных и материальных средств в Московской артиллерийской конторе?

Заметим, что еще опыт Семилетней войны обнаружил, что квартирмейстерская часть русской армии находилась в довольно расстроеном состоянии. Результатом многих недостатков этой системы стали значительные злоупотребления, главным образом по комиссариатскому и провиантскому ведомствам, показавшие необходимость немедленного реформирования квартирмейстерской части армии. Этот факт ясно осознавался и воинской комиссией, созданной в 1762 г. на основании именного указа императрицы от 12 июля того же года [3, с. 17]. В первом же своем докладе комиссия указала на один из главных недостатков русской армии – это отсутствие необходимого количества чинов квартирмейстерской части (тыловых подразделений обеспечения). *Работа комиссии благотворно сказалась на оживлении и улучшении деятельности высших органов военного управления.*

Уже в сентябре 1762 г. Екатерина II дала указание Военной коллегии, чтобы в последующем та при представлениях в ПС присылала «свои заключения, а не ограничивалась пересылкой работы своей канцелярии» [9, с. 34]. В марте 1763 г. был издан указ, в соответствии с которым Военной коллегии предписывалось еженедельно подавать Ея Императорскому Величеству рапорты об исполнении по именным и сенатским указам [3, с. 199].

Первым своим указом императрица принимала меры к тому, чтобы заставить Военную коллегию выйти из той, образно выражаясь, «спячки», в которой она пребывала в период царствование императрицы Елизаветы Петровны, и в особенности в последние его 14 лет, когда даже пост президента Военной коллегии в период с 1746 по 1760 гг. оставался вакантным. Второй указ императрицы был значительно важнее, так как устанавливал непосредственное взаимодействие Военной коллегии с верховной властью и делал её президента личным докладчиком императрицы.

Наряду с этим предпринимались меры по ускорению хода дел и в других органах центрального военного управления, а именно: а) был определен новый штат Канцелярии главной артиллерии и фортификации [2, л. 4 об. – 5], которым более резко разграничивался процесс делопроизводства в артиллерийском и инженерном ведомствах, соответствующее организационно-штатное устройство было определено и в артиллерийской конторе в Москве; б) провиантская канцелярия была разделена на два департамента: один занимался решением текущих дел, другой – старых дел, которых скопилось огромное количество [3, с. 857]; в) изданы новые штаты комиссариатских учреждений [7, с. 80–86] и проведены некоторые другие мероприятия. Казалось бы, все необходимые меры для организованного и планомерного функционирования органов военного управления созданы.

С другой стороны, из вышеизложенного становится очевидным, что деятельность комиссии выразилась главным образом в расширении штатов высших органов военного управления, но почти не коснулась реорганизации их деятельности и устройства. Становится очевидным и тот факт, что одной из особенностей государственного строя Российской империи второй половины XVIII столетия является рост бюрократизма как в гражданской, так и военной сферах государственного управления. Например, Военная и Адмиралтейская коллегии в середине XVIII в. представляли собою крупнейшие центральные органы государственного и военного управления, которые имели свои хозяйственные, финансовые, ревизионные и даже судебные части, состоящие под общим их контролем.

Однако и военная комиссия, и президенты коллегий пока не рискнули произвести коренных преобразований в системе центрального военного

управления. Всё это не привело к более четкой и организованной деятельности центральных органов военного управления и усилению исполнительской дисциплины личного состава этих учреждений.

Таким образом, можно предположить, что главным недостатком системы военного управления был слабый контроль со стороны должностных лиц различного уровня и ранга как над хозяйственной деятельностью, то есть над вопросами финансового, продовольственного и других видов обеспечения войск, так и над организацией повседневной жизнедеятельности армии, службы войск и деятельности военных учреждений. На наш взгляд, именно это обстоятельство и способствовало злоупотреблениям и хищениям денежных и материальных средств, произошедших в Московской артиллерийской конторе.

Недостатки в системе военного управления, проявившиеся в недостаточном контроле со стороны соответствующих должностных лиц за хозяйственной и повседневной жизнедеятельностью и службой войск, были очевидными и для назначенного в 1774 г. вице-президентом Военной коллегии Григория Александровича Потемкина, который решил их устранить путем переустройства центральных органов военного управления. В 1781 г. для упорядочения денежной отчетности по хозяйственным операциям при Военной коллегии вновь была учреждена счетная экспедиция [4, с. 341–342], когда-то созданная Б.Х. Минихом, но упраздненная Елизаветой Петровной. В обязанности этой экспедиции входила необходимость ревизии счетов по военному ведомству, а в случае выявления каких либо злоупотреблений или хищений – производство начетов и взысканий. Контроль за расходованием денежных средств оказался в руках Военной коллегии, что усилило её власть. В 1785 г. при Военной коллегии была учреждена инспекторская экспедиция [5, с. 451], деятельность которой упорядочила и облегчила работу войсковых инспекторов. Наконец в апреле 1791 г. состоялось учреждение нового организационно-штатного устройства Военной коллегии [6, с. 235], созданной по образцу Адмиралтейств-коллегии.

К сожалению, завершить реформу центральных органов военного управления Г.А. Потемкину-Таврическому не удалось, так как 5 октября 1791 г. он скончался на пути из Ясс в Николаев. Заметим, что деятельность князя Потемкина-Таврического имела благотворное влияние на усовершенствование русской армии. Главная его заслуга в отношении русской армии заключалась в том, что он упорядочил внутреннюю организацию войск и их снабжение.

Библиографический список

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив

ВИМАИВ и ВС). – Ф. 2. – Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). – Д. 4772.

2. Архив ВИМАИВ и ВС. – Ф. 2. – Оп. Сbornая. – Д. 3312.

3. Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 16: С 28 июня 1762 по 1764. – 1016 с. (ПСЗ)

4. ПСЗ. Собр. 1. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 21 (1781–1783). – 1083 с.

5. ПСЗ. Собр. 1. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 22: 1784–1788). – 1158 с.

6. ПСЗ. Собр. 1. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 23: 1789 – 31 октября 1796. – 969 с.

7. ПСЗ. Собр. 1. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 43: Книга штатов: Ч. 1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800): 1762–1796. – 316 с.

8. Столетие военного министерства, 1802–1902. Главное артиллерийское управление: исторический очерк. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. – 574 с.

9. Столетие военного министерства, 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. – СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. – 812 с.

References

1. Arhiv Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi (Arhiv VIMAIV i VS). – F. 2. – Op. SHGF (SHtab generalfel'dcejhmejstera). – D. 4772.

2. Arhiv VIMAIV i VS. – F. 2. – Op. Sbornaya. – D. 3312.

3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii: Sbranie pervoe. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1830. – T. 16: S 28 iyunya 1762 po 1764. – 1016 s. (PSZ)

4. PSZ. Sobr. 1. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1830. – T. 21 (1781–1783). – 1083 s.

5. PSZ. Sobr. 1. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1830. – T. 22: 1784–1788). – 1158 s.

6. PSZ. Sobr. 1. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1830. – T. 23: 1789 – 31 oktyabrya 1796. – 969 s.

7. PSZ. Sobr. 1. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1830. – T. 43: Kniga shtatov: CH. 1: SHtaty voenno-suhoputnye (1711–1800): 1762–1796. – 316 s.

8. Stoletie voennogo ministerstva, 1802–1902. Glavnoe artillerijskoe upravlenie: istoricheskij ocherk. – SPb.: Tip. M.O. Vol'f, 1902. – 574 s.

9. Stoletie voennogo ministerstva, 1802–1902. Istoricheskij ocherk razvitiya voennogo upravleniya v Rossii. – SPb.: Tip. P.F. Panteleeva, 1902. – 812 s.

**АВГУСТЕЙШИЙ ПОКРОВИТЕЛЬ УЧЕНОГО СВЯЩЕННИКА ИЗ ПРОВИНЦИИ:
М.Я. ДИЕВ И НИКОЛАЙ I**

В данной статье рассматривается проблема влияния круга знакомств на жизнь и творчество провинциально-го ученого из духовного сословия Михаила Яковлевича Диева, благодаря которому костромская историческая мысль стала известна научному миру России. Автор впервые выявляет степень влияния окружения ученого священника: ботаника-естествоиспытателя из дворян А. Бошняка, профессора московского университета этнографа И.М. Снегирева, поэта В.А. Жуковского. В статье рассматриваются ключевые моменты жизни М.Я. Диева, способствовавшие его известности при царском дворе. Провинциальный священник стал известен императору Николаю I и его наследнику. Только императорское покровительство прекратило волну притеснений сельского ученого-священника со стороны местного епархиального начальства и обеспечило ему возможность плодотворной научной работы и пастырского служения.

Ключевые слова: Диев, Бошняк, Николай I, Александр Павлович, Жуковский, Бартнев, Нерехта, епархиальное училище, притеснения, покровительство.

В преддверии 225-летия со дня рождения известного ученого, историка, краеведа, этнографа, собирателя древностей из духовного звания протоиерея Михаила Яковлевича Диева усиливается интерес к разным аспектам его деятельности, один из которых – его отношения с властью предрежущими. Из опубликованной ростовским краеведом А.А. Титовым переписки священника Диева с московским профессором И.М. Снегиревым видно, что скромный сельский священник испытывал немало притеснений от своего епархиального начальства в лице костромских архиереев, недолголюбивающих его за научные занятия и «писательство» [10, с. 10]. За проблемами, создавшимися на местном уровне, остаются вне поля зрения более значимые отношения священника из костромской глубинки с первыми лицами Российского государства. Вследствие различных обстоятельств имя скромного труженика науки и священника из костромского сельского захолустья [5, с. 61] стало известным в придворных кругах и самому самодержцу, сыгравшему значительную роль в судьбе нерехтского пастыря. Цель данного исследования – проследить цепочку взаимоотношений, связавшую священника Диева с императорской семьей.

По окончании Костромской духовной семинарии девятнадцатилетний Михаил Диев 22 октября 1813 г. был хиротонисан в священники Успенской церкви села Тетеринского Нерехтского уезда [7, с. 11]. Священническое место ему досталось в наследство от дяди – иерея Петра Агриколянского, который после смерти супруги удалился в монастырь. Приступив к пастырскому служению в с. Тетеринском, молодой священник Диев взялся за строительство рухнувшей колокольни, возведенной к 1820 г. [4, с. 65]. Слава о молодом энергичном и ревностном священнике Диеве быстро распространилась по Нерехтской округе.

19 марта 1817 г. (в страстной вторник) о. Михаил получил неожиданное приглашение от по-

мещицы Марии Семеновны Аже, проживавшей со своими внуками Бошняками в имении Савиково в нескольких верстах от Тетеринского [5, с. 68].

Прибывши для исповеди М.С. Аже, священник Диев подружился с обитателями «Савиковского дома», особенно с нерехтским уездным предводителем дворянства Александром Карловичем Бошняком [3, с. 38].

Александр Бошняк был «однокашником» известного русского поэта Василия Андреевича Жуковского. Во время обучения в Московском императорском университете В. Жуковский, будучи незаконнорожденным сыном секунд-майора Афанасия Бунина, был очень скуден в средствах и часто получал помощь от благодетельной М.С. Аже. В благодарность за постоянную заботу и материальную поддержку В. Жуковский называл Марию Семеновну своей второй матерью, а Бошняка – своим братом [5, с. 66]. Летом 1818 г. священник Диев был приглашен М.С. Аже на освящение церкви в с. Есипове. Дискуссии о религии тетеринского священника и Александра Бошняка расположили аристократа-естествоиспытателя к молодому эрудированному пастырю. В одной из бесед Бошняк признался о. Михаилу: «Да, я вижу, что светская ученость – суета» [5, с. 68].

Завязавшаяся дружба способствовала благоприятным переменам этих личностей. Бошняк нашел в лице священника Диева достойного образованного духовника, а Диев направил свою энергию к серьезной научной деятельности.

Первым творением священника Михаила стала «История Западной Церкви». Эта работа смогла повлиять на всю дальнейшую жизнь о. Михаила и открыла ему путь в научный мир. Рукопись, содержащая 934 страницы текста, была предоставлена директору училищ Костромской губернии Юрию Никитичу Бартневу и способствовала назначению М. Диева на должность законоучителя в Нерехтское уездное училище [2, л. 1 об. – 2].

Летом 1828 г. Бартенев обнаружил в библиотеке Нерехтского училища не востребовавшие иностранные издания, среди которых «Путешествие по Московии Корнелия де Бруина». Любопытный Юрий Никитич поручил священнику Диеву, обладающему хорошими способностями переводчика, сделать перевод путевых записок этого путешественника. Обнаруженные издания с переводом Диева первой главы «Путешествия Бруина» Бартенев представил в Общество истории и древностей российских (ОИДР) при Московском университете. 27 октября 1828 г. имя нерехтского священника-эрудита Михаила Диева впервые прозвучало в столичном научном обществе [11, с. 26]. Сотрудничество иерея Диева в ОИДР способствовало его знакомству и многолетней дружбе с секретарем общества профессором Московского университета Иваном Михайловичем Снегиревым. Работа исторического общества, активизированная И.М. Снегиревым, освещалась в газете «Московские ведомости» и университетских изданиях. Имя священника Диева стало появляться на страницах столичной прессы.

Но научная деятельность нерехтского священнослужителя была принята недружелюбно со стороны сослуживцев и епархиального начальства. Три костромских епископа – Самуил (Запольский-Платонов), Павел (Подлипский) и Владимир (Алявдин) – чинили разные притеснения М. Диеву за его научное творчество. Особенно усердствовал епископ Владимир, считавший, что «священнику некогда заниматься такими безделицами, как история и археология» [10, с. 88]. Время управления Костромской епархией епископом Владимиром стало самым тяжелым периодом жизни и творчества священника М.Я. Диева. Но неблагоприятные обстоятельства и самоотверженные научно-исторические исследования сделали имя священника Михаила Диева известным при царском дворе.

Впервые вмешательство императора Николай I в судьбу священника Диева произошло по следующему обстоятельству. Вакантное место законоучителя в Нерехтском уездном училище предполагал занять настоятель нерехтского Казанского собора протоиерей Иоанн Кандорский, за которого ходатайствовал в письмах директору училищ Костромской губернии Ю.Н. Бартеневу костромской епископ Самуил. Но Бартенев предпочел сельского священника Михаила Диева, предоставившего свое солидное исследование по истории Западной церкви. Протоиерей Кандорский решил отомстить Бартеневу за отказ и, используя свои связи, написал донос императору о будто бы распространившейся среди нерехтских девиц ереси, возглавляемой Бартеневым. После всех следственных мероприятий, установивших абсурдность доноса, Ю.Н. Бартенев на аудиенции в августе 1829 г. пояснил императору Николаю Павловичу, что дело о «нерехтской

ереси» было инициировано протоиереем Кандорским в отместку за отказ ему в должности законоучителя. На должность законоучителя Бартенев решил принять священника Диева, получившего предпочтение за научные труды и сотрудничество в Обществе истории и древностей российских, в отличие от меркантильного соборного настоятеля [5, с. 72]. Так имя священника Михаила Диева стало впервые известно российскому самодержцу, который одобрил выбор директора костромских училищ Ю.Н. Бартенева в пользу эрудированного сельского иерея.

Император Николай I интересовался отечественной историей и следил за деятельностью московского Исторического общества [9, с. 22], в трудах которого часто встречалось имя священника Диева. За ложный донос Сенатом был объявлен строгий выговор костромскому жандармскому чиновнику А.П. Арсеньеву, а костромской епископ Самуил весной 1830 г. был уволен на покой в Николо-Бабаевский монастырь [5, с. 72].

Во время обзорного путешествия по России престолонаследник великий князь Александр Николаевич 13 мая 1837 г. проездом из Шуи в Кострому посетил Нерехту. Цесаревича сопровождали: генерал А.А. Кавелин, К.И. Арсеньев, В.А. Жуковский и др. [4, с. 72]. Во время обеда, устроенного нерехтским городским главою Б.И. Дьяконовым, священник Диев передал через К.К. Бошняка для цесаревича свое сочинение «История владык новгородских с археологическими примечаниями». Василий Андреевич Жуковский, заочно знакомый с о. Михаилом и его трудами через М.С. Аже и братьев Бошняков, передавая рукопись цесаревичу Александру, с восхищением воскликнул: «Каковы здесь сельские священники!» Цесаревич попросил пригласить к себе автора [5, с. 66].

Иерей Диев был радушно встречен В.А. Жуковским и представлен Его Императорскому Высочеству. Жуковский рассказал, что о. Михаил является действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских и сотрудником Общества любителей российской словесности, что он собрал множество рукописей, грамот, старинных монет, старопечатных книг и большую библиотеку на свое законоучительское жалование [5, с. 66]. После «благосклонной» беседы, длившейся около часа, цесаревич пожаловал ученого нерехтского священника карманными золотыми часами [4, с. 73].

Дрогой из Нерехты в Кострому Жуковский читал великому князю сочинение о. Диева. На обеде у костромского епископа цесаревич похвалил автора сочинения: «Диев в вашей епархии ученейший!» Епископ Владимир ответил, что у него на Диева имеется много жалоб. Наследник возмущен неприятым отношением архиерея к ученому священнику. Тем не менее архиерей повторил

свои претензии, вызвав большое раздражение престолонаследника [5, с. 66]. Расположение и знаки внимания престолонаследника к ученому сельскому священнику послужили причиной последующих притеснений М. Диева со стороны епископа.

Причиной последующих неприятностей для иерея Михаила была жалоба сослуживца диакона Ремезова, метившего на священническое место Диева. Ремезов обвинял его в увлечениях наукой, редких богослужениях и в недостаточной заботе о храме. В результате доноса костромскому архиерею о. Михаилу было наложено запрещение в священнослужении и праве ношения священнических одежд. Наказание лишало его возможности преподавать и в уездном училище по причине того, что церковные дисциплины имели право преподавать духовные лица, не состоящие под епархиальными взысканиями [10, с. 98]. С запрещением в священнослужении и отстранением от преподавания М. Диеву было отказано в священническом и преподавательском жаловании, и его семья осталась без средств существования. Такое бедственное положение длилось более года, с 18 сентября 1839 г. по ноябрь 1840 г.

В противостоянии костромского епископа и сельского священника были вовлечены многие лица, разделившиеся на два лагеря. Большая часть принимала сторону иерея Михаила, видя несправедливость и злобные ухищрения архиерея, и направляла свои ходатайства обер-прокурору Святейшего синода. Самое живое участие в судьбе о. Михаила принимал профессор И.М. Снегирев, обращавшийся к разным лицам с просьбой о заступничестве. Снегирев многократно извещал В.А. Жуковского о притеснениях нерехтского священника в надежде повлиять на сложившиеся обстоятельства через наследника цесаревича и государя [6, с. 35].

По ходатайству обер-прокурора Николая Александровича Протасова костромской архиерей 29 января 1840 г. разрешил служить иерею Диеву без жалования в нерехтской Богоявленской церкви до окончательного решения его дела. В марте от епископа Владимира синодом потребован ответ о положении Диева. Архиерей был обозлен заинтересованностью синода в делах его епархии, и он вновь отстранил о. Михаила от богослужения [10, с. 98]. Батюшке пришлось самому обращаться в синод. 7 мая 1840 г. он отослал в столицу свое прошение обер-прокурору о своей защите. Вместе с прошением была отправлена статья «Изъяснение некоторых выражений Русской Правды» [5, с. 66].

Однако епископ Владимир не желал прекратить притеснения священника Диева, вызванные личной неприязнью, и старался найти новые поводы для обвинения. В мае последовал архиерейский указ о лишении Диева всей земли, сенокоса и пашни и устное приказание «не давать ему ни копейки дохода». В июне 1840 г. в Сыпановский приход на место о. Михаила был переведен из нерехтской

Преображенской церкви священник Яков Никольский [5, с. 66]. Архиерейским преследованиям подвергались не только сам священник Диев, но и все, кто ему сочувствовал и старался помочь. За промедление с вручением Диеву указа о его наказании был отстранен от должности благочинного и переведен в бедный приход священник Иоанн Униковский. Священник Илларион Панин был уволен от должности присутствующего в Нерехтском духовном правлении за то, что не смог найти объективные поводы против о. Диева. По подобным же причинам был назначен и вскоре смещен с благочиния священник нерехтской Благовещенской церкви Петр Смирнов [1, л. 1 об. – 2].

Все дела завершились указом Святейшего синода от 18 сентября 1840 г. в пользу о. Михаила. Архиерей представлял в синод свое возражение, но в ответ пришло строжайшее предписание о немедленном исполнении указа, вследствие которого Диев через 14 месяцев был возвращен на прежнее место служения в Сыпановский приход [5, с. 76.].

История тяжбы костромского епископа Владимира и сельского священника Михаила Диева стала известна императору Николаю I. Монарх решил по справедливости прекратить костромские церковные распри. Его указом «о неподсудности священника М. Диева» все прежние дела, заводимые против о. Михаила, были признаны маловажными [8, л. 12]. Епископ Владимир, причинивший многие неприятности ученому священнику Диеву, императорским указом от 14 ноября 1842 г. был переведен в Тобольск.

Любознательность, аналитический склад ума, широкий кругозор научных интересов и неиссякаемый научный потенциал сделали священника из «костромского захолустья» известным большому кругу влиятельных особ Российской империи и самого самодержца. Вопреки тому, что большинство объемных серьезных работ священника Михаила Диева не были опубликованы и до настоящего времени остаются в рукописях, костромская историческая мысль стала известна далеко за пределами костромской провинции. Рукописные работы Диева читались не только членами московского Исторического общества, но и представителями царского дома. Священник Диев был сторонником сакрализации самодержавной власти и всецело надеялся на монаршую справедливость. Научная трудоспособность, воспринятая враждебно костромским духовенством, сделала для ученого священника могучим покровителем и заступником самого самодержца Николая I, вмешавшегося в судьбу «скромного труженика науки» и царской властью прекратившего все притеснения пастыря.

Библиографический список

1. Государственный музей-заповедник Ростовский кремль (ГМЗРК). – Ф. 387. – Оп. 1. – Д. 87.

2. ГМЗРК. – Ф. 387. – Оп. 1. – Д. 39.
3. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома, 1993. – 472 с.
4. Диев М.Я. История города Нерехты. – Кострома: Линия График Кострома, 2012. – 135 с.
5. Диев М.Я., *свящ.* Благодетели мои и моего рода // Русский архив, издаваемый Петром Барте-невым, 1891. – М.: Университетская типография, 1891. – Кн. 2. – 504 с.
6. Кастальева Т.Б. История жизни ученого протоиерея Михаила Диева, рассказанная им самим. – М.: Форум, 2008. – 64 с.
7. Новосельский Н., *свящ.* Сыпаново (Историческое описание его в бытность монастырем и после приходской церковью) // Костромские епархиальные ведомости. – 1897. – № 1–2.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 775 (А.А. Титов). – Д. 3946.
9. Письма о. Михаила Диева к И.М. Снегиреву / с предисл. действ. члена А.А. Титова // Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1909. – 64 с.
10. Титов А.А. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву 1830–1857 // Материалы для истории Общества истории и древностей российских: Переписка гг. действительных членов общества (1830–1876) / собраны членом-соревнователем А.А. Титовым. – 1887. – 116 с.
11. Труды и летописи Общества истории и древностей российских. – М.: Университетская типография, 1837. – Т. 8. – 410 с.

References

1. Gosudarstvennyj muzej-zapovednik Rostovskij kreml' (GMZRK). – F. 387. – Op. 1. – D. 87.
2. GMZRK. – F. 387. – Op. 1. – D. 39.
3. Grigorov A.A. Iz istorii kostromskogo dvoryanstva. – Kostroma, 1993. – 472 s.
4. Diev M.YA. Istoriya goroda Nerekhty. – Kostroma: Liniya Grafik Kostroma, 2012. – 135 s.
5. Diev M.YA., *svyashch.* Blagodeteli moi i moego roda // Russkij arhiv, izdavaemyj Petrom Bartenevym, 1891. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1891. – Kn. 2. – 504 s.
6. Kastal'eva T.B. Istoriya zhizni uchenogo protoiereya Mihaila Dieva, rasskazannaya im samim. – M.: Forum, 2008. – 64 s.
7. Novosel'skij N., *svyashch.* Sypanovo (Istoricheskoe opisanie ego v bytnost' monastyrem i posle prihodskoj cerkov'yu) // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1897. – № 1–2.
8. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki (OR RNB). – F. 775 (A.A. Titov). – D. 3946.
9. Pis'ma o. Mihaila Dieva k I.M. Snegirevu / s predisl. dejstv. chlena A.A. Titova // Izdanie Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete. – M.: Tip. SHtaba Moskovskogo voennogo okruga, 1909. – 64 s.
10. Titov A.A. Biograficheskij ocherk protoiereya Mihaila Dieva s prilozheniem ego pisem k Ivanu Mihajlovichu Snegirevu 1830–1857 // Materialy dlya istorii Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih: Perepiska gg. dejstvitel'nyh chlenov obshchestva (1830–1876) / sobrany chlenom-sorevnovatelem A.A. Titovym. – 1887. – 116 s.
11. Trudy i letopisi Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1837. – T. 8. – 410 s.

Бриль Геннадий Геннадьевич
доктор юридических наук, профессор
Костромской государственной университет
g_briil@ksu.edu.ru

Зайцев Леонид Николаевич
Костромской государственной университет
zln15@uandex.ru

КОСТРОМСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЕГО ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

В данной статье авторы впервые, используя малоизвестные исторические и архивные материалы, прослеживают историю зарождения, становления, развития Костромского губернского жандармского управления (КГЖУ). Хронологические рамки статьи охватывают период 1857–1890 гг. В современных исследованиях недостаточно широко раскрыта тема повседневной жизни сотрудников губернских жандармских управлений, истории одного человека, в том числе и руководителей местных правоохранительных органов. Актуальность статьи состоит в недостаточной изученности КГЖУ. Эффективность работы политической полиции невозможна без мудрого, профессионального, грамотного руководителя. В научный оборот впервые вводятся архивные документы, касающиеся личности первого руководителя КГЖУ Ивана Николаевича Чалева. В годы становления КГЖУ были определенные сложности в подборе кадров, однако И.Н. Чалев успешно справлялся с их подбором и расстановкой. Авторами впервые исследован кадровый состав КГЖУ, в котором несли службу опытные офицеры. Отдельное внимание уделено образованию 29 октября 1970 года в Санкт-Петербурге школы для обучения и подготовки к будущей деятельности нижних чинов Корпуса жандармов. Впервые обращается внимание на отношение жандармов к религии. Мы пришли к выводу о том, что деятельность и эффективность работы органа политической полиции на местах во многом зависела от личности его руководителя. В исследуемый период деятельности КГЖУ профессионализм, личные качества, авторитет И.Н. Чалева в регионе и умелое руководство вверенным ему управлением обеспечили надежащий уровень безопасности правящего режима в Костромской губернии.

Ключевые слова: Костромское губернское жандармское управление, Костромская губерния, начальник управления, политическая полиция, кадровое обеспечение, И.Н. Чалев.

*У России своя отдельная
история и специальный строй.*
В.К. Плеве

История любого государства неразрывно связана с деятельностью правоохранительных органов, одним из которых является политическая полиция, которой посвящено немало исследований историков и правоведов.

Справедливо отмечает Б.Н. Григорьев: «В каждую эпоху находились люди, которые защищали русскую государственность (а защищать монархию в то время было равносильно тому, чтобы стоять на страже интересов государства), и если мы признаем право на существование армии, то должны признать также и право на обеспечение безопасности страны от подрывных элементов» [5, с. 3].

О деятельности политической полиции в период начала XIX – начала XX века известно много, но далеко не всё. Много, потому что круг известных имен их руководителей описан историками довольно широко и точно.

Тема изучения истории создания и развития политической полиции в России с 2000-х годов стала достаточно популярной в научных кругах. Ежегодно публикуется более десятка научных статей, затрагивающих вопросы истории политической полиции России, защищаются не менее двух кандидатских диссертаций, регулярно выпускаются монографии. З.И. Перегудова исследовала вопро-

сы создания губернских жандармских управлений, работу служб наружного наблюдения, кадровую работу центральных и местных органов корпуса жандармов [12]. Работа Д.А. Бакшта раскрывает правовые основы функционирования, организационную структуру, кадровое, материально-техническое обеспечение и осуществление функций Енисейским губернским жандармским управлением [1]. А.М. Лаврёнова осветила вопросы возникновения Отдельного корпуса жандармов, основные этапы его существования, взаимодействие жандармских чинов в рамках системы политической полиции, характеристику кадрового состава, взаимоотношений чинов Отдельного корпуса жандармов, их служебные, личные взаимоотношения [10]. Л.В. Страхов знакомит нас со становлением организационно-правовых основ деятельности Воронежского губернского жандармского управления и обеспечением его функционирования [22]. Комплексному изучению жизни и деятельности руководителя III Отделения центрального аппарата политической полиции – графа А.Х. Бенкендорфа – посвятил свое исследование Г.Н. Бибииков [2].

Однако деятельность Костромского губернского жандармского управления (далее КГЖУ) остается вне внимания авторов. Истории политической поли-

ции Костромской губернии 1880–1914 гг. посвящена только одна диссертация – Р.В. Рябинцева [20].

Период становления КГЖУ, 1857–1890 гг., все не рассматривался. Указанные хронологические рамки исследования авторы обосновывают тем, что данный период связан с образованием, становлением КГЖУ и изучением личности его первого руководителя – И.Н. Чалеева. В современных исследованиях недостаточно широко раскрыта тема повседневной жизни сотрудников ГЖУ, истории одного человека, в том числе и руководителей местных правоохранительных органов.

Как известно, 16 (28) декабря 1825 года была предпринята попытка государственного переворота – восстание декабристов, что и послужило предпосылкой образования 3 июля 1826 года III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое возглавил шеф жандармов А.Х. Бенкендорф.

До 1867 года в Костромской губернии действующим органом политической полиции было Управление жандармского штаб-офицера в Костромской губернии и Костромская жандармская команда.

Результатом первого покушения на Александра II, совершенного 4 апреля 1866 года бывшим студентом Д.В. Каракозовым, стала очередная серьезная реформа политической полиции. Реакцией на это покушение, а также на участвовавшие случаи крестьянских выступлений, формирование антиправительственных кружков в регионах и др. стало утверждение «Положения о Корпусе жандармов» 9 сентября 1867 г., заложившего правовую основу образования губернских жандармских управлений (ГЖУ) [14].

Как отмечает Д.А. Бакшт, «после покушения на Александра II была реорганизована в 1867 г. провинциальная структура жандармерии: упразднены округа (кроме Польши, Кавказа и Сибири) и созданы губернские жандармские управления» [1, с. 18].

В связи с реформой политической полиции 17 октября 1867 года Управление жандармского штаб-офицера в Костромской губернии и Костромская жандармская команда были упразднены и вместо них создано Костромское губернское жандармское управление (далее КГЖУ). КГЖУ относилось к губернским управлениям (далее ГЖУ) второй категории. Различия в категориях ГЖУ основывались на размерах губерний, этнографических и экономических условиях и выражались в штатной численности и сумме жалования, выплачиваемого жандармам. Первым начальником КГЖУ стал подполковник Иван Николаевич Чалеев.

Историки и праведы достоверно изучили личности первых руководителей отдельного корпуса жандармов, некоторых руководителей ГЖУ, однако о начальнике КГЖУ И.Н. Чалееве мало что известно. По нашему мнению, следует восполнить этот пробел. Понимание людей прошлого в сочетании с богатством собранного материала, особенностей

уклада жизни делает их образы живыми и служат нам примером верного служения своему Отечеству.

В Государственном архиве Костромской области имеется фонд 749 «Костромское губернское жандармское управление», опись 1, содержащая документы, относящиеся к периоду 1857–1917 гг. и опись 2, содержащая документы, относящиеся к периоду 1896–1917 гг.

Иван Николаевич Чалеев родился 26 января 1826 года в селе Туровское Быковской волости Галичского уезда Костромской губернии (современное наименование: село Туровское Степановского сельского поселения Галичского района).

Его родителями были Николай Александрович Чалеев, 1792 г. р., и Агрипина Алексеевна Чалеева (Рожнова). Образование Иван Николаевич получил в одном из первых высших учебных заведений России – Институте Корпуса инженеров путей сообщения Императора Александра I в Санкт-Петербурге, созданном в 1809 году указом императора. В 1823 году Институт инженеров путей сообщения был сделан закрытым по образцу военных кадетских корпусов, и на первый план были поставлены военные науки. В военную службу И.Н. Чалеев вступил в 15 лет 12 октября 1841 года и начал свою карьеру военного во Владимирском пехотном полку в чине портупей-прапорщика. Высочайшим приказом Его Императорского Величества от 1 октября 1843 года за отличия по службе Чалеев произведен в прапорщики. 27 июля 1845 года ему присвоено следующее звание – подпоручик; 14 мая 1848 года – поручик; 27 июля 1849 – штабс-капитан; 17 марта 1854 года – капитан [15].

Приказом по Корпусу жандармов № 55 от 17 июня 1854 года Владимирского пехотного полка капитан Чалеев переведен в Корпус жандармов с назначением адъютантом в Ярославской губернии, где служил в Управлении губернского штаб-офицера до 17 апреля 1863 г. [15, с. 270]. И.Н. Чалеев начинал свою службу еще в период существования Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – высшего органа политической полиции Российской империи. Исполнительным органом третьего отделения был Корпус жандармов, впоследствии Отдельный корпус жандармов (далее ОКЖ).

С 10 сентября 1863 года по 1 февраля 1865 года проходил службу в должности штаб-офицера в Симбирской губернии. С 17 апреля 1865 года ему присвоено очередное звание майор, и И.Н. Чалеев переведен на должность штаб-офицера Вятской губернии [21, с. 385].

Приказом по Корпусу жандармов № 92 от 27 июля 1866 года вятский губернский жандармский штаб-офицер майор И.Н. Чалеев переведен в той же должности в Кострому [16, с. 385].

Вот как об этом перемещении указано в приказе по Управлению Костромского губернского жандармского штаб-офицера № 14 от 21 августа

1866 года: «Прибыв сего числа в г. Кострому, я, вступив в должность костромского губернского жандармского штаб-офицера, объявляю о сем по управлению и команде» (жандармской) [4, д. 6]. Через незначительный промежуток времени, 16 апреля 1867 года, И.Н. Чалееву присвоено очередное воинское звание подполковник. Здесь и начинается становление мудрого и умелого провинциального руководителя, который на протяжении длительного времени профессионально выполнял свой долг перед Отечеством.

Во исполнение нового «Положения о корпусе жандармов», принятого 9 сентября 1867 года, и в соответствии с приказом по ОКЖ от 29 октября 1867 года с 5 ноября этого же года было создано Костромское губернское жандармское управление [4, д. 6, л. 13]. С этого дня начинается история КГЖУ. Управление в тот период располагалось в г. Костроме по улице Никольской (ныне ул. Свердлова) в бывшем доме Григорьева. Изначально состав управления состоял из начальника, адъютанта, помощника начальника управления в Кинешемском уезде, двух писарей и 10 унтер-офицеров. Формирование наблюдательного состава КГЖУ происходило из числа унтер-офицерского и рядового состава Костромской жандармской команды. Нижние чины: вахмистры, унтер-офицеры и рядовые – именовались наблюдательным составом, а позже были переименованы в чины дополнительного штата. Сотрудники КГЖУ вели производство дознаний по государственным и наиболее тяжким уголовным преступлениям, осуществляли контроль за политическим настроением в губернии, осуществляли контроль за ссыльными, проводили обыски, аресты, конвоировали задержанных и выполняли иные функции в пределах своей компетенции. В ряде уездов губернии несли службу унтер-офицеры, которые наблюдали за порядком на вверенных им территориях.

В должности начальника КГЖУ И.Н. Чалеев, исполняя свои обязанности и выполняя указания ОКЖ, неоднократно выезжал в различные уезды губернии для производства секретных заданий руководства, дознаний по государственным преступлениям, инспектирования жандармских пунктов. В архиве имеются сведения о таких поездках по губернии по 10–15 раз ежегодно [4, д. 23].

Так, 27 апреля 1889 года И.Н. Чалеев по указанию губернатора выехал в село Тезино Кинешемского уезда на фабрику Раззоронова для личного участия в принятии мер по прекращению производимых на этой фабрике беспорядков [4, д. 23, л. 10 об]. А 14 июня этого же года совместно с губернатором выехал для надзора и контроля фабрик Кинешемского уезда [4, д. 23, л. 15].

В период его отсутствия в Костроме обязанности начальника управления исполнял адъютант управления, а в его отсутствие – помощник начальника управления.

28 марта 1871 года «Государь Император по всеподданейшему докладу шефа жандармов графа Шувалова Петра Андреевича за отлично-усердную и ревностную службу Всемиловейше соизволил пожаловать начальнику КГЖУ Чалееву чин полковника» [17, с. 598]. 5 апреля 1887 года Государем Императором за отлично-усердную и ревностную службу ему присвоен чин генерал-майора [4, д. 20].

В первые годы становления КГЖУ было много сложностей в кадровом подборе, однако начальник управления И.Н. Чалеев успешно справлялся с подбором и расстановкой кадров. Назначением офицерского состава в ГЖУ занимался ОКЖ, а кадры наблюдательного состава находились в ведении начальника КГЖУ.

В исследуемый период с 1857 по 1890 гг. в Костромском ГЖУ несли службу адъютантами: капитан Якутович (полные сведения отсутствуют), штабс-капитан Пашинников (полные сведения отсутствуют), штабс-капитан А.С. Радошевский, штабс-капитан А.В. Храповицкий, поручик, а впоследствии штабс-капитан В.Д. Самарин, капитан И.Ф. Кондратьев, поручик, а впоследствии штабс-капитан К.П. Иванов, поручик, а впоследствии штаб-ротмистр П.А. Муромцев, ротмистр И.Н. Петров, корнет С.П. Бутомо, поручик Н.А. Краснощеков [4, д. 6, 9, 10, 12, 15, 16].

Помощниками начальника управления в Кинешемском районе являлись: капитан Андреев, майор Саговский (полные сведения отсутствуют, умер 7 февраля 1871 года), майор А.С. Катанский (полные сведения отсутствуют), майор, а впоследствии подполковник В.Д. Корнев, ротмистр Н.В. Порошин. При этом больше всех в этой должности в КГЖУ прослужил подполковник В.Д. Корнев – с 15 марта 1875 года по 14 апреля 1886 года (11 лет) [4, д. 6, 9, 10, 12, 15, 16].

Нами установлено, что среди офицерского состава КГЖУ имела место частая ротация. Это также относилось и к другим ГЖУ.

В большинстве своем в КГЖУ несли службу офицеры опытные, зрелые. Почти все – выпускники военных училищ или кадетских корпусов. При поступлении на службу они все заканчивали курсы в Петербурге при штабе Отдельного корпуса жандармов. Многие офицеры имели награды: орден Св. Станислава III степени, орден Св. Владимира IV степени, орден Св. Анны IV степени [11].

Царские спецслужбы выдвинули из своих рядов целую плеяду жандармских офицеров и полицейских чиновников, сумевших доказать свою профессиональную пригодность, верность долгу и присяге и способность противостоять опасному внутреннему врагу.

Отдельное внимание уделялось и подготовке нижних чинов Корпуса жандармов (далее КЖ). 29 октября 1970 года в Санкт-Петербурге была учреждена школа на 100 человек для обучения и подготовки к будущей деятельности нижних чинов

КЖ, выбираемых на укомплектование наблюдательных частей КЖ, расположенных в губерниях империи. Предписывалось, что эту школу в декабре каждого года необходимо комплектовать, по распоряжению главного штаба, выбором из войск молодых солдат, которых следовало зачислять в наблюдательные части, где и показывать по спискам в командировке. По окончании школы выпускники отправлялись унтер-офицерами на службу в те части, в которых они числились или где оказывалось больше вакансий, после чего школа пополнялась новым набором.

В 1890 году в штате КГЖУ состояли начальник управления, адъютант, один вахмистр, девять унтер-офицеров, два писаря, которые несли службу в г. Костроме. В г. Кинешме несли службу помощник в Кинешемском уезде (в связи с наличием промышленности именно в этом уезде), один вахмистр, десять унтер-офицеров [11].

Изучением архивных источников установлена смертность среди нижних чинов личного состава КГЖУ от различных заболеваний [4, д. 9, 10, 15, 17]. Вследствие этого начальник КГЖУ И.Н. Чалеев был вынужден регулярно заниматься обновлением и пополнением нижних чинов управления.

30 декабря 1890 года И.Н. Чалеев был назначен начальником Тульского губернского жандармского управления. Вот как об этом назначении говорится в одном из приказов по КГЖУ за 1891 год: «Будучи назначен по распоряжению начальства начальником Тульского губернского жандармского управления, я, отправляясь в скором времени к месту нового служения, приятным долгом поставлю себе выразить свою сердечную признательность моим бывшим сослуживцам по Управлению ротмистру Порошину и поручику Краснощекову за их постоянное и точное исполнение лежащих на них обязанностей, и в особенности последнего, деятельностью и усердием которого во многом облегчался мой служебный труд. Всем нижним чинам передаю мое прощальное спасибо за их примерную, усердную и добросовестную службу, хорошее и безупречное поведение, с пожеланием, чтобы и в будущем они оставались таковыми же навсегда, какими я привык их видеть в продолжение 25-летнего своего служения с ними». Из этого приказа видна человечность и забота о подчиненных. Это был его предпоследний приказ в КГЖУ [4, д. 26].

19 июля 1893 года И.Н. Чалеев вышел в отставку в Туле в чине генерал-майора в возрасте 67 лет. Это и к нему можно отнести слова императора Николая II: «До 70 лет человек обладает полностью своими способностями» [13, с. 21].

За свою доблестную службу Иван Николаевич неоднократно награждался: в 1850 году – орденом Св. Анны III степени; в 1857 году – орденом Св. Станислава II степени с императорской короной; в 1858 году – одновременно денежной суммой 157 руб. 50 коп. серебром; в 1861 году –

единовременно денежной суммой 200 руб.; в 1862 году – одновременно денежной суммой 200 руб.; в 1865 году – орденом Св. Владимира IV степени; в 1873 году – орденом Св. Анны II степени; в 1879 году – орденом Св. Владимира III степени; в 1882 году ему объявлена монаршая благодарность. Также в качестве наград ему присваивались последующие воинские чины полковника и генерал-майора [11].

Об одной из наград в журнале приказов по КГЖУ за 1879 год имеется приказ от 8 апреля № 12: «Государь Император по всеподданнейшему докладу его Высокопревосходительства Шефа Корпуса Жандармов об отлично усердной и ревностной службе Всемиловитейше Соизволил пожертвовать мне орден Святого Владимира 3 степени, а адъютанту вверенного мне Управления поручику Самарину следующий чин штабс-капитана. О таковой монаршей милости вследствие приказа по Отдельному Корпусу Жандармов последовавшего сего апреля за № 33 объявляю по вверенному мне управлению. Предлагаю означенные награды внести в послужные списки» [4, д. 12].

И.Н. Чалеев был настоящим начальником Костромского и Тульского губернских жандармских управлений. Он прошел хорошую школу нравственной и служебной дисциплины. Был опытным в деле полицейской службы и, живя постоянно в губерниях, хорошо был знаком с местными условиями.

Следует отметить, что И.Н. Чалеев, являясь первым руководителем КГЖУ, своими организаторскими способностями, личным авторитетом, умелым руководством сумел так поставить службу вверенного ему управления, что за весь указанный период каких-либо серьезных происшествий, угрожающих безопасности государства, не было. В исследуемый период не было отмечено активной революционной деятельности. Было только два массовых выступления рабочих: на Михинской фабрике в 1873 году и на заводе Шиповых в 1878 году.

Следует отметить, что с апреля 1879 года по июль 1880 года в Костромской губернии находился в ссылке один из лидеров земского движения, российский политический деятель, видный член кадетской партии И.И. Петрункевич. Сюда же в 1870-е годы была сослана и видная революционерка В.И. Засулич. В XIX веке Костромская губерния была и местом ссылки участников польских восстаний. Сотрудники КГЖУ вели негласный надзор за ссыльными.

За весь период существования КГЖУ ни один из сотрудников управления не погиб при исполнении своих служебных обязанностей, в отличие от других регионов. И.Н. Чалеев был неконфликтным человеком и благодаря своему авторитету умело осуществлял взаимодействие с органами губернской и местных властей, с правоохранительными и судебными органами, а также находил взаимопонимание с общественностью и простым народом.

Кроме выполнения своих служебных обязанностей И.Н. Чалеев занимался и общественной деятельностью. В 1871–1890-е годы он участвовал в благотворительных учреждениях Костромской губернии: состоял членом Общества попечения о раненых и больных воинах, был одним из директоров губернского попечительского о тюрьмах комитета. А его жена Екатерина Иосифовна Чалеева в период с 1871 по 1877 г. также состояла в дамском отделении губернского попечительского о тюрьмах комитета [7–9].

После службы в Тульском ЖГУ И.Н. Чалеев вернулся на родину в Кострому. 23 января 1896 года ему было присвоено звание генерал-лейтенант. После выхода в отставку он также занимался общественной деятельностью. 27 августа 1892 года «ввиду оказанного членом комиссии генерал-майором И.Н. Чалеевым содействия пожертвованием собранных им 347 руб. на внутреннее устройство музея и архива комиссии» он был избран почетным членом Костромской губернской ученой архивной комиссии, в которой состоял до 1896 года [6, с. 6]. В этот период И.Н. Чалеев также был членом Костромского благородного общественного собрания и Костромского общества любителей музыкального и драматического искусств [8, с. 159–160].

Умер Иван Николаевич 20 мая 1896 года в Костроме и похоронен на кладбище Богоявленского женского монастыря [21]. Его могила не сохранилась. Как видим, И.Н. Чалеев около 40 лет отдал службе в жандармерии, из них 33 года – в жандармерии Костромской губернии, из которых 25 лет он являлся начальником КГЖУ.

И.Н. Чалеев был дважды женат, имел двух дочерей. Сведений о его детях не сохранилось. Его первая жена Екатерина Иосифовна умерла 29 ноября 1877 года. 26 августа 1879 года И.Н. Чалеев вторично вступил в брак с дочерью статского советника Петра Ивановича Коровина Александрой Петровной Коровиной, которая очень рано умерла. В приказе по КГЖУ № 2 от 8 января 1882 года указано: «Законная моя жена Александра Петровна от продолжительной и тяжелой болезни 2 числа сего января волею Божьею умерла и 7 января похоронена при Костромском девичьем Богоявленском монастыре» [22]. На ее могиле имелась надгробная запись: «Чалеева Александра Петровна “полковница” умерла 2 января 1892 года 27 лет» [19]. Но и ее могила не сохранилась.

Как и все сотрудники КГЖУ, Иван Николаевич был православного вероисповедания. Он ревностно относился к вере. В КГЖУ находились иконы, к которым регулярно приобретались свечи и деревянное масло. В одном из приказов по КГЖУ указано: «Израсходованные деньги в количестве 15 коп. на покупку ½ фунта деревянного масла к иконам при канцелярии Управления предписываю выписать в расход по образной книге Управления» [4, д. 17]. Аналогичные приказы с разли-

цей в денежной сумме встречаются в приказах по КГЖУ ежемесячно.

Имеется и приказ такого содержания: «Завтра 6 декабря по случаю Тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича в Кафедральном Соборе будет совершена Литургия и благодарственное молебствие. На которой предписываю находиться всем чинам вверенного мне Управления в г. Костроме» [4, д. 17].

Таким образом, авторы пришли к выводу, что в исследуемый период КГЖУ под руководством И.Н. Чалеева, прошедшего хорошую школу нравственной и служебной дисциплины, благодаря его опыту, профессионализму, знанию местных условий, организаторским способностям, личному авторитету, умелому руководству, обеспечило в Костромской губернии надлежащий уровень безопасности правящего режима.

Библиографический список

1. *Бакит Д. А.* Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональные аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Красноярский гос. пед. ун-тет им. В.П. Астафьева. – Кемерово, 2015. – 32 с.
2. *Бибииков Г.Н. А.Х.* Бенкендорф и политика императора Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-тет им. М.В. Ломоносова. – М., 2009. – 27 с.
3. Высочайшие приказы о военных чинах. – СПб., 1 июля – 31 декабря 1843. – 230 л.; 1 мая – 16 декабря 1848. – 320 л.; 1 января – 30 июня 1854. – 297 с.
4. Государственный архив Костромской области. – Ф. 749. – Оп. 1.
5. *Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г.* Повседневная жизнь российских жандармов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 851 с.
6. Журнал заседаний Костромской губернской ученой архивной комиссии 14 марта 1983 года. – 15 с.
7. Костромской календарь, или Настольная справочная книжка для всех сословий: на 1871 год. – Кострома: Тип.-лит. Шафранова и К°. – 40 с.
8. Костромской календарь на 1895 год. – Кострома: Губернская типография. – 206 с.
9. Костромской календарь на 1896 год. – Кострома: Губернская типография. – 200 с.
10. *Лаврѣнова А.М.* Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М.: РГГУ, 2018. – 303 с.
11. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 сентября 1890 г. – СПб.: Тип.-лит. Месника и Римана, 1890. – 349. – 9 с.
12. *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917). – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. – 432 с.

13. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 2. 1887–1892. Комментарии. Именной указатель. – М.: Центрполиграф, 2005. – 639 с.

14. Положение о Корпусе Жандармов // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 42. – СПб, 1867. – С. 73–80, 705–708.

15. Приказы по корпусу жандармов. – СПб., 1854. – № 1–101. – 340 с.

16. Приказы по корпусу жандармов. – СПб., 1866. – № 1–160. – 415 с.

17. Приказы по корпусу жандармов. – СПб., 1871. – № 1–111. – 598 с.

18. Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826–1860 гг.: на материалах Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ульяновск, 2008. – 47 с.

19. Русский провинциальный некрополь: [В. Шереметевский]. Т. 1. Губернии: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Конеvский. – М.: Тип.-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. – IX, 1008 с.

20. Рябинцев Р.В. Становление и развитие органов политического сыска в российской провинции в 1880-х – 1917 гг. (на материалах Костромской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2004. – 27 с.

21. Список майорам по старшинству: (исправлено по 18-е апреля [1866 г.]). – СПб.: Воен. тип., 1866. – XLIV, 658 с.

22. Страхов Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность (1867–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2017. – 389 с.

References

1. Baksht D. A. Enisejskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie: organizacionno-pravovoj i regional'nyj aspekty funkcionirovaniya v sisteme Departamenta policii MVD (1880–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Krasnoyarskij gos. ped. un-tet im. V.P. Astafeva. – Kemerovo, 2015. – 32 s.

2. Bibikov G.N. A.H. Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Moskovskij gos. un-tet im. M.V. Lomonosova. – M., 2009. – 27 s.

3. Vysochajshie prikazy o voennyh chinah. – SPb., 1 iyulya – 31 dekabrya 1843. – 230 l.; 1 maya – 16 dekabrya 1848. – 320 l.; 1 yanvary – 30 iyunya 1854. – 297 s.

4. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F. 749. – Op. 1.

5. Grigor'ev B.N., Kolokolov B.G. Povsednevnyaya zhizn' rossijskih zhandarmov. – M.: Molodaya

gvardiya, 2007. – 851 s.

6. ZHurnal zasedanij Kostromskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii 14 marta 1983 goda. – 15 s.

7. Kostromskoj kalendar', ili Nastol'naya spravoch'naya knizhka dlya vsekh soslovij: na 1871 god. – Kostroma: Tip.-lit. SHafranova i Ko. – 40 s.

8. Kostromskoj kalendar' na 1895 god. – Kostroma: Gubernskaya tipografiya. – 206 s.

9. Kostromskoj kalendar' na 1896 god. – Kostroma: Gubernskaya tipografiya. – 200 s.

10. Lavryonova A.M. Otdel'nyj korpus zhandarmov i rossijskoe obshchestvo v 1880–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. – M.: RGGU, 2018. – 303 s.

11. Obshchij sostav upravlenij i chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 sentyabrya 1890 g. – SPb.: Tip.-lit. Mesnika i Rimana, 1890. – 349. – 9 s.

12. Peregudova Z.I. Politicheskij sysk v Rossii (1880–1917). – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2000. – 432 s.

13. Polovcov A.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t. Т. 2. 1887–1892. Kommentarii. Imennoj ukazatel'. – M.: Centrpoligraf, 2005. – 639 s.

14. Polozhenie o Korpuse ZHandarmov // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroje. Т. 42. – SPb, 1867. – S. 73–80, 705–708.

15. Prikazy po korpusu zhandarmov. – SPb., 1854. – № 1–101. – 340 s.

16. Prikazy po korpusu zhandarmov. – SPb., 1866. – № 1–160. – 415 s.

17. Prikazy po korpusu zhandarmov. – SPb., 1871. – № 1–111. – 598 s.

18. Romanov V.V. Mestnye organy politicheskoy policii Rossijskoj imperii: struktura, kompetenciya, osnovnye napravleniya deyatel'nosti v 1826–1860 gg.: na materialah Povolzh'ya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. – Ul'yanovsk, 2008. – 47 s.

19. Russkij provincial'nyj nekropol': [V. SHeremetevskij]. Т. 1. Gubernii: Arhangel'skaya, Vladimirskaya, Vologodskaya, Kostromskaya, Moskovskaya, Novgorodskaya, Oloneckaya, Pskovskaya, S.-Peterburgskaya, Tverskaya, YAroslavskaya i Vyborgskoj gubernii monastyri Valaamskij i Konevskij. – M.: Tip.-lit. tov-va I.N. Kushnerev i K°, 1914. – IX, 1008 s.

20. Ryabincev R.V. Stanovlenie i razvitie organov politicheskogo syska v rossijskoj provincii v 1880-h – 1917 gg. (na materialah Kostromskoj gubernii): dis. ... kand. ist. nauk. – Kostroma, 2004. – 27 s.

21. Spisok majoram po starshinstvu: (ispravleno po 18-e aprelya [1866 g.]). – SPb.: Voен. tip., 1866. – XLIV, 658 s.

22. Strahov L.V. Voronezhskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie: organizaciya i deyatel'nost' (1867–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. – Voronezh, 2017. – 389 s.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В данной статье представлена условная периодизация этапов деятельности Санкт-Петербургского минералогического общества. Объектом исследования является его деятельность с 1817 по 1917 г. Рассматриваются вопросы повседневной и научной деятельности Общества. Представлены количественные результаты различных направлений исследований Общества в области минералогии, геологии и других смежных наук. Приводятся данные изысканий, касающихся деятельности членов Минералогического общества. Освещаются основные механизмы сотрудничества государства и научного общества. Делается вывод об особой роли данного Общества в регулировании научных отношений в стране и за ее пределами. Активная деятельность Общества по разностороннему исследованию России позволила государству проводить научные исследования новых территорий, объединить отечественных ученых, ведущих изучение минералов, горных пород и полезных ископаемых, активизировать интерес общества к науке.

Ключевые слова: Минералогическое общество, научное общество, геология, минералогия, исследования, этапы деятельности, периодизация.

Образованное в Санкт-Петербурге в 1817 г. Санкт-Петербургское минералогическое общество (далее СПбМО, Общество), позднее переименованное в Императорское минералогическое общество (ИМО), правопреемником которого является Российское минералогическое общество (РМО), – старейшее в мире из ныне существующих минералогических обществ.

В настоящее время принято делить время существования СПбМО с момента создания до Октябрьской революции на несколько этапов: период становления Общества (1817–1830 гг.), период деятельности Общества до введения нового устава (1830–1864 гг.), период развертывания систематических геологических исследований России (1864–1882 гг.), период работы Общества с года учреждения Геологического комитета до Октябрьской революции (1882–1917 гг.) [4, с. 21]. Эта условная периодизация, связанная с основополагающими вехами развития Общества, имеет один существенный недостаток: на основании имеющихся исторических сведений проблематично обосновать 1830 г. в качестве границы первого и второго периодов. В самом деле, с этим годом связана публикация первого тома трудов СПбМО, однако издательская деятельность была лишь одним из многих направлений деятельности Общества. Детальное же рассмотрение специфики последней позволяет сделать вывод о том, что знаковое для Общества событие произошло в 1825 г. В этом году по инициативе руководства СПбМО началось государственное финансирование исследований, выполняемых его членами. С этого момента меняется характер деятельности Общества, существенно усиливается ее научная составляющая. Таким образом, имеет смысл считать 1825 г. началом второго этапа деятельности СПбМО, а в основу разбиения на периоды заложить специфику деятельности Общества. Рассмотрим характерные особенности деятельности Общества на разных этапах его существования.

Все этапы многолетней деятельности СПбМО были направлены на изучение теоретических и практических аспектов геологии, минералогии, палеонтологии. Проводимые исследования отражали не только уровень развития науки на данный момент, но и становились фактором и локомотивом её дальнейшего развития.

СПбМО было организовано по образцу и подобию европейских, в частности немецких, минералогических обществ. Первое минералогическое общество в мире было основано за 20 лет до российского в 1797 г. в Германии при университете г. Йена. Инициатором создания СПбМО стал выпускник Йенского университета Л. Пансер, прибывший в 1802 г. в Санкт-Петербург [3, с. 96]. Учредителями, авторами первого устава и проекта постановления об учреждении СПбМО стали 33 человека, среди которых были как отечественные подвижники науки, так и немецкие ученые. Таким образом, немецкая научная минералогическая школа, становление которой пришлось на конец XVIII в. – начало XIX в., через своих представителей существенным образом повлияла на создание и становление русского минералогического общества.

Следует отметить, что влияние немецкой минералогической школы на СПбМО было существенным лишь на первом этапе его деятельности, приходившемся на период 1817–1825 гг. и связанным со становлением его деятельности, установлением научных связей, определением основных направлений дальнейшей деятельности. Целью Общества, учрежденного в январе 1817 г. по инициативе 33 видных деятелей государства, науки и бизнеса, провозглашалось «усовершенствование и всеобщее распространение познаний в неорганической природе» [5, с. 15]. Государство практически сразу поддержало создание Общества, в июне 1817 г. император Александр I утвердил постановление Общества и разрешил употребление печати с государственным гербом. Устав СПбМО определил

характер его деятельности: «Предмет, которым общество предполагает заниматься, есть минералогия во всем пространстве сего слова» [1, с. 2]. Это стало девизом Общества с начала основания и является таковым до сих пор. Для реализации цели, провозглашенной в уставе, Минералогическое общество было призвано осуществлять ряд функций, которые можно подразделить на организационную, просветительскую, исследовательскую. В частности, в уставе провозглашалось, что члены Общества должны вести исследования геологического строения минеральных богатств России, а также изучать вещественный состав минералов, горных пород и руд.

Уже на начальном этапе деятельности на заседаниях СПбМО ученые представляли серьезные доклады, делились результатами экспериментов и открытий в области естественных наук и минералогии, вели смелые научные дискуссии в дружелюбной непринужденной обстановке. В частности, первые доклады были заслушаны уже через месяц после создания Общества во время второго заседания его членов. Начали формироваться библиотека Общества и Минеральный кабинет, были организованы первые научные экспедиции.

В течение относительно короткого периода времени были установлены связи с отечественными и зарубежными исследователями. На каждом заседании СПбМО шло принятие новых членов. Коллекция Минерального кабинета пополнялась новыми экспонатами: минералами, горными породами, полезными ископаемыми и ископаемыми органическими остатками. Ценный материал поступал как из разных регионов Российской империи (Петербургская, Вологодская, Олонецкая и др. губернии, Урал, Сибирь), так и из-за рубежа. Необходимо отметить, что пополнение коллекции Минерального кабинета осуществлялось двумя путями: приобретением и через пожертвования. Экспонаты, представленные в Минеральном кабинете, вызвали интерес у просвещенных людей и ученых-естествоиспытателей. Помимо минералов и других полезных ископаемых исследователи привозили в дар Обществу с разных уголков мира инструменты и реагенты, необходимые для исследований. Информация о создании Общества распространилась среди ученых и любителей природы страны. Его создание способствовало активизации краеведческих научных исследований.

Деятельность Общества на первом этапе его существования была ограничена недостатком денежных средств [2, с. 24–28]. Изначально финансирование Общества осуществлялось исключительно за счет членских взносов, составлявших 25 рублей ежегодно с каждого действительного члена. Бюджет Общества до 1825 г. составлял чуть меньше 1 тыс. руб. ассигнациями. Собранных денежных средств хватало в основном на осуществление бы-

товых расходов Общества. В первое десятилетие существования СПбМО издательская деятельность была затруднена и продвигалась медленно по двум причинам: из-за недостатка средств и отсутствия оригинального материала. Отдельные статьи, написанные членами общества, публиковались в издававшихся в то время журналах: «Отечественные записки», «Указатель открытий», «Горный журнал». В целом в период с 1817 г. по 1825 г. членами СПбМО было опубликовано в разных журналах около 100 научных работ по различной тематике: региональной геологии, минералогии, учении о полезных ископаемых, петрографии, палеонтологии, геохимии, геодинамике. Часть публикаций была посвящена вопросам истории геологии и смежных наук. Основу большинства исследований, проведенных членами СПбМО и описанных затем в указанных публикациях, составляют геологические объекты, находящиеся на территории европейской части Российской империи (Санкт-Петербург, Карелия, Финляндия, Ингерманландия, Малороссия и т. д.). Значительно меньше в геологическом плане была охвачена исследованиями территория Урала, Сибири и Средней Азии.

Второй этап (1825–1864 гг.) отмечается более интенсивным развитием научной деятельности СПбМО, попытками установления связей с государственными структурами и учреждениями. В социально-экономическом плане он совпал с периодом разложения крепостнического строя в России и наметившимся промышленным прорывом. Развитие промышленного капитала в России в рассматриваемый период дало новый мощный толчок для подъема во всех областях культуры и науки. В развитии минералогии стал наблюдаться ярко выраженный прогресс. Активизация научных исследований в области минералогии и смежных наук во второй четверти XIX века напрямую связана с деятельностью СПбМО, которая в этот период продолжает развиваться по тем направлениям теоретических исследований, которые были заложены на предыдущем этапе его существования: изучение минералов, полезных ископаемых, публикация исследований и др.

Развитие минералогических знаний, осуществляемое членами СПбМО, шло в рассматриваемый период самостоятельным путем и вскоре достигло столь высокого уровня, что обратило на себя внимание всей Западной Европы. Огромную роль в этом сыграли организованные СПбМО экспедиции ученых по разным частям страны, в том числе по Уралу и Сибири. Геологические исследования отдельных небольших областей (в частности Уральского хребта, локальных местностей Западной и Восточной Сибири и др.), выполненные геологами СПбМО, послужили основой для установления закономерностей распределения полезных ископаемых на территории России [3, с. 95–102].

Увеличение количества геолого-поисковых экспедиций, проведенных членами СПбМО, объясняется началом в 1825 г. по хадатайству руководства Общества его государственного финансирования.

Помимо организации и проведения геологических экспедиций члены СПбМО продолжали пополнять Минеральный кабинет, осуществляли публичное чтение лекций, занимались популяризацией науки, начали осуществлять издательскую деятельность. Первое периодическое издание СПбМО – «Труды минералогического общества в Санкт-Петербурге» – появилось через 13 лет после его создания, в 1830 г. [3, с. 96]. Наличие собственного печатного органа послужило импульсом в развитии Минералогического общества, а также привлекло внимание большого количества ученых и специалистов. В целом результаты минералогических, петрографических и геологических исследований ряда районов России за период с 1830 г. по 1864 г. нашли отражение в 16 томах «Трудов Минералогического общества», где было помещено более 200 статей [6, с. 120].

Третий период существования ИМО, с 1864 г. по 1882 г., пришелся на время отмены в России крепостного права и связанной с этим перестройкой народного хозяйства. Оживление экономического развития России требовало существенного пополнения запасов минерально-сырьевых ресурсов, поскольку именно они составляют экономический потенциал для такого развития. Начиная с 1864 г. ИМО организовало целенаправленную деятельность по поиску новых месторождений полезных ископаемых на территории Российской империи. В этот период началось всестороннее геологическое изучение территории России.

В начале второй половины XIX в. стало обнаруживаться несоответствие устава, принятого в 1817 г., на заре создания Общества, изменившейся социально-экономической ситуации в России. Изменение устава ИМО, инициированное в 1862 г. руководством Общества, успешно завершилось в 1864 г. [5, с. 42]. Новый устав закрепил изменение целей, организационной структуры ИМО, его места в научном мире, финансирования, полномочий руководителей, управления, степени открытости. В уставе, в частности, говорилось, что с целью исследования минеральных богатств России Общество должно снаряжать ученые экспедиции [7, с. 4]. В этой связи в 1866 г. были разработаны и утверждены основополагающие документы: План проведения геологических исследований и Правила для руководства при снаряжении геологических экспедиций. Документы официально подтверждали наличие государственной субсидии на проведение исследований для составления подробной геологической карты Европейской России.

О масштабе этих исследований можно судить по территории, охваченной ими. Она включала

в себя около 30 губерний России. Сюда относится северо-западная (Петербургская губерния и прилегающие к ней губернии) и средняя часть России (Московская губерния и прилегающие к ней губернии), а также западные губернии: Витебская, Могилевская и др., большая часть Украины, Нижнее и Среднее Поволжье, Приуралье: Пермская, Уфимская, Оренбургская губернии, северная часть Европейской России [2, с. 27]. Именно СПбМО в период с 1864 г. по 1882 г. выполняло роль геологической службы России [3, с. 95–102].

Начало четвертого периода дореволюционной деятельности ИМО (1882–1917 гг.) совпало со временем существенного промышленного подъема, который испытала российская экономика в течение двух последних десятилетий XIX в. По мере расширения планов правительства в начале 80-х гг. XIX века по выводу страны на более высокий уровень социально-экономического развития стало ясно, что это невозможно без существенного пополнения минерально-сырьевой базы. Это требовало усиления геологической разведки и разработки источников минерального сырья. При этом оказалось, что одних лишь общественных сил в виде ИМО в области разработки и добычи полезных ископаемых в стране не хватает. В пореформенный период появляются планы создания на базе ИМО государственной или полугосударственной структуры для совершения рывка в плане разработки полезных ископаемых. Создание в 1882 г. Геологического комитета, к которому перешли функции государственной геологической службы, стало важным результатом объединения государственных и общественных сил в деле развития минералогических наук и внедрения научных разработок в развитие промышленности в России [5, с. 98].

Период 1882–1917 гг. характеризуется слаженной совместной работой ИМО и Геологического комитета, а также связями с другими образовательными и научными учреждениями. В рассматриваемый период большое значение приобрели заказы Обществу со стороны государства на проведение тематических исследований в области вещественного состава минералов, горных пород и руд. Начиная с 1882 г. произошел очередной всплеск в сфере издательской деятельности Общества. Последняя до сих пор играет важную роль в развитии и популяризации геологических наук и знаний о минералах, горных породах и полезных ископаемых и выполняется силами существующего ныне Российского минералогического общества. С созданием Геологического комитета сохранилось государственное финансирование ИМО. Оно продолжало получать ежегодно субсидию в размере 3000 рублей на геологические исследования для составления детальной карты России, хотя в своих новых экспедициях преследовало уже более скромные цели [5, с. 75].

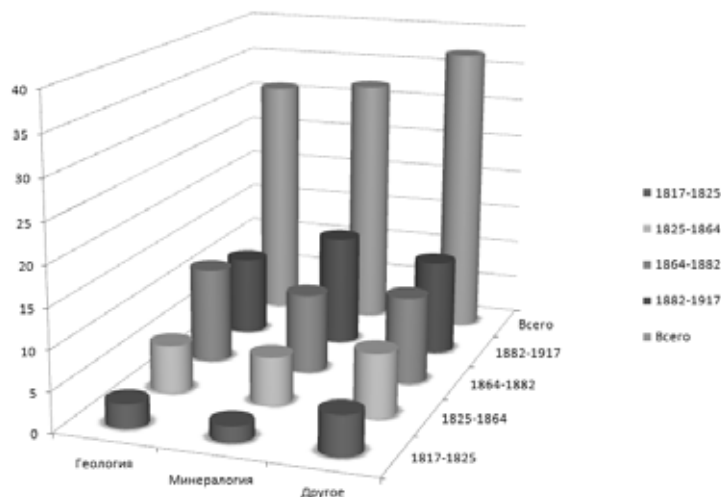

Рис. 1. Долевое соотношение активности членов СПБМО (ИМО) по направлениям исследований в 1817–1917 гг.

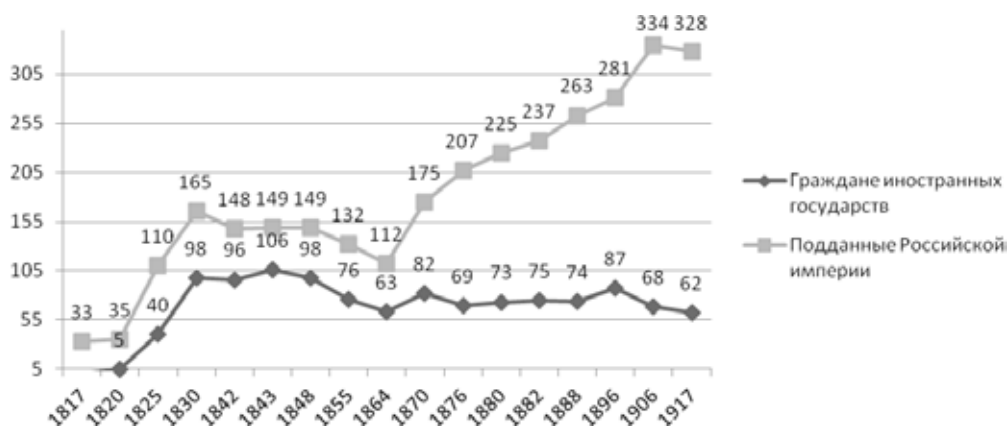

Рис. 2. Изменение численности членов СПБМО (ИМО) в 1817–1917 гг.

Как отмечалось выше, основными направлениями исследований членов СПБМО во все времена являлись геология и минералогия. На рисунке 1 показано, как менялась тематика исследований членов СПБМО по мере становления и развития Общества. На этом рисунке представлено в долях соотношение исследований членов ИМО в геологии, минералогии и других смежных областях (петрография, учение о полезных ископаемых, палеонтология, геодинамика, геохимия и др.). Как видно из рисунка 1, большая часть исследований была посвящена двум наукам: минералогии и геологии, в первую очередь региональной. Наименьшее число исследований – 10 % от общего числа – было осуществлено в период образования Общества (1817–1825 гг.). Начиная с 1825 г., когда государство начало финансирование СПБМО, количество прикладных исследований начинает возрастать: 20 % исследований было проведено в период 1825–1864 гг., 33 % – в период 1864–1882 гг., 37 % – в период 1882–1917 гг. После принятия нового устава в 1864 г. и вплоть до 1882 г. максимальное число исследований (12 %) членов Общества было проведено в области региональной геологии. После учреждения Геологического коми-

тета в 1882 г. основное направление исследований меняется, на первый план выходит минералогия, в этой области в период 1882–1917 г. членами Общества было проведено наибольшее число исследований – 14 %.

Устойчивое увеличение количества проводимых исследований было бы невозможным без роста числа исследователей. На рисунке 2 представлены сведения, позволяющие проследить динамику численности членов СПБМО (ИМО) в дореволюционный период. Из рисунка 2 видно, что устойчивое увеличение числа членов Общества началось с момента принятия нового устава в 1864 г. Этот устав сделал характер Общества более демократичным, открыв его для профессиональных и непрофессиональных членов, поставив на первый план распространение в гражданском обществе результатов своих исследований. Максимальное расширение рядов членов ИМО произошло в конце XIX – начале XX в., что является следствием социально-экономических процессов в Российской империи на рубеже веков, в частности, связано с экономическим прорывом, наблюдавшимся в конце XIX в.

Жизнеспособность СПБМО обеспечивалась рядом факторов, к числу которых можно отнести

в первую очередь возможность выполнения его членами сложных научно-исследовательских задач практического характера на протяжении всего времени существования Общества. Реализация потенциала членов Общества в плане проведения прикладных и фундаментальных исследований в области геологии и минералогии стала возможной благодаря политике государства в отношении науки, созданию им необходимых организационно-экономических условий. В образовании тандема государство – Минералогическое общество велика роль членов СПбМО, и в первую очередь – руководства Общества. На протяжении всего времени существования СПбМО им руководили видные общественные, государственные и научные деятели, которые были вхожи во власть, имели прочный авторитет и признание в научном мире.

Подводя итоги анализа деятельности Минералогического общества в России в дореволюционный период, можно сделать следующие выводы. Императорское минералогическое общество, созданное в России по подобию иностранных минералогических обществ, представляет собой пример общественного научного объединения устойчивого эволюционного развития. Организованное в России ИМО, предназначенное изначально для консолидации всех исследователей, ведущих изучение минералов, горных пород и полезных ископаемых, постепенно стало эффективно выполнять функции государственной геологической службы и обеспечивать решение задач государственного масштаба в деле поиска и добычи минерального сырья с целью модернизации российской экономики и обеспечения промышленного прорыва страны.

Библиографический список

1. Постановление Российско-императорского минералогического общества в Санкт-Петербурге, высочайше утвержденное в 12 день июня 1817 года: со списком учредителей Общества. – СПб.: Печатано у М.Х. Иверсена, [1817]. – 23 с.
2. Руколеев А.В. Финансирование и деятельность Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества (1817–1917) // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 24–28.
3. Руколеев А.В., Дегальцева Е.А. Взаимодействие государства и научного сообщества (на примере Императорского минералогического общества, 1817–1917) [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (194). – С. 95–102. – Режим доступа: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/rukoleyev_a_v_95_102_5_194_2018.pdf.

4. Соловьев С.П. Минералогическое общество в дореволюционное время // Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук: К 150-летию со дня основания (1817–1967). – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. – С. 21.

5. Соловьев С.П., Доливо-Добровольский В.В. История Всесоюзного Минералогического общества и его роль в развитии геологических наук. – СПб.: Наука, 1992. – 334 с.

6. Соловьев С.П., Доливо-Добровольский В.В. Празднование 150-летнего юбилея (1817–1867 гг.) Всесоюзного минералогического общества // Записки Всесоюзного минералогического общества. – 1968. – № 1. – Ч. ХСVII. – С. 119–127.

7. Устав Минералогического общества: (утв. 4 дек. 1864 г.) – СПб.: Б. и., 1865. – 14 с.

References

1. Postanovlenie Rossijsko-imperatorskogo mineralogicheskogo obshchestva v Sankt-Peterburge, vysochajshe utverzhdennoe v 12 den' iyunya 1817 goda: so spiskom uchreditelej Obshchestva. – SPb.: Pechatano u M.H. Iversena, [1817]. – 23 s.
2. Rukoleev A.V. Finansirovanie i deyatelnost' Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo mineralogicheskogo obshchestva (1817–1917) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4. – S. 24–28.
3. Rukoleev A.V., Degal'ceva E.A. Vzaimodejstvie gosudarstva i nauchnogo soobshchestva (na primere Imperatorskogo mineralogicheskogo obshchestva, 1817–1917) [Elektronnyj resurs] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2018. – № 5 (194). – S. 95–102. – Rezhim dostupa: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/rukoleyev_a_v_95_102_5_194_2018.pdf.
4. Solov'ev S.P. Mineralogicheskoe obshchestvo v dorevolucionnoe vremya // Vsesoyuznoe mineralogicheskoe obshchestvo i ego rol' v razvitii geologicheskikh nauk: K 150-letiyu so dnya osnovaniya (1817–1967). – L.: Nauka, Leninr. otd-nie, 1967. – S. 21.
5. Solov'ev S.P., Dolivo-Dobrovol'skij V.V. Istoriya Vsesoyuznogo Mineralogicheskogo obshchestva i ego rol' v razvitii geologicheskikh nauk. – SPb.: Nauka, 1992. – 334 s.
6. Solov'ev S.P., Dolivo-Dobrovol'skij V.V. Prazdnovanie 150-letnego yubileya (1817–1867 gg.) Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva // Zapiski Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva. – 1968. – № 1. – CH. ХСVII. – S. 119–127.
7. Ustav Mineralogicheskogo obshchestva: (utv. 4 dek. 1864 g.) – SPb.: B. i., 1865. – 14 s.

Ковба Виктор Иванович

кандидат военных наук

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома
viktorkovba@yandex.ru

Чугунов Евгений Анатольевич

кандидат исторических наук

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома
e.a.chugunov@yandex.ru

Чугунова Ольга Дмитриевна

кандидат педагогических наук

Костромской государственный университет
od_chugunova@ksu.edu.ru

СУДЬБА ВОЕННОГО ИСТОРИКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ (А.Н. де Лазари: военачальник, ученый, педагог, жертва)

Авторы статьи на широком историческом материале исследовали жизненный путь и научно-преподавательскую деятельность генерал-майора, профессора, первого историка войск радиационной, химической и биологической защиты России А.Н. де Лазари, внесшего значительный вклад в развитие отечественной военно-исторической науки, системы высшего военного образования Советской России в 1930-е годы и ставшего жертвой сталинских репрессий.

Авторы, анализируя его биографию, приходят к выводу о том, что она во многом была характерна и даже типична для русского офицера, интеллигента, ученого и педагога, ставшего в переломный для истории Отечества момент на сторону Советской России. Однако А.Н. де Лазари в полной мере разделил трагическую судьбу и своего поколения, и своего сословия, и своей страны. В статье делается вывод о том, что его многочисленные военно-исторические и иные научные труды были и остаются актуальными для современной эпохи.

Ключевые слова: военная история, военная академия, Генеральный штаб, химическое оружие, Первая мировая война, офицер, преподаватель, химическое оружие.

Авторы настоящей работы – сотрудники кафедры, которую в 30-е гг. XX в. возглавлял Александр Николаевич де Лазари (1880–1942), посвящают свои размышления судьбе, военной, научной и педагогической его деятельности.

Дворянин, потомственный военный, подполковник Генерального штаба русской императорской армии, А.Н. де Лазари (рис. 1, 2) – один из первых военачальников, перешедших вскоре после Октябрьской революции 1917 г. на сторону советской власти, видный военный теоретик межвоенного периода и первый историк войск радиационной, химической и биологической защиты России,

преподаватель и начальник кафедры Военно-химической академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), генерал-майор.

Своими корнями род де Лазари уходит в древнюю историю итальянской аристократии. Его прапрадед Димитриос де Лазари в 1780 г. поступил на российскую военную службу, обосновался в Крыму, где и положил начало русской ветви де Лазари. Прадед же его воевал в русской армии против Наполеона в период Отечественной войны 1812 г., отец его был генералом.

Александр Николаевич продолжил вековую семейную традицию, избрав для себя нелегкий путь русского офицера. Окончив Тифлисский,

Рис. 1. А.Н. де Лазари – подполковник Генерального штаба русской императорской армии

Рис. 2. А.Н. де Лазари – генерал-майор, начальник кафедры истории военного искусства Военно-химической академии РККА

а затем и Сибирский кадетские корпуса, он поступил в Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, обучение в котором успешно завершил в 1901 г. Прослужив ряд лет на командных должностях в конной артиллерии, он поступил в академию Генерального штаба. По окончании академии в 1909 г. служил в Генеральном штабе. В 1911 г. был назначен старшим воспитателем Гатчинского Николаевского сиротского института, где, собственно, и началась его военно-педагогическая деятельность, поскольку здесь в трех старших классах с 1878 г. учебный курс преподавался в соответствии с программой трех старших классов военных гимназий [5]. К слову сказать, в стенах именно этого учебного заведения в разные годы работали такие выдающиеся педагоги, как О. Гугель (1830–1842) и К.Д. Ушинский (1854–1859). В институте служба А. Н. де Лазари продолжалась вплоть до начала войны в 1914 г.

Первая мировая война (1914–1918) явилась одним из наиболее масштабных и кровавых потрясений не только XX в., но и всей истории человечества. С самого ее начала Александр Николаевич был в действующей армии, занимался вопросами армейской разведки. Ему довелось стать непосредственным свидетелем первой газовой атаки германцев на русском фронте 31 мая 1915 г. Известно, что А.Н. де Лазари многократно проявил на полях сражений личное мужество и высокий профессионализм офицера-разведчика, о чем свидетельствуют награды, полученные им в период войны: орден Святой Анны 3-й степени (1914), орден Святого Владимира 4-й степени (1915), Георгиевское оружие (1917). Именно эта война станет впоследствии предметом многочисленных фундаментальных научных изысканий Александра Николаевича, изучение и обобщение ее опыта будет основополагающим материалом для его преподавательской деятельности по курсам военной истории и истории военного искусства.

Первая мировая война, революционные события 1917 г., а также последовавшая за ними Гражданская война коренным образом изменили российское общество, сами основы его существования, перспективы его исторического развития. Эти изменения с неизбежностью коснулись всех россиян независимо от возраста, пола, вероисповедания, социального статуса, профессиональной и национальной принадлежности. Не могли они не коснуться и А.Н. де Лазари как гражданина, патриота своего Отечества, кадрового офицера, генштабиста.

Суть происшедших после октября 1917 г. глобальных социальных изменений состояла в насильственном умерщвлении России «старой» и болезненном рождении России «новой», советской, которой нужны были в огромном количестве высокопрофессиональные управленцы, хозяйственники, творческие работники, и особенно – в условиях

разворачивающейся Гражданской войны и иностранной интервенции – военачальники и военные специалисты. Царская же армия к концу 1917 г. революцией была разрушена практически до основания. На ее обломках в силу продолжавшейся Первой мировой и начавшейся Гражданской войны стали формироваться две противоборствующие армии – Красная и Белая, в ряды которых вольно или невольно вовлекались миллионы россиян. В этой исторической ситуации особенно трагично складывалась судьба русского офицерского корпуса. К 1917 г. в царской армии находилось до 1 миллиона офицеров, и каждый из них теперь должен был сделать свой выбор, главный выбор в жизни.

Кадровая проблема, как и проблема кадровой преемственности, оставались острыми до самого окончания Гражданской войны, прежде всего в вооруженных силах Советской Республики. Полководческие таланты и военные успехи во время Гражданской войны многих военачальников, выдвинувшихся, как принято было говорить, из гущи народа (Л.Д. Троцкий, М.В. Фрунзе, В.К. Блюхер, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов и др.), опирались не только на их природную одаренность и смекалку, не только на пламенные призывы комиссаров к борьбе за светлое будущее, но и на профессионализм, образованность, компетентность и патриотизм генералов и офицеров царской армии, поступивших на службу в РККА.

А.Н. де Лазари вступил в РККА в самый день ее официального рождения – 23 февраля 1918 г. Именно этот день через долгих 24 года станет роковым в судьбе и последним в жизни Александра Николаевича. Объясняя этот свой судьбоносный шаг жене Евгении Иосифовне (в девичестве – Кобылецкая) и дочерям, он сказал, что считает советскую власть пришедшей всерьез и надолго. Это заявление во многом созвучно словам генерала В.Д. Бонч-Бруевича, писавшего о мотивах своего перехода на сторону советов: «...Я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения» [1, с. 26].

Большинство офицеров, генералов, адмиралов, перешедших на службу советской власти, сделали свой выбор из патриотических побуждений, понимая, что в той обстановке не было иной силы, способной защитить Россию от иностранной интервенции, которая переплелась с белым движением, с борьбой русских против русских. Контр-адмирал, выпускник Николаевской морской академии, участник обороны Порт-Артура и Первой мировой войны В.М. Альтфатер о переходе на сторону советской власти в своем заявлении писал так, обращаясь к большевистскому руководству: «До сих пор я служил лишь потому, что считал нужным быть полезным России. Я не знал вас и не верил вам. Даже теперь многое мне непонятно, но

я убедился – вы любите Россию более многих из наших. Поэтому я пришел к вам» [6, с. 186].

Карьера де Лазари как военспеца в РККА складывалась весьма успешно. В 1918 г. он – начальник оперативного отдела штаба, начальник штаба и помощник военрука Смоленского района, начальник оперативного управления, начальник штаба Западного военного округа. В 1919 г. – начальник штаба и помощник командующего Западно-Сибирским военным округом, в 1920 г. – начальник штаба 3-й трудовой армии Восточного фронта, в 1921–1922 гг. – редактор Военно-исторической комиссии Высшего военного редакционного совета.

Уже в период Гражданской войны Александру Николаевичу как офицеру, имевшему богатый опыт работы в Генеральном штабе, а также и опыт воспитательной работы, пришлось продолжить свою военно-педагогическую деятельность, начавшуюся еще до Первой мировой войны в Гатчинском Николаевском сиротском институте. В 1919–1921 гг. он одновременно со службой на строевых должностях в РККА преподавал в Высшей военной школе Сибири. Связано это было с тем, что «при формировании регулярной Красной Армии подготовка преданных революции квалифицированных кадров была одной из самых важных задач. Уже в 1918 году для подготовки военных кадров в стране была создана сеть курсов красных командиров различных специальностей, училищ, высших военных школ, а на базе старой Николаевской академии была создана советская военная академия – академия Генерального штаба РККА» [2, с. 8]. Надо отметить, что в данный период времени военспецы весьма широко привлекались советской властью к подготовке красных командиров, что во многом и определило дальнейшую военную карьеру и судьбу в целом А.Н. де Лазари. С апреля 1922 г. Александр Николаевич – помощник начальника редакционной части и старший преподаватель кафедры военной истории Военной академии РККА (впоследствии – имени М.В. Фрунзе) в Москве, одновременно – руководитель практических занятий по администрации той же академии.

В межвоенный период (1922–1941) многие из бывших генштабистов продолжали служить в РККА или преподавать в военно-учебных заведениях. Большинство из них к концу 1930-х гг. занимали преподавательские должности, меньшая часть служила на высших командных и штабных должностях. В Военной академии химической защиты преподавали: полковник А.А. Бобринцев, в РККА – полковник, преподаватель и руководитель кафедры тактики химических войск в 1935–1937 гг.; подполковник А.Н. де Лазари, в РККА – комдив, генерал-майор, в 1932–1940 гг. – преподаватель, в 1940–1941 гг. – профессор, начальник кафедры истории военного искусства; генерал-майор М.М. Загю, в РККА – бригадный

интендант, генерал-лейтенант, старший руководитель кафедры управления войсками.

С 1932 г. и до трагического её окончания служба А.Н. де Лазари проходит в химических войсках. Он начинает преподавательскую и научную деятельность в Военно-химической академии РККА. Академия была создана в соответствии с постановлением Совета труда и обороны и приказом Реввоенсовета СССР от 13 мая 1932 г. [2, с. 12]. На тактические кафедры вновь создаваемой академии «были направлены из ранее созданных военных академий РККА крупные военные специалисты – комдивы А.И. Готовцев, Л.Л. Клюев, комбриг М.М. Загю, военный историк А.Н. де Лазари...» [2, с. 13].

В период становления (1933–1935) «кафедры оперативно-тактического цикла основное внимание уделяли становлению учебной и методической работы, повышению квалификации преподавательского состава. Наряду с использованием опыта преподавания оперативно-тактических дисциплин в других академиях и на химических курсах усовершенствования командного состава, многое в учебно-методической работе приходилось создавать заново. В числе первых преподавателей оперативно-тактических кафедр были А.Ф. Авроров, И.С. Антонюк, С.В. Артемьев. Историю войн преподавал А.Н. де Лазари, участник Гражданской войны...» [2, с. 25–26].

В 1936–1941 гг. академия, во многом уже сложившаяся как военное высшее учебное заведение и получившая даже почетное наименование «имени К.Е. Ворошилова», была на подъеме. Внутри нее широко и активно происходили реорганизационные процессы, направленные на улучшение и повышение качества преподавания и обучения слушателей. Так, «в 1937 году в связи с тем, что оперативно-тактическая подготовка на командно-инженерном факультете была практически ограничена изучением тактики соединений, все оперативно-тактические дисциплины стала преподавать кафедра тактики, которую возглавил генерал-лейтенант Л.Л. Клюев. Некоторое время до этого существовали кафедра военной истории (начальник – комбриг А.Н. де Лазари) и кафедра военно-химической метеорологии (начальник – интендант 2-го ранга Н.В. Сагатовский), которые вместе с кафедрой тактики химических войск вошли в состав новой кафедры тактики» [7, с. 25–26]. Среди преподавателей кафедры в предвоенные годы было весьма много высококвалифицированных военных специалистов и замечательных педагогов, таких как А.В. Авроров, С.И. Азарьев (впоследствии начальник кафедры академии Генерального штаба), В.Н. Галузо, А.Г. Вязаничев, А.Н. де Лазари, А.Н. Кислов (впоследствии ставший начальником Военно-химической академии РККА, затем – начальником академии Генерального штаба), Н.П. Озерский, Д.Е. Петухов (с 1943 по 1960 г. был

начальником Военно-химической академии РККА) и др. «До Великой Отечественной войны на кафедре был разработан ряд монографий, учебников и учебных пособий, которые широко использовались не только в стенах академии, но и в других военно-учебных заведениях. Среди них были: «Учебник по тылу», «Химический тыл» М.М. Загю; «Учебное пособие по противохимической обороне (ПХО)» под редакцией Л.Л. Клюева; «Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.» А.Н. де Лазари и др. Учебное пособие по ПХО, разработанное коллективом кафедры, стало настольной книгой начальников химической службы и было включено в «Библиотеку командира» [7, с. 25]. «Немало трудов, пособий и лекций было написано профессором генерал-майором (с 1940 г.) А.Н. де Лазари. Он был известен в Красной Армии как автор военно-исторических трудов, особенно атласов по истории мировой и гражданской войн. В приказе начальника академии по случаю его 60-летия было сказано: «Генерал-майор А.Н. де Лазари – опытный и энергичный преподаватель и ученый, непрерывно совершенствующийся и неустанно создающий новые труды» [7, с. 23]. В этой связи следует заметить, что активная научная деятельность А.Н. де Лазари началась еще тогда, когда он служил в Генштабе императорской армии. Его перу принадлежит ряд статей по военным вопросам в военной энциклопедии, вышедшей в 1912 г. После окончания Гражданской войны он продолжил свои научные исследования, что нашло отражение в целом ряде статей «Большой советской энциклопедии». Среди них «Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг.», «Полтавское сражение 1709 г.». В «Военно-историческом журнале» де Лазари опубликовал целую серию своих работ: «Русская артиллерия в мировой войне 1914–1918 гг.» (1940), «Календарь военных событий» (1940), «Военное вооружение Польского государства» (1940), «Химическое оружие в прошлом и настоящем» (1940). («Военно-исторический журнал» – ежемесячный научно-исследовательский журнал. В первом номере, который появился 29 августа 1939 г., редколлегией была определена политика нового издания: «Военно-исторический журнал» помещает на своих страницах научно-исследовательские статьи и материалы по истории Гражданской войны в СССР, истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии и партийно-политической работы в РККА; по истории военного искусства, по истории международных отношений и войн в эпоху империализма...») [4, с. 3].

В течение более 20 лет он работал над капитальным трудом «Синхронистические таблицы событий Первой мировой и Гражданской войн 1914–1922 гг.». Однако этот труд не был издан. До настоящего времени его местонахождение, к сожалению, неизвестно.

Период работы А.Н. де Лазари в Военно-химической академии РККА (1932–1941) был наиболее активным, плодотворным в его научной деятельности. Среди большого числа трудов, несомненно, одной из самых значительных его работ является «Мировая война 1914–1918 гг. в синхронистических таблицах». В целом же к числу наиболее важных его научных трудов принято относить: «Атлас схем к труду Зайончковского» (М., 1924); «Пролетарская революция на весах Мировой войны 1914–1918» (Десятилетие мировой войны: сб. статей. М., 1925); «Гражданская война в России в схемах» (Вып. 1: 1917–1918. М.: Госиздат, 1925); «Гражданская война в России в схемах» (Вып. 2: 1919–1920. М.: Госиздат, 1926); «Мировая империалистическая война 1914–1918 гг. Атлас схем» (М.: Госвоениздат, 1934); «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.» (М.: Госвоениздат, 1935); «Активная оборона корпуса. По опыту действий 25-го армейского корпуса в 1915 г.» (М., 1940).

Одно из особо заметных мест в научном наследии Александра Николаевича принадлежит работе «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.» [8], которая явилась первой попыткой исторического исследования оперативного и тактического применения химического оружия на фронтах главным образом западного и восточного театров Первой мировой войны, участником которой довелось быть ее автору. Для своего исторического очерка он использовал имевшиеся на русском языке печатные издания и некоторые исторические материалы старой русской армии, находившиеся в Военно-историческом архиве, а также разнообразные иностранные источники, не появившиеся тогда еще в печати на русском языке. Книга предназначалась прежде всего для слушателей Военно-химической академии РККА имени К.Е. Ворошилова, а затем и командиров всех родов войск. Книга после трагической гибели ее автора была изъята из открытых фондов всех библиотек и поэтому практически неизвестна современному читателю.

В своем предисловии к этому труду Александра Николаевича начальник академии корпусной комиссар Я.Л. Авиновицкий отмечал: «Очерк т. А.Н. де Лазари, представляющий собой попытку исторического исследования оперативного и тактического применения химического оружия в войне 1914–1918 гг., не может не привлечь внимания читателя по крайней мере по двум соображениям. Во-первых, потому, что специальная работа на эту тему на русском языке появляется впервые. Во-вторых, потому, что в системе новых вооружений всех капиталистических стран химическим средствам нападения отведено значительное место. Хотя материал, собранный т. де Лазари, не исчерпывает всей темы, он все же дает возможность сформулировать весьма поучительные выводы

в отношении оперативного и боевого использования химического оружия в войне 1914–1918 гг. и наметить в порядке прогноза, основанного на опыте мировой войны и высказываниях многочисленных иностранных авторов, тенденции применения его в будущей войне» [8, с. 15]. Яков Лазаревич Авиновицкий (1897–1938) был репрессирован и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1955 г.

Сам автор так определял цель и причину создания своего труда: «Отсутствие собранного воедино и систематизированного по тому или другому признаку этого многочисленного, но весьма разбросанного материала по развитию химического оружия и трудность поэтому для изучающего историю развития этого оружия пользоваться этим материалом обязывали автора, как руководителя кафедры истории военного искусства в Химической академии РККА им. К.Е. Ворошилова с первых же дней принятия на себя обязанности по руководству означенной кафедрой, дать краткий исторический очерк развития химического оружия» [8, с. 10].

Современное значение этого военно-исторического труда А.Н. де Лазари связано с целым рядом обстоятельств. Сегодня химическое оружие того типа, о котором он писал, запрещено и закончено его уничтожение на специально для того построенных заводах. Проблема уже не только и не столько в самом этом оружии, сколько в утрате неких системных знаний о появлении и эволюции одного из видов оружия массового поражения. Без такого рода знаний невозможно отслеживать тенденции в эволюции тех видов оружия массового поражения, которые придут на смену химическому оружию в наступившем XXI столетии. К сожалению, книга А.Н. де Лазари, несмотря на прошедшие с момента ее издания восемьдесят с лишним лет, так и осталась почти единственным источником информации по данному вопросу.

К числу фундаментальных трудов А.Н. де Лазари принадлежат также «Атлас схем к труду Зайончковского» (Андрей Медардович Зайончковский (1862–1926) – русский и советский военный историк и теоретик, гвардейский генерал от инфантерии. В советское время преподавал в Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе) и «Мировая империалистическая война 1914–1918 гг. Атлас схем».

В мае 1940 г. А.Н. де Лазари было присвоено воинское звание генерал-майор и ученое звание профессор, а 25 июня 1941 г. родные видели его в последний раз. Александр Николаевич был арестован органами НКВД. В ходе следствия до 18 октября 1941 г. он находился в Бутырской тюрьме в Москве. Позднее в связи с приближением фронта к столице он был переведен в Саратов. 13 февраля 1942 г. решением ОСО НКВД СССР А.Н. де Лазари был осужден за измену Родине «как участник антисоветского военного заговора» (признал участие в офицерской группе А.А. Свечина с 1925 г., уча-

стие в заговоре с 1935 г., шпионаж в пользу Италии) сроком на 10 лет. Однако, вопреки приговору, по личному решению И.В. Сталина был расстрелян 23 февраля (именно в день своего вступления в ряды РККА в 1918 г.!) 1942 г. В 1956 г. А.Н. де Лазари был реабилитирован посмертно ВК ВС СССР за отсутствием состава преступления.

Супруга Александра Николаевича, Евгения Иосифовна, тоже была арестована, а затем находилась в ссылке в селе Дзержинское Красноярского края до 1947 г. Освободилась она с сильно подорванным здоровьем и скончалась в 1948 г. (по другим данным в 1949 г.). Дочери, Александра Александровна и Нина Александровна, дожили в Москве до преклонного возраста.

Жизненный путь Александра Николаевича де Лазари был и ярким и сложным, во многом характерным и даже типичным для русского офицера, интеллигента, ученого и педагога, ставшего в переломный для истории Отечества момент на сторону Советской России. Выдающийся военный историк в полной мере разделил трагическую судьбу и своего поколения, и своего сословия, и своей страны. Многочисленные его военно-исторические и иные научные труды, несмотря на изъятие и уничтожение в период сталинизма, а также последующее забвение на целые десятилетия, были и остаются важнейшим источником актуальной вплоть до сегодняшнего дня информации по ряду вопросов, связанных с необходимостью постоянного отслеживания и всестороннего анализа различных тенденций в эволюции тех видов оружия массового поражения, которые, несомненно, придут на смену химическому оружию в достаточно близкой исторической перспективе.

Библиографический список

1. *Бонч-Бруевич В.Д.* Вся власть советам. Воспоминания. – М., 1957.
2. Военная Краснознаменная академия химической защиты имени маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (1932–1982): исторический очерк. – М., 1982.
3. Военная ордена Октябрьской революции Краснознаменная академия химической защиты имени маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (1932–1992): исторический очерк. – М., 1992.
4. Военно-исторический журнал. – 1939. – № 1.
5. Гатчинский Николаевский сиротский институт // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1890–1907.
6. *Гофман М.* Война упущенных возможностей. – СПб., 2017.
7. Кафедра общей тактики и оперативно-го искусства Военной академии радиационной, химической и биологической защиты. 85 лет (1932–2017 гг.): историко-биографический очерк. – Кострома: ВА РХБЗ, 2017.

8. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: краткий исторический очерк. – М.: Вузовская книга, 2008. – 268 с.

References

1. Bonch-Bruevich V.D. Vsyā vlast' sovetam. Vospominaniya. – М., 1957.

2. Voennaya Krasnoznamennaya akademiya himicheskoy zashchity imeni marshala Sovetskogo Soyuzā S.K. Timoshenko (1932–1982): istoricheskij ocherk. – М., 1982.

3. Voennaya ordena Oktyabr'skoj revolyucii Krasnoznamennaya akademiya himicheskoy zashchity imeni marshala Sovetskogo Soyuzā S.K. Timoshenko (1932–1992): istoricheskij ocherk. – М., 1992.

4. Voенno-istoricheskij zhurnal. – 1939. – № 1.

5. Gatchinskij Nikolaevskij sirotskij institut // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. – SPb., 1890–1907.

6. Gofman M. Vojna upushchennyh vozmozhnostej. – SPb., 2017.

7. Kafedra obshchej taktiki i operativnogo iskusstva Voенnoj akademii radiacionnoj, himicheskoy i biologicheskoy zashchity. 85 let (1932–2017 gg.): istoriko-biograficheskij ocherk. – Kostroma: VA RHBZ, 2017.

8. Himicheskoe oruzhie na frontah mirovoj vojny 1914–1918 gg.: kratkij istoricheskij ocherk. – М.: Vuzovskaya kniga, 2008. – 268 s.

Ермушин Максим Валерьевич

кандидат исторических наук

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
ermuschin@yandex.ru**Митров Алексей Геннадьевич**

кандидат исторических наук

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
mika238@yandex.ru**Беляев Геннадий Витальевич**Костромская государственная сельскохозяйственная академия
BelyaevArmy2014@yandex.ru

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СОВЕЩАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1920–30-Е ГГ. В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ, РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

В статье анализируются результаты исторических исследований деятельности производственных совещаний на предприятиях советской промышленности в 1920–30-е гг. Анализ историографии позволил авторам выделить тенденции и этапы изучения работы производственных совещаний. На первом этапе, во второй половине 20-х годов XX в., основное внимание исследователей сосредоточено на формах и методах организации рабочего самоуправления и его роли в жизни предприятий. В последующем, в 1930-е годы, производственные совещания рассматриваются как элемент социалистических соревнований. На третьем этапе, в 1950–70-е годы, историки акцентировали внимание на роли производственных совещаний в развитии политического сознания рабочих. В 1980–90-х годах интерес к исследованию данной темы снижается. На современном этапе в связи с активизацией изучения истории рабочего движения тема производственных совещаний вновь стала актуальной. Авторами обозначены задачи дальнейшего исследования истории производственных совещаний.

Ключевые слова: производственные совещания, профсоюзы, промышленность, социалистические соревнования, историография, производственные компании.

Производственные совещания (ПС) в 1920–30-е гг. играли заметную роль в работе промышленных предприятий. ПС выполняли задачи, связанные с рационализацией производства, уменьшением конфликтов между рабочими и администрацией предприятия, вовлечением рабочих масс в обсуждение актуальных производственных вопросов: нормирование труда, повышение трудовой дисциплины и др. В системе трудовой мотивации, разработанной Ч. и К. Тилли, М. ванн Дер Линденом, производственные совещания можно отнести к таким стимулам, как вознаграждение и побуждение. Прежде чем внедрить рациональное предложение на производстве и, соответственно, получить процент от экономии (вознаграждение), который оно даст, рабочие должны были заручиться одобрением производственного совещания. Кроме того, производственные совещания являлись способом обращения к классовому сознанию рабочих, побуждая играть более активную роль в жизни предприятия. Поэтому производственные совещания можно рассматривать как одну из форм организации проявления рабочей инициативы, связанной с устранением недостатков в работе предприятий.

Зачастую на ПС рабочие не ограничивались обсуждением только производственных проблем. Рассматривались темы, непосредственно не связанные с работой предприятий, такие как политика партии по тем или иным вопросам, социальное положение рабочих и др. Таким образом, ПС играли

заметную роль в формировании оценки рабочими советской действительности. Поэтому деятельность производственных совещаний находилась под пристальным вниманием партийных, советских и профсоюзных органов.

Роль ПС на предприятиях советской промышленности анализировалась советскими исследователями преимущественно в рамках истории рабочего и профсоюзного движения [1; 2; 4; 13]. Значимая роль, которую ПС стали играть в жизни предприятий, вызвала необходимость обобщить опыт их работы. Первые исследования появились вскоре после организации ПС на фабриках и заводах. В трудах конца 1920-х гг. производственные совещания рассматривали как «упорядочение стихийных форм» выражения интересов рабочих масс, как форму рекрутирования кадров управленцев [5; 9; 10; 14]. Этот тезис закрепился в последующих исторических трудах советских исследователей. Работы конца 1920-х – начала 1930-х гг. ценны наличием большого фактического материала, многие авторы непосредственно принимали участие в работе производственных совещаний, имели возможность наблюдать процесс их становления.

В трудах 1920-х годов поднимался вопрос о роли профсоюзов в развитии рабочего самоуправления, предлагались практические рекомендации, как организовать и выстроить диалог с рабочими. На примере отдельных предприятий демонстрировалась тесная работа профсоюза и производственных совещаний для улучшения рабочего контроля [6; 18; 20; 23].

В историографии 1930–40-х гг. процессы индустриализации, свертывания НЭПа, милитаризация труда, Великая Отечественная война сместили акценты в исследованиях. В 30-е гг. главным качеством экономики становится сохранение положительной динамики статистики. На XVI Всесоюзной конференции Коммунистической партии в апреле 1929 г. указывалось, что преодоление трудностей, связанных с осуществлением пятилетнего плана, возможно лишь на основе роста активности и организованности трудящихся масс, их вовлечения в социалистическое строительство и в управление хозяйством на основе развития социалистического соревнования [15, т. 4, с. 454]. На первый план выдвигался вопрос: как командовать рабочей массой с целью максимального роста экономики? Производственные совещания наравне с профсоюзами становятся инструментом, который транслировал идеи власти.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», принятом в мае 1929 г., роль производственных совещаний определялась в качестве элемента в развитии социалистического соревнования [15, т. 4, с. 509]. Эти решения партии определили тематику исследований. Авторы рассматривали производственные совещания не как инструмент эффективной организации производства и регулирования трудовых отношений, а как часть подготовки социалистического соревнования. Выстраивалась линия: от коммунистических субботников, через производственные совещания – к социалистическому соревнованию и стахановскому движению [3; 14; 19].

В связи с борьбой с «правым уклоном» Н.И. Бухарина основным лейтмотивом в исследованиях стала критика опыта 1920-х гг. Поэтому ценность опыта профсоюзов в их взаимодействии с другими общественными органами управления 20-х гг. была поставлена под сомнение. В этой связи отдельно следует выделить работы М. Эскина и Д. Бердникова. Они стремились избежать политизированности в исследованиях. На примере деятельности ПС на заводах Ленинграда рассмотрены проблемы трудовой кооперации, выделена роль ПС по формированию заводского актива [26, с. 24].

В послевоенный период тональность работ не изменилась. В рамках критики деятельности М.П. Томского на страницах «История профсоюзного движения в СССР» профсоюзы и производственные совещания 1920-х годов изображались захваченными меньшевиками и эсерами, которые вели через них подрывную деятельность, стремясь отдалить профсоюз от партии [4; 12; 13].

Начиная с середины 1950-х гг., после смерти И.В. Сталина и в связи с началом «оттепели», появилась возможность широкого привлечения большего количества фактического материала. Постановление декабрьского пленума ЦК КПСС

1956 г. «Вопросы улучшения руководства народным хозяйством СССР» для улучшения работы профсоюзов обязало обеспечить регулярное проведение производственных совещаний. ПС стали «важнейшим участком» профсоюзной работы. Все это активизировало исследования производственных совещаний. Выходят монографии и статьи о роли партии в возникновении и развитии ПС, их участии в социалистическом строительстве [11; 16; 17; 21]. В 50–60-е гг. появились работы, в которых освещалась история производственных совещаний в отдельных районах страны и отраслях промышленности.

Разрабатывались вопросы участия рабочих в управлении производством и контроля снизу. В 1958 г. была опубликована статья Э.Б. Генкиной, в которой совещания рассматривались как форма производственной активности рабочего класса, вовлечения трудящихся в управление производством [7, с. 65]. Такой подход позволил исследовать деятельность производственных совещаний как самостоятельный процесс, выполнявший собственные задачи.

Возникновение ПС рассматривалось с 1921 года, фактически отсылая к предпосылкам их возникновения. Работу ПС связывали с вопросами функционирования производства и рассматривали как средство привлечения рабочих к организационным вопросам производства. Акцентировалось внимание на роли ПС в развитии политического сознания рабочих и росте дисциплины труда. И.П. Остапенко, Г.П. Алексеев выявили недостатки работы совещаний: низкий процент охвата рабочих, нерегулярный созыв, слабый учет и контроль над поступлением и реализацией предложений, вмешательство производственных совещаний и комиссий в деятельность хозяйственников [1, с. 20, 30].

В 1960-е гг. производственные совещания становятся предметом диссертационных исследований. В своей диссертации Г.П. Франко, привлекая статистический материал, рассматривает деятельность ПС как инструмент в борьбе за повышение производительности труда [25, с. 164]. В ряде работ, статьях М.Н. Петровичева, Ю.А. Якобсона сделана попытка показать роль рабочего в качестве непосредственного управляющего-производственного [22, с. 24–47; 27, с. 103–104]. Вне внимания авторов остается влияние рабочих на регламент и качество производства, социальный состав ПС, вопросы изобретательства и рационализаторства.

Характеризуя советскую историографию деятельности производственных совещаний, С.Б. Ульянова отмечает значительное влияние на исследования советских историков партийной пропаганды, которая рассматривала ПС в качестве доказательства участия рабочих в управлении производством и как школу воспитания в рабочем классе социали-

стического отношения к труду. Отсюда пересказ из работы в работу одних и тех же фактов, постановлений и директивных документов с целью доказать огромный интерес рабочих к ПС и эффективность моральных стимулов к труду [24, с. 72–83].

Исследования перестроечного и постперестроечного времени сводятся к критике сталинских методов руководства. В разоблачениях «ужасов» тоталитаризма не нашлось места производственным совещаниям, и тема осталась вне внимания историков. В 90-е годы, когда исследования по истории рабочего движения в СССР переживали спад, деятельность производственных совещаний практически не изучалась.

В современных российских исследованиях производственные совещания рассматриваются как инструмент, предназначенный для нейтрализации рабочего протеста. С середины 1920-х годов в рабочей среде сформировались негативные настроения, вызванные увеличением интенсивности труда. Мероприятия по ужесточению трудовой дисциплины, снижение расценок, пересмотр норм выработки вызвали острый протест рабочих. Безхозяйственность, высокие накладные расходы, разбухший штат служащих стали постоянными темами производственных совещаний. Тем самым рабочие вовлекались в проведение хозяйственной кампании, превращались из ее объекта в субъект. Производственные совещания давали рабочим иллюзию их влияния на производство.

Результаты работы ПС оцениваются двояко. С одной стороны, они способствовали преодолению трения между различными структурами производства, с другой – производственные совещания спровоцировали рост «спецедействия» [24, с. 72–83]. В силу этого инженеры, которые были обязаны принимать участие в ПС, делали это с большой неохотой и формально. В малотиражках, издаваемых на предприятиях, часто публиковали фельетоны, в которых высмеивался спящий на производственных совещаниях инженер.

Администрация предприятий смотрела на ПС негативно, поскольку они нарушали определенную вертикаль принятия и исполнения хозяйственных решений. Отношение дирекции предприятий к организациям, подобным производственным совещаниям, отражены в фельетонах того времени.

Зарубежная историография представлена авторами: Шейла Фицпатрик, Линн Виола и др. Исследователи ревизионистского и тоталитаристского направлений анализировали функционирование производственных совещаний как элемента, способствовавшего появлению *homosoveticus* [28; 29]. В работах исследователей в рамках теории производственной демократии, представленных трудами Д. Макгрегора, Б. Уорда и Д. Мид, работа производственных совещаний освещалась со схожих позиций.

На наш взгляд, исследователями недостаточно изучен вопрос о роли производственных совещаний в развитии «спецедействия» на промышленных предприятиях в 1920-е годы. Производственные совещания для инженеров часто становились судилищами. Рабочие возлагали на инженеров ответственность за простои, брак, нерациональное использование ресурсов предприятий и пр. Подобная критика инженеров встречала одобрение в рабочей среде [8]. Между тем ПС должны были, по замыслу государства, сблизить инженеров и рабочие массы на основе совместного решения производственных проблем. Обвинения в безхозяйственности со стороны рабочих, возможно, способствовали формированию пассивной позиции инженеров, которые стали смотреть на производственные совещания как на обременительную обязанность.

Библиографический список

1. *Алексеев Г.П.* Профсоюзы в системе управления социалистическим производством. – М.: Профиздат, 1975. – 230 с.
2. *Ворожейкин И.Е.* Летопись трудового героизма: Краткая история социалистического соревнования в СССР, 1917–1977 гг. – М., 1984. – 336 с.
3. *Бажанова З.* Новое в работе производственных совещаний. – М.: Госиздат, 1930. – 85 с.
4. *Белова Т.Н.* Борьба большевистской партии за перестройку работы профсоюзов в период развернутого наступления социализма по всему фронту (1929–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1951. – 15 с.
5. *Бубекин В., Филиппов А.* Ударные бригады. Опыт Урала. – М.: Молодая гвардия, 1929. – 48 с.
6. *Волков Ан.* Молодежь в производственных совещаниях. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. – 98 с.
7. *Генкина Э.Б.* Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921–1925) // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 30–65.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р.-5548. – Оп. 4. – Д. 26. – Л. 5, 8; Оп. 5. – Д. 26. – Л. 42 (об.); Оп. 6. – Д. 6. – Л. 2; Оп. 8. – Д. 61. – Л. 15.
9. *Глебов-Авилов Н.П.* Профессиональные союзы на путях оживления своей работы. – Л.: Лен. губ. совет проф. союзов, 1925. – 41 с.
10. *Гордон М.Я.* Участие рабочих в организации производства. От рабочего контроля к производственным совещаниям. – Л.: Изд-во ЛГСПС, 1927. – 96 с.
11. *Давыдкин Р.П.* Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Госполитиздат, 1954. – 224 с.
12. *Евстафьев Г.Н.* Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила эко-

номического развития советского общества. – М.: Госполитиздат, 1952. – 344 с.

13. *Екиурская А.К.* Борьба партии за перестройку работы профсоюзов в период перехода к новой экономической политике (1921–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л.: ЛГУ, 1955. – 15 с.

14. *Кафман А.* Рационализация и рабочая самодеятельность. – М.: Госиздат, 1930. – 79 с.

15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.

16. *Коровина М.Н.* Роль партийных организаций в руководстве производственными совещаниями в конце восстановительного периода (1924–1925 гг.). – М., 1957. – 30 с.

17. *Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И.* Очерки истории социалистического соревнования. – Л.: Лениздат, 1966. – 276 с.

18. *Липский М.* Производственные комиссии и производственные совещания: материалы для практической работы. – М.: Госиздат, 1925. – 114 с.

19. *Маркус Б.Л.* Труд в социалистическом обществе. – М.: Госполитиздат, 1939. – 308 с.

20. *Михайлов А.* Щи на производственное совещание. – М., 1929. – 29 с.

21. *Остапенко И.П.* Участие рабочего класса СССР в управлении производством. Производственные совещания в промышленности в 1921–1932 гг. – М.: Наука, 1964. – 208 с.

22. *Петровичев С.П.* Из опыта участия рабочих Иваново-Вознесенского района в деятельности ЦКК РКИ (1923–1934 гг.) // Ученые записки Ивановского гос. пед. ин-та. – Иваново, 1970. – Т. 68.

23. *Суслов И., Пуятин А.* Как организовать работу производственных совещаний. – М.: Изд-во МГСПС, 1927. – 56 с.

24. *Ульянова С.Б.* «Ленинградский почин»: (Производственные совещания в системе мотивации и стимулирования труда в 1920-е гг.) // Рынок труда в Санкт-Петербурге: проблемы и перспективы: сб. науч. трудов / под ред. проф. Б.В. Корнейчука. – СПб.: Нестор, 2003. – С. 72–83.

25. *Франко Г.П.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор борьбы рабочего класса за повышение производительности труда в промышленности (1921–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1968. – 205 с.

26. *Эскин М.* Основные пути развития социалистических форм труда. – М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1935. – 197 с.

27. *Якобсон Ю.А.* Производственные совещания на Иваново-Вознесенских текстильных фабриках (1924–1925 гг.) // Ученые записки Ивановского гос. пед. ин-та. – 1967. – Т. 47.

28. *Sheila Fitzpatrick.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1932. – Cambridge University Press, 1979.

29. *Lynne Viola.* Peasant rebels under Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance. – New York; Oxford, 1996.

References

1. Alekseev G.P. Profsoyuzy v sisteme upravleniya socialisticheskim proizvodstvom. – М.: Profizdat, 1975. – 230 s.

2. Vorozhejkin I.E. Letopis' trudovogo geroizma: Kratkaya istoriya socialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR, 1917–1977 gg. – М., 1984. – 336 s.

3. Bazhanova Z. Novoe v rabote proizvodstvennyh soveshchaniy. – М.: Gosizdat, 1930. – 85 s.

4. Belova T.N. Bor'ba bol'shevistskoj partii za perestrojku raboty profsoyuzov v period razvernutoho nastupleniya socializma po vsemu frontu (1929–1932 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – М.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1951. – 15 s.

5. Bubekin V., Filippov A. Udarnye brigady. Opyt Urala. – М.: Molodaya gvardiya, 1929. – 48 s.

6. Volkov An. Molodezh' v proizvodstvennyh soveshchaniyah. – М.; Л.: Molodaya gvardiya, 1928. – 98 s.

7. Genkina E.B. Vozniknovenie proizvodstvennyh soveshchaniy v gody vosstanovitel'nogo perioda (1921–1925) // Istoriya SSSR. – 1958. – № 3. – S. 30–65.

8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – F. R.-5548. – Op. 4. – D. 26. – L. 5, 8; Op. 5. – D. 26. – L. 42 (ob.); Op. 6. – D. 6. – L. 2; Op. 8. – D. 61. – L. 15.

9. Glebov-Avilov N.P. Professional'nye soyuzy na putyah ozhivleniya svoej raboty. – Л.: Len. gub. sovet prof. soyuzov, 1925. – 41 s.

10. Gordon M.YA. Uchastie rabochih v organizacii proizvodstva. Ot rabocheho kontrolya k proizvodstvennym soveshchaniyam. – Л.: Izd-vo LGSPS, 1927. – 96 s.

11. Davydkin R.P. Nachalo massovogo socialisticheskogo sorevnovaniya v promyshlennosti SSSR / Akad. nauk SSSR. In-t istorii. – М.: Gospolitizdat, 1954. – 224 s.

12. Evstaf'ev G.N. Socialisticheskoe sorevnovanie – zakonomernost' i dvizhushchaya sila ekonomicheskogo razvitiya sovetского obshchestva. – М.: Gospolitizdat, 1952. – 344 s.

13. Ekshurskaya A.K. Bor'ba partii za perestrojku raboty profsoyuzov v period perekhoda k novoj ekonomicheskoy politike (1921–1922 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Л.: LGU, 1955. – 15 s.

14. Kafman A. Racionalizaciya i rabochaya samodeyatel'nost'. – М.: Gosizdat, 1930. – 79 s.

15. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. – М.: Politizdat, 1984. – 575 с.

16. Korovina M.N. Rol' partijnyh organizacij v rukovodstve proizvodstvennymi soveshchaniyami

v konce vosstanovitel'nogo perioda (1924–1925 gg.). – M., 1957. – 30 s.

17. Lebedeva H.B., SHkaratan O.I. Ocherki istorii socialisticheskogo sorevnovaniya. – L.: Lenizdat, 1966. – 276 s.

18. Lipskij M. Proizvodstvennye komissii i proizvodstvennye soveshchaniya: materialy dlya prakticheskoy raboty. – M.: Gosizdat, 1925. – 114 s.

19. Markus B.L. Trud v socialisticheskom obshchestve. – M.: Gospolitizdat, 1939. – 308 s.

20. Mihajlov A. SHCHi na proizvodstvennoe soveshchanie. – M., 1929. – 29 s.

21. Ostapenko I.P. Uchastie rabocheho klassa SSSR v upravlenii proizvodstvom. Proizvodstvennye soveshchaniya v promyshlennosti v 1921–1932 gg. – M.: Nauka, 1964. – 208 s.

22. Petrovichev S.P. Iz opyta uchastiya rabochih Ivanovo-Voznesenskogo rajona v deyatelnosti CKK RKI (1923–1934 gg.) // Uchenye zapiski Ivanovskogo gos. ped. in-ta. – Ivanovo, 1970. – T. 68.

23. Suslov I., Putyatin A. Kak organizovat' rabotu proizvodstvennyh soveshchanij. – M.: Izd-vo MGSPS, 1927. – 56 s.

24. Ul'yanova S.B. «Leningradskij pochini»: (Proizvodstvennye soveshchaniya v sisteme motivacii i stimulirovaniya truda v 1920-e gg.) // Rynok truda v Sankt-Peterburge: problemy i perspektivy: sb. nauch. trudov / pod red. prof. B.V. Kornejchuka. – SPb.: Nestor, 2003. – S. 72–83.

25. Franko G.P. Kommunisticheskaya partiya – rukovoditel' i organizator bor'by rabocheho klassa za povyshenie proizvoditel'nosti truda v promyshlennosti (1921–1925 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1968. – 205 s.

26. Eskin M. Osnovnye puti razvitiya socialisticheskikh form truda. – M.; L.: Gos. social'no-ekonomicheskoe izd-vo, 1935. – 197 s.

27. YAkobson YU.A. Proizvodstvennye soveshchaniya na Ivanovo-Voznesenskikh tekstil'nyh fabrikah (1924–1925 gg.) // Uchenye zapiski Ivanovskogo gos. ped. in-ta. – 1967. – T. 47.

28. Sheila Fitzpatrick. Education and Social Mobility in the Soviet Un-ion, 1921–1932. – Cambridge University Press, 1979.

29. Lynne Viola. Peasant rebels under Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance. – New York; Oxford, 1996.

Абовян Елена Николаевна

кандидат исторических наук
Брянский государственный технический университет
abovyan-elena@rambler.ru

Дзюбан Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, кандидат педагогических наук
Институт мировых цивилизаций, г. Москва
bryanskstudzuban@mail.ru

НОВОЗЫБКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается региональный аспект партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на примере Новозыбковского района, анализируется процесс создания и деятельность партизанского движения в указанном регионе. Автор статьи представляет историографию вопроса, на основании исследований восстанавливает путь развития партизанского движения в регионе, его особенности. Отдельное внимание уделяется описанию состава и работы подпольных групп. Статья содержит важный фактический материал, авторами описывается хронология боев и выступлений, информация об укомплектованности отрядов техникой и оружием, подчеркивается значительная роль партизанских отрядов в движении советских войск к победе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, сопротивление, оккупация, победа.

Брянский регион общепризнанно считается партизанским краем. В годы Великой Отечественной войны тысячи человек воювали на оккупированной территории и в тылу врага. Крупные и мелкие партизанские отряды к середине войны существовали практически на всей территории СССР. Не стал исключением и Новозыбковский район.

В данной статье раскрывается региональный аспект партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на примере Новозыбковского района. Исследование направлено на сохранение истории о событиях военных лет, о том поколении, которое приняло на себя удар огромной силы, перенесло все ужасы войны.

Историография рассматриваемой темы обширна. Так, например, период оккупации, особенно в той части, которая касается деятельности подпольных организаций и партизанских отрядов, достаточно хорошо освещён в краеведческой литературе, посвященной истории г. Новозыбкова и Новозыбковского района в 1941–1943 гг. Одной из первых работ, в которой была раскрыта данная тема, была книга Ю. Колосова, И. Кеслера, А. Горбкова «Новозыбков», вышедшая в Приокском книжном издательстве в 1970 г. На страницах газеты «Маяк» неоднократно публиковались статьи А.Г. Эпштейна и А.Г. Кублицкого, посвященные данной тематике, были также опубликованы воспоминания Г.И. Гордеенко, комиссара партизанских отрядов имени Щорса и Спартака. Из современных работ следует отметить книгу Ю. Анисина, А. Кублицкого «Мария», вышедшую в издательстве Брянского государственного университета в 1995 г. и посвященную деятельности в оккупированном Новозыбкове подпольной группы под руководством М. Третьяковой [1; 2], а также книгу «Новозыбков», изданную в издательстве Брянского университета в 2001 г. А вот тема повседневной жизни населения на оккупированной территории практически

не нашла своего освещения, если не считать глав в книге «Новозыбков» (2001) и в работе Л.М. Выкочко «Как это было» (2006) [3]. Стоит упомянуть и одну из первых публикаций документальных источников на эту тему, осуществленную выборочно А.Э. Эпштейном в газете «Маяк» в 1975 г. – дневник Ф. Даленкина. Полная публикация этого источника была осуществлена только в 2005 г.

В 2006 г. в распоряжение Новозыбковского краеведческого музея Р.Н. Эпштейн был передан личный архив А.Г. Эпштейна. При разборке архива были обнаружены машинописные записи бесед А.Г. Эпштейна с жителями г. Новозыбкова и Новозыбковского района, проживавшими на оккупированной территории. Большая ценность этих записей в том, что они охватывают практически все слои населения оккупированного города – рядовых рабочих железнодорожных мастерских, главного хозяйства техникума, маслозавода, работников городской управы, артистов ансамбля песни и пляски, учителей школы, партизан, родственников подпольщиков. Записи содержат огромное число бытовых подробностей, позволяющих восстановить во всей полноте повседневную жизнь в оккупированном городе.

Наряду с архивом А.Г. Эпштейна были использованы и документальные материалы, хранящиеся в основном и вспомогательном фондах Новозыбковского краеведческого музея: воспоминания Д.Т. Сулоева, уже упоминавшийся дневник Ф. Даленкина и ряд других.

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Уже в первый день войны, в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» и «О мобилизации военнообязанных», на территории Орловской области, в состав которой входили Новозыбков и Новозыбковский район, были объявлены военное положение и мобилизация военнообязанных [6].

В первые дни войны в Новозыбкове и районе была проведена работа по эвакуации вглубь страны промышленных предприятий, животноводческих ферм. Создавались фронтовые бригады, строились оборонительные сооружения. Несмотря на большие трудности, население района приступило к уборке урожая и сдаче зерна.

В соответствии с постановлением исполнительного комитета Новозыбковского районного Совета депутатов трудящихся и приказом по Новозыбковскому военному гарнизону, с 23 июня 1941 года все предприятия в Новозыбкове и Новозыбковском районе были переведены на круглосуточный режим работы.

26 июня 1941 года в соответствии с постановлением бюро Орловского областного комитета «О мероприятиях по военной работе в комсомоле» в Новозыбкове и Новозыбковском районе была введена обязательная военная подготовка молодежи. В учебных подразделениях Осоавиахима была развернута подготовка ворошиловских стрелков, всадников, пулеметчиков, снайперов, бойцов противовоздушной и химической обороны, воздушного наблюдения, оповещения и связи. Комсомольские организации совместно с районным обществом Красного Креста создали санитарные посты на предприятиях, вокзале, в учреждениях, совхозе, колхозах, МТС. Для работы на санитарных постах привлекались значкисты «ГСО 2-й ступени» и учащиеся 9–10 классов. На предприятиях и в учреждениях создавались группы самообороны. В госпитале были созданы группы доноров, организованы курсы медицинских сестер.

В период с 24 по 26 августа 1941 г. немецкие войска оккупировали г. Новозыбков и Новозыбковский район. С этого времени партизанское движение только росло, было создано 13 партизанских отрядов, объединивших более 10 тысяч человек.

В соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) уже 29 июня 1941 г. в Новозыбкове был создан истребительный батальон в составе 250 человек. Командиром батальона был назначен начальник милиции К.Е. Старовойтов, комиссаром – секретарь бюро организации ВКП(б) Новозыбковского государственного педагогического института Ф.С. Бирюков.

12 августа 1941 г. на основе истребительного батальона был сформирован Новозыбковский партизанский отряд. Командиром партизанского отряда был назначен председатель исполнительного комитета Новозыбковского районного Совета депутатов трудящихся Н.С. Чернобаев, комиссаром отряда – районный прокурор Г.М. Савин. Личный состав отряда был разделен на пешую (командир Н.С. Чернобаев) и конную (командир А.Н. Поддубина, комиссар М.А. Левченко) группы. В отряд вступили, помимо указанных лиц, Г.И. Гордеенко, Я.Е. Музыченко, Г.И. Шендрик, А.И. Шаминько, П.М. Василевский, С.Т. Атрошенко, М.И. Гребенников, К.С. Карпеев, И.Н. Морозов, Ф.Е. Вес-

тимый, Л.А. Купареев и другие. В Деменской и Софиевской лесных дачах, в урочище Файки были оборудованы базы с продовольствием, оружием, боеприпасами, медикаментами. Так, 18 августа 1941 г. партизанский отряд, насчитывавший 168 человек, отправился в Софиевскую лесную дачу, к Паломским хуторам. 19 августа 1941 г. партизанский отряд расположился в Софиевской лесной даче и приступил к созданию укрепленного лагеря. 26 августа 1941 г. разведывательное подразделение немецких войск, продвигавшихся от Новозыбкова на с. Чуровичи через Софиевскую лесную дачу, натолкнулся на конную группу отряда, располагавшуюся у р. Вага, в урочище Накот. Дозоры, выставленные руководством конной группы отряда, заметили разведывательное подразделение немецких войск очень поздно. Исключалась и возможность отхода конной группы. Вооруженное столкновение было неизбежно. Бой, продолжавшийся 20 минут, вынудил разведывательное подразделение немецких войск отступить. В бою немецкие войска потеряли убитыми одного офицера и двух солдат. Партизаны потеряли убитыми двух человек.

В соответствии с принятым штабом решением обе группы отряда были объединены. Одновременно было принято решение о спешивании конной группы. Однако вскоре было принято решение о разделении отряда на отдельные мелкие группы. Они должны были разойтись в различные части Новозыбковского района и в лесные дачи для развертывания боевых действий. Руководство отряда считало, что мелкие группы будут неуязвимыми для врага [5].

2 сентября 1941 г. отдельные группы отряда стали расходиться из Софиевской лесной дачи. Штаб отряда остался в Софиевской лесной даче и вскоре потерял связь с группами. Не будучи уверенным в том, что группы сохранились, руководство штаба приняло решения об оставлении Софиевской лесной дачи и переходе линии фронта.

Судьба партизанских групп, сформированных из Новозыбковского партизанского отряда, была трагична: в течение сентября – октября 1941 г. из одиннадцати партизанских групп оккупантами были ликвидированы десять; руководители групп были арестованы и расстреляны [7]. Уцелела лишь одна группа – под командованием М.А. Левченко. В ее состав входило 5 человек: М.А. Левченко, П.М. Василевский, А.И. Шаминько, Я.Е. Музыченко, Н.И. Иващенко. В октябре 1941 г. группа М.А. Левченко переместилась из Любинской лесной дачи в Староруднянскую лесную дачу. В это время из-за линии фронта в группу прибыл Г.И. Гордеенко. В ноябре 1941 г. в группу М.А. Левченко вступили С.Ф. Атрошенко и Н.Н. Иващенко. Группой была создана сеть связных, в которую входили Горовой, И. Ребенок, С. Приходько, М. Приходько и др.

В ночь на 17 февраля 1942 г. группа М.А. Левченко осуществила операцию по разгрому поли-

цейского стана в с. Катичи. После операции, не понеся потерь, группа М.А. Левченко расположилась в Поджуравской лесной даче. В 10 часов утра 17 февраля 1942 г. карательный немецкий отряд оцепил Поджуравскую лесную дачу и в течение пяти часов подвергал ее обстрелу. Однако вглубь Поджуравской лесной дачи немцы идти побоялись. На огонь противника группа М.А. Левченко не отвечала. В ночь с 17 по 18 февраля 1942 г. группа М.А. Левченко перебралась в Любинскую лесную дачу и расположилась около хутора Любин, где находилась в течение двух недель. Во время пребывания в Любинской лесной даче в группу М.А. Левченко вступили И.С. Ковалев, Ф.Г. Дворкина и др.

В это же время произошло организационное оформление группы в отряд, численность которого составила 33 человека, вооруженных 27 винтовками, 4 автоматами, 2 ручными пулеметами. Командиром отряда был избран М.А. Левченко, комиссаром – Г.И. Гордеенко, начальником штаба – Сауленко. Отряду было присвоено имя Н.А. Щорса.

Еще в сентябре 1941 г. группа М.А. Левченко с помощью И.С. Зайцева и К.С. Зайцева установила связь с группой П.А. Маркова. В апреле 1942 г. из Семеновского района Черниговской области в отряд прибыли Н.С. Чернобаев, А.Н. Поддубина, Ф.С. Бирюков и др.

Не имея возможности уничтожить отряд, немецкие оккупационные власти подготовили и осуществили карательную операцию в с. Внуковичи. 14 мая 1942 г. противником в с. Внуковичи были захвачены члены семей братьев Зайцевых и семья М.А. Левченко.

1 мая 1942 г. из Елинских лесов в Софиевские леса прибыл Черниговский областной партизанский отряд им. Сталина под командованием А.Ф. Федорова. Через И.С. Зайцева М.А. Левченко получил сообщение о прибытии Черниговского областного партизанского отряда. А.Ф. Федоровым было предложено М.А. Левченко привести отряд имени Щорса на соединение с отрядом имени Сталина. Предложение А.Ф. Федорова было М.А. Левченко принято. 23 мая 1942 года отряд прибыл в Софиевские леса. 25 мая 1942 года в Софиевской лесной даче был создан объединенный партизанский гарнизон под командованием А.Ф. Федорова. В составе отряда им. Щорса в это время насчитывалось 160 человек.

Приказом А.Ф. Федорова командиром Новозыбковского партизанского отряда имени Щорса был назначен Ф.Ф. Тарасенко, комиссаром отряда – А.З. Михайлов. Командиром первой роты был назначен М.А. Левченко, комиссаром первой роты – Г.И. Гордеенко. В мае – июне 1942 года отряд вел диверсионную работу на железнодорожных участках Новозыбков – Унеча, Новозыбков – Гомель, Новозыбков – Новгород – Северский. В июле 1942 года группа отряда под командованием Я.Е. Музыченко уничтожила железнодорожный эшелон возле станции «Новозыбков» [8].

Стремясь уничтожить объединенный партизанский гарнизон, немецкое военное командование приступило к сосредоточению крупных воинских частей, усиленных танками и артиллерией, вокруг Софиевских лесов, которое завершилось к вечеру 25 июня 1942 г. Противником были заняты Новосергеевка, Софиевка, Большие и Малые Щербиничи, Рогов, Климово, Злынка, Великие Ляды, Паломы, Дубровка. На станции «Новозыбков» прибывали эшелоны с пехотой, артиллерией, танками. Общая численность войск, брошенных против объединенного партизанского гарнизона, была равна численности одной пехотной дивизии. Из-за отсутствия боеприпасов и превосходства сил противника было принято решение об уходе в леса Черниговской области. В ходе ожесточенных боев объединенному партизанскому гарнизону удалось прорвать блокаду.

3 июля 1942 г. в Блешенских лесах Черниговской области состоялось совещание командиров и комиссаров партизанских отрядов. На совещании было принято решение об объединении всех отрядов в одно соединение партизанских отрядов Черниговской области, командиром соединения стал А.Ф. Федоров.

В состав соединения вошли Злынковский партизанский отряд им. Ворошилова, Климовский партизанский отряд им. Кирова, Новозыбковский партизанский отряд им. Щорса, Черниговские партизанские отряды им. Ленина и им. Сталина, сформированные из рот Черниговского областного партизанского отряда им. Сталина. В дальнейшем боевая деятельность Новозыбковского партизанского отряда им. Щорса осуществлялась в составе соединения партизанских отрядов Черниговской области.

С 26 июня по 3 августа 1942 г. соединение партизанских отрядов находилось в Блешенских, Холменских, Рейментаровских лесах Черниговской области. Здесь им пришлось вести бои с немецкими войсками и туркестанским националистическим батальоном.

С 9 по 15 августа 1942 г. соединение партизанских отрядов находилось в Соловьевских и Софиевских лесах. В Софиевских лесах соединению партизанских отрядов пришлось вести бои с частями 221 немецкой пехотной дивизии.

15 августа 1942 г., оторвавшись от превосходящих сил противника, соединение партизанских отрядов ушло на территорию Белоруссии.

С 15 августа по 29 сентября 1942 г. соединение партизанских отрядов действовало в Ветковских, Чечерских, Святиловских лесах Гомельской области, Хотимских лесах Могилевской области.

Из мелких партизанских отрядов, действовавших на территории Ветковского и Святиловичского районов Гомельской области, были созданы партизанские отряды имени Калинина и имени Чапаева, вошедшие в состав соединения партизанских отрядов Черниговской области [6].

Перейдя реки Беседь и Ипуть, 4 октября 1942 г. соединение партизанских отрядов Черниговской области прибыло в Клетнянские и Мглинские леса Орловской области. Здесь соединение расположилось у сожженной немецкими войсками деревни Мамаевки Католинского сельского совета Мглинского района Орловской области.

4 октября 1942 г. в расположение соединения партизанских отрядов Черниговской области прибыл особый (тюремный) отряд Народного комиссариата внутренних дел СССР (командир Н.В. Зебницкий), действовавший на территории Клетнянского и Мглинского районов Орловской области.

17 октября 1942 г. соединение разгромило полицейский стан в с. Нивное Нивнянского сельского совета Суражского района Орловской области [1].

С 19 по 25 октября 1942 г. на партизанский аэродром, находившийся около д. Николаевка Католинского сельского совета Мглинского района Орловской области, из-за линии фронта прибыли три самолета с боеприпасами и типографской машиной, на которой печатали газету «Деснянская правда» и листовки на русском, украинском и белорусском языках. Обрато, в советский тыл, были отправлены больные и раненные.

В населенных пунктах Хотимского и Костюковичского районов Могилевской области, Клетнянского и Мглинского районов Орловской области были созданы партизанские комендатуры.

В расположение соединения партизанских отрядов Черниговской области и окрестных населенных пунктов были направлены обозы с зерном, картофелем, овощами, фуражом.

27 октября 1942 г. соединение разгромило полицейский стан в с. Лопазна Лопазненского сельского совета Суражского района Орловской области.

С 29 ноября по 26 декабря 1942 г. соединение не вело особых боевых действий и занималось строительством оборонительных укреплений. На аэродроме были приняты несколько самолетов. Из немногочисленных операций, осуществленных соединением с 29 ноября по 26 декабря 1942 г., следует отметить разгром железнодорожной станции Бельковичи, расположенной на территории Костюковичского района Могилевской области.

С 26 декабря 1942 г. по 12 января 1943 г. партизанские соединения приняли партизанскую присягу. Соединению партизанских отрядов Черниговской области было вручено боевое Красное знамя Совета народных комиссаров УССР.

12 января 1943 г. соединение разгромило гарнизон, располагавшийся в с. Мужиново Мужинового сельского совета Клетнянского района Орловской области.

В этот же день немецкое командование приступило к сосредоточению войск вокруг Клетнянских и Мглинских лесов.

18 января 1943 г. немецкие войска подвергли артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воз-

духа с. Католино Католинского сельского совета Мглинского района, деревню Николаевку Католинского сельского совета Мглинского района, деревню Алень Аленьского сельского совета Клетнянского района, деревню Болотня Болотнянского сельского совета Клетнянского района, с. Каменец (Камень) Каменецкого (Каменского) сельского совета Клетнянского района. В ходе боев противнику удалось захватить с. Католино Католинского сельского совета Мглинского района. Вечером 18 января 1943 года соединение партизанских отрядов Черниговской области оставило д. Николаевку Католинского сельского совета Мглинского района и отошло в д. Тельча Болотнянского сельского совета Клетнянского района [6].

25 января 1943 г. состоялся совет командиров, комиссаров и начальников штабов партизанских отрядов соединения. На Совете было принято решение об осуществлении прорыва блокады противника в районе деревень Николаевка Католинского сельского совета и Лукавица Цинковского сельского совета Мглинского района. В ночь на 26 января 1943 г. блокада противника была прорвана.

Прикрытие выходящего из окружения соединения осуществляли Климовский партизанский отряд им. Кирова, Новозыбковский партизанский отряд им. Щорса и белорусский партизанский отряд им. Калинина.

В леса Могилевской области из окружения вышли Черниговский партизанский отряд им. Ленина, Черниговский партизанский отряд им. Сталина, Климовский партизанский отряд им. Кирова, Злынковский партизанский отряд им. Ворошилова, Новозыбковский партизанский отряд им. Щорса, белорусский партизанский отряд им. Чапаева, особый (тюремный) отряд НКВД СССР.

Белорусский партизанский отряд им. Калинина, осуществлявший прикрытие тыла соединения, не смог вырваться из блокады и вынужден был остаться в Клетнянских и Мглинских лесах.

Центральным Штабом партизанского движения УССР был отдан приказ о выходе в Черниговские леса.

С 31 января по 6 февраля 1943 г. соединение вело боевые действия на территории Красногорского района Орловской области.

С 9 по 15 февраля 1943 г. соединение находилось в Святиловичских, Ветковских и Добрушских лесах Гомельской области.

15 февраля 1943 г. соединение перешло железную дорогу около г. Добруш Добрушского района Гомельской области.

17 февраля 1943 г. соединение прибыло в поселок Новосергеевка Климовского района Орловской области. В Климовских лесах соединение пробыло до 27 февраля 1943 г. Ночью 27 февраля 1943 г. соединение ушло в Елинские леса Черниговской области. 11 марта 1943 г. соединение партизанских отрядов Черниговской области под командованием А.Ф. Федорова ушло в поход на Западную Украину. Из остав-

ленной в Елинских Черниговской области группы партизан под командованием Н.Н. Попудренко, групп партизан Новозыбковского партизанского отряда им. Щорса, Злынковского партизанского отряда им. Ворошилова, Климовского партизанского отряда им. Кирова были организованы три роты.

19 марта 1943 г. в Софиевские леса была направлена группа под командованием А.Н. Поддубины. Впоследствии группа А.Н. Поддубины была преобразована в Новозыбковский партизанский отряд им. Ворошилова [5].

20 апреля 1943 г. соединение партизанских отрядов прибыло в Софиевские леса. В Софиевских лесах соединение пробыло до 19 мая 1943 г. Во время пребывания соединения партизанских отрядов в Софиевских лесах удалось выяснить, что в селах Митьковка, Хохловка, Рубежное, Сытая Буда были размещены большие гарнизоны итальянских войск. С 22 мая по 19 июня 1943 г. соединение партизанских отрядов находилось в Городнянских, Добрянских, Тупических, Любеческих, Остерских, Корюковских лесах Черниговской области. Совершив длительный переход, соединение партизанских отрядов 1 июля 1943 г. прибыло в Соловьевские леса. 2–3 июля 1943 г. немецкая разведывательная авиация подвергла бомбардировке и обстрелу Соловьевские леса и села Соловьевку и Куршановичи. Вечером 3 июля 1943 г. соединение партизанских отрядов покинуло Соловьевские леса. 4 июля 1943 г. соединение прибыло в Софиевские леса.

4 июля 1943 г. в Новозыбков, Злынку, Климово прибыли эшелоны с венгерскими войсками. 5 июля 1943 г. венгерские войска заняли Гетманскую Буду, Песочню, Новосергеевку, Важицу, Парасочки, Софиевку, Рогов, Ворогову Гуту и другие населенные пункты Злынковского и Климовского районов. К вечеру 5 июля 1943 г. соединение партизанских отрядов Черниговской области, партизанские бригады им. Суворова, им. Пожарского, специальный отряд ГРУ ГШ РККА были окружены. 6–7 июля 1943 г. окруженные отряды вели упорные бои с противником.

Вечером 7 июля 1943 г. был убит Н.Н. Попудренко. В связи с гибелью командира командование соединением партизанских отрядов Черниговской области принял комиссар соединения С.М. Новиков. 8 июля 1943 г. было сформировано новое руководство соединения партизанских отрядов Черниговской области. Командиром соединения стал командир отряда им. Сталина Ф.И. Коротков, комиссаром соединения – С.М. Новиков. Совет командиров, комиссаров и начальников штабов партизанских отрядов и бригад принял решение о прорыве кольца окружения на тракте Рогов – Новозыбков, недалеко от села (деревни) Дубровка Злынковского района. В результате прорыва основные силы партизан вырвались из окружения. В Софиевских лесах остался лишь Новозыбковский отряд имени Ворошилова (командир А.Н. Под-

дубина), охранявший больных и раненных. Из-за угрозы уничтожения отряд вынужден был разместиться в недоступных для противника болотистых местах. 25 сентября 1943 г. Новозыбковский партизанский отряд имени Ворошилова участвовал в освобождении г. Новозыбкова [8].

Также на территории Новозыбковского района в годы Великой Отечественной войны действовали: партизанский отряд им. Жукова под командованием И. Ковалева, сформированный из взвода Новозыбковского партизанского отряда имени Щорса в декабре 1942 г.; партизанский отряд имени Спартака, организованный из взвода Н.С. Орлова, также входившего в состав Новозыбковского партизанского отряда имени Щорса; соединения партизанских отрядов Черниговской области дважды Героя Советского Союза А.Ф. Федорова.

Во время боев с противником взвод под командованием Н.С. Орлова оторвался от Новозыбковского партизанского отряда имени Щорса и 4 февраля 1943 г. прибыл на территорию Новозыбковского района, где начал действовать в качестве самостоятельной партизанской группы. 6 мая 1943 г. партизанская группа Н.С. Орлова была преобразована в самостоятельный партизанский отряд. 31 мая 1943 г. в поселке Рассадники Новозыбковского района был сформирован партизанский отряд имени Спартака (командир Н.С. Орлов, комиссар Г.И. Гордеенко). Основной задачей отряда, действовавшего на территории Новозыбковского, Гордеевского, Красногорского районов Орловской области, являлось уничтожение органов управления и создание безвластия в оккупированных районах. Следует учесть, что с весны 1942 г. и до зимы 1943 г. на территории вышеуказанных районов не было постоянно действовавших партизанских групп и отрядов.

К 25 сентября 1943 г. партизанский отряд имени Спартака насчитывал 268 человек, из них 68 человек были переданы в партизанскую бригаду имени Пожарского. В соответствии с приказом начальника штаба партизанской бригады имени Пожарского от 29 августа 1943 г. партизанский отряд имени Спартака находился в поселке Рассадники Новозыбковского района. Общее руководство боевыми операциями партизанского отряда имени Спартака осуществляли командир отряда Н.С. Орлов и комиссар отряда Г.И. Гордеенко. Разработку оперативных планов проведения операций осуществляли заместитель командира по разведке Н.А. Лосев, начальник штаба Д.Р. Музыченко, помощник начальника штаба С.Ф. Атрошенко. Существенную роль в становлении партизанского отряда имени Спартака как боевого подразделения сыграли организаторы партизанского движения в Новозыбковском районе Г.И. Гордеенко, М.А. Левченко, Е.И. Приходько. Они были направлены в партизанский отряд имени Спартака из партизанского отряда им. Щорса.

Партизанский отряд им. Спартака был местом нахождения Новозыбковского подпольного район-

ного комитета ВКП(б) (первый секретарь Г.И. Гордеенко, второй секретарь – М.А. Левченко) и Новозыбковского подпольного районного комитета ВЛКСМ (первый секретарь Н. Швыдков, второй секретарь С.Ф. Поздняков).

Новозыбковские партизанские отряды им. Жукова и Спартака до 15 августа 1943г. действовали как самостоятельные подразделения. 15 августа 1943г. отряды вошли в состав партизанской бригады им. Пожарского.[5]

В оккупированном Новозыбкове также активно действовали несколько подпольных групп.

Одной из таких групп руководила М. Третьякова. В состав ее группы входили А. Горыгина, Д. Богатенко, С. Андреева, П. Касаткина и другие. Участники этой подпольной группы осуществляли задания партизанских отрядов по добыче нужных сведений, документов, оружия и медикаментов. По заданию партизан М. Третьякова устроилась на работу в паспортный стол. Рискуюя своей жизнью, она доставала нужные документы. В 1965 г. М.В. Третьякова была награждена медалью «За отвагу».

Другим формированием была группа, в состав которой входили В. Белугина, А. Палей, В. Азбукин, В. Шишкин, В. Замотаева. С группой были связаны Е. Усачева, Е. Воронова, А. Болотникова, В. Титова, М. Титова. Руководство группой осуществлял П.К. Бабенко и комиссар партизанского отряда имени Чапаева Т.С. Немченко. Через В. Замотаеву была установлена связь с лагерем военнопленных, находившимся в здании биологического факультета педагогического института. Членами группы был подготовлен побег группы пленных. Л. и Е. Сычевы, В. и М. Титовы работали на железнодорожной станции. Здесь же работал и руководитель группы П.П. Бабенко. Собранные сведения передавались Е. Вороновой, которая относила их в партизанский «почтовый ящик», расположенный в лесу. Впоследствии, опасаясь ареста, Е. Воронова ушла в партизанский отряд и погибла при прорыве блокады летом 1943 г.

Деятельность группы заставила оккупантов принять самые решительные меры. В ходе облав были арестованы В. Белугина, В. Замотаева, П.К. Бабенко и другие участники группы. После трех недель допросов и пыток, 21 сентября 1943 г., за четыре дня до прихода Красной армии, члены группы были расстреляны. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1965 г. В. Замотаева и В. Белугина были посмертно награждены медалями «За отвагу», они были навечно занесены в списки институтской организации ВЛКСМ. Также в районе сельскохозяйственного техникума действовала подпольная группа, возглавляемая преподавателем В.П. Харахоновым. Во время оккупации В.П. Харахонов был управляющим немецкого подсобного хозяйства. Его дом был местом, где собирались партизанские связные. С помощью В.П. Харахонова был совершен налет на немецкое подсобное хозяйство. В результате налета немцы лишились обоза с продовольствием

ем [7]. 25 сентября 1943 г. войска Красной армии освободили г. Новозыбков, а 27 сентября завершили освобождение Новозыбковского района.

Вышеприведенное исследование хронологии освобождения Новозыбковского района очень хорошо иллюстрирует огромную роль, которую сыграли партизанские отряды в борьбе с врагом.

Библиографический список

1. *Абовян Е.Н.* Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941–1943 гг.): монография. – Брянск: БГТУ, 2014. – 189 с.
2. *Анисин Ю.В., Кублицкий А.Г.* Мария: документальная повесть. – Брянск: Изд-во Брянского госпединститута, 1995. – 80 с.
3. *Вольный А.Г.* Новозыбков и новозыбковцы. – Брянск: Брянское обл. изд-во «Грани», 1992. – 211 с.
4. *Выкочко Л.М.* Как это было. – Новозыбков: Изд-во БГПУ. – 2006. – 39 с.
5. И позвала сынов Отчизна... Брянцы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: сб. документов и материалов / ред. Н.И. Поснов. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1985. – 383 с.
6. *Лузик С.К.* Родной Новозыбков: документал. повесть о городе и его людях. – Клиницы: Изд-во Клиновской городской типографии, 1998. – 165 с.
7. *Лузик С.К.* Звон памяти. Книга о новозыбковцах – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Брянск.: Изд-во Брянского гос. пед. ин-та, 1993. – 125 с.
8. *Цыганок Г.И.* Помнит земля новозыбковская. – Брянск: Изд-во БГПИ. – 20 с.

References

1. Abovyan E.N. Bryanskij region v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: partizanskoe dvizhenie i kollaboracionizm (1941–1943 gg.): monografiya. – Bryansk: BGTU, 2014. – 189 s.
2. Anisin YU.V., Kublickij A.G. Mariya: dokumental'naya povest'. – Bryansk: Izd-vo Bryanskogo gospedinstituta, 1995. – 80 s.
3. Vol'nyj A.G. Novozybkov i novozybkovcy. – Bryansk: Bryanskoe obl. izd-vo «Grani», 1992. – 211 s.
4. Vykocho L.M. Kak eto bylo. – Novozybkov: Izd-vo BGPU. – 2006. – 39 s.
5. I pozvala synov Otchizna... Bryancy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov: sb. dokumentov i materialov / red. N.I. Posnov. – Tula: Priok. kn. izd-vo, 1985. – 383 s.
6. Luzik S.K. Rodnoj Novozybkov: dokumental. povest' o gorode i ego lyudyah. – Klincy: Izd-vo Klincovskoj gorodskoj tipografii, 1998. – 165 s.
7. Luzik S.K. Zvon pamyati. Kniga o novozybkovcah – uchastnikah Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. – Bryansk.: Izd-vo Bryanskogo gos. ped. in-ta, 1993. – 125 s.
8. Cyganok G.I. Pomnit zemlya novozybkovskaya. – Bryansk: Izd-vo BGPI. – 20 s.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВИАЦИОННЫХ СИЛ ПОДДЕРЖКИ В УСЛОВИЯХ АССИМЕТРИЧНОГО КОНФЛИКТА: НА ПРИМЕРЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ В МАЛАЙЕ (1948–1960)

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029)

В данной статье анализируются материалы британских военных, посвященные особенностям использования авиационных сил поддержки в условиях асимметричных конфликтов на примере чрезвычайной ситуации в Малайе (1948–1960). Акцентируется внимание на трансфере британского колониального опыта американскими военными, осуществляемым через пилотные школы, симпозиумы, публикации докладов колониальных офицеров. Рассматриваются основные стратегические и тактические задачи военно-воздушных сил в контрпартизанской борьбе. Анализируются основные трудности использования авиационных сил поддержки в условиях антиповстанчества, рассматриваются задачи, стоявшие перед пилотами. В статье акцентируется внимание и на функциональных особенностях применения вертолетных сил, ставших одним из определяющих механизмов борьбы с повстанческим движением. Делается вывод о том, что именно британский опыт использования авиационных сил поддержки в условиях асимметричных конфликтов лег в основу стратегии и тактики военно-воздушных сил США в рамках войны во Вьетнаме.

Ключевые слова: антиповстанческая борьба, асимметричный конфликт, военно-воздушные силы, авиационная поддержка, война во Вьетнаме, чрезвычайная ситуация в Малайе, вертолетные силы, воздушная разведка, колониальный опыт, деколонизализм.

Проблема ведения боевых действий в условиях асимметричного конфликта занимала одно из главных мест в политологических и оборонных исследованиях в Соединенных Штатах, Великобритании, Франции в годы холодной войны, а также в начале 2000-х годов, ознаменовавшихся начавшейся войной с терроризмом. Связано это было с процессом деколонизации в странах третьего мира и с увеличившимся количеством антиповстанческих операций в колониальных владениях европейских империй в Африке и Юго-Восточной Азии.

Большая часть исследований, посвященных изучению теории и практики антиповстанчества в условиях асимметричного конфликта имеют четкую практическую направленность, так как главная цель данных работ – выработка адекватных и эффективных методов и средств для достижения победы над партизанами и умиротворения региона, охваченного повстанческим мятежом. Наибольшее значение из данных исследований приобрели труды британских военных, принимавших участие в антиповстанческих операциях. К ним относятся работы Р. Томпсона [20], Ф. Китсона [8; 9], Р. Клаттербэка [2], Дж. Пэйджета [13], в которых британские авторы не просто отразили свой боевой опыт, но и, проводя компаративистский анализ ситуации в Южном Вьетнаме, давали прямые рекомендации руководству Соединенных Штатов о необходимости применения тех или иных мер в условиях войны во Вьетнаме.

Несмотря на то, что в современной историографии именно война во Вьетнаме заняла центральное место при рассмотрении асимметричных конфликтов, нами представляется более логичным обращение к более раннему опыту, а именно кон-

трпартизанской операции в Малайе 1948–1960 годов, так как именно к нему обращались не только британские военные эксперты, но и американские аналитики [10; 18–19].

Именно обращение к британскому опыту в Малайе позволяет рассмотреть причины столь широкого применения вертолетных сил в рамках антиповстанческих операций, задачи, стоящие перед авиационными силами поддержки, влияние природно-географических условий на проведение операций и роль авиации в подавлении партизанских движений. Данную исследовательскую проблему и решает проводимое нами исследование.

Как отмечал в 1957 году полковник авиации К.Р.С. Слейтер, именно благодаря поддержке с воздуха британскими силами безопасности были достигнуты высокие результаты по подавлению повстанческого движения во время чрезвычайной ситуации в Малайе [15, р. 378]. Такой же оценке придерживался и бригадный генерал Ричард Мирс, назвавший британский опыт авиационной поддержки в Малайе «бесценным достоянием» [12, р. 77].

Согласно К.Р.С. Слейтеру, стратегию авиационной поддержки в Малайе следует разделить на два этапа: на первом – с июня 1948 до начала 1953 года – основная цель британских ВВС сводилась к подталкиванию повстанцев к сухопутным силам Содружества. На этом этапе удары в основном принимали форму ракетных и бомбардировочных атак. Изменения в стратегии произошли в марте 1953 года, когда повстанцы отказались от первоначального плана захвата контроля над всей территорией страны и отозвали свои силы вглубь джунглей. С этого момента поддержка с воздуха стала более разнообразной и значимой для исхода компании, в связи с чем штаб командования ВВС

был перенесен из Сингапура в Куала-Лумпур [15, р. 378–379].

Американский исследователь Р. Сандерланд подчеркивает экономичность в использовании британцами авиационной техники. Так, на первом этапе действовала лишь одна авиационная эскадрилья, включающая в себя восемь авиационных машин с экипажем в два человека. На втором этапе, с 1953 года, начала свою работу и вторая эскадрилья. В среднем ими поставлялось 13 тонн продовольствия и снабжения (максимальное значение при этом достигло 324 тонны в 1955 году) [18, р. 104].

Как справедливо отмечал коммодор авиации П.И. Уоркап, основной трудностью в деятельности военно-воздушных сил были природно-климатические условия Малайи. Постоянная перемена погоды, высокая влажность, густые джунгли, неточные данные навигации требовали от пилотов мужества и высочайшего профессионализма [19, р. 2–26]. Тяжелые климатические условия приводили к тяжелым последствиям: во-первых, усталости пилотов (за два с половиной часа вылета каждый летчик терял в среднем 3 килограмма веса), а во-вторых, высокой смертности пилотов, разбиравшихся по причине плохой видимости (низкие облака и холмистая местность) [19, р. 28]. В связи с этим британские пилоты обращали свое внимание на сходность малайских условий с вьетнамскими и призывали американцев готовиться к подобным трудностям.

Главной задачей авиационной поддержки, в соответствии с британской теорией антиповстанческих операций, была поставка необходимых грузов для сухопутных сил. Подача с воздуха делала возможным продолжительное нахождение наземных сил в глубоких джунглях. Данный маневр требовал от пилотов высокого мастерства, так как зона сброса представляла собой чаще всего открытое пространство площадью 100 квадратных метров и была слабо заметна с высоты на фоне густых джунглей [19, р. 27].

Но большее внимание американских экспертов привлекло использование британцами вертолетов. Впервые о необходимости их использования в условиях чрезвычайной ситуации в Малайе было высказано 8 марта 1948 года в сообщении главнокомандующего в министерство обороны. В нем

главнокомандующий просил отправить в Малайю три вертолета, которые впервые прибыли туда в апреле 1950 года [17, р. 189]. Благодаря вертолетам было возможно обойтись без десантных сил, используя обычных пехотинцев. Парашютные подразделения считались очень уязвимыми, так как в случае ранения десантников было сложно найти им равноценную замену. Силы Содружества, как правило, использовали вертолеты с целью более тихого и быстрого вывода войск в назначенный район операций (к концу чрезвычайной ситуации существовали буквально сотни зон приземления – как природных, так и созданных пехотинцами посредством взрывчатых веществ) [19, р. 35].

Другой важной функцией вертолетов была эвакуация раненных с поля боя, что имело огромную моральную ценность для наземных войск. Для этой цели активно применялись вертолеты Уэстленд S.51 («Стрекоза»), включавшие в себя двух членов экипажа и двух пассажиров и имевшие скорость 70 узлов с дальностью полета 200–250 миль. Поскольку кабина вертолета не была достаточно большой, чтобы разместить пациента, было принято решение разместить два специальных контейнера, или «стручка», вне кабины, на каждой стороне вертолета. Эти стручки, которые выглядели довольно похожими на гробы, были оснащены окнами и управляемыми вентиляционными отверстиями. Также были установлены средства связи с кабиной [6, р. 542].

Задачи, эффективно выполняемые вертолетными силами, сводились к четырем важным аспектам:

- 1) тактическому движению войск;
- 2) тактической разведке;
- 3) поиску раненых;
- 4) эвакуации.

В итоге за 12 лет войны в Малайе благодаря вертолетам было эвакуировано 4 579 пострадавших, перевезено 127 425 военнослужащих, 17 865 гражданских лиц и 2 649 327 тонн снаряжения [1, р. 68].

Однако у вертолета был один главный недостаток – его стоимость (табл. 1).

Таким образом, чрезвычайная ситуация в Малайе ознаменовала новую эру в развертывании вертолетов в качестве орудия войны в рамках контрповстанческих операций. Их уникальность заключена в особой гибкости использования в боевых операциях. Эта гибкость позволила более

Таблица 1

Стоимость эксплуатации летательных транспортных средств в годы чрезвычайной ситуации в Малайе (данные приведены на основе отчетов статистического отдела университета авиации штата Алабама) [3, р. 66])

№ п/п	Название летательного транспортного средства	Стоимость в расчете фунтов стерлингов на час
1	Вертолет «Уэстленд Уирлуинд»	218 £ в час
2	Вертолет Бристоль «Сикамор»	162 £ в час
3	Самолет «Пионер»	98 £ в час
4	Самолет «Аустер»	36 £ в час

оперативно развертывать и свертывать войска в условиях джунглей. Но самое главное, что присутствие вертолетов на поле боя укрепляло моральный дух солдат, так как они осознавали, что в случае ранения их не бросят, а быстро эвакуируют в госпиталь.

При этом пилотам вертолетов приходилось работать в сложнейших климатических и географических условиях. Впоследствии, в начале 1960-х годов, их опыт активно перенимали американцы в рамках летных школ [4, р. 52]. Несмотря на то, что вертолеты не являются основной причиной подавления партизанских движений, они, по мнению Дж. Р. Доулинга, стали важными элементами контрповстанческой борьбы [4, р. 92]. Их присутствие, согласно оценке британского военного Р.Л. Клаттербэка, позволило начать наступательные действия против повстанцев и выманить их из укрытий в джунглях [2, р. 107]. Позже американцы будут более масштабно и эффективнее применять вертолетные силы в войне во Вьетнаме.

Другим аспектом авиационной поддержки, на которую обратили пристальное внимание американские аналитики, стали бомбардировки с воздуха. Они позволяли решать три главных задачи:

1) непосредственное уничтожение повстанцев или увеличение шансов армии на контакт с партизанами и их последующей ликвидации;

2) ликвидация организации повстанческих групп;

3) снижение боевого духа партизан [18, р. 231].

Бомбардировки были затруднены в условиях Малайи по причине природно-географических условий, неточностей картографии местности, сложности обнаружения цели. В итоге была разработана и внедрена радиолокационная техника, отличавшаяся высокой точностью и не зависящая от времени суток и погоды. Помимо этого, во всех случаях бомбардировки необходимо было получить разрешение полиции, чтобы можно было обеспечить защиту жизни и имущества лояльного правительству населения [19, р. 49].

Эта тактика привела к высоким результатам в 1956 году, когда авиационной бомбардировкой был ликвидирован политический комиссар 7-го независимого взвода Го Чанг Туан, известный своей жестокостью по отношению к сборщикам каучука. Те из них, кто отказывался платить ежемесячную дань, подвергался жестоким пыткам, а затем и убийству на глазах членов своей семьи [14, р. 70–71].

21 февраля 1956 года в ходе операции «Маячная свая» семь Линкольнов 1-й эскадрильи RAAF и четыре канберры эскадрильи № 12 совершили бомбардировку в окрестностях города Клуанг штата Джохор. В ходе нее было убито 22 повстанца, в том числе и Го Чанг Туан [7, р. 76–77]. Ликвидация комиссара оказала большое влияние на местных жителей, но не разрушило организацию партизан.

В мае 1957 года бомбардировки были использованы для ликвидации другого влиятельного повстанца – Тенга Фу-Ланга, члена Государственного комитета Негри-Сембилан. Его убийство привело к большим последствиям – группа Тенга распалась, остатки сдались в декабре следующего года, а прибрежные и центральные районы штата Джохор объявлены полностью очищенными от повстанцев [18, р. 231].

В октябре 1953 года британцами активно начала использоваться и другая тактика действий ВВС – химическое распыление, осуществляемое самолетами «Москито» [19, р. 65]. Управление операциями в Малайе считало, что важным аспектом химической атаки является дефолиация районов вокруг партизанских хозяйств [18, р. 233]. При этом в Малайе никогда не применялся излюбленный американцами во Вьетнаме напалм, так как, по мнению британских офицеров, он не был эффективен в условиях джунглей. К такому выводу они пришли после испытаний на острове Сонгсонг в 1951 году [19, р. 49–50].

Еще одним важным аспектом использования военно-воздушных сил в условиях чрезвычайной ситуации в Малайе была воздушная разведка. Как уже отмечалось выше, основной трудностью в осуществлении военно-воздушных операций было низкое качество картографического материала. Этот недостаток был исправлен в долгосрочной перспективе путем общей аэрофотосъемки всей Малайи. Однако и после выполнения этой задачи съемки не прекращались, так как аэрофотоснимки определенных территорий были жизненно важны для планирования и успеха многих операций сухопутных войск [19, р. 68].

Следует подробнее остановиться и на роли британского специального авиадесантного полка (SAS) в Чрезвычайной ситуации в Малайе. Их деятельность началась в январе 1951 года. Первоначальная миссия специального авиационного полка заключалась в создании лагерей в глубине джунглей, которые могли бы быть заметны с воздуха и в дальнейшем использоваться воздушным транспортом. Члены полка отличались высокой степенью выносливости (находились в джунглях до 17 дней без поддержки с воздуха) и дисциплинированности [18, р. 55; 5, р. 30–31].

Однако с началом деятельности специального авиационного полка начали раздаваться критические голоса со стороны группировок Дальневосточных сухопутных войск (FARELF) в Уайтхолле, косо смотревших на создание нового особого формирования в небольшой зоне военных действий. Специальный авиационный полк обвиняли в неудачах и всеобщем пьянстве [16, р. 230–233]. Только спустя три года подразделению удалось добиться однозначной оценки своей деятельности [11, р. 251].

Обобщая вышесказанное, отметим, что военные эксперты акцентировали внимание на высокой роли авиационной поддержки в условиях асимметричного конфликта на примере чрезвычайной ситуации в Малайе. Были определены конкретные рекомендации по использованию авиации в рамках войны во Вьетнаме. Наиболее важными из них, на наш взгляд, стал акцент на применение вертолетных сил, чем активно воспользуются вооруженные силы США во Вьетнаме.

Библиографический список

1. *Boyne W.* How the Helicopter Changed Modern Warfar. – Gretna, Louisiana: Pelican Publishing Company, Inc., 2011. – 384 p.
2. *Clutterbuck R.L.* The Long, Long War: Counterinsurgency in Malaya and Vietnam. – Praeger, 1966. – 206 p.
3. Concepts Division. The accomplishment of airpower in the Malayan emergency (1948–1960). – Alabama: Air University, 1963.
4. *Dowling J.R.* Restricted. RAF Helicopters: The First Twenty Years. Part 1. RAF: Air Historical Branch, 1987.
5. *Finlan A.* Special Forces, strategy and the war on terror: warfare by other means. – New York: Routledge, 2009. – 204 p.
6. *Harvey E.B.* Casualty Evacuation by Helicopter in Malaya // *British Medical Journal.* – 1951. – Vol. 2. – № 4730. – P. 542–544.
7. *Jackson R.* The Malayan Emergency and Indonesian Confrontation: The Commonwealth's Wars 1948–1966. – Havertown, Philadelphia: Casemate Publishers, 2008. – 176 p.
8. *Kitson F.* Gangs and Counter-gangs. – Barrie, 1960. – 211 p.
9. *Kitson F.* Low intensity operations; subversion, insurgency, peace-keeping. – Stackpole Books, 1971. – 208 p.
10. *Komer R.W.* The Malayan emergency in retrospect: organization of a successful counterinsurgency effort. – RAND CORP SANTA MONICA CA, 1972. – R-957-ARPA. – P. 108.
11. *Leary J.D.* Searching for a Role: The Special Air Service (SAS) Regiment in the Malayan Emergency // *Journal of the Society for Army Historical Research.* – 1995. – Vol. 73. – № 296. – P. 251–269.
12. *Miers R.* Shoot to Kill. – Faber & Faber, 1959. – 216 p.
13. *Paget J.* Counter-insurgency campaigning. – L., 1967. – 176 p.
14. *Roy K., Saha S.* Armed Forces and Insurgents in Modern Asia. – New York: Routledge, 2016. – 258 p.
15. *Slater K.R.C.* Air Operations in Malaya // *Royal United Services Institution. Journal.* – 1957. – Vol. 102. – № 607. – P. 378–387.
16. *Strawson J.A.* History of the SAS Regiment. – London, 1986.

17. *Sulaiman N.I.* Helicopters as an instrument of war during the Malayan Emergency 1948–1960 // *Journal of Nusantara Studies (JONUS).* – 2017. – Vol. 2. – № 2. – P. 188–197.

18. *Sunderland R.* Army Operations in Malaya, 1947–1960. – RAND corp Santa Monica CA, 1964. – № RM-4170-ISA. – 267 p.

19. Symposium on the Role of Airpower in COIN and Unconventional Warfare: The Malayan Emergency / ed. by A.H. Peterson, G.C. Reinhardt, E.E. Cagner. Memorandum RM-3651-PR. Sponsored by the Department of Defense. Santa Monica: The RAND Corporation, 1963. – 94 p.

20. *Thompson R.G.K.* Defeating communist insurgency: The lessons of Malaya and Vietnam. – FA Praeger, 1966. – 186 p.

References

1. *Boyne W.* How the Helicopter Changed Modern Warfar. – Gretna, Louisiana: Pelican Publishing Company, Inc., 2011. – 384 p.
2. *Clutterbuck R.L.* The Long, Long War: Counterinsurgency in Malaya and Vietnam. – Praeger, 1966. – 206 r.
3. Concepts Division. The accomplishment of airpower in the Malayan emergency (1948–1960). – Alabama: Air University, 1963.
4. *Dowling J.R.* Restricted. RAF Helicopters: The First Twenty Years. Part 1. RAF: Air Historical Branch, 1987.
5. *Finlan A.* Special Forces, strategy and the war on terror: warfare by other means. – New York: Routledge, 2009. – 204 p.
6. *Harvey E.B.* Casualty Evacuation by Helicopter in Malaya // *British Medical Journal.* – 1951. – Vol. 2. – № 4730. – P. 542–544.
7. *Jackson R.* The Malayan Emergency and Indonesian Confrontation: The Commonwealth's Wars 1948–1966. – Havertown, Philadelphia: Casemate Publishers, 2008. – 176 p.
8. *Kitson F.* Gangs and Counter-gangs. – Barrie, 1960. – 211 r.
9. *Kitson F.* Low intensity operations; subversion, insurgency, peace-keeping. – Stackpole Books, 1971. – 208 r.
10. *Komer R.W.* The Malayan emergency in retrospect: organization of a successful counterinsurgency effort. – RAND CORP SANTA MONICA CA, 1972. – R-957-ARPA. – R. 108.
11. *Leary J.D.* Searching for a Role: The Special Air Service (SAS) Regiment in the Malayan Emergency // *Journal of the Society for Army Historical Research.* – 1995. – Vol. 73. – № 296. – P. 251–269.
12. *Miers R.* Shoot to Kill. – Faber & Faber, 1959. – 216 r.
13. *Paget J.* Counter-insurgency campaigning. – L., 1967. – 176 p.
14. *Roy K., Saha S.* Armed Forces and Insurgents in Modern Asia. – New York: Routledge, 2016. – 258 p.

15. Slater K.R.C. Air Operations in Malaya // Royal United Services Institution. Journal. – 1957. – Vol. 102. – № 607. – P. 378–387.
16. Strawson J.A. History of the SAS Regiment. – London, 1986.
17. Sulaiman N.I. Helicopters as an instrument of war during the Malayan Emergency 1948–1960 // Journal of Nusantara Studies (JONUS). – 2017. – Vol. 2. – № 2. – P. 188–197.
18. Sunderland R. Army Operations in Malaya, 1947–1960. – RAND corp Santa Monica CA, 1964. – № RM-4170-ISA. – 267 r.
19. Symposium on the Role of Airpower in COIN and Unconventional Warfare: The Malayan Emergency / ed. by A.H. Peterson, G.C. Reinhardt, E.E. Cogner. Memorandum RM-3651-PR. Sponsored by the Department of Defense. Santa Monica: The RAND Corporation, 1963. – 94 r.
20. Thompson R.G.K. Defeating communist insurgency: The lessons of Malaya and Vietnam. – FA Praeger, 1966. – 186 r.

Новоторцева Анна Михайловна

кандидат исторических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
annov1@mail.ru**АРХИПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ МИТРОПОЛИТА СИМФЕРОПОЛЬСКОГО
И КРЫМСКОГО ГУРИЯ (ЕГОРОВА) В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Статья посвящена жизненному пути и архипастырскому служению митрополита Крымского и Симферопольского Гурия (Егорова), кандидата богословия, прошедшего лагеря и ссылки от Ледовитого океана и Боломорканала до Средней Азии, Ашхабада и Ташкента; основателя и одного из руководителей Александро-Невского братства в Ленинграде, тайно сохранявшего традиции русского монашества и богословско-пастырские знания. Научную значимость статьи представляет фактологический материал из личного дела митрополита Крымского и Днепровского Гурия (Егорова) из Государственного архива Российской Федерации, фонда «Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР (1943–1965 гг.)», раскрывающий период пребывания Владыки Гурия на Саратовской, Минской, Ленинградской и Крымской кафедрах, начиная с 1953 года. В статье описан исповеднический подвиг митрополита Гурия, и через личность Владыки показаны особенности выстраивания государственно-церковных отношений в 1950–1960-е гг. Материал статьи может быть полезен для исследователей в области истории Русской Православной Церкви, церковной истории и истории России новейшего времени.

Ключевые слова: митрополит Гурий (Егоров), митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд), Александро-Невское братство, Русская православная церковь, Л.Н. Парийский, протоиерей Василий Лесняк.

Самим праведникам не нужна слава, но нам, которые еще в этой жизни, необходимо памятование о них – для подражания.

Свт. Василий Великий

Многие святые никаких чудес не творили, но сами были чудом.

Митрополит Сурожский Антоний

В конце 1980-х гг. в связи с наметившимися тенденциями изменения социально-экономической, а затем и политической жизни страны в 1990-е гг. в исторической науке возник бурный интерес к ранее не изученным или малоизученным объектам исследования и, прежде всего, темам, проблематика которых не укладывалась в рамки марксистско-ленинской методологии или тенденциозно представлялась в работах советских ученых в соответствующем идеологическом контексте. В связи с этим в центре внимания исследователей с конца прошлого века в первую очередь оказался институт Церкви: в этот период издавалось много статей и книг, защищались кандидатские и докторские диссертации (ярким примером может служить личность министра просвещения Российской Федерации О.В. Васильевой, тема ее докторской диссертации в 1998 году была как раз «Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг.»).

Следует отметить, что наибольший интерес в рамках церковной истории (или истории Церкви) представляло именно взаимодействие церкви и государства, раскрывающее политику Советского государства по отношению к деятельности данного социального института в XX веке. В 2000-е гг., в основном среди книг, рекомендованных к изданию Русской православной церковью, было много

и биографических исследований, посвященных жизненному пути и духовному подвигу ряда выдающихся церковных деятелей и мирян, пострадавших за Веру в годы гонений, их подвижнической и исповеднической жизни. В результате, доступными для широкого круга читателей стали книги о святителе Афанасии (Сахарове) и митрополите Вениамине (Милове), архимандрите Павле (Груздеве) и схииерархите Виталии (Сидоренко), святителе Луке (Крымском) и священномученике Вениамине (Воскресенском), священноисповеднике митрополите Николае (Могилевском) и митрополите Иосифе (Чернове) (все книги основаны на глупом изучении и анализе архивных документов).

Несмотря на обилие информации, а также широкие современные возможности доступа к неопубликованным и даже ранее засекреченным архивным материалам, совершенно не изученными или малоизученными по-прежнему остаются личности многих выдающихся церковных и духовных деятелей XX века, среди них можно назвать, прежде всего, личность митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда), ученого, богослова и церковного дипломата, – духовного сына и сподвижника митрополита Симферопольского и Крымского Гурия (Егорова), а также других выдающихся членов Александро-Невского братства, таких как митрополит Рижский и Латвийский Леонид (Поляков)

и архиепископ Ярославский и Ростовский Михай (Хархаров). Знаменательным научным событием в плане продвижения биографической и церковно-государственной проблематики стала защита кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук М.В. Литвинко 16 ноября 2018 года в Краснодаре по теме «Государственная власть и Русская Православная Церковь в СССР в зеркале персональной истории (на примере общественной и церковной деятельности митрополита Гурия (Егорова)» [14–16].

В целом историография жизненного пути и служения митрополита Гурия (Егорова) совсем невелика. К основным и самым известным трудам следует отнести прежде всего очерк о нем его духовного сына – митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда), написанный в 1980 году и изданный в 1999 году в Ярославле уже его духовными детьми; книги по истории деятельности Александро-Невского братства, опубликованные последним его представителем С.А. Зегждой (ныне покойным) и профессором, доктором исторических наук М. В. Шкаровским, а также статьи В. Антонова и Д. Карпука [1, с. 37–56; 2, с. 57–76; 7; 8; 10; 11, с. 218–227, 22–24]. Среди последних и самых современных работ следует назвать статьи Н.П. Годлевского «Епископат восточно-украинских епархий в отчетах уполномоченных по делам Русской православной церкви в 1958–1962 гг.» и бывшего аспиранта Кубанского государственного университета М.В. Литвинко «Митрополит Гурий (Егоров) в истории взаимоотношений Русской Православной Церкви и советской власти на Украине в середине 1950-х – середине 1960-х гг.» [4, с. 138–144, 14–16].

Среди источников по церковной и общественной деятельности митрополита Гурия (Егорова) в социально-историческом контексте развития церковно-государственных отношений в СССР М.В. Литвинко выделил следующие четыре группы: 1) нормативные документы: постановления ВКП(б)/КПСС и правительства СССР, а также документы Русской православной церкви, регламентирующие ее деятельность; 2) материалы делопроизводства; 3) материалы личного происхождения; 4) материалы периодической печати. К третьей группе источников им были отнесены воспоминания, дневники и письма митрополита Гурия, воспоминания о нем, а также переписка патриарха Алексия I (Симансакого), в которой нашли отражение церковно-государственные отношения и упоминания о деятельности митрополита. Однако автор не мог воспользоваться обширным личным архивом духовной дочери духовного сына митрополита Гурия (Егорова), который представляет собой особую научную ценность и уникальность.

Так, в личном архиве духовной дочери митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Венд-

ланда), журналиста Эльвиры Леонидовны Меженной, содержатся несколько десятков писем Владыки Иоанна своему духовному отцу митрополиту Гурию (Егорову) из самых разных мест своего служения, в том числе заграничного. Частичное, но очень трогательное содержание этих, по сути, бесценных исторических памятников личного происхождения было представлено в двух юбилейных биографических работах о митрополите Иоанне (Вендланде) – С.А. Зегжды и Э.Л. Меженной, вышедших в 2000-е годы [9, 17].

Кроме того, в январе 2019 года в Москве произошло уникальное знакомство и общение с живым свидетелем церковной истории и современником жизни многих выдающихся людей, лично знавшим некоторых представителей Александро-Невского братства (одним из основателей которого был будущий митрополит Крымский и Симферопольский Гурий (Егоров)) и лично Владыку Гурия, – ученым, кандидатом исторических наук, археологом, старшим научным сотрудником Института всеобщей истории РАН С.А. Беляевым, поделившимся воспоминаниями о своем пребывании в Крыму по приглашению Владыки Гурия приблизительно в 1955 году и рассказавшим, таким образом, интересные и не введенные еще в научный оборот факты.

В плане архивных документов особо интересным и информативным по-прежнему можно считать личное дело митрополита Крымского и Симферопольского Гурия (Егорова) на 72 листах из фонда Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР в Государственном архиве Российской Федерации в Москве. Материалы данного дела, с которым в полном объеме была возможность лично ознакомиться в 2018 году, не только включают информацию о персональной истории митрополита, но и иллюстрируют особенности взаимоотношений церковных и государственных органов [3].

В целом о том, что значило быть епископом Русской православной церкви в советские годы, говорил еще Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. При этом следует отдельно отметить, что епископат Русской православной церкви, высшее духовенство перед смертью подвергали особым мучениям и убивали со звериной жестокостью: так, заживо закопали в землю архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского), бросили в реку с камнем на шею епископа Тобольского Гермогена (Долганёва), архиереев оскотпляли, обливали ледяной водой, расчленили, предавали страшным мукам и пыткам, соизмеримым разве только с подобными истязаниями в первые века гонения на христиан. В 1920-е годы было репрессировано и уничтожено уже $\frac{3}{4}$ всего епископата, а «где нет епископа, там нет Церкви» (по словам священномученика древней Церкви Игнатия Богоносца).

Вот в такое время проходила жизнь и служение будущего митрополита Крымского и Симферопольского Гурия (Егорова), кандидата богословия, прошедшего около 10 лет в лагерях и ссылках от Ледовитого океана и Беломорканала до Средней Азии, Ашхабада и Ташкента, основателя и одного из руководителей Александро-Невского братства в Ленинграде, тайно сохранявшего и передававшего традиции русского монашества и богословско-пастырские знания в надежде и безоговорочной вере на то, что «и это пройдет» (как гласит надпись на кольце царя и мудреца Соломона). В 1945 году архимандрит Гурий (Егоров) стал первым заместителем Свято-Троицкой Сергиевой лавры после длительного периода ее разорения в советские годы и участвовал в ее открытии после долгих лет пребывания в так называемой «мерзости и запустении»; 22 августа 1946 года состоялось его наречение во епископа Ташкентского, а 25 февраля 1952 года он был награжден саном архиепископа [5; 6].

В январе 1953 года, по воспоминаниям духовного сына митрополита Гурия, будущего митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда), совершенно неожиданно пришел указ Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода о том, что архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Гурий переводится на Саратовскую кафедру с титулом Саратовского и Сталинградского. Митрополит Иоанн даже спустя уже много лет старался на все произошедшее и происходящее смотреть оптимистично, избегая какой-либо оценочности и острых политических углов, учитывая также что свой очерк о митрополите Гурии он писал в 1980 году, когда Церковь еще испытывала на себе серьезные притеснения.

В этой связи митрополит Иоанн пишет, что в Саратове тогда была духовная семинария, и поэтому перевод Владыки Гурия можно было понимать даже как некое повышение. Однако здесь же митрополит Иоанн вспоминает, что именно в Саратове у Владыки случился инфаркт миокарда, и лишь через месяц он начал вставать и отслужил первую после болезни литургию на праздник Преображения Господня, а перед этим все лето был длительный период восстановления [10, с. 142–143]. Вообще Саратовскую кафедру в 1950-е годы можно было с уверенностью назвать особой территорией риска для жизни возглавлявших ее в то время архиереев (в прямом смысле этого слова). Чуть больше года, до июля 1954 года, прослужил на ней архиепископ Гурий, затем в течение нескольких месяцев после него там вообще никто не мог даже продержаться, и в конце концов на верную гибель туда отправили не прославленного еще пока, но, без сомнения, святой мученической и исповеднической жизни епископа Вениамина (Милова), который прибыл в Саратов 1 февраля 1955 года,

а скончался там 2 августа того же года (точные обстоятельства кончины еще предстоит выяснить).

После Саратова архиепископ Гурий был переведен в Чернигов, потом Днепропетровск, наконец, 21 мая 1959 года он был возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Минским и Белорусским. Будучи Митрополитом Белоруссии, Владыка много пережил всевозможных нападений, неприятностей, клеветы, досаждений и от внешних (государственных деятелей), и от «своих же» (священнослужителей-доносителей). Это были хрущевские времена давления на Церковь. В качестве примера: «в Крестовой церкви, которая была рядом с архиерейским домом, служили назначенные священники и среди них иеромонах Николай, который по наваждению врага нашего спасения восстал против Владыки, настроил людей до такой степени, что однажды, когда Владыка шел на службу в свою Крестовую церковь, возбужденные иеромонахом люди закрыли входные двери, Владыку тянули за рясу. Митрополит, спокойно улыбнувшись, ничего не отвечая на крики взбесившихся, прошел к двери, которую открыли к тому времени иподиаконы, и спокойно совершил Богослужение» [6].

Митрополит Иоанн (Вендланд) также вспоминал в своем очерке, что когда он, приехав в отпуск к Владыке Гурию, переступил порог архиерейского дома в Минске, сразу почувствовал, что здесь было гораздо хуже, чем в предыдущих епархиях: «теснота помещения... а главное – нервозность митрополита оставляла тяжелое впечатление» [10, с. 146]. Вообще, на всех кафедрах после Ташкентской митрополита Гурия преследовали бесконечные доносы, травля и клевета, а также на всех тех, кто его окружал и был духовно близок. В 1960 году митрополита Гурия переводят в Ленинград, где он стал постоянным членом Священного синода. Поначалу у тех, кто хорошо знал Владыку, создалось даже такое относительно радостное впечатление, что он снова попал в родные места, где протекало его детство и юношество, однако на деле все оказалось иначе, собственно, как и везде, где он служил. Далее последовал Крым.

Из Ленинграда в Крымскую епархию митрополит Гурий прибыл 27 ноября 1961 года. По словам уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Крымской области А. Глухова (в подробной характеристике, которую он давал Владыке в 1964 году), за время нахождения в Ленинграде с сентября 1960-го по ноябрь 1961 года митрополит Гурий зарекомендовал себя отрицательно (с точки зрения интересов политики советского государства). В чем это выражалось по мнению уполномоченного: во-первых, несмотря на внешнюю лояльность к мероприятиям органов власти в отношении Церкви, в практической деятельности митрополит Гурий уклонялся от их выполнения (за что уполномо-

моченные, в силу своего «кругозора», считали его двуличным) [3].

Во-вторых, митрополит Гурий всячески стремился удержать на приходах так называемых «реакционно настроенных священников» (что в переводе означало наиболее деятельных и по-настоящему преданных Церкви людей), оправдывая даже такие их поступки, которые, по мнению уполномоченного А. Глухова, «осуждаются самой Церковью». Речь шла в данном случае о таком церковном чине, сложной духовной практике, как отчитка. В качестве примера А. Глухов приводил личность священника Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры отца Василия Лесняка, которому, как представлялось уполномоченным, покровительствовал митрополит Гурий, будучи митрополитом Ленинградским и Ладожским [3]. В 1957 году отец Василий был назначен в штат Свято-Троицкого собора лавры, где за четыре года службы снискал уважение и любовь прихожан, особенно молодежи, на что обратили внимание представители государственной безопасности, и в 1961 году он был уволен за штат с формулировкой: «...в связи с сокращением причта». В целом вся жизнь отца Василия Лесняка – это было молитвенное противостояние злу, борьба за спасение человеческих душ, и многие люди имели в его лице не только духовника, но и опытного духовного врача. Поэтому не случайно так много скорбей, болезней и наветов ему пришлось перенести за свою жизнь.

Наконец, в-третьих, митрополит Гурий всячески поощрял распространение среди верующих «культы известной в Ленинграде Ксении блаженной», взяв под защиту часовню в честь Святой на Смоленском кладбище, и «оправдывал обманные действия духовенства, пропагандировавшего веру в “чудеса” и “исцелительную” силу молитв Ксении блаженной».

Следует отметить, что если личным качествам Владыки Гурия уполномоченные в разных епархиях давали порой весьма противоречивые оценки, так же как и его деятельности, то относительно следующей его черты практически все государственные наблюдатели за делами Русской православной церкви на местах были едины: митрополит Гурий очень болезненно относился к вопросам о закрытии церквей и даже таких, как указывают уполномоченные, в которых из-за плохих материальных условий отсутствовало духовенство. В целом уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Крымской области А. Глухов делает вывод, что митрополит Гурий среди ленинградского духовенства авторитетом не пользовался [3]. Почему?

Примечательно воспоминание инспектора Ленинградской духовной академии Л.Н. Парийского, давно знавшего Владыку, который в 1961 году говорил будущему митрополиту Иоанну (Венд-

ланду), что «он очень огорчен тем, что хорошо известный “отец Гурий”, находящийся теперь на высоком положении митрополита Ленинградского, выглядит не так, как это было бы желательно. Он служит в валенках, недостаточно представлен» [10, с. 147]. Но тот же Парийский говорил, что в личной беседе митрополит Гурий озарял собеседника такой светлой улыбкой, как Преподобный Серафим» [10, с. 147].

По мнению того же уполномоченного Глухова, с прибытием в Крымскую епархию митрополит Гурий не изменил своих взглядов на церковную жизнь, но в характеристике, которую он дает митрополиту в 1964 году, и в его оценке личности Владыки в целом встречаются явные противоречия, а также указание на взаимоисключающие друг друга качества и поступки правящего архиерея. С одной стороны, Глухов пишет, что митрополит Гурий «считает себя в отношениях с уполномоченным и местными органами власти как сторону, стоящую на противоположном полюсе, видит цель своей деятельности в противодействии мероприятиям местных властных органов». В этом направлении он действительно оказывал влияние на верующих, в частности, в городах Алуште и Судак, где были изъяты церковные здания как клубные, что привело к тому, что прихожане тех храмов, набравшись мужества (не без благословения, очевидно, Владыки Гурия) направили даже жалобы в различные правительственные инстанции с просьбами о возврате им церквей [3].

Да и сам Владыка Гурий не раз лично обращался к самому В.А. Куроедову, председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР, сменившему на этом посту Георгия Карпова с целью, как это известно, значительного усиления активности директивных и контролирующих органов СССР, направленных на удушение религиозной деятельности (подготовку к хрущевскому «показу последнего попа») и установлению более жесткого контроля над духовенством и руководством Московской Патриархии. Чего только стоила организация им созыва Архиерейского собора в июле 1961 года, на котором были приняты антиканонические поправки в «Положение об управлении РПЦ» (1945 года). Но и эти шаги Владыки Гурия, требовавшие особой решительности и мужества, и которые, кстати, имели положительные итоги в решении ряда принципиальных вопросов (в том числе связанных с возможным закрытием храмов), рассматривались весьма невысоко – как жалобы, кляузы «немного поприжатыми» уполномоченными на местах из центра.

В этой связи горькую улыбку и сочувствие к тем, кто это писал, вызывают такие характеристики митрополита Гурия, как «безынициативный и безвольный архиерей, уклоняющийся от решения любых вопросов» (это на Ленинградской кафед-

ре); «не знает положения дел, в работу глубоко не вникает, на местах бывает редко, решение всех вопросов перекладывает на секретаря епархии протоиерея Виталия Карвовского» (который, следует сказать, служил в этой должности еще при архиепископе Крымском Луке (Войно-Ясенецком)) – это относительно управления Крымской кафедрой. При этом уполномоченным отмечается также, что митрополит Гурий был недоверчив к людям и ряд дел, в частности касавшихся деловой переписки, он вел сам лично, всю входящую почту также вскрывал только сам и скрывал это от секретаря. Наверное, более осторожным Владыке Гурию надо было бы быть и с настоятелем Свято-Троицкого собора в г. Днепрпетровске протоиереем Ананием Корнейчуком, активно сотрудничавшим с органами. Многие теперь, спустя годы, становятся известными [3].

Испытывая на себе последствия доносов, Владыке Гурию при этом ставилось в упрек, что он «недоброжелательно относится к этим прогрессивно настроенным священникам», как их тогда называли представители власти. И напротив, отмечалось, что он окружает себя приближенными: «при перемене места службы, как правило, тянет за собой “хвост” из преданных ему лиц». Но самым тяжким и беспрецедентным проступком митрополита Гурия, кроме попыток настраивания духовенства против уполномоченных и писем-жалоб в Москву, уполномоченный Глухов явно считал тот факт, что, будучи в Днепрпетровске, митрополит Гурий сам причащал детей школьного возраста, в то время как другие священники этого не делали. С большой радостью принимая молодежь, отдельных из них (следуя стилю и риторике уполномоченного) «он в прошлом склонил к пострижению в монашество или поступлению в духовную семинарию» [3].

Кроме этого, митрополит Гурий (по словам доносителей) имел дерзость не помянуть за Богослужением в храме на великом входе, как это принято, «власть и воинство ее» и якобы дал указание, в частности, в Свято-Троицком соборе г. Днепрпетровска помянуть только духовных лиц. Вообще, в чем только не обвиняли митрополита Гурия – в роскошестве (домах и автомобилях) и даже гареме, какие низкие пасквили по злобе и зависти на него ни писали, подписываясь при этом в конце – «верующие» или «православные».

В завершении несколькостраничной, отпечатанной на машинке характеристики митрополита Крымского и Симферопольского Гурия уполномоченный по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Крымской области А. Глухов пишет: «в проповеди призывает верующих быть стойкими и мужественными в своей православной вере и до смерти стоять за Веру Христову, распространять по всему миру Слово Божие...» [3]. 6 декабря 1961 года митрополит Гурий

посетил Свято-Троицкий собор г. Днепрпетровска. Во время своей вступительной речи в соборе он сказал: «Я никогда не думал быть с вами в храме сам как ваш правящий архипастырь, я только мог рассчитывать на то, что когда-нибудь, может только проездом в Крым, заеду поглядеть, а пришлось по Воле Божией еще с вами встретиться. Но ничего, на то Воля Божия. Дорогие мои, любите храм свой, посещайте его всегда, молитесь усиленно, и еще говорю – усиленно молитесь и только через молитву будет мирная хорошая жизнь» [3].

В целом митрополит Симферопольский и Крымский Гурий (Егоров) по своей жизни и служению Церкви Русской проявил себя как исповедник Веры Христовой, собравший вокруг себя столько выдающихся и высокодуховных людей, оказавших большое влияние на последующие поколения верующих, – это и митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд), и архиепископ Ярославский и Ростовский Михей (Хархаров), протоиерей Феодор Семенов и архимандрит Борис (Холчев) и др. Митрополит Гурий (Егоров), безусловно, являлся личностью очень значительной в церковной и отечественной истории, но в то же время в высокой степени тенденциозно искаженной и неоднозначно представленной в оценках его современников – не только представителей органов власти (прежде всего, уполномоченных по делам Русской православной церкви на местах), но и духовенства, жившего в советское время. Эти «штампы» и «стереотипы» в оценках личности Владыки Гурия, претерпев некоторые метаморфозы, перекочевали из советской эпохи и в современное нам время (примером может служить серия передач на радио «Радонеж» в 2018 году).

Следует отметить, что на динамично сменявшихся друг друга церковных кафедрах в относительно короткие хронологические периоды митрополит Гурий (Егоров) в отношениях с уполномоченными и местными административными органами проявил себя как представитель высшей церковной власти неодинаково: от открытого «противодействия» мероприятиям местных властей (когда он препятствовал закрытию храмов, лично крестил детей, привлекал к церковной жизни молодежь, старался проводить более самостоятельную кадровую политику – это в Крыму) до «безынициативности и уклонения от решения любых вопросов» (перед этим на Ленинградской кафедре). Все это свидетельствовало прежде всего не о слабости и непоследовательности Владыки в выстраивании церковно-государственных отношений, а, напротив, о глубокой мудрости архипастыря.

Библиографический список

1. Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е гг.) // Антонов В.В. Вера против безбожия: Петроград – Ленинград

в 1920–1930-е: историко-церковный сборник. – СПб.: Лики России, 2011. – С. 37–56.

2. Антонов В.В. Тайные монашеские общины в Петрограде и Александро-Невское братство // Антонов В.В. Вера против безбожия: Петроград – Ленинград в 1920–1930-е: историко-церковный сборник. – СПб.: Лики России, 2011. – С. 57–76.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6991: Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, 1943–1965 гг. – Оп. 7: Личные дела высших служителей культа, 1944–1974. – Д. 145: Личное дело митрополита Крымского и Днепропетровского Гурия (Егорова) от 9 мая 1947 по 6 февраля 1964 гг.

4. Годлевский Н.П. Епископат восточно-украинских епархий в отчетах уполномоченных по делам Русской Православной Церкви в 1958–1962 гг. // Вестник Пермского государственного университета. Сер.: История. – 2016. – № 3 (34). – С. 138–144.

5. Гурий [Электронный ресурс] // Православная Энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Режим доступа: pravenc.ru (дата обращения: 31.08.2018 г.).

6. Гурий (Егоров) [Электронный ресурс] // Древо: Открытая православная энциклопедия. – Режим доступа: drevo-info.ru (дата обращения: 30.08.2018 г.).

7. Зегжда С.А. Александро-Невское братство. – СПб., 2009. – 28 с.

8. Зегжда С.А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом: (документальный очерк). – Набережные Челны: Новости мира, 2009. – 487 с.

9. Зегжда С.Г. Митрополит Иоанн (Вендланд): биографический очерк, 1909–1989. – Ярославль: Ярославская епархия, 2009. – 175 с.

10. Иоанн, митрополит (Вендланд К.Н.). Князь Федор (Черный); Митрополит Гурий (Егоров): историч. очерки / Книга подготовлена к изданию духовными чадами митрополита Иоанна (Вендланда) по благословению архиепископа Ярославского и Ростовского Михея. – Ярославль: Изд-во «ДИА-пресс», 1999. – 180 с.

11. Карпук Д.А. Александро-Невская Лавра – центр ученого монашества в начале XX века // «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры»: сб. материалов конференции / под ред. проф. М.В. Шкаровского. – СПб., 2013. – С. 218–227.

12. Катунин Ю.А. Православная церковь Крыма в 1958–1963 гг. // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 22. – С. 89–95.

13. Кольмагин Б.Ф. Крымская экумена: религиозная жизнь послевоенного Крыма. – СПб., 2004. – 346 с.

14. Литвинко М.В. Государственная власть и русская православная церковь в СССР в зеркале персональной истории (на примере общественной и церковной деятельности митрополита Гурия Егорова)

[Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Издательский дом «ХОРС». – 2017. – № 5. – Режим доступа: dom-hors.ru (дата обращения: 31.08.2018 г.).

15. Литвинко М.В. Митрополит Гурий (Егоров) в истории взаимоотношений Русской Православной Церкви и советской власти на Украине в середине 1950-х – середине 1960-х гг. [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Издательский дом «ХОРС». – 2017. – № 10. – Режим доступа: dom-hors.ru (дата обращения: 31.08.2018 г.).

16. Литвинко М.В. Митрополит Гурий (Егоров) в Белоруссии: вехи персональной истории в зеркале государственно-церковных отношений [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Издательский дом «ХОРС». – 2017. – № 8. – Режим доступа: dom-hors.ru (дата обращения: 31.08.2018 г.).

17. Меженная Э.Л. Митрополит Иоанн: «Будем делать дела любви!»: Дневники. Письма. Воспоминания. – Ярославль: Изд. Александр Рутман, 2013. – 504 с.

18. Митрополит Гурий (Егоров). Патриарх Сергей как богослов / предисл. архимандрита Макария (Веретенникова) // Альфа и Омега. – 2001. – № 1 (27). – С. 116–148.

19. Митрополит Гурий (Егоров). Проповеди, сказанные в кафедральном соборе г. Днепропетровска // Альфа и Омега. – 2001. – № 2 (28). – С. 5–11.

20. Митрополит Гурий (Егоров). Проповеди и беседы // Альфа и Омега. – 2005. – № 3 (44). – С. 87–95.

21. Северин Г., прот. Воспоминания о митрополите Гурии (Егорове) [Рукопись]. – Симферополь. – 2005 (23 дек.). – 287 с.

22. Шкаровский М.В. Александро-Невское братство, 1918–1932 годы: Новомученикам Российским посвящается: (исторический очерк) // Православный летописец Санкт-Петербурга. – СПб.: Православный Санкт-Петербург, 2003. – Прил. 3.

23. Шкаровский М.В. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1913–2013: в 2 т. Т. 1 / рук. проекта еп. Назарий (Лавриненко); Св.-Троиц. Александро-Нев. Лавра. – СПб., 2012. – С. 459–541.

24. Шкаровский М.В. Сто лет Александро-Невского братства: история и современность. – СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, 2018. – 352 с.

References

1. Antonov V.V. Prihodskie pravoslavnye bratstva v Petrograde (1920-e gg.) // Antonov V.V. Vera protiv bezbozhiya: Petrograd – Leningrad v 1920–1930-e: istoriko-cerkovnyj sbornik. – SPb.: Liki Rossii, 2011. – S. 37–56.

2. Antonov V.V. Tajnye monasheskie obshchiny v Petrograde i Aleksandro-Neviskoe bratstvo // Antonov V.V. Vera protiv bezbozhiya: Petrograd – Leningrad v 1920–1930-e: istoriko-cerkovnyj sbornik. – SPb.: Liki Rossii, 2011. – S. 57–76.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – F. 6991: Sovet po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi pri Sovete Ministrov SSSR, 1943–1965 gg. – Op. 7: Lichnye dela vysshih sluzhitelej kul'ta, 1944–1974. – D. 145: Lichnoe delo mitropolita Krymskogo i Dnepropetrovskogo Guriya (Egorova) ot 9 maya 1947 po 6 fevralya 1964 gg.
4. Godlevskij N.P. Episkopat vostochno-ukrainskikh eparhij v otchetah upolnomochennyh po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1958–1962 gg. // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. – 2016. – № 3 (34). – S. 138–144.
5. Gurij [Elektronnyj resurs] // Pravoslavnaya Enciklopediya pod redakciej Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. – Rezhim dostupa: pravenc.ru (data obrashcheniya: 31.08.2018 g.).
6. Gurij (Egorov) [Elektronnyj resurs] // Drevo: Otkrytaya pravoslavnaya enciklopediya. – Rezhim dostupa: drevo-info.ru (data obrashcheniya: 30.08.2018 g.).
7. Zegzhda S.A. Aleksandro-Neviskoe bratstvo. – SPb., 2009. – 28 s.
8. Zegzhda S.A. Aleksandro-Neviskoe bratstvo: dobrym primerom, zhitie i slovom: (dokumental'nyj ocherk). – Naberezhnye Chelny: Novosti mira, 2009. – 487 s.
9. Zegzhda S.G. Mitropolit Ioann (Vendland): biograficheskij ocherk, 1909–1989. – YAroslavl': YAroslavskaya eparhiya, 2009. – 175 s.
10. Ioann, mitropolit (Vendland K.N.). Knyaz' Fedor (CHernyj); Mitropolit Gurij (Egorov): istorich. ocherki / Kniga podgotovlena k izdaniyu duhovnymi chadami mitropolita Ioanna (Vendlanda) po blagosloveniyu arhiepiskopa YAroslavskogo i Rostovskogo Miheya. – YAroslavl': Izd-vo «DIA-press», 1999. – 180 s.
11. Karpuk D.A. Aleksandro-Neviskaya Lavra – centr uchenogo monashestva v nachale XX veka // «300 let Svyato-Troickoj Aleksandro-Neviskoj Lavry»: sb. materialov konferencii / pod red. prof. M.V. SHkarovskogo. – SPb., 2013. – S. 218–227.
12. Katunin YU.A. Pravoslavnaya cerkov' Kryma v 1958–1963 gg. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2001. – № 22. – S. 89–95.
13. Kolymagin B.F. Krymskaya ekumena: religioznaya zhizn' poslevoennogo Kryma. – SPb., 2004. – 346 s.
14. Litvinko M.V. Gosudarstvennaya vlast' i russkaya pravoslavnaya cerkov' v SSSR v zerkale personal'noj istorii (na primere obshchestvennoj i cerkovnoj deyatelnosti mitropolita Guriya Egorova) [Elektronnyj resurs] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – Krasnodar: Izdatel'skij dom «HORS». – 2017. – № 5. – Rezhim dostupa: dom-hors.ru (data obrashcheniya: 31.08.2018 g.).
15. Litvinko M.V. Mitropolit Gurij (Egorov) v istorii vzaimootnoshenij Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i sovetskoj vlasti na Ukraine v seredine 1950-h – seredine 1960-h gg. [Elektronnyj resurs] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – Krasnodar: Izdatel'skij dom «HORS». – 2017. – № 10. – Rezhim dostupa: dom-hors.ru (data obrashcheniya: 31.08.2018 g.).
16. Litvinko M.V. Mitropolit Gurij (Egorov) v Belorussii: vekhi personal'noj istorii v zerkale gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij [Elektronnyj resurs] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – Krasnodar: Izdatel'skij dom «HORS». – 2017. – № 8. – Rezhim dostupa: dom-hors.ru (data obrashcheniya: 31.08.2018 g.).
17. Mezhnennaya E.L. Mitropolit Ioann: «Budem delat' dela lyubvi!»: Dnevnik. Pis'ma. Vospominaniya. – YAroslavl': Izd. Aleksandr Rutman, 2013. – 504 s.
18. Mitropolit Gurij (Egorov). Patriarh Sergij kak bogoslov / predisl. arhimandrita Makariya (Veretennikova) // Al'fa i Omega. – 2001. – № 1 (27). – S. 116–148.
19. Mitropolit Gurij (Egorov). Propovedi, skazannye v kafedral'nom sobore g. Dnepropetrovska // Al'fa i Omega. – 2001. – № 2 (28). – S. 5–11.
20. Mitropolit Gurij (Egorov). Propovedi i besedy // Al'fa i Omega. – 2005. – № 3 (44). – S. 87–95.
21. Severin G., prot. Vospominaniya o mitropolite Gurii (Egorove) [Rukopis']. – Simferopol'. – 2005 (23 dek.). – 287 s.
22. SHkarovskij M.V. Aleksandro-Neviskoe bratstvo, 1918–1932 gody: Novomuchenikam Rossijskim posvyashchaetsya: (istoricheskij ocherk) // Pravoslavnyj letopisec Sankt-Peterburga. – SPb.: Pravoslavnyj Sankt-Peterburg, 2003. – Pril. 3.
23. SHkarovskij M.V. Svyato-Troickaya Aleksandro-Neviskaya Lavra: 1913–2013: v 2 t. T. 1 / ruk. proekta ep. Nazarij (Lavrinenko); Sv.-Troic. Aleksandro-Neviskaya Lavra. – SPb., 2012. – S. 459–541.
24. SHkarovskij M.V. Sto let Aleksandro-Neviskogo bratstva: istoriya i sovremennost'. – SPb.: Svyato-Troickaya Aleksandro-Neviskaya Lavra, 2018. – 352 s.

ВНУТРИЦЕРКОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИХОДСКОЙ РЕФОРМЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

В статье автор описывает некоторые важные составляющие и черты церковной жизни в период инициированной Н.С. Хрущевым приходской реформы, которая была направлена, в частности, на подрыв финансовой базы Русской православной церкви (далее – РПЦ) в СССР. Отмечается, что сталинская послевоенная система государственно-церковных отношений имела серьезный дефект в виде неэффективного правового закрепления. Кроме того, после окончания войны потребность в лояльном отношении к православию и другим религиям отпала. Все это позволило преемникам И.В. Сталина осуществить ряд серьезных мер, направленных на ослабление Церкви. Хрущевская религиозная политика отличалась от гонений 1920–1930-х гг., поскольку включала в себя меры, направленные на косвенное уничтожение православия, прежде всего через административное давление на духовенство и мирян. Типичным проявлением подобной тенденции можно считать приходскую реформу, нацеленную на лишение настоятелей храмов финансовых полномочий и передачу их в руки церковных старост, назначаемых, по сути, местными органами, что позволяло разорвать храмы и монастыри при формальной веротерпимости режима.

Ключевые слова: религия в СССР, Русская православная церковь, приходская реформа, хрущевские гонения на Церковь.

В свете празднования 1030-летия Крещения Руси возрастает интерес не только к гражданской истории России, но и к истории Русской православной церкви, прежде всего, к наиболее тяжелым периодам ее существования. Одним из таких периодов можно по справедливости считать советскую эпоху, сопряженную с тяжелейшими гонениями как на духовенство, так и на простых мирян. Атеистический режим использовал самый разнообразный арсенал для ликвидации Церкви как социальной организации, включая конфискации имущества, налоговое давление, лишение прав служителей культа, запреты в служении, гонения, репрессии и т. д. Актуальным в этом контексте является анализ такого инструмента «борьбы» с Церковью, как приходская реформа 1960-х гг.

В условиях Великой Отечественной войны после встречи И.В. Сталина в 1943 г. с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем положение РПЦ значительно улучшилось: было восстановлено патриаршество, создан Совет по делам Русской православной церкви, многие представители духовенства получили амнистию и т. д. Кроме того, войной был обусловлен и рост уровня религиозности в советском обществе. Вполне естественно, что эти обстоятельства вступали в явное противоречие с официальной пропагандой научного атеизма, в результате чего в конце сталинской эпохи интерес к православной церкви значительно снизился, а пришедший к власти Н.С. Хрущев развернул очередную кампанию гонений против Церкви и верующих, поставив в январе 1959 г. цель показать миру к 1980 г. «последнего попа» [6, с. 7].

Одним из этапов подготовки к приходской реформе можно считать 13 января 1960 г., когда ЦК КПСС принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского

законодательства о культах». Центральное место в документе занимала проблема того, что «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое Поместным собором 31 января 1945 г., отстранило мирян от управления имуществом и финансами прихода, вернув эту функцию настоятелям храмов. Кроме того, это установление противоречило декрету об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 г., по которому церковным имуществом могли распоряжаться религиозные общества [1, с. 242].

Представляется интересным мнение религиоведа Л. Митрохина, который отмечал, что с 1950–1960-х гг. в Советском Союзе наступил так называемый период гонений «научного атеизма», который, в отличие от довоенного сталинского репрессивного аппарата, не предполагал физического уничтожения Церкви, но нацеливался на экономическое и административное давление [7, с. 234]. Так, 16 января 1961 г. Совет министров СССР принял специальное постановление «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Фактически этот документ свернул все законодательные акты, принятые в период войны и первое послевоенное десятилетие, и стал одним из главных камней в нормативном фундаменте будущей приходской реформы. Документ включал в себя следующие положения: во-первых, отстранение духовенства от финансовых и административных дел с целью дискредитации в среде верующих; во-вторых, управление религиозными общинами представителями из числа мирян; в-третьих, фактическая ликвидация механизмов церковной благотворительности; в-четвертых, снятие льгот и профсоюзного обслуживания с церковнослужителей; в-пятых, перевод священнослужителей на постоянные денежные оклады и снижение материальных стимулов для их служения; в-шестых, недопустимость влияния

религии на детей. Историк О.Ю. Васильева отмечает, что основоположники «церковной реформы» в советском правительстве отдавали себе отчет в том, что ее практическая реализация может оказаться довольно проблематичной, поэтому, чтобы не вызвать каких-либо осложнений, данные мероприятия было решено проводить «церковными руками» [1, с. 243]. Так, 18 апреля 1961 г. от Священного синода под жестким давлением Совета по делам РПЦ было получено фактическое одобрение этих преобразований в виде постановления об отстранении священнослужителей от хозяйственных дел в их приходах. Однако несогласие со столь радикальными шагами приходского управления требовало официального утверждения реформы на Архиерейском соборе. Стоит заметить, что подобная реформа проводилась не на пустом месте – вопрос об устройстве церковно-приходской жизни всегда занимал церковные круги: он возник еще в 1905 г., когда РПЦ стремилась встать на путь широких церковных преобразований. Тогда вопросом о переустройстве православного прихода занималось главным образом Предсоборное присутствие, столкнувшееся с таким разнообразием логических определений прихода, что достигнуть консенсуса оказалось не так просто. В итоге 18 июля 1961 г. в Троице-Сергиевой Лавре состоялся Архиерейский собор, который официально принял новую систему управления приходами. На его открытии Патриарх Алексей I так аргументировал необходимость приходской реформы: «Опыт минувших лет показал, что далеко не все настоятели оказались на высоте своего положения, не все они могли вынести тяжести материальных забот, которые для многих стали не только соблазном, но и причиной угашения пастырского духа». Иными словами, он проводил параллели с фразой Спасителя «Даром получили, даром давайте» (Матф. 10:8). Далее Патриарх отмечал, что в погоне за доходностью приходов многие священнослужители ввели плату за требы, вызывая недовольство мирян, так как «забыли, что за требы верующие не платят, а жертвуют добровольно, кто сколько может». В результате, по его словам, в церковную жизнь просочились греховные страсти и веяния, которые стали иногда даже управлять этой жизнью, искажая ее раздорами, стяжательством, нарушением гражданских законов и разными злоупотреблениями [10].

Принятое «Положение об управлении РПЦ» ключевым звеном в руководстве общиной сделало общеприходское собрание, которое следило за взносами из храмовых денег на различные нужды, определяло содержание священнослужителям, вносило на добровольных началах суммы на содержание архиерея и его канцелярии, на Патриаршее управление, на содержание семинарий, отчисление в пенсионный фонд на основе средств, поступивших из добровольных пожертвований верующих

на церковные нужды. В поправке к документу особо отмечалось, что приходские священники «суть пастыри прихода, которым поручено епископом прежде всего совершение в приходском храме общественного богослужения и церковных треб», то есть их ключевая функция – быть духовными отцами своих прихожан [9]. Иными словами, о какой-либо хозяйственной деятельности настоятелей не говорилось ни слова.

Необходимо, конечно, понимать, что эта реформа была вынужденной мерой в тяжелые для Церкви годы, когда гонения на нее вновь возрастали. Собором было принято требование привести «Положение об управлении РПЦ» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях», которое отстраняло священнослужителей как лиц, не имеющих избирательных прав, от административно-финансового руководства приходом. Впрочем, советские власти предпочли проигнорировать тот факт, что Конституция 1936 г. предоставила всем гражданам СССР одинаковые права, и таким образом возникло несоответствие документа основному закону страны. Более того, складывалась ненормальная ситуация, когда настоятели приходов, отстраненные от реального участия в жизни общины, оказались в статусе наемных служащих у церковного совета, в котором реальные финансовые рычаги были сосредоточены в руках церковных старост, причем зачастую людей далеко не религиозных. Очевидно, что местные власти стремились бы назначать членами церковных советов убежденных атеистов, нацеленных на организационную деформацию Церкви. Старосты делали все, чтобы разорить храм финансово – все средства они старались сдать в так называемый Фонд мира либо в райисполком, где эти деньги, как правило, разворовывали чиновники. А ведь там были и добровольные пожертвования от прихожан, которые тоже до единой копейки проходили через руки старосты. Были старосты, которые вмешивались и в богослужебную часть. Протоиерей Георгий (Эдельштейн) в своей книге «Право на правду» приводит в пример старосту Троицкого собора Александро-Невской лавры Людоговского, который, выполняя указания местного уполномоченного Совета по делам РПЦ, мог перекрыть воду на праздник Крещения Господня. Кроме того, старосты сразу же передавали местным властям данные людей, которые решались крестить ребенка [14, с. 118]. Власть епархиальных архиереев над храмами урезалась до того, что после снятия с регистрации назначенного им священника приходы находились в исключительной юрисдикции государственного регистрирующего органа. Более того, даже официальное назначение архиереем настоятеля прихода не имело нормативной силы без санкции местного уполномоченного Совета по делам РПЦ [13, с. 391–393]. Архиепископ

Никон (Фомичев) вспоминал: «Духовенство оказалось в подчинении у старост, которые нередко творили полный произвол. Старосты возомнили себя «князьками» Церкви. Без их согласия священник или епископ не мог принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. На собрание, избиравшее церковный совет, духовенство не допускалось. Решать, какой быть церковной общине, мог атеист, а священник не имел на это права...» [12, с. 30–31]. Разумеется, были и иные мнения. Так, на Поместном соборе 1988 г. архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом дал положительную характеристику реформе: «Помню сороковые годы, с 1943 по 1954 годы у нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас; открывались храмы тысячами. Священнослужители... начали с того, что покупали себе роскошные дома на самом видном месте, красили заборы в зеленый цвет. А машины – не просто “Волги”, а ЗИЛы. Я думаю, что великим благом... было то, что в 1961 году отказались от административной деятельности...» [8, с. 397]. Впрочем, подобные высказывания можно считать единичными.

Вполне очевидно, что приходские священники приняли данные преобразования крайне неоднозначно: многие не скрывали своего недовольства, пытались отправлять жалобы местным уполномоченным Совета по делам РПЦ. Некоторые шли по другому пути: подчиняясь для вида, фактически продолжали оставаться руководителями хозяйственных вопросов в своих приходах, используя лично им преданных малограмотных членов исполнительных органов [2, с. 19].

Возможный путь выхода из сложившейся ситуации обозначил патриарх Алексей I: «Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе...» [5, с. 6]. Необходимо понимать, что Патриарх не мог в тогдашних условиях открыто критиковать религиозную политику, чем и объясняется подобная осторожность высказываний.

Вместе с началом реформы был осуществлен так называемый комплексный «единовременный учет», так как в ходе него принималось в расчёт не только число зданий религиозного назначения, но и их параметры: площадь, объем, возраст и т. д. Доходило до того, что проверке подлежали не только количество совершаемых треб, но и сколько людей посещает храм в период богослужений. Местными властями в 1961 г. было подсчитано, что в Костромской епархии посещение храмов в дни больших церковных праздников составляло одновременно около 22 тысячи человек [2, с. 23]. Линия режима на закрытие храмов также продолжалась: к примеру, в 1961–1964 гг. в Костромской епархии было прекращено функционирование 4 храмов [4, с. 9], в соседней Ивановской епархии – 12 храмов [11, с. 3].

Стоит отметить, что для закрытия храмов властями использовались все возможные поводы. Так, в плане уполномоченного Совета по Костромской области на 1964 г. видно, что было проведено «...обследование населенных пунктов в районе одиннадцати церквей... где из-за отсутствия священников... нет богослужений...», что рекомендуется использовать как показатель того, что местное население не поддерживает религию; делался вывод, что оно «не будет противиться закрытию храмов» [3, с. 1–2]. Протоиерей Георгий (Эдельштейн) особенно остро критикует позицию священноначалия РПЦ, прежде всего митрополитов Никодима (Ротова) и Пимена (Извекова), официально утверждавших в СМИ, что церкви в СССР закрываются добровольно, то есть говоривших откровенную ложь [14, с. 70]. Впрочем, еще раз стоит отметить, что открыто критиковать политику властей они тогда не имели возможности, боясь, по всей видимости, спровоцировать власти на еще большие гонения.

Итак, главный замысел реформы состоял в том, чтобы ликвидировать финансовый фундамент РПЦ. В перспективе это должно было привести к ее полному исчезновению либо к снижению ее влияния в обществе. Несомненно, Церковь понесла огромный урон – закрывались и разорялись храмы, монастыри, оказывалось огромное административное давление на духовенство и мирян. Однако, как показало время, подобные действия не принесли значительных плодов, о чем говорит хотя бы широкое празднование 1000-летия Крещения Руси, свидетельствующее о парадоксальной, мистической жизнеспособности Церкви как в условиях открытых гонений, так и косвенных мерах, направленных на ее разложение изнутри.

Библиографический список

1. Васильева О. «Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел...» // Альфа и Омега. – 2003. – № 2 (36).
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. р.-2102. – Оп. 5. – Д. 44.
3. ГАКО. – Ф. р.-2102. – Оп. 5. – Д. 65.
4. ГАКО. – Ф. р. – 2102. – Оп. 5. – Д. 209.
5. Журнал Московской Патриархии. – 1961. – № 8. – 16 с.
6. Мирт: газета. – 2009. – № 1 (66).
7. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). – СПб.: РХГИ, 1997. – 480 с.
8. Поместный Собор Русской Православной Церкви: материалы. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990.
9. Постановление Священного Синода от 18 апреля 1961 года о мерах по улучшению существующего строя приходской жизни и по приведению его в соответствие с гражданским зако-

нодательством «О религиозных объединениях» [Электронный ресурс] // Деяния Собора преосвященных правящих архиереев Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой лавре 18 июля 1961 года. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2016/09/16/525> (дата обращения: 01.09.2018).

10. Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия при открытии Собора [Электронный ресурс] // Деяния Собора преосвященных правящих архиереев Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой лавре 18 июля 1961 года. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2016/09/16/525> (дата обращения: 31.07.2018).

11. Отчеты за 1961 г. [Рукопись] // Архив Ивановского епархиального управления.

12. Фомичев Н., архиеп. Из моих воспоминаний // Журнал Московской Патриархии. – 1990. – № 6. – С. 30–31.

13. Цыпин В., прот. История Русской Церкви в 1917–1997. – М., 1997. – 152 с.

14. Эдельштейн Г. Право на правду. – М., 2016. – 504 с.

References

1. Vasil'eva O. «СНувствуйу себыа нервным от обшчего лада церковных дел...» // Al'fa i Omega. – 2003. – № 2 (36).

2. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO). – F. r.-2102. – Op. 5. – D. 44.

3. GAKO. – F. r.-2102. – Op. 5. – D. 65.

4. GAKO. – F. r. – 2102. – Op. 5. – D. 209.

5. ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1961. – № 8. – 16 s.

6. Mirt: gazeta. – 2009. – № 1 (66).

7. Mitrohin L.N. Baptizm: istoriya i sovremennost' (filosofsko-sociologicheskie ocherki). – SPb.: RHGI, 1997. – 480 s.

8. Pomestnyj Sobor Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: materialy. – М.: Izdanie Moskovskoj Patriarhii, 1990.

9. Postanovlenie Svyashchennogo Sinoda ot 18 aprelya 1961 goda o merah po uluchsheniyu sushchestvuyushchego stroya prihodskoj zhizni i po privedeniyu ego v sootvetstvie s grazhdanskim zakonodatel'stvom «O religioznyh ob"edineniyah» [Elektronnyj resurs] // Deyaniya Sobora preosvyashchennyh pravyyashchih arhiereev Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v Troice-Sergievoj lavre 18 iyulya 1961 goda. – Rezhim dostupa: <https://www.proza.ru/2016/09/16/525> (data obrashcheniya: 01.09.2018).

10. Rech' Svyatejshego Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya pri otkrytii Sobora [Elektronnyj resurs] // Deyaniya Sobora preosvyashchennyh pravyyashchih arhiereev Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v Troice-Sergievoj lavre 18 iyulya 1961 goda. – Rezhim dostupa: <https://www.proza.ru/2016/09/16/525> (data obrashcheniya: 31.07.2018).

11. Otchet'y za 1961 g. [Rukopis'] // Arhiv Ivanovskogo eparhial'nogo upravleniya.

12. Fomichev N., arhiep. Iz moih vospominanij // ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1990. – № 6. – S. 30–31.

13. Cyпин V., prot. Istoriya Russkoj Cerkvi v 1917–1997. – М., 1997. – 152 s.

14. Edel'shtejn G. Pravo na pravdu. – М., 2016. – 504 s.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ВЕРЫ. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ УБЕЖДЕННОСТЬ ИЛИ СУММА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ? К ТЕМЕ РЕНЕГАТСТВА 1960-Х ГОДОВ

В статье на примере отречения от религиозных убеждений священника И.Н. Кубина дается анализ его «мировоззренческого переворота». На основании архивных данных показаны действительные мотивы, которые двигали Кубиным, пожелавшим, чтобы его антирелигиозные откровения были опубликованы: они находились в сфере бытовой заинтересованности. Логика действий Кубина показывает, что его поступок был актом обстоятельств и личных отношений с астраханским епископом Павлом (Гольшиевым), с которым, в основном из-за позиции Кубина в отношении церковной жилплощади, не нашлось взаимопонимания, что и выразилось впоследствии актом «отречения». В целом психологические ситуации между церковной властью и рядовыми священнослужителями были использованы властями в антирелигиозных целях, что впоследствии негативно отразилось на судьбе самих «пострадавших», их жизненные ситуации были использованы властями лишь в качестве пропагандистского приема.

Ключевые слова: священник, наука, ренегат, Патриархия, епископ, религия, отречение.

В средствах массовой информации 1960-х годов, в историографии, посвященной государственно-церковным отношениям тех лет, часто мелькают сообщения об отречении священников от веры в Бога. В контексте темы становится очевидным, что факты отречения были использованы в пропагандистских целях и преподносились официальной пропагандой как примеры разочарования в религии священнослужителей – тех, кто примером своей жизни должен был показывать верность выбранному пути, кто многие годы с церковных амвонов учил и наставлял людей религиозным истинам. Народ должен был единодушно поддержать принятые на XXI съезде партии директивы о построении коммунизма в ближайшие 20 лет. В те годы со страниц газет, по радио и в телепередачах верующим доходчиво объясняли, что их вера не только антинаучна и антисоциальна, но ложна. И пусть количество ренегатов (термин обозначал отступничество, измену своим убеждениям, переход в лагерь противника) было немногочисленным, всего 200 человек в период конца 1950-х – начала 1960-х гг. [17, с. 110], но именно он использовался и представлялся в 1960-е годы как серьезный аргумент опровержения религиозного мировоззрения [12, с. 116]. На слуху общества были имена отрекшихся от религиозных убеждений и разочаровавшихся в религиозных представлениях профессора А. Осипова, свящ. П. Дарманского, Н. Спасского, призывавших людей уйти из Церкви ввиду несомненных достижений науки и коммунистического строительства. Они были отлучены от Церкви за свое публичное отречение от веры в Бога.

С течением времени нам предстоит понять: являлись ли эти «показательные» отречения в каждом конкретном случае актом искреннего изменения убеждений человека, либо люди, вступившие на путь отречения от Бога, лишь были использованы

своими кураторами из спецорганов и отданы в угоду пропаганде в качестве «необходимого жертвоприношения». В любом случае их предательство у верующих людей вызывало отвращение, а в большинстве случаев они были «несчастливыми, достойными жалости жертвами» [21]. В общем и целом феномен ренегатства рассмотрен многими исследователями темы хрущевских гонений на религию 1960-х годов [12, с. 117].

Еще раз поднимая эту тему, мы показываем различные мотивы предательства своих убеждений – за каждым отречением стоит судьба человека. Например, профессором А. Осиповым двигали не только мотивы многолетнего информатора КГБ, но и личные мотивы. Целью показать личные, безыдейные мотивы, побудившие ренегатов встать на путь предательства своих убеждений, является данное исследование, ставящее задачу проследить путь отречения одного из них – священника Иоанна Кубина.

Рассмотрим перипетии судьбы секретаря Костромской епархии с 1 апреля по 30 октября 1962 года, который 9 марта 1963 года в астраханской областной газете «Волга» опубликовал антирелигиозную статью «От религиозных убеждений – к настоящей жизни». В статье он разоблачил антинаучность Священного Писания, невежество преподавателей Семинарии, лицемерие и корыстолюбие духовенства. Согласно его умозаключениям, вера явилась плодом человеческой фантазии и была изобретена правящими классами в целях эксплуатации трудящихся. Низшему сословию, по мнению Кубина, вера нужна была в качестве утешения в нелегкой борьбе за существование в мире, полном страданий. Именно эти аргументы он приводил в качестве факта своего прозрения, отречения от детской наивной веры, которая возникла в результате страданий и потерь во время Великой Отечественной войны, на которой погибли и были ранены его братья [13]. Когда же был настоящий

Иван Никитович Кубин? Тогда, когда он служил, проповедовал, учился в духовных школах, занимал административные посты в Церкви, боролся за свое священническое звание и место с бюрократическим епархиальным аппаратом, защищая свое доброе имя пастыря Церкви, или тогда, когда в одночасье понял ложность своих религиозных убеждений? Обратимся к биографии И.Н. Кубина.

Сын крестьянина, из многодетной семьи, после восьмилетки служивший в армии и работавший на железной дороге, в 1952 году окончивший Саратовскую духовную семинарию по первому разряду и рукоположенный в священнический сан архиепископом Астраханским и Саратовским Филиппом (Ставицким) с назначением в астраханский Покровский собор, согласно прошению в 1955 году он был переведен в Казанский собор г. Сталинграда, в 1956 году поступил в Московскую духовную академию (МДА), которую закончил в 1960 году со степенью кандидата богословия. Согласно характеристике, данной Советом МДА, в 1961 году священник И. Кубин за время учебы «проходил обучение с отличными успехами, был всегда исполнительным, дисциплинированным, и ни в чем предосудительном замечен не был» [2, с. 110]. За усердное служение Церкви Божией и в связи с окончанием Академии был награжден Святейшим Патриархом Алексием I наперстным крестом. Еще по окончании Саратовской семинарии в характеристике, данной ему настоятелем астраханского Покровского собора протоиереем Н. Концевичем, говорится, что окончивший семинарию по первому разряду И. Кубин «в связи с отличными успехами в учебе должен быть незамедлительно по завершении семинарского курса направлен для продолжения учебы в Академию» [2, с. 13]. Однако Кубин до поступления в Академию, в октябре 1952 года, женится и решает принять священнический сан. За семь месяцев своего служения он «показывает себя как человек безупречный в нравственном отношении, усердный в исполнении своих служебных обязанностей и ревнующий об успехах церковного делания» [2, с. 13]. В своем рапорте на имя правящего архиерея прот. Н. Концевич сообщает, что И. Кубин желает учиться на заочном секторе Ленинградской духовной академии, поступает, но из-за постоянных служб (чему способствует нехватка священнослужителей) и треб не может посвящать время учебе. Вскоре он покидает Академию. В своем отзыве на поступок Кубина епископ Астраханский и Сталинградский Сергей (Ларин) сожалеет об уходе священника из Академии, он отзывом о Кубине как о «весьма достойном пастыре» [2, с. 36]. Данную епископом характеристику подтверждают письма верующих сталинградцев, в которых выражается признательность молодому пастырю за его служение и проповедь, за его желание отдавать себя делу, которому он посвятил

жизнь. 5 октября 1955 года в адрес архиепископа направляется письмо, в котором прихожане пишут: «Когда отец Иоанн совершает богослужение, мы не можем насладить наши души его молитвой, особенно его многократным поминовением усопших. <...> Благодарим Господа Бога, что Вы, владыко многомилостивый, послали нам такого молитвенника и проповедника Святой Церкви» [2, с. 20–23].

Благоволя к молодым образованным священнослужителям, ведущим достойную жизнь и тянущимся к знаниям, 22 декабря 1955 года епископ Сергей назначает молодого священника членом Ревизионной комиссии епархии и помощником благочинного 1-го Сталинградского округа, чем оказывает иерею Иоанну свое расположение и доверие. По случаю поступления священника Кубина на очный сектор МДА за ним с благословения владыки закрепляется место штатного священника в соборе, магушке обеспечивается место певчей в архиерейском хоре с первоклассным окладом, предлагается жилье, и не просто жилье – архиерейский дом. Из стен Академии Кубин пишет архиепископу Астраханскому и Сталинградскому Сергию письмо, в котором есть такие слова: «По неизреченному милосердию Божию и Вашему расположению я оказался в стенах Академии, под покровом преподобного Сергия», – с восхищением и благодарностью к своему правящему архиерею пишет священник И. Кубин [2, с. 46 об.]. Семья обеспечивается архиепископом епархиальным жильем, которое, как мы увидим, впоследствии и стало камнем преткновения и источником многих бед И.Н. Кубина. Последовавшие события – скандальный перевод архиепископа Сергия из-за травли в прессе в Омскую епархию, обвинения его в присвоении церковных денег и моральном разложении, а также время очередного решительного наступления на религию в 1958–1964 гг. сыграли в жизни священника И. Кубина трагическую роль.

Конец 1950 – 1960-х гг. называется в историографии «хрущевскими гонениями на религию». Власть поощряет нестойких в вере публично отречься от религии, указывая на них как на живой пример ложности религиозного мировоззрения. Газеты пестрят статьями «прозревших» священнослужителей [15]. Во время пребывания Кубина в Академии 7 июня 1959 года газета «Сталинградская правда» публикует статью бывшего благочинного III Сталинградского округа, настоятеля Михайловского молитвенного дома священника Николая Спасского «Почему я отрекся от церкви» [19, с. 3]. 27 июля 1959 года ряд центральных газет публикует статью того же автора «Не хочу обманывать. Открытое письмо архиепископу Астраханскому и Сталинградскому Сергию», где вскрывается финансовая и личная нечистоплотность владыки Сергия и ряда священнослужителей Астраханской епархии, а также спекулятивные

операции с продажей свечей, просфор, требоисполнением [18]. Вслед за этими публикациями появилась масса других: келейник архиепископа Сергия В. Пахомов (бывший инок Валент) делится своими откровениями в статье «Хочу света радости» [9, с. 3], бывший делопроизводитель Епархиального управления С. Обухова в сталинградской областной газете «Волга» (в той, в которой затем, в 1964 году, опубликует свое прозрение в 1963 г. И. Кубин) разместила статью «Прав ли Спасский? Да, прав!» [8] и т. д. Содержание статей выглядит шаблонным: в них «прозревшие» священнослужители обвиняют епископа в алчности и аморальном поведении, священнослужителей и верующих в мракобесии и непонимании идей коммунизма как общества прогрессивного, передового, опирающегося на последние достижения науки. Архиепископ Сергей расценил публикации как целенаправленные действия властей, желающих его устранения с кафедры. Он пытался защитить свое имя, обращался в редакции газет, печатавших пaskвили, но его не слушали и не пытались оправдываться за клевету. Епископ Сергей решительно обозначил свою позицию церковного человека, не испугавшись давления властей: распоряжением Епархиального совета № 879 от 5 июня 1959 года бывший священник Н. Спасский за свои заявления против Церкви и священноначалия был лишен сана [5, с. 125]. Однако в связи со скандалом и он был перемещен на Омскую кафедру. Следствием скандалов стало разделение епархии. Астраханская и Сталинградская епархия подверглась реформированию и была разделена на две епископские кафедры: став Астраханской и Енотаевской и Саратовской и Сталинградской. Но поднятая антирелигиозная кампания в прессе не останавливалась. Она набирала обороты. Ренегаты и далее публикуют свои откровения, причем большую известность приобрели откровения сталинградских ренегатов: Н. Спасского, В. Пахомова. Как указывает волгоградский исследователь М.И. Соколова, ничего нового они не открыли, лишь показали, что иуды всегда были среди учеников Христа. Сравнительный анализ текстов говорит об их почти полной идентичности, разве что меняются фамилии героев публикаций. Она в своей статье поставила параллель между ренегатами сталинградцами конца 1950-х – начала 1960-х гг. и скандальным иеромонахом Илиодором (Труфановым), печально прославившим церковный Царицын (Сталинград) своими нападениями на Церковь, а также царицынскими обновленцами 1920–1930-х годов [17, с. 110].

Однако вернемся к И. Кубину. После окончания Академии он не захотел возвращаться в Астрахань, где уже был новый архиерей, но просил Учебный комитет направить его в Омск, к архиепископу Сергию. Однако широкая огласка сталинградской благотворительности владыки и скандальные пуб-

ликации сделали свое дело. В Омске Кубину не были предоставлены такие жилищные условия, как в Астрахани, хотя он был определен на служение в Крестовоздвиженский кафедральный собор на хорошее жалованье. К тому же вопрос о прописке и регистрации в Омске находился не в скором разрешении.

Побыв недолго в Омске, Кубин возвращается в родную Астраханскую епархию, во главе которой находится амбициозный, придерживающийся авторитарного мнения о власти епископа парижанин епископ Павел (Гольшнев), с которым у него не сложились отношения – в первую очередь из-за нежелания Кубина уплотняться в занятом им по распоряжению прежнего епископа Астраханского Сергия доме. Далее карьера молодого кандидата богословия, искренне желавшего послужить Церкви, покатила вниз. Епископ Павел, ревностно защищавший свои права, в противоположность архиепископу Сергию не был столь благосклонен и не давал преференций академикам (так называли окончивших Академию священнослужителей). В связи с нежеланием Кубина «уплотниться» (освободить часть церковного дома для проживания прибывшего в епархию священника Петра Дашевского, назначенного ключарем собора) 26 октября 1960 года в качестве меры воздействия на нежелание освободить жилплощадь он был уволен правящим архиереем за штат, а 14 февраля 1961 года им же был назначен в Петро-Павловскую церковь п. Свободный, где имелось церковное помещение для проживания. Назревает конфликт. И в этом случае не желающий съезжать из астраханского дома Кубин, будучи за штатом, не перестает совершать требы и общаться с прихожанами, поддерживая тем самым свое материальное существование. 12 июля 1961 года во время посещения епископом церкви в п. Свободном произошел инцидент: в престольный праздник Петра и Павла епископ Павел служил в п. Свободном. В конце литургии, когда епископ вышел на амвон для произнесения проповеди, из рядов молящихся к нему выбежали с криком несколько человек и пытались сорвать с него одежду [14, с. 147]. Как можно предположить, инцидент был учинен сторонниками Кубина. Хотя напрямую утверждать это невозможно. Дабы вынудить Кубина уехать в другую епархию либо раскаяться в содеянных поступках, епископ Павел приказывает благочинному изъять из Петро-Павловского храма антиминос, святое миро, дароносицу с запасными святыми дарами. 8 августа 1961 года благочинный 1-го Астраханского округа прот. Е. Смирнов, прибыв в п. Свободный, в 10 часов вечера изымает из Петро-Павловской церкви п. Свободный антиминос, святое миро, дароносицу с запасными святыми дарами, заявив членам церковного совета, собравшимся около храма, что изъятие совершено по указанию правящего архи-

рея, и предупредив, что если будет возмущение и волнение людей, то храм правящим архиереем может быть оставлен без богослужения на продолжительное время [2, с. 96]. Утром 9 августа, будучи за штатом, Кубин литургисал на антиминос, который был им принесен из дома с частичкой одежды почитаемого мученика Иосифа, архиепископа Астраханского, политой его кровью. Непонятным выглядит в таком случае следующее: никто не мог остановить заштатного священника совершать литургию? Не было возможностей, или его допускали совершать богослужения? 9 августа, объяснения свой поступок настоятелю архангельского Покровского собора свящ. Алексею Горелкину, он утверждал, что архиерей имеет цель склонить его, Кубина, к отречению от сана, но что он не будет отрекаться [2, с. 98]. За служение без антиминоса епископ Павел, согласно указанным им правилам святых апостолов, 10 августа лишил свящ. Кубина священнического сана [2, с. 104]. В формулировке указа правящего архиерея значится нарушение Кубиным 8 апостольских правил [2, с. 106–107]. После всего этого Кубин опять не желает уехать в другую епархию и просит архиерея оставить его. Но тот непреклонен. Конфликт принимает мелочный характер. Архиерей отказывается выдать о. Иоанну на руки присланный Учебным комитетом диплом Академии с формулировкой «ввиду несоответствующего его сану и ученому званию поведения Кубина, заставившего меня лишить его сана» и отсылает диплом обратно в комитет [2, с. 109]. В характеристике, которую дает епископ Кубину, звучат такие уничижительные формулировки в адрес последнего: «Он груб, совершенно не воспитан, алчен и нечестен. Ради собственной выгоды он способен на все <...> Полное отсутствие в нем христианского смирения препятствует надежде на его исправление в будущем» [2, с. 120].

Епископ направляет свое распоряжение о лишении Кубина сана в Патриархию. Конфликт выходит за рамки епархии. Рассмотрев дело о лишении священника Кубина сана, 25 августа 1961 года управляющий делами Московской патриархии архиепископ Тульский и Белевский Пимен (Извеков), разглядев несоизмеримость наказания, возложенного на Кубина епископом Павлом, пишет последнему: «Лишение его сана не может быть признана Патриархией справедливой мерой воздействия на него, прежде всего, чтобы архиереи на месте не принимали решения о лишении сана виновных клириков, а представляли в Патриархию свои соображения о принятии этой меры взыскания. <...> ...эта крайняя мера была применена к священнику Кубину, которого хорошо его знающее начальство академическое характеризует как священника с лучшей стороны; наконец, открываются обстоятельства местных пристрастных отношений к свящ. Кубину. Таким образом, эта высшая мера,

применяемая к нему, не может быть признана справедливой» [2, с. 112]. Архиепископ Пимен сумел разглядеть в инциденте конфликт интересов и его бытовую, а не мировоззренческую основу. Постановление Священного синода от 21 октября 1961 года своим решением отменило лишение Кубина сана как противоречащее каноническим правилам и Постановлению Священного синода от 30.07.1954 года и направило священника в распоряжение Костромского правящего архиерея [2, с. 113]. Направление Кубина в Костромскую епархию было связано с тем обстоятельством, что архиепископ Пимен (Извеков), впоследствии Святейший Патриарх Московский и всея Руси, с 1 ноября 1959 г. по 16 марта 1961 г. временно управлял Костромской епархией, где не хватало образованных священников. Митрополит Пимен, учитывая прежние характеристики Кубина, не считает его неисправимым, он дает ему шанс продолжить служение, несмотря на мнение и настойчивую позицию в этом вопросе епископа Павла.

В Костроме, в связи с нехваткой образованных священнослужителей, свящ. И. Кубина 1 апреля 1962 года назначают секретарем Епархиального управления. К сожалению, тема жилищной проблемы снова встает на повестку дня: семья Кубина (жена и дети) живет в Астрахани, он сам – в Костроме. Такая ситуация тревожит костромского епископа Никодима (Руснак), который в письме к управделами Патриархии епископу Киприану (Зернову) от 10.06.1961 г. № 1223 сетует на то, что Кубин желает использовать Кострому лишь в качестве временного варианта служения [2, с. 118]. К тому же на Кубина начинают поступать докладные исполнительного комитета Иоанно-Златоустовской церкви г. Костромы (в ту пору являвшейся кафедральным собором) в адрес областного уполномоченного по делам РПЦ В.К. Кудрявцева, носящие явно заказной и клеветнический характер. В них указывается на грубое поведение священнослужителя, его отказ в требовании. Содержание этих писем вызывает сомнение в их реальном и справедливом основании. Из содержания писем складывается мнение, что секретарь Епархии Кубин, образованный и знающий свое дело человек, явно досадил своей авторитетной и принципиальной позицией людям, которым после Архиерейского собора 1961 года была дана власть на приходе. Не забудем – идет 1962 год, гонения на Церковь, подобные записки областному уполномоченному по делам РПЦ поступают регулярно на всех священнослужителей, занимающих самостоятельную позицию и не желающих признавать власть не всегда имеющих даже среднее образование мирян. Понимая, что тучи сгущаются над его головой, Кубин хочет уехать из Костромы, хочет уехать с хорошей характеристикой. О такой постановке вопроса говорит следующее: взяв из Епархиального управления свое личное дело, он из

156 пронумерованных страниц удаляет 36, надеясь таким образом почистить кляузы [2, с. 122]. Такие действия явно свидетельствуют о том, что Кубин не хочет покидать Церковь.

Однако, явно раздосадованный желанием Кубина уехать в другую епархию (как пишет епископ Никодим, «без объяснения и видимых причин» – значит, докладные уполномоченному он не считает веским аргументом) и самостоятельным характером его поведения, вначале благоволивший к Кубину, в годовом отчете за 1962 год дает ему следующую характеристику: «Будучи секретарем Епархиального управления и священником 3-го штата в кафедральном соборе, о. Иоанн старался использовать свое положение (секретаря) для абсолютного единовластия в соборе. <...> Священник Кубин стал проявлять свою власть над другими членами притча, не стесняясь делать им замечания и предъявлять свои требования даже в моем присутствии» [1, с. 7–8].

Вникая в суть представленных недоразумений и претензий епископа и церковного совета, понимаешь, что они не носили безусловного характера. Принимая священника Кубина в Костромскую епархию и читая характеристику и докладные записки, представленные астраханским епископом Павлом, епископ Никодим ставит резолюцию: «Прочитал. 28.12.1961 г. Будущее покажет, так ли это. Увидим!» Однако впоследствии на том же документе уже в октябре 1961 года стоит приписка: «Еще раз прочитал и заключил: “Не спеши быть умнее и добрее другого, не убедившись сам”». Еп. Никодим 30.08.1962 г.» На одной из докладных, в которой живописуются нарушения, совершенные священником Кубиным, значится резолюция еп. Никодима: «Прочитал. 28.12.1961 г. Кроме омерзительной клеветы ничего не нашел. Как это низко!», и впоследствии и здесь появляется приписка: «Здесь нахожу свой преждевременный вывод поспешным: “Не лезь вперед батьки в пекло”» 29.08.1962 г. [2, с. 120, 115]. По поводу приписок, показывающих кардинальное изменение мнения еп. Никодима о Кубине, выскажем предположение: приписки, которые поставлены и датированы октябрём 1962 года, вполне могли быть реакцией и досадой епископа Никодима на уход из епархии священ. Кубина, как и обвинения последнего в самоуправстве. Рассматривая жалобы церковного совета, направленные костромскому областному уполномоченному по делам РПЦ В.К. Кудрявцеву 06.08.1962 г., отметим, что они не носили конструктивного характера. Так, например, члены церковного совета в докладной пишут: «...все требы исполняются не по уставу. <...> в исполнении водосвятных молитв не все читает молитвы, какие положены (а члены церковного совета знали устав! – Д. С.). Вмешивается в хозяйственные дела исполнительного органа собора, а именно: распо-

ряжался машиной для личных своих надобностей» и т. д. Далее вызывает интерес вывод членов церковного совета, которые берут на себя право говорить от имени верующих, выносят вердикт от лица прихожан: «Недостойным для себя поведением как священника Кубин И.Н. потерял весь авторитет среди верующих» [2, с. 118]. Стилистика жалоб и выводы в них говорят о том, что члены исполнительного органа собора были людьми, недовольными требовательностью и принципиальностью священ. И. Кубина, который как секретарь епархии и образованный человек делал замечания, которые пришлись не по душе местному духовенству и исполнительному органу, в чем они усматривали покушение на свою власть. Подписи поставили три члена исполоргана собора, которые явно не разбирались ни в особенностях устава, ни в компетенции исполняющего обряды священника. Не имели они никакого права выступать от имени верующих, которые не поставили свои подписи. Никто не делегировал их выступать от имени верующих. Но жалобы и неустроенность (жизнь вдали от семьи) сделали свое дело. 28 октября Кубин подал прошение с просьбой отпустить его в другую епархию, поближе к семье, проживающей в Архангельске. 1 ноября 1962 года он был почислен за штат Костромской епархии с правом перевода в другую епархию. Выехал в Архангельск, а 25 мая 1963 года епископ Архангельский и Енотаевский Павел прислал епископу Костромскому и Галичскому Никодиму статью из газеты «Волга» с отречением Кубина, хотя, как уже говорилось, кроме инсинуаций по поводу антинаучности религии и указания на аморальную жизнь священнослужителей, ярко, броского отречения, такого как у Н. Спасского («Я порываю с религией!»), там нет. Не было там тех слов, которые написаны в статье публично отрекшегося от религии 16 июня 1960 года в костромской газете «Северная правда» костромского священника А. Майерова. Священник Майеров, например, сам в прошении от 12 июня 1960 года к правящему епископу Костромскому Пимену (Извекову) заявил, что он «порывает с религией и снимает с себя священный сан», обосновав свое решение, «что он после долгих раздумий и анализа религиозных догм пришел к твердому убеждению, что избрал не тот путь в своей жизни, ибо понял всю несостоятельность религиозного учения». Позиция Майерова на первый взгляд выглядит честной: «Я не могу проповедовать того, во что не уверовал» [3, с. 53]. Письмо поражает своим безупречным стилем и принципиальной позицией. Однако в качестве ремарки отметим обстоятельство, ставящее под сомнение искренность автора письма, который 25 марта, то есть за два с половиной месяца до отречения, в своем прошении на имя правящего архиерея – епископа Костромского Пимена (Извекова) – просил переместить его на другой

приход «ввиду сложившейся на приходе в Шунге обстановки», в связи с жалобами на него и склоками прихожан. В приписке к прошению, сделанной в канцелярии Епархиального управления, указано, что Майеров обещал повременить с желанием перейти на другой приход и наладить взаимоотношения с прихожанами [3, с. 52]. В личном деле епископом Пименом Майеров характеризуется как «малограмотный, как пастырь и администратор неопытен» [3, с. 49], что явно не согласуется с стилем письма и отречения. Найденные в Фонде уполномоченного по делам РПЦ в Костромской области документы прямо указывают на работу с Майеровым представителей государственных органов, что и подтверждается словами уполномоченного по делам РПЦ Кудрявцева [6, с. 9]. Так что мотив понятен.

Ренегатство в конце 1950-х – начале 1960-х гг. не было каким-то уникальным явлением в Церкви. В разные годы, в разных странах, при разных обстоятельствах и государственном строе люди отрекались от своей веры, снимали священнический сан. Например, интересна в связи с темой судьба бывшего обновленческого митрополита Николая Платонова [7, с. 861–862]. В каждой епархии находились свои ренегаты. Однако, как уже указывалось выше, доля их составляла за 1959–1963 гг. 200 человек от числа всего духовенства. Если взять среднее количество священнослужителей Русской православной церкви за пять лет (11 326), то процент ренегатов будет составлять 0,1 % [20, с. 430]. Тут надо еще учитывать разное их количество в различные годы и в разных епархиях. Случаи ренегатства были единичными. Для Церкви количество отрекшихся было не критичным. Ценность и известность ренегатам придавала лишь антирелигиозная пропаганда. Публичные отречения были использованы в качестве примера ложности религиозных догм во имя исполнения государственного заказа и во время «хрущевского наступления на Церковь» 1958–1964 гг. Как только государственная заинтересованность в них отпала, угас к ним и общественный интерес, который и так был близок к нулю. Предателей не все уважали. Отметим, что пик публикаций ренегатов приходится на 1959–1962 гг., в 1963 г. антирелигиозная компания пошла явно на спад, так что каких-либо открытий в области «ложности религиозных представлений» Кубин не совершил. Из чего следует, что статья Кубина была реакцией на «невозможность» устройства в Церкви, усталостью и крушением иллюзий, а не мировоззренческим переворотом. В годовом отчете Костромской епархии за 1962 год находится почти аналогичный случай: протоиерей В. Костин в ответ на нежелание епископа переводить его из сельского прихода в городской оставил в канцелярии заявление, в котором говорилось, что он порывает с Церковью [1, с. 7].

В своей реакции на присланную статью с отречением Кубина епископ Костромской и Галичский Никодим в рапорте на имя Святейшего Патриарха Алексия 3 июня 1963 года № 345 сообщал: «На основании правил св. апостол, я лишил священника Иоанна Кубина священнического сана» [2, с. 126]. 29 июля канцелярия Московской патриархии сообщила резолюцию Святейшего Патриарха Алексия на извержение из сана Кубина: «...при наличии такого отречения Кубин не может быть восстановлен в сане ни при каких условиях» [2, с. 129].

Выводы, которые можно сделать из анализа вышеизложенного материала, могут быть следующими: в Астраханском епархиальном управлении Кубина никто не ждал. С такими скандальными характеристиками, которые он получил прежде, в том числе и в Костроме, не ждали его не только в Астрахани, но и в других епархиях – дело получило широкую огласку. Не сломленный антирелигиозной пропагандой, Кубин оказался бессильным перед возникшими жизненными ситуациями. Амбициозный, образованный, в начале своего священнического пути горевший верой человек постепенно сломался под тяжестью жизненных неудач, бытовых проблем и тягот. Привязанность к дому и родным местам не дала ему возможности начать жизнь заново в другой епархии. Он нигде не стал своим. Образовательный ценз давал право занимать должности в Церкви, заступничество управделами Патриархии митрополита Пимена давало новый шанс начать все сначала, но в сложившейся в стране ситуации, когда люди на должностях находились под особым присмотром и не имели права быть самостоятельными, сделали свое дело. Кубин сделал свой выбор. Он разорвал с Церковью, посчитав ее, очевидно, только как видимую институцию, забывая о Церкви невидимой. Он не влился в стройные ряды агитаторов и «плодовитых обличителей» Церкви, какими стали А. Осипов и другие известные ренегаты – Н. Спасский, Е. Дулуман. Видимо, он посчитал, что своей статьей он отомстит системе, которая, как ему казалось, была несправедлива к нему, не поняла его мотиваций и не разобралась в его ситуации. Исследуя написанную им статью, приходишь к выводу, что публикация явилась душевным порывом Кубина, она похожа на акт досады и мести церковной организации в лице ее епископа Павла (Гольшева), у которого, если смотреть объективно, имелись свои реонные претензии к Кубину. В большинстве случаев такие публикации появлялись либо после разговора с кураторами ренегатов из соответствующих органов, либо после разговоров с областными уполномоченными по делам РПЦ. Возможно, и с Кубиным был проведен соответствующий разговор, тем более повод для шантажа был – бывший церковный дом по ул. Рылеева, № 15, в котором проживала семья Кубина и который был передан

церковным советом на баланс горисполкома, но право проживания в котором семьи священника надо было обосновать [2, с. 91–92]. Неслучайно Кубин выбрал газету «Волга», в которой регулярно печатались «откровения» ренегатов и пасквиль на церковную власть. В любом случае цена поступка была печальной. Ренегат получал право заниматься светской работой: чаще всего исполкомы и уполномоченные устраивали их антирелигиозными лекторами и сотрудниками соответствующих музейных отделов, где они могли заниматься «научной деятельностью». Но факт предательства не многим из них доставил душевное удовлетворение и не решил бытовых, семейных, материальных, душевных проблем, в связи с которыми многие из них и встали на путь предательства своих идеалов.

С 1964 года, после отставки Хрущева, спрос на ренегатов упал. Оценка их отречениям была дана еще в Синодальном определении от 30 декабря 1959 года, приводимом цитатой из 1-го Послания апостола Иоанна Богослова: «Они вышли от нас, но не были нашими» (1Ин. 2:19) [11, с. 20]. Время каждого испытало и преподнесло свой урок. Судьба епископа Астраханского епископа Павла (Гольшева) также не была завидной: на него, как в свое время и на еп. Сергия (Ларина), в астраханской прессе была поднята компания по обвинению в различных преступлениях финансового и морального характера [14, с. 150]. В 1972 году он был почислен за штат с формулировкой: «за нарушение канонических норм, недостойное поведение и неспособность управлять церковной жизнью» [10, с. 2]. В 1975 году он перешел под юрисдикцию Константинопольского патриархата и умер в Брюсселе в 1979 году.

Про таких людей, как Кубин, о их духовных порывах Иисус Христос говорил в евангельской притче о сеятеле и семени: они подобны семеню посеянному в тернии, «которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово [Божье], и оно бывает без плода» (Мф. 13:22) [4, с. 1028].

Можно сравнить веру подобных людей также с образом, приведенным в той же притче зерна, упавшего на каменистую почву (Мф. 13: 5-6) [4, с. 1028]. Однако, жизнь и душа человека представляется намного сложнее прописных истин.

Библиографический список

1. Годовой отчет Костромского епархиального управления // Архив Костромского епархиального управления (АКЕУ). – 20 с.
2. Личное дело священника Иоанна Никитовича Кубина // АКЕУ. – 131 с.
3. Личное дело священника Александра Кирилловича Майерова // АКЕУ. – 36 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1991. – 1372 с.

5. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 6284. – Оп. 1. – Д. 28. – 140 с.

6. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. р-2102. – Оп. 5. – Д. 41. – 47 с.

7. Обновленческий раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И.В. Соловьев. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. – 1062 с.

8. Обухов С. Прав ли Н. Спасский? Да, прав! // Волга. – 1959. – № 155 (4 июля).

9. Пахомов В. Хочу света, радости // Сталинградская правда. – 1959. – № 150 (28 июня).

10. Постановление Патриарха и Священного Синода 30.12.1972 // Журнал Московской Патриархии. – 1972. – № 11. – С. 2.

11. Постановление Патриарха и Священного Синода 30.12.1959 // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилей, 1995. – 464 с.

12. Сазонов Д.И., *прот.* Ренегатство в церкви: подрыв устоев или очищение? (к вопросу церковно-государственных отношений в конце 50-х – начале 60-х годов XX века) // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2014. – № 3 (май – июнь). – С. 114–119.

13. Кубин И.Н. «От религиозных убеждений – к настоящей жизни» // Волга. – 1963 (9 марта).

14. Кузнецов А.И. Воспоминания А.И. Кузнецова об архиепископе Павле (Гольшеве) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви, 2007. – Вып. 3 (24). – С. 143–155.

15. Мы порвали с религией (Рассказы бывших священников). – М.: Моск. рабочий, 1964. – 176 с.

16. Сазонов Д.И., *прот.* Ренегатство в церкви: подрыв устоев или очищение? (к вопросу церковно-государственных отношений в конце 50-х – начале 60-х годов XX века) // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2014. – № 3 (май – июнь). – С. 114–119.

17. Соколова М.И. Судьба православного духовенства в Волгоградской и Сталинградской епархии во второй половине 1950-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист. – 2010. – № 2 (18). – С. 105–111.

18. Спасский Н.Н. Не хочу обманывать: Открытое письмо епископу Астраханскому и Сталинградскому Сергию. – М.: Сов. Россия, 1960. – 48 с.

19. Спасский Н.Н. Почему я отрекся от церкви // Сталинградская правда. – 1959. – № 132. – 7 июня.

20. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече: Лепта. 2010. – 480 с.

21. Фирсов С.Л. К вопросу о последнем периоде жизни архиепископа Михаила (Мадьюгина): доклад профессора С.Л. Фирсова на конференции, посвящ. 100-летию архиепископа Михаила (Мудьюгина), 12 мая 2012 года [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: https://spbda.ru/publications/professor-s-l-firsov-k-voprosu-o-poslednem-periode-jizni-arhiepiskopa-mihaila-mudyugina/?fbclid=IwAR2jjBy_aQhaIYVBFisLV5RLXL7PSDUwvJb4gNeFtwli-plfi6f-l4Vj1xE (дата обращения: 08.03.2019).

References

1. Godovoj otchet Kostromskogo eparhial'nogo upravleniya // Arhiv Kostromskogo eparhial'nogo upravleniya (AKEU). – 20 s.
2. Lichnoe delo svyashchennika Ioanna Nikitovicha Kubina // AKEU. – 131 s.
3. Lichnoe delo svyashchennika Aleksandra Kirillovicha Majerova // AKEU. – 36 s.
4. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. – M., 1991. – 1372 s.
5. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). – F. 6284. – Op. 1. – D. 28. – 140 s.
6. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO). – F. r-2102. – Op. 5. – D. 41. – 47 s.
7. Obnovlenneskij raskol. Materialy dlya cerkovno-istoricheskoy i kanonicheskoy karakteristiki / sost. I.V. Solov'ev. – M.: Izd-vo Krutickogo podvor'ya, 2002. – 1062 s.
8. Obuhov S. Prav li N. Spasskij? Da, prav! // Volga. – 1959. – № 155 (4 iyulya).
9. Pahomov V. Hochu sveta, radosti // Stalingradskaya pravda. – 1959. – № 150 (28 iyunya).
10. Postanovlenie Patriarha i Svyashchennogo Sinoda 30.12.1972 // Zhurnal Moskovskoj Patriarii. – 1972. – № 11. – S. 2.
11. Postanovlenie Patriarha i Svyashchennogo Sinoda 30.12.1959 // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v sovetskoe vremya (1917–1991): materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdru gosudarstvom i Cerkov'yu / sost. G. SHtrikker. – M.: Propilei, 1995. – 464 s.
12. Sazonov D.I., prot. Renegatstvo v cerkvi: podryv ustoev ili ochishchenie? (k voprosu cerkovno-

gosudarstvennyh otnoshenij v konce 50-h – nachale 60-h godov XX veka) // Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozrenie. – M., 2014. – № 3 (maj – iyun'). – S. 114–119.

13. Kubin I.N. «Ot religioznyh ubezhdenij – k nastoyashchej zhizni» // Volga. – 1963 (9 marta).

14. Kuznecov A.I. Vospominaniya A.I. Kuznecova ob arhiepiskope Pavle (Golysheve) // Vestnik PSTGU. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2007. – Vyp. 3 (24). – S. 143–155.

15. My porvali s religiej (Rasskazy byvshih svyashchennikov). – M.: Mosk. rabochij, 1964. – 176 s.

16. Sazonov D.I., prot. Renegatstvo v cerkvi: podryv ustoev ili ochishchenie? (k voprosu cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij v konce 50-h – nachale 60-h godov XX veka) // Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozrenie. – M., 2014. – № 3 (maj – iyun'). – S. 114–119.

17. Sokolova M.I. Sud'ba pravoslavnogo duhovenstva v Volgogradskoj i Stalingradskoj eparhii vo vtoroj polovine 1950-h godov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Ist. – 2010. – № 2 (18). – S. 105–111.

18. Spasskij N.N. Ne hochu obmanyvat': Otkrytoe pis'mo episkopu Astrahanskomu i Stalingradskomu Sergiyu. – M.: Sov. Rossiya, 1960. – 48 s.

19. Spasskij N.N. Pochemu ya otreksya ot cerkvi // Stalingradskaya pravda. – 1959. – № 132. – 7 iyunya.

20. SHkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke. – M.: Veche: Lepta. 2010. – 480 s.

21. Firsov S.L. K voprosu o poslednem periode zhizni arhiepiskopa Mihaila (Mad'yugina): doklad professora S.L. Firsova na konferencii, posvyashch. 100-letiyu arhiepiskopa Mihaila (Mud'yugina), 12 maya 2012 goda [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://spbda.ru/publications/professor-s-l-firsov-k-voprosu-o-poslednem-periode-jizni-arhiepiskopa-mihaila-mudyugina/?fbclid=IwAR2jjBy_aQhaIYVBFisLV5RLXL7PSDUwvJb4gNeFtwli-plfi6f-l4Vj1xE (data obrashcheniya: 08.03.2019).

**СИНТЕЗ КЛАССИЧЕСКИХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОВ
В ИССЛЕДОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ
НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (1950–1980-Е ГГ.)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие
с центром в 1950–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти»*

В статье рассматривается роль классических и междисциплинарных методов в исследовании советских регионов эпохи позднего социализма. Хронологические рамки исследования ограничены 1950–1980 гг. В работе применяется понятие «поздний социализм» в интерпретации А. Юрчака. Исследование основано на анализе идей В.П. Мохова о региональных элитах, О.В. Хлевнюка и И. Горлицкого о советских руководящих региональных сетях, Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева об исторической памяти. Сквозь вектор коммуникации «регион – центр» рассматриваются методы исследования советских региональных элит Верхневолжских регионов (Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская, Ярославская области).

Исследование опирается на междисциплинарные теоретические концепции: теорию групповой динамики и социального поля К. Левина; информационную модель конформности М. Дойча и Г. Джерарда; теорию референтной власти Б. Коллинза; идеи В.В. Нурковой об автобиографической памяти; понятия «категоризация» и «схематизация», выделенные Дж. Бруннером.

Ключевые слова: региональные элиты, СССР, методы исторического исследования, архивные документы, историческая память, советская провинция, поздний социализм, лоббизм, контент-анализ, просопография, устная история, интервью.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать потенциал и границы классических и междисциплинарных методов в изучении советских региональных элит периода позднего социализма. Прежде всего, обратимся к интерпретации ключевых теоретико-методологических понятий. Во-первых, в статье применяется понятие «поздний социализм» в интерпретации А. Юрчака. Термин позднесоветский, или поздний, социализм – «период примерно тридцать лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» [44, с. 36]. Во-вторых, одно из ключевых понятий – «региональная элита», имеющее достаточно много трактовок в науке. Данный термин сформировался и активно используется в последние 25 лет. Его искусственная экстраполяция на предыдущую советскую эпоху (1950–1980-е гг.) и применение будет базироваться на идеях В.П. Мохова [25]. Наиболее удачными представляются дефиниции этого термина, которые подразумевают «совокупность людей, занимающих высокие посты в государственной власти и экономике, устойчивая общность с глубокими связями входящих в нее людей, имеющих общие интересы и доступ к рычагам реальной власти»; «слой людей, которые ответственны за принятие решений, имеющих наиболее важное общественное значение» [9; 15].

Рассматриваемые в статье методы исследования обусловлены проблемным полем новейшей отечественной истории: необходимостью изучения исторического контекста 1950–1980-х гг., взаимодействия советских региональных элит и центра; важностью анализа структуры и иерархии советской региональной элиты; значимостью изучения стратегий и механизмов взаимодействия советских региональных элит с союзно-республиканскими структурами центра; необходимостью анализа концепта «советский гражданин в системе коммуникативных практик местной элиты»; важностью исследования регионального лоббизма местной советской элиты и социокультурных характеристик советской региональной элиты.

Сложный исторический феномен «советской провинции» эпохи позднего социализма (1950–1980 гг.) востребует в исследовании региональных элит *двухуровневый подход*. Первый уровень – это *архивные документы* как объективные источники, требующие поиска, систематизации, критического источниковедческого анализа, вычленения необходимого контента, представления обобщающих выводов. Второй уровень – *историческая память*, наполнение которой обеспечивается скрупулезной поисковой работой с различными источниками, но в тоже время выходит за рамки традиционных методов и востребует подключение новых методик.

Представляется, что в основе исследования советских региональных элит должны находиться как *прямые, так и косвенные свидетельства, аккумулярованные в 3-х базовых группах источников: ар-*

живные источники, верифицированные в качестве документов; источники личного происхождения; данные, полученные в ходе интервьюирования.

Специфика исследуемого периода обуславливает необходимость интегрирования в исследование как новых источников, связанных с непосредственным общением, интервьюированием, собиранием материалов от живых участников и свидетелей изучаемого периода, так и соответствующих междисциплинарных методов. Фундаментальный характер исследования требует актуализации теоретических основ и исследовательских возможностей классического источниковедения [16; 42], устной истории [28; 35; 38; 43], исторической герменевтики [8; 41], философского персонализма [20], психолингвистики [4]. Конкретные теоретико-методологические основы исследования связаны с идеями В.П. Мохова о региональных элитах [25], О.В. Хлевнюка и Й. Горлицкого о советских руководящих региональных сетях [40; 47], Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева об исторической памяти [32; 33]. В интересах исследования используются некоторые теоретические наработки других наук (социологии, политологии, культурологии, социальной психологии. В частности, исследование опирается на междисциплинарные теоретические концепции: теорию групповой динамики и социального поля К. Левина [21]; информационную модель конформности М. Дойча и Г. Джерарда, согласно которой выделяются 2 вида влияния – нормативное («давление») и «информационное» («убеждение») [46]; теорию референтной власти Б. Коллинза [17]; идеи В.В. Нурковой об автобиографической памяти [29]. На завершающей стадии исследования важно применить интересные психологические концепции категоризации и схематизации, выделенные Дж. Бруннером [7].

Характеризуя исследовательский подход, прежде всего обозначим приверженность традиционным, классическим, строгим источниковедческим приемам и методам работы с историческими источниками, которые были сформулированы И.Д. Ковальченко и С.О. Шмидтом [16; 42]. Охарактеризуем *стратегию и методику поиска и анализа архивных документов*. В исследовательской практике важно придерживаться целенаправленного или, по выражению профессора В.И. Бовыкина, «прицельного поиска». Этот поиск связан с изучением «информационных потоков, обеспечивающих жизнедеятельность и взаимодействие исследуемых объектов», для того чтобы выяснить, «где мог возникнуть и отложиться разыскиваемый документ», пониманием структуры архивов, принципов деления документации на фонды, изменений в описании и обработке фондов [1; 5].

Ведущую роль среди архивных документов в исследовании региональных элит, на наш взгляд, играют делопроизводственные материалы, среди

которых стоит выделить 2 базовые категории документов. Во-первых, отметим переписку региональных обкомов с партийными, советскими и хозяйственными структурами центра – для анализа лоббизма, механизмов, коммуникативных практик и характера взаимодействия союзной и местной элиты. Во-вторых, выделим справки и информации об общественных настроениях и реакции населения на различные события, которые важны для изучения массового сознания.

Среди *принципов работы с архивными документами* обозначим ряд ключевых позиций: определение законодательно установленных правил документооборота изучаемого материала; сепарация найденного архивного материала на группы и градация полученной информации на главную и второстепенную; систематический поиск и комплексное привлечение документов фондов региональных и центральных архивов. Реализацию исследования в части анализа архивных документов целесообразно проводить в 3 этапа. Во-первых, фронтальное обследование фондов. Во-вторых, детальная проработка ключевых архивных описей и дел, выявленных на первом этапе. В-третьих, анализ архивного материала, который первоначально был выделен в группу второстепенной информации и остался после первичной обработки основной группы документов, с целью заполнения лагун в исследовании [1; 5].

Для анализа элитарного сегмента исторической памяти и ее сознания важен скрупулезный *анализ открытых источников личного происхождения*, в том числе неопубликованных: мемуары и дневники советских должностных лиц высокого ранга, деятелей региональной элиты, воспоминания других авторов исследуемой эпохи. По форме и содержанию воспоминания партийной, советской и хозяйственной элиты представляют собой тексты свободной структуры, весьма субъективные, в которых наблюдается стремление авторов оправдать прошлое. Субъективность этих источников проявилась во влиянии таких факторов, как воздействие коммунистической идеологии, потеря властного статуса в годы Горбачева и последующий распад СССР, реформы в России 1990-х гг. В мемуарах видно не только противопоставление периодов СССР и новой России, но и отдельных периодов советской эпохи (например, брежневского позднего социализма и сталинизма). Анализ мемуаров позволяет раскрыть обстоятельства жизни и деятельности региональных руководителей, обнажить скрытые механизмы формирования их взглядов, объяснить мотивацию поступков.

С одной стороны, среди анализируемых источников личного происхождения важнейшую роль играют мемуары партийных функционеров как регионального [6; 12; 14; 22; 39], так и центрального уровней [2; 10]. С другой стороны, интереснейший

пласт мемуаров поздней советской эпохи – это воспоминания историков как общесоюзного [11; 34], так и регионального масштаба [23; 26; 37], которые особо ценны при анализе контекста эпохи 1950–1980-х гг. Мемуары историков как представителей творческой элиты, безусловно, индивидуальны и субъективны. Так, для неопубликованных «Воспоминаний рядового коммуниста» историка Н.И. Резвого характерен ярко выраженный коммунистическо-патриотический дискурс размышлений [26].

В ходе анализа источников личного происхождения была выявлена и проанализирована своеобразная кристаллическая решетка коммуникаций местной элиты, состоящая из взаимосвязанных и взаимопроникающих сетей. Во-первых, горизонтальные сети (взаимоотношения внутри местной элиты на региональном и межрегиональном уровне). Во-вторых, вертикальные сети (взаимодействие региональной элиты с союзно-республиканским центром).

Анализ мемуаров позволил проследить жизненный путь, становление карьеры, подъём будущих партийных бюрократов высокого ранга по

карьерной лестнице от типичных представителей рабоче-крестьянских слоев. В проанализированных мемуарах прослеживается авторское восприятие эпох оттепели, застоя, перестройки.

Изучение воспоминаний способствовало выявлению образов системы власти и функционирования КПСС в исторической памяти элиты, характеристик советских руководителей от И.В. Сталина до М.С. Горбачева, понять психологию советских руководителей, мотивы принятия решений, функции и структуру региональных парткомов, взаимоотношения с руководством, идеологическую работу с населением, стиль работы партийных руководителей.

Остановимся чуть более подробно на некоторых других методах. Так, *просопографический* метод играет важную роль на первых этапах исследования, позволяя собрать каркас информации о представителях региональной элиты. Просопография позволяет через анализ биографий выявить общие истоки формирования мировоззрения [13], а также модель исторической памяти элиты. Для изучения региональных лидеров Верхневолжских регионов была разработана специальная просопо-

Таблица 1

Основная таблица

ФИО	
Место и дата рождения	
Социальное происхождение	
Образование (уровень, специальность)	
Ученая степень / ученое звание (при наличии)	
Вступление в КПСС. Дата	
Учеба в Высшей партийной школе / другом партийном образовательном заведении	
Служба в армии / воинское звание	
Семейное положение	
Первое место работы / профессия	
Первая партийная должность	
Пик карьеры (региональный уровень)	
Пик карьеры (центральный уровень) (при наличии)	
Участие в съездах КПСС, работе Верховного совета СССР / РСФСР	
Награды (основные)	
Архивные документы (фонды, описи, личные дела)	
Мемуарное наследие (их воспоминания, дневники и т. п.)	
Литература о них (справочники, энциклопедии, интервью и т.п.).	
Прозвища (при наличии)	

Таблица 2

Вспомогательная таблица

Оценки современников / критика	
Достижения	
Просчеты / ошибки	
Контакты с центром (покровители / кураторы в союзно-республиканском центре)	
Качества и стиль руководства	
Казусы	
Метафоры / цитаты	

графическая таблица, состоящая из 2-х разделов (см. табл. 1 и 2).

Среди ключевых источников, которые способствовали наполнению контентом настоящих просопографических таблиц, выделим справочные и биографические издания, вышедшие в Верхневолжских регионах в 2000-х гг. [3; 19; 45; 31], а также электронный ресурс «Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991» [36].

Еще один важный метод – это интервьюирование, базирующееся на парадигме устной истории [28; 35; 38; 43]. Оно позволяет получить многослойный контент и уточнить множество дискуссионных деталей. Интервью дает возможность определить общие тенденции и ключевые точки для будущего углубленного анализа архивных документов. В ходе исследования региональных элит целесообразно применение неформализованного полуструктурированного фокусированного интервью, активно используемого прибалтийскими исследователями позднесоветского периода [48]. Целесообразен принцип варьирования вопросов в зависимости от личности и статуса интервьюируемого. Тем не менее вопросы можно условно разделить на 2 блока. Во-первых, сюжеты, касающиеся особенностей профессиональной и общественно-политической деятельности, карьеры. Во-вторых, вопросы, дающие срез исторической памяти региональной элиты относительно особенностей взаимодействия с центром на уровне партийных и советских органов власти, хозяйственных структур [27].

На заключительном этапе исследования для выявления социокультурных характеристик региональных элит весьма эффективным представляется *контент-анализ* [49]: разбор мемуаров региональной элиты на предмет выявления в текстах смысловых единиц / своеобразных маркеров исторической памяти. Представляется, что для анализа целесообразны такие часто встречаемые в мемуарах советских партийных руководителей смысловые единицы, как ответственность, порядок, инициатива, дисциплина, партия.

Синтез методов классического источниковедения и методик устной истории особенно эффективен при анализе проблемы регионального лоббизма [24; 30]. Благодаря сочетанию в исследовании региональных элит этих двух методологических векторов была выявлена дуалистическая сущность этого сложного и дискуссионного явления. В частности, удалось выделить 2 основных вектора регионального лоббизма. Во-первых, формальный канал, выявленный в ходе анализа архивных документов и связанный с представлением в союзно-республиканский центр аргументированных служебных записок, носивших нередко подчеркнутый секретный характер. Во-вторых, неформальный

канал, выявленный посредством анализа элитарного сегмента исторической памяти (мемуары, данные интервьюирования), связанный с проведением встреч и установлением личных неформальных контактов с представителями партийного аппарата ЦК КПСС, министерств и ведомств союзно-республиканского центра (как правило, в Москве). Анализ данных интервью показал, что личные контакты устанавливались как с высокопоставленными персонами из центрального руководства, которые выступали в роли своеобразных покровителей / патронов / кураторов того или иного региона, так и с обычными рядовыми чиновниками / клерками [27].

Таким образом, исследование советских региональных элит периода позднего социализма подразумевает применение как *классических методов исторического исследования*, так и *новых междисциплинарных методик*, связанных с такими направлениями современной исторической науки, как интеллектуальная история, *memory studies*, новая культурная история, новая политическая история, персональная история, устная история. Среди основополагающих методов выделим классический источниковедческий анализ, контент-анализ, просопографический метод, интервьюирование, основанное на парадигме устной истории, которые позволили проанализировать взаимодействие политической, экономической, научно-технической, культурной элиты верхневолжских регионов с союзно-республиканским центром (Центральным комитетом КПСС, Советом министров СССР, Советом министров РСФСР, Госпланом и другими центральными органами власти). Анализ мемуаров и интервьюирование позволяют вскрыть элитарный сегмент исторической памяти. Просопография и контент-анализ дают возможность выявить общие социокультурные характеристики и особенности мышления партноменклатуры.

На наш взгляд, именно синтез классических и междисциплинарных методов при изучении событий новейшей отечественной истории второй половины XX в. несет высокий методологический потенциал и позволяет значительно усилить *научную и прикладную значимость* исторического исследования в ракурсе проблемы «регионы – центр», которая обусловлена рядом позиций. Во-первых, значительный корпус исторических источников, касающийся советских регионов 1950–1980-х гг., может быть введен в активный научный оборот для осмысления и систематизации на основе специально сформированного комплексного методологического ракурса. Во-вторых, прецедент для будущего системного исследования малоизученного в историографии феномена советских региональных элит может быть создан не только на основе скрупулезного системного анализа конкретных исторических документов репрезен-

тативного материала Верхневолжских регионов, но и устных свидетельств участников. В-третьих, научные перспективы будущих исследований процесса перехода советской политической системы в постсоветскую, смены коммуникативных практик в новейшей отечественной истории могут быть полноценно изучены в процессе анализа советских региональных элит 1950–1980-х гг. только в тесном взаимодействии исторической науки со смежными гуманитарными дисциплинами.

Следовательно, оригинальное интегрирование традиционных исторических и новых междисциплинарных методов устной истории (прежде всего, интервьюирование) будет способствовать усилению компаративного потенциала источников, связанных с новейшей отечественной историей. Примененный методологический синтез позволит расширить проблемное поле будущих исследований и получить более разнообразную палитру научных результатов в сфере изучения советских региональных элит. Междисциплинарная методология, связанная с привлечением широкого круга источников и применением персоналистского подхода, весьма актуальна для Верхневолжских регионов, не являвшихся до настоящего времени объектом комплексного фундаментального анализа. Подводя итоги, также хочется сказать, что применение междисциплинарных методов в историческом исследовании региональной проблематики представляется также серьезной предпосылкой для будущих научных коллабораций и сетевого взаимодействия молодых исследователей-гуманитариев регионального срезка новейшей отечественной истории.

Библиографический список

1. *Абрамова Н.Г.* «К проблематике своих работ я шел от архивов» (работа профессора В.И. Бовыкина с документами) // Отечественные архивы. – 2017. – № 4. – С. 23–27.
2. *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. – М., 2011. – 352 с.
3. *Белов А.М.* Служение Отечеству. Руководители Костромской губернии и области, 1779–2009 гг.: историко-биографические очерки. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 296 с.
4. *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
5. *Бовыкин В.И.* Из опыта архивных изысканий // Экономическая история: Ежегодник, 1999. – М., 1999. – С. 15–62.
6. *Бородин М.Е.* Время, действия, лица: воспоминания. – Белгород, 2011. – 422 с.
7. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. – М.: Прогресс, 1977. – 782 с.
8. *Гадамер Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
9. *Головинова Ю.В.* Партийно-административная элита СССР в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 74–77.
10. *Гришин В.В.* Катастрофа. От Хрущева до Горбачева. – М.: Эксмо, 2010. – 272 с.
11. *Гуревич А.Я.* История историка. – М.: РОССПЭН, 2004. – 288 с.
12. *Дерунов П.Ф.* Моторостроители. – Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 1998. – 200 с.
13. *Дюма Ж.* Об изучении элит в современной историографии // Французский ежегодник, 2001. – М., 2001. – С. 126–137.
14. *Еремин А.Е.* От станка до Верховного Совета. – Кострома, 2003. – 168 с.
15. *Исаев Б.А.* Введение в политическую теорию. – СПб.: Питер, 2013. – 630 с.
16. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
17. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – 1280 с.
18. *Коновалов А.Б.* Практики лоббирования региональных интересов в эпоху застоя (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 112–116.
19. *Корсаков С.Н.* Тверские руководители: партия, Советы, комсомол. – Тверь, 2002. – 407 с.
20. *Лакруа Ж.* Избранное: персонализм. – М.: РОССПЭН, 2004. – 608 с.
21. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.
22. *Лоценков Ф.И.* От Сталина до Горбачёва [Текст]. – Ярославль: ЛИЯ, 2001. – 96 с.
23. *Мейерович М.Г.* У меня появилась мечта. – Ярославль: Александр Рутман, 2004. – 284 с.
24. *Меньшенина Н.Н., Пантелеева М.В.* Лоббизм. – Екатеринбург, 2016.
25. *Мохов В.П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). – Пермь, 1998. – 258 с.
26. *Никифоров Ю.С.* Воспоминания ярославского историка Н.И. Резвого как культурный памятник советской эпохи // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 308–312.
27. *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: учебно-методическое пособие. – Ярославль: РИО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2018. – 79 с.
28. *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти. – М.: Новое издательство, 2013. – 536 с.
29. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология: Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 7. – № 2. – С. 64–82.
30. *Одинцова Е.А.* Этапы становления национального лоббизма [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.rusnauka.com/21_NIEK_2007/Pravo/24753.doc.htm (дата обращения: 29.06.2018).

31. *Попова М.П.* Почётные граждане Владимира. – Владимир: Фолиант, 2003. – 562 с.

32. *Репина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 8–16.

33. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М., 2005. – С. 170–220.

34. *Смирнов В.П.* От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. – М.: Новый хронограф, 2011. – 504 с.

35. *Соколова М.В.* Теоретические и педагогические основания устной истории. – Ярославль, 2011. – 163 с.

36. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knowbysight.info/YeYU/11607.asp> (дата обращения: 27.02.2019).

37. *Станкевич И.Л.* Записки археолога. – Ярославль: ЯрГУ, 2000. – 167 с.

38. *Томпсон П.* Голос прошлого. – М., 2003. – 368 с.

39. *Торопов В.Ф.* Незабываемое. Записки председателя облисполкома. – Ярославль: Верхняя Волга, 2001. – 176 с.

40. *Хлевнюк О.В.* Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. – 2007. – № 3. – С. 31–49.

41. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.

42. *Шмидт С.О.* О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1985. – Вып. 16. – С. 3–24.

43. *Щеглова Т.К.* Устная история. – Барнаул, 2010. – 354 с.

44. *Юрчак А.* Все было навечно, пока не кончилось: последнее советское поколение. – М.: НЛЮ, 2014. – 664 с.

45. Ярославский край в XX веке. Кто есть кто?: историко-биографический справочник. Т. 2. Политика / гл. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 107 с.

46. *Deutsch M., Gerard H.* A Study of Normative and Informational Social Influence upon Individual Judgment // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1955. – № 51. – С. 629–636.

47. *Gorlizki Y.* Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. – 2010. – No. 69(3). – P. 676–700.

48. *Ivanauskas V.* Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarpstagnacijos ir dinamikos (1968–1988). – Vilnius, 2011. – 664 p.

49. *Neuman L.* Social research methods: qualitative and quantitative approaches. – Boston: Allyn and Bacon, 1991.

References

1. Abramova N.G. «K problematike svoih rabot ya shel ot arhivov» (rabota professora V.I. Bovykina s dokumentami) // Otechestvennye arhivy. – 2017. – № 4. – S. 23–27.

2. Bajbakov N.K. Ot Stalina do El'cina. – M., 2011. – 352 s.

3. Belov A.M. Sluzhenie Otechestvu. Rukovoditeli Kostromskoj gubernii i oblasti, 1779–2009 gg.: istoriko-biograficheskie ocherki. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2009. – 296 s.

4. Belyanin V.P. Osnovy psiholingvisticheskoy diagnostiki. Modeli mira v literature. – M.: Trivola, 2000. – 248 s.

5. Bovykin V.I. Iz opyta arhivnyh izyskanij // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik, 1999. – M., 1999. – S. 15–62.

6. Borodin M.E. Vremya, dejstviya, lica: vospominaniya. – Belgorod, 2011. – 422 s.

7. Bruner Dzh. Psihologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoj informacii. – M.: Progress, 1977. – 782 s.

8. Gadamer G. Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki. – M.: Progress, 1988. – 704 s.

9. Golovinova YU.V. Partijno-administrativnaya elita SSSR v otechestvennoj istoriografii rubezha XX–XXI vv. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 4. – S. 74–77.

10. Grishin V.V. Katastrofa. Ot Hrushcheva do Gorbacheva. – M.: Eksmo, 2010. – 272 s.

11. Gurevich A.YA. Istoriya istorika. – M.: ROSSPEN, 2004. – 288 s.

12. Derunov P.F. Motorostroiteli. – Rybinsk: Rybinskij Dom pečati, 1998. – 200 s.

13. Dyuma ZH. Ob izuchenii elit v sovremennoj istoriografii // Francuzskij ezhegodnik, 2001. – M., 2001. – S. 126–137.

14. Eremin A.E. Ot stanka do Verhovnogo Soveta. – Kostroma, 2003. – 168 s.

15. Isaev B.A. Vvedenie v politicheskuyu teoriyu. – SPb.: Piter, 2013. – 630 s.

16. Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya. – M.: Nauka, 1987. – 440 s.

17. Kollinz R. Sociologiya filosofij: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya. – Novosibirsk: Sibirskij Hronograf, 2002. – 1280 s.

18. Kononov A.B. Praktiki lobbirovaniya regional'nyh interesov v epohu zastoya (vtoraya polovina 1960-h – pervaya polovina 1980-h gg.) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2017. – № 7. – S. 112–116.

19. Korsakov S.N. Tverskie rukovoditeli: partiya, Sovety, komsomol. – Tver', 2002. – 407 s.

20. Lakrua ZH. Izbrannoe: personalizm. – M.: ROSSPEN, 2004. – 608 s.

21. Levin K. Teoriya polya v social'nyh naukah. – SPb.: Rech', 2000. – 368 s.
22. Loshchenkov F.I. Ot Stalina do Gorbachyova [Tekst]. – YAroslavl': LIYA, 2001. – 96 s.
23. Mejerovich M.G. U menya poyavilas' mechta. – YAroslavl': Aleksandr Rutman, 2004. – 284 s.
24. Men'shenina N.N., Panteleeva M.V. Lobbizm. – Ekaterinburg, 2016.
25. Mohov V.P. Evolyuciya regional'noj politicheskoy elity Rossii (1950–1990). – Perm', 1998. – 258 s.
26. Nikiforov YU.S. Vospominaniya yarovskogo istorika N.I. Rezvogo kak kul'turnyj pamyatnik sovetskoy epohi // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 308–312.
27. Nikiforov YU.S. Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity: uchebno-metodicheskoe posobie. – YAroslavl': RIO YAGPU im. K.D. Ushinskogo, 2018. – 79 s.
28. Nithammer L. Voprosy k nemeckoj pamyati. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2013. – 536 s.
29. Nurkova V.V. Avtobiograficheskaya pamyat' v optike kul'turno-istoricheskoy i deyatel'nostnoj metodologii // Psihologiya: ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2010. – T. 7. – № 2. – S. 64–82.
30. Odincova E.A. Etapy stanovleniya nacional'nogo lobbizma [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.rusnauka.com/21_NIEK_2007/Pravo/24753.doc.htm (data obrashcheniya: 29.06.2018).
31. Popova M.P. Pochyotnye grazhdane Vladimira. – Vladimir: Foliant, 2003. – 562 s.
32. Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i nacional'naya identichnost': podhody i metody issledovaniya // Dialog so vremenem. – 2016. – № 54. – S. 8–16.
33. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. «Istoricheskaya pamyat'»: k voprosu o granicah ponyatiya // Fenomen proshlogo / red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. – M., 2005. – S. 170–220.
34. Smirnov V.P. Ot Stalina do El'cina: avtoportret na fone epohi. – M.: Novyj hronograf, 2011. – 504 s.
35. Sokolova M.V. Teoreticheskie i pedagogicheskie osnovaniya ustnoj istorii. – YAroslavl', 2011. – 163 s.
36. Spravochnik po istorii Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuza, 1898–1991 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.knowbysight.info/YeYY/11607.asp> (data obrashcheniya: 27.02.2019).
37. Stankevich I.L. Zapiski arheologa. – YAroslavl': YArsGU, 2000. – 167 s.
38. Tompson P. Golos proshlogo. – M., 2003. – 368 s.
39. Toropov V.F. Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelya oblispolkoma. – YAroslavl': Verhnyaya Volga, 2001. – 176 s.
40. Hlevnyuk O.V. Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 – konce 1950-h godov. Ustojchivost' i konflikty // Otechestvennaya istoriya. – 2007. – № 3. – S. 31–49.
41. SHlejermaher F. Germenevtika. – SPb.: Evropejskij Dom, 2004. – 242 s.
42. SHmidt S.O. O klassifikacii istoricheskikh istochnikov // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. – L., 1985. – Vyp. 16. – S. 3–24.
43. SHCHeglova T.K. Ustnaya istoriya. – Barnaul, 2010. – 354 s.
44. YUrchak A. Vse bylo navechno, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie. – M.: NLO, 2014. – 664 s.
45. YAroslavskij kraj v XX veke. Kto est' kto?: istoriko-biograficheskij spravochnik. T. 2. Politika / gl. red. YU.YU. Ierusalimskij. – YAroslavl': YArsGU, 2008. – 107 s.
46. Deutsch M., Gerard H. A Study of Normative and Informational Social Influence upon Individual Judgment // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1955. – № 51. – S. 629–636.
47. Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. – 2010. – No. 69(3). – P. 676–700.
48. Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarpstagnacijos ir dinamikos (1968–1988). – Vilnius, 2011. – 664 r.
49. Neuman L. Social research methods: qualitative and quantitative approaches. – Boston: Allyn and Bacon, 1991.

СЕНТИМЕНТАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВИКТОРИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ США

В статье говорится о творческом вкладе Луизы Мэй Олкотт в американскую литературу викторианского периода и об эволюции межличностных отношений американского среднего класса. Целью работы является рассмотрение влияния авторов-сентименталистов на развитие социокультурной жизни США. Помимо новаторских политических взглядов, прогрессивные мыслители того времени привнесли в американскую культуру новое толкование ролей мужчины и женщины в семье, а также их отношения к детям и их воспитанию.

В этой связи до сих пор не угасает интерес к творчеству выдающейся американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, впитавшей в себя как идеи сентименталистов, так и гуманистические идеалы британских авторов. Иллюстрируя свои произведения примерами из собственной жизни, Олкотт дарила надежду женщинам и детям, оказавшимся в сложной ситуации и нуждавшимся в моральной поддержке.

Несмотря на порой скептическое отношение американских исследователей к «исчезнувшему миру» викторианства, никто из них не станет отрицать значения вклада его лучших представителей в мировую культуру. Будучи послушной дочерью, любящей сестрой и «семейным ангелом», в своей прозе Олкотт осмеливалась давать нелицеприятные оценки косности мышления некоторых представителей белого населения США и, не боясь критики, но скрывая от читателей бунтарскую сторону своей натуры, говорила о злободневных проблемах. Результаты статьи позволят по-новому взглянуть на вклад писательницы в развитие семейного романа.

Ключевые слова: викторианство, Луиза Мэй Олкотт, сентименталисты, межличностные отношения, Джексонская демократия, семейный роман, американский средний класс.

История литературы викторианского периода в США неразрывно связана с творчеством замечательной американской писательницы Луизы Мэй Олкотт (Louisa May Alcott, 1832–1888). По мнению Чарльза Стрикленда (Charles Strickland), трудно переоценить вклад Олкотт в развитие семейного романа. Благодаря автобиографическим моментам, запечатленным в «Маленьких женщинах» (“Little Women”, 1868–1869), можно наиболее полно представить себе жизнь юной американки среднего класса. Вряд ли найдется хоть одна американская девочка, которая никогда не читала или не слышала об этом романе. В своей книге «Викторианский домашний уклад: семья в жизни и творчестве Луизы Мэй Олкотт» (“Victorian Domesticity: Families in the Life and Art of Louisa May Alcott”) исследователь отмечает, что, несмотря на внушительное количество работ, посвященных вопросам материнства и детства того периода, читателей интересуют воспоминания живых свидетелей событий, знавших о бедности и семейных проблемах не понаслышке [11, p. 11–19]. События, описанные в этой любимой многими представительницами прекрасного пола книге, разворачиваются в Америке в период британского викторианства с его порой консервативными заповедями, касающимися положения женщин в семье.

По мнению историка Генри Мэя (Henry May), в настоящее время многие американские исследователи скептически относятся к викторианству, называя его «исчезнувшим миром» [8, p. vii]. Обще-

известно, что, несмотря на критическое отношение к «викторианской морали», многие англичане nonetheless стабильно ассоциируются с ней социальной стабильностью.

Возможно, современным американским интеллектуалам трудно разделить точку зрения британцев, не говоря уже о том, чтобы восхищаться викторианством, но они не могут не оценить должным образом расцвет культуры Англии того периода и положительное влияние, оказанное лучшими ее представителями, на литературу США.

В XXI в. викторианское отношение к моральным ценностям может показаться слишком нетерпимым к любым социальным изменениям и даже лицемерным, поэтому, как заметил Роберт Фальк (Robert Falk), аналогичный период в американской культуре подвергся пренебрежительным эпитетам и медийному свержению исторических кумиров. В последнее время к этому широкомасштабному «культурному восстанию» добавились конкретные недовольства, выраженные феминистками, которые заклеили викторианскую семью как наиболее серьезное препятствие на пути к гендерному равенству [6, p. 3].

Для того чтобы лучше понять, какое влияние оказало викторианство на жизнь американского общества, необходимо ознакомиться с некоторыми этапами эволюции, предшествующей изучаемому миропорядку. Даже если далеко не все англо-американские исследователи с пиететом относятся к викторианской культуре, важно не допустить, чтобы за их претензиями к прошлому были про-

игнорированы объективные доказательства ее состоятельности.

По мнению многих американских историков, во времена Олкотт произошли глубокие изменения в межличностных отношениях: между мужьями и женами, братьями и сестрами, родителями и детьми [11, р. 1–3]. Так, Карл Деглер (Carl Degler) обратил внимание на возросшую степень привязанности и взаимного уважения между супругами, усиление влияния женщин в обществе, снижение уровня рождаемости и изменившееся отношение к детству [5, р. 5]. Мэри Райан (Mary Ryan) пишет о том, что в период с 1800 по 1865 год в американских семьях отмечалось ослабление патриархального гнета в связи с увеличивающимся почитанием матери и более четким распределением обязанностей супругов (мужья зарабатывали на хлеб насущный, а жены заботились о здоровье и благополучии потомства). Исследовательница также полагает, что в начале XIX в. акцент делался на гармоничном упорядоченном мироустройстве, социализации матерей и образовании [10, р. 60–98].

Большинство этих наблюдений, безусловно, касаются только городского белого населения среднего класса, поэтому в настоящее время особую актуальность приобретают исследования, посвященные семейной жизни американских фермеров, афроамериканцев, иммигрантов и рабочих. Тем не менее Чарльз Стрикленд считает перечисленные выше изменения, касающиеся семейного уклада, очень важными, замечая, что их рассмотрение поможет глубже проанализировать позитивные стороны влияния викторианской эпохи на жизнь американского общества [11, р. 2–3]. Как известно, викторианству предшествовало движение, возникшее в Америке в начале XIX в. и вошедшее в историю под названием сентименталистской революции [11, р. 1].

Идеи сентименталистов трансформировали взгляды граждан на такие важные аспекты, как ухаживание, брак, рождение детей, их воспитание и образование.

Женщины-писательницы: Кэтрин Седжвик (Catherine Sedgwick, 1789–1867), Гарриет Бичер-Стоу (Harriet Beecher Stowe, 1811–1896), Сьюзен Уорнер (Susan Warner, 1819–1885) и др. объединялись вокруг священников и посвящали свои произведения проблемам нравственности. Как и служители культа, они предлагали читателям свои советы и наставления, печатавшиеся в газетах и журналах. Между 1830–1850 гг. в США было издано более тысячи художественных произведений. Большинство из них представляли собой нравоучительные опусы. Их авторы, как и женщины-писательницы Великобритании, ставили своей целью воспитание читательской аудитории, поэтому каждая история должна была заканчиваться каким-либо моральным внушением. Сентименталистская литература

учила читателей состраданию «слабым мира сего», обусловив необходимость уважения к человеку и позитивных изменений в жизни общества [5, р. 377].

Двадцатые годы XIX столетия называют эпохой Джексонской демократии (Jacksonian Democracy), по имени Эндрю Джексона (Andrew Jackson, 1767–1845), седьмого президента США (1829–1837). Период Джексонской демократии длился до 1840-х годов и ознаменовался обострением борьбы против рабства. За два десятилетия до начала Гражданской войны (American Civil War, 1861–1865) началась политическая борьба и обсуждение реформ, направленных на облегчение условий содержания заключенных, лечения душевнобольных, злоупотребления спиртным и т. д. На западных землях США стали бурно развиваться промышленность и сельское хозяйство.

Представители просвещенного духовенства активно включались в общественную жизнь, но вместе с тем их волновал вопрос о непредсказуемом развитии реформ, предоставлении женщинам слишком многих прав и свобод и снижении церковного влияния на народные массы [4, р. 3–11].

Сентименталисты уделяли серьезное внимание жизни семьи, призванной противостоять материалистическому мировоззрению и эгалитарному обществу. Они стремились создать и определенные направления в семейной литературе, поклоняясь культам домашнего уклада, материнства и детства, романтической любви, а также ритуалам ухаживания и брака.

Культом домашнего уклада был призван обозначить границы между семьей как ячейкой общества и внешним миром, пропагандируя достоинства женщины, целиком и полностью посвятившей себя дому. Никогда прежде этот мотив не приобретал такой силы, словно впитав в себя все утопические идеи Джексонской демократии. Впоследствии эти нравственные принципы оказали огромное влияние на творчество Олкотт, обеспечив социокультурный контекст для ее персонажей, созданных по образу и подобию ее сестер.

Культом материнства и детства ассоциировался с защитой детей и местом женщины в семье [11, р. 6]. Культом романтической любви был создан для подготовки читателей, которых призывали к целомудрию и воздержанию, к будущей семейной жизни, характеризующейся более уважительными отношениями между супругами. Этот культ любви формировался вокруг нового образа женщины, появившейся в литературе XVIII в. Образ Евы-искусительницы сменился личностью так называемой преследуемой девушки (Persecuted Maiden), ставшей скорее жертвой соблазнителя, чем преступницей. Литературным источником для создания подобного образа послужил роман Самуэля Ричардсона (Samuel Richardson, 1689–1761) «Кларисса, или

История молодой леди» (“Clarissa, or, the History of a Young Lady,” 1748), покоривший Европу и Америку обаянием нового женского персонажа. Преследуемая отцом и братом, из алчности желавшими поскорее найти для нее богатого мужа, Кларисса не может смириться с тем, что будущий супруг овладел ею до свадьбы обманным путем, и отказывается впоследствии выйти за него замуж, предпочтя одинокую, но праведную смерть. Роман Ричардсона породил множество похожих произведений, в которых преобладала тема преследуемой девушки [11, р. 7]. Эта тема была особенно популярна у протестантов, так как они видели в обыкновенной женщине, угнетаемой мужем, братом или женихом, черты Девы Марии. Антиметафизическое направление пропагандировало идею о том, что скорее человек может приблизиться к божественному, чем божественное снизойдет до человека [6, р. 67].

Так, в Америке XVIII в. огромную популярность приобрел роман «Шарлотта Темпл» (“Charlotte Temple”, 1794) миссис Сюзанны Роусон (Mrs. Susanna Rowson, 1762–1824), выдержавший после публикации 160 переизданий. Читатели вновь познакомились с героиней, преследуемой негодяем, обещавшим на ней жениться, но предавшим ее ради богатой невесты. Одинокая и покинутая, Шарлотта рождает ребенка и умирает на руках у отца. Роман служил предостережением для юных девушек, призывавшим их не вступать в близкие отношения с молодыми людьми до брака. Писательница привлекла внимание общественности к факту жадности родственников, уговаривавших дочь или племянницу выйти замуж ради богатства и престижа и толкавших тех в руки к безответственным и развратным мужчинам. Тема алчного родителя (Avaricious Parent) была с энтузиазмом подхвачена многими американскими писателями, включая неизвестного автора с его романом «Вознагражденная верность» (“Fidelity Rewarded”). Изображая преследуемую девушку как жертву коварных намерений, сентименталисты пытались доказать, что единственное женское предназначение – это дом и семья. Писатели рисовали нелестный образ старой девы, превратив ее в объект насмешек. В то же время, ввиду особой женской чувствительности к несправедливости, развивалась и тема самоубийства [11, р. 7–8].

Рассмотрев содержание «Маленьких женщин», можно убедиться в том, что Олкотт удалось избежать сентиментальности в вопросе взаимоотношений матери и ребенка, однако, по мнению Стрикленда, мотивы, затрагивающие ухаживание, брак и воспитание детей, остались глубоко сентименталистскими, как и такие социокультурные составляющие, как взаимодействие семьи с представителями местной общины. То, что впоследствии стали называть современным домашним укладом, было сформировано в XIX в. как конгло-

мерат сентименталистских идеалов и реальных событий в жизни семьи американского среднего класса [11, р. 3–5], в деталях воссозданных писательницей.

Олкотт была женщиной своего времени, и по законам той эпохи была создана для самопожертвования, а не для самореализации. Тем не менее она сама всегда верила в свой талант и знала, что рано или поздно о ней заговорят. Унаследовав стремление к сочинительству от матери, она рано проявила себя как автор.

Родители Луизы были приверженцами сентименталистской революции и пытались превратить свою семью в образец для подражания. Поженившись в 1830 г., они создали союз мужчины и женщины, отвергавших традиционные стандарты ухаживания, продиктованные благоразумными намерениями приумножить будущее благосостояние. В последующие годы Амос Бронсон (Amos Bronson Alcott, 1799–1888) и Абигейл Мэй (Abigail May Alcott, 1800–1877) боролись, как того требовал культ семейного уклада, за превращение семейного очага в анклав против материализма и конформизма, проповедуемых джексонским обществом. У себя дома они установили менее консервативный порядок в вопросах распределения гендерных ролей, чем позволялось сентименталистами. В отличие от общепринятых правил, Амос Бронсон, разочаровавшись в профессии учителя, оставался дома, став идеологическим наставником дочерей и, будучи не в силах обеспечить семье безбедное существование, предоставлял им право самим зарабатывать на хлеб. Мать Луизы, несмотря на писательские задатки, целиком и полностью посвятила себя дому, и, хотя и не получала удовольствия от домашних обязанностей, была в восторге от материнства и общения с дочерьми: Анной, Луизой, Элизабет и Мэй, которые появились с 1831 по 1840 гг. Согласно постулатам сентименталистов, родители стремились обеспечить в семье атмосферу теплоты и доверия, и аналогичный образ семьи преобладал в творчестве Луизы Мэй Олкотт [5, р. 214–215]. Амос Бронсон мечтал об идеальном семейном укладе, где каждый помогает другому, предупреждая его желания и отзываясь на любую просьбу родного человека. Он был сыном фермера, жаждал получить образование и всего в жизни добивался сам. Его знания, полученные благодаря собственному прилежанию, удивляли современников. С одной стороны, в его профессии учителя не было ничего необычного, а с другой – он хотел стать реформатором. У него не было особой поддержки среди местной общественности, зато его идеи получили признание среди интеллигентов Бостона. Амос Бронсон Олкотт увлекался философским идеализмом и американскими религиозными постулатами. Этот конгломерат идей получил название трансцендентализма, в чувственном

опыте которого должно было непременно присутствовать идеальное или духовное [1]. Отец Олкотт находился под сильным влиянием Ральфа Уальда Эмерсона (Ralph Waldo Emerson, 1803–1882) и Генри Дэвида Торо (Henry David Thoreau, 1817–1862). Амос Бронсон разделял их точку зрения по поводу того, что Америка слишком упорно стремится к обладанию материальными благами и склонна к джексоновскому конформизму. Как и его друзья, отец Олкотт придерживался теории о том, что порядок вселенной охватывает не только природу, но и человека, задачи которого сводятся к открытию в себе божественного и поискам идеала. Жена всецело разделяла идеи мужа, так как была весьма начитанной и образованной женщиной из культурной бостонской семьи. Абигейл понимала, что Амос Бронсон никогда не разбогатеет, но смирилась с этим и рассматривала себя как его ученицу. Их брак был основан на вере как в интеллектуальное, так и духовное самосовершенствование. Амос Бронсон мечтал поселиться в идеальном живописном месте, в котором вдали от коррумпированного общества воспитывалось бы их потомство. Джермантаун (Germantown), куда семья переехала из Бостона, не обладал ни живописным горным пейзажем, ни прекрасными водными ресурсами, но фермер, пригласивший Амоса Бронсона на работу учителем в местной школе, предоставил им коттедж, окруженный прекрасным садом, который Абигейл называла земным раем.

Полностью разделяя сентименталистский постулат о культе ребенка, Олкотты целиком посвятили себя воспитанию дочерей. Любая сказка, рассказанная девочкам, заканчивалась каким-либо моральным уроком, в котором самое большое значение предавалось самопожертвованию ради блага других. Однако к четырнадцати годам идиллия для Луизы закончилась, потому что из-за своего сложного характера она отказывалась полностью подчиниться требованиям отца, что привело к отчуждению между ними. Луиза всячески пыталась изменить свой упрямый и независимый характер, но у нее этого не получалось, потому что она росла слишком свободным и физически активным ребенком. Амос Бронсон был далек от реальной жизни, и семья часто нуждалась. Олкоттам пришлось переехать из коттеджа в город, что плохо отразилось на досуге их дочерей, которые вынуждены были сидеть в детской из-за боязни родителей подвергнуть их дурному влиянию улицы. Попытка Олкотта организовать коммуну провалилась, и Абигейл, чья душа жаждала уединения и общения только с собственными детьми, раздражали его многочисленные друзья-философы с их бесконечными разговорами [11, р. 19–42]. Из-за идеалистического подхода к жизни отца мать была вынуждена отправить дочерей на заработки. Интересно, что уже в XIX в. Абигейл больше всего боялась, что девочкам придется

полагаться на милость родственников. Она хотела, чтобы они получили профессию и смогли сами себя обеспечить. Луиза не стремилась выходить замуж, хотя к ней и поступали предложения руки и сердца. В возрасте двадцати семи лет, став свидетелем семейного счастья своей сестры Анны, она предпочла стать скорее счастливой старой девой, чем послушной женой. Однако, по мнению Стрикленда, ее взгляды отличались от феминистских, потому что превыше своей свободы она ставила финансовую независимость близких, и все ее усилия были направлены именно в этом направлении, что полностью соответствовало викторианскому культу семьи. Если мать наделила Луизу писательским талантом, то отец подарил ей безудержное стремление к цели. Разочаровавшись в его идеалистических принципах, она, тем не менее, переняла его настойчивость и упорство, что положительно отразилось на ее творчестве. Олкотт мечтала об ином предназначении женщины. Она всегда преклонялась перед семейными ценностями, но страстно желала, чтобы ее сверстницы могли заниматься любимым делом и получить образование. Писательница считала, что женщина сама знает, чего хочет, и в состоянии без посторонней помощи очертить сферу своей деятельности. Однако ее главная героиня Джо, в детстве проявлявшая независимость и свободу суждений, впоследствии становится доброй женой и ничем не отличается от своих соотечественниц. Несмотря на независимый характер, писательница была вынуждена подчиниться требованиям своих редакторов, сделав свою героиню «домашним ангелом» [11, р. 43–47]. Тем не менее своим творчеством Луиза Мэй Олкотт доказывала необходимость самореализации для женщин и вдохновляла своих читательниц в трудные минуты жизни.

Библиографический список

1. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1238 (дата обращения: 21 января 2019 г.).
2. *Aliaga-Buchenau A.-I.* The “Dangerous” Potential of Reading: Readers and the Negotiation of Power in Nineteenth-Century Narratives. – Routledge: N-Y, 2003. – 206 p.
3. *Bridges W.* Family Patterns and Social Values in America, 1825–1875. – *American Quarterly*, 17.1, 1965. – P. 3–11.
4. *Degler C.* At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present. – New York: Oxford University Press, 1980. – 527 p.
5. *Eiselein Gr., Phillips A.K.* The Louisa May Alcott Encyclopedia. – Westport, CT: Greenwood Press, 2001. – 440 p.
6. *Falk R.* The Victorian Mode in American Fiction. – East Lansing, Michigan State University Press, 1965. – 188 p.

7. Fiedler L.A. Love and death in the American novel. – Edition Statement: 1st Anchor Books ed. ... General Note: Originally published: Rev. ed. – New York: Stein and Day, 1966. – 519 p.

8. May H. The end of American Innocence: A Study of the First Years of Our Own Time, 1912–1917. – New York: Alfred A. Knopf, 1959. – 413 p.

9. Ray N. The Child in American Historiography. The Psychohistory Review 7. – Group for the Use of Psychology in History. Sangamon State University, 1978. – P. 13–23.

10. Ryan M. Cradle of the Middle Class: The Family in Oneida County, N. Y., 1790–1865. – New York: Cambridge University Press, 1981. – 321 p.

11. Strickland Ch. Victorian Domesticity: Families in the Life and Art of Louisa May Alcott. – University of Alabama Press, 1985. – 224 p.

References

1. Filosofskaya enciklopediya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1238 (data obrashcheniya: 21 yanvarya 2019 g.).

2. Aliaga-Buchenau A.-I. The “Dangerous” Potential of Reading: Readers and the Negotiation of Power in Nineteenth-Century Narratives. – Routledge: N-Y, 2003. – 206 p.

3. Bridges W. Family Patterns and Social Values in America, 1825–1875. – American Quarterly, 17.1, 1965. – P. 3–11.

4. Degler C. At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present. – New York: Oxford University Press, 1980. – 527 p.

5. Eiselein Gr., Phillips A.K. The Louisa May Alcott Encyclopedia. – Westport, CT: Greenwood Press, 2001. – 440 p.

6. Falk R. The Victorian Mode in American Fiction. – East Lansing, Michigan State University Press, 1965. – 188 p.

7. Fiedler L.A. Love and death in the American novel. – Edition Statement: 1st Anchor Books ed. ... General Note: Originally published: Rev. ed. – New York: Stein and Day, 1966. – 519 p.

8. May N. The end of American Innocence: A Study of the First Years of Our Own Time, 1912–1917. – New York: Alfred A. Knopf, 1959. – 413 p.

9. Ray N. The Child in American Historiography. The Psychohistory Review 7. – Group for the Use of Psychology in History. Sangamon State University, 1978. – P. 13–23.

10. Ryan M. Cradle of the Middle Class: The Family in Oneida County, N. Y., 1790–1865. – New York: Cambridge University Press, 1981. – 321 p.

11. Strickland Ch. Victorian Domesticity: Families in the Life and Art of Louisa May Alcott. – University of Alabama Press, 1985. – 224 p.

СЛОЖНЫЙ ЭКФРАСИС В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ОСНОВЫ ТЕОРИИ И ОДИН ПРИМЕР

Нравне с простым экфрасисом, описанием отдельного произведения, можно выделить сложный экфрасис, описание целого музейного зала или музейного собрания. Такое описание подразумевает напряженное переживание пространства, и прежде всего в описательной лирике с напряженной драматургией. В сложном экфрасисе видно влияние не только вкусов, но и искусствоведческих идей времени. Доказывается, что стихотворение Николая Заболоцкого «Бегство в Египет» представляет собой сложный экфрасис, возникший под косвенным влиянием поэзии Бодлера и искусствоведения Бенуа и описывающий эффекты одного из залов Эрмитажа. Влияние сюжетов, представленных в этом зале Эрмитажа, на поэтические решения прослеживается и в позднейшей поэзии.

Ключевые слова: экфрасис, музей, описательная поэзия, лирический сюжет, пространство в искусстве, Заболоцкий, Эрмитаж.

При всей многочисленности исследований экфрасиса в русской поэзии ни в одном известном нам исследовании не поставлен вопрос о сложном экфрасисе, описании в поэзии не отдельного произведения искусства, но группы произведений, объединенных в сложную композицию единым музейным пространством, так что описание раскрывает не только сюжеты и манеру, но и специфику каждого из представленных искусств и взаимное расположение произведений искусств внутри заранее продуманного пространства со своим маршрутом как порядком рассмотрения произведений. Тем не менее давно назрела необходимость в таком термине: прежде всего потому, что лирический сюжет в новой поэзии, в отличие от канонического искусства, непредсказуем, а значит, не всегда может ограничиться образностью какого-то одного произведения искусства, но вдруг потребует особого движения взгляда, проблематизации самого этого произведения, его особенностей и его места среди других произведений. Далее, само лирическое описание не может ограничиваться только ситуацией на полотне или в пластическом произведении, всегда должны быть некоторые если не упоминания, но хотя бы намеки на встречу с этим произведением, на различие между первым и дальнейшими впечатлениями и на общий вывод. Значит, достаточно предположить некий зазор между первым и дальнейшим впечатлением, например, если произведение воспринимается слишком болезненно, чтобы при соблюдении каких-то других условий (каких именно – может показать только ряд исследований, а не одно исследование) взгляд стал блуждать по соседним произведениям, выставленным там же, в согласии с некоторым замыслом. Кроме того, сложная сюжетно-мотивная и композиционная организация новейшей лирики не может объясняться только внутренними перипетиями лирического переживания, и следует предположить существование не просто сложной системы аллюзий в таких

произведениях, но и сложной системы аффектов (воздействий извне, запечатленных напряженных переживаний), которая может регулироваться в том числе заранее продуманным расположением произведений искусства. Наконец, накопленный отечественной филологией опыт изучения «городских текстов» как источников поэтических и прозаических решений может быть продолжен в том числе и в изучении того, как отдельный объект города, скажем особняк, парк или картинная галерея, определяют емкие и однозначные лирические решения, позволяя состояться сложной совокупности образов как единому лирическому впечатлению.

Сложный экфрасис стихотворения А.С. Пушкина «Живописцу» рассмотрен в одном из недавних исследований [5, с. 70–71], но термин еще не был введен, хотя само явление, впечатление от галереи как выставочного комплекса, в котором произведения не просто перекликаются друг с другом, но подчиняются некоей концепции, было уже описано. Мы предполагаем, что сложный экфрасис появляется не там, где галерея или музей оставляет общее впечатление, синтетическое, не сводящееся к впечатлениям от отдельных картин и статуй, но там, где это впечатление аналитическое, дающее понять, в какую новую динамичную самостоятельную композицию складываются выставленные в одном месте произведения искусства. Если синтез можно сопоставить со следом, воспоминанием, даже самым ярким, то анализ – с музыкальной импровизацией или с организацией пространства, где нужно дать явиться или прозвучать каждому новому элементу наиболее убедительным образом.

Задача данной работы, прежде всего, теоретическая: обосновать на одном из убедительных примеров саму уместность термина «сложный экфрасис» и раскрыть его элементы. В статье доказывается, что для возникновения сложного экфрасиса недостаточно впечатлений от музейного пространства и экспонатов, но необходима общая концепция соотношения изобразительного искусства с миром по-

вседневности, миром аффектов и страданий, равно как наличие путеводителя, авторитетной инструкции по посещению данного музея, которая и определяет движение внутри музея как аффективный, а не просто познавательный опыт.

Для анализа было выбрано стихотворение Н. Заболоцкого «Бегство в Египет» [3, с. 138] по нескольким основаниям. Во-первых, оно описывает целый ряд евангельских сцен, а в советское время только классическая живопись, искусство старых мастеров, особенно представленное в наиболее авторитетном учреждении – Эрмитаже, могла оправдать обращение в поэзии к Евангелию; значит, ожидать там сложного экфрасиса оправданнее всего. Во-вторых, оно довольно просто по форме и лирическому сюжету: в нем простая сюжетная линия «болезнь – выздоровление», простоте чего отвечает и незамысловатость формальной организации: преобладание простых бедных рифм, в том числе глагольных, обилие эпитетов, причем довольно предсказуемых, совпадение в большинстве случаев границ эпизодов с границами четверостиший. Образы евангельской истории оказываются внутри болезни, что позволяет говорить уже не о медитативной лирике, осмысляющей давние впечатления, но о таком лирическом высказывании, которое и должно придать выразительность этим видениям, оправдать болезненные видения как единственное достойное содержание описываемого субъективного состояния. Наконец, хотя мимо этого стихотворения не проходит ни один исследователь Заболоцкого, все ведущие исследователи признают, что стихотворение не поддается не только циклизации, вписыванию в какую-либо тематическую группу стихов Заболоцкого, но и даже соотносению его мотивов с мотивами соседних стихотворений, обращая как бы сразу к обширному миру евангельской истории.

Исследователи стихотворения обращали внимание на то, что оно оказывается «очень сложным, многослойным» при простоте и ясности изложения, полным переключением и неожиданными перемещениями между мирами, так что «взор возлюбленной светит отраженным светом египетских райских светил» [6, с. 327], также что оно «многопланово» и что «евангельские образы органично вошли в ткань стихотворения» [4, с. 39]. Но объяснений таким вполне убедительным впечатлениям исследователи не дали, хотя ясно, что многоплановость, а не просто последовательность образов подразумевает определенную их сценографию, размещение в пространстве, а органичность при описании событий разных эпох – религиозное (не обязательно благочестивое) видение всемирной истории.

Простое указание на мощь и обширность самого евангельского мира, позволяющее соотносить стихотворение только с ним самим, а не с мотивами поздней лирики Заболоцкого, могло бы быть

допустимым в предварительном филологическом анализе произведения, но оно просто ничего нам не дает, если мы хотим внести вклад в исследование поэтики позднего Заболоцкого. Поэтому лучше, если мы хотим профессионально анализировать произведение, обратиться к прецедентным лирическим композициям, в которых уже и религиозное богоборчество, и сценография предвосхищают решение Заболоцкого.

Ключевой для нашего анализа исток сложного экфрасиса – стихотворение Бодлера «Маяки», соединившее гуманистический и богоборческий мотивы: в то время как величайшие мастера искусства, представленные в умозрительной галерее, изображают людские страдания, Бог не перестает быть причиной этого страдания. По сути, Бодлер в стихотворении выворачивает основополагающую для всей европейской философии схему cogito Рене Декарта: Декарт доказывал, что если он не может солгать себе, то и Бог не может солгать ему, а значит, его существование не может быть иллюзорным, пока он мыслит и сознает себя. Бодлер рассуждает так же, но на место самосознания ставит переживание страдания: если художник запечатлевает людские страдания и они остаются на холсте, то Бог создает людские страдания, которые и остаются в мире. Там, где Декарт шел к оправданию человеческой правды, Бодлер, перебирая те же предпосылки, идет к обвинению Бога просто потому, что иначе понимает иллюзию: не как предположение, гадание, которое надо преодолеть ради ясности сознания, как думал Декарт, но, наоборот, как необходимую часть живописи, как иллюзорное правдоподобие, от которого культурный человек, посетитель галерей, не может отречься. Конечно, это воображаемый музей культурного человека, но таким же музеем был и Эрмитаж, создававшийся не как научное собрание, а как необходимая часть мышления Империи о самой себе.

На то, что Эрмитаж представляет собой скорее воображаемый музей, созданный вкусами венценосных коллекционеров, чем действительной программой истории мирового искусства, впервые обратил внимание А.Н. Бенуа [1]. Выдающийся деятель отечественной культуры, профессиональный исследователь живописи, он настаивал на том, что Эрмитаж может быть пособием по истории искусства, но если делить художников не по манерам, а по школам, понимая при этом условность деления на школы. Иначе говоря, Бенуа настаивал в своем путеводителе на том, чтобы воспитанный им зритель отмечал переключки не только в стиле и технике между мастерами одной местности и одной эпохи, но и некоторую общность в организации сюжетных решений, которая только и раскрывает «великие переживания искусства», что, в конце концов, было пережито какое-то раскрытие одного большого сюжета. Иначе говоря, само пу-

тешестве по Эрмитажу для Бенуа – это принятие культуры художественных условностей и согласие с тем, что настоящая правда может быть обретаема только при понимании смысла этих условностей, причем смысла возвышающего, религиозного. Этот смысл, как мы уже видим, может оказаться богоборческим, как у Бодлера, может оказаться благочестивым, а может, как в стихотворении Заболоцкого, намекать и на благочестие рождественской сцены и на богоборчество как отрицание христианства – тени «распятого в горах».

Подражания «Маякам» Бодлера, а именно создание мысленной галереи, в которой размещены выдающиеся произведения европейской живописи, причем, как и у Бодлера, без всякого хронологического порядка, а только с постепенным приближением к самому родному и близкому в живописи, создавались в русской поэзии не раз. Так, в одном из ранних таких подражаний, стихотворении К.Д. Бальмонта «Аккорды» (1897), с эпиграфом из Бодлера, появляются отсутствующие у Бодлера мастера испанского барокко: «Мне снился бессмертный Веласкес, Коэльо, Мурильо святой, / Создавший воздушность и холод и пламень мечты золотой». Они противопоставляются слишком чудовищному Гойе, но также и гениям итальянского Ренессанса, светлым, спокойным и нежным, примирившим дух и плоть. Двустихия Бальмонта бойкими перечислениями образов творчества и метафизических понятий нашли продолжение в стихах О. Мандельштама памяти Андрея Белого, в частности, последняя строка «Каково тебе там

в пустоте, в чистоте, сироте...» напоминает о пустой воздушности, стерильном холоде и пламени одинокой мечты, так что сиротство Андрея Белого следует понимать не как оставленность всеми, но как некоторую творческую миссию мечты. Сюжет стихотворения Бальмонта – неизбежное Рождество сверхчеловека и революции, которое готовят художники как «волхвы откровений», которое явится в окружении «властительно-ярких знамен» как мировой катаклизм, и так как это были и темы Андрея Белого времен революции, то неожиданное обращение Мандельштама к бальмонтской поэтике двустихий становится оправданным. Таким образом, связка сентиментального благочестия, романтического богоборчества и рассмотрения воображаемой галереи как школы понимания символических условностей, ведущих к единому религиозно-социальному действию, вполне была определена Бальмонтом и усвоена дальнейшей поэтической традицией. Если направить размышление в другую сторону, в сторону не конечных действий, а исходных переживаний, то те же символические условности религиозной живописи окажутся целительными для мятущейся души, что и происходит в стихотворении Заболоцкого.

У Бальмонта Боттичелли «нежней, чем весною свирель», что, конечно, указывает не только на общие впечатления от тонкой ремесленной кисти великого флорентийца, но и на предпосылки того самого поворота от действия к начальному чувству, от бурь – к ранним волнениям и открытию собственной чувственности. Отнесение болезненности

Disciplina Clericalis.

Хлоя:

Если сок звой неизменен,
Прибайцурская ячма,
Если песты, как камёны,
Упадают и влетают,
Если даже в этом мире
Зудоборном и крестом
В мавританские псалтыри
Скользкой лужкой подметал,
Не надейся и ушарки
На силма не поводи,
И морщинистый мисюлок
Врукаве до утра прядь

Я:

Хлоя, Хлоя, тонкой ранкой
Сердце жалуется мне,
И перо в мозговой банке
Шушью траурной крети.

Рис. 1. Рукопись Заболоцкого и титульный лист книги Бенуа

и нежности не к позднему, упадочному искусству, а к раннему, еще не принявшему академической формы, болезненность весны, а не осени – это достижение русского символизма, нормативное, например, в рассуждениях Н. Бердяева в его книге «Смысл творчества» (в гл. X «Творчество и красота. Искусство и теургия») [2, с. 445–450]. Именно этот подход позволил смотреть на искусство барокко, в том числе испанского барокко, ключевое для эстетической программы стихотворения Заболоцкого, не как на болезненный упадок, но, напротив, как на мудрое преодоление болезненности и зла мира. Сложный экфрасис всегда говорит о форме сознания, но это может быть не обязательно сознание по Декарту – как оправдание собственного бытия, и не обязательно по Бодлеру – как богоборчество, но вполне и по Бальмонту как богоборчество и оправдание собственного бытия вместе с сознанием собственных истинных чувств.

Н. Заболоцкий как посетитель Эрмитажа был особенно внимателен к развеске произведений. Так, в его раннем абсурдистском стихотворении «Disciplina Clericalis» (1926) строки «И внизу у самой двери / Встал с решеткой Зурбаран» указано действительное место «Святого Лаврентия» (1636) Франсиско де Сурбарана у самой двери Испанского просвета в Эрмитаже. Заметим, что Заболоцкий изготовил оригинальную рукопись данного стихотворения как *livre d'artiste*, графически имитируя средневековый минускул, но в начертании некоторых букв, прежде всего прописной *u* и строчной «*u*», в широких петлях букв и декоративных хвостах, минускулу не свойственных, очевидно влияние книжного дизайна, образцом которого был путеводитель Бенуа (рис. 1), и знакомство с этим многократно воспроизводившимся изданием, обязательным для понимания устройства Эрмитажа, несомненно.

Бенуа в своем «Путеводителе» [1, с. 71–72] определил сам подход к рассмотрению живописи Мурильо, важный для стихотворения Заболоцкого, прежде всего, для соотнесения впечатлений от живописно переданных библейских сцен с личными биографическими обстоятельствами. Бенуа изображает Мурильо как выходца из бедной, почти нищей семьи: «Мурильо остался круглым сиротой и очень бедствовал. Возможно, что в эти грустные дни он познал и много сладких минут в дружбе и играх с такими же маленькими нищими, каким он был сам. Есть что-то совершенно особенное, ни у кого больше не встречавшееся в том (лишенном всякой аффектации) идеализировании грязной уличной обыденности, которая сказывается в подобных картинах Мурильо» [1, с. 71]. На самом деле и родители Мурильо, и семья сестры матери, взявшая мальчика к себе, скорее были семьями среднего достатка, всё же учеба у Веласкеса вряд ли была доступна нищему. Но для Заболоц-

кого было важно указать и на свою нищету и изгнанничество как сумму пережитого им опыта, но и вообще на нищету как лейтмотив такой простой лирики, с простыми формальными решениями и бедными рифмами (как у Арсения Тарковского: «Ничего не надо / Нищете моей»).

Далее, Бенуа подчеркивает особую поэтичность пейзажей Мурильо: «Но, опять-таки, какой прекрасный поэт обнаруживается в тех его картинах, где пейзаж играет большую роль, например, на двух эрмитажных картинах, рассказывающих эпизоды из истории Иакова. Совершенно и исключительно красоты – “Благословение Иакова”, где несколько неприятно действует только “разрез дома”... Пейзаж же, занимающий две трети картины, бесподобно прекрасен в своей чисто испанской суровости. Едва ли найдется во всем Эрмитаже картина, которая так просто и так сильно передавала бы жизнь природы, игру серебряного света, меланхолию душного грозового дня» [1, с. 72]. Получается, что идеализация природы как чистого зеркала чувств, несмотря на «испанскую суровость» как источник искусства, и есть то, за что мы должны любить Мурильо. Бенуа рассуждает, как Бодлер, для которого Бог – источник суровых и жестоких страданий, но отражающие эти страдания художники все равно умеют быть нежными и смягчать нравы. Замечательно, что у Заболоцкого говорится об игре света, как только упоминается Нил в солнечном Египте, который оказывается чистым отражением светил, будущих предзнаменований. Иначе говоря, иллюзорная живописная игра света в условной живописи и возвращает к настоящему чувственному переживанию детства, оправданному как знание лирическим повествователем всей своей дальнейшей судьбы. Движение к начальной чувственности мы можем отметить и здесь.

Наконец, Бенуа говорит об изображении видения Антония Падуанского не как об экстазе, а как о поводе для как раз этого самого воспоминания о детстве как далекого от любых инфантильных намерений, но, напротив, экстатического и связанного с самыми сильными внутренними переживаниями сознания: «Сюжет ведь очень неправдоподобен. Между тем, глядя на картину, веришь и заражаешься экстазом простодушного, добрейшего монаха перед той метаморфозой, которую избрал Спаситель, чтобы предстать перед святым, целиком ушедшим в думы о детстве Христовом, о любви Христа к детям, о детской непорочности и о Царстве Небесном, для детей уготовленном. Слезы восторга готовы брызнуть из глаз Антония, и, кажется, сам Мурильо должен был плакать, когда вдохновение натолкнуло его на это изображение» [1, с. 72]. Это описание больше всего напоминает стиль Эдмунда Гуссерля, говорившего о внутреннем переживании времени как постоянной метаморфозе сознания, которое оказывает

ся обращено к самому себе, к своей собственной фактичности, и потому воспринимает все данные внешнего мира как аффекты, по отношению к каковому оно должно выступить как сверхаффектное, как постоянно обосновывающее себя в качестве факта человеческого бытия. И так, режимом восприятия Мурильо оказывается сентиментальное переживание экстаза, при котором пробуждение от сновидения отождествляется с трогательностью, а неправдоподобность образов требует взаимной эмпатии, вдохновения, которое только и может вернуть простодушие и доброту в мир корысти и злобы. Тем самым неправдоподобный сюжет экстаза только и обеспечивает правдоподобие того смягчения чувств, о котором думал Бодлер, более того, только и делает это смягчение вероятным как обращение от действия к внутреннему переживанию, от сознания событий к внутреннему сознанию бытия, подсказанному условностями живописи, ее сюжетами, перекликающимися друг с другом, как бы ведущими внутренний диалог внутри развертывающейся евангельской истории.

После знакомства с трудом Бенуа законно предположить, что стихотворение «Бегство в Египет» (1955) представляет собой сложный экфрасис не одной картины, но всего Испанского просвета Эрмитажа. Экспозиция стихотворения представляет собой как раз тот самый сон, в котором жизненные впечатления страданий раскрываются как галерея последовательных образов, созерцаемых индивидуально и потом запоминаемых индивидуальным сознанием как некий единый образ, в котором можно ориентироваться:

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

В экспозиции речевой штамп «жена-ангел», возможно, указывает на ангелов на всех картинах Мурильо в просвете по правую руку от входа: «Непорочное зачатие», «Рождество» и «Видение Антония Падуансакого». Это подтверждается и дальнейшим сюжетом стихотворения: больной спит при включенной лампе, сначала в полубреду ворочается и смотрит по сторонам и считывает сюжеты, потом ослабевает и уже лежит и смотрит на лампу, поэтому видит и светлые видения с участием ангелов, так как глаза, вероятно, полузакрыты, но потом в изнеможении поворачивает голову, видит тьму, темные картины, и, наконец, от ужаса при виде распятия просыпается и видит перед собой жену-ангела. Именно такое движение взгляда только и возможно в Испанском просвете Эрмитажа: от стены с Рождеством на противоположную

стену с более темными картинами, где как раз «Отдых на пути в Египет» Мурильо того же живописца, висящим над ними, а дальше при возвращении к стене с ангелами взгляд, запомнив сюжеты из жизни Иакова, натывается на устрашающее «Распятие» Алонсо Кано, тем более мрачное, что это не искусственное освещение в живописи верных последователей Караваджо, а зарисовка фактичности, как тьма во время распятия наступила по всей земле. И в основном сюжете мы видим рассматривание стены, на которой «Отдых...» и повешенное над ним «Благословение Иакова»:

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Очевидно, что «тонкая капсула» указывает не на «Бегство в Египет», а именно на «Отдых на пути в Египет», где на картине пелены развернуты. Столь быстрый переход от «Бегства в Египет» к «Отдыху...» мог быть определен замечанием Бенуа: «горячий в тоне, бархатистый “Отдых св. Семейства” или нежное в красках, превосходно написанное “Бегство в Египет”» [1, с. 73]. Горячка и так мучает повествователя, а вот тонкая нежность и прибытие на отдых и запечатлевается в памяти, перед которой быстро проходят картины сна. Далее взгляд переходит вверх, потому что белый домик с верандой – это дом Исаака на верхней картине, раскрытый зрителю внутренностями комнаты, как будто действие происходит на веранде, так как собственно египетских сцен в испанских залах Эрмитажа нет. Белизна этого домика подчеркнута природным пейзажем, который Бенуа определяет как предгрозовую и который в стихотворении преломляется как страх уже миновавший, дом может защитить от грозы:

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

В следующей строфе мы опять видим указание на «Отдых на пути в Египет», где ослик пасется под деревом, а младенец лежит на песке. Но очевидна отсылка и к сюжету наверху напротив, сну Иакова, который спит прямо на земле, в лучах от явившихся ангелов в разноцветных одеждах, источающих несомненный блеск, напоминающий песок. Взаимное отражение двух историй Иакова вызывает в памяти идею отражения светил в воде, тем более что такое отражение определялось и сюжетом: видение Иаковом ангелов и борьба с ангелом и была его посвящением, сделавшим его равным всем ангелам, а видение Иаковом ангелов под кистью Мурильо объясняет, почему всё происходит «в неясном этом свете» и «в этом радужном огне»: ангелы в цветных одеждах и с цветными крыльями спускаются и поднимаются по лестнице.

Ослик пасся близ оливок,
Я резвился на песке.

Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Свирели сразу отсылают к пасторальному образу Рождества, который поддержан и несколько наивным повторением «этом», «этом», совершенно младенческий способ показывать на все вещи вокруг, с удивлением и восхищением чувств (как сказал Аристотель в начале «Метафизики», хотя некоторые интерпретаторы видят в этой фразе «любовь к чувствам» и только). Кроме того, из вдохновляющей своими условностями живописи оказывается важен еще один ангел Мурильо, на той же стене и высоте, что и «Благословение Иакова» – сюжет освобождения Петра из темницы, который и мог вызвать образ «трусобы». Что речь о живописных условностях подтверждается условностями видения ситуации в этом эпизоде: ясно, что младенец Иисус не должен был называть отца Иосифом, в младенчестве он считал его настоящим отцом, равно как знать, что такое Сфинкс, это всё речь знатока западноевропейской живописи, а не Иисуса, или отождествляющего себя с Иисусом лирического повествователя. Получается, что поэт возвращается к тому пониманию Мурильо как поэта трусобо, которое предложил Бенуа, и при этом понимает эти трусобы примерно как Бодлер, как указание на то, что Бог, а не человек является виновником нищеты и сопровождающих ее страданий человека. Борьба Иакова с ангелом как Богом могла также подвести к этому богоборчеству, которое в финале разрешается просто встречей с ангелом как единственным образом сентиментальной мягкости и смягчения нравов:

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой –

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трусобу
Тень распятого в горах, –

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

Слово «идея», явно выпадающее из наивного изложения ситуаций, конечно, указывает на живописную «идею» как замысел, который находит свое воплощение, так как наше бытовое употребление

слова «идея» оказывается ближе всего понятию «художественного замысла» как руководства к некоему завершеному действию. Таким образом, тема условности живописи, позволяющей ощутить свою судьбу и при этом аффективно пережить свое бытие как подлинное среди аффектов, пробужденных живописью, и тема условности всех наших замыслов о будущем здесь смыкаются, что приводит к развязке сначала в мире условностей, кошмар во сне, а потом и в жизненном мире, обретение семейного покоя как счастливая развязка. Такое движение лирического сюжета оправдано сложным экфрасисом, походом в Эрмитаж, который подсказал не только очевидные, но и неочевидные евангельские сюжеты (картины послужили расширением Евангелия, добавлением неизбежных в станковой живописи подробностей сюжетосложения), а также благодаря пособию Бенуа провел линию от нищеты как простоты формы через поэтичность как снабжение евангельских историй интимно важными подробностями к детской или вообще наивной растроганности как переживанию своей фактичности, как особой формы сознания. И мотивы доверия, богоборчества, переполненности чувства, хрупкости мира объясняются и сложным экфрасисом начиная с Бодлера, и содержанием важного для Заболоцкого экскурсионного пособия Бенуа.

Впечатления от Испанского просвета мы встречаем и в позднейшей поэзии. Так, стихотворение Виктора Кривулина «Сон Иакова» (1975) дает парный экфрасис двух эрмитажных картин Мурильо, причем они названы «темными», что соответствует упреку Бенуа, что картины Мурильо «чересчур потемневшие». Мотивы стихотворения, зеркальности событий, явления ангела Иакову как встречи Иакова с собой, напряженного ожидания, погружения в землю, «как плуг», и при этом быстрой смены событий, передвижения во тьме, когда сам человек, встретивший ангела или ангелов, становится светом в окружающей тьме, повторяются потом и в ряде стихов книги О. Седаковой «Дикий шиповник» (1976), в частности, в стихотворениях «Легенда шестая» («Когда гудит судьба большая...») и «Легенда десятая: Иаков», в которых тоже соотнесены три события: благословение Иакова, богоборчество Иакова и сон Иакова, причем многие мотивы явно относятся к описанию картин западноевропейской живописи, а не к размышлениям над текстом книги Бытия. Анализ этих поэтических решений выходит за пределы задач данной статьи, но важна устойчивость мотивов, для интерпретации которых нужно знать не только библейскую историю Иакова и традиции европейской живописи, но и особенности эрмитажной развески.

Таким образом, термин «сложный экфрасис» должен быть введен в теорию и историю литературы и применяться всякий раз, когда мы уверены, что перед нами не просто туристические впечатле-

ния, но определенная концепция мировой нищеты и страданий, на фоне уже не какого-то одного идеализируемого образа, но сложно соотносящихся, смотрящих друг на друга и симпатизирующих друг другу образов. При этом целью сложного экфрасиса оказывается работа с фактичностью сознания, а именно, сохранение единства самосознания перед вызовом нищеты и будущей собственной судьбы – оказывается лучше, вдохновляясь условностями картин, вернуться в детство, чтобы пережить будущую судьбу как еще только образ несчастья, пережить прежде всего аффект подлинности, а не обиду на судьбу. Маршрут между живописными образами санкционируется каким-то авторитетным текстом, и тогда только мы понимаем, почему переживания при встрече с искусством убедительны не только как мечта, но и как реальность, и смягчение нравов, возможно, реально.

Библиографический список

1. *Бенуа А.Н.* Путеводитель по картинной галерее императорского Эрмитажа. – СПб.: Издание общины св. Евгении, 1911. – 135 с.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
3. *Заболоцкий Н.* Стихотворения и поэмы. – М.; Л.: Советский писатель, 1965. – 502 с.
4. *Кекова С.В.* Поэтический мир Н. Заболоцкого // Кекова С.В., Измайлов Р.Р. Сохранившие

традицию: Н. Заболоцкий, А. Тарковский, И. Бродский: учеб. пособие. – Саратов: Лицей, 2003. – С. 3–51. – (По страницам литературной классики).

5. *Колотаев В.А.* и др. Логика визуальных репрезентаций в искусстве: от иконописного пространства и архитектуры к экранному образу: коллективная монография. – М.: РГГУ, 2019. – 376 с.

6. *Сурат И.З.* Мандельштам и Пушкин. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 384 с.

References

1. *Benua A.N.* Putevoditel' po kartinnoj galeree imperatorskogo Ermitazha. – SPb.: Izdanie obshchiny sv. Evgenii, 1911. – 135 s.

2. *Berdyayev N.A.* Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. – M.: Pravda, 1989. – 608 s.

3. *Zabolockij N.* Stihotvoreniya i poemu. – M.; L.: Sovetskij pisatel', 1965. – 502 s.

4. *Kekova S.V.* Poeticheskij mir N. Zabolockogo // *Kekova S.V., Izmajlov R.R.* Sohranivshie tradiciyu: N. Zabolockij, A. Tarkovskij, I. Brodskij: ucheb. posobie. – Saratov: Licej, 2003. – S. 3–51. – (Po stranicam literaturnoj klassiki).

5. *Kolotaev V.A.* i dr. Logika vizual'nyh reprezentacij v iskusstve: ot ikonopisnogo prostranstva i arhitektury k ekrannomu obrazu: kollektivnaya monografiya. – M.: RGGU, 2019. – 376 s.

6. *Surat I.Z.* Mandel'shtam i Pushkin. – M.: IMLI RAN, 2009. – 384 s.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД
В «ПОВЕСТИ О ПОБЕДАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА»

В статье анализируется легендарное предсказание о судьбе Филарета Никитича Романова, дважды включенное в текст «Повести о победах Московского государства». Суть его состоит в том, что патриарх Гермоген «на исходе» жизни тайно нарек патриархом всея Руси ростовского митрополита Филарета Никитича. Предсказание делится на две части: первая посвящена судьбе митрополита, вторая – деяниям польского короля Сигизмунда III. Заданные в предсказании мотивы получают развитие в последующем рассказе о русском посольстве к польскому королю и повторяются в повествовании об избрании на патриарший престол Филарета, завершающем повторный рассказ о легенде. Анализ необычной для цикла сочинений о Смуте литературной формы приводит к выводу о том, что в поздних сочинениях о Смуте появляются легендарные политические эпизоды, имеющие актуальное для 1620-х гг. идеологическое значение – «доказать законность» избрания.

Ключевые слова: «Повесть о победах Московского государства», митрополит Филарет, патриарх Гермоген, предсказание, литературная форма, мотив, политическая пропаганда.

«Повесть о победах Московского государства», сохранившаяся в единственном списке середины XVIII в. (ГПБ, Собрание М.П. Погодина, № 1501) [1, с. 96], была «написана в конце 1620-х или на рубеже 1620-х и 1630-х гг.» [2, с. 165]. Она сильно отличается от других произведений, входящих в цикл сочинений о Смутном времени, не только своим названием, но и хронологическими рамками (памятник охватывает период 1606–1625 гг., начинается «рассказом о подавлении восстания И.И. Болотникова», а заканчивается повествованием о принесении «в Москву дара шаха Аббаса в 1625 г.» [2, с. 165]. Г.П. Енин, открывший и опубликовавший «Повесть...», выделял в памятнике три вида источников: 1) «богатства собственной памяти автора» и «сведения, полученные от земляков» [1, с. 106]; 2) документальные материалы, в частности разрядные записи; 3) произведения древнерусской литературы [1, с. 106–107]. Как и многие другие памятники первой трети XVII в., «Повесть...» отличается «сложной сюжетно-композиционной структурой» [2, с. 165], в которой обнаруживаются различные стили: «неукрашенный» повествовательный, опирающийся на деловую письменность; стиль церковной книжности, нашедший проявление прежде всего в панегирических портретах идеализированных образов М.В. Скопина-Шуйского и Кузьмы Минина; стиль воинских повестей [1, с. 127], а также различные литературные формы, такие как «самостоятельные завершённые рассказы» (например, рассказ о приходе под Москву М.В. Скопина-Шуйского в 1610 г., рассказ о приходе под Москву Лжедмитрия II и др.) [1, с. 123], воинская повесть, плачи, сказание о даре и др.

Среди этих традиционных литературных форм несколько особняком стоят эпизоды, представляющие собой легендарные политические предсказания. Таковых в «Повести...» два: предсказание о будущем воцарении Михаила Романова и предсказание о будущей судьбе Филаре-

та. Последнее и будет предметом рассмотрения в данной статье.

Суть этого предсказания состоит в том, что патриарх Гермоген «на исходе» жизни тайно нарек патриархом всея Руси ростовского митрополита Филарета Никитича (в миру – Федора Никитича Романова): «Призвав же к себе святителя честна, праведна и свята, ростовскаго митрополита Филарета Никитича, и благославляет его по своему исходе на свой святителский престол, и тайно нарекает его, по отшествии своим, патриархом, и исповедает ему вся будущая, прозряше бо еще издалеча сий великий святителе и духом святым прозреша леть и лукавство полскаго короля Жигимонта и его королевских людей к православным христианом» [6, с. 24].

В этом пророческом предсказании обращают на себя внимание два момента. Во-первых, это предсказание касается судьбы Филарета. В нем содержится положительная характеристика будущего патриарха: «святителя честна, праведна и свята» [6, с. 24], – каждый элемент которой будет развит в дальнейшем. Практически сразу за легендарным предсказанием автор «Повести...» помещает рассказ о посольстве митрополита Филарета Никитича под Смоленск в 1610 г. к польскому «королю Жигимонту и к сыну его Владиславу» [6, с. 24], цель которого состояла в том, чтобы «просить королевича» на царство. Далее повествование строится на яркой антитезе: «Послы же просиша Владислава, сына его (польского короля. – О.Т.), на царство Московское» [6, с. 25], а митрополит Филарет «исповеда пред ним (польским королем. – О.Т.) православную христианскую веру и их латынство избличил хотяше крестити королевича против их крестнова целования и видети их безмерную веру и правду» [6, с. 24–25]. Действия и слова митрополита Филарета расходятся со словами других послов: они «просиша», а он «избличил». В ре-

зультате «полски король Жигимонт, от его святителския проповеди посрамлен бысть и не возможе противу богомудрых его словес отвещати...» [6, с. 24–25]. По сути, данный фрагмент иллюстрирует эпитеты, при помощи которых был охарактеризован митрополит Филарет в предсказании. По мнению Г.П. Енина, помещая легенду перед рассказом о посольстве к польскому королю, автор «подчеркивает таким образом значительность личности Филарета, которому он дает панегирическую характеристику» [1, с. 116].

Второй момент в предсказании связан с грядущими деяниями польского короля, его «лестью и лукавством». Он тоже находит продолжение в последующем рассказе о посольстве и его результатах (см. подробнее: [8, с. 587–600]. Польский король, разраженный тем, что был «посрамлен» «богомудрыми словесами» митрополита Филарета, «от многого своего срама ярости и дмения наполнился, и забыв свое крестное целование, и не даде крестити сына своего, и многую свою неправду яви Московскому государству против крестнаго целования: королевича не крестил и на царство его не дал, и против своего договору в правде не устоял, и многую лесь и злобу явил» [6, с. 25]. Более того, польский король, согласно тексту, «повеле суды... преизготовити» и отправил «вниз по Днепру», в Литву, сначала царя Василия Шуйского, а следом за ним и митрополита Филарета. То есть косвенным образом автор подчеркивает знакомый и по другим поздним сочинениям о Смуте мотив страдания за веру, правду и Московское государство, который является своеобразным знаком отличия «прямых» от «кривых». Завершая рассказ об отправке в плен митрополита, автор «Повести...» снова подчеркивает его праведность: «Он же, государь, яко чадолубивый отец, всех благословляше и прощаше, со слезами в вере утверждая их, дабы в вере христианстей непоколебимы были» [6, с. 25].

Величие митрополита подчеркивается в памяти и при помощи пространной титулатуры. Так, в «Повести...» автор постоянно пишет: «Пойде же велики господин и государь, преосвященный митрополит Филарет Никитич Ростовский...» [6, с. 24], «Пришед великий господин и государь к полскому королю...» [6, с. 24], «По сем же великаго господина, святителя Филарета Никитича, митрополита Ростовскаго, ведяше» [6, с. 25], «велики святитель» [6, с. 25]. Аналогичным образом в обрамляющих текст предсказания фрагментах именуется и патриарх Гермоген. Русские люди, узнав о том, что бояре хотят просить на царство королевича, отвечали, что спросят об этом «великаго господина святейшаго Иермогена, патриарха Московскаго всея России, он бо есть великий святитель праведен и свят...» [6, с. 23]. В рассказе о совете автор пишет: «Великому же господину святейшему патриарху... великий святитель...» [6, с. 24]. Само

предсказание начинается словами: «Святейший же патриарх Иермоген...» [6, с. 24]. С одной стороны, перед нами типичная титулатура священнослужителей, с другой – сходство упоминаемой титулатуры патриарха и митрополита в «Повести...» имеет, очевидно, вполне конкретную цель – «доказать правомерность и даже необходимость принятия Филаретом высшего духовного звания» [1, с. 116].

Любопытно, что автор «Повести...» приводит предсказание о судьбе Филарета дважды в тексте. Второй раз оно включается в повествование после рассказа об избрании на царство Михаила Федоровича Романова и возвращении из плена его отца – митрополита Филарета Никитича, который «приял патриаршеский престол» [6, с. 39]: «Он же, великий государь и святитель, не презрев многого моления освященного собора и всего христианскаго народа, вспомяная прежнее к нему благословение Иермогена, патриарха Московскаго и всея России. Он бо, великий господин, святейший Иермоген, патриарх, прежде отшествия своего к богу, великому государю, святителю Филарету Никитичу, патриаршеский престол дал, и, по отшествии своем к богу, его, государя, патриархом нарече, и на своем престоле быти благослови великому господину и государю, святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея России, издалеча бо прежде провиде и духом святым прорече великаго господина и государя, святейшаго Филарета Никитича, по себе на патриаршеский престол благослови» [6, с. 39–40].

Здесь полностью повторяются важнейшие элементы:

1) пространная одинаковая титулатура, с той лишь разницей, что она приводится многократно;

2) судьбу митрополита Филарета патриарх Гермоген «издалеча бо прежде провиде» [6, с. 39] (ср. в первом варианте: «прозряше бо еще издалеча» [6, с. 24]);

3) тайное действие происходит незадолго до смерти патриарха Гермогена: «прежде отшествия своего к богу» [6, с. 39] – «благославляет его по своем исходе» [6, с. 24];

4) патриарший престол передается добровольно: «патриаршеский престол дал, и, по отшествии своем к богу, его, государя, патриархом нарече, и на своем престоле быти благослови <...> по себе на патриаршеский престол благослови» [6, с. 39] – «тайно нарекает его, по отшествии своим, патриархом» [6, с. 24].

Последнее оказывается настолько значимым в представлении автора, что, завершив собственно рассказ о предсказании, он снова повторяет: «Великий же господин, государь, святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея России, по благословению великаго господина, святейшаго Иермогена, патриарха, и по избранию освященного собора и всего народа, восприя от бога дан-

ную ему паству, и сяде на патриаршеский престол в царствующем граде Москве того же году июля 24 дня, и нача пасти церковь божию со многим благочестием, утверждаючи православную христианскую веру и людей ко благочестию наставляючи и поучающе божественным писанием сияние» [6, с. 40]. Фрагмент сообщает о том, что предсказание сбылось, Филарет Никитич «сяде» на патриарший престол, но не по собственной воле, а потому, что его благословил на это патриарх Гермоген и он был избран «освященным» собором. Идея законности наследования престола, не только царского, но и патриаршего, является одной из главнейших как в публицистике Смутного времени 1598–1612 гг., так и в более поздних исторических сочинениях об этом периоде, созданных в 1613–1630/1632 гг.

Заданные в первом рассказе о предсказании важнейшие мотивы повторяются и здесь. Прежде всего, это мотив праведности Филарета Никитича, его безупречного с точки зрения служения православной вере поведения. Как и в первый раз, автор после текста предсказания подчеркивает стремление вновь избранного патриарха обличать ересь и «утверждать» в православной вере паству: «Сей бо велики господин и государь, святейший Филарет Никитич, патриарх Московский и всея России, пребыв в Полше во многом утеснении, много равно апостолом уподобяся, и, яко столп непоколебимый, исповедуя православную христианскую веру, и у иноверных многия неподобныя их веры провидев, и злую ересь их изобличи, и на обличение ересь их книги устроив, и обличаючи их козни, и твердо подъятверждаючи православную христианскую веру, и от соборныя и апостольския церкви всяку ересь отгоняючи, яко добр воин Христов, восприя пастыря добраго Христова стада словесных овец» [6, с. 40]. (Ср. в первом рассказе: «Он же, государь, яко чадолюбивый отец, всех благословляше и прощаше, со слезами в вере утвержая их, дабы в вере христианстей непоколебимы были» [6, с. 25]).

Звучит здесь и мотив страдания за веру, правду и Московское государство: «пребыв в Полше во многом утеснении, много равно апостолом уподобяся» [6, с. 40].

Любопытно, что в этом смысле «Повесть...» близка «Рукописи Филарета» – памятнику, дошедшему до нас тоже в единственном списке (ЦГАДА, Древлехранилище, Ф. 135, отд. V, руб. 11, ед. хр. 23), созданному в середине 1620-х гг., охватывающему период «от начала правления Василия Шуйского до воцарения Михаила Федоровича» [3, с. 318] и носящему официальный характер. В частности, в этом произведении, в рассказах об избрании на царство, подчеркивается, что избранный должен был пострадать за народ. Так, согласно тексту, Василий Иванович Шуйский сам «до смерти мало не пострадал отъ плотояднаго того медвѣдя (имеет-

ся в виду Лжедмитрий I. – *О.Т.*), и за избавление Російскаго народа живота своего не пощаждѣ...» [7, с. 3]. В рассказе об избрании Михаила Романова тоже звучит мотив страдания, но не самого молодого царя, а его отца, Федора Никитича Романова, который «много пострадал отъ царя Бориса и заточень бысть, тамо жъ и облечень во мнишескій образъ» [7, с. 67–68].

Очевидно, в середине 1620-х гг. начинает складываться новый взгляд на события Смуты, поразившей русское общество явлением самозванчества. А.М. Панченко, рассматривавший специфику русской культуры в канун петровских реформ, отмечал, что «в отличие от Западной Европы русские источники до начала XVII в. не знают ни одного самозванца, хотя в историческом бытии ситуации, “предрасполагавшие” к самозванству, возникали многократно» [5, с. 95]. В начале XVII столетия появляются, согласно классификации ученого, два типа самозванцев: «тип нарушителя канонов» [5, с. 96], каковым был, например, Лжедмитрий I, который «демонстративно нарушал царский и православный этикет, т. е. вел себя как реформатор» [5, с. 96], и «тип народного, точнее крестьянского “царя-багюшки”», сценарий поведения которого определяется «легендой о “возвращающемся избавителе”» и «русской концепцией “истинного царя”» [5, с. 98]. В памятниках, посвященных Смутному времени, обнаруживается своя «система общих мест», «типичных объяснений и мотивов», к каковым, например, относится «утверждение роковой вины Бориса Годунова» или «инфернальные мотивы» в характеристике Лжедмитрия I [4, с. 579–586]. «К объяснению династической катастрофы конца XVI в., – по мнению А.В. Каравашкина, – была привлечена традиционная конвенциональная модель, известная древнерусской книжности еще со времен формирования комплекса текстов о князьях-страстотепцах Борисе и Глебе...» [4, с. 581]. Возвращение же к «нормальному» течению событий предполагало соблюдение законов, в том числе и соблюдение принципов законного наследования престола, и царского, и патриаршего.

В этой связи, на наш взгляд, становится понятно, почему именно в поздних сочинениях о Смуте появляются легендарные политические эпизоды, имеющие важное идеологическое значение – «доказать законность» [1, с. 116] избрания Михаила Романова царем, а Филарета Никитича – патриархом. Легендарное обоснование передачи власти (царской, патриаршей), личные заслуги (страдание за народ и Московское государство, достойное поведение, служение православной вере и др.) восстанавливают принцип законности, нарушенный в эпоху Смутного времени. И лучшую литературную форму для создания новой, политически маркированной идеологии обоснования законности власти молодого царя и патриарха трудно, на-

верное, было придумать. Нельзя сказать, что эта форма встречается во многих памятниках Смуты. Нам удалось обнаружить ее черты только в трех текстах: «Повести о победах Московского государства», Хронографе второй редакции и в псковской повести «О царском избрании на Московское государство», в двух последних приводится только легенда об избрании Михаила Романова. Но сама тенденция использовать в целях политической пропаганды форму легендарного предсказания свидетельствует о своего рода литературном поиске новых методов и средств воздействия на читателя. Добиваясь определенного общественного эмоционального резонанса, безоговорочной веры в законность власти патриарха и молодого царя во имя порядка в стране, книжники апеллировали к древнейшим приемам «предсказания судьбы человека с целью объяснить события божественной предопределенностью» [1, с. 116], но облакали их в новую литературную форму, обладающую рядом формальных признаков, важнейшими среди которых в легенде о Филарете Никитиче становятся мотивы законной передачи патриаршего престола, страдания и личные качества (праведность и твердая православная вера).

Библиографический список

1. Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государства – новонайденный памятник древнерусской литературы // Повесть о победах Московского государства. – Л.: Наука, 1982. – С. 73–134.
2. Енин Г.П. Повесть о победах Московского государства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – Вып. 3 (XVII в.), Часть 3: П–С. – С. 165–167.
3. Зиборов В.К. Рукопись Филарета // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – Вып. 3 (XVII в.), Часть 3: П–С. – С. 318–320.
4. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). Изд-е 2-е, доп. – М.;

СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 720 с.

5. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. – СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2008. – 544 с.
6. Повесть о победах Московского государства. – Л.: Наука, 1982. – 164 с.
7. Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси. – М.: В тип. Лазаревых Ин-та восточных языков, 1837. – [2], X, 79 с., 6 л. ил.
8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – Книга IV (Т. 7–8). – 778 с.

References

1. Enin G.P. «Povest' o pobedah Moskovskogo gosudarstva – novonajdennyj pamyatnik drevnerusskoj literatury // Povest' o pobedah Moskovskogo gosudarstva. – L.: Nauka, 1982. – S. 73–134.
2. Enin G.P. Povest' o pobedah Moskovskogo gosudarstva // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1998. – Vyp. 3 (XVII v.), CHast' 3: P–S. – S. 165–167.
3. Ziborov V.K. Rukopis' Filareta // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1998. – Vyp. 3 (XVII v.), CHast' 3: P–S. – S. 318–320.
4. Karavashkin A.V. Literaturnyj obyčaj Drevnej Rusi (XI–XVII vv.). Izd-e 2-e, dop. – M.; SPb: Centr gumanitarnyh initsiativ, 2018. – 720 s.
5. Panchenko A.M. YA emigriroval v Drevnyuyu Rus'. Rossiya: istoriya i kul'tura. Raboty raznyh let. – SPb.: ZAO «ZHurnal “Zvezda”», 2008. – 544 s.
6. Povest' o pobedah Moskovskogo gosudarstva. – L.: Nauka, 1982. – 164 s.
7. Rukopis' Filareta, patriarha Moskovskogo i vseya Rusi. – M.: V tip. Lazarevyh In-ta vostochnyh yazykov, 1837. – [2], X, 79 s., 6 l. il.
8. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen: v 15 kn. – M.: Izd-vo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1960. – Kniga IV (T. 7–8). – 778 s.

Новиков Михаил Васильевичдоктор исторических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
m.novikov@yspu.org**Перфилова Татьяна Борисовна**доктор исторических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
m.novikov@yspu.org**МАСКУЛИННОСТЬ И ЖЕНСТВЕННОСТЬ ГЕРОЕВ НАРОДНОГО ЭПОСА
В ТРАКТОВКЕ Ф.И. БУСЛАЕВА**

Работа выполнена по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ,
проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматривается проблема интерпретации Ф.И. Буслаевым антропологических художественных образов, представленных в памятниках народной словесности. Прослеживая истоки зарождения эстетических идей в древнейших формах языка, Ф.И. Буслаев сделал попытку объяснить развитие художественных воззрений народов древности. Он связал этот длительный процесс с влиянием и взаимодействием многих факторов: эволюцией религиозно-мифологических представлений и эпического творчества; упорядочением брачно-семейных отношений; более рациональным распределением в быту поло-ролевых функций; формированием идеи гендерной идентичности; зарождением нравственных императивов. Мифология и фольклор предоставили ему возможность осветить изменения женских образов (от мужеподобных богатырок до обладательниц классического идеала красоты), объяснив их эстетизацию изменением представлений о критериях женской сущности и «канонах» женской привлекательности. Ф.И. Буслаев пришел к выводу, позже подтвержденному В.Я. Проппом и А.Я. Гуревичем: показатели внешней привлекательности как женщин, так и мужчин были неотделимы от этических оценок общества, учитывающих нравственное благородство, достойный образ жизни мифических и эпических персонажей.

Ключевые слова: мифологическое сознание, обожествление природных объектов, сверхъестественная природа богатырей, мужеподобие былинных героинь, процесс эстетизации образов, гендерная идентичность, критерии женской красоты, совпадение эстетического и этического.

Ф.И. Буслаев – провозвестник теории «языкового мировидения», связывал образование первых художественных образов с генезисом слово- и мифотворчества. Заложив в основу этой теории идею диффузности мифологического сознания, он не только подчеркивал нерасчлененность этих процессов, но и пытался объяснить появление всех форм художественного освоения действительности экспликациями неотдифференцированных в «первобытном мышлении» психо-эмоциональных и вербальных реакций [12, с. 200; 13, с. 296]. С этих позиций он подходил и к осмыслению созданных в народной словесности образов людей. По его мнению, синхронность появления вербальных и художественных образов-символов особенно заметна при олицетворении и антропоморфизации мифологическим сознанием природных объектов, поэтому народный эпос воспекает «мифические и героические личности Дуная, Дона, Днепра» и других рек [6, с. 27]. Представляя их в виде богатырей старшей эпохи, писал Ф.И. Буслаев, славяне с легкостью придавали рекам «личную индивидуальность»: наделяли «безразличное представление» о реке или «воде вообще» отличительными признаками известного героя или героини [6, с. 29].

Обратившись к древнерусскому преданию о богатыре Доне и его «вещей супруге Непре Королевичне, то есть Днепре», Ф.И. Буслаев рассмотрел процедуры сближения одушевленных водных источников с человеческой личностью. Непра отли-

чалась воинственным характером, к тому же она метко стреляла из лука. Имея неосторожность во всеуслышание заявить о своем превосходстве над супругом в искусстве стрельбы, она подписала себе смертный приговор. Дон «с досады» убил свою жену, но затем, найдя в ее утробе «чудесного сына», решил покончить и с собой [6, с. 30]. Кровь супругов дала начало рекам Дон и Днепр.

В этом сказании, возникшем «в первобытные времена», когда чествование «стихийных божеств» трансформировалось в прославление героев [6, с. 29-47], нас должен привлечь тот факт, что образы богатыря и его не менее богатырской супруги складываются не из описания их внешности и прославления личных качеств. «Сверхъестественная природа» богатырей обоего пола проявлялась в их нечеловеческих возможностях: непревзойденной физической силе и непобедимости в состязаниях владения оружием. Эти качества, выделявшие Дона и Днепру «из среды обыкновенных смертных», были даны им «космогоническим учением о происхождении мира» и «той средой, в которой (они. – М. Н., Т. П.) действовали» [6, с. 44-47]. Следовательно, это были мифические персонажи, впитавшие в себя мощь обожествленных природных объектов, особо чтившихся в местах проживания доисторических народов.

Ф.И. Буслаев придавал особое значение и другому примечательному факту. На ранней ступени существования народов, когда слагались космо-

нические мифы об «установлении порядка и гармонии между землей и водой», а «стихийные великаны» превращались в горы и реки [6, с. 47–52], «буйной силой», исходившей от высших, «неведомых сил» [6, с. 51], были одарены не только мужчины.

Уже из приведенного сказания о Доне и Днепре следует, что женщины по своим физическим данным и атлетическим способностям ничем не отличались от представителей сильного пола. Более того, некоторые богатырские женщины могли превосходить мужчин и по физическим параметрам, и по мощи, и по мастерству владения боевыми искусствами.

В качестве иллюстрации этого тезиса автор «Русского богатырского эпоса» приводит пример «идеальной героинь» национального фольклора, двух дочерей «вещего пахаря» Микулы Селяниновича, Василису и Настасью.

Предание связывает «хозяина оседлой собственности» Микулу с лицами «древнейшей титанической эпохи»: Святогором и Волхом (Вольгой), что дает основание Ф.И. Буслаеву отнести Микулу Селяниновича и членов его семьи к группе «героев мифических», основные «очертания» которых сложились в «древнейшую пору зарождения самих мифов» [6, с. 69, 72].

«Сверхъестественные дочери» этого пахаря отличались незаурядными внешними данными, которые вполне соответствовали их «чудодейственной, полубожественной силе» [6, с. 77, 81].

Василиса Микулишна, по прозвищу Грозная, могла прострелить из лука дуб, росший за целую версту, причем ее лук был так увесист, что его не могли «стащить с места» аж десять мужчин. «Храбрая и могущественная», она изумляла всех своей великой силой, «с которой не могли соперничать даже богатыри» [6, с. 82, 83].

Настасья Микулишна тоже была «полицей... то есть воинственной девой». Она в еще большей степени, чем ее сестрица, напоминала исполина – «титаническое существо», так как даже смертельные удары по голове, наносившиеся этой богатырке палицей Добрыни Никитича, воспринимались ею как комариные укусы. Избавляясь от нежелательного и назойливого преследования Добрыни, она посадила его в свой карман и возила с собой до тех пор, пока ее конь не взмолился об избавлении от невыносимой ноши. Привлекательная наружность, «золотые кудри» и молодость богатыря, тем не менее, приглянулись Настасье, и она вышла за него замуж [6, с. 86, 87].

В этих сюжетах вновь приковывают внимание мужеподобие былинных героинь, их воинственный непримиримый дух, грозный и конфликтный характер, пренебрежительное отношение к молодецкой удали и достоинству лучших представителей мужского рода.

Женщины хвастливо, напоказ демонстрируют свою физическую мощь, радуются явным превосходством над мужчинами в воинственности и боевой подготовленности. «Они грозны, величавы и всемогущи, как сильнейшие из богатырей», – замечал Ф.И. Буслаев [6, с. 91]. Следовательно, «женские типы древнейшего народного эпоса» проявляли свою гендерную принадлежность через трансляцию тех качеств, которые мы сейчас связываем с мужской идентичностью. Во внешнем облике, повадках, образе жизни женщина уподоблялась мужчине и для него была образцом мужественности, мощности, твердости, несокрушимости.

Эти женские качества выдавали в эпических героинях «существа стихийные» [6, с. 78, 79], действительно напоминавшие безжалостные природные стихии и генетически тесно связанные с неистовством, непредсказуемостью, разрушительной энергией грозных сил природы.

Видимо, прошло немало лет до того момента, когда началось изменение самооценки женщин и мужчин, зародились более совершенные, в нашем понимании, представления о гендерной идентичности, оформились новые критерии женской сущности и категории женской привлекательности.

Ф.И. Буслаев не рассматривал в деталях процесс эстетизации образов эпических героинь, видимо, потому, что привычный ему прием: объяснение трансформаций сюжетно-образных линий мифотворчества изменениями в сферах материального и общественного быта – в этом случае был непродуктивным. Однако трудно не согласиться с ним в том, что возникновение в мужском сообществе нового, не имевшего прежде аналога отношения к женщине, в частности обнаружение в ней несвойственных мужчинам качеств и признание их значимости, нужно связывать с более цивилизованным образом жизни архаических народов, упорядочением брачно-семейных отношений и более рациональным распределением поло-ролевых функций [9, с. 296].

Указанием на длительность, растянутость во времени названных изменений может служить вывод Ф.И. Буслаева о том, что народное творчество всегда «сохраняет память о богинях и полубогинях эпохи мифической», поэтому переносит их «сверхъестественные, вещие и светлые» качества на героинь национального эпоса. Даже придав им акценты женоподобия и внешней привлекательности, народная поэзия по-прежнему подчеркивает связь лучших женских образов с потусторонними силами.

Не случайно поэтому, отмечал Ф.И. Буслаев, у сербов возникло сравнение «девицы» с Вилами – духами природы в облике очаровательных девушек с длинными распущенными волосами, легкой, стремительной походкой; они обладали даром предвидения и тайной врачевания. Похвала:

«прекрасна, как Вила» – была самым желанным комплиментом молодой женщине.

«Стихийное происхождение» Вил, связанных со светом и водой, наглядно демонстрирует одна сербская песня, в которой муж, влюбленный в свою красавицу-жену, называет ее прекрасней «белой Вилы». Обидные для «вещей девы» слова заставили ее поведать о своем происхождении и заодно подчеркнуть неуязвимость красоты Вил, такой же вечной, как и у породившей их природы: «Не велика твоя хвала, молодец, что твоя любезная лучше меня, Вилы от горы. Ее мать породила, в шелковый повой повила, материнским своим молоком вскормила. А меня... сама гора породила, в зеленое листье повила; утренняя роса падала – меня, Вилу, вскормила; ветерок о горы повивал – меня, Вилу, убаюкивал» [5, с. 231].

Естественная, природная красота Вил, дарованная им великаншами – горами, составляла предмет их гордости и неусыпной заботы, но эта красота могла быть «одолжена» и девушкам, сильнее мужчин ощущавших свою связь с земным плодородием и репродуктивными функциями Богини-Матери. Упоминание горы в качестве прародительницы Вил содержало, по мнению Ф.И. Буслаева, намек на их тесную связь с богиней земли. Приведя в качестве доказательства перевод с санскритского слова «гора», что означает «поддерживающая или держащая землю», он трактует горы как «пьедестал для какого-нибудь мифического существа, и именно для богини земли или матери-сырой земли» [6, с. 43]. В то же время монополия Вил на престижный облик тщательно ими охранялась и любое соперничество с ними могло иметь трагическую развязку.

Об этом рассказывает одна хорватская сказка. На пир, организованный по случаю рождения девочки знатного происхождения, были приглашены Вилы с золотыми волосами до земли, в золотых нарядах, подпоясанных серебряными поясами. Каждая Вила одаривала новорожденную бесценными сокровищами. Свой дар малышке преподнесла и Злая Вила. Это была шкатулка с надписью: «Ты будешь прекрасна, но погибнешь».

Когда девушка выросла, она действительно затмила своей прелестью Вил, но это лишь ускорило ее злую участь. Ненавидевшая ее Колдунья при помощи удара кнута превратила девушку и все ее окружение в камни. Долгий период существования красавицы в немом камне завершился только с приездом принца, который вернул ей прежний облик и отомстил Злой Виле [8, с. 344].

Приведенные Ф.И. Буслаевым примеры народной поэзии свидетельствуют о том, что красота для земных женщин была редкостью, поэтому она и воспринималась как дар от сверхъестественных существ.

Красота могла быть предметом женской зависти и мужского вождения. Заполучить жену-

красавицу мечтали русские богатыри: Святогор и Илья Муромец [6, с. 75, 89]. Мужчинам более высокого статуса, как, например, киевскому князю Владимиру, требовалась не только привлекательная невеста, но и разумная жена, поэтому он просил находившихся у него на службе богатырей подыскать ему невесту, «чтоб лицом была красна и умом сверстна» [6, с. 83].

Ф.И. Буслаев отметил, что и в древнерусской народной поэзии, и в немецком эпосе «характеристические описания внешней красоты, и особенно женской», неотделимы от этических оценок. Красота воспринималась как внешний атрибут нравственного благородства, как показатель достойного образа жизни [14, с. 258, 277]. «В доисторических верованиях и языке», писал он, выдающиеся внешние данные отождествлялись с умственным и нравственным совершенством: «Красота по эстетическим понятиям той эпохи есть необходимое условие нравственных совершенств... внешнее безобразие – необходимый спутник порока, безобразие нравственного» [8, с. 350, 351].

К аналогичному выводу о зависимости привлекательного внешнего вида женщин и их добродетельного поведения пришел и известный отечественный ученый XX в. В.Я. Пропп. На материалах сказок народов мира ему удалось доказать, что «примитивный канон женской красоты» был выработан только в сказках «Тысячи и одной ночи». Что касается русских сказок, то в них даже царевны неотличимы по внешним признакам от других представительниц прекрасного пола. Их качества раскрываются в поступках, поэтому и изучать женские образы следует «не по внешним признакам, а по... действиям», заявлял исследователь. В отношении личных качеств героя В.Я. Пропп рекомендовал учитывать его «мифологическую природу», которая обуславливала и красоту, и ум, и отличительную силу сказочных и эпических персонажей [14, с. 258, 277].

Кроме того, поскольку господствовало убеждение о наследственности красоты и моральных признаков [11, с. 174], постольку и внешняя привлекательность мифопоэтических персонажей могла указывать на их родовитость, знаменитое (знатное) происхождение.

Отметив «скудость» народной поэзии на красноречивое описание внешних данных мифологических персонажей и героев, Ф.И. Буслаев все же не обошел вниманием тему красоты людей по меркам древности, выделив наиболее примечательные признаки женского и мужского притяжения.

По его наблюдениям, главный атрибут женского великолепия, известный по эстетическим воззрениям индоевропейцев в стародавние времена, – это русая коса [8, с. 351]. Длинные густые здоровые волосы считались «знаком благородства и девственности» [2, с. 262].

Незамужним девушкам не запрещалось привлекать к себе взгляды суженых, заманивая их в свои сети распущенными волосами; невестам полагалось скромно заплетать волосы в косы; от замужних требовали покрывать убранный голову полотном.

«При описании прекрасной женщины, – сообщил Ф.И. Буслаев, – скандинавский поэт никогда не забудет похвалить ее русую косу. Крака была прекраснейшая из девиц, и шелковистые косы ее спускались до земли. Галльгерда, дочь Гескульда, могла вся закутаться в свои длинные косы. Скандинавский герой заочно влюблялся в красавицу, взглянув только на волосок из косы ее» [2, с. 262].

С красотой косы соединялось и верование в ее «чудотворную силу», поэтому поиски «чудесного волоса», например «червеного как кровь», составляли сюжет многих южнославянских сказок: в таких диковинных волосах будто бы скрывалась информация о множестве «знатных дел, которые совершались в старые времена до начала света» [8, с. 352].

Волосы могли восприниматься также как место сохранения магических сил девушки [7, с. 116] или обитель души [14, с. 26], поэтому потеря волос означала не просто утрату привлекательности, но и лишение «чудесного» оберега, магии волшебства. Об этом, к примеру, знал скандинавский «злодей Локи» [3, с. 164]. Когда он «коварным обманом» обрезал роскошные косы супруги Тора Зифы, то привел в ярость этого германо-скандинавского бога грома, предводителя ванов и покровителя земледелия. Боясь мести Тора, Локи «озаботился сделать ей (Зифе. – М. Н. Т. П.) новые волосы, заказав их *выковать из золота* подземным карлика-ковачам. Известно, что эти золотые косы Зифы – не что иное, как золотистые нивы, плодородие которых зависит, таким образом, от божественной силы Торовой супруги» [7, с. 76].

В русской сказке о богатыре Святогоре два тонких волоска, выкованные кузнецом, содержали «вещие указания» о его предстоящей женитьбе. Святогор нашел свою суженую спящей и «всю в гноище». Он ударил ее мечом по груди и с отворачиванием уехал восвояси. Как ни странно, но именно этот удар позволил девушке исцелиться от недуга. Она стала красавицей, на которой Святогор вскоре женился [7, с. 75].

Женщины, обладавшие жертвенным началом, могли расстаться с главным показателем их здоровья и благородства – волосами, если на это были веские причины. Так, Евросима из сербской песни «Женитьба краля Вукашина» лишилась кос, помогая своему любимому брату, герою Момчилу. Его предала супруга, лишив «волшебных помощников»: крылатого коня и сабли с очами. Оказавшись в засаде, Момчил попросил у сестры помощи, но она сама была привязана за косы к столбу. Желая

спасти обреченного на смерть брата, Евросима «взмахнула головой и всем станом, вырвала из головы удерживавшие ее собственные косы, оставила их на столбе и, схватив кусок полотна, спустила брату через стену». Момчилу не удалось взобраться по этому полотну на крепостную стену: он был убит Вукашином. Жертва Евросимы оказалась напрасной [3, с. 122-126].

Многочисленные упоминания женских волос в произведениях народной словесности дают основания признать длинные густые косы главным достоянием женщин, основным признаком женской привлекательности, самым важным показателем гендерной идентичности. Представления о силе и магии волос начали формироваться по мере укрепления в народном сознании воззрений о поло-ролевых различиях в хозяйственной и семейной сферах мужчин и женщин.

Однако, коль скоро прежние женские образы, скопированные со «стихийных богинь» земли, воздуха, воды [3, с. 141], оставались живучими, внешняя красота мужчин могла дублировать женскую.

Например, сообщил Ф.И. Буслаев, мужскую красоту тоже долгое время изображали в виде длинных, в том числе и кудрявых, волос, хотя кудри «казались женственным качеством». Густая пышная шевелюра у мужчины – это всегда «признак высшего, полубожественного происхождения», утверждал он. Данное «нравственно-религиозное убеждение» было настолько сильным, что герой, приговоренный к смерти, жалел не только о неминуемой безвременной смерти, но и о том, что потеряет буйную голову с окровавленными молодецкими кудрями [8, с. 351].

Европейские народы, утверждал ученый, «испокон веку видели в длинных волосах, ниспадающих на плечи, и в осанистой бороде красоту и величие мужского типа, царственный идеал которого греческая скульптура создала в Зевсе» [6, с. 141]. Он противопоставляет классическому искусству, нацеленному на выражение «высокого идеала красоты... молодой и вечно свежей», христианское искусство, в частности русские иконописные подлинники, которые проповедовали «высокую нравственную идею господства духа над плотью». Христианские художники, руководствуясь «церковными преданиями», научились изображать старческое тело, главным украшением которого являлась борода – «знак большей зрелости и духовного совершенства». Ф.И. Буслаев утверждал, что в свете новой христианской эстетики «само разрушение и безобразие старости уже не могли оскорбить зрения, когда верующий взгляд усматривал в жалких развалинах внешней формы утешительный свет нестареющего духовного мира» [1, с. 216-237].

Почетными прозвищами многих аристократических европейских семей были «волосатые, косматые и кудрявые (criniti, capiblati, comati)». Так, к примеру,

называли франков, отличавшихся «этой приметой» от прочих галлов. «Фризы совершали обряд клятвы, касаясь своих кудрей. Остричь кому волосы, – уверенно заявлял ученый, – значило унижить, опозорить, осмеять, отдать в рабство» [6, с. 141].

Ф.И. Буслаев отдавал себе отчет в том, что каноны красоты начинают разрабатываться в эпоху «выхода из доисторического темного эпоса на новое поприще гражданственности» [3, с. 143], поэтому и создание «классического идеала красоты» он соотносил с достижением «цветущей эпохи» в жизни древнегреческой цивилизации [1, с. 216, 217]. Вместе с тем он, руководствуясь идеей совершенствования архаических и древних обществ, не сомневался в том, что истоки развитых эстетических идей и форм были воспитаны эпической традицией, ведущей свое начало от древнейших форм языка. Следовательно, чтобы понять, почему, к примеру, пластический образ Зевса получил богатую растительность на голове и лице, Ф.И. Буслаев исследовал слово «коса» в сравнительно-лингвистическом ключе: «Санскритское *keṣa* – *soṃa*, *caesaries*: отсюда *keṣara* – грива льва... *keṣarin* – гривистый, то есть лев». Для того чтобы подчеркнуть царственный статус Зевса в сонме олимпийских богов, ему следовало придать пышную «гриву» – атрибут царя зверей льва [5, с. 234], подытожил он свои рассуждения.

Эстетические воззрения народов древности питались не только словотворчеством, но и их верованиями. Например, «народный тип северной красоты», известный по произведениям французской, немецкой и русской народной поэзии, в парадигму женской красоты возвел круглолицость, тонкие, черные, выведенные дугой брови, лебединый шею. Созданный по этому своеобразному трафарету образ северной красавицы значительно отклонялся от античного, зато в полной мере удовлетворял религиозному сознанию «культурно отсталых» народов [8, с. 352].

Свою роль в формировании представлений о внешней привлекательности мужчин и женщин сыграли мифы, которые бессознательно впитывались людьми, принадлежавшими к определенной «национальной культуре», заявлял Ф.И. Буслаев. Так, «естественное условие красоты бровей – разделение их заметным промежутком – противопоставляется мифическому убеждению, что человек со сросшимися густыми бровями одарен необычайной силой: будто бы вылетает из его бровей в виде бабочки какое-то демоническое существо и садится во сне на грудь тому, на кого он его высылает» [8, с. 352, 353; 10, с. 10].

Красота маленькой ножки – еще один признак привлекательной женщины – также согласуется, по представлениям Ф.И. Буслаева, со «строгими мифологическими началами»: высокий подъем, или «вогнутость», стопы нужны были будто бы для

того, чтобы спрятать под ступней чудодейственную «птичку-чижика».

Уподобление статной женщины лебедушке, сравнение ее плавной величавой походки с движением павы также, по комментариям ученого, имеют связь с воззрениями, сформированными народной поэзией: фантастической возможностью женщин, как и «вещих дев», превращаться в этих завораживающих глаз птиц [8, с. 353].

Последние примеры особенно отчетливо показывают, что каноны женской красоты, а следовательно, и эстетические вкусы народов древности, претерпевали изменения. Если в женских образах мужеподобие и богатырское начало постепенно сменились подчеркнутым выражением женственности, то в мужских все очевиднее становилась корреляция между внешней привлекательностью и душевным благородством, физической красотой и силой духа [4, с. 172].

Библиографический список

1. *Буслаев Ф.И.* Древнерусская борода // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 216–237.
2. *Буслаев Ф. И.* Древнесеверная жизнь // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 257–268.
3. *Буслаев Ф. И.* Лекции Ф.И. Буслаева Е. И. В. наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 г.) // Старина и Новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М.: Синодальная типография, 1904. – Кн. 8. – С. 97–375.
4. *Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. – М.: В университетской типографии, 1848. – 211 с.
5. *Буслаев Ф.И.* О сродстве славянских Вил, Русалок и Полудниц с немецкими Эльфами и Валькириями // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 231–241.
6. *Буслаев Ф.И.* Русский богатырский эпос // Буслаев Ф.И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб., 1887. – С. 1–215.
7. *Буслаев Ф.И.* Русский быт и пословицы // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 78–136.
8. *Буслаев Ф.И.* Славянские сказки // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной

словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 308-354.

9. Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – 1873. – № 1 (январь). – Т. 103. – С. 293-329.

10. Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 1-77.

11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

12. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Генезис мифа в аспекте языкового мировидения: научное мнение Ф.И. Буслаева // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 199-205.

13. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Методологические подходы Ф.И. Буслаева к изучению мифологического сознания // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 291-302.

14. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., коммент. И.В. Пешкова. – 4-е изд. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.

References

1. Buslaev F.I. Drevnerusskaya boroda // Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 2. Drevnerusskaya narodnaya literatura i iskusstvo. – SPb.: V tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1861. – S. 216–237.

2. Buslaev F. I. Drevnesevernaya zhizn' // Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaya narodnaya poeziya. – SPb. : V tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1861. – S. 257–268.

3. Buslaev F. I. Lekcii F.I. Buslaeva E. I. V. nasledniku Cesarevichu Nikolayu Aleksandrovichu (1859 1860 g.) // Starina i Novizna: istoricheskij sbornik, izdavaemyj pri obshchestve revnitelej russkogo istoricheskogo prosveshcheniya v pamyat' imperatora Aleksandra III. – М.: Sinodal'naya tipografiya, 1904. – Kn. 8. – S. 97–375.

4. Buslaev F.I. O vliyanii hristianstva na slavyanskij yazyk. Opyt istorii yazyka po Ostromirovu evangeliyu. – М.: V universitetskoj tipografii, 1848. – 211 s.

5. Buslaev F.I. O srodstve slavyanskij Vil, Rusalok i Poludnic s nemeckimi El'fami i Val'kiryami // Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaya narodnaya poeziya. – SPb.: V tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1861. – S. 231–241.

6. Buslaev F.I. Russkij bogatyrskij epos // Buslaev F.I. Narodnaya poeziya. Istoricheskie ocherki. – SPb., 1887. – S. 1–215.

7. Buslaev F.I. Russkij byt i posloviy // Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaya narodnaya poeziya. – SPb. : V tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1861. – S. 78–136.

8. Buslaev F.I. Slavyanskije skazki // Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaya narodnaya poeziya. – SPb. : V tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1861. – S. 308–354.

9. Buslaev F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – 1873. – № 1 (yanvar'). – Т. 103. – S. 293 –329.

10. Buslaev F. I. Epicheskaya poeziya // Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaya narodnaya poeziya. – SPb. : V tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1861. – S. 1 77.

11. Gurevich A.YA. Kategorii srednevekovoj kul'tury. – 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Iskustvo, 1984. – 350 s.

12. Novikov M.V., Perfilova T.B. Genезis mifa v aspekte yazykovogo mirovideniya: nauchnoe mnenie F.I. Buslaeva // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 2. – S. 199 205.

13. Novikov M.V., Perfilova T.B. Metodologicheskie podhody F.I. Buslaeva k izucheniyu mifologicheskogo soznaniya // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 291 302.

14. Propp V.YA. Istoricheskie korni volshebnoj skazki / nauch. red., komment. I.V. Peshkova. – 4-e izd. – М.: Labirint, 2000. – 336 s.

**«ЕЩЕ РАЗ» ЛИШНИЕ ЛЮДИ: ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО ТИПА К КОНЦЕПТУ
(историко-функциональный аспект)
Статья вторая**

Статья продолжает анализ типа «лишнего человека» в литературной критике и публицистике середины – второй половины XIX века. В центре внимания автора – полемика Н.А. Добролюбова и А.И. Герцена по поводу исторической роли «лишних людей», которые ассоциируются для них с поколением дворянской интеллигенции 1830–40-х годов. В статье показано, что характеристика «лишнего человека» выстраивается критиками на материале литературы и реалий жизни современного общества. В работах Добролюбова ведущее место занимает оппозиция «лишние люди» – «новые люди», исключающая идею преемственности поколений. Герцен подчеркивает историческое значение «лишних людей», прежде всего, для развития самосознания человека и духовной культуры общества. Традиции критики 1840–60-х годов, как отмечает автор, сохраняются в критике и публицистике начала XX века. Здесь вновь будет актуализирована как идея отрицания роли «лишних людей» в России, так и признание ценности их исторического опыта. Концепт «лишние люди» становится в этот период знаком трагической судьбы русской интеллигенции.

Ключевые слова: литературный тип, концепт, «лишний человек», интеллигенция, критика и публицистика, А.Н. Добролюбов, А.И. Герцен, В.В. Воровский, А.Н. Луначарский.

Проблема «лишних людей» занимает важное место в статьях Н.А. Добролюбова. В ней сохраняется общий для критики 1860-х годов методологический вектор анализа литературных явлений, когда произведение, творчество автора и т. д. становятся поводом для осмысления общественно-политических проблем, а граница между литературой и действительностью приобретает условный характер. В связи с этим портрет «лишнего человека» в статьях Добролюбова выстраивается как на материале литературы, так и на основе наблюдений критика над процессами, происходящими в жизни современного общества, «ролевым» поведением (социальной функцией личности) людей разных поколений. «Лишние люди» для него ассоциируются с поколением 1830–40-х годов, которое, как полагает Добролюбов, уже выполнило свою историческую миссию и перестало быть авторитетным для современной молодежи. Он имеет в виду поколение, лицо которого определяют разночинцы, «новые люди», способные к реальной практической деятельности и к радикальным общественным переменам. Эта оппозиция, только намеченная Чернышевским, занимает принципиально важное место в ряде работ Добролюбова 1859–60-го годов.

Первый развернутый портрет «лишнего человека» появляется в его статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859), хотя самого понятия «лишний человек» здесь нет. Этот портрет возникает на фоне характеристики Добролюбовым недавних публикаций в русских журналах, причем речь идет не только о художественных произведениях, но и научных работах. Добролюбов приходит к выводу, что современная литература, даже «обличительно-го» характера, с опозданием и слишком осторожно откликается на острые вопросы современности.

Он почти не ссылается при этом на какие-то имена, факты, словно не учитывая, что в прошедшем году были напечатаны произведения Гончарова, Тургенева, Достоевского, Писемского, Григоровича, Гл. Успенского, Салтыкова-Щедрина (в том числе в журнале «Современник»), не говоря уже о поэзии. Из контекста статьи становится ясно, что одну из главных причин столь плачевного состояния литературы критик видит в мировоззренческой позиции русской творческой интеллигенции, сформированной 1840-ми годами: ее либеральных взглядах, умозрительно-рассудочном отношении к действительности. «Люди того поколения, – пишет критик, – проникнуты были высокими, но несколько отвлеченными стремлениями. Они стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное; но выше всего был для них принцип. Принципом же называли общую философскую идею, которую признавали основанием всей своей логики и морали» [7, с. 70]. «Отсюда – заключает автор статьи, – вечно фальшивое положение, вечное недовольство собой, вечное ободрение и расшевеливание себя громкими фразами и вечные неудачи в практической деятельности» [7, с. 71]. Добролюбов справедливо отмечает как главную мировоззренческую особенность интеллигенции 1840-х годов восприятие действительности сквозь призму философского знания. Однако это важнейшее условие познания жизни и самоосознания, ставшее приобретением прежде всего людей этого поколения, оценивается критиком-публицистом как источник их внутренней слабости и беспомощности. И потому сочувственные ноты в отношении к ним заглушаются авторской иронией. В итоге, как следует из статьи Добролюбова, духовный опыт интеллигенции 1840-х годов оказывается ненужным разночинцам 1860-х. Это сознательная

авторская позиция, ибо, как он замечает, «мы не поклонники учения о безусловной и регулярной преемственности поколений» [7, с. 70] .

Эта статья Добролюбова вызвала резкое неприятие А.И. Герцена, что подчеркнуто уже названием его работы: «Very dangerous!!!» («Колокол», 1859, 1 июня). Герцен считает «очень опасным» критику журналом «Современник» «обличительной» литературы, а также непонимание роли дворянской интеллигенции как в литературе, так и в общественной жизни. Этот тип людей соотносится в статье Герцена с «лишними людьми» – известными литературными персонажами. «И сверх того, – пишет Герцен, – Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рок лишнего, потерянного человека только потому, что он развился в человека, являлся тогда не только в поэмах и романах, но на улицах и в гостиных, в деревнях и городах. Наши литературные фланкеры последнего набора шпыняют теперь над этими слабыми мечтателями, сломавшимися без боя, над этими праздными людьми, не умевшими найтись в той среде, в которой жили» [4, с. 118]. Общая тональность рассуждений Герцена о «лишних людях» принципиально меняется по сравнению со статьей Добролюбова – на тональность откровенно сочувственную. Ведущей темой становится трагическая судьба «лишних людей», хотя и Герцен признает их внутреннюю слабость и бездеятельность. Едва ли не самое важное в оценке Герценом «лишних людей» – это понимание их особой исторической роли: того, что «потерянный» человек «развился в человека». И хотя Герцен не поясняет эту мысль, но совершенно очевидно, что речь идет о формировании самосознания личности, а также системе ценностей, которые стали приобретением духовной жизни нации, о чем уже говорил П.В. Анненков. Однако, в отличие от Анненкова, для Герцена наиболее актуальным остается вопрос об их практической деятельности. И в этом он, скорее, близок Добролюбову. Подобно молодому публицисту «Современника» издатель «Колокола» был уверен в том, что «время Онегиных и Печориных прошло. Теперь в России нет лишних людей, теперь, напротив, к этим огромным запашкам рук недостает. Кто теперь не найдет дела, тому пенять не на кого, тот в самом деле пустой человек, свищ или лентяй. И оттого очень естественно Онегины и Печорины делаются Обломовы» [4, с. 119]. Любопытно, что в своем итоговом выводе – сравнении «современных» Онегиных и Печориных с Обломовым – Герцен тоже неожиданно сближается со своим антагонистом, тем более что в момент написания статьи он еще не знал работы «Что такое обломовщина?» («Современник», 1859, № 5).

Добролюбов обращается здесь к рассмотрению «лишних людей» в связи с анализом романа Гонча-

рова. «Обломов есть лицо не совсем новое в нашей литературе, – пишет критик. <...> Раскройте, например, “Онегина”, “Героя нашего времени”, “Кто виноват?”, “Рудина”, или “Лишнего человека”, или “Гамлета Щигровского уезда”, – в каждом из них вы найдете черты, почти буквально сходные с чертами Обломова» [8, с. 314]. Названные критиком общие «черты» «лишних людей» – это «инертность», «отвращение от серьезной и самобытной деятельности», «нравственное рабство», отсутствие цели в жизни, барство, скука и т. д. Все это в целом Добролюбов называет «обломовщиной», а героев, соответственно, – «обломовцами». Среди перечисленных им общих негативных признаков главным для критика-публициста оказывается отношение «лишних людей» к труду, неспособность действовать. «Над всеми этими лицами, – заключает он, – тяготеет одна и та же обломовщина, которая кладет на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете» [8, с. 328]. Пафос труда сочетается для Добролюбова, как и для Чернышевского, не только с идеей практического дела, конкретной сферой профессионального труда, но с общественной, гражданской деятельностью, на которую, как он полагает, тоже не способны «лишние люди».

При внимательном рассмотрении выстраиваемые Добролюбовым параллели представляются оправданными только в каких-то частных ситуациях. Его доказательства построены на избирательном цитировании текста, отборе нужных автору статьи эпизодов и т. д. Он сознательно исключает (как позднее Писарев) «историческую точку зрения» в оценке героев литературы предшествующих эпох и смотрит на них глазами разноточинца 1860-х годов. Добролюбов считает, что «типы, созданные сильным талантом, долговечны: и ныне живут люди, представляющие как будто сколок с Онегина, Печорина, Рудина и пр., и не в том виде, как они могли бы развиваться при других обстоятельствах, а именно в том, в каком они представлены Пушкиным, Лермонтовым, Тургеневым» [8, с. 333]. Критик говорит, по сути, о сохранении – в поведении реальных людей, его современников – набора литературных ролей, которые стали стереотипами массового сознания. Однако эта опасность, с точки зрения автора статьи, не столь велика, ибо опоэтизированные литературой «лишние люди» в глазах общества «все они более и более превращаются в Обломова», в данном случае – с помощью романа Гончарова [8, с. 333]. Никаких доказательств того, что эти литературные параллели были важны для Гончарова, что писатель сознательно рассчитывал на подобные ассоциации читателя, Добролюбов не приводит. Однако он всегда был убежден в том, что важно не авторское намерение, а его результат, который читатель вправе истолковывать по-своему.

Тема «лишнего человека» явно не отпускала Добролюбова, и он вернулся к ней в статье «Когда же придет настоящий день?» («Современник», 1860, № 3) – о романе И.С. Тургенева «Накануне». Добролюбов говорит здесь о появлении нового героя – сильного, энергичного, деятельного, сравнивая его с тургеневскими же персонажами, олицетворяющими тип «лишнего человека»: «...лишнего человека сменял Пасынков, Пасынкова – Рудин, Рудина – Лаврецкий. Каждое из этих лиц было смелее и полнее предыдущих, но сущность, основа их характера и всего их существования была одна и та же. Они были вносители новых идей в известный круг, просветители, пропагандисты, – хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это их очень хвалили, и точно – в свое время они, видно, очень нужны были, и дело их было очень трудно, почтенно и благотворно. Недаром же все встречали их с такой любовью, так сочувствовали их душевным страданиям, так жалели об их бесплодных усилиях. Недаром никто тогда и не думал заметить, что все эти господа – отличные, благородные, умные, но, в сущности, бездельные люди» [9, с. 100]. В статье повторяется оценка «лишних людей», прозвучавшая в работе «Что такое обломовщина?», хотя Добролюбов уже в большей мере учитывает историческую детерминированность подобного типа человека. Здесь повторяется и намеченная раньше аналогия между литературными героями и «персонажами» современной жизни: «Ясно, что при таком положении дел прежние сеятели добра, люди рудинского закала, теряют значительную долю своего прежнего кредита. Их уважают, как старых наставников; но редко кто, вошедши в свой разум, расположен выслушивать опять те уроки, которые с такою жадностью принимались прежде, в возрасте детства и первоначального развития. Нужно уже нечто другое, нужно идти дальше» [9, с. 101]. Такого героя Добролюбов и видит в Инсарове, хотя он тоже не до конца отвечает ожиданиям публициста «Современника», ибо куда важнее сегодня, считает он, появление русского общественного деятеля.

Противопоставление людей 1840-х годов молодому поколению 1860-х возникает и в статье Добролюбова «Благонамеренность и деятельность» («Современник», 1860, № 7). Поводом для ее написания стало издание повестей и рассказов А. Плещеева. Добролюбов рассматривает творчество Плещеева в контексте современной беллетристики, которая, с точки зрения критика, перестала быть интересной читателю. Ее основная проблема: губительное влияние среды на человека, как полагает автор статьи, уже утратила свое актуальное значение, ибо современный человек может и должен справляться с внешними препятствиями. Отсюда – скептическое отношение критика к героям Плещеева, явно напоминающим, в трактовке Добролюбова, хорошо

знакомый русскому обществу тип «лишнего человека». «У свежего и здравомыслящего читателя, – пишет критик, – ...тотчас является вопрос: чего же именно хотят эти благонамеренные герои, из-за чего они убиваются?» [10, с. 194]. В этом вопросе появляется определение, входящее в название статьи и раскрывающееся в ее содержании. «Все, что в них есть хорошего, – уточняет Добролюбов, – это желание, чтобы кто-нибудь пришел, вытащил их из болота, в котором они вязнут, взвалил себе на плечи и потащил в место чистое и светлое» [10, с. 194–195]. В характеристике «лишнего человека» Добролюбов занимает здесь еще более жесткую позицию, чем в своих предыдущих работах, ибо по мере радикализации взглядов ведущих публицистов «Современника» (а этот процесс происходил стремительно) литературная критика все более подчинялась публицистическим задачам, одна из которых – дискредитация либеральной идеологии.

Эта статья Добролюбова вызвала особенно острую реакцию Герцена, и он вернулся к полемике с редакцией «Современника» – в статье «Лишние люди и желчевики», опубликованной в «Колоколе» (от 15 ноября 1860 года, № 83). Эпиграфом к его новой работе стала развернутая цитата из статьи «Very dangerous!!!»: «Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни... <...>. Но время Онегиных и Печориных прошло» [5, с. 317]. Характеристика «желчевики» в названии статьи возникла в кругах творческой интеллигенции и относилась к Чернышевскому, Добролюбову, в целом – оппозиционно настроенным разночинцам 1860-х годов – как метафорическое обозначение их резкости, даже озлобленности в отношении к людям противоположных убеждений. Как пишет Герцен, «это не лишние, не праздные люди, это люди озлобленные, больные душой и телом, люди, зачехнувшие от вынесенных оскорблений, глядящие исподлобья и которые не могут отделаться от желчи и отравы, набранной ими больше чем за пять лет тому назад. Они представляют явный шаг вперед, но все же болезненный шаг; это уже не тяжелая хроническая летаргия, а острое страдание, за которым следует выздоровление или похороны» [5, с. 322]. Эта характеристика свидетельствует о двойственном отношении издателя «Колокола» к публицистам «Современника» и людям близких им убеждений. Несмотря на жесткость определения «желчевики», Герцен, несомненно, понимает причины и неизбежность их появления, подчеркивает драматизм их судеб и мировосприятия.

В то же время он вновь стремится восстановить историческую справедливость по отношению к дворянской интеллигенции предшествующих периодов, теперь уже не обращаясь к литературе, но называя имена реальных людей. Он и себя вос-

принимает человеком 1840-х годов, принадлежащим поколению, судьба которого не менее трагична: «Мы сами принадлежали к этому несчастному поколению и, догадавшись очень давно, что мы лишние на берегах Невы, препрактически пошли вон, как только отвязали веревку» [5, с. 318]. Слово «лишние» в этом контексте имеет уже более широкий смысл, чем в предыдущих работах Герцена. Если раньше «лишние люди» воспринимались им как ненужные в системе авторитарного государства николаевской эпохи, то теперь, сквозь призму собственной судьбы, Герцен понимает, что они «лишние в России». Такая историческая «самоидентификация» оказалась близкой интеллигенции 1840-х годов. И.С. Тургенев написал Герцену по поводу его статьи: «Я понял конец “Желчевиков” и сугубо тебе благодарен. <...> И за нас, лишних, заступился. Спасибо» [13].

Не идеализируя поколение 1840-х годов, Герцен стремился увидеть историческое значение людей, ему принадлежащих. «Без всякого сомнения, – признает автор статьи, – они были романтики и аристократы, они ненавидели работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топор или за шило, да и того, правда, они не умели» [5, с. 324–325]. Однако вслед за этим Герцен называет имена Чаадаева, И. Киреевского, Белинского, Грановского – людей, чей труд был не менее полезен, чем любая сугубо практическая деятельность. С точки зрения Герцена, современный «лишний человек» не имеет ничего общего со своими предшественниками. Как он поясняет, это «два разряда лишних людей, между которыми сама природа воздвигла обломовский хребет, а генеральное межевание истории вырыло пограничную яму» [5, с. 317]. Автор статьи вновь косвенно упоминает роман Гончарова, говоря о принципиальном отличии современных обломовцев от поколения 1840-х годов.

Таким образом, критика 1860-х годов закрепила в общественном сознании устойчивое представление о действительно важном для русской литературы типе личности, получившей «имя» «лишнего человека». Оно оказалось одновременно характеристикой русской интеллигенции предшествующего периода, обобщенным «названием» нескольких ее поколений. Неизбежная в этом случае стереотипизация одного из самых сложных литературных персонажей вместе с тем не исключала для читателя возможности интерпретационного выбора, «подсказанного» критикой середины XIX века. Пережив классический период своего существования, понятие «лишнего человека» сохранилось в литературной критике и стало соотноситься ею с творчеством писателей второй половины XIX века: Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. В целом в ней сохранилось и традиционное понимание типа «лишнего человека», например по отношению к чеховским героям. Так,

литературный критик начала XX века А.С. Глинка (Волжский) отмечает, что доминирующим признаком чеховских «лишних людей» вновь оказывается унаследованный от «предшественников» конфликт идеала и действительности. Он приходит к выводу, что истоки ее трагедии «не столько в отсталости русской жизни, сколько в крайней требовательности русской интеллигенции», которая становится, как он уточняет, «особенно тягостна для утомленной обессиленной, скептически настроенной интеллигенции 80-х годов» [6].

Если критики XIX века, независимо от их идеологической позиции, даже самой радикальной, признавали историческую роль «лишних людей», то публицистическая, марксистская критика начала XX века едва ли не приветствовала исчезновение интеллигенции, которая устойчиво соотносилась этой критикой с «лишними людьми». Характерна в этом плане статья В.В. Воровского «Лишние люди» (1905), посвященная творчеству Чехова. Рисуя обобщенный портрет чеховских персонажей, Воровский начинает их перечисление с героя пьесы «Иванов», за которым, как он замечает, «мрачными рядами проходят другие, такие же “лишние люди” – Астровы, дяди Вани, Тузенбахи, злополучные “сестры”, несчастные “чайки”, владельцы “вишневых садов”, и много их, и все они угрюмые, измученные мелкими, но безысходными страданиями, и жалкие этой мелочностью своих страданий. Сквозь дымку идеализации – или, вернее, поэтической жалости и сострадания, которыми окружил своих героев автор, проглядывает все ничтожество этой серенькой, туманной жизни, грустной и отталкивающей, как дождливый осенний день» [3].

Комментируя работу Воровского, известный деятель русского революционного движения, публицист, литературный критик А.В. Луначарский пишет: «И так как Воровский к тому же брал самые жгучие темы, – а главной стержневой темой считал историю возникновения, развития и падения интеллигенции, предсказывая полную смену ее, как главного голоса в хоре общественных сил, новым могучим голосом пролетариата, – то критические статьи Воровского воспринимались, впитывались, как сладостный дождь в засуху» [12]. Речь идет уже не о чеховских героях, но о самой общественной группе, которую, как подчеркивает Луначарский, они олицетворяют. В такой трактовке роли «лишних людей» – героев русской литературы и одновременно их реальных «прототипов» – возникает прообраз трагической судьбы русской интеллигенции, обреченной на гибель или изгнание. Неслучайно образ «лишних людей» станет ассоциироваться в начале XX века с «незамеченным» поколением, осознающим свою ненужность в истории. Истоки такого «поколенческого» мировосприятия можно увидеть в том же «классическом» периоде русской литературы. Наиболее

отчетливо это мировосприятие, конечно, выразил М.Ю. Лермонтов, произнесший от имени своих сверстников трагические слова: «Над миром мы пройдем без шума и следа». В ситуации начала XX века подобное самоощущение было вызвано конкретными историческими и социальными обстоятельствами – эмиграцией русской интеллигенции и тем, как складывалась ее судьба на Западе. В.С. Варшавский, писатель русского зарубежья, назовет свою книгу о детях первой волны русской эмиграции «Незамеченное поколение» (М., 2010; первое издание – 1956 год). Подчеркивая особый трагизм ситуации, в которой они оказались, Варшавский пишет: «Из всех “лишних людей” русского прошлого и из всех “потерянных поколений” Европы и Америки они чувствовали себя самыми “лишними” и самыми “потерянными»» [1]. В рецензии на его работу М. Ефремов поясняет эту авторскую мысль: «“Люди 30-х годов” русского зарубежья оказались оторванными не только от России, но и от деятельности и созидания вообще – очень часто в прямом, практическом смысле слова» [11]. По странному хронологическому совпадению для судеб «лишних людей» оказались наиболее «критичными» именно 30-е годы XIX и XX веков.

В характеристике «лишних людей» Варшавским обращает на себя внимание синоним, который он употребляет: «потерянные» люди. Совершенно очевидна ассоциативная связь этого определения с характеристикой «потерянное поколение», которая широко вошла в массовое сознание благодаря творчеству Э. Хемингуэя и Э.М. Ремарка. Этот термин (фразеологический оборот) обозначал поколение фронтовиков, вернувшихся домой после Первой мировой войны, людей, этнически принадлежащих разным странам и даже континентам. Таким образом, время доказало устойчивость смыслового ядра концепта «лишние люди», независимо от сознательной ориентации на него писателей разных эпох и даже разных национальных культур. Вместе с тем его смысловой потенциал оказался столь масштабным, что это приблизило концепт «лишние люди» к универсалиям мировой культуры.

Библиографический список

1. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. – М: Русский путь, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=200989&p=1>.
2. Володина Н.В. «Еще раз» лишние люди: от литературного типа к концепту (историко-функциональный аспект). Статья первая // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – №1. – С. 121–126.
3. *Воровский В.В.* Лишние люди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/worowskij_w_w/text_0040.shtm.

4. *Герцен А.И.* Very dangerous!!! // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 116–121.

5. *Герцен А.И.* Лишние люди и желчевики // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 317–327.

6. *Глинка (Волжский) А.С.* А.П. Чехов и его литературная деятельность, 1902 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?i>

7. *Добролюбов Н.А.* Литературные мелочи прошлого года // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. – Т. 4. – С. 48–112.

8. *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. – Т. 4. – С. 307–343.

9. *Добролюбов Н.А.* Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1963. – Т. 6. – С. 96–140.

10. *Добролюбов Н.А.* Благонамеренность и деятельность // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1963. – Т. 6. – С. 190–210.

11. *Ефремов М.* Владимир Варшавский. Незамеченное поколение [Электронный ресурс] // Знамя. – 2011. – № 12. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/12/e26.html>.

12. *Луначарский А.В.* В.В. Воровский как литературный критик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/vaclav-vaclavovic-vorovskij-kak-literaturnyj-kritik/>.

13. Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену [Электронный ресурс]. – Женева, 1892. – Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10090267>.

References

1. Varshavskij V.S. Nezamechennoe pokolenie. – M: Russkij put', 2010 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=200989&p=1>.
2. Volodina N.V. «Eshche raz» lishnie lyudi: ot literaturnogo tipa k konceptu (istoriko-funkcional'nyj aspekt). Stat'ya pervaya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1. – S. 121–126.
3. Vorovskij V.V. Lishnie lyudi [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/w/worowskij_w_w/text_0040.shtm.
4. Gercen A.I. Very dangerous!!! // Gercen A.I. Sobr. soch.: v 30 t. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – T. 14. – S. 116–121.
5. Gercen A.I. Lishnie lyudi i zhelcheviki // Gercen A.I. Sobr. soch.: v 30 t. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – T. 14. – S. 317–327.
6. Glinka (Volzhskij) A.S. A.P. Chekhov i ego literaturnaya deyatel'nost', 1902 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://books.google.ru/books?i>

7. Dobrolyubov N.A. Literaturnye melochi proshlogo goda // Dobrolyubov N.A. Sobr. soch.: v 9 t. – M.; L.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1962. – T. 4. – S. 48–112.
8. Dobrolyubov N.A. CHto takoe oblomovshchina? // Dobrolyubov N.A. Sobr. soch.: v 9 t. – M.; L.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1962. – T. 4. – S. 307–343.
9. Dobrolyubov N.A. Kogda zhe pridet nastoyashchij den'? // Dobrolyubov N.A. Sobr. soch.: v 9 t. – M.; L.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1963. – T. 6. – S. 96–140.
10. Dobrolyubov N.A. Blagonamerennost' i deyatelnost' // Dobrolyubov N.A. Sobr. soch.: v 9 t. – M.; L.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1963. – T. 6. – S. 190–210.
11. Efremov M. Vladimir Varshavskij. Nezamechennoe pokolenie [Elektronnyj resurs] // Znamya. – 2011. – № 12. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/12/e26.html>.
12. Lunacharskij A.V. V.V. Vorovskij kak literaturnyj kritik [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/vaclav-vaclavovic-vorovskij-kak-literaturnyj-kritik/>.
13. Pis'ma K. Dm. Kavelina i Iv. S. Turgeneva k Al. Iv. Gercenu [Elektronnyj resurs]. – ZHeneva, 1892. – Rezhim dostupa: <http://books.e-heritage.ru/book/10090267>.

**«ЗА ЧТО У НАС ХАЖИВАЛИ В КАТОРГУ»:
КРИМИНАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ В РАННЕЙ ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА**

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы взаимодействия массовой и «элитарной» литературы на материале ранней прозы Н.С. Лескова. Материалом для анализа выступают малоизвестные рассказы писателя «Засуха» (1862) и «Язвительный» (1863), которые рассматриваются в контексте раннего творчества писателя в целом. Применяя современные методики текстового анализа, автор статьи исследует проблематику и поэтику беллетристических произведений Лескова, анализирует актуальные вопросы организации писателем диалога с читателем, выявляет нарративные и языковые способы активизации читательского внимания. Результатом анализа становится конкретизация представлений о проблематике и поэтике ранней прозы автора, начинающего свой сложный путь в «большой» литературе, своеобразии используемых автором рецептивных стратегий. Проведенный в статье анализ рассказов «Засуха» и «Язвительный» показывает, что освоение писателем литературного «канона» массового чтения началось уже с его первых беллетристических опытов и характеризовалось творческой переработкой клише «занимательной» литературы.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Н.С. Лесков, массовая литература, криминальный сюжет, нарратив, рецепция, мотив.

«Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе» [6, с. 206]. Эти неоднократно цитируемые слова Лескова были произнесены им в 1863 году в цикле очерков «Русское общество в Париже», первом крупном произведении, написанном после знаменитой «пожарной истории», в котором остро выразился конфликт его автора с отечественной печатью (об этом подробнее см.: [1; 2; 14]). Одной из сторон этого конфликта было негативное восприятие литературными критиками ранних текстов Лескова, посвященных изображению народной жизни, о чем с болью свидетельствовал сам писатель: «Я перенес много упреков за недостаток какого-то неизвестного мне уважения к народу, другими словами, за неспособность лгать о народе. Я равнодушен к этим упрекам, не потому, что с тех пор, как я пишу, меня только ругают... но потому, что имею уверенность, что несколько не обижаю русского народа, не скрывая его мерзостей и гадостей, от которых он не свободен, как и всякий другой народ» [6, с. 207]. Высказывание Лескова очень точно выражает принципиальный пафос его беллетристических произведений начала 1860-х гг., темой которых стал быт «простонародья».

Первые художественные опыты писателя – рассказы «Засуха» (1862) и «Разбойник» (1862), написанный позднее «Язвительный» (1863), наконец, знаменитая «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) – свидетельствуют о том, что среди важных источников знаний Лескова о народе был не только «гостомельский выгон» [6, с. 206], но и Орловская уголовная палата, в которой он служил во второй половине 1840-х гг. В рамках данной статьи мы остановимся на анализе того, как криминальный сюжет, свойственный каждому из названных произведений, актуализируется в рассказах «Засуха» и «Язвительный». На сегодняшний день эти

ранние лесковские тексты остаются фактически не изученными, а их рассмотрение позволяет охарактеризовать важные черты проблематики и поэтики ранней прозы автора, начинающего свой сложный путь в «большой» литературе.

«Засуха» и «Язвительный», созданные с разницей в один год, при жизни писателя публиковались им вместе. В издании «Рассказы Стебницкого (Н.С. Лескова)» 1869 года и последовавшим за ним «Сборнике мелких беллетристических произведений Н.С. Лескова-Стебницкого» 1873 года писатель объединял их под общим заголовком «За что у нас хаживали в каторгу. Два рассказа». Этот заголовок удачно отражает те особенности текстов, которыми мотивировано их соединение: тематическую общность (тема преступления), на которую указывает лексема «каторга», и сходство нарративной ситуации, выраженное разговорным сочетанием «у нас хаживали».

Местоимение «у нас» в заголовке многофункционально. Во-первых, оно задает пространственный план повествования: «у нас» в ранней лесковской прозе прочитывается, по преимуществу, как «в нашем Орловском крае». В ранних редакциях рассказов пространственная ограниченность повествования неоднократно подчеркивалась писателем: в «Засухе» – подзаголовком «Из записок моего деда», в «Язвительном» – многочисленными точными названиями Орловского края (наименованием улицы Болховской, где была расположена канцелярия, село Салтыково и т. д.). Характерно, что при переработке текстов для их совместной публикации Лесков последовательно изыал из них эти «документальные» приметы частного свойства (подобного рода работу писатель проделал и при редактировании знаменитого очерка, который первоначально назывался «Леди Макбет нашего уезда»). Во-вторых, местоимение «у нас» точно

обозначает ограниченную повествовательную перспективу текстов. В «Язвительном» нарратором является центральный персонаж, что подчеркивается подзаголовком («Рассказ чиновника особых поручений»), в «Засухе» недиегетическое эксплицитное повествование близко ракурсу главного героя – священника отца Илиодора.

Ограниченный повествовательный ракурс (подробнее об этой повествовательной особенности прозы Лескова см.: [10; 11; 13; 15]) напрямую связан с сюжетным своеобразием текстов: в обоих рассказах преступление является не только темой, но и формирует интригу. Криминальный (в частности детективный) сюжет предполагает несоответствие фабульной и сюжетной линий, которое обычно мотивируется неосведомленностью главного героя в деталях преступления. Эти внешние признаки криминального сюжета полностью выдерживаются в рассказах Лескова. Наиболее точно им соответствует текст «Язвительного», в основе которого – раскрытие преступления: диегетический нарратор которого проводит расследование поджога имени управляющего. Завязкой главной сюжетной линии выступают слухи о недовольстве крестьян, его центральным событием – факт поджога, сюжетное напряжение достигает пика в эпизоде с допросом подозреваемых. В «Засухе» (показательно, что первоначально текст назывался «Погасшее дело») Лесков несколько отступает от традиционной детективной схемы: с самого начала нарратору – и читателю – известны «состав» и причины преступления (крестьяне выкапывают с церковного кладбища тело пономаря, надеясь тем самым избавиться от засухи), сюжетный интерес перемещен на вопрос о том, какое наказание получают обвиняемые. Однако криминальный сюжет и в этом рассказе остается основным фактором, скрепляющим в единое целое пять сценко-диалогов, на которых строит произведение Лесков в свойственной его ранней прозе манере.

Несмотря на внешнее соответствие лесковских рассказов традиционной схеме криминального сюжета, в текстах есть и принципиальное отступление от нее. Кульминацией сюжета преступления необходимым образом должно выступать обнаружение преступника, а развязкой – момент его наказания. Эти важнейшие элементы сюжета по факту отсутствуют в произведениях Лескова. Особенно остро их «нехватка» ощущается читателем в «Язвительном»: подробно прописанные писателем диалоги нарратора с подозреваемыми крестьянами не приводят ни к каким результатам: «Следующие девяносто девять показаний были дословным повторением первого и записывались словами: «Иван Иванов Сушкин, 43 лет, женат, на исповеди бывает, а под судом не был. Показал то же, что и Степан Терехов» [5, с. 240]. Финал произведения еще более парадоксален: расследующий

дело нарратор приходит к выводу о том, что «дело о поджоге можно бы скрыть» [5, с. 240], и предлагает крестьянам пойти на мировую. Отсутствие кульминации и необычная развязка становятся факторами, формирующими эффект «обманутого читательского ожидания»: криминальный сюжет в конце произведения обнаруживает свою фиктивность. Аналогично сюжет преступления реализуется и в рассказе «Засуха». В финале текста герои приходят к выводу о том, что проступок крестьян необходимо «замять», а центральная событийная линия, которая не приводит ни к каким значимым для героев результатам, обнаруживает тем самым свою бессодержательность, что в первоначальном варианте текста подчеркивалось обобщающим нарраториальным заключением: «Через две недели в селе все шло по-прежнему, мужики парили пар, а бабы пололи коноплю» [4, с. 697].

Отказ Лескова от традиционного завершения главных сюжетных линий рассказов оказывает принципиальное значение на формирование смысла текстов. В каждом из рассказов основным носителем действия и актуализатором сюжета является главный герой, которому Лесков противопоставляет статичных персонажей-крестьян, диалоги с которыми занимают значительную часть текстов (совершенные ими преступления как действия в произведениях не изображаются, а подаются с помощью ретроспекции). Фиктивность криминального сюжета как такового в произведениях становится знаком бессмысленности поступков носителей действия.

Главный герой и персонажи-крестьяне в обоих текстах писателя контрастны. Противопоставлены их социальный уровень, степень образованности, наконец, речь (точная стилизация разговорного языка простанородья относится, как известно, к важным достижениям раннего Лескова). Образная антитеза подкрепляется тем, что в принципиальные для сюжета моменты центральный герой вступает во взаимодействие с массой крестьян: «Сельские старики раненько явились к священнику» [4, с. 104]; «Староста указал на окно. Против окна стола огромная толпа крестьян. Были и старики, и молодые, и середовые мужики; все стояли смиренно, в шапках, у некоторых были палки» [5, с. 234]; «Надел я шубу и вместе с исправником и с становым вышел на крылечко. Толпа зашатавалась, шапки понемногу стали скидываться с голов, но нехотя, не разом, и несколько человек в задних рядах вовсе ни скинули шапок» [5, с. 235].

Действиям главных героев, не приносящим желаемого им результата, Лесков противопоставляет статичное упорство крестьянской массы. Диалоги героев и толпы показаны писателем как скрытое противостояние: «Священник ничего не понимает. ”Да встаньте”, – говорит он стоящим на коленях мужикам... <...> Мужички, не вставая с колен,

рассказали... <...> Священник... плюнул и назвал мужиков баранами, а бараны все зная стоят на коленях. “Вставайте же, шуты вы этикие!” <...> Крестьяне, вместо того, чтобы встать, толкнули друг дружку потихоньку локтями» [4, с. 104–105]; «Мужики поклонились и прогудели: “Доброго здоровья!” – “Накройтесь, ребята, холодно”. – “Ничего”, – опять прогудели мужики, и остальные шапки с голов исчезли. – “Пожалуйста, покройте”. – “Мы и так постоим”. – “Наше дело привычное”» [5, с. 235]. Лесков демонстрирует, как первоначально настойчивое стремление главных героев убедить крестьян с помощью логики постепенно угасает и «растворяется» в иррациональных репликах мужиков.

Показательный пример последнего – диалог нарратора с крестьянами в развязке рассказа «Язвительный», в котором крестьяне отказываются быть руководимыми англичанином-управляющим и предпочитают этому каторгу: «”Нам куда его, такого врага, девать некуда нам его”. – “Да чем он вам враг?” – ”<...> Мужика на нитку, как воробья, привязывал, да еще не враг?” – “<...> Эка штука большая! Небось лучше бывало при самом князе? <...>” – “Он господин, его была и воля; а уж этакое, как управитель, он все ж не делал. Господи помилуй! На нитку вроде воробья сажать... чего мы над собой, сроду родясь, не выдывали”. – “Подумайте, ребята!” – “Что думать! Думано уж. С ним до греха еще хуже дождешься”» [5, с. 241]. Попыткам нарратора динамизировать диалог, предлагая аргументы разного рода, противопоставлено бесконечное повторение одних и тех же фраз мужиками, которое обрывается только финальным обобщением: «Ничего больше от разхановских мужиков не добились, и пошло уголовное дело, по которому трое сослано в каторжную работу, человек двенадцать в арестантские роты, остальные же высечены при земском суде и водворены на жительство» [5, с. 242].

В рассказе «Засуха» противостояние главного героя и иррациональной крестьянской массы получает символическое выражение. Произведение завершается сном отца Илиодора, который отсутствовал в первой редакции: «Отец Илиодор заснул и, ныряя по кочкам, воображает самого себя кораблем, погибающим в волнах. И как отец Илиодор ни хочет спастись, как он ни старается выбиться, – никак не выбьется: за ноги его сцапал и тянет тяжелый, как тяга земная, мучинко с разорванным воротом, а на макушке сидит давешний королевское еруслание и пихает ему в рот красную пробку. – Вот это, – говорит королевское еруслание, инструмент, чтобы ты, идучи ко дну, вслух отходной себе не читал» [4, с. 120]. Иррациональный образ – «королевское еруслание» – до этого возникает в тексте в речи крестьянина Ефима, который инициировал выкапывание тела пономаря с кладбища и изготовление свечи из его сала. Символика фольклорных

образов позволяет Лескову подчеркнуть скрытую до этого в подтексте идею насилия, объектом которого становится отец Илиодор – заложник своей невежественной паствы. Показательно, что заострение конфликта между прихожанами и священником Лесков произвел в конце 1860-х гг. – временем начала работы над романом «Соборяне» (о реализации в творчестве Лескова религиозной проблематики см. подробнее: [3; 7; 8; 9; 12]).

Ранняя проза Лескова развивалась в тесном контакте с массовой литературой, что отчетливо демонстрирует поэтика произведений писателя крупной эпической формы – его романов 1860-х – 1870-х гг. («Некуда», «Обойденные», «На ножах»). Проведенный в статье анализ рассказов «Засуха» и «Язвительный» показывает, что освоение писателем литературного «канона» массового чтения началось уже с его первых беллетристических опытов и характеризовалось творческой переработкой клише «занимательной» литературы. Для рассказов свойственна актуализация тех стилевых принципов, которые получают значительное развитие в работах Лескова зрелого периода: ослабление сюжетных связей, реализующееся, в частности, в форме фиктивного сюжета, использование различных способов ограничения нарраториальной точки зрения, нарушение стереотипов читательского ожидания. Эффект обманутого ожидания реципиентов текста возникает в том числе за счет «деконструкции» узнаваемых сюжетных клише массовой литературы. Активизируя читателей, начинающий писатель привлекает их внимание к принципиальной для русского общества периода Великих реформ проблеме – проблеме народной жизни. В свойственной ему манере Лесков отказывается от прямых оценок изображаемых им жестоких преступлений, совершенных «мужиками». Однако писатель настойчиво подчеркивает трагическую разобщенность, существующую между крестьянами и деревенской интеллигенцией, будь то священнослужители или чиновники. Отказываясь от какой бы то ни было идеализации «простонародья», Лесков на первый план выдвигает замкнутость и иррациональность крестьянской жизни.

Библиографический список

1. Андреева В.Г. Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 20. – № 4. – С. 114–117.
2. Андреева В.Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. – Кострома: Костромской гос. ун-т, 2016. – 492 с.
3. Андреева В.Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4. – С. 13–22.

4. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Сочинения 1859–1862 гг. – М.: Терра, 1996. – 914 с.
5. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Сочинения 1862–1863 гг. – М.: Терра, 1998. – 992 с.
6. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. Сочинения 1862–1864 гг. – М.: Терра, 1996. – 802 с.
7. Лукашевич М. Исследование религиозной проблематики в творчестве Николая Лескова: вопросы методологии // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno: Ústav slavistiky FF MU, 2017. – С. 105–115.
8. Лукашевич М. Церковная проблематика в ранней публицистике Н.С. Лескова // Церковь. Богословие. История: материалы III Междунар. научно-богословской конф. – Екатеринбург, 2015. – С. 335–342.
9. Лукьянчикова Н.В. Художественное воплощение этического идеала в произведениях Н.С. Лескова о духовенстве // Культура. Литература. Язык: материалы конф. «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 185–196.
10. Лученецкая-Бурдина И.Ю. Осмысление русской культурной традиции в малых жанровых формах М.Е. Салтыковым-Щедриным и Н.С. Лесковым // Традиции русской литературы и преемственность их изучения в вузовской и школьной методике. – Ярославль: RIO «ЯГПУ», 2018. – С. 9–30.
11. Старыгина Н. Контекстуальная поэтика творчества Н.С. Лескова // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – С. 171–181.
12. Федотова А.А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н.С. Лескова // Ярославль: RIO ЯГПУ, 2018. – 342 с.
13. Федотова А.А. Эквивалентность персонажей в сказе Н.С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 142–148.
14. Kucherskaya M.A. Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method // Scando-Slavica. – 2016. – Т. 62. – № 1. – P. 234–242.
15. Pospíšil I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N.S. Leskova // Jazykoveda v pohybe. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17–27.
2. Andreeva V.G. O nacional'nom svoebrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka. – Kostroma: Kostromskoj gos. un-t, 2016. – 492 s.
3. Andreeva V.G. CHelovek i problema antropocentrizma v russkom romane vtoroj poloviny XIX v. // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 4. – S. 13–22.
4. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 1. Sochineniya 1859–1862 gg. – M.: Terra, 1996. – 914 s.
5. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 2. Sochineniya 1862–1863 gg. – M.: Terra, 1998. – 992 s.
6. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 3. Sochineniya 1862–1864 gg. – M.: Terra, 1996. – 802 s.
7. Lukashevich M. Issledovanie religioznoj problematiki v tvorchestve Nikolaya Leskova: voprosy metodologii // Leskov i vokrug. Konteksty tvorчества i sostoyanie sovremennogo leskovovedeniya. – Brno: Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 105–115.
8. Lukashevich M. Cerkovnaya problematika v rannej publicistike N.S. Leskova // Cerkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy III Mezhdunar. nauchno-bogoslovskoj konf. – Ekaterinburg, 2015. – S. 335–342.
9. Luk'yanchikova N.V. Hudozhestvennoe voploshchenie eticheskogo ideala v proizvedeniyah N.S. Leskova o duhovenstve // Kul'tura. Literatura. YAzyk: materialy konf. «CHteniya Ushinskogo». – YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2012. – S. 185–196.
10. Lucheneckaya-Burdina I.YU. Osmyslenie russkoj kul'turnoj tradicii v malyh zhanrovyyh formah M.E. Saltykovym-SHCHe drinym i N.S. Leskovym // Tradicii russkoj literatury i preemstvennost' ih izucheniya v vuzovskoj i shkol'noj metodike. – YAroslavl': RIO «YAGPU», 2018. – S. 9–30.
11. Starygina N. Kontekstual'naya poetika tvorчества N.S. Leskova // Leskov i vokrug. Konteksty tvorчества i sostoyanie sovremennogo leskovovedeniya. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 171–181.
12. Fedotova A.A. «Trudnyj rost»: recepciya v proze N.S. Leskova // YAroslavl': RIO YAGPU, 2018. – 342 s.
13. Fedotova A.A. Ekvivalentnost' personazhej v skaze N.S. Leskova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2016. – № 2. – S. 142–148.
14. Kucherskaya M.A. Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method // Scando-Slavica. – 2016. – Т. 62. – № 1. – P. 234–242.
15. Pospíšil I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N.S. Leskova // Jazykoveda v pohybe. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17–27.

References

1. Andreeva V.G. Vtoroe pokolenie russkih nigilistov v vospriyatii N.S. Leskova i V.G. Avsenko // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2012. – Т. 20. – № 4. – С. 114–117.

Овчинина Ирина Алексеевна
доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
ovchni@yandex.ru

Хромова Ирина Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Ивановский государственный университет
khromova54@mail.ru

МАСЛЕНИЦА КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДОМИНАНТА ОПЕРНОГО ЛИБРЕТТО А.Н. ОСТРОВСКОГО «ВРАЖЬЯ СИЛА»

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта
№ 18-012-00141 А

В статье рассматриваются художественные особенности оперного либретто А.Н. Островского «Вражья сила». В ней определяется значение жанрово-обрядовых сцен Масленицы в смысловой и сюжетно-композиционной структуре оперного сценария, выявляются особенности его поэтики. Внимание авторов направлено на специфику основного действия («семейной драмы») и характер связанных с ним сцен народного, масленичного гулянья. Отмечено, как постепенно Островский расширяет сценическое пространство, создаёт яркие массовые сцены с участием народа, а также Хора, выступающего в либретто от лица Масленицы. Авторы работы подчёркивают двойственный характер Масленицы как своеобразного русского карнавала, что находит отражение в песне Ерёмки «Широкая масленица» и в четвёртом акте, представляющем собой кульминацию народного праздника. Важным моментом является выяснение причин разногласий между Серовым и драматургом, отказавшимся от сотрудничества с композитором. В связи с этим поставлена проблема авторства четвёртого акта либретто, делается вывод о несомненном участии драматурга в его создании.

Ключевые слова: творчество А.Н. Островского, либретто, опера, драма, масленица, народная песня, проблема авторства.

Как известно, сюжет для оперы «Вражья сила» Серову подсказал А.А. Григорьев, видевший в композиторе «музыкального Островского» [17, с. 16]. Критик считал драму «Не так живи, как хочется» «высоко поэтической вещью», где «кроме её осязаемых и видимых лиц – царит над всем лицо невидимое, жирное, плотское, загулявшая совсем масляница» – «один из многих и притом наиболее уцелевший остаток нашего старого и доселе ещё присущего нам язычества». Поэтому Масленица «должна господствовать и на сцене» [4, с. 230]. Однако драматург, как предположил Григорьев, под давлением «лая», поднятого журналистикой из-за поэтизации народного быта в комедии «Бедность не порок», был слишком осторожен в пьесе «Не так живи, как хочется». Но осторожность, по мнению критика, лишь «сузила размеры драмы и лишила её густых красок». Он выразил надежду на то, что пьеса вполне «может быть воссоздана сценически во всей яркости при пособии музыки и блестящей обстановки», а Серов к ней «напишет музыкальную поэму» [4, с. 231].

В письме к Островскому от 23 апреля 1867 г., Серов, предлагая драматургу написать либретто по драме «Не так живи, как хочется», признаётся: «Ещё с покойным Аполлоном Григорьевым мы много раз толковали, что это отличный сюжет для русской народной оперы, где кроме действующих лиц оперы будет ещё одно, для “драмы” невозможное: это сама широкая масляница, во всем её русском разгуле ...» [17, с. 102].

Заметим, что сначала пьеса имела другое название – «Божье крепко, а вражье лепко: масленица». Как видим, с самого начала работы над произведением всё действие (поначалу оно отнесено к XVII веку) связано с Масленицей [14, с. 616]. Стремясь как можно глубже изучить и понять национальную культуру, быт и мировидение народа, Островский обращается к фольклору как к бесценному источнику познания народной жизни и национального характера. Тема Масленицы, предшествующей Великому посту, с её глубоким смыслом и особой драматургией, вызывала интерес у Островского. Так, С.В. Максимов вспоминал позднее, что И.Ф. Горбунов сохранил пол-листа бумаги, где рукою Островского было написано что-то вроде конспекта драмы: «Старик. Старуха: Чует моё сердце, не доброе оно чует. Монастырь. Наступают дни страшные! Опомнись! Широкая масляница. <...> Ерёмка–олицетворение дьявола» [11, с. 3].

В драме «Не так живи, как хочется» действие происходит лишь в купеческом доме и в избе на постоялом дворе, о чём напоминал Островский композитору, сомневаясь в пригодности пьесы для оперы. В либретто Островский в соответствии с общим замыслом расширяет сценическое пространство, изображая масленичное веселье. Обычно все масленичные развлечения проходили на улице, нарядно одетые люди участвовали в праздничном гулянье, шли на ярмарку, радовались кукольным представлениям и медвежьим потехам, катались на тройках. В первом действии масленица являет-

ся своеобразным фоном, который постоянно ощущается в высказываниях персонажей, в ремарках, создающих особый звуковой ряд: «На улице под окном звуки балалайки, топот пляшущих и разгульные голоса»; «Крики под окном продолжают»; «Голоса по окном продолжают»; «Песня слышнее», «На улице опять песня с балалайкой». Воспроизвести атмосферу праздника непосредственно помогают песни «Как у нашего двора приукатана гора» и «Уж я скок на ледок». Характерно, что они обрамляют слова Ильи, звучащие контрастом на их фоне: «Дни молитвы наступают, / А в Москве теперь одно! / Только пляшут, да гуляют, / Только песни и вино!». Усиливая атмосферу всеобщего веселья, драматург подчёркивает её несоответствие внутреннему состоянию набожного, аскетичного Ильи ремаркой: «Крики под окном продолжают». В его восприятии масленичное гулянье – это проявление бесовского начала: «Не боятся, видно, смерти. / С гамом, в харях, как шуты. / Люди это, али черти, / Разберёшь не скоро ты» [20, с. 5].

В. В. Горячих отмечает: «Во втором акте масленица уже “входит в дверь” – вместе с Ерёмкой и гостями постоялого двора. И в первом акте, и далее масленица оказывает подспудное “давление” на ход событий драмы – как особое “время – пространство”, в котором не действуют обычные моральные и религиозные правила» [3, с. 15]. Действие второго акта либретто происходит на постоялом дворе. Здесь, кроме Спиридоновны, участвуют купцы, ямщики и Ерёмка, тогда как в пьесе «Не так живи, как хочется», этой массовой сцены нет. Серов советовал драматургу начать «повеселее» – «кутежом ямщиков, купцов и разного сброда у Спиридоновны», по-видимому, как для расширения бытовой стороны оперы, так и для обогащения её звуковой палитры. Островский не ограничился этим и написал песню Ерёмки «Широкая масленица», являющуюся лейтмотивом оперы. Композиционно песня построена как диалог Ерёмки с Масленицей, а припев («Широкая масленица») подхватывают все присутствующие (Спиридоновна и хор): «Широкая масленица, ты с чем пришла? / Со весельем, да с радостью, / И со всякою сладостью, / С пирогами, с оладьями / Да с блинами горячими» [20, с. 17]. Р.И. Кушнир-Барановская отмечает: «Здесь налицо элемент игрового действия (восходящего своими истоками ещё к древним обрядам). <...> Широкому песенному зачину (запеву), содержащему обращение к масленице, противопоставляется плясовая музыка ответа» [8, с. 31]. Примерно в это же время в 1867–1868 гг. драматург пишет песню «Масленица», которая, видимо, предназначалась для либретто, но не вошла в него. В отличие от «Масленицы», текст песни в либретто – это не только яркий, колоритный номер, вводящий в атмосферу народного веселья, но и передающий внутренний драматизм самого праздника: «Широ-

кая масленица, ты с чем пришла? Зачем пришла? Ты с чем уйдёшь?» [20, с. 17]. А. Лунина в статье «Карнавальный антимир в опере «Вражья сила» А.Н. Серова» справедливо отмечает: «Сама Масленица в этой сцене демонстрирует карнавальный увенчивающе-развенчивающий смысл обряда, своё ритуально-весёлое и погребально-жертвенное начало. Ерёмка же – её живое воплощение, в этой сцене он предстаёт как её персонифицированный образ» [10, с. 8]. В начале песни звучит величание масленичного божества, а в конце – развенчание (символическая смерть): «Велики мои проводы. / Повезут вон из города / На санях на соломенных / Да с упряжкой мочальнойю» [20, с. 17]. В отличие от композитора Серова, для Островского значим не только бытовой, но и обрядовый аспект Масленицы. Праздничное обрядовое время родственно мифологическому: оно также циклично. Это качество времени нашло отражение в черновых набросках либретто «Вражья сила», относящихся к 1867 году, чему была посвящена специальная статья [12, с. 93–94]. Так, в одном из фрагментов («На целый год, на круглый год...») Хор от лица Масленицы прощается с людьми, мысленно совершая годовой круг: «Пройдёт и лето красное / Сгорят огни купальные / Пройдёт и осень жёлтая / С снопом, с серпом и с братчиной» [15, л. 2]. Этот текст не вошёл в либретто, но почти буквально повторён в 4-м явлении Пролога «весенней сказки» «Снегурочка». Лейтмотив песни 1-го хора берендеев, везущих чучело масленицы – «Прощай, Масленица!»; 2-го хора – «Воротись, Масленица, воротись!». Л.М. Лотман отмечает: «Вся речь Масленицы состоит из примет народного земледельческого календаря» [16, с. 329]. А.Н. Афанасьев, чьи труды хорошо знал Островский, писал: «В последовательных превращениях природы, в характеристических признаках и свойствах различных времён года древние племена усматривали не проявление естественных законов, а действие одушевлённых сил – благотворных и враждебных, их вечную борьбу между собой, торжество то одной, то другой стороны» [1, с. 430].

Третье действие начинается хоровой песней девушек, пришедших повеселиться к Груше, а позже Вася с Груней и девушками уезжают с весёлой песней («Я пойду ли красна девка по Китаю...») кататься на тройках. В этом действии усиливается роль Масленицы как драматургического компонента, что проявляется в контрастном соотношении весёлого состояния девушек и подавленного – Груни, узнавшей, что Пётр женат, и самого главного героя: «Мою голову сняли с могучих плеч. / Мне милей теперь в сыру землю лечь! / Кто придумал такую обиду мне? / Кто зазною мою показал жене?...» [20, с. 39]. В черновом наброске к либретто можно наблюдать, как Островский пытается включить Масленицу в сценическое действие, она

вступает с Ерёмой и Петром в диалог. На вопрос Ерёмки «Широкая Масленица, куда идёшь?», отвечает Хор: «Невеселы мне проводы. / Ведут, тащат из города. / На саночках солома, / В упряжках мочалка». Диалог продолжает Петр: «Скажите, люди добрые / Где видели, где слышали / Жену мою немилую, / Немилую, постылую?» [15, л. 2]. «Во «Вражьей силе» Серов мыслит хор как “представителя” масленицы–провоцирующего, насмешливого, манящего...», отмечает современный исследователь [3, с.16]. Этот фрагмент также не вошёл в либретто, но он раскрывает творческую лабораторию Островского в его работе над оперным сценарием.

В IV акте «пространство» масленицы ещё более расширяется за счёт включения в сценическое действие уличных, площадных сцен. В соответствии с первоначальным планом Серов предложил Островскому добавить к 3-му акту вторую сцену, где «...можно показать краешком, сторонкой – последний день гулянья под Новинским...» [17, с. 108]. Впоследствии эта сцена разрослась до целого акта – четвёртого. «Сцена гулянки» и «Поезд проводов масленицы» выдвигаются на первый план и становятся своеобразной музыкально-драматической кульминацией произведения. А. Лунина, характеризуя новаторские черты оперы «Вражья сила», пишет, что музыковеды единодушно отмечают в ней первое в истории русской оперы воспроизведение колоритных жанрово-обрядовых сцен масленицы [10, с. 1]. Сцены масленичных гуляний относят к числу интереснейших музыкальных находок Серова.

В письме от 8 января 1868 г. Серов благодарил Островского за окончание либретто и сообщал, что собирается заехать к драматургу, чтобы поговорить «о двух, трёх подробностях, которые надо уладить вместе» [17, с.123]. В комментариях к письму В. Маслих отмечает, что это касалось 4-го акта либретто [17, с. 123]. Позднее в своих воспоминаниях В.С. Серова напишет о впечатлении композитора от присланного Островским IV действия, прежде всего от сцены масленичного загула. Неудовольствие у Серова вызвало то, что драматург «примешал бесов, – настоящих, с хвостами, рогами и проч. чертовскими атрибутами, – якобы смущающих толпу загулявших, а Ерёмку выставил чем-то вроде Каспара во “Фрейшюце”: полудиаволом в зипуне». Композитор вернул текст писателю с просьбой «написать масленичную сцену живьём, без прикрас, без сказочных эпизодов, а Ерёмку желал сохранить плутом» [22, с. 16, 17]. По словам В.С. Серовой, Островский «остался очень недоволен возвращением либретто» [22, с. 17]. Причина для недовольства вполне понятна. Драматург писал сцены масленичного гулянья в соответствии с первоначальным замыслом и пожеланиями самого композитора. Разно-

гласия Островского с композитором впервые, по видимому, появились в трактовке масленичных сцен IV действия либретто и образа Ерёмки. Об этом пишет и М.И. Ипполитов-Иванов в своих воспоминаниях о драматурге [6, с. 429]. Через полгода после завершения либретто Островским Серов пишет драматургу 26 июня 1868 г., что не считает либретто оконченным, изменяет не только название оперы («Вражья сила»), но и всю концепцию сценария. По новому замыслу композитора, опера должна заканчиваться «кровавой развязкой». Сначала Островский согласился внести изменения в текст либретто, о чём свидетельствует письмо Серова: «В ответ на мою длинную челобитную Вы написали мне, что “на днях” исполните всё по моему желанию (я получил эти строки 7 июля)» [17, с. 137]. В октябре этого же года Серов благодарит за присланные фрагменты и просит поскорее прислать ему «сцену гулянки» (2-я картина III акта) и сценки IV действия. Но работа над либретто замедлилась. «Она вступила в такую фазу, когда драматургу нужно было спорить с собой, находить новое художественное решение развязки. Кроме того, Островский в это время часто бывал нездоров» [19, с. 388–389]. На последнее письмо Серова (от 24 декабря 1868 г.), потребовавшего от Островского за две недели дописать недостающие сцены, драматург ответил: «Окончив последнюю комедию “Горячее сердце”, я ещё до отъезда в Петербург написал 2-ю сцену III акта и начал IV акт «Вражьей силы» [13, с. 295]. В конце письма он просит Серова оставить его в покое, приняв решение отказаться от сотрудничества с ним. Текст переделанных фрагментов либретто не сохранился, четвёртый акт дописывал сначала П.И. Калашников, затем Серов подключил других лиц. Таким образом, проблема авторства IV акта либретто остаётся актуальной до настоящего времени. Жена композитора пишет в своих воспоминаниях, что Островский особенно «увлёкся» четвёртым действием, полагая, что «в нём затронута народная, поэтическая и легендарная сторона» [22, с. 16].

А.Н. Островскому было близко суждение А.С. Пушкина о «площадном» происхождении драмы, составлявшей «увеселение народное». Драматург словно возвращает драму на площадь, сделав её «увеселением народным». В пьесах «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» обрядовый календарный праздник стал элементом драматургического действия, в оперном либретто «Вражья сила» Островский пошёл ещё дальше. В четвёртом действии на первом плане – сцены масленичного гулянья с многими внешними атрибутами масленичного обряда: катания в санях, игры ряженых, сцены хмельного разгула Петра с бражниками, и кульминация – «поезд проводов масленицы», который сопровождает «шуточный маскарад скорморохов и народа, окружённый густой толпой».

Ремарка 4-го явления передаёт эту красочную движущуюся картину: «Впереди поезда разные прыгающие скоморохи в харях, т. е. ряженые, кто одет козлом, кто – медведем, в вывороченных тулупах, кто – бочкой, кто – зайцем, кто – бесом с рогами и длинным хвостом, – толстяки, великаны – на ходулях, карлики, горбуны; посреди поезда: в огромных соломенных саях, с лошадьми в соломенной упряжи, сидит чучело великанши – это: сама масленица в очень пёстром и ярком наряде; сани шуточно изукрашены лентами и т. д.; за саями опять ряженые с музыкальными инструментами; кругом толпа взрослых и ребятишек; всё это беснуется, кричит и шумит во всю мочь; дудари и волынщики играют шумную песню» [20, с. 50].

В красочной народно-бытовой сцене драматург создаёт образ шумной и пёстрой толпы на масленичном гулянии, собирательный образ загулявшего народа. В это связи возникают параллели с изображением крестьянской массы в главе «Пьяная ночь» и «Сельская ярмонка» в эпической поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Поэт создаёт не только зрительный, но и звуковой образ толпы с помощью вербальных средств, Серов использует смелые, новаторские приёмы музыкального письма, вследствие чего образуется сложная полифоническая ткань.

Е.А. Рахманькова отмечает, что IV действие оперы открывается «сценой гулянки», «в основу которой положена народная песня “Как у нашего двора приукатана гора”, сообщённая Серову самим драматургом (использованная и в первом действии)» [18, с. 115]. Обратим внимание на то, что во 2-м явлении Пётр «под звуки Ерёмкиной балалайки» поёт народную песню «Как у нас-то козёл...», которая прозвучала в комедии «Бедность не порок» в сцене с ряжеными [14, с. 804]. Всё это, как справедливо пишет Е.А. Рахманькова, подтверждает «частичное авторство» Островского [18, с.116]. В 4-м явлении в массовой сцене «поезда проводов масленицы» вновь звучит песня Ерёмки с хором «Широкая масленица», её финальная часть: («Повезли вон из города / На саях, на соломенных») из II действия, что композиционно завершает картину народного праздника.

Таким образом, с большой долей вероятности можно говорить об участии драматурга в создании первой половины IV акта либретто «Вражья сила», именно в изображении «масленичной гулянки». Основные события второй половины действия и его финала, подготавливающие трагическую развязку в V акте, написаны в соответствии с планом Серова, изложенном в письме от 26 июня 1868 года. Примечательно, что конец IV действия завершается не сговором Ерёмки и Петра об убийстве Даши, а песней бражников, выходящих из кабака: «Ай-да масляна, развесёлая, / Ай разгульнице молодецкое» [20, с. 58]. К.И. Званцов,

хорошо знавший Серова, в своих воспоминаниях писал, что «оперу можно и следовало бы окончить 4-м актом, масленичной свалкой» [5, с. 673]. С ним согласен современный исследователь В.В. Горячих: «...развязка драмы могла бы (гипотетически) остаться в рамках масленичного пространства, выступив второй кульминацией оперы и наследуя первой (сцене проводов масленицы), сохранив её психологическое воздействие, отчётливо ощущаемое героями оперы (особенно Петром)» [3, с. 21]. В четвёртом акте органически сочетается основное действие с масленичным разгулом: чем веселее последний, тем сильнее и контрастнее драма Петра. «Композитору удалось контрапунктически сочетать судьбу героев и действие хоровое, народное», пишет А. Гозенпуд [2, с. 255]. Серов высоко ценил участие драматурга в создании сценария. Когда после его отказа сотрудничать с ним, он привлёк к написанию IV и V актов оперного переводчика П.И. Калашникова, то в письме к нему он приводит фрагменты из либретто Островского как образец.

Как известно, Островский выступил против предложенного Серовым трагического финала оперы – убийства Петром своей жены. В первоначальном сценарии предполагавшееся убийство Даши Петром было мотивировано масленичным загулом. По воспоминаниям Л. Луженовского, драматург рассказал ему свой план этого акта: «Последний день масленицы. Пётр, обезумевший и от масленичного разгула, и от неотвязной мысли, толкающей его на преступление, идёт один к проруби, чтобы утопиться. Поднимается метель, и в снежных вихрях проносятся перед Петром видения: «широкая масленица», за ней ведьмы, домовые, лешие, черти, козлы и т.п.» [9, с. 3]. В окончательном тексте финала либретто масленица осталась за сценой, зритель видел развязку «семейной драмы» прежде всего. Ни о каком нравственном «пере рождении» Петра, услышавшего великопостный звон к заутрене, нет и речи. По воспоминаниям театрального критика С.Н. Кругликова, Островский в беседе о либретто «Вражья сила» говорил: «...русский загул трагедией не кончается» [7, с. 7]. Карнавалльно-масленичный обряд воплощает духовный смысл воскрешения к новой жизни божества в виде прощания со старым годом (умирающим божеством) – проводы масленичного чучела зимы, и торжества рождения нового года (заново родившегося бога) – встречи весны, как и в «Снегурочке». Островский, по-видимому, не мог принять идею Серова об убийстве Петром жены как следствие этого масленичного загула, так как это противоречило смыслу народного весеннего праздника. Композитор же видел в масленице прежде всего её внешнюю, бытовую сторону – «русскую оргию», своего рода *Walpurgis nacht* «Фауста».

Следствием разного понимания масленицы и её роли в опере явилось также несогласие Островско-

го и Серова в трактовке образа Ерёмки. Композитор видел в нём представителя «вражьей силы», именно он склонял, по его мнению, Петра к убийству. Об этом он пишет в неопубликованном письме 1870 года к П.И. Калашникову, требуя внести изменения в конец четвёртого акта, когда Пётр и Ерёмка выходят из кабака: «... в шутовском и будто-неразличимом тоне речи Ерёмки должно проглядывать, что он как малый весьма хитрый (дьявол по уму) твёрдо держится своего плана: довести Петра до преступления, чтобы этим самым получить над ним, т.е. над всем его достоянием (Пётр очень богатый купец) – полную власть» [21, л. 1]. Для Островского этот персонаж важен как представитель народного мира, он участвует во всех массовых народных сценах. Ерёмка выступает в либретто воплощением «широкой масленицы», её стихийного языческого разгула. «Двойственность его образа – в смене его масок: в зависимости от ситуации он предстаёт то в образе озорного весельчака, шутника и затейника, то как носитель демонического, бесовского начала», – справедливо отмечает исследователь [10, с. 7]. Это проявляется в его взаимоотношениях с Петром, вступившим с ним в сделку. В характере Ерёмки присутствуют черты скоморохов, склонных к колдовству и ритуальному веселью. Таким образом, можно говорить о серьёзных различиях в понимании этого образа у создателей оперы «Вражья сила», что во многом объясняет отказ Островского сотрудничать с Серовым на последней стадии работы над оперой. Либретто, написанное Островским, пусть и не завершённое им, способствовало созданию оперы, отразившей поиски Серова, как и других русских композиторов (Мусоргского, Римского-Корсакова) в области русской народной музыкальной драмы во второй половине XIX века.

Библиографический список

1. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. Избранные статьи. – М.: Современник, 1982. – С. 425–447.
2. *Гозенпуд А. А.* Н. Островский на оперной сцене // Русский оперный театр XIX века (1857–1872). – Л.: Музыка, 1971. – С. 240–276.
3. *Горячих В.В.* «Вражья сила» А.Н. Серова и «Купец Калашников» А.Г. Рубинштейна // Учебное пособие по дисциплине «Музыкальная драматургия оперы». – СПб.: Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Римского-Корсакова, 2015. – С. 9–36.
4. *Григорьев А.* Русский театр в Петербурге (Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии и о наших драматургах с воздаянием чести и хвалы каждому по заслугам // Эпоха. – 1864. – № 3. – С. 222–241.
5. *Званцов К.И.* Александр Николаевич Серов в 1857–1871г.г. Воспоминания о нём и его письме // Русская старина. – 1888. – № 9. – С. 647–674.
6. *Ипполитов-Иванов М.И.* Встречи с Островским, его советы, указания... // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. – М.: Худ. лит., 1966. – С. 426–429.
7. *Кругликов С.Н.* «Вражья сила» А.Н. Серова // Артист. – 1893. – № 31 – С. 54–63.
8. *Кушир-Барановская Р.И.* А.Н. Серов (анализ оперы) // Русская музыкальная литература. Вып. 2. – Л., 1984. – С. 28–36.
9. *Новский Л.* <Луженковский Л.> Воспоминания об А.Н. Островском // Русские ведомости. – 1887. – № 134. – С. 3.
10. *Лунина А.* Карнавальный антимир в опере «Вражья сила» А.Н. Серова [Электронный ресурс] // Материалы I Международной интернет-конференции «Музыкальная наука на постсоветском пространстве». 15 ноября 2009 г. – 15 апреля 2010 г. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/26316759-Lunina-anna-karnavalnyu-antimir-v-opere-vrazhya-sila-a-n-serova.html> (дата обращения 15.04.2018).
11. *Максимов С.В.* Александр Николаевич Островский (Из воспоминаний) // Русская мысль. – 1898. – № 1. – С. 1–24.
12. *Овчинина И.А., Хромова И.А.* Оперное либретто А.Н. Островского «Вражья сила» (из истории текста) // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 92–96.
13. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
14. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. – Т. 1. Сочинения. 1843–1854. – Кострома, 2018. – 846 с.
15. *Островский А.Н.* Либретто оперы «Вражья сила» по народной драме «Не живи, как хочется». Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 218. – Оп. №1. – Ед. хр. 318.
16. *Островский А.Н.* Снегурочка: Пьеса / вступ. ст., подготовка текста и примеч. Л.М. Лотман. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 352 с.
17. А. Н. Островский и русские композиторы. Письма. – М.; Л.: Искусство, 1937. – С. 5–44.
18. *Рахманькова Е.А.* А. Н. Островский – либреттист. – Шуя.: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – 155 с.
19. *Ревякин А.И.* Москва в жизни и творчестве А.Н. Островского. – М.: Московский рабочий, 1962. – С. 382–391.
20. *Серов А.Н.* Вражья сила: опера в пяти действиях / либретто А.Н. Островского, П.И. Калашникова, Н.Ф. Жохова (по драме «Не так живи, как хочется») [Электронный ресурс] – СПб, 1871. – Режим доступа: <http://www.operalib.eu/vraziasila/vraziasila.html> (дата обращения 22.04.2018).
21. *Серов А.Н.* Заметки его и сопроводительное письмо к неизвестному Петру Ивановичу // РО ИРЛИ. – Р. 1. – Оп. 25. – Ед. хр. 41.
22. *Серова В.С.* Александр Николаевич Серов. Праздники и будни в нашей совместной жизни // Русская мысль. – 1913. – № 4. – С. 6–26.

References

1. Afanas'ev A.N. Drevo zhizni. Izbrannye stat'i. – M.: Sovremennik, 1982. – S. 425–447.
2. Gozenpud A. A. N. Ostrovskij na opernoj scene // Russkij opernyj teatr XIX veka (1857–1872). – L.: Muzyka, 1971. – S. 240–276.
3. Goryachih V.V. «Vrazh'ya sila» A.N. Serova i «Kupec Kalashnikov» A.G. Rubinshtejna // Uchebnoe posobie po discipline «Muzykal'naya dramaturgiya opery». – SPb.: Sankt-Peterburgskaya gosudarstvennaya. Konservatoriya im. Rimskogo-Korsakova, 2015. – S. 9–36.
4. Grigor'ev A. Russkij teatr v Peterburge (Dlinnye, no pechal'nye rassuzhdeniya o nashej dramaturgii i o nashih dramaturgah s vozdayaniem chesti i hvaly kazhdomu po zaslugam // Epoha. – 1864. – № 3. – S. 222–241.
5. Zvancov K.I. Aleksandr Nikolaevich Serov v 1857–1871g.g. Vospominaniya o nyom i ego pis'ma // Russkaya starina. – 1888. – № 9. – S. 647–674.
6. Ippolitov-Ivanov M.I. Vstrechi s Ostrovskim, ego sovety, ukazaniya... // A.N. Ostrovskij v vospominaniyah sovremennikov. – M.: Hud. lit., 1966. – S. 426–429.
7. Kruglikov S.N. «Vrazh'ya sila» A.N. Serova // Artist. – 1893. – № 31 – S. 54–63.
8. Kushnir-Baranovskaya R.I. A.N. Serov (analiz opery) // Russkaya muzykal'naya literatura. Vyp. 2. – L., 1984. – S. 28–36.
9. Novskij L. <Luzhenovskij L.> Vospominaniya ob A.N. Ostrovskom // Russkie vedomosti. – 1887. – № 134. – S. 3.
10. Lunina A. Karnaval'nyj antimir v opere «Vrazh'ya sila» A.N. Serova [Elektronnyj resurs] // Materialy I Mezhdunarodnoj internet-konferencii «Muzykal'naya nauka na postsovetskom prostranstve». 15 noyabrya 2009 g. – 15 aprelya 2010 g. – Rezhim dostupa: <https://docplayer.ru/26316759-Lunina-anna-karnavalnyy-antimir-v-opere-vrazhya-sila-a-n-serova.html> (data obrashcheniya 15.04.2018).
11. Maksimov S.V. Aleksandr Nikolaevich Ostrovskij (Iz vospominanij) // Russkaya mysl'. – 1898. – № 1. – S. 1–24.
12. Ovchinina I.A., Hromova I.A. Opernoe libretto A.N. Ostrovskogo «Vrazh'ya sila» (iz istorii teksta) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 3. – S. 92–96.
13. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – M.: Iskusstvo, 1973–1980.
14. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch. i pisem: v 18 t. – T. 1. Sochineniya. 1843–1854.– Kostroma, 2018. – 846 s.
15. Ostrovskij A.N. Libretto opery «Vrazh'ya sila» po narodnoj drame «Ne zhivi, kak hochetsya». Avtograf // RO IRLI. – F. 218. – Op. №1. – Ed. hr. 318.
16. Ostrovskij A.N. Snegurochka: P'esa / vstup. st., podgotovka teksta i primech. L.M. Lotman. – L.: Sov. pisatel', 1989. – 352 s.
17. A. N. Ostrovskij i russkie kompozitory. Pis'ma. – M.; L: Iskusstvo, 1937. – S. 5–44.
18. Rahman'kova E.A. A. N. Ostrovskij – librettist. – SHuya.: Izd-vo GOU VPO «SHGPU», 2011. – 155 s.
19. Revyakin A.I. Moskva v zhizni i tvorchestve A.N Ostrovskogo. – M.: Moskovskij rabochij, 1962. – S. 382–391.
20. Serov A.N. Vrazh'ya sila: opera v pyati dejstviiyah / libretto A.N. Ostrovskogo, P.I. Kalashnikova, N.F. Zhohova (po drame «Ne tak zhivi, kak hochetsya») [Elektronnyj resurs] – SPb, 1871. – Rezhim dostupa: <http://www.operalib.eu/vraziasila/vraziasila.html> (data obrashcheniya 22.04.2018).
21. Serov A.N. Zametki ego i soprovoditel'noe pis'mo k neizvestnomu Petru Ivanovichu // RO IRLI. – R. 1. – Op. 25. – Ed. hr. 41.
22. Serova V.S. Aleksandr Nikolaevich Serov. Prazdniki i budni v nashej sovместnoj zhizni // Russkaya mysl'. – 1913. – № 4. – S. 6–26.

**«ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА» А.Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА»
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 1870-Х ГОДОВ**

В статье показана органическая связь проблематики и поэтики «Снегурочки» Островского с поисками его современников, писателей эпохи 1870-х годов, и выявлено своеобразие эстетической позиции драматурга – выход за пределы враждующих друг с другом поэтических школ и преодоление противоречия между ними в новом художественном синтезе. Непрочность человеческих связей, исчезновение «родственного», «домашнего» из повседневного общения – весьма характерная примета нового времени, отражённая в творчестве Толстого и Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Островского. Выясняется, что конфликт драматурга с Некрасовым по поводу «Снегурочки» вызван не столько материальными причинами, сколько различием эстетических позиций. Некрасову оказался чужд новый поэтический синтез, отражавший широту и христианскую «веротерпимость» лирической души Островского. Вслед за эстетическим отторжением последовало неприятие и содержательной стороны «весенней сказки»: характерная для Некрасова-поэта социальная острота была явно смягчена в ней.

Ключевые слова: похолодание в природе, сердечная острота, душевное потепление, духовное исцеление.

«Снегурочка» создавалась в глубоко кризисное время, переживаемое Россией. Пафос сказки, несмотря на далёкий от конкретных событий современности сюжет, перекликается с «Анной Карениной» Л.Н. Толстого, «Братьями Карамазовыми» Ф.М. Достоевского.

Старец Зосима у Достоевского в своих беседах и поучениях говорит о болезненном состоянии современной России, в которой погоня за материальными благами привела к тому, что «мир духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью». В жизни, вступившей на чуждую России буржуазную стезю, люди «живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства». «А потому в мире всё более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей...» [1, с. 284]. Наступает время всеобщего уединения, рвутся не только дружеские, но и кровные связи между людьми.

В «Господах Головлевых» Салтыков-Щедрин тоже показывает, как по мере обогащения и материального преуспевания в собственнических душах дворян Головлевых совершается страшный процесс внутреннего опустошения.

И уже не в родственном единении между людьми, как некогда в «Войне и мире», пафос романа Толстого «Анна Каренина», а в разобщении между ними. Исчезли духовные связи, скреплявшие семью, и люди в доме Облонских почувствовали себя словно «на постоялом дворе».

Непрочность человеческих связей, исчезновение «родственного», «домашнего» из повседневного общения – весьма характерная примета нового времени.

То же самое неблагополучие, ту же самую духовную болезнь подмечает Островский в царстве берендеев. С некоторых пор померкло в нём служенье красоте, пропала супружеская верность, умножились тщеславие, корыстолюбие:

Короче, друг, сердечная острота
Повсюдная, – сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит [8, с.414].

В сказке Островского отсутствует чётко выраженная интрига, вокруг которой организуется драматургическое действие: весёлые берендеи провожают Масленицу, поют и водят хороводы на Красную Горку, невестятся и ссорятся, обсуждают причины неурожая, холодов и внутренних раздоров в своём царстве, наконец, встречают Ярилу.

Островский открывает в сказке иную природу драматургического действия, основанного на поэтическом развитии и драматическом столкновении двух противостоящих друг другу мотивов. Они заявлены в самом начале сказки в споре Весны и Мороза о судьбе их дочери Снегурочки, в борьбе друг с другом летних и зимних, тёплых и холодных природно-человеческих стихий.

Все последующие события – поэтическая разработка этих мотивов, в процессе которой они обретают многозначный социальный и природно-космический смысл. Тема Мороза, проходя через сказку, разрастается и разветвляется, подключая к себе очень разные характеры: Бобыля и Бобылиху, Елену Прекрасную, торгового гостя Мизгиря из посада царя Берендея. Весенней теме отвечает противопоставленный эгоистическому Мизгирию добрый царь Берендей, девушка с «горячим сердцем» Купава, друг Солнца и любви пастух Лель. Между двумя стихиями – тепла и холода – колеблется душа Снегурочки, дочери Весны и Мороза.

Композиционные связи природно-фантастических и реально-бытовых героев сказки порождают многозначные и ёмкие художественные обобщения. Природное тепло и свет в драме не только соотносятся с душевным теплом на правах условной поэтической параллели: наличие щедрых лучей

солнца в мире природы ставится в прямую зависимость от меры дружбы, любви и согласия в жизни берендеев. Спор Мороза и Весны в прологе о судьбе их дочери Снегурочки в разных вариациях отзвучивает в разговорах Берендея с Бермятой, в обращении со Снегурочкой завистливых и тщеславных Бобылей, в конфликте Мизгири и Купавы.

Мороз, Бобыли, Мизгирь несут в мир те стихии природного и душевного холода, которые навлекают на себя гнев Солнца, мстящего природе и людям земли за «остуду». Спорят между собою в сказке и два типа земной красоты. Один утверждает Мороз – это холодная красота оцепенения, безмолвия и бесчувственности. Другую несет в мир Весна – горячую красоту жизни и возрождения. Драматургическое развитие конфликта – это процесс постепенного природного и человеческого потепления, завершающийся торжеством солнечного света. Этому торжеству способствуют Весна, царь Берендей, пастух Лель и жертвенно-самоотверженная Снегурочка, устраняющая своей гибелью природный и душевный холод из царства Берендеев.

Конфликт, пронизывающий художественную ткань произведения, имеет и социальный подтекст. Союз Весны и Мороза – неравный: старик держит в неволе молодую Весну, самодурствует, как распоясавшийся купец из бытовых пьес Островского. Подобно Диким и Кабанихам он со злым недоверием встречает всё живое, трепетное и тёплое. Самодурствуя в метельном неистовстве, он знобит и морозит Весну и берендеев. Этот неравный брак, нарушающий установленный Солнцем природный лад, навлекает гнев всеисильного бога. Солнце хмурится и скорбит, попуская до времени морозные зимы и затяжные весенние холода.

В споре Весны и Мороза о судьбе Снегурочки скрывается в подтексте семейно-бытовая тема, одна из ключевых в драматургии Островского. Молодая мать-Весна бережно лелеет в дочери ростки распускающейся жизни, хочет дать им простор и волю. Мороз же, напротив, считает любовь и волю губительными. Подобно купеческому самодуру-отцу, он хочет замкнуть свою дочь в холодный терем, удержать её при себе щедрыми дарами, не понимая, что любовь и воля дороже всяких материальных благ.

Спор заканчивается компромиссным решением: Мороз соглашается отпустить Снегурочку к людям, но отдаёт её в дочи к бессемейным и безалаберным Бобылям, холодным, бездуховным и бессердечным. У Мороза тут своя «купеческая» логика: он считает, что на Снегурочку, живущую в бедной семье, никто из женихов не позарится.

А в Снегурочке между тем идёт напряжённая психологическая борьба, драматическое столкновение двух наследственных начал, несовместимых друг с другом. От Мороза-отца она унаследовала стихию душевного холода и отчуждения, от мате-

ри-Весны – тоску по воле, любви, полнокровному общению.

Островский развёртывает в драме психологически достоверную историю пробуждения Снегурочки. Созревая для горячих человеческих чувств, для сердечных отношений, она тает, самоуничтожается, побеждая своей смертью стихию душевного холода, заключённую в её наследственной природе. Гибелью она искупает и свой, и всеобщий грех сердечной остуды, в который впали вместе с ней и были наказаны Солнцем берендеи.

Этот грех неспроста тревожит царя Берендея. В его владениях с некоторых пор исчезло благополучие, воцарился холодный расчёт и трезвое бессердечие. Таков, например, его подданный Бобыль – эгоист и ленивец, любящий пображничать и попить на чужой счёт. Почему Бобыль с Бобылкой берут к себе в приёмные дочери Снегурочку? Не беззащитность этой невинной девочки-подростка, не сострадание к ней являются причиной, а совсем другое. Их прельщает красота Снегурочки, которая будет привлекать к ней молодых берендеев: «Краса твоя девичья то ж богатство» [8, с. 385]. Подобно будущей героине «Бесприданницы» Харите Огудаловой, приёмные родители мечтают выгодно продавать красоту дочери-бесприданницы, собирать с будущих её женихов как можно больше барышей. Они так и учат наивную, холодную ко всем обожателям Снегурочку:

Соскучишься с одним, поприглядится,

Повытрясет кису, мани другого... [8, с. 386–387]

Они даже радуются, что Снегурочка любить не может:

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,

Пожалуй, так и лучше [8, с. 387].

За что же наказываются ревнивым богом Солнца Снегурочка и Мизгирь? Почему Берендей считает солнечную кару правой, а тревогу берендеев по поводу печальной кончины Снегурочки напрасной? Эти вопросы явились и являются камнем преткновения для нескольких поколений исследователей и читателей «Снегурочки». Как сказал А.Р. Кугель, «нет ничего труднее, как понимать просто написанное». Современный человек, склонный эстетизировать жизнь, легко отделяет красоту от добра и прельщается ею. Впадая в «прелесть», он никак не может почувствовать высшей справедливости в словах царя Берендея. Они кажутся ему неоправданно жёсткими и даже жестокими.

Но ведь центральный мотив «весенней сказки» Островского связан именно с темой губительности бессердечной красоты. Вплоть до чудесного преобразования Снегурочки под влиянием матери-Весны в финале сказки её красота остаётся холодной и сеет раздор и ссоры в мире берендеев. Равнодушно следуя за Мизгирём, Снегурочка наивно безразлична к горю Купавы, лишена сострадания и вины перед нею. Она не понимает её тоски, обиды, горьких слёз. Ледяное её сердечко столь же равнодуш-

но и к страданиям других девушек, у которых она бессознательно «отбивает» женихов. Равнодушна она и к своим поклонникам, не понимая их терзаний, не сознавая причины слёз, пробегающих по их щекам:

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
Что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за слово
«Сердечный друг» и что такое «милый»,
Не ведаю [8, с. 387].

Не ведаёт Снегурочка и радость поцелуя, не чувствует скрытую за ним одушевлённую страсть:

За поцелуй поёшь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким, – поцелуи
Такие же слова: «прощай и здравствуй!» [8, с. 391]

В беседе с Берендеем Бермята именно Снегурочку считает главной причиной раздоров, смут и сердечного похолодания в душах берендеев:

Передрались все парни за неё.
На женихов накинудили невесты
Из ревности, и брань идёт такая –
Усобица, что только руки врозь! [8, с. 416]

И мудрый царь Берендей связывает беды, охватившие его царство, с опасной своей холодностью красотой Снегурочки:

Пятнадцать лет она жила меж нами.
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце [8, с. 456].

На Снегурочке действительно лежит тяжкая вина за обиды, причинённые людям её бессердечием. Эта вина вызывает к искуплению, которое и вершится в конце драмы. Трагическая тема холодной красоты, самодостаточной, закрытой, свободной от Добра и Правды, станет отныне ведущей у Островского. Она получит глубокую психологическую разработку в его позднем творчестве, особенно в драме «Бесприданница».

Как трагическая героиня, Снегурочка сама выбирает свою судьбу. Она упрекает мать:

Отец-Мороз, и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили... [8, с. 448]

Тему Мороза, Бобыля подхватывает в «весенней сказке» торговый гость Мизгирь. Он привык покупать «любовь» девушек, он соблазняет их «золотыми ключами от кованых ларцов». Но холодное бессердечие Мизгирия в обращении с Купавой возмущает народ. Царь Берендей говорит о Мизгире:

Вина его ужасна, берендеи.
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой... [8, с. 423]

Холодный эгоист, Мизгирь за свою жизнь «вызубил» душу не одной Купаве. В своём бесчувствии он принимал за любовь купленные за деньги плотские утехы, никогда не касавшиеся глубин его сердца. И даже проснувшись, наконец, любовь к Снегурочке не ограждает его от самомнения и гордыни. Склоняя колени перед любимой девуш-

кой, он одновременно и сердится на неё: «...За горечь униженья заплатишь ты!» – бросает он злой упрек Снегурочке. И та не без основания думает:

О, если всё такая
Живёт любовь в народе, не хочу,
Не буду я любить [8, с. 440].

Ни понять, ни пожалеть, ни спасти Снегурочку самовлюблённый «торговый гость» не может. И потому её печальная кончина остаётся на совести Мизгирия. А «страшная погибель» является возмездием за его эгоизм. Л.В. Черных, сравнивая Мизгирия с пушкинским Дон Жуаном из «маленькой трагедии» «Каменный гость», приходит к точному выводу: «...отношение Островского к эгоизму Дон Жуана более суровое, чем отношение Пушкина. Недаром он дал своему герою имя Мизгирь, то есть паук» [12, с. 409].

Так готовится в драме ключевой диалог царя Берендея с Бермятой. Ясно, почему гневается на берендеев Солнце, почему и без того короткое северное лето становится год от году короче, а вёсны холодней. Ясно, почему утратили силу молитвы берендеев, и уже пятнадцать лет не является Ярило на их призыв. Царь Берендей называет главные причины бедствия: «охлаждение сердец» в его подданных, угасание любовной горячности; померкло в Берендеевом царстве служенье красоте, мужья остыли к жёнам, а в жёнах пропала супружеская верность. Зато окрепли и умножились в нём пороки: тщеславие, корыстолюбие и воровство.

Но в то же время над сказкой веет дух утопии. Мудрый царь Берендей – её исповедник. По складу своего характера он напоминает русского крестьянина, не растерявшего веру в добро и справедливость, судящего поругателей нравственных святых судом правды и совести, отзывчивого на чужую боль [10, с. 19–20]. По-крестьянски сердобольны его обращения к исповедующейся перед ним Купаве: «Сказывай, милая, сказывай...».

В Берендее представлен душевный лад русского крестьянина с нерасчленённостью в его сознании Добра, Истины и Красоты. Берендей соединяет добротолубие и правдолубие с художественной одарённостью: он сам расписывает царские палаты, ему «любезна игра ума и слова». По-народному добродушен предложенный Берендеем путь спасения подданных от пороков, опутавших их.

Продумал я всю ночь, до утра вплоть,
И вот на чём остановился: завтра
В Ярилин день, в заповедном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моём народе,
Девуц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим... [8, с. 415]

Есть в этих мечтах царя Берендея доля прекрасноты, наивной доверчивости, простодушной веры в конечное торжество любви и добра в помрачённых грехами душах его подданных. Неспроста

Бермята предупреждает царя, что такая встреча Солнца вряд ли возможна ныне. А вслед за сомнением Бермяты звучит горестная исповедь обманутой Купавы:

Дай-ко, спрошу тебя,
Батюшко, светлый царь:
Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли,
Али уж в людях-то
Вовсе извериться? [8, с. 418]

Спасение невозможно без избавителя, готового на искупительную жертву. Такой избавитель в сказке находится: это – Снегурочка, созревшая к тому, чтобы растаять ради себя и людей, ради одухотворённой и горячей любви. Обращаясь за помощью к матери-Весне, она говорит:

Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слёз [8, с. 449].

В финале драмы, когда Снегурочка «заклубилась лёгким паром и в лучах зари исчезла», когда иступлённый Мизгирь бросается в озеро с Ярилиной горы, царь Берендей, потрясённый случившимся, говорит:

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгира
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье –
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с её чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось [8, с. 456].

Мудрый Берендей прав: в финале драмы торжествует высшая справедливость. Искупительная жертва сменяет гнев Солнца на милость, и к прозревающим, «оттаивающим» от зимнего холода берендеям возвращается тепло. Обращаясь к народу, царь Берендей взывает:

Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу [8, с. 456].

За этими словами скрывался, конечно, и призыв Островского к своим соотечественникам, души которых всё более и более заволакивал эгоизм, убивающий совесть, придающий самой красоте, свободной от добра, холодную беспощадность, разрушительный демонизм.

Литературная и сценическая судьба «Снегурочки» не оправдала ожиданий Островского. Обращение драматурга к поэтическому сюжету, далёкому от прямой связи со злобой дня, вызвало недоверчивое отношение к «весенней сказке» в так называемых «прогрессивных кругах» русского общества [11]. Им показалось, что Островский изменил обличительному пафосу своей драматургии. Особенно огорчило Островского прохладное отношение к сказке Н.А. Некрасова, предложившего за неё оскорбительно низкий гонорар.

25 апреля 1873 года Островский писал Некрасову: «Я просил Вас прочесть “Снегурочку”, ска-

зать мне искренне Ваше мнение о ней и оценить мой труд, – и не без волнения я ждал Вашего ответа; а вчера получил от Вас приговор моему новому произведению, который, если бы я уже не имел от многих лиц, уважаемых мною, других отзывов, мог бы привести меня в отчаяние. Я, постоянный Ваш сотрудник, в этом произведении выхожу на новую дорогу, жду от Вас совета или привета, и получаю короткое, сухое письмо, в котором Вы цените новый, дорогой мне труд так дёшево, как никогда ещё не ценили ни одного моего заурядного произведения» [6, с. 425].

Социальная острота и связанный с нею радикализм общественных воззрений Некрасова расходились с благодушием и терпимостью Островского. На этой почве и произошла, по всей вероятности, опасная размолвка между ними в оценке «Снегурочки».

«Это недоразумение, – утверждал В.Я. Лакшин, – могло иметь неприятные последствия, потому что нашлись люди, которые обрадовались ему и хотели его разжечь. Романист Г. Данилевский, испытывавший давнюю и стойкую неприязнь к Островскому, писал А.С. Суворину: “Уж если что ругать, то новую пьесу “Снегурка” Островского. Там каждая страница просится в пародию, скука непроходимая”. <...> Но мелкому злорадству не удалось развести Некрасова и Островского» [3, с. 455].

Но ведь в какой-то мере всё-таки удалось! Раздосадованный драматург взял рукопись из редакции «Отечественных записок» и передал «весеннюю сказку» в журнал М.М. Стасюлевича «Вестник Европы», где она и была опубликована в сентябрьском номере за 1873 год. Правда, Островский не покинул журнал и написал Некрасову: «Что касается до будущих моих произведений, то я не нахожу никакой причины удаляться от журнала, которому я вполне и глубоко сочувствую, – разумеется, если только Вы сами не будете относиться к моим новым трудам так же оскорбительно, как отнеслись к “Снегурочке”» [6, с. 426].

В письме от 10 мая 1873 года, стараясь подвести итог возникшим разногласиям, Некрасов сказал: «Многоуважаемый Александр Николаевич. Я только что вернулся с охоты, прочёл Ваше письмо и очень рад ему. Всё дело было в недоразумении, которое, к счастью, разрешилось скоро и вполне, и теперь о нём не должно быть помину. Посвягать на Ваши интересы не было у меня и в помышлении, да и вперёд это дело немыслимое, поэтому я также уверен, что на будущее время журнальные наши отношения пойдут своим чередом. “Отечественные записки” никогда не затруднятся выплачивать Вам от 1200 до 1500 руб. за пьесу, а если пьеса будет в стихах, то спишемся. Следующую Вашу пьесу я непременно прошу Вас дать нам, между прочим, потому, чтоб не подумала публика, что мы поссорились. Вообще две, даже часто три Ваши

пьесы в год на условиях, приближающихся к вышеозначенным, “Отечественные записки” могут напечатать, не выходя из своих расчётов. Примите это сообщение к сведению» [5, с. 21–22].

В деловых вопросах Некрасов всегда оставался для простодушного и доверчивого Островского загадочным человеком, напоминающим Василькова, героя его комедии «Бешеные деньги». Васильков, обращаясь к Лидии Чебоксаровой в финале этой комедии Островского, говорит: «Но знайте, что я из бюджета не выйду. <...> Только бешеные деньги не знают бюджета» [7, с. 248]. Очевидно, и сам Некрасов, примеривая на себя личность этого персонажа, пытался ловко вывернуться из неприятной ситуации. Об этом убедительно писал Н.Н. Пайков в специальной статье [9]. Некрасов, объясняя, почему он назначил за «Снегурочку» столь невысокую, оскорбившую Островского плату, использовал любимое выражение Василькова: «Я издержал много на первые книги “Отечественных записок” и купил у Полонского поэму, которая, по моему мнению, хороша; так как в ней до 4 тысяч стихов, то пришлось заплатить много; заплатить много ещё за вещь *на этот год* – значило бы для меня *выйти из бюджета*, из которого я не имею права выходить, и таким образом случилось, что я предложил Вам за “Снегурочку” менее, чем заплатил за “Комика”, хотя “Снегурочка” даже по объёму больше...» [5, с. 20].

Низкая оценка Некрасовым «весенней сказки» была связана, конечно, не только с материальными затруднениями редактора «Отечественных записок». Существовали более глубокие эстетические причины, обусловившие это неприятие. «Снегурочка», как отмечал М.П. Лобанов, «явилась для многих современников поэта неожиданным чудом. Но ведь такой же неожиданностью было после “бытовых пьес” драматурга и появление его исторических драм, особенно “Воеводы”. Чудо, конечно, было, и состояло оно в том, что написал “Снегурочку” пятидесятилетний поэт, а какая свежесть чувств, молодость души! Сколько надо иметь неистраченных сил, чтобы вызвать к жизни этот удивительно поэтический мир “весенней сказки” с её неисчерпаемым богатством чувств, эмоций! Но близко знавшие Островского не удивлялись неожиданному откровению его поэтического таланта. Младший брат Александра Николаевича – от второго брака отца – Пётр Николаевич, который обладал редким эстетическим чутьём и с замечаниями которого считались крупные писатели, поражался слепоте тех, кто привык оценивать пьесы Островского по узко-бытовой мерке. “Забывают, – говорил Пётр Николаевич, – что прежде всего он был поэт, и большой поэт, с настоящей хрустальной поэзией, какую можно встретить у Пушкина или Аполлона Майкова. Согласитесь, что только большой поэт мог создать такой перл народной

поэзии, как “Снегурочка”. Возьмите хотя бы жалобу Купавы царю Берендею – ведь это чисто пушкинская красота стиха”» [4, с. 335–336].

Но «чудо» «весенней сказки» заключалось, скорее всего, в том, что, опережая развитие русской поэзии почти на целое десятилетие, в самом начале 1870-х годов Островский совершил настоящее поэтическое открытие. Он дал неожиданный и неприемлемый для эстетической позиции Некрасова и поэтов его круга художественный синтез двух враждовавших друг с другом направлений – «некрасовской школы» и «чистого искусства». С одной стороны, в «Снегурочке» явно ощутимы мотивы некрасовской поэмы «Мороз, Красный нос». Ими открывается монолог Весны:

Печальный вид: под снежной пеленою
Лишённые живых, весёлых красок,
Лишённые плодотворящей силы,
Лежат поля остывшие [8, с. 366].

Затем они звучат в монологах Мороза:

Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысереблю ночь,
Уж то-то мне раздолье и простор [8, с. 369].

Однако резкие, социально сгущённые краски некрасовской поэмы в «весенней сказке» Островского смягчены и «размыты» присутствием в них мотивов лирической поэзии Фета из его циклов «Снега» и «Гадания»: «“Одушевлённые” снега становятся основой мифа о Снегурке, а способность снега таять и у Фета, и у Островского прямо соотносится со способностью человека к глубокому, “сжигающему” чувству» [2, с. 89].

В широкий диапазон поэтического синтеза у Островского входит не только Фет, но и поэзия А.В. Кольцова, особенно ощутимая в песнях Леля:

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;
Сиротинка-девушка
На горе родилась [8, с. 392].

В словах царя Берендея ощутимо влияние А.Н. Майкова с характерным для него искусством живописной детали:

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склонённый ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью
Серебряной росы, – и дышит цветок
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье [8, с. 426–427].

Слышны в «весенней сказке» отголоски былин, сказаний и песен Л.А. Мея: «Хозяин», «Русалка», «Вихорь», «Леший», «Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую». А рядом с поэзией современников, в органическом единстве с нею в «весенней сказке» широко используются фольклорные мотивы, реминисценции из «Слова о полку Игореве» и других памятников древнерусской литературы.

Новый поэтический синтез, отражавший широту и христианскую «веротерпимость» лирической души Островского, вероятно, и вызвал неожиданную для драматурга пренебрежительно-снишодительную оценку Некрасова. Вслед за эстетическим отторжением последовало неприятие и содержательной стороны «весенней сказки»: характерная для Некрасова-поэта социальная острота была явно смягчена в ней.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 14. – Л.: Наука, 1976. – 512 с.
2. *Кошелев В.А.* «Снегурочка» Александра Островского и поэзия Афанасия Фета // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского: материалы науч.-практ. конф. – Кострома, 2001. – С. 86–93.
3. *Лакшин В.* Александр Николаевич Островский. – М.: Искусство, 1976. – 528 с.
4. *Лобанов М.П.* Островский. – М.: Молодая Гвардия, 1989. – 400 с. – (Жизнь замечательных людей).
5. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Т. 15, кн. 2. – СПб.: Наука, 2000. – 640 с.
6. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 11. Письма (1848–1880). – М.: Искусство, 1979. – 782 с.
7. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. Пьесы (1868–1871). – М.: Искусство, 1974. – 600 с.
8. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 7. Пьесы (1866–1873). – М.: Искусство, 1977. – 606 с.
9. *Пайков Н.Н.* Личность Н.А. Некрасова как художественный материал в творчестве А.Н. Островского // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов. – Шуя, 2006. – С. 178–192.
10. *Розанова Л.А.* Берендеи и их царь как носители русского национального характера // Национальный характер и русская культурная традиция в творчестве А.Н. Островского: материалы науч.-практ. конф. Ч. 2. – Кострома, 1998. – С. 18–30.
11. *Тихомиров В.В.* О восприятии «Снегурочки» современниками драматурга // «Снегурочка» в кон-

тексте драматургии А.Н. Островского: материалы науч.-практ. конф. – Кострома, 2001. – С. 109–112.

12. *Черных Л.В.* А.Н. Островский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. – Л.: Наука, 1982. – С. 369–416.

References

1. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – T. 14. – L.: Nauka, 1976. – 512 s.
2. Koshelev V.A. «Snegurochka» Aleksandra Ostrovskogo i poeziya Afanasiya Feta // «Snegurochka» v kontekste dramaturgii A.N. Ostrovskogo: materialy nauch.-prakt. konf. – Kostroma, 2001. – S. 86–93.
3. Lakshin V. Aleksandr Nikolaevich Ostrovskij. – M.: Iskusstvo, 1976. – 528 s.
4. Lobanov M.P. Ostrovskij. – M.: Molodaya Gvardiya, 1989. – 400 s. – (Zhizn' zamechatel'nyh lyudej).
5. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. – T. 15, kn. 2. – SPb.: Nauka, 2000. – 640 s.
6. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – T. 11. Pis'ma (1848–1880). – M.: Iskusstvo, 1979. – 782 s.
7. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – T. 3. P'esy (1868–1871). – M.: Iskusstvo, 1974. – 600 s.
8. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – T. 7. P'esy (1866–1873). – M.: Iskusstvo, 1977. – 606 s.
9. Pajkov N.N. Lichnost' N.A. Nekrasova kak hudozhestvennyj material v tvorchestve A.N. Ostrovskogo // A.N. Ostrovskij. Materialy i issledovaniya: sb. nauch. trudov. – SHuya, 2006. – S. 178–192.
10. Rozanova L.A. Berendei i ih car' kak nositeli russkogo nacional'nogo haraktera // Nacional'nyj karakter i russkaya kul'turnaya tradiciya v tvorchestve A.N. Ostrovskogo: materialy nauch.-prakt. konf. CH. 2. – Kostroma, 1998. – S. 18–30.
11. Tihomirov V.V. O vospriyatii «Snegurochki» sovremennikami dramaturga // «Snegurochka» v kontekste dramaturgii A.N. Ostrovskogo: materialy nauch.-prakt. konf. – Kostroma, 2001. – S. 109–112.
12. CHernyh L.V. A.N. Ostrovskij // Russkaya literatura i fol'klor. Vtoraya polovina XIX veka. – L.: Nauka, 1982. – S. 369–416.

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ П.В. АННЕНКОВА В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» (по письмам к М.М. Стасюлевичу)

В статье рассматривается история двух публикаций П.В. Анненкова в «Вестнике Европы» («Замечательное десятилетие», «Идеалисты тридцатых годов») по его заметкам в письмах к редактору журнала; уточняются обстоятельства подготовки мемуаров «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года» для первого тома «Воспоминаний и критических очерков» в издательстве М.М. Стасюлевича. Главное внимание в статье уделено новым деталям творческой истории «Замечательного десятилетия»; отмечены роль личности и имени В.Г. Белинского в структуре воспоминаний и особенности повествования в связи с работой мемуариста по материалам неписанным, в отличие от биографического очерка А.Н. Пыпина о критике. При рассмотрении статьи «Идеалисты тридцатых годов» наше внимание было сосредоточено на осмыслении Анненковым значения мистических романтических идеалов молодого Герцена в творческой и жизненной судьбе знаменитого автора. Сопоставление темы Герцена-эмигранта в «Идеалистах тридцатых годов» и в «Замечательном десятилетии» выявляет различие принципов историко-литературного жанра и мемуаров.

Ключевые слова: Анненков, «Вестник Европы», Стасюлевич, Гоголь, воспоминания, письма, Белинский, Герцен.

Летом 1873 года в Петербурге М.М. Стасюлевич предложил П.В. Анненкову подготовить отдельное издание его работ по критике и истории литературы. «После нашего разговора в Летнем саду, – писал Анненков из Ниццы Стасюлевичу 1 ноября 1873 г., – я поручил одному комиссионеру собрать, по возможности, мои старые литературные грехи и надеюсь <...> представить те из них, которые носят наименее ужасающий характер» [9, с. 299]. Анненков полностью доверял деловым качествам и литературному вкусу Стасюлевича. Отсылая свои работы для «Воспоминаний и критических очерков», Анненков обратился к Стасюлевичу: «...почистите меня маленько, пригладьте, где растрепан, выпустите то, что переговорено, и договорите то, что косноязычно. <...> спорить и прекословить потом не буду» [9, с. 324]. По поводу выбора статей к печати Анненков заметил: «...есть вещи, не заслуживающие второго рождения на свет, как например, хвалебные статьи о Григоровиче, которые более отражают заблуждения эпохи, чем критические способности рецензента». Но тут же добавил: «А впрочем пускай и дурачества времени отражаются. Когда же и у кого их не было?» [9, с. 325].

После прочтения воспоминаний о Гоголе («Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года»; первая публикация в журнале «Библиотека для чтения» в 1857 г.) Стасюлевич послал Анненкову вопросы для уточнения некоторых фактов [9, с. 325–326; ответы Анненкова – с. 326–329]. Правка текста при подготовке к печати, история многолетнего общения Гоголя с автором мемуаров подробно освещены в комментариях Ю.В. Манна в издании «Литературных воспоминаний» Анненкова 1983 г. [2, с. 541–571]. Переписка Анненкова со Стасюлевичем содержит дополнительные сведения по этой теме. «Воспоминания о Гоголе весьма замечатель-

ная вещь, – так заключил Стасюлевич своё письмо с вопросами Анненкову в августе 1876 г., – и из-за неё одной стоило бы предпринять сборник. Лучшего о Гоголе ничего не было сказано, и как жаль, что я не имел этой статьи под руками, когда два года тому назад строчил в Киссингене свой биографический очерк для Русской библиотеки!» [9, с. 326]. Вступительную статью Стасюлевича к тому Гоголя в 1874 г. Анненков тогда одобрил, но оспорил важнейшее утверждение: «... Действительно ли в первый, молодой период жизни Гоголь отпирается тем ключом, который Вы даете, – т.е. разладицей между талантом и мистическим (лирическим по скромному Вашему выражению) строем своей жизни?» Далее Анненков изложил кратко свою концепцию духовной драмы писателя, о которой подробно шла речь в воспоминаниях: «Я всё держусь – и не без причины – того мнения, что в первую пору своего развития Гоголь был совсем свободным человеком, чрезвычайно искусно пробивавшем себе дорогу, а то, что кажется в нем порывами в иной мир, <...> должно считать не более, как маленьким, невинным плутовством, отводившим глаза и потешавшим людей, иначе настроенных, чем он. Лирическим субъектом он сделался вполне только тогда, когда успехи его внушили ему идею об особенном его призвании на Руси, не просто литературном, а реформаторском. Тогда он и заговорил с друзьями языком ветхозаветного пророка, тогда и явилась разладица между талантом и умственным настроением, которая и свела его в могилу» [9, с. 308–309].

Высказав свою точку зрения на раннего и позднего Гоголя, Анненков тут же признал неправоту претензии на окончательное суждение: «...простите болтовне, конечно, все-таки не разрешающей самого вопроса. Она только годна на то, чтоб не оставить сомнения в существовании вопроса» [9, с. 309]. Категоричность оценок лите-

ратурных фактов не характерна для Анненкова, что послужило основанием для мнения некоторых его современников об отсутствии у критика собственной позиции. Однако эту особенность стиля Анненкова современный исследователь И.Н. Сухих воспринимает как «напоминание о культуре несогласия, культуре полемики»: это «способ говорить о писателе и писателю резкие вещи, не обижая его»; «... жало откровенного суждения упрятывалось в оговорки и дебри придаточных предложений» [10, с. 29, 30].

План издания, составленный Стасюлевичем, Анненков принял, но попросил исключить из предисловия упоминание о большой новой работе автора – «оно походит на рекламу»; «будущий труд должен отвечать сам за себя, когда придёт время его опубликования». Нынешний трехтомник – «коллекция прошлых трудов так и должна остаться археологической коллекцией» [9, с. 329]. Чутко реагируя на исторические перемены в русской общественной жизни, Анненков сомневался в читательском интересе к своему имени, в его письмах не раз звучали подобные суждения. Отсылая ответы на вопросы Стасюлевича по изданию воспоминаний о Гоголе, Анненков предупреждает «откровенно, хотя и с запинкой, что факты из жизни старых наших партий, в них рассказанные, будут для многих любопытны и покажутся, может статься, важнее и умнее лица, их передающего» [9, с. 329]. Позднее, после выхода двух томов «Воспоминаний», Анненкова удивил спрос на них: «Вы создали надгробный памятник, который, по Вашим словам, начинает окупаться – ведь это чудо своего рода. Памятники эти обыкновенно вызывают только молитву за упокой души» [из письма от 23 марта 1880 г. – 9, с. 381].

Свои прежние работы Анненков правил активно для отдельного издания, дополнял, удалял лишнее. Получив в Цюрихе в сентябре 1876 г. три письма Стасюлевича, он поблагодарил за присланные для поправок «Провинциальные письма» и статью о Григоровиче: «...чистка началась», теперь «сделалось ясно, как нуждались статейки в шелоке и катке» [9, с. 332–333]. Он сожалел, что затерялось его письмо к Щепкину о Рашели на петербургской сцене, опубликованное в «Москвитянине» в 1854 г. или 1855 г., – «где его теперь отыскивать!». В своё время статью Анненкова о Рашели заметили: о статье упоминал Ю.Ф. Самарин в письме-рецензии к М.П. Погодину в январе 1854 г. в связи с предполагаемой публикацией в «Москвитянине» «элегии-оды-сатиры» Ап. Григорьева. В этом стихотворении громадному успеху на московской сцене комедии «Бедность не порок» была противопоставлена холодная, «чужая» игра Рашели, гастроли которой проходили в январе в Москве. «Не выдавши Рашель, – писал Самарин, – я не могу сказать, можно ли в ее лице карать *фальшь* и *ложь* в искусстве. Если справедливо то, что пишет Анненков в письме к Щепкину, то едва

ли справедливо ставить ее на одну доску с штуке-ром Рислеем. Вообще мне кажется, что *повод* к падению на подражательность и фальшивость, как в искусстве, так и в увлечении публики, избран неудачно. Рашель сделалась невинною жертвою чужих грехов» [цит. по: 6, с. 109]. «Письмо из Петербурга о Рашели к М.С. Щепкину» 6 ноября 1853 г. было опубликовано в журнале «Москвитянин» в ноябре 1853 г., № 22. Анненков в «Письме к Щепкину» не только передал свои впечатления от игры Рашели в Петербурге в трагедии «Федра», но и высказался о законах сценической декламации, о соотношении искусства и жизни, о психологизме Расина, о смелом обновлении гениальной актрисой выразительности монологов в классической трагедии. В наше время эта рецензия Анненкова и ещё два его «Письма к Щепкину» («Москвитянин» 1853, № 23 и 1854, № 3–4) о гастролях Э. Рашели переизданы в двухтомнике, посвященном творчеству знаменитого артиста [4, с. 333–341].

Параллельно с отделкой старых статей Анненков приходит к новым замыслам, связанным с его прежними интересами. Один из них был подсказан Анненкову статьями А.Н. Пыпина о Белинском. В самом начале издания «Вестника Европы» Анненков поддержал идею привлечения Пыпина к участию в журнале после закрытия «Современника». В письме к Стасюлевичу от 6 июля 1867 г. Анненков подчёркнул, «какой это порядочный человек, когда стоит один и отдельно от своих друзей и своей партии. Он для меня составляет поучительный пример жизненной иронии: социалист, свидетельствующий собственной персоной о вреде, какой может принести иногда ассоциация!» [9, с. 294]. Все годы сотрудничества в «Вестнике Европы» Анненков неизменно высоко оценивал статьи Пыпина по истории литературы, общественной мысли, фольклору, этнографии. В письме к Стасюлевичу от 4 февраля 1885 г. Анненков передал в образной форме, насколько близки ему культурно-исторические воззрения Пыпина. Сообщив, что он зачитывался более, чем романом, «Московской стариной» Пыпина («Вестник Европы», 1885, № 1–3), Анненков добавил: «...будто он рылся у меня в мозгу и ясно высказал всё, что там жило в пелёнках бессознательности и в тумане молчаливого предчувствия» [9, с. 435].

Анненков охотно помогал Пыпину в его работе над биографией Белинского, уточнял сведения о друзьях критика, стремился восполнить «образ человека, <...> страстно любимого» [из письма к Пыпину от 26 февраля 1874 г. – 7, с. 542]. Он хотел бы передать Пыпину *память сердца*, впечатления от общения с Белинским. Не сомневаясь, что работы Пыпина «будут дельны», что «ход мыслей критика будет превосходно изъяснен», Анненков всё же опасался, что личность Белинского, «мина его», «блеск, свет, теплота и атмосфера» окружения «останутся за порогом биографии» [из письма к Тургеневу

в апреле 1874 г. – 3, с. 235]. Однако Пыпин блестяще справился с задачей биографа. Продолжение статей о Белинском («Вестник Европы» № 6, № 10–11) получило горячее одобрение Анненкова. 2 ноября 1874 г. он писал Пыпину, что наслаждался чтением его статьи, «великолепной, драгоценной коллекцией материалов биографических» и способом их «толкования, группировки, освещения»: «Все эти убегающие образы Вы превратили в ясные, живые идеи, осязательные до того, что, кажется, можно их нащупать руками» [7, с. 554]. Почти одновременно Анненков сообщил Тургеневу свое мнение о наиболее любопытнейшей переписке Белинского: она «так и бьет своей правдой. Вот был господин, который себя отпечатывал в каждой букве письма и в каждом слове разговора. Отпечатки эти подобраны очень ловко Пыпиным и составили такую физиономию, что оторваться нельзя. Поваяло ли и на Вас от статьи этим послушным и ярым гением, кротким и бурным в одно время, которого мы знали» [3, с. 248–249]. Анненков даже высказал Пыпину своё парадоксальное заключение: «...для составления порядочной биографии известного лица – надо иметь счастье не знать его при жизни. Ни я и никто другой, находившихся в близких отношениях с Белинским, не в состоянии был бы <...> писать о нем так объективно, хладнокровно и вместе с тем так сочувственно, горячие воспоминания беспрестанным своим приливом к мозгу сбили бы его непременно с тона и с толку» [7, с. 547]. Тем не менее, именно публикации Пыпина, его постоянные консультации с Анненковым и, наконец, его прямой совет подтолкнули мемуариста к намерению создать свои воспоминания о Белинском и о людях 40-х годов; «**Замечательное десятилетие**» было завершено к 1880 г. («Вестник Европы», №1–5).

Задача перед Анненковым была очень сложная – извлечь из памяти «материал не-письменный» о Белинском – «для уразумения самой личности этого замечательного человека», для ясного понимания всех поводов к изменению направлений мысли, о чем не говорят его статьи. Они «выражены им были частью в письмах, но в большей мере в беседах со своим кругом и друзьями» [из письма к Пыпину от 2 февраля 1874 г. – 7, с. 540]. Заготовки, заметки по этой теме уже существовали в архиве Анненкова. Он писал Стасюлевичу в сентябре 1874 г. об уникальной силе устного слова Белинского: «Вы пишете, что Белинский в письмах неизмеримо выше Белинского в печати, но Белинский в разговорах – оратор и трибун – ещё выше был и писем своих. Боже! Вспоминаю его молниеносные порывы, освещавшие далекие горизонты, его чувство всех болезней своего времени и всех его нелепых проявлений, его энергическое, меткое, лапидарное слово. Ничего подобного я уже не встречал, а жил много и видел многих» [9, с. 307]. Композиция «Замечательного десятилетия» подчеркивает роль центральной фигуры времени:

мемуары открываются и заканчиваются страницами о Белинском; имя критика звучит во всех главах, так как все остальные персонажи воспоминаний испытали огромное воздействие его личности. Анненков подробно рассказал об участниках кружка Белинского, о дискуссиях «славян» и «европейцев», об отношениях Белинского с В. Боткиным, Грановским, Бакуниным, Герценом, Тургеневым. Анненков был рядом с Белинским в Зальцбрунне, он оказался единственным очевидцем создания «Письма к Гоголю». По словам В.И. Кулешова, «сейчас трудно себе представить, как можно обойтись без воспоминаний Анненкова при характеристике русской литературы и критики»; в его «Замечательном десятилетии» получились «картины и типы исключительной ценности» [2, с. 9, 15]. Творческая история «Замечательного десятилетия» изложена в комментариях Г.Г. Елизаветиной в издании воспоминаний Анненкова 1983 г. [2, с. 571–613]. Письма Анненкова к Пыпину и к Стасюлевичу дополняют картину. После биографического очерка Пыпина Анненкову приходилось «говорить о закулисной жизни той эпохи», о «минутных настроениях, даже и не помеченных в литературе ничем» (из письма к Пыпину от 17/29 июня 1876 г.), – читателям эти настроения могли «показаться странными и невероятными», горячие споры «теперь остыли и могут иметь вид будничных пустяков, так нелюбопытных для настоящего времени, занятого своими собственными пустяками» [цит. по: 2, с. 574]. Стасюлевичу он тоже пожаловался (25/13 марта 1876, Baden-Baden): «Написал я уже много, ибо материя, к ужасу моему, имеет свойство разрастаться до чудовищности, но всё мне кажется, что я пустяками и мелочами, никому не нужными, занимаюсь. Глаз постороннего и опытного оценщика был бы мне крайне полезен, да где его здесь найти? <...> Вот, если бы было возможно, по лету, завладеть на денёк-другой Вашим именно глазом – дело пришло бы скоро к окончанию» [9, с. 322].

12 октября 1877 г. Анненков, получив письмо Стасюлевича, почти в паническом состоянии «кинулся к письменному столу, исполненный ужаса, именно ужаса. Как? Вы начинаете говорить о печатании моих «Записок» в «Вестнике Европы»! Господь с Вами, друг мой! В том виде, в каком они находятся, со всеми срамотами наружи, без нужных поправок относительно хронологической и фактической стороны их <...> и без моего наблюдения – это дело невозможное». Анненков просит и настаивает отложить мысль скорого печатания и объясняет причину: он захватил нынче в Петербурге всю свою обширную переписку с людьми 40-х годов, «не только со своими, но и с чужими, и теперь, перечитывая её на досуге, просто ужаснулся, сколько в Записках не договорено, не освещено достаточно, упущено и даже перевернуто» [9, с. 350]. Анненков просит Стасюлевича известить

его о согласии подождать с печатанием – «до тех пор не успокоюсь. Надеюсь, что Вы не будете сравнивать меня с Гончаровым, на которого я не похожу ни талантом, ни характером, а отдадите справедливость поводам, которые заставляют меня ходатайствовать, на манер его, о приостановлении начатого дела. Уверен, что Вы исполните мою нижайшую просьбу на *этот раз буквально*» [9, с. 351]. Анненков упомянул о Гончарове, о его требованиях Стасюлевичу отсрочить публикации очередных глав романа «Обрыв» в связи с необходимостью их художественной отделки. Просьбу Анненкова Стасюлевич исполнил – «Замечательное десятилетие» появилось в «Вестнике Европы» в 1880 г.

В письме от 1 января 1880 г. Анненков просит редактора обозначить начальными буквами Г и Б «имена, подлежащие анафеме» [Герцен, Бакунин], но и ныне живущих, «чисто-православных лиц», тоже обозначить начальными буквами с окончаниями; перечисляя их (Катков, Кетчер, Корш, Кавелин), Анненков пошутил: «Бездна прописных К накопилась тут: должно быть, эпоха была каковская» [9, с. 376]. Анненков благодарен «дружеской руке Стасюлевича за вставочки и подпорочки» в его статье [9, с. 381]. Он высоко ценил редактирование Стасюлевича, совместные обсуждения предстоящих его публикаций, – и в Петербурге и при встречах в Европе в летние месяцы. Зная, что каждое лето Стасюлевич бывает за границей, Анненков всегда сообщал ему даты и маршруты своих перемещений, надеясь, что «может быть, мозаика и сложится» [9, с. 320]. В письме к Стасюлевичу от 19/7 июня 1878 г. из Брюсселя Анненков шутивно предполагал: «Если бы из Киссингена Вы направились к Парижу, то дорога Вам мимо моего носа и я бы вытянул его в слоновий хобот до Ооса и далее, чтоб захватить Вас на минуту» [9, с. 357].

Дружеское мнение важно для Анненкова, так как он собирался продолжать записки, ибо «переходная эпоха от 48 до 58 (вторая замечательная эпоха нашей литературы)» тоже хорошо ему знакома «со всеми её людьми и со всеми ее ошибками, бунтами втихомолку и раздумьем, как выйти из болота, породившими движение 60-х годов, продолжающееся и донныне» [9, с. 351]. Заметки Анненкова «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года» [2, с. 518–538] рассматриваются в комментариях в издании 1983 г. как черновые заготовки к продолжению воспоминаний; замысел не был осуществлен [2, с. 647–653]. Предыстория этой второй замечательной эпохи нашей литературы возвращает Анненкова к 30-м годам. В августе 1880 г. Анненков просит Стасюлевича отыскать в редакции и переслать ему когда-то составленную записку о Н.П. Огареве, «ее следует переделать на серьезный тон». После знакомства с мемуарами И.В. Селиванова в VI кн. «Русской старины» 1880 г. Анненков понял, что в его записке много неточностей,

«от неё слишком несет крепким запахом импровизации», а ему хотелось бы «оного человека помянуть чем-нибудь получше опрометчивых воспоминаний, да с ним и его товарищей» [9, с. 390].

Обладая массой писем Герцена и Огарева в эпоху первых ссылок, Анненков задумал сделать их известными публике. «Беда в том, что все эти письма проникнуты таким *мистическим* содержанием, что спутывают их установившиеся физиономии в нашем обществе», – пишет он Стасюлевичу 19/7 ноября 1882 г., предполагая разъяснить, «что радикальные писатели иногда выходят из ультра-теозофских созерцаний. Но будет ли это прилично и своевременно – вот вопрос» [9, с. 409].

В письме от 16/4 декабря Анненков просил поблагодарить Пыпина за статью о Пассеке, которая помогла ему в работе, позволила понять отношения к Вадиму Пассеку Герцена и Огарева и уточнить свой замысел. Цель Анненкова четко сформулирована в письме к Стасюлевичу от 16/4 декабря 1882 г.: «Дело у меня не в математической точности цифр при перечислении фактов, а в некоторых разоблачениях и передаче психических процессов, двигавших наших старых писателей и сделавших из них то, чем они сделались» [9, с. 410]. Из этих материалов и писем получилась статья «**Идеалисты тридцатых годов**».

Отсылая «с ужасом» черновую рукопись 5 февраля 1883 г., Анненков сетует, что переписывать некому, что ему «гадко на нее смотреть», что «ее строки, перепутанные как рельсы железной дороги после наводнения», разобрать невозможно. Но если она заслуживает попасть *под красную шапку* (обложка «Вестника Европы» была красного оттенка), можно внести любые поправки, «как Господь на душу положит» [9, с. 411]. Анненкова ошеломила благодарность Стасюлевича и решение опубликовать статью: «Лихие должны быть у вас чтецы в типографии, что могли представить мои иероглифы в виде корректуры». Он опасается осложнений для «Вестника Европы»: «Как бы беды не вышло. Но если Вы – такой дока проводить журнал свой между административными шхерами – верите в возможность товар сей спустить безопасно на берег – то пусть» [9, с. 412]. Статья была напечатана в «Вестнике Европы» 1883, № 3–4.

При завершении публикации Анненков интересуется, «как отнеслась публика и честные люди печати» к характеристике Герцена и Огарева, «не нашли ли в ней принижения этих личностей». «Это было бы для меня горько, а опасность такого понимания мне открыл г. Буренин – спасибо ему!» [9, с. 414]. В заметке В.П. Буренина в «Новом Времени» №2526 (11 марта) 1883 г., как сообщил М.К. Лемке в примечании к имени журналиста, Анненков назван «скромным и весьма почтенным пауком», «записочником». *Пакоstickи* «Нового Времени» постоянно вели *охоту на красного зверя* – на «Вест-

ник Европы». Осенью 1882 г. состоялся судебный процесс против газеты за оскорбительные публикации антисемитского характера в «Новом Времени» о Стасюлевиче и его сотрудниках. Об этом процессе Анненков писал Стасюлевичу: «Из клеветущего урагана Вы вышли с честью <...>. Спинной хребет у Вас хорошо устроен» [9, с. 408].

Сущность идеалистического уmonoстроения будущих радикальных авторов раскрыта в статье Анненкова по письмам Герцена и Огарева из ссылки. Позднее в книге «Былое и думы» Герцен высказался о ценности своей переписки тех лет: «Письма – больше, чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное» [5, т. 8, с. 290]. Письма Герцена из вятской ссылки к московским друзьям давали представление о гнетущей канцелярской затхлости провинциальной жизни, но главное, как отмечает Анненков, – письма открывали «безграничное поле» увлечений и замыслов Герцена, «пожирающую деятельность его воображения, неустанный труд мысли» [1, с. 14]. В переписке Герцена звучали имена Шведенборга, алхимиков, неоплатоников времен Аполлония Тианского, Парацельса, Сен-Симона, Гюго, Руссо, Данта, Гете, Гофмана... Герцен читает Тацита, жития святых и подвижников, Библию, просит прислать перевод Библии на французский или немецкий, «славянский язык темен местами» [1, с. 23]. С восторгом Герцен пишет об «Илиаде» Гнедича: «... вот истинный сын природы, тут человек кажется во всей естественной наготе» [1, с. 23] и с упреком себе – «... прожил 26 лет и читаю в первый раз «Илиаду»! Мы все учились чему-нибудь и как-нибудь...» [1, с. 24]. «Можно ли в форме повести перемешать науку, карикатуру, философию, религию, жизнь реальную, мистицизм?» – спрашивал Герцен по поводу задуманной повести «Там!», позднее получившей название «Елена» [1, с. 15]. «Есть мысль хорошая для новой повести, а как примешься писать – выйдет черт знает что: пунш, в котором и чай и ром, испорчены друг другом...», – это о повести «Границы Ада с Раем» [1, с. 20]. «... Всё, что я писал, глупо. Сожгу всё, кроме *статьи архитектурной*, а она, может быть, всех глупее, да в ней есть хоть указание на мысль широкую...» [1, с. 20]. Эта статья была результатом бесконечных бесед Герцена на философско-мистические темы с ближайшим другом – опальным архитектором А.Л. Витбергом. «Нет ни одного искусства, которое было бы роднее мистицизму, как зодчество; отвлеченное, геометрическое, немомузыкальное, бесстрастное, оно живет символическим образом, намеком», – напишет Герцен позднее в главе о Витберге в книге «Былое и думы» [5, т. 8, с. 279]. Основная идея *архитектурной* статьи «Кристаллизация человечества», как писал Герцен к Н. Захарьиной 31 января 1838 г., потрясла Витберга: «... он, зодчий-гений, должен был уступить мне,

юноше, не артисту, – я глубже проник в историческую структуру его искусства. Статья эта ему и посвящена» [5, т. 1, с. 521]. Наталье Александровне Захарьиной Герцен писал чуть ли не каждый день, иногда и два раза в день: «Наташа заменила Герцену аудиторию, в которой он нуждался всегда» [8, с. 90]. Московские друзья и Огарев тоже были собеседниками Герцена, но постоянное общение с Натальей Захарьиной при абсолютном взаимопонимании было важнейшим делом души.

Сопоставив письма Герцена из ссылки с его толкованием ранних замыслов в тексте «Былого и дум» («Из римских сцен», «Вильям Пен», «Встречи», «Легенда»), Анненков увидел в этих набросках «попытку громадных и рискованных обобщений» [1, с. 24]; «поэтическая фантазия вышивала свободные узоры на фактах из действительной жизни Герцена» [1, с. 21]. «... вот в каком горниле разнообразных идей <...> вырабатывался писатель, – пишет Анненков. – ... мы думаем, что большинство наиболее уважаемых авторов прошлого, скрытно от глаз современников, через такую же огненную пробу своего таланта и призвания» [1, с. 24]. Скрытая от глаз современников школа идеализма и составила то «разоблачение», о котором упоминал Анненков в письме к Стасюлевичу, что существенно скорректировало «установившиеся физиономии», образы знаменитых авторов в общественном сознании. По словам Анненкова, Герцен и Огарев «обретались ещё в стадии поисков за волшебным словом, отверзающим все двери знания, без опыта и наблюдения...» [1, с. 41]. Они с легкостью «постоянно призывали само Провидение на вмешательство в их дела», – пишет Анненков, что «всего лучше объясняет восторженное состояние как их самих, так и вообще той эпохи». Идеализм сближал Герцена и Огарева со многими сверстниками; они «считали себя орудиями высших сил», «веровали в свое призвание обновить мир делом и словом» и хотя позднее разошлись по разным дорогам, «печать одного общего происхождения» была узнаваема [1, с. 51]. Проследив по письмам эволюцию взглядов Герцена, Анненков делает вывод: ему «стала ясна несостоятельность самонадеянных, ложно величественных, одиноко высящихся метафизических построек» [1, с. 75]. «Отрезвление Герцена шло изумительно быстро» [1, с. 76], оно началось почти тотчас после «мистического свидания» друзей и их жен во Владимире 17 марта 1839 г. Они были молоды, счастливы, несмотря на свое опальное положение, и все четверо, по предложению Огарева, стали на колени («пали ниц», пишет Анненков) в религиозном экстазе перед Распятием в гостиной дома, который снимал Герцен, принося благодарные молитвы [1, с. 70]. Любопытно, как известил Герцен друзей в Москве об этом событии: «... ежели б жизнь моя не имела никакой цели, кроме индивидуальной,

знаешь ли, что бы я сделал 18 марта? Принял бы ложку синильной кислоты... Относительно к себе «я всё земное совершил». Только ещё и оставалось мне, кроме Наташи, желать – и оно сбылось, и как сбылось? Четырехдневное, светлое, ясное, святое свидание» [1, с. 70]. Искренняя радость встречи – и заметная ироническая окраска цитаты «я всё земное совершил». Вторая ссылка – в Новгород – освободила Герцена от мистических романтических настроений [1, с. 77–87].

Завершает статью размышление Анненкова о личности Герцена в эпоху «окончательного развития» его таланта – в годы его известности, в годы эмиграции. Учитывая исповедь автора в книге «Былое и думы», Анненков подчеркивает противоречие, характерное для Герцена-изгнанника, – между высоким «моральным созерцанием, усвоенным в молодости», и теми нравственными понятиями, какие были подсказаны обстоятельствами для собственного оправдания, – вот «тот пыточный станок, на котором Герцен томился много лет». По словам Анненкова, этим положением «между двумя мирами» Герцен и «пробуждает наши симпатии» [1, с. 108].

Можно заметить, что Анненков говорит в «Идеалистах» о позднем Герцене гораздо мягче, чем в «Замечательном десятилетии», – это объясняется отчасти различной жанровой природой этих двух работ. В мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» Анненков, участник и очевидец страстных философских споров, вспоминая «гордый ум», «неистощимое остроумие» Герцена, «блестящий фейерверк его речи» и «почти женственный характер», «детское сердце» [2, с. 206–208], не принимает его нового облика периода эмиграции. Анненков-мемуарист смотрит на позднего Герцена из *русских* 40-х годов, с горечью пишет о его поисках «второго духовного отечества», «так как первое уже лишилось своей притягательной силы» [2, с. 313]. По мнению Анненкова, «в интересах абстрактного либерализма» Герцен был вынужден «гримироваться для новой своей публики в человека, носящего на себе тяжесть громадного политического мандата», «он выработал из себя неузнаваемый тип» и «нажил себе безвыходное страдание» [2, с. 209].

В «Идеалистах тридцатых годов», историко-литературной работе, Анненков стремился выяснить значение взглядов раннего Герцена для всей последующей его судьбы. Автору важно показать не что *утратил* поздний, известный Герцен с годами, а – напротив – что *сохранил* он от своей романтической юности. Идеализм молодости, по заключению Анненкова, сказался и в системе радикальных идей Герцена: он определил «брезгливость к нечистому оружию», – «его нельзя было увлечь ни на какое решение, противное гуманным основам его мысли» [1, с. 107]. Очерк «Идеалисты тридцатых годов» предлагал читателям «нечто ещё не совсем

известное и не совсем избитое» [9, с. 410], как писал Анненков Стасюлевичу.

Библиографический список

1. Анненков П.В. «Идеалисты тридцатых годов» // П.В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885. – СПб.: А.С.Суворин, 1892. – Т. 1. – С. 1–110.
2. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: Худ. Лит., 1983. – 694 с.
3. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу: в 2 кн. – СПб.: Наука, 2005. – Кн. 1. – 532 с.
4. Анненков П.В. Письмо из Петербурга о Рашели (к М.С. Щепкину) // Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество: в 2 т. – М.: Искусство, 1984. – Т. 1. – С. 333–341.
5. Герцен А.И. Собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965.
6. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев. – М.: Молодая Гвардия, 2000. – 219 с.
7. Литературное Наследство. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 67. – С. 539–554.
8. Прокофьев В.А. Герцен. – М.: Молодая Гвардия, 1979. – 400 с.
9. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке: в 5 т. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 3. – 789 с.
10. Сухих И.Н. Жизнь и критика П.В. Анненкова // Анненков П.В. Критические очерки. – СПб.: Издательство РХГИ, 2000. – С. 3–30.

References

1. Annenkov P.V. «Idealisty tridcatyh godov» // P.V. Annenkov i ego druz'ya. Literaturnye vospominaniya i perepiska 1835–1885. – SPb.: A.S.Suvorin, 1892. – T. 1. – S. 1–110.
2. Annenkov P.V. Literaturnye vospominaniya. – M.: Hud. Lit., 1983. – 694 s.
3. Annenkov P.V. Pis'ma k I.S. Turgenevu: v 2 kn. – SPb.: Nauka, 2005. – Kn. 1. – 532 s.
4. Annenkov P.V. Pis'mo iz Peterburga o Rasheli (k M.S. SHCHepkinu) // Mihail Semenovich SHCHepkin. Zhizn' i tvorchestvo: v 2 t. – M.: Iskusstvo, 1984. – T. 1. – S. 333–341.
5. Gercen A.I. Sobr. soch. i pisem: v 30 t. – M.: Izdvo AN SSSR, 1954–1965.
6. Egorov B.F. Apollon Grigor'ev. – M.: Molodaya Gvardiya, 2000. – 219 s.
7. Literaturnoe Nasledstvo. – M.: AN SSSR, 1959. – T. 67. – S. 539–554.
8. Prokof'ev V.A. Gercen. – M.: Molodaya Gvardiya, 1979. – 400 s.
9. Stasyulevich M.M. i ego sovremenniki v ih perepiske / pod red. M.K. Lemke: v 5 t. – SPb.: tip. M. Stasyulevicha, 1912. – T. 3. – 789 s.
10. Suhikh I.N. Zhizn' i kritika P.V. Annenkova // Annenkov P.V. Kriticheskie ocherki. – SPb.: Izdatel'stvo RHGI, 2000. – S. 3–30.

ПРИРОДА И ЧУВСТВО В ТУРГЕНЕВСКОЙ ПОВЕСТИ

Статья является частью китайского государственного научно-исследовательского проекта в области общественных наук «Исследование художественных ценностей творчества И.С. Тургенева» № 18BWW039, единственный исполнитель Ван Лие.

Природа и человек на страницах тургеневских повестей находятся в диалектическом единстве: они то оттеняют друг друга, то контрастируют. Природа здесь сливается с любящим человеком, откликается на его любовь, скорбит и радуется вместе с героями и героинями, принимает активное участие в психологических переживаниях персонажей. Пейзаж в прозе Тургенева является не только одним из ключевых элементов психологического анализа, но несёт ещё и философско-этическую нагрузку. Своёобразно взаимоотношение и взаимодействие между «тишиной» и «шумом» в тургеневских описаниях природы. На фоне тишины всё движущееся и звучащее становится зримее и звучнее. Чем глубже тишина, тем тоньше и ощутимее звук.

Ключевые слова: человек и природа, психологизм, И.С. Тургенев, природность человека, человечность природы, диалектика шума и тишины, первая любовь.

Художественный мир Тургенева поэтичен. Эта поэтичность проявляется не только в создании человеческого образа, но и в описании природы. Как в романах, так и в повестях Тургенев-художник умеет ощущать и изображать прекрасное и поэтичное в повседневной жизни, глубоко трогать читателя своей поэтической душой и вместе с тем воссоздавать реальную обстановку, в которой действуют его герои. В своих произведениях, особенно в повестях о любви, пользуясь, по словам И.А. Гончарова, «бархатной кистью», Тургенев точными, художественно выразительными словами рисует сочные, поэтически-живые картины, согретые личным чувством самого писателя и проникновенно повествующие о внутреннем мире героев и героинь. Природа и человек на страницах тургеневской повести, сливаясь друг с другом, находятся в диалектическом единстве: они то оттеняют друг друга, то контрастируют. Природа изображается то торжественно-яркой, то трогательно-простой, мягкой. Она сливается в тургеневской повести с любящим человеком, откликается на его любовь, скорбит и радуется вместе с героями и героинями и принимает активное участие в психологических переживаниях персонажей. Пейзаж не только служит одним из самых важных средств психологизма, но несёт ещё и философскую, этическую нагрузку.

Под пером Тургенева гремит гроза в русскую воробьиную ночь, шепчет ветер, журчит вода, дышит волна, поёт соловей в немецких городах, предстает перед взором серебристо-золотой Рейн, над которым висит луна, огневая полоса неба, блестящий воздух. У Тургенева можно ощутить свежий пахучий воздух, запах конопли и акаций. Тургеневская пейзажная зарисовка оживлена, персонифицирована, полна звуков, красок, запахов. Природа в его повестях сама живёт, дышит, движется, изменяется. Тургенев художественно соединяет живую

природу с богатыми и сложными чувствами и настроениями человека: «Уже совсем “вызвездило”, когда он (Санин) вышел на крыльцо. И сколько ж их высыпало, этих звёзд – больших, малых, жёлтых, красных, синих, белых! Все они так и рдели, так и роились, наперерыв играя лучами. Луны не было на небе, но и без неё каждый предмет чётко виднелся в полусветлом, бестенном сумраке» [13, т. 11, с. 57–58].

Пользуясь словом, как художник красками, Тургенев пишет о чудесном, пёстром звёздном вечере: звёзды – их конфигурация, их цвет и лучи, их действие – «рдели», «роились» как живые существа, «наперерыв играя лучами». Даже каждый предмет облит их светом! Здесь темнота оттеняет свет, а звёзды в безлунный вечер кажутся чрезмерно яркими, динамичными, объёмными: их свет, цвет, тень увеличены и поданы в повести крупным планом. Тургенев, умеющий пользоваться контрастом и колоритом, придаёт простому, тихому, звёздному вечеру без луны торжественность и яркость. Звёзды в его описании напоминают праздничный фейерверк, они как будто вспыхивают в сознании счастливого героя цветными фонарями. С. Шаталов замечает: «Тургеневские ночи – отнюдь не однородно тёмные и мрачные: Это всегда изображение, богатое оттенками тёмного, контрастами света и тени, насыщенное в ряде случаев сочными красками или особым образом освещённое» [16, с. 269].

Тургенев, взыскательный мастер слова, воссоздаёт обстановку, в которой действует герой, ясным, красочным языком, передающим все поэтичные оттенки явления и чувства персонажа. Чувство и природа сливаются и переплетаются. Словно огромное зеркало, купол звёздного неба отражает психологическое состояние героя. При помощи цвета, света и тени, верный принципу «тайной психологии», писатель передаёт приподнятое настроение своего героя. Ему кажется, будто

он обрёл надежду на любовь Аси, хотя эта надежда пока ещё теплится в «полусветлом сумраке». Живая тургеневская природа как вдохновенный певец исполняет торжественную прелюдию одухотворённой и возвышенной Первой любви.

Тургенев увлекается живописью с молодых лет. Он умеет сочетать и комбинировать краски. Пользуясь своеобразными «цветовыми» словами, он придает описаниям природы и живописную наглядность, и художественную объёмность и глубину. В своей цветовой палитре художник использует «свето-тенево-цветовой мир», который играет определённую роль в создании общей атмосферы рассказа и одновременно передаёт психологическое состояние героя. В повестях Тургенева развёртывается целый спектр красок, собирающихся в отдельные картины: «алые пятна» зари, «чёрный глянec реки», «сияющий свет и лазурь» неба, «алый тонкий свет лежал на зелёных лозах... и на белой стене небольшого домика, с косыми чёрными перекаладинами и четырьмя светлыми окошками...» [13, т. 7, с. 76]. «Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката» [13, т. 7, с. 76]. Кроме этих объективных эпитетов, точно передающих цвет, мы обнаруживаем оценочные эпитеты: «ясный», «смутный», «тёмный», «лучезарный» и др., – в которых писатель выражает своё восприятие описываемого.

Любопытно, что Тургенев «раскрашивает» порой бесцветные предметы и даже действия: «воспоминание... меня озарило», «светлая и лукавая усмешка», молодость «светилась тихим светом», «светло... поглядывал». Некоторые из таких эпитетов теряют первоначальную цветовую образность и приобретают новое, психологическое содержание: «тёмные слухи», «у Эмилио голос отличный, настоящее серебро».

Вся повесть «Ася» напоминает ослепительную картину: «Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами – небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском» [13, т. 7, с. 100]. Эти картины, проникнутые авторским субъективным чувством, придают повести огненную живописность. Между тем она несёт в себе ещё и отсвет любовных озарений молодых героев и героинь. В живописном колорите повести всё сияет, обливается цветом: небо, поле, воздух, волна, речка, несколько капель воды, вино в стаканах, домик, даже сама «Ася, облитая солнечным лучом...» [13, т. 7, с. 100].

Тургеневские описания привлекают не только цветовой гаммой, но и запахом. Как сказал Л.Н. Толстой, в тургеневских пейзажах чувствуется аромат даже в двух-трех словах: «Помните, я шёл домой, ни о чём не размышлял, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую

грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле» [13, т. 7, с. 85].

Этот запах вызвал у героя повести тоску по родине и тем самым раскрыл его психологическое состояние: недоумение и расстройство в любовных отношениях с Асей. Возмущённый неудачами, Н. невольно воскликнул: «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь в чужой стороне, между чужими?» [13, т. 7, с. 85].

Как крестьянин-садовник выращивает ароматные цветы в пустыне, так и Тургенев придаёт скучному слову запах, благодаря которому неподвижное, неживое явление оживает и даже олицетворяется. Например, «душная, полупрозрачная мгла», «ночь тяжело и сыро пахнула», «душистым теплом повеяло от земли», «свежее дыханье волны» и т. п.

Пленительная сладость повестей Тургенева о первой любви проявляется ещё и в употреблении большого количества эпитетов о сладком запахе, который «веет» порой в ощущениях и чувствах человека: «сладкий холодок», «сладкая истома лени», «звучи... слаще», «сладкое замирание», «сладкая боль», «сладкий ужас». «Сладкий запах» обретает переносное значение и окрашивает по-своему психологическое состояние любящих героев: «Увидев знакомый виноград и белый домик на вершине горы, я (Н.) почувствовал какую-то сладость – именно сладость на сердце; точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа» [13, т. 7, с. 97]. У Володи в сердце («Первая любовь») «таилось полусознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского...» [13, т. 9, с. 9]. При этом пробуждении чувства Володя не может совладать с собой: «То, что я ощущал, было так ново и сладко...» [13, т. 9, с. 28]. «Серебристый звук её голоса пробежал по мне каким-то сладким холодком» [13, т. 9, с. 15]. Володя восторгается красотой Зинаиды и милостью к себе, он «как ребенок, который лакомился» [13, т. 9, с. 17].

(.). А вот как этот юноша отзывается о последнем поцелуе: «Бог знает, кого искал этот долгий, прощальный поцелуй, но я жадно вкусил его сладость. Я знал, что он уже никогда не повторится» [13, т. 9, с. 67].

(.). Тургенев заставляет и читателя ощутить «сладкую боль» и «сладкий ужас» в любви, сладкое мучение и скорбь, сладостную трагедию.

В тургеневских описаниях природы любопытно взаимоотношение и взаимодействие между «тишиной» и «шумом». «Тишина» и «шум» здесь чередуются, контрастируют или оттеняют друг друга. По словам китайского учёного Тан Бинху, «тишина» у Тургенева бывает изящная, мягкая и нежная, глубокая, даже тайная, а «шум» приоб-

ретаает силу, которая порывиста, неудержима и горяча. «Тишина» придаёт «шуму» таинственность и звучность, а «шум» придаёт «тишине» жизнь и силу. Без «тишины» нет и «шума», без «шума» нет и «тишины» [10]. Они сосуществуют в общем противоречивом единстве, переходят друг в друга, сочетаются друг с другом; либо тихо, либо шумно, но в «тишине» есть «шум», в «шуме» есть «тишина»; или на фоне «шума» описывается «тишина», или на фоне «тишины» описывается «шум». Происходят взаимные переходы «тишины» в «шум» и «шума» в «тишину».

Вспомним, как в пёстрый, но тихий звёздный вечер в спокойную жизнь Санина «внезапно, среди глубокой тишины при совершенно безоблачном небе, налетел такой порыв ветра, что сама земля, казалось, затрепетала под ногами, тонкий звёздный свет задрожал и заструился, сам воздух завертелся клубом. Вихрь, не холодный, а тёплый, почти знойный ударил по деревьям, по крыше дома, по его стенам, по улице; он мгновенно сорвал шляпу с головы Санина, взвил и разметал чёрные кудри Джеммы. Голова Санина приходилась в уровень с подоконником; он невольно прильнул к нему, – и Джемма ухватилась обеими руками за его плечи, припала грудью к его голове. Шум, звон и грохот длились около минуты... Как стая громадных птиц, промчался прочь взывавший вихрь... Настала вновь глубокая тишина» [13, т. 11, с. 56].

Сначала стоит чуткая тишина, потом шум вихря, потом «вновь глубокая тишина». В этой чудесной картине «тишина» и «шум» чередуются. Герои восторгаются неожиданным свиданием: находясь в трепетной тишине, они ожидают проблеска первой любви. Автор как будто почувствовал, что никакими словами невозможно полностью выразить происходящее и возложил эту миссию на символический пейзаж: этот всемогущий трепет внезапно обрушился с неба. «Тёплый, почти знойный» вихрь так шумел, что всколыхнул и небо, и землю; так был неудержим, что герой перед ним кажется бессильным, беззащитным. Этот вихрь налетел порывисто, шумно и исчез мгновенно, без всяких следов. Всё вернулось на прежнее место. Здесь шумный вихрь символизирует нахлынувшую первую любовь, которая в повестях Тургенева начинается во всем её величии, а кончается печально, трагично.

Тургенев передаёт диалектическое взаимодействие между тишиной и шумом в своих пейзажах. На фоне тишины всё движущееся и звучащее становится зримее и звучнее. В «Первой любви» автор так передаёт это взаимодействие: «Воздух заструился на мгновение; по небу сверкнула огненная полоска: звезда покатила... И вдруг всё стало глубоко безмолвно кругом, как это часто бывает в середине ночи... Даже кузнечики перестали трещать в деревьях – только окошко где-то звякнуло» [13, т. 9, с. 57]. Стоит глубокая тишина. В та-

кой тишине всё стало безмолвным, кроме одного внятного звяканья окошка, а это звяканье слышно как раз на фоне полной тишины. Такая тишина напоминает китайское выражение: «Так тихо, что можно слышать, как игла упала на пол».

Приёмы описания «тишины» у Тургенева разнообразны. Он её пишет то прямо, то косвенно, так что порой кажется, будто он описывает «шум». В «Вешних водах» читаем: «Множество пчёл, ос и шмелей дружно и жадно гудело в их густых ветках, осыпанных золотыми цветками» [13, т. 11, с. 29]. Под пером Тургенева воспроизводятся разнообразные звуки, даже стрёкот насекомых и щебет птичек. В этой картине художник так тонко описывает «шум», что можно не только слышать разные звуки пчелиного роя, но и разбираться в оттенках их гуденья. Чем глубже тишина, тем тоньше, ошутимее звук. Здесь Тургенев описывает шум, чтобы передать глубину наступившей тишины. Такое тонкое гуденье и шевеленье ошутимо только в полной тишине. Подобные описания тишины часто встречаются и в других повестях. Особенно в «Первой любви», где можно найти едва ли не тождественную картину [13, т. 9, с. 60]. «Писатель ищет прекрасное, гармоничное в каждой частице природы, пытается разгадывать её вещей язык» [9, с. 7].

Вот такое умение «слушать» и «видеть» помогает писателю в повестях, посвящённых первой любви, показывать единство красоты и жизни, гармонию шума и тишины в природе, окружающей любящих героев. Описание тишины в лунную ночь в «Асе» представляет собой верх совершенства в пейзаже Тургенева, где конденсируются все присущие ему богатые эстетические элементы: «Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый её светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по чёрному гляncу речки, тоненькие свечки скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высывали свои завитые усики из-за каменных оград, что-то пробегало в тени около старинного колодца на треугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово “Гретхен” – не то восклицание, не то вопрос – так и просилось на уста» [13, т. 7, с. 72–73].

В этой лунной картине объектом описания является тишина, которая живописуется и поэтизируется во всех её проявлениях. Это полная тишина, проникнутая какой-то женственной изящностью, нежностью и мягкостью. Это безмятежная тишина.

Такое тихое небо, что ни одно облако не беспокоит, не закрывает его; такая тихая ночь, что не слышно малейшего шороха – «петух на высокой готической колокольне» стал статуйкой. Однако это звучная тишина. Так тихо, что можно уловить, как собака, сочувствующая человеку, не осмеливается беспокоить тишину, а ворчит вполголоса. Такая тишина вокруг, что можно слышать сонливый свисток ночного сторожа. Шум за картиной оттеняет тишину в картине. Тихому лунному вечеру «подыгрывает» шум. Этот лёгкий шум, разрушивший тишину, ещё более её оттеняет и усиливает. Такое разрушение и созидание порождает бесконечную гармонию между тишиной и шумом. Это напоминает образ китайского поэта-классика Ван Цзы: «При стрекотании цикад в лесу стало тише. При щебетании птиц в горах – глуше» [6, с. 132].

Известно, что звучащее движется, а движущееся звучит. Читая повести Тургенева, мы замечаем, что тишину оттеняет не только шум, но и динамика, и действие живых существ. Тургеневская тишина всегда движется. Движение это бывает то порывистым, то сдержанным и тихим. В звёздный вечер в повести «Вешние воды» всё движется порывисто при налете вихря, а в лунную ночь в повести «Ася» движение течёт сдержанно, как тихий вздох девушки. Когда «что-то пробегало в тени», мы едва ли не слышим загадочный шелест чего-то.

Тургенев описывает тишину отчётливо и проникновенно. В «Первой любви» можно любоваться такой сумеречной тишиной: «над моей головой в потемневшей листве хлопотливо ворошилась маленькая птичка; серая кошка, вытянув спину, осторожно кралась в сад, и первые жуки тяжело гудели в воздухе, ещё прозрачном, хотя уже не светлом» [13, т. 9, с. 50].

Тургенев использует приём превращения тишины в шум-движение. При помощи «ворошения птички», осторожного выхода кошки в сад, гуденья жуков можно слышать разные тончайшие звуки. Тургенев весьма лаконично изобразил тишину в сумеречное время. Вся прелесть у пейзажиста-Тургенева в том, что он не только оттеняет глубокую тишину с помощью движения, но и путём беззвучного действия, неощутимым шевеленьем усиливает ощущение тишины.

Художник слова, Тургенев виртуозно использует глаголы и эпитеты: луна у него «пристально глядела», город «чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно», «виноградные лозы таинственно высывали свои завитые усики», «добродушная собака ворчала вполголоса», воздух «ластился», «грудь всё глубже и глубже дышала», слово «Гретхен»... просилось на уста», – всё тут очеловечено.

Тишина в повестях пронизана светом, цветом, тенью и полна не только звуков, но и запахов. Везде на страницах повестей можно встретить подобную тишину: «Ночь была темна, деревья чуть

шептали; с неба падал тихий холодок, от города тянуло запахом укропа» [13, т. 9, с. 57]. Тишина здесь слышна, видна, ощутима, показана в динамике, в лирико-эмоциональном ключе. И она не обособлена, не разобщена, а дана в соединении и в столкновении с другими эстетическими элементами, которые в конечном итоге все стремятся к равновесию, к гармонии.

Читая повести, мы ощущаем, как Тургенев неоднократно заменяет беззвучными словами слышимые звуки или наоборот: «беседа... как воздух», «говорило её лицо», «душа звучит» и т. п. Писателю нравятся эпитеты «немой», «безмолвный»: «немое песчаное поле», «немые молнии», «немые и тайные порывы».

Повести Тургенева о первой любви часто воспринимаются как стихи. После прочтения «Аси» Некрасов от волнения восклицает: «Обнимаю тебя за повесть и за то, что она прелесть как хороша. От неё веет душевной молодостью, вся она – чистое золото поэзии. Без натяжки пришлось эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте» [8, с. 374]. «Повесть эта («Ася»), – пишет И. Вишневская, – одновременно и стихотворение в прозе – так отточена и поэтична здесь каждая фраза...» [4, с. 8]. Китайский критик Си Дичень, обладая тонкой художественной прозорливостью, увидел в повести «Ася» картинную и поэтичную прелесть [12, с. 114].

Как и в «Асе», в «Вешних водах» события протекают на фоне природы Германии. Но в пейзажах здесь можно обнаружить существенные различия. В «Асе» пейзажи напоминают мягкую, полупрозрачную лунную ночь, а в «Вешних водах» – полуденный сад, освещённый солнечными лучами и тенью. Если «Ася» напоминает медленную и неторопливую серенаду, то «Вешние воды» – торжественную и бравурную симфонию. Если «Ася» безмятежна, спокойна, скромна, как натюрморт, то «Вешние воды» величественны, как большое живописное полотно. Если в повести «Ася», по словам Фета, рисуется «светлый, ясный, прелестный пруд, окружённый старыми и плакучими ивами» [14, с. 206], то в «Вешних водах» – бушующее море. События «Аси» происходят в провинциальном городке Зинциге, в котором почти сельский быт, простые обычаи. Он кажется скромным уголком. А Висбаден – большой город, крупный курорт. Так как между двумя произведениями лежит более чем двадцатилетний промежуток времени, то Германия в «Вешних водах» иная, чем в «Асе». Висбаден здесь овеян современным, капиталистическим духом. Образ природы в «Вешних водах» более причудлив, таинственен, чем в «Асе». Это в некоторой степени свидетельствует об изменении приемов описания природы и мировоззрения самого писателя.

По сравнению с предыдущими двумя повестями в «Первой любви» преобладает не пейзаж, а психологизм. В ней описана не германская природа, а русская, простая и трогательная в своей простоте. «Воробьиная ночь», березы, акации, крапива, малиновые кусты, – всё это овеяно русским духом. Поэтичность и картинность повести выражаются в правдивом и живом психологическом повествовании. По словам китайского исследователя Бай, повесть эта – «белые стихи» [1, с. 106].

Русский синолог Л. Эйдлин так цитирует слова китайского поэта Су Ши о стихах Ван Вэя: «Возьмешь его стихи, в стихах – картина, взглянешь на его картины, в картинах – стихи» [18, с. 9]. Так же можно определить и поэтику пейзажа у Тургенева в трёх его повестях о любви. Именно благодаря богатому художественному восприятию мы слышим тихое пение живой природы, которое гармонично, изысканно, ритмично, мы любим ее многообразием, наслаждаемся её очаровательным ароматом...

В тургеневской повести пейзаж занимает большое место и становится весьма существенным поэтическим фактором в раскрытии внутреннего мира героев. Наследуя у Пушкина умение точно и верно изображать природу, извлекать поэзию из обыденной жизни, Тургенев идёт дальше своего предшественника. По сравнению с пушкинским изображением природы, тургеневский пейзаж более глубокий и психологичен за счёт тесной и утончённой связи чувства любви с жизнью природы. В «Первой любви» сердце у Володи просыпается, весь он горит в смутном ожидании и мечте. Во мраке «воробьиной ночи» образ Зинаиды всплывает в его душе и вызывает у него безграничную нежность. Он охвачен сильным чувством. И в этот момент далёкая гроза соотносится с психологическим состоянием юноши: гром пробуждает сердце Володи, молния становится отблеском, или внешним отголоском, его внутреннего чувства.

Тургеневская пейзажная зарисовка обладает богатым эстетическим содержанием. Человек и природа в его повестях не всегда соответствуют друг другу. Тургенев часто использует противопоставление. Как говорит китайский писатель Мао Дунь, «прием противопоставления может производить более сильный эффект... Например, грустный человек попал в весёлую обстановку. Внешне ему приходится принять весёлый вид, а в сердце грусть его удваивается – такой случай часто встречается не только в художественном произведении, но и в бытовой жизни» [7, с. 140].

Этот приём мы обнаруживаем, например, в повести «Первая любовь». Почувствовав сильную печаль в душе Зинаиды, Володя тяжело переживает. Однако природа контрастирует с душевным состоянием героя: «Кругом было и светло и зелено; ветер шелестел в листьях деревьев, изредка качая длинную ветку малины над головой Зинаиды. Где-то

ворковали голуби – и пчёлы жужжали, низко перелётывая по редкой траве». Далее автор вмешивается в этот психологический рисунок и комментирует его устами юноши: «Сверху ласково синело небо – а мне было так грустно...» [13, т. 9, с. 37].

Всё в природе оживает, и только у человека тоскливо на душе. Две разные картины развёртываются перед читателями одновременно. И это позволяет заострить глубину переживаний Володи.

Пейзаж часто несёт двойную нагрузку, то есть гармония и контраст между человеком и природой сочетаются друг с другом, и при таком сочетании гармония становится более полной, а контраст – более острым. Вот герой повести «Ася» возлагает надежду на завтрашнее свидание. Он охвачен счастьем. И в этот момент природа как будто бы переключается с его приподнятым настроением. Даже соловей поёт ему о любви, о счастье. На первый взгляд кажется, что природа тут полностью гармонирует с чувством героя. Однако на самом деле она контрастирует с тем, что его ожидает. Особенно прискорбно, что Н. ещё не знает этого. Он с восторгом, с нетерпением предстоящую трагедию переживает как ожидаемое счастье.

Пока Ася сомневалась в своей любви, Н. даровал ей крылья; когда же крылья у неё выросли, и она предложила Н. взлететь с ней вместе, Н. неразумно сложил свои крылья, и счастье улетело от него навсегда. Спohватившись, Н. снова раскрыл свои крылья: «меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья» [13, т. 7, с. 117].

Но хотя эти крылья были шире и сильнее, чем прежде, любимая девушка улетела от него невозвратно. Тургенев, создавая художественный конфликт, заостряет внимание на противоречии между прекрасной природой и весьма трагическим положением героя.

Описание природы для Тургенева – не цель, а только средство. Цель же состоит в выражении чувств автора и героя. Природа – это «мост», через который можно перевезти чувства, переживаемые героями. Природа и чувство сливаются друг с другом. Лунная ночь в «Асе», гром и молния в воробьиную ночь в «Первой любви», звёзды по всему небу и внезапное изменение погоды в «Вешних водах» – всё тесно связывается с чувством, и пейзаж в таком слиянии является предметным отражением внутренних переживаний героев.

Но пейзажные картины у Тургенева часто таят в себе ещё и глубинный смысл, придающий повествованию символический подтекст. Природа переключается не только с чувством героев, но и с эстетической позицией самого писателя. В завязке, когда любовь наполняется ожиданиями неземного счастья, природа торжественна, привлекательна, в кульминации любви природа достигает верха совершенства, а в развязке, когда любовь печально угасает, и природа блекнет. Обращая внимание

на взаимоотношение между природой и героями, Тургенев акцентирует органическое соответствие с природой ещё и субъективного чувства писателя.

Считая пейзаж чем-то святым, художник показывает в пейзажном обрамлении только симпатичных ему героев; их душевная красота соответствует гармонии природного мира. Напротив, антипатичным или чуждым любви героям писатель отказывает в общении с природой. Среда, окружающая «рыцарей» («Первая любовь»), душна и мертва, а перед Володей стрижи на заре летают, небо синее, соловей поёт. Когда г. Н. созерцал природу, наполненную потрясающей красотой, «старик-перевозчик сидел и дремал, наклоняясь над веслами» [13, т. 7, с. 102].

Живописными видами Полозов не интересовался и даже объявил, что «природа – смерть его!» [13, т. 11, с. 106]. Хотя Полозова уже находится на природе, обстановка вокруг нее наполняется запахом промозглой, прошлогодней листвы, канавами, рвами. Клубер обособляется от природы, пренебрегает ею, предпочитает сидеть в «закрытой со всех сторон беседке» [13, т. 11, с. 40], а Джемма всей душой погружается в солнечную природу. Кто бросил любовь, кто изменил любви, над тем природа иронизирует, она его порицает. Когда Н. упустил настоящую любовь, за ним устремляется печальный взгляд мадонны, которая «всё так же печально выглядывала из тёмной зелени старого ясеня» [13, т. 7, с. 120]. Когда Санин изменил искренней любви Джеммы, даже собака не смогла вытерпеть такой подлый поступок: «...и сам лай честного пса звучит невыносимым оскорблением... Безобразно!» [13, т. 11, с. 150].

По мысли Тургенева, природа есть человек, а человек есть природа. Причём природа, роднясь с человеком, делает чувства, мысли и идеи его предметными, образными, эстетическими. Она вводит влюблённых в прекрасный, широкий и полнозвучный внешний мир, полнее и поэтичнее выявляет сложные, невыразимые их переживания. Природа активно вмешивается в чувства героев и принимает участие в любовно-психологической коллизии. Один засохший цветок, один маленький гранатовый крестик заставляют Санину горестно вздохнуть и вспомнить печальную и трогательную историю его любви. Даже маленький предмет становится источником и первопричиной любовной интриги. Знакомый запах конопли с немецкой земли пробуждает у г. Н. тоску по родине, чувство патриотизма.

Природа порой становится у Тургенева вторым «я» человека, органической частью его существа. В «Вешних водах» «какое-то милое существо смотрит на него (Санина) из-за двери дружелюбно-насмешливыми глазами, а летнее солнце, пробиваясь сквозь мощную листву перед окнами каштанов, наполняет всю комнату зеленоватым золотом по-

луденных лучей, полуденных дней, и сердце нежится сладкой истомой лени, беспечности и молодости – молодости первоначальной!» [13, т. 11, с. 81]. Писатель сначала описывает глаза Джеммы, но вслед за этим делает весьма многозначительный экскурс – изображает летнее всемогущее солнце, которое определено служит заменой глаз Джеммы. Глаза и летнее солнце стали двумя явлениями одного существа. Санин весь озарен глазами любимой, как летним солнцем.

Тургенев обращает внимание, что слова любовь, природа женского рода. Он считает, что человек есть дитя природы, а природа есть мать и женщина. Князь П.А. Васильчиков так записал в своем дневнике о Тургеневе: «Однажды ему показалось, что всё окружающее – деревья, растения – всё силится говорить ему что-то и давало понять, что оно связано. Перед ним стояла небольшая красивая береза. “Мне показалось, не знаю почему, – рассказывал он, – что она была женского рода; я сказал внутренне: я знаю, что ты женщина, говори: и в ту же минуту один сук березы медленно, как будто с грустью, опустился. Волосы у меня стали дыбом от испуга, и я бежал опрометью”» [3, с. 245–246].

В повестях природа, любовь и женщина-красавица всегда вместе воспеваются мужчинами-героями. В седьмой главе «Первой любви» «воробьиная ночь» отступила, гром исчез, молния погасла, «только образ Зинаиды продолжал носиться, торжествуя, над моею душой. Только он сам, этот образ, казался успокоенным: как полетевший лебедь – от болотных трав, отделился он от окружавших его других неблагоприятных фигур, и я, засыпая, в последний раз припал к нему с прощальным и доверчивым обожанием...» [13, т. 9, с. 29].

Уподобление человека природе глубоко оттеняет благородный облик Зинаиды. Перед красавицей, перед прекрасной природой, перед первой любовью Володя падает ниц в неизбывном восхищении: «О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, – где вы, где вы?» [13, т. 9, с. 28–29]. В этом лирическом отступлении природа олицетворена, по-женски персонифицирована.

Поэтическая манера писателя определяется его художественной позицией. В тургеневском пейзаже не хватает лермонтовской страсти, а чувствуется тонкая женственная нежность; нет пушкинской пылкости и откровенности, а ощущается грусть и женственная сдержанность. Всё существо природы насыщается какой-то особенной нежностью. Неслучайно Добролюбов пишет: «Не бурная, порывистая сила, а напротив – мягкость и какая-то поэтическая умеренность служат характеристическими чертами его таланта» [5, с. 149]. Можно сказать, что в тургеневской пейзажной живописи большое место занимает изящество и отсутствие бравурности.

В разговоре человека с природой природа не всегда выступает в роли пассивного собеседника-объекта. Она с глубоким чувством откликается на обращение человека, даже активно продолжает или начинает тему разговора: «О, молодость! молодость! тебе нет ни до чего дела, ты как будто бы обладаешь всеми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тешит, даже печаль тебе к лицу, ты самоуверенна и дерзка, ты говоришь: я одна живу – смотрите! А у самой дни бегут и исчезают без следа и без счёта, и всё в тебе исчезает, как воск на солнце, как снег... И, может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности всё сделать – а в возможности думать, что ты всё сделаешь...» [13, т. 9, с. 75].

В этом диалоге человек и природа составляют как бы одно целое. Отклик природы, как эхо от глубокой долины, вызывает долгое философское раздумье.

В отличие от Достоевского, который стремится раскрывать течение самого психологического противоречия и его остроту с некой истеричностью, который предпочитает обнаруживать во всех подробностях переживание отчаяния и крайнего горя, Тургенев с изысканным, порой сентиментальным чувством поэтизирует внутренние противоречия персонажей. «Сознательно избегая воспроизведения развернутого психического процесса, – отмечает О. Соболевская, – Тургенев раскрывает движение чувств в последовательной смене пластических картин, воспроизводя особую сферу психологической жизни человека – зарождение чувств, зыбких, эмоциональных состояний, тонких душевных движений, не поддающихся логической интерпретации. При изображении этих душевных состояний Тургенев прибегает к помощи пейзажа, вовлекая его в психологическое действие, по замечанию А.И. Батюто, “переводит чувство на язык пейзажа”» [11, с. 72].

Когда у героя в душе появляется какое-то тонкое волнение или он находится в неожиданном наплыве сильного переживания, автор часто даёт побочный экскурс, переливает внутреннее чувство во внешний природный мир. Между тем он придаёт такому экскурсу богатое психологическое содержание. Например, подметив тайну между Гагиным и Асей, Н. почувствовал какую-то ревность и грусть. Автор при этом не описал душевное переживание Н., а заключил героя в объятия природы: «Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края» [13, т. 7, с. 90].

Получив письмо от Джеммы, Санин убедился, что любовь по-настоящему приходит к нему. И он потрясен этим огромным счастьем. Однако Тургенев не изображает чувство Санина во всех подробностях. Чтобы не томиться жаждой счастья, чтобы упорядочить тело и душу и встретить торжествующее завтра, Санин вышел из дома. И природа тепло

принимает его, радуется за него, поднимает его настроение: «Погода была прекрасная; солнце сияло и горело, но не пекло... бойко и быстро скользили тени высоких, круглых облаков» [13, т. 11, с. 80]. Природа активно переключается с его настроением, она становится участницей душевных переживаний Санина: «Гарталья, насколько мог и умел, участвовал во всех этих занятиях: камней, правда, не бросал, но сам кубарем катился за ними, подвывал, когда молодые люди пели, и даже пиво пил, хотя с видимым отвращением...» [13, т. 11, с. 80].

Пейзажный экскурс, как завершающий штрих в ключевой момент, играет поэтическую роль в торжестве тургеневского психологизма. Он проявляется в регуляции, перебое, переходе не только к психологии персонажей, но и к психологической атмосфере всего произведения. В повести «Вешние воды», когда наглые офицеры вызвали Санина на дуэль, герой безбоязненно ответил на вызов. Место и время дуэли, даже секунданты уже были назначены. А ведь Санин влюблён, и любовь нагрянула на него как вихрь. И вот сейчас он должен пойти навстречу возможной смерти. «Скорбные предчувствия начали его мучить» [13, т. 11, с. 57].

Даже у читателя перехватило дыхание. Нетрудно представить, в каком настроении находится Санин. Однако по дороге Санина на дуэль «...утро было прелестное. Улицы Франкфурта, едва начинавшие оживать, казались такими чистыми и уютными; окна домов блестели переливчато, как фольга; а лишь только карета выехала на заставу – сверху, с голубого, ещё не яркого неба, так и посыпались голосистые раскаты жаворонков» [13, т. 11, с. 59].

Природа сказочно прелестна, а положение Санина чрезвычайно скверно; утренняя природа вся оживлена, а наш герой, который стоит на пороге любви и счастья, идёт на риск, может быть, на смерть. Но своенравие природы, её красота резко контрастирует с переживаниями Санина. Природа «знает», что Санин останется жив! Обнаруживается здесь и другой эстетический эффект. При помощи оптимистического пейзажа автор выводит читателя из тяжёлого настроения, устраняет психологическое перенапряжение.

Когда в романе М. Шолохова «Тихий Дон» умирает Аксинья, Григорий «увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий диск солнца» [17, с. 401]. Говорят, что однажды писателя спросили, как возник у него такой образ. Шолохов ответил, что когда он писал этот эпизод, перед его глазами всё стало черно, как будто на небе висит одно чёрное солнце.

Действительно, когда человек находится в крайней скорби или крайнем восторге, когда его внутренний мир потрясён, внешняя вселенная перед его глазами раскрывается совсем по-другому, и природа наполняется таким же чувством.

Рассказанная Гагиным история Аси разрешила у Н. все тревожившие его сомнения. Сладостное предчувствие пробуждает его: веселье во время танцев волнует, мечта о любви тревожит. Он находится в нетерпеливом ожидании приближающегося огромного счастья. При ночном катании на лодке вниз по течению Рейна, «глядя кругом, слушая, вспоминая, я (Н.) вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу – но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в этой тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звёзды; тревожное оживление мне чудилось повсюду – и тревога росла во мне самом» [13, т. 7, с. 101–102].

Герой ещё находится под впечатлением предшествующих событий. Сердце его трепещет, кровь кипит. Он весь так переполнен, что спешит найти предмет, которому можно было бы излить вспыхнувшее чувство, найти отзыв или отклик своей любовной страсти. И он переносит всё это на природу. Ему кажется, что небо волнуется, беспокоится, что оно так же потрясено, как и он. В природу как будто вмонтировали датчик чувства героя. Вся она то поднимается, то опускается в соответствии с состоянием героя. От «я» – до природного существа, от природного существа – до «я»: в этот миг природа и «я» слились в такое единство, что невозможно разобрать, где небо, где земля. Чувство превратилось в природу, природа превратилась в чувство. Между небом и землей внезапно произошёл круговорот, обмен чувствами. По словам Тургенева, «только любовь вызывает такой расцвет всего существа, какого не может дать ничто другое» [2, с. 166].

Если признать, что в первой половине этой картины субъективное чувство ассимилирует объективный мир, то во второй – «я» и природное существо противоположны друг другу. Авторское «я» продолжает: «Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков» [13, т. 7, с. 102]. Ясно видно, что в движении чувств теперь всё преобразуется: тишина становится шумом, даже пение соловья стало сладким ядом. Природа под воздействием чувства более ярко и остро оттеняет настроение героя. Томясь романтическим чувством, герой стремится к спокойствию, а природа разрушает «согласие» между человеческим «я» и природным существом. Однако в ходе повествования человек и природа достигают диалектического единства, любовь побеждает природу: «Слезы закипели у меня на глазах, но то не были слезы беспредметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, ещё недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она

всё понимает и всё любит.. Нет! во мне закигалась жажда счастья...» [13, т. 7, с. 102].

Китайский классик-литератор Цзян говорит: «Чувство и природа, на первый взгляд, – это две различных стихии. На самом деле обе они находятся в неразделимом целом. У поэта-виртуоза чувство и природа сливаются, у него природа – виртуоз и умелец. В его пейзажах каждое существо насыщено чувством, каждое чувство пронизано природным духом. Под его пером то природа в чувстве, то чувство в природе» [14, с. 42]. Тургенев относится к числу именно таких поэтов. Только любовь сделала реализм Тургенева «поэтическим». Только любовь превратила реалиста Тургенева в романтика-поэта. Чувство и природа похожи на две цветные нитки, которыми художник вышил ослепительные узоры на парче, вышил очаровательный поэтический мир.

Библиографический список

1. Бай. О «Первой любви» Тургенева // Ибань: журнал. – Пекин, 1928. – Т. 4.
2. Боровицкая В.Н. Эпилег. – М., 1992. – 281 с.
3. Васильчиков П.А. Из дневника // Литературное наследство. – М., 1967. – 791 с.
4. Вишневская И. О тургеневской «Асе» // И.С. Тургенев. Ася. – М., 1979. – 48 с.
5. Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Тургенев в русской критике. – М., 1953. – 574 с.
6. Ло Яньнин. Эстетическая психология поэтов эпохи Тан. – Тяньцзинь, 2006.
7. Мао Дунь. О художественном мастерстве // Цзян Сяои. К мировой литературе. – Хунань, 1985.
8. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. – Т. 10. – М., 1952. – 512 с.
9. Пустовойт П.Г. Тургенев – художник слова. – М., 1987. – 376 с.
10. Сборник научных статей конференции, посвящённой 100-летию со дня смерти И.С. Тургенева. – Шанхай, 1989.
11. Соболевская О.И. Работа И.С. Тургенева над повестью «Ася» // Сб. трудов молодых ученых. – Томск, 1973. – Вып. 2. – 230 с.
12. Сунь Найсюй. Тургенев и Китай. – Шанхай, 1988.
13. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Соч.: в 15 т. – М.; Л.: Наука, 1960–1968.
14. Фет А.А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1982. – 461 с.
15. Цао Шуньцин. Сопоставление поэтики китайской и западной. – Пекин, 1988. – 68 с.
16. Шаталов С.Е. Проблемы поэтики И.С. Тургенева. – М., 1969. – 330 с.
17. Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. – М., 1980. – 432 с.
18. Эйдлиг Л. Танская поэзия // Поэзия эпохи Тан. – М., 1987. – 479 с.

References

1. Baj. O «Pervoj lyubvi» Turgeneva // Iban': zhurnal. – Pekin, 1928. – T. 4.
2. Borovickaya V.N. Epilog. – M., 1992. – 281 s.
3. Vasil'chikov P.A. Iz dnevnika // Literaturnoe nasledstvo. – M., 1967. – 791 s.
4. Vishnevskaya I. O turgenevskoj «Ase» // I.S. Turgenev. Asya. – M., 1979. – 48 s.
5. Dobrolyubov N.A. Kogda zhe pridet nastoyashchij den'? // Turgenev v russkoj kritike. – M., 1953. – 574 s.
6. Lo YAn'nin. Esteticheskaya psihologiya poetov epohi Tan. – Tyan'czin', 2006.
7. Mao Dun'. O hudozhestvennom masterstve // Czen Syaol. K mirovoj literature. – Hunan', 1985.
8. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem. – T. 10. – M., 1952. – 512 s.
9. Pustovojt P.G. Turgenev – hudozhnik slova. – M., 1987. – 376 s.
10. Sbornik nauchnyh statej konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya smerti I.S. Turgeneva. – SHanhaj, 1989.
11. Sobolevskaya O.I. Rabota I.S. Turgeneva nad povest'yu «Asya» // Sb. trudov molodyh uchenyh. – Tomsk, 1973. – Vyp. 2. – 230 s.
12. Sun' Najsuyj. Turgenev i Kitaj. – SHanhaj, 1988.
13. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t. Soch.: v 15 t. – M.; L.: Nauka, 1960–1968.
14. Fet A.A. Sochineniya: v 2 t. T. 2. – M., 1982. – 461 s.
15. Cao SHun'cin'. Sopostavlenie poetiki kitajskoj i zapadnoj. – Pekin, 1988. – 68 s.
16. SHatalov S.E. Problemy poetiki I.S. Turgeneva. – M., 1969. – 330 s.
17. SHolohov M.A. Sobr. soch.: v 8 t. T. 4. – M., 1980. – 432 s.
18. Ejdlin L. Tanskaya poeziya // Poeziya epohi Tan. – M., 1987. – 479 s.

ВЗГЛЯДЫ Л.Н. ТОЛСТОГО НА БРАК

В статье проанализированы и обобщены взгляды Л.Н. Толстого на брак. Выявлено, что для молодого Толстого брак, семья были одной из главных ценностей. Он понимал их как сферу, спасающую человека от дисгармонии, уныния, греха, помогающую обрести смысл жизни. Семья осмыслялась Толстым как главное предназначение человека. В своих ранних произведениях он выстраивает модель семьи: брак, семья осмысляются как основные условия счастья, любовь к супругу – как чувство уважения к отцу / матери своих детей. Однако с годами представления Толстого о браке существенным образом меняются. Это обусловлено изменением отношения Толстого к церкви и церковной (по его определению) религии, полным отрицанием писателем частной собственности, осложнением отношений с женой и детьми. Определено, что свою точку зрения на брак Толстой объясняет следованием истинному христианскому учению. Отрицание брака в христианском ключе Толстой мотивирует тем, что главное предназначение христианина заключается в служении богу, брак – заставляет человека служить себе. Оправдание церковью брака Толстой отождествляет с оправданием «плотской любви». Толстой считает брак завуалированной формой блуда. Вместе с этим он отрицает развод, поскольку считает, что оставленные без мужа женщины или без жены мужчины будут подвержены нравственному падению. Автор статьи приходит к выводу о противоречивости оценок брака Л.Н. Толстым в позднем творчестве.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, брак, семья, православие, грех, концепт.

Каждое общество формирует свою систему культурных установок. Во многом она основывается на универсальных правилах поведения, отношениях к фактам действительности. Универсальность норм, в частности, проявляется в императивах мировых религий. В истории культуры известно немало случаев, когда личности выступали против сложившихся правил, формируя собственную систему норм. В ряду таких людей особое место принадлежит Льву Николаевичу Толстому. Его высокие нравственные требования к себе и обществу, постоянное самосовершенствование, аналитический ум были причиной глубокого, всестороннего анализа сложившихся культурных установок и их переосмысления. Как писал сам Толстой в своих дневниках, существующие нормы он изучал в теоретическом аспекте и испытывал личной практикой. Отрицание общественных установок и формулирование собственных не было желанием привлечь внимание к себе.

Остановимся подробнее на отношении Л.Н. Толстого к браку. Общепринято, что брак является условием продолжения жизни народа, поэтому он освящается церковью. Толстой же в конце своей жизни отрицает брак, считая его маскировкой формы блуда. Вместе с тем он порицает развод, поскольку он создаёт условия для совершения других аморальных поступков.

Для молодого Толстого брак, семья были одной из главных ценностей. Он понимал их как сферу, спасающую человека от дисгармонии, уныния, греха, помогающую обрести смысл жизни. Семья понималась Толстым как главное предназначение человека. В своих ранних произведениях он выстраивает модель семьи. Вероятно, на формирование этих взглядов повлияло то, что Толстой рано потерял родителей, глубоко переживал безнравствен-

ность своих первых встреч с женщинами. Модель семьи в художественной форме воссоздаётся в повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье». Характерно, что повествование ведётся от лица героини, в начале произведения – семнадцатилетней девушки, которая, потеряв родителей, влюбляется в своего опекуна, друга семьи. Он старше её почти в два раза. Её чувства небезответны. Герой считает себя уже старым, испорченным жизнью человеком. Однако девушка сама делает шаги навстречу возлюбленному, признаётся ему в любви. История, нашедшая художественное воплощение в повести, напоминает историю отношений Льва Николаевича и Софьи Андреевны, его жены. Художественная рефлексия над своей жизнью характерна для Толстого. Особенно волнует писателя семейная тема, отношения супругов, что впоследствии найдёт своё отражение в «Войне и мире», «Анне Карениной», «Дьяволе», «Крейцеровой сонате» и других произведениях. В повести «Семейное счастье» особое внимание уделено нравственным исканием героини после свадьбы. Изображается, как чувство влюблённости в мужа сменяется глубоким чувством к мужу как отцу её ребёнка: «С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни...» [4, т. 6, с. 143]. Таким образом, Толстой называет главное условие семейного счастья: дети, которые являются основной причиной любви к супругу. В семье писатель видит смысл жизни человека.

В повести «Утро помещика» свои представления о семье Толстой вкладывает в уста молодого дворянина Нехлюдова, оставившего университет и приехавшего в деревню обустроить жизнь крестьян: «Я и жена, которую я люблю так, как ни-

кто никогда никого не любил на свете, мы всегда живём среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, с детьми, может быть, с старухой теткой, у нас есть наша взаимная любовь, любовь к детям, и мы оба знаем, что наше назначение – добро» [4, т. 5, с. 165–166].

Итак, брак, семья для раннего Толстого – это главное условие счастья. Любовь к супругу осмысливается как чувство уважения к отцу / матери своих детей. Эти мысли писатель воплотил в художественной форме в своих романах «Война и мир», «Анна Каренина». Фундаментом отношений в браке являются дети. По сути, эту модель брака Толстой реализовал в Ясной Поляне вместе с Софьей Андреевной.

Однако с годами представления Толстого о браке существенным образом меняются. Это обусловлено, во-первых, изменением отношения Толстого к церкви и церковной (по его словам) религии, во-вторых, как следствие этих взглядов, полным отрицанием писателем частной собственности, в-третьих, на почве этого, осложнением отношений с женой и детьми. На последнем году жизни в дневнике Лев Николаевич запишет: «Нынче думал, вспоминая свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я никогда даже не был влюблён. А не мог не жениться» [4, т. 58, с. 134].

Новые взгляды на брак в наиболее полном виде Толстой выражает в «Послесловии к “Крейцеровой сонате”». И.В. Брылина так характеризует названную повесть: «Это произведение содержит живую идею Толстого о вечном, “божьем” в семье» [2, с. 102]. В ней писатель приходит к отрицанию брака. Свою точку зрения он обстоятельно аргументирует.

Во-первых, Толстой порицает отношения, которые он называет половым общением. Безнравственность, греховность этих связей писатель обосновывает гнусностью их последствий: бросают детей, «или сваливают всю тяжесть этих последствий на женщину, или предупреждают возможность рождения детей» [4, т. 27, с. 80]. Оценка Толстым подобных отношений безусловна и категорична. Он называет их преступлением и подлостью.

Толстой отвергает оправдание половых отношений законами человеческой физиологии. Особенно его возмущает поэтизация этих отношений, возведение супружеской неверности в норму во всех слоях российского общества, как в высшем свете, так и в крестьянской среде.

Толстой полагает, что общество должно изменить своё отношение к половым связям воспитательными средствами. По мнению писателя, главной культурной установкой в трактовке брака должно стать его понимание как «унизительного для человека животного состояния» [4, т. 27, с. 80]. Толстой требует от общества жёсткого порицания нарушения обета супружеской верности. Главную ошибку в воспитании Толстой видит в развитии чувственности, которая впоследствии приводит

человека к животным наклонностям. Этот перегиб воспитания Толстой связывает с стремлением родителей всячески ублажать телесным потребностям своих детей (красиво одевать, вкусно и хорошо кормить и т. п.).

Главным условием жизни человека в этом аспекте Толстой видит воздержание: «воздержание, составляющее необходимое условие человеческого достоинства при безбрачном состоянии, еще более обязательно в браке» [4, т. 27, с. 81].

Свою точку зрения на брак Толстой объясняет следованием истинному христианскому учению: «Христос не только никогда не устанавливал брака, но уж если отыскивать внешние определения, то скорее отрицал его (“оставь жену и иди за мной”»». «Христианского брака быть не может и никогда не было, как никогда не было и не может быть ни христианского богослужения (Мф. VI, 5–12; Иоан. IV, 21), ни христианских учителей и отцов (Мф. XXIII, 8–10), ни христианской собственности, ни христианского войска, ни суда, ни государства. Так и понималось это всегда истинными христианами первых и последующих веков» [4, т. 27, с. 87]. Этот аргумент противоречит церковным установкам в отношении брака и является в какой-то степени эпатажным.

Б.И. Колмаков, размышляя о сущности религиозного толкования брака, приводит слова архиепископа Никанора: «... Сотворив мужчину и женщину, Бог повелел им множиться и заселять землю... что Адам сразу же после сотворения Евы полюбил её “как плоть едину”... Иисус Христос учит: муж и жена будут и суть и да будут плоть едины...» [3, с. 113].

Оправдание современной церковью брака Толстой отождествляет с признанием «плотской любви». Отрицание брака в истинном, христианском ключе Толстой мотивирует тем, что главное предназначение христианина заключается в служении богу, брак – заставляет человека служить себе: «плотская же любовь, брак, есть служение себе и потому есть, во всяком случае, препятствие служению богу и людям, а потому с христианской точки зрения – падение, грех» [4, т. 27, с. 87]. Надо отметить, что даже церковь не является столь строгой в оценке плотских отношений между мужем и женой. Апостол Павел учит: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, сие сказано мною, как позволение, а не как повеление» [цит. по: 3, с. 114].

Рассуждая о христианской интерпретации брака, Б.И. Колмаков пишет: «Вообще христианство, – нельзя сказать, – благословляет, – но попускает все здоровые естественно-человеческие чувства, стараясь их возвысить до духовности. В этом отношении половая и семейная любовь никак не составляет исключения» [3, с. 114]. На этом фоне идеи Л.Н. Толстого выглядят пуританскими.

Толстой отказывается рассматривать брак как условие продолжения человеческого рода, ссылаясь на миллионы брошенных, неустроенных детей. Он призывает позаботиться об этих детях, а потом уже думать о том, чтобы обзавестись своими. Отметим здесь некоторую противоречивость взглядов писателя. С одной стороны, он требует, чтобы дети воспитывались в условиях воздержания от удовольствий, с другой – говорит о том, что дети должны жить в достойных материальных условиях. Но почему люди не могут одновременно воспитывать собственных детей и заботиться о брошенных, чужих детях? Почему люди должны брать на себя бремя отказа от собственных детей ради устранения следствий чужого греха?

Брак допускается Толстым как единственный выход для людей, преступивших нравственный закон. Брак в этом случае должен спасти человека от повторного греха. Искушение нравственного падения в браке Толстой видит в воспитании детей, которые не повторят ошибки своих родителей, в замене «плотской любви чистыми отношениями сестры и брата» [4, т. 27, с. 91].

В статье «Об отношениях между полами» Толстой рассуждает о том, что общение между мужчиной и женщиной имеет как духовную, так и физическую составляющую. Чем сильнее духовное влечение, тем меньше себя проявляет физическое, и наоборот. Толстой утверждает, что физическое общение приносит значительно меньшее удовлетворение, чем духовное. Оно разрушает жизненные силы. Духовное общение, по Толстому, является «должным, хорошим, желательным».

В выражении своих представлений на брак Толстой не всегда последователен. Так, в одних работах он отвергает брак, отказывает ему в оправдании целями продолжения человеческого рода, в других, напротив, считает, что единственным оправданием брака являются дети.

Жизнь Толстого показывает, что он был семейным человеком в том смысле, что семья была для него главной ценностью. Юношеские дневники свидетельствуют о том, что Толстой мечтал о семье. Бурная общественная деятельность, литературное творчество не отодвинули жену и детей на второй план. В трактате «В чём моя вера» Толстой относит семью к одному из условий счастья: «Третье несомненное условие счастья – есть семья» [4, т. 23, с. 420]. Эпизодические нападки Толстого на брак, его полное отрицание мы объясняем рефлексией писателя на собственные поступки, строгостью отношения к себе, трагическим переживанием собственного греха. Как известно, до женитьбы у Толстого была связь с яснополянской крестьянкой Аксиньей Базыкиной, в результате чего был рождён внебрачный сын Тимофей, не признанный Л.Н. Толстым. Эта история в художественной версии отчасти была отражена в повести «Дьявол».

Возможно, переживание этого эпизода жизни отчасти повлияло на взгляды Толстого на брак.

В «Послесловии...», а также в трактате «В чём моя вера» Л.Н. Толстой выстраивает модель истинного, христианского брака, который может быть только один раз с одним человеком (Толстой отрицает многожёнство), с которым возможна физическая близость исключительно для намеренного зачатия детей. Толстой обрушивается на блуд, не допускает развод, поскольку в этом случае один человек бросает другого, а тем самым толкает его на последующий блуд.

Как видим, Толстой не вписывался в культурную парадигму своего времени, но он вряд ли гармонично входил и в другие, последующие культурные системы. Взгляды Толстого невозможно охарактеризовать как нигилистские, поскольку он не просто отрицал, а предлагал другое, по его мнению, правильное. Толстой поднял непреходящие проблемы. Его предложения не утрачивают актуальности и сегодня. Они интересны и глубоки, поскольку пережиты им. Целью духовного творчества Толстого является поиск того рецепта, который сделал бы человека истинно счастливым.

Библиографический список

1. Байкова Ю.Г. Восприятие современниками повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 3 (5). – С. 181–186.
2. Брылина И.В. Пол как исток жизни: В.В. Розанов, Л.Н. Толстой, М.И. Цветаева // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311. – № 7. – С. 98–103.
3. Колмаков Б.И. Крейцерова соната Л.Н. Толстого в критической оценке архиепископа Никанора (А.И. Бровковича) // Учёные записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Т. 55. – Кн. 2. – С. 104–120.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. – М.: Худ. лит, 1928–1958.

References

1. Bajkova YU.G. Vospriyatie sovremennikami povesti L.N. Tolstogo «Krejcerova sonata» // Povolzhskij pedagogicheskij poisk. – 2013. – № 3 (5). – S. 181–186.
2. Brylina I.V. Pol kak istok zhizni: V.V. Rozanov, L.N. Tolstoj, M.I. Cvetaeva // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. – 2007. – T. 311. – № 7. – S. 98–103.
3. Kolmakov B.I. Krejcerova sonata L.N. Tolstogo v kriticheskoj ocenke arhipiskopa Nikanora (A.I. Brovkovicha) // Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – T. 55. – Kn. 2. – S. 104–120.
4. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. – M.: Hud. lit, 1928–1958.

ГОГОЛЕВСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. НАБОКОВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ВОПРОСА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Автором статьи предпринята попытка на материале работ критиков русского зарубежья и литературоведов XX–XXI века проследить становление идеи о связи творчества В.В. Набокова с гоголевской традицией. Данный процесс рассматривается как поступательный, во многом обусловленный развитием исследовательской мысли. Причину близости творчества писателей эмигрантская критика увидела в схожей эстетике произведений, основанной на родстве восприятия мира и человека. В свою очередь, литературоведение конца XX века представило новый способ сравнения, при котором проза В.В. Набокова рассматривается как сложное художественное целое, в котором присутствует не только гоголевский подтекст, но и аллюзии на творчество иных писателей, получившее название «полигенетичности». Автор статьи предлагает обобщение методологического характера, указывающее на разные типы литературных связей.

Ключевые слова: традиция, гоголевский текст, сравнительный анализ, критика, аллюзия, реминисценция.

Общеизвестно, что В.В. Набоков осуждал попытки исследователей провести параллели между его произведениями и творчеством других писателей: «В моём представлении о литературоведении в нём вообще нет места «духовному родству» [11, с. 40]. Однако исследователи вот уже на протяжении почти ста лет находят в произведениях В.В. Набокова различного рода взаимодействия с творчеством других писателей, русских и зарубежных. При этом тема «Набоков и русская литература» связана, как правило, с осмыслением вопроса о принадлежности или преодолении писателем русской традиции.

Среди представителей русской литературы, достаточно часто привлекаемых в этом случае, в первую очередь следует назвать Н.В. Гоголя. Не зря Андрей Белый отмечал в 1934 г.: «Теперь, через сто лет после “Вечеров”, ещё нельзя говорить, что Гоголь отшумел в нас» [5, с. 38]. Действительно, писатели рубежа XIX–XX вв. искали в творчестве Н.В. Гоголя созвучное собственному художественному опыту.

Цель данной статьи – рассмотреть, как зарождалась, развивалась и что привнесла в понимание творчества В.В. Набокова исследовательская мысль о присутствии в его произведениях гоголевского текста.

Уже в первом романе В.В. Набокова «Машенька» (1926) эмигрантская критика, отметив талант писателя, искала возможные истоки литературной родословной. Так, Д.А. Шаховской заметил, что писатель «идет в сторону Достоевского» [15, с. 33]; А.В. Амфитеатров высказался о причастности раннего творчества В.В. Набокова к «неотургеннизму» [4]. Однако с течением времени, с выходом в свет следующих набоковских романов, в критике начинает крепнуть мысль о нерусском характере его таланта, нацеленного на выверенный стиль, безупречный язык, способного оставить за пределами художественного произведения столь значимые для русской литературы понятия, как идея,

мораль, воспитание. А некоторые из критиков восприняли набоковское тяготение к форме как новое проявление тенденций в русской литературе, заложенных когда-то Н.В. Гоголем.

Следует заметить, что идея рассмотрения творчества В.В. Набокова в гоголевском контексте формировалась в сознании критики постепенно. Об этом свидетельствуют, в частности, отзывы Г.В. Адамовича, одного из самых вдумчивых интерпретаторов набоковского творчества. Так, при первом знакомстве с «Защитой Лужина» критик, признавая даровитость писателя, пришел тем не менее к выводу о западном характере романа. Но много позже, потратив три десятилетия на изучение истоков художественного мастерства В.В. Набокова (1967), заключил, что писатель является не только выразителем эпохи, но и продолжателем русской литературной традиции: «Не случайно в нашем классическом прошлом ему ближе других Гоголь, и, кажется, именно от Гоголя ведёт Набоков свою родословную. <...> Двоящиеся гоголевские видения, фантастичность, призрачность гоголевских обманчиво-бытовых картин представляется Набокову – хотя и не ему одному – основной особенностью «Мертвых душ» и даже «Шинели». И особенность эта <...> причудливо совпала с тем ощущением или восприятием жизни, которым проникнуты многие новые западные повествования о людях и о их судьбе» [2, с. 73–74].

Эта мысль в разных вариациях встречается у Г.В. Адамовича в рецензиях на набоковские произведения 1930-х гг. В статье «Перечитывая “Отчаяние”» (1936), достаточно детально сопоставляя произведения писателей разных эпох, Г.В. Адамович высказывает свою точку зрения на литературное влияние как на явление, не подвластное писателю: «Для творчества показателен главным образом его строй, или, по-другому, – тон, звук, окраска, то, что выражает самую сущность поэтического замысла, то, чего автор не в силах ни придумать, ни подделать (курсив мой. – Рудова О.). <...> Ключ

к Сирину – скорее всего у Гоголя, и если ему суждены какие-либо творческие катастрофы, то, вероятно, это будет случай гоголевского типа» [1, с. 124]. В понимании критика В.В. Набоков и Н.В. Гоголь близки типологически, по творческому духу. Более того, Г.В. Адамович делает предположение о возможности творческой драмы, подобной гоголевской, в судьбе Набокова, ведь последний погружается в своей прозе в ирреальное начало, направляет внимание на всё самое неприятное в облике человека, тяготеет к теме смерти. Сближает писателей и их художественная антропология: «Люди, о которых рассказал Сиринов, очерчены с необычайной меткостью, но, как у Гоголя, им чего-то недостает, чего-то неуловимого и важнейшего: последнего дуновения, или, может быть, проще: души. Оттого, вероятно, снимок так и отчетлив, что он сделан с мертвой, неподвижной натуры» [1, с. 125].

Критик, ставя вопрос о принадлежности набоковского творчества к русской литературной традиции, сталкивался с главной трудностью – эстетической направленностью его творчества: «Удивительно, что такой писатель возник в русской литературе. Все наши традиции в нём обрываются. Между тем это всё-таки большой и подлинный художник, значит, такой, который “из ничего” появиться не мог...» [3, с. 198]. Так Г.В. Адамович обозначил парадокс, с которым сталкивались в разные времена набоковеды. Сближение творчества писателей разных эпох, в понимании Г.В. Адамовича, основано на общности их восприятия мира и человека, обозначившейся и в схожей эстетике произведений.

Для В.Ф. Ходасевича поводом к сопоставлению творчества писателей стал роман «Приглашение на казнь», который он в своей рецензии (1936) возводит к гоголевскому «Носу». Напрасно искать в них «скрытый философический или моральный смысл» [14, с. 139–140], так как «действительный смысл» заключается «в совершенно аморальной игре образами. В «Приглашении на казнь» Сиринов, как Гоголь в «Носе», даёт не что иное, как ряд блистательных арабесок, возникающих из нескольких основных мотивов, основных тем и объединённых, в глубокой своей сущности, не единством «идейного» замысла, а лишь единством стиля» [14, с. 140]. На мысль о сближении критика наводит анализ гротескно-сатирической природы романа, предполагающей внимание к стилевым особенностям. В представлении В.Ф. Ходасевича, родство гротеска В.В. Набокова и Н.В. Гоголя просматривается именно в плане формы, причем предпочтение отдается классику: «Для того, чтобы беречь приглушающую впечатлительность читателя, Сиринов под конец вынужден прибегать к слишком сильным средствам, к столь явным преувеличениям, что страшное становится слишком любопытно, а там, глядишь, и забавно – и, наконец, вызывает

улыбку. У Гоголя наоборот: у него смешное становится страшно, от чего вся вещь выигрывает в глубине и силе» [14, с. 140].

О творчестве В.В. Набокова в контексте гоголевской прозы рассуждал и П.М. Бицилли. В своей рецензии (1938) на роман «Приглашение на казнь» критик обращается к творчеству Н.В. Гоголя как к материалу, сравнение с которым помогает объяснить особенности поэтики В.В. Набокова. Критик говорит об использовании по-гоголевски смелых метафор, о трансформации такого гоголевского приема, как «включение небывальщины в вульгарную обыденщину» [7, с. 142]. Содержательная сторона романа «Приглашение на казнь», восходящая, по мнению П.М. Бицилли, к мировой классической традиции, все же раньше всего ориентирована на творчество Н.В. Гоголя. Это темы «жизнь есть сон», «человек-узник», которые становятся у В.В. Набокова первостепенными. Отсюда доминанта творчества В.В. Набокова – «чувство нереальности, бессмысленности жизни» [7, с. 144].

Ранее в статье «Возрождение Аллегории» (1936) П.М. Бицилли, изучая генезис художественного творчества В.В. Набокова, говорит и о сходстве произведений писателей, и об отсутствии внешних связей. Он предлагает термин «общность “родимых” пятен» [6, с. 208], которое следует трактовать как родство, обусловленное «общностью духовного опыта» [6, с. 209]. Общность, когда писателям открылся «известный аспект человека вообще, жизни вообще» [6, с. 209], ведет к исторически обусловленному сближению: «Тема человеческой “непроницаемости” <...> – тема самой нашей эпохи, эпохи ещё не изжитого, доведённого до крайности, разлагающего личность индивидуализма и вместе обезличивающего, бесчеловечного, бездушного коллективизма» [6, с. 218].

В связи с обозначенным понятием критик возводит к творчеству Н.В. Гоголя прозу В.В. Набокова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, развивающих гоголевские тенденции в художественном осмыслении мира и человека. «“Родимые” пятна» – это и частные моменты, отдельные аллюзии. Например, бесспорная близость В.В. Набокова и Н.В. Гоголя проявляется в заимствовании первым моделей построения текста, при которых в одном ряду оказываются стилистически разнородные образы, как в описании из «Портрета» Н.В. Гоголя с деталями «молоденькая дочь», «гадкая собачонка», «стенные часы». «По такой схеме построены у Гоголя не раз перечни “вещей”. Весьма вероятно, что Сиринов заимствовал её у Гоголя. Так, в “Отчаянии” составляет герой “опись (своего) душевного имущества”: “У меня была глупая, но симпатичная... жена, славная квартирка, прекрасное пищеварение и синий автомобиль...”» [6, с. 211]. Действительно, подобных по-гоголевски скроенных описаний в прозе В.В. Набокова великое множество.

При этом П.М. Бицилли улавливает и различие: «речи Гоголя совершенно чужда та, характерная для Салтыкова и Сирина, смесь “ученого”, холодно-торжественного или приподнятого слога с “тривиальностями”, которая усугубляет мертвенную жуткость и гротескную уродливость салтыковских и сириных образов; в его речи меньше элементов вышучивания, издевательства, пародирования, чем в речи двух последних» [6, с. 212]. П.М. Бицилли, таким образом, считает, что последователи не сумели превзойти классика 1-й половины XIX века.

По П.М. Бицилли, Гоголь – один из родоначальников аллегорического искусства, обращение к которому характерно для кризисных эпох: в нем старая культура изживает себя, а новая набирает силы. Так, исторически обусловленным становится в сознании критика тяготение В.В. Набокова к построению особой модели художественного мира, несовершенного, алогичного, при помощи стилистических средств, которыми когда-то воспользовался Н.В. Гоголь [6, с. 219].

Критические работы Г.В. Адамовича, В.Ф. Ходасевича, П.М. Бицилли явились первым обоснованием факта сближения творчества В.В. Набокова и Н.В. Гоголя. Характерно, что понимание сходства в стиле писателей направило критиков на осмысление истоков этого родства. И если Г.В. Адамович уловил некоторую общность в представлениях Н.В. Гоголя и В.В. Набокова о мире и человеке, а В.Ф. Ходасевич сконцентрировался на первостепенной значимости в набоковском творчестве эстетической направленности, то П.М. Бицилли оценил сближение художественных миров В.В. Набокова и Н.В. Гоголя как исторически обусловленное: гоголевские приёмы и образы наследуются В.В. Набоковым как инструменты, помогающие выразить кризисное мироощущение. Через аллюзии, реминисценции, образные аналогии осмысливается в творчестве В.В. Набокова вопрос о жизни традиции вообще, в её классическом или новаторском варианте.

Творчество Н.В. Гоголя и сама личность писателя изучались в начале XX века многими писателями и критиками (Д. Мережковский, В. Вересаев, А. Белый и др.), которые через постижение тайн гоголевской поэтики стремились найти ответы на самые разнообразные вопросы. Как мы заметили, творчество Н.В. Гоголя стало своеобразным ключом для постижения художественного своеобразия прозы В.В. Набокова. Усвоив данную тенденцию, литературоведение конца XX – начала XXI в. предложило свой подход, во многом основанный на теории интертекстуальности, изучающей потенциал диалогов между текстами. В этой связи творчество В.В. Набокова получило оценку не только в статусе новаторского, но и как явление вторичное, нацеленное на воспроизведение художественного опыта предшественников.

Изучая структурные особенности произведений В.В. Набокова, профессор сравнительного литературоведения из Финляндии Пекка Тамми (1992) приходит к выводу о полигенетичности его прозы, понимаемой как присутствие множества подтекстов в отдельном сегменте текста. Эти подтексты могут направлять как к творчеству одного писателя-предшественника, так и к нескольким. Исследователь отмечает сходство эпизода сна об украденной табакерке из «Соглядаята» В.В. Набокова и окончания «Носа» Н.В. Гоголя. Описанная во сне ситуация – девушка в табакерке – вызывает ассоциацию с упоминаемым В.В. Набоковым на первых страницах «Соглядаята» чеховским «Романом с контрабасом», по сюжету которого девушка была спрятана в футляр. Исследователь отмечает: «Истории Гоголя и Чехова по существу не связаны. Лишь в новом контексте романа Набокова они сведены вместе для создания совершенно неожиданного тематического целого» [13, с. 514]. Подобная игровая модель текста «создает эффект «культурного синтеза» [13, с. 519], характерный для модернистского творчества, и ценна тем, что дарит читателю возможность поиска и открытия.

Свою точку зрения на творчество Н.В. Гоголя как пример подражания для В.В. Набокова высказал философ В.С. Малахов (1993). Он отмечает, что В.В. Набоков обращался к творчеству Н.В. Гоголя в двух плоскостях: «в плоскости аллюзии и в плоскости размышления... Эти намеки по природе своей имеют фонетический, стилистический и тематический “узор”» [10, с. 376]. Творчество В.В. Набокова расценивается как закономерность в развитии русского литературного процесса, «нечужеродный элемент» [10, с. 384]: «Граница должна проходить не между Набоковым и русской литературной традицией, а между Набоковым и определённой традицией истолкования его творчества» [10, с. 384].

О взаимодействии гоголевского и набоковского текстов пишет С. Давыдов в монографии “Тексты-матрёшки” Владимира Набокова» (2004). Вопрос о присутствии чужого текста, ведущего к появлению текстов-матрешек, решается так: «Набоков перенимает приемы, характеры, темы, целые композиционные схемы и стили и, подчиняя их в своих “матрёшках” новому единству, создает из этих лоскутков оригинальные пародии и пастиши» [8, с. 25–26]. Так, рассказ В.В. Набокова «Уста к устам» исследователь предлагает прочесть «как пародию в высоком смысле этого слова» [8, с. 22], ориентированную на «Шинель». Косноязычие литератора Ильи Борисовича близко косноязычию Акакия Акакиевича: «гротескная вивисекция исполняется гоголевским скальпелем и в гоголевском комическом тоне» [8, с. 23]. Отрывок, повествующий о насмешках в адрес литературного «talanta» набоковского героя, переключается, в том числе

и по форме, с эпизодом, описывающим глумление мелких чиновников над героем Н.В. Гоголя. В увлечении героев романом и шинелью исследователь усматривает эротизацию неодухотворенного предмета [8, с. 23]. На контекст указывает и аллюзия «пальто-шинель». Интересен вывод С. Давыдова о художественной установке писателя: «Из старого капота Ильи Борисовича Набоков решил создать новую шинель, т. е. развернуть поношенную ткань романа (который написал герой. – *О. Р.*) так, чтобы на потёртые места легла свежая материя рассказа» [8, с. 25]. Таким образом, многочисленные аллюзии к творчеству классика, сложные по своей природе, можно расценивать как попытку актуализировать гоголевскую концепцию художественного мира.

Большой вклад в изучение вопроса о связи творчества В.В. Набокова с русской литературной традицией внесла А.В. Злочевская. Рассуждая о сатирическом таланте писателя, она выстраивает подобно критикам 30-х гг. генетическую линию «Гоголь – Салтыков-Щедрин – Достоевский – Набоков» [9, с. 131], в которой В.В. Набоков замыкает цепь трагикомических русских писателей, обладающих гротесковым складом художественного мышления. По данной линии А.В. Злочевская прослеживает генезис русской антиутопии XX века. Психология гоголевского пошлого человека стала объектом сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина, направила Ф.М. Достоевского на размышления о стремлении человека к личной свободе и связанном с ним экзистенциальном бунте против тоталитарной свободы. Синтезом данного художественного опыта явилась набоковская модель тоталитарного режима в романе «Приглашение на казнь».

Оценивая набоковское восприятие творчества Н.В. Гоголя как субъективное, развивающееся в рамках «формальной школы», положительным качеством книги «Николай Гоголь» исследователь считает то, что «смелая актуализация художественного метода Гоголя (приёмы создания гротескного художественного пространства. – *О. Р.*) предопределила возможность творческой преемственности между двумя писателями» [9, с. 139]. Так, если у Н.В. Гоголя зеркальная символика носила эпизодический характер, то В.В. Набоков делает её ключевым компонентом в своих произведениях, при этом создавая модель художественного двоимирья в гоголевском ключе. Кроме того, В.В. Набоков продолжает тему безумия, тему гоголевского «нерасчленимого симбиоза безумия высшего и низшего», которая предстает у Набокова «в трехчастном аналитическом разъятии: высшее безумие Лужина, клиническое помешательство несчастной Аквы и, наконец, сумасшествие Германа» [9, с. 148–149]. Исследователь отмечает, что в произведениях В.В. Набокова любое безумие – «знак нравственно-духовного несовершенства личности» [9, с. 150].

«Гоголевская реминисцентная линия – одна из доминантных в прозе Набокова» [9, с. 153], но, как правило, она «присутствует в набоковских текстах *тайно* – на уровне «сигнальных» образов и мотивов, отсылающих читателя к произведениям-«первоисточникам» [9, с. 153].

Таким образом, литературоведческие штудии конца XX – начала XXI века показали, что путь сопоставительного изучения творчества писателей продуктивнее, поскольку сравнительный метод, при всей его концентрации на общем, способен вывести и на понимание индивидуального в писательском мастерстве. Как видим, изучение вопроса о присутствии гоголевского текста в творчестве В.В. Набокова, намеченное критикой эмиграции, имеет дальнейшее развитие и сегодня, в более сложном и многоплановом ключе. Полигенетический взгляд, отсылающий к разным писателям, позволяет представить творчество В.В. Набокова как сложное явление, синтезирующее все значимое для писателя в опыте писателей-предшественников. Следовательно, траектория от Н.В. Гоголя к В.В. Набокову не всегда прямолинейна, сложна природа набоковского обращения к предшественнику, сложны и богаты аллюзии.

В представленных в сравнительном плане сопоставлениях «Гоголь – Набоков» присутствуют разные типы литературных связей:

а) простое сопоставление, способное выявить общие черты в изображении героев, одинаковую жизнь приёма и т. п. Примером могут служить различные формы заимствования (подражание, стилизация, реминисценция и т. д.), в частности выявленное С. Давыдовым близкое по структуре построение эпизодов гоголевской «Шинели» и набоковского рассказа «Уста к устам»;

б) историко-типологическое сравнение, при котором можно выявить обусловленную сходными условиями развития общность. Не углубляясь в этот вопрос сейчас, обозначим, что возможна некоторая переключка противоречивых эпох, в которые жили писатели. Наличие полярных точек зрения историков (от утверждения о важном для России этапе, предваряющем реформы 1860-х гг., до утверждения о том, что это было время мрачной реакции) на эпоху правления Николая I говорит о том, что эпоха была сложной, неоднозначной. Россию начала XX века, в которой вырос будущий писатель В.В. Набоков, без сомнения, можно назвать одним из самых сложных исторических периодов. Главным для нашего исследования является понимание того, что сложность исторической эпохи, в которую живет писатель, влияет на его творческий опыт. Писатель ищет пути, помогающие художественно осмыслить, изменить, преодолеть реальность. Мироощущение В.В. Набокова, его понимание человека и мира, близкое гоголевскому, исторически обусловлено.

Если принять во внимание, что эстетические процессы вписаны в цивилизационные и культурно-исторические процессы, то, как отмечает Е.А. Стеценко, «особенности литературных направлений можно объяснить не только внутренними метаморфозами, но и общей направленностью универсальной истории» [12, с. 19]. И далее: «В литературном процессе сочетаются векторность и цикличность, возвраты, повторы, дополнения и отрицания, дуальность и множественность, идет постоянная борьба противоречий и сглаживание различий. Одни и те же категории, концепты, художественные формы проходят через всю историю литературы, стабилизируясь, трансформируясь, порождая новые значения» [12, с. 19]. Именно по этим траекториям, на наш взгляд, происходит взаимодействие творчества В.В. Набокова и Н.В. Гоголя.

в) историко-генетическое сопоставление, при котором сходные явления рассматриваются как результат генетического родства. В данном случае точкой соприкосновения можно считать русскую культуру, в которой рос В.В. Набоков, усваивая и изучая её значимые концепты, отраженные и сформированные в творчестве многих русских классиков, в числе которых – Н.В. Гоголь. Не случайно ведь в литературоведении принято делить творчество В.В. Набокова на два периода – русский и американский.

Как видим, сложный вопрос о принадлежности В.В. Набокова к русской литературной традиции вообще и к гоголевской в частности не теряет своей актуальности. Значимые открытия в области изучения поэтики и смысла прозы В.В. Набокова сформировались не без понимания того, что творчество писателя есть сложный синтез традиции и новаторства. Сопоставление обогатило в некоторой степени и гоголеведение, актуализировав творчество классика в XXI веке.

Библиографический список

1. *Адамович Г.* Перечитывая «Отчаяние» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. И.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 123–127.
2. *Адамович Г.* Предисловие // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. И.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
3. *Адамович Г.* Сириин // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. И.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 195–198.
4. *Амфитеатров А.В.* Литература в изгнании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [\[az.lib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_1929_literatura_v_izgnanii.shtml\]\(http://az.lib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_1929_literatura_v_izgnanii.shtml\) \(дата обращения: 20.02.2019\).](http://

</div>
<div data-bbox=)

5. *Белый А.* Мастерство Гоголя. – М.; Л.: ГИХЛ, 1934. – 320 с.

6. *Бицилли П.* Возрождение Аллегии // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. И.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 208–219.

7. *Бицилли П.* Рец.: «Приглашение на казнь» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. И.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 141–144.

8. *Давыдов С.* «Тексты-матрёшки» Владимира Набокова. – СПб.: Кирцидели, 2004. – 158 с.

9. *Злочевская А.В.* Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 188 с.

10. *Малахов В.С.* Владимир Набоков и русская литературная традиция (на немецком языке) // Zeitschrift für Slavische Philologie 53. – Heidelberg, 1993. – S. 369–385.

11. *Набоков В.В.* Предисловие к английскому переводу романа «Приглашение на казнь» // В.В. Набоков: pro et contra: Антология: в 2 т. / сост. Б. Аверин и др. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997–2002. – Т. 1: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей. – С. 40–42.

12. *Стеценко Е.А.* Новый взгляд современной науки на динамику литературных направлений // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2017. – Т. 76. – № 4. – С. 18–25.

13. *Тамми П.* Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // В.В. Набоков: pro et contra: Антология: в 2 т. / сост. Б. Аверин и др. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997–2002. – Т. 1: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей. – С. 508–522.

14. *Ходасевич В.* Рец.: «Современные записки». Кн. 60 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. И.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 138–140.

15. *Шаховской Д.А.* Рец.: «Машенька» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. И.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 33

References

1. Adamovich G. Perechityvaya «Otchayanie» // Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. I.G. Mel'nikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. – S. 123–127.

2. Adamovich G. Predislovie // Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. I.G. Mel'nikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.
3. Adamovich G. Sirin // Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. I.G. Mel'nikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. – S. 195–198.
4. Amfiteatrov A.V. Literatura v izgnanii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/a/amfiteatrov_a_w/text_1929_literatura_v_izgnanii.shtml (data obrashcheniya: 20.02.2019).
5. Belyj A. Masterstvo Gogolya. – M.; L.: GIHL, 1934. – 320 s.
6. Bicilli P. Vozrozhdenie Allegorii // Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. I.G. Mel'nikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. – S. 208–219.
7. Bicilli P. Rec.: «Priglasenie na kazn'» // Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. I.G. Mel'nikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. – S. 141–144.
8. Davydov S. «Teksty-matryoshki» Vladimira Nabokova. – SPb.: Kircideli, 2004. – 158 s.
9. Zlochevskaya A.V. Hudozhestvennyj mir Vladimira Nabokova i russkaya literatura XIX veka. – M.: Izd-vo MGU, 2002. – 188 s.
10. Malahov V.S. Vladimir Nabokov i russkaya literaturnaya tradiciya (na nemeckom yazyke) // Zeitschrift fur Slavische Philologie 53. – Heidelberg, 1993. – S. 369–385.
11. Nabokov V.V. Predislovie k anglijskomu perevodu romana «Priglasenie na kazn'» // V.V. Nabokov: pro et contra: Antologiya: v 2 t. / sost. B. Averin i dr. – SPb.: Izd-vo Rus. hristian. gumanitar. in-ta, 1997–2002. – T. 1: Lichnost' i tvorcestvo Vladimira Nabokova v ocenke russkih i zarubezhnyh myslitelej. – S. 40–42.
12. Stecenko E.A. Novyj vzglyad sovremennoj nauki na dinamiku literaturnyh napravlenij // Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka. – 2017. – T. 76. – № 4. – S. 18–25.
13. Tammi P. Zаметki o poligenetichnosti v proze Nabokova // V.V. Nabokov: pro et contra: Antologiya: v 2 t. / sost. B. Averin i dr. – SPb.: Izd-vo Rus. hristian. gumanitar. in-ta, 1997–2002. – T. 1: Lichnost' i tvorcestvo Vladimira Nabokova v ocenke russkih i zarubezhnyh myslitelej. – S. 508–522.
14. Hodasevich V. Rec: «Sovremennye zapiski». Kn. 60 // Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. I.G. Mel'nikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. – S. 138–140.
15. SHahovskoj D.A. Rec.: «Mashen'ka» // Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. I.G. Mel'nikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. – S. 33

Дымченко Анастасия Сергеевна
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
antipina.anastasija41@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА О ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХЕ В АРХАНГЕЛОГОРОДСКОМ ЛОКАЛЬНОМ ТЕКСТЕ: РОМАНЫ «ПЕТР ПЕРВЫЙ» А.Н. ТОЛСТОГО И «РОССИЯ МОЛОДАЯ» Ю.П. GERMANA

В статье рассматривается образ Архангельска в исторических романах об эпохе Петра I: «Петр Первый» А.Н. Толстого и «Россия молодая» Ю.П. Германа. Показана закономерность обращения советских писателей 1930-х – 1940-х годов к теме петровских преобразований, а также неизбежность введения образа Архангельска и хронотопы Русского Севера в художественную ткань исторических романов о Петре. Также дан анализ различий в подходах А. Толстого и Ю. Германа к изображению Архангельска: творческое переосмысление пространства города А. Толстым усиливает идею противостояния западноевропейского прогресса и древнерусской костности, выраженную в романе, тогда как для Ю. Германа первостепенную значимость имеет сохранение на Севере исконных традиций кораблестроения. Помимо этого, в статье прослежена преемственность между романом Ю. Германа и малой прозой Б. Шергина.

Ключевые слова: исторический роман, советская литература, А.Н. Толстой, Ю.П. Герман, Северный текст русской литературы, городской локальный текст, локально-исторический метод.

Рассматривая примеры исторической прозы, которые принадлежат архангелогородскому локальному тексту, можно выделить две эпохи, вызывающие интерес у авторов исторического жанра: во-первых, это время Петра I и войны со шведами, а во-вторых – период революций 1917 года и Гражданской войны. Петровской эпохе и противостоянию России и Швеции посвящено два крупных исторических романа эпохи соцреализма: «Петр Первый» А.Н. Толстого и «Россия молодая» Ю. Германа.

Фигура Петра I теснейшим образом связана не только с Петербургом, но и с Архангельском, ведь именно в Архангельске Петр создал первый в России морской порт международного значения. Как история Архангельска в ее легендарном и научном вариантах немислима без Петра I, так и биография царя-реформатора и любые нарративы, ее транслирующие, так или иначе затрагивают пространство Архангельского Севера. Следовательно, авторы художественных текстов, посвященных Петровской эпохе, не могли обойти вниманием Архангельск и, естественно, сталкивались с проблемой воссоздания образа города в произведении, независимо от того, были ли эти авторы знакомы с городом лично или нет.

Значительное количество путевых текстов и получившие распространение мифопоэтические стереотипные представления о Русском Севере давали авторам возможность создавать более-менее достоверный образ местности и наделять его устойчивыми качествами, такими как удаленность от столицы и труднодоступность, с одной стороны, а с другой – открытость западному миру, Европе через морские ворота. Константные признаки местности напрямую связаны и со сформировавшимся в литературе образом помора, представляющего собой особый вариант русского национального характера,

квинтэссенцию его специфических качеств: честности, простоты, вместе с тем выносливости в борьбе с тяжелыми погодными условиями и с морской стихией, предприимчивости, силы, свободолюбия.

Произведения А.Н. Толстого и Ю.П. Германа о петровской эпохе были созданы как попытка художественного обоснования идеи государственного строительства, а роман Германа – еще и как ответ на Великую Отечественную войну, и эти аспекты следует признать ведущими в идейной подоплеке романов. В период активной индустриализации страны, а также в ситуации военной угрозы 1941–1945 годов были востребованы в том числе такие стороны петровской темы, как способность народа пережить все исторические катаклизмы и одолеть внутреннего и внешнего врага. Индустриализация 1930-х годов была связана и с новым этапом собирания русских земель уже в рамках советского государственного проекта, что приняло форму создания новой советской «империи» с сильным лидером во главе ее. Е.Д. Гордина отмечает, что в 1930-е годы идея государственного строительства, заменившая собой в СССР идею «мирового пожара» революции, настолько перестроила массовое сознание, что стали возможными произведения, немислимые в 1920-е, а именно – исторические романы о государе [3, с. 95]. «Могущество и процветание страны всегда, несмотря на все личные переживания, остается главной целью жизни государя. Вся она предстает как служение народу, нередко – не понимающему сути происходивших преобразований и сопротивляющемуся им» [3, с. 95], – эта характеристика является родовым признаком для исторических романов такого типа, и она справедлива для рассматриваемых нами произведений А. Толстого и Ю. Германа.

В романе А.Н. Толстого «Петр Первый» (1934–1945) Архангельск как город-порт становится ме-

стом встречи Востока (Руси) и Запада (прогрессивной Европы), что делает эпизод первого визита Петра в Архангельск концептуально значимым для всего произведения. Толстой, видимо, не столько от незнания местности, сколько для придания эпизоду большей контрастности несколько меняет функции двинских берегов: на левом – западном – берегу автор располагает корабельную пристань, где во всем блеске красуются богатые океанские корабли, правый же берег – восточный – становится у него воплощением кондовой Московской Руси: «Там была все та же Русь, – колокольни да раскиданные, как от ленивой скуки, избенки, заборы, кучи навозу. У берега – сотни лодок и паузки, груженные сырьем, прикрытые рогожами. <...> Богатый и важный, грозный золотом и пушками, европейский берег с презрительным недоумением вот уже более столетия глядел на берег восточный, как господин на раба» [6, с. 208–209].

Перед Петром I стоит задача сломить вековой порядок вещей, и одна из точек приложения его усилий – Архангельск. С помощью подробно детализованных, ярких описаний корабельной пристани, гостиного двора автор добивается достоверной визуальной картинки, зримой передачи хронотопа. Однако основную идейную нагрузку, на наш взгляд, несет в этом фрагменте романа не урбанистическое, а природное начало в описаниях города.

Толстой сумел верно подметить характернейшую для Архангельска особенность: включенность города в «природную раму окрестностей» (выражение Н.П. Анциферова): описание города начинается с динамического изображения пейзажа: «Поднялось небывалой величины солнце над темными краями лесов, лучи распались по небу, ударили в берег, в камни, в сосны» [6, с. 208]. Далее автор, создавая образ местности, сосредоточивает свое внимание на изображении водного пространства, которое в тексте романа, коррелируя с образом моря, может прочитываться как символ свободы, изменения, расширения ментальных и географических границ. Петр находится в союзе с водно-воздушной стихией, и двинской ветер уносит у него одно из писем жены, пытающейся, как и вся старая Русь, препятствовать его делам: «Он засмеялся. Ненужное письмецо, сорванное ветром у него с колена, взлетело и вдалеке пропало в волнах...» [6, с. 216–217].

Петр, таким образом, попадая в Архангельск, изолирует себя от московского царского двора с его старыми порядками, вкладывает свои силы в создание флота и, как следствие, в переустройство всего государства. Впереди великого царя ждет еще тяжелая и долгая Северная война, в горниле которой преобразится русская армия, но начало великим преобразованиям положено все-таки в Архангельске.

Важное различие между романами А. Толстого и Ю. Германа состоит в том, что А. Толстой,

несмотря на все аллюзии с современностью, воссоздает колорит эпохи, дух старинной Руси; Ю. Герман же более явно модернизирует историю, заставляя героев-протагонистов говорить на языке революционной эпохи XX века.

Сюжетным центром «России молодой» становится судьба человека из народа, борьба народа с угнетателями; соответственно, значительная часть событий происходит не в столице, а на Севере – малой родине главного героя Ивана Рябова.

Знакомство с Архангельским Севером происходит для читателя «России молодой» сначала заочно: мы узнаем, что Север является хранилищем забытого корабельного искусства, и именно туда следует идти, чтобы возродить былую мощь страны. Архангельск как центр Русского Севера представляет собой в романе Германа хранилище русской культуры и морского знания, Север чудесным образом консервирует древние национальные традиции, которые в ситуации военного противостояния оказываются ценнее современных, но чужеродных западноевропейских технологий.

Ю. Герман вводит в словарь своего романа лексические обороты, активно использовавшиеся в прозе Б.В. Шергина: «Архангельский город – всему морю ворот», «морского дела старатели», «море – наше поле», «морское художество». Наша убежденность в том, что использование Ю. Германоном словаря художественных текстов Б. Шергина является именно цитированием, а не совпадением, обусловлена не только общей для произведений обоих писателей темой Архангельского Севера, но и тем, что в «России молодой» присутствуют фрагменты, прямо указывающие на связь романа с малой прозой Б. Шергина, а именно с его рассказом «Рождение корабля». Вот как у Германа описывается процесс постройки судна мастером Иваном Кононовичем (у Шергина – Конон Иванович): «Тут ему и *рождение* было, *кораблю* нашему. Уровнял Кононыч сей песок и стал на нем *посошкой* своим *план* судну делать. *Ширина* корабля клал в *треть* длины. А *высота трюма* – *половина ширины*. На *жерди* *рубевски* *нарезал* и *шпангоуты* *рассчитал*. <...> Ну, *лекалы* *сколотили*, пошла работа; печи поставили *водяные с котлами* – *доски парить*...» [1, с. 170]. Сравним с аналогичным эпизодом из рассказа Шергина: «На гладком, плотном песке *тростью* вычертил *план* судну, вымеряя отношение частей. *Ширину* корабля клал *равной трети* длины. А *половина ширины* – *высота трюма*. На *жерди* *нарезал рубевски* и такой меркой *рассчитывал шпангоуты*. <...> По этому плану *сколотил лекалы*». Далее у Шергина следует эпизод, где в печи «с *водяным котлом*» «*доски парили*» [7, с. 45]. Как видим, Ю. Герман заимствует у своего предшественника не только содержание фрагмента, но и лексику, порой целые фразы, лишь переставляя слова или части предложений места-

ми. Менее подробно создание чертежа Герман описывает в первой главе романа, где мастер делает чертеж корабля мелом в избе [1, с. 47], что также имеет свою параллель в рассказе Б. Шергина.

Таким образом, автор «России молодой» с помощью изобразительно-выразительных языковых средств и цитирования значимых фрагментов продолжает мощно начатую Б.В. Шергиным традицию, создает в романе специфический поморский колорит, вводит свое произведение в культурный контекст местности и прочно закрепляет его в складывающемся сверхтексте – Северном тексте русской литературы.

Главное богатство Севера – его люди, которые могут восполнить собой все то, чего не хватает молодой России:

«– У русских никакого флота еще нет, гере премьер-лейтенант!

– Но, черт возьми, у них есть моряки, вот что главное.

– У них еще нет кораблей.

– Их лоды не хуже наших кораблей, что же касается до военного судостроения, то они с этим справятся», – спорят между собой шведские военные в романе [1, с. 227]. Поэтому в произведении Германа большее влияние на исторический процесс в конечном счете оказывает народ, тогда как толстовский Петр почти в одиночку переламывает упрямство необъятной боярской темной Руси. И если Толстой показывает необходимость принятия чужого опыта для развития и процветания страны, то Герман убеждает читателя в обратном: петровская Россия имела сама по себе колоссальный потенциал, который реализовала не благодаря западному опыту, а вопреки западной военной и экономической агрессии. Такая разница объяснима не только личными убеждениями авторов, но и временем написания романов: «Россия молодая» писалась в годы войны, когда основной темой искусства стала тема противостояния врагу, а образ врага виделся как абсолютное зло. Перед Толстым же, особенно при создании первых частей романа, стояла иная задача: прославить правителя-реформатора, поддержать его убеждения, показать прогрессивный смысл его деятельности.

Выше мы обращались к принципам создания образа Архангельска в романе «Петр Первый». У Германа Архангельск как торговый порт становится (как и у большинства авторов, касавшихся темы экономической значимости Архангельска) собирателем и представителем богатств всех уголков большой страны, а не только Севера: «Он [Рябов] <...> встал у трапа, смотрел, как отваливают от берега одна за другой посудинки – то русские купцы-гости шли торговать воском симбирским и вятским, тверской юфтью, арзамасским, суздальским топленным говяжьим салом, пряжей пеньковой и кудельной, донскими кожами, клетчатыми

холстами домотканными, чирковыми сукнами, живыми куницами, росомахами, волками, медведями, привезенными из дальних мест, щетиной, свечами, рыбьим клеем, смольчугом, семгой, икрой осетровой астраханской...» [1, с. 78]. Архангельск становится и центром сосредоточения региональных вариантов народной культуры Севера: жена Рябова «...вышивала, как на Печоре да на Мезени рукавички и чулки, как на Пинеге – пояски, как в Красноборске – кушаки из шерсти» [1, с. 327].

С другой стороны, одной из самых острых проблем поморов в романе является бесправие русских на фоне произвола иноземцев, зависимость коренных жителей от пришлых, не знающих и не ценящих местную культуру. Эта ситуация явилась следствием портового положения города и государственной политики, нацеленной на развитие торговли (по убеждению автора «России молодой» – развитие это покупалось непомерно дорогой ценой). Автор основывается, несомненно, на реальном положении дел, документально зафиксированном, например, в известной челобитной архангельских посадских людей царю Алексею Михайловичу на произвол иноземных купцов, которую приводит академик И. Лепехин в своих «Дневных записках» [5, с. 50–152]. Вероятно, именно эта или подобная ей челобитная имеется в виду в диалоге Ивана Рябова и Митеньки:

«– До чего ж славно живем. Давеча на Пробойной улице Якимка Смит, иноземец, после пожара построился, видел ли? Перегородили постройками Пробойную напополам – и весь сказ. Ни проходу пешего, ни проезду конного. Ему корысть, а нашим архангелогородцам – обнищание, к рядам-то дорогу навовсе запер...»

– Чего ж наши делают? – спросил Митенька.

– Пишут челобитные, – усмехнувшись невесело, сказал Рябов, – мы-де, сироты твои, вовсе-де оскудели, тяглые наши места иноземцы захватили, скотишку нашему подеться некуда...» [1, с. 78].

Сравнение текста реальной челобитной царю Алексею Михайловичу, приведенной Лепехиным, и процитированного диалога указывает на прямые переключки между ними: «...и поставились они иноземцы своими выставочными дворами на наши на тяглые места... и теми своими выставочными дворами они иноземцы тех земель нашу искони вечную мирскую дорогу заперли, и скотишку нашему на мирскую искони вечную дорогу от их дворов учинился запер, и проходу нашему скотишке нет, и нам сиротам твоим для дороги проходу нет... А мы, государь, сироты твои бедные людишки от тех выставочных дворов... в конец погибли, обнищали и одолжали великими долги...» [5, с. 150–151]. Помимо общего описания конфликта, в тексте романа Ю. Германа использованы некоторые характерные лексическо-грамматические формы исходного документа: «тяглые места», «скотишку», «сироты твои».

Историк А.Б. Каменский, чья монография «Повседневность русских городских обывателей» основана на анализе архивных документов Бежецка, датируемых XVIII веком, в том числе челобитных, указывает на то, что зафиксированные в документах конфликты не следует понимать как нечто типичное, происходившее ежедневно. Конфликт, зафиксированный в челобитной, напротив, мог осмыслиться современниками как нонсенс, нарушение привычного порядка вещей. В любом случае регулярность и частотность конфликтных ситуаций невозможно определить с помощью анализа архивов, поскольку документы никак не отражают соотношение «нормального» и «ненормального» в жизни людей, а лишь фиксируют конфликт [4, с. 35].

Так или иначе, Герман возводит проблему бесправия местного населения в Архангельске на фоне вседозволенности иностранцев в абсолюте, отказывая персонажам-европейцам, за крайне редким исключением, в каких бы то ни было положительных качествах. Эта тенденция поддерживается и общей традицией литературы соцреализма, в которой личные качества персонажа зачастую определяются внешними факторами: происхождением, социальным положением, национальной принадлежностью.

Обратимся к изображению собственно Архангельска в романе. Панораму города автор дает во втором томе: «...отсюда виден был Архангельск, кривые, сбегающие к Двине улочки, маковки деревянных и каменных церквей, кирка, Немецкий двор, Зелейная, Ямская, Пушечная слободы, дом воеводы, верфь со строящимися на ней кораблями» [2, с. 34]. Как видим, элементы «анатомии» города не показаны в тексте, а лишь названы, причем ничто не выделено как архитектурная доминанта городской панорамы. Если убрать из приведенной цитаты имена собственные, то мы получим типичный набор элементов, из которых состоит любой старый русский город, в том числе Москва: кривые улочки (это, собственно говоря, штамп Московского текста), церкви, включения иноземной («немецкой») архитектуры, ремесленные слободы. Единственное, что можно считать специфическим признаком Архангельска здесь, – корабельные верфи.

В повествовании Германа отсутствует «этнографизм», установка на визуализирующее описание с той целью, чтобы читатель, никогда не видевший описываемую местность, смог мысленно восстановить ее облик по тексту; в «России молодой» первостепенную роль несет идейно-смысловая и идеологическая составляющая, подавляющую часть текста составляют диалоги и монологи персонажей, что приближает романский текст к драматургическому и заставляет природный и городской пейзаж выполнять в произведении функцию, близ-

кую авторским ремаркам, описывающим сценические декорации.

При описании двинской пристани автор переносит акцент на корабли как главную ценность петровской России: «Карбасы, лодьи, струги, речные насады – со всех бортов облепили суда; матросы с криками втаскивали на палубы кули, бочки, коробья, тянули на канатах малые и большие пушки, ядра в сетках, порох в деревянных сундуках. <...> Двина кипела жизнью...» [2, с. 374–375]. Подобные фрагменты в романе довольно частотны. В одной из реплик сына Рябова выражена также мысль о том, чем хорош Архангельск: «Архангельск ему плох! – обиженно сказал Ванятка. – ...Вон у нас река какая, двор Гостиный, корабли» [2, с. 381]. В этой реплике, как видим, первостепенная роль в жизни Архангельска отводится реке, которая дает городу возможность стать большим портом государственного значения.

Таким образом, город в романе Ю. Германа выполняет две функции. Во-первых, Архангельск как центр Русского Севера – это место сохранения корабельных традиций «древних руссов», место средоточия исконной культуры. В аспекте же повествования город служит лишь фоном для изображаемых событий, он не описан сколько-нибудь подробно, зримо, и в этом отношении образ города, созданный А.Н. Толстым, выглядит намного ярче.

Подводя итоги, подчеркнем, что тема петровских преобразований неразрывно связана с пространством Архангельского Севера и ставит перед авторами задачу изображения этой местности. Источником материала в этом случае может стать не только личное знакомство автора с Севером, но и традиция изображения Архангельска в фольклоре и литературе, которая позволяет исследователям говорить о существовании Северного текста русской литературы. Ко времени создания романов о Петровской эпохе А.Н. Толстого и Ю.П. Германа одним из самых ярких проявлений этой традиции стало творчество Б.В. Шергина, и мы имели возможность проследить, как словарь и элементы художественного мира прозы Б. Шергина используются Ю. Германом.

Роман Ю. Германа – это произведение в духе народной эпопеи, в известной степени модернизирующее историю и характеры людей прошлого. Поэтому образ города в романе отходит на второй план, превращаясь в декорацию, на фоне которой разворачивается борьба народа с угнетателями. В романе А. Толстого, напротив, пространство Архангельска выстроено таким образом, чтобы подчеркнуть идейную оппозицию в русском обществе Петровской эпохи, а также антитезу «Россия – Запад»; Архангельск сам становится местом встречи восточной и западной цивилизаций и тем местом, где будет положено начало реализации петровских замыслов.

Библиографический список

1. *Герман Ю.П.* Россия молодая: Исторический роман. Кн. 1. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. – 587 с.
2. *Герман Ю.П.* Россия молодая: Исторический роман. Кн. 2. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. – 544 с.
3. *Гордина Е.Д.* История и идеология: пути развития советской исторической романистики и формирование массового сознания в 1930-е – н. 40-х гг.: монография. – Н. Новгород: ВГИПУ, 2009. – 172 с.
4. *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты русской провинциальной жизни XVIII века. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 403 с.
5. Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии / сост., вступ. ст., примеч. Д. Николаева. – М.: ОГИ, 2009. – 224 с.
6. *Толстой А.Н.* Петр Первый: роман. – М.: Сов. Россия, 1986. – 720 с.
7. *Шергин Б.В.* Избранное / сост., автор вступ. ст. Ю.Ф. Галкин. – М.: Советская Россия, 1977. – 381 с.

References

1. German YU.P. Rossiya molodaya: Istoricheskiy roman. Kn. 1. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1993. – 587 s.
2. German YU.P. Rossiya molodaya: Istoricheskiy roman. Kn. 2. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1993. – 544 s.
3. Gordina E.D. Istoriya i ideologiya: puti razvitiya sovetskoj istoricheskoj romanistiki i formirovanie massovogo soznaniya v 1930-e – n. 40-h gg.: monografiya. – N. Novgorod: VGIPU, 2009. – 172 s.
4. Kamenskij A.B. Povsednevnost' russkih gorodskih obyvatelej: Istoricheskie anekdoty russkoj provincial'noj zhizni XVIII veka. – M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2007. – 403 s.
5. Severnye vorota Rossii. Soobshcheniya puteshestvennikov XVI–XVIII vekov ob Arhangel'ske i Arhangel'skoj gubernii / sost., vstup. st., primech. D. Nikolaeva. – M.: OGI, 2009. – 224 s.
6. Tolstoj A.N. Petr Pervyj: roman. – M.: Sov. Rossiya, 1986. – 720 s.
7. SHERGIN B.V. Izbrannoe / sost., avtor vstup. st. YU.F. Galkin. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1977. – 381 s.

**МИФ О ХУДОЖНИКЕ ЛЕОНАРДО В РОМАНАХ
Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ВОСКРЕСШИЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ»
И Э.Т.А. ГОФМАНА «ЭЛИКСИРЫ ДЬЯВОЛА»**

В данной статье роман «Эликсиры дьявола» Э.Т.А. Гофмана рассматривается как один из возможных литературных источников мифа о Леонардо в произведении Д.С. Мережковского «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи». Это утверждение основывается на сопоставительном выявлении общности сюжета, проблематики и образов. Противостояние Христианства и Язычества (вероотступничество), Человек и искусство (искусство подлинное и ложное), проблема механизации общества, раздвоение сознания человека и поиск духовного синтеза являются центральными у Гофмана и Мережковского. Ряд гофмановских образов (Леонардо да Винчи, ученик художника, Белая дьяволица, двойственный портрет) находят воплощение в романе Мережковского.

Ключевые слова: Гофман, Мережковский, Христианство и Язычество, искусство «подлинное» и «ложное», проблема механизации общества, раздвоение, синтез.

В основе трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» лежит прием мифологизации исторических имен, которые он называет именами-«спутниками». Эта традиция восходит к романтизму и становится особенно значимой в русской литературе на рубеже XIX–XX веков. По словам И.С. Приходько, «исторически реальные образы великих в восприятии символистов как бы приравняются к мифологическим и литературным персонажам, в которых дается квинтэссенция идеи в ее вечном и вечно актуальном значении» [10, с. 29].

Именно таким именем-спутником становится центральный образ романа Мережковского «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи» (1902) – великий итальянский художник эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, личность которого, по мнению исследователей, опередила историю на несколько веков, что проявилось в создании им гениальных творений, непонятых современниками. Слухи вокруг имени Леонардо способствовали рождению мифа о нем как о вероотступнике. Этот миф становится популярным сначала в романтическом искусстве в Европе, а затем в эпоху Серебряного века в России и находит творческое продолжение у Д. Мережковского, А. Волынского, Н. Сумцова, М. Филиппова, Ал. Алтаева, К. Бальмонта.

В апреле 1896 года Д. Мережковский вместе с З. Гиппиус и А. Волынским совершили поездку в Италию по местам, где родился и жил великий Леонардо да Винчи. В результате серьезного изучения биографических материалов и трудов самого Леонардо Мережковский и Волынский написали два разных произведения, посвященных великому художнику: Волынский – научный трактат, где личность Леонардо была максимально приближена к исторической, а Мережковский – роман «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи», в котором автор создал мифологизированный образ Леонардо, опираясь на биографические данные, литератур-

ную традицию, а также слухи и легенды, которые окружали художника.

Вопрос об имени-мифе Леонардо в романе Мережковского в литературоведении поднимался неоднократно. В работах П.В. Булаховой [1], М.Ю. Красильниковой [4; 5; 6], О.В. Пчелиной [11], Н.М. Сергеевой [12] и др. исследуется интерпретация этого мифа. Однако его литературная традиция изучена недостаточно, что, на наш взгляд, является весьма актуальным вопросом, поскольку позволяет глубже раскрыть проблемы произведения. В качестве одного из литературных источников мифа о Леонардо для Мережковского мог стать роман Гофмана «Эликсиры дьявола», где немецкий романтик создает свой образ художника Леонардо. Это произведение как раз выходит в свет в этот период (1896–1899 гг.) в составе восьмитомного собрания сочинений немецкого писателя. Кроме того, Мережковский мог познакомиться с романом Гофмана, прочитав его и на немецком языке (имя немецкого романтика Мережковский упоминает в 1893 г. в одной из своих критических работ), так как Гофман был весьма популярным в России в первой половине XIX века. Черты его эстетики прослеживаются в творчестве Н.В. Гоголя, Ф. Одоевского, А. Погорельского и др. В конце XIX века интерес к творчеству Гофмана был вновь возрожден благодаря А.Н. Толстому и В.В. Соловьеву, в произведениях которых можно проследить черты гофмановской эстетики.

Роман Мережковского «Воскресшие Боги...» перекликается с «Эликсирами дьявола» Гофмана не только сюжетно, но и имеет такую же проблематику: Человек и искусство (проблема «подлинного» и «ложного» искусства), Христианство и Язычество (вероотступничество), механизация культуры, поиск синтеза личности на фоне общей тенденции раздвоения сознания. Кроме того, ряд гофмановских образов (Леонардо да Винчи, ученик художника, Белая дьяволица, двойственный

портрет) находят воплощение в романе Мережковского. Исторический Леонардо да Винчи в романе Гофмана «Эликсиры дьявола» олицетворяет новую личность эпохи Ренессанса, стремящуюся к познанию. В его душе борются традиции и новаторство. Несмотря на то, что имя Леонардо в качестве действующего персонажа только упоминается, миф о нем присутствует на протяжении всего романа. Об этом пишет исследователь и переводчик этого романа В. Микушевич: «проблематика и художественная ткань романа во многом определяется именем и образом Леонардо. Гофман становится одним из творцов так называемого ренессансного мифа» [9, с. 426]. Леонардо да Винчи у Гофмана изображается как мудрый наставник, который, несмотря на творческий поиск, сумел сохранить духовную цельность. Его образ воплощает христианскую идею сакральной природы творчества. Имя Леонардо в романе Гофмана встречается трижды, что позволяет говорить о его значимости в концепции произведения: Леонардо да Винчи является учителем художника Франческо, который мечется между Язычеством и Христианством, между Человеком и Сверхчеловеком, а приор Леонардус – наставником его потомка Медардуса, в душе которого также борются дьявольское и божественное. И, наконец, сам Медардус называет себя именем Леонард, чтобы избежать обвинений в убийстве. Гофман перекладывает творческие искания, раздвоенность сознания, которые слухи приписывали историческому Леонардо, на его ученика Франческо, а затем его потомка Медардуса.

У Мережковского миф о Леонардо да Винчи также присутствует в романе, поэтому окружающие воспринимают Леонардо как человека, продавшего душу дьяволу, и сторонятся его. Однако в авторской трактовке Леонардо изображается как гениальный художник, который чужд зависти, мести и обиды. Он проявляет больше милосердия, чем окружающие его люди. Образ Леонардо у русского писателя, как и у Гофмана, отличается цельностью и законченностью, он воплощение «синтеза», гармонии личности, в поисках которых находится постоянно. По словам исследовательницы М.Ю. Красильниковой, Леонардо у Мережковского «стремится соединить религию и науку, красоту и точное знание, созерцание и действие, истину и любовь» [4]. Он универсальная личность, которая воплощает истинное искусство, идущее от природы. Двойственность, отразившаяся в его картинах, «Тайной вечере», «Джоконде», «Иоанне Крестителе» связана не с раздвоением его внутреннего мира, а с постоянным поиском идеала.

Гофмана и Мережковского сближает также сходное понимание эпохи Ренессанса, которая, по их мнению, стала моментом искажения в развитии христианской культуры. Слухи, связанные с Леонардо, у обоих – это лишь проявление ставшего

закономерным процесса утраты канонических устоев христианства. Несмотря на то, что Леонардо у Гофмана предстает как художник, преданный христианским постулатам, он предостерегает и наставляет своего ученика Франческо на путь истинный, миф, связанный с именем Леонардо, присутствует в романе. В эпоху Возрождения частью ренессансного искусства становится попытка человека поставить свое Я выше христианской религии, обращаясь к языческим традициям. И Гофман анализирует это явление на примере истории одного рода, где художник Франческо совершает великий грех, пытаясь соединить в своем произведении язычество и христианство, изобразив языческую богиню Венеру в виде святой Розалии.

Вслед за Гофманом Мережковский считает, что христианство в эпоху Ренессанса перестает быть каноническим, происходит надлом в искусстве и духовной жизни, в результате христианские святые (духовные) в культуре изображаются как двойственные, соединяющие языческое (телесное) и христианское (духовное) начала. Эпоха Возрождения становится, по мысли автора, историческим моментом, когда Христианство и Язычество смешиваются, и истинный смысл Христианства утрачивается. Люди, прикрываясь верой, творят бесчинства: например, папа римский имеет любовниц и пылает страстью к собственной дочери. Этот надлом приводит мир к утрате истинного смысла христианских учений. Не случайно один из героев размышляет о том, что лучше открыто верить в язычество, чем совершать все, что не дозволено, под эгидой христианства: «людям следовало бы или принять, или отвергнуть Христа. Мы же не сделали ни того, ни другого. Мы не христиане и не язычники. От одного отстали, к другому не пристали. Быть добрыми силы не имеем, быть злыми страшимся. <...> Так изолгались, измалодушествовались, вялая, хромая на обе ноги между Христом и Велиаром, что нынче уж и сами, кажется, не знаем, чего хотим, куда идем» [7, т. 2, с. 158]. Этот кризис, по мнению Мережковского, стал началом кризиса современной Европы и привел к духовному упадку всей европейской культуры. Гофман также ставит под сомнения истинность католических порядков. Приора Кирилла убивают ради политических игр, а папа римский изображается не праведником, а расчетливым политиком, который рассуждает о святости, как о придворной службе: «Только поменьше юродствуй в церквах, до лика святых ты все равно не воспаришь, вакансий не осталось» [2, т. 2, с. 244]. Жизнь приближенных к папе сопровождается интригами, в которых устранение противника – привычное дело: «Спасайся бегством, прочь из Рима, кинжалы готовы тебя пронзить. <...> Доминиканец, нынешний духовник папы, со своими приспешниками намерен тебя убрать как опасного противника» [2, т. 2, с. 247].

Мережковский в своем романе не только поднимает проблему искажения христианства и показывает последствия этого процесса, он предлагает свое решение проблемы, тем самым продолжая спор, начатый романтиками (Я. Беме, Бонавентурой, Н. Мальбраншем, Э.Т.А. Гофманом и др.) о том, как поступить: вернуть культуру в лоно христианства или христианство вовлечь в новое культурное творчество. Гофман решает этот вопрос по-своему. В романе «Эликсиры дьявола» отступление от веры художника Франческо приводит к раздвоению сознания героя и воспринимается как великий грех, который наказывается родовым проклятием и проявляется в бесконечном двоении всех потомков рода, которые являются частями (порочной и святой) разделенной сущности: Франческо – Медардус – Викторин. Присваивание Медардусом себе чужих ролей приводит его из лона церкви к пороку. Образ святой Розалии, запечатленный на картине, также имеет несколько воплощений: Венера – Белая дьяволица – Эвфимия – дьявольское, Аврелия – Розалия – божественное. Гофман всячески подчеркивает внешнее сходство героев. Например, Медардус воспринимает Аврелию как изображение с портрета. У Мережковского образ белой дьяволицы также является зеркальным отражением богини Венеры и воплощается в образе Кассандры: «Белая Дьяволица – всегда, везде. Будь она проклята! Последняя тайна: два – едино. Христос и Антихрист едино. Небо вверху и небо внизу. – Да не будет, да не будет сего! Лучше смерть» [7, т. 2, с. 235].

Искушение греха, который совершил Художник – долгий и мучительный процесс: Медардус должен сначала пройти через испытания всеми теми грехами, которые были присущи его предкам: гордыня, прелюбодеяние, кощунство, убийство, кровосмешение, а затем начать бороться с ними. Он, также как и его предки, унаследовал раздвоенность души, в которой борются дьявольское и божественное. Возвращение к цельности – вот главная задача Медардуса. На своем пути он многократно раздваивается, а в финале остается только его иронический двойник – Белькампо, который единственный приходит к цельности и теперь уже называет себя своим подлинным именем Петер Шёнфельд. Тем самым Гофман приходит к мысли, что лучший путь к синтезу – ирония. Гофмановская ирония стала способом преодоления дуализма, который приводил к синтезу, поэтому Белькампо в романе становится последним героем, который прошел путь до конца. По словам В. Микушевича, «Для поэта-романтика двоение образа – процесс непрерывный и потому динамичный. У Мережковского иначе: двоение идеологизируется и застывает в умозрительной статичности... приравнять антихриста ко Христу не удастся» [9, с. 432].

Мережковский же дает другое решение проблемы: по его мнению, искажение христианства –

процесс, начавшийся в эпоху Ренессанса, стал необратимым и привел к утрате цельности личности, механизации человека и культуры. Мережковский в качестве образца синтетической личности предлагает Леонардо, который, несмотря на творческие поиски, не утратил своей цельности. Он сумел соединить в своем сознании природу и механику, христианство и язычество, искусство и религию. По мнению исследовательницы Н.Ю. Красильниковой, у Мережковского в изображении Леонардо да Винчи «претворена мысль о том, что «культура оказалась шире христианства», но она нуждается в соединении, синтезе с религией. Именно в Леонардо Мережковский увидел возможность разрешения проблемы двойственности, да Винчи предстает в трилогии неким новым Человеком, в котором гармонично соседствуют Христос с Антихристом. Его образ носит в себе некоторые черты Христа, который в то же время прекрасно «ладит» с язычеством» [4]. Сам Мережковский писал о Леонардо: «Вся, некогда христианская, ныне языческая, культура, от своего начала до конца, от Винчи до Гете, – “мир сей”, казалось мне, в Евангелие Христа не вмещается; но вместится в “Евангелие Антихриста”. Истина совершенная и заключается будто бы в том, чтобы соединить “верхнее небо” с “нижним”, Христа с Антихристом. Этого-то соединения предтечей и был для меня Леонардо да Винчи» [8, с. 463].

Сомнения и метания между Христианством и Язычеством и у Гофмана, и у Мережковского вкладываются в уста учеников Леонардо: Франческо и Джованни. У Гофмана образ Франческо – центральный, так как грехопадение начинается с него и искупается его последним потомком. Он отступает от духовности религиозных канонов и обращается к телесным языческим мотивам, результатом чего становится изображение им Венеры под видом святой Розалии. У Мережковского сомнениями подвержен Джованни – ученик Леонардо, который стремится понять своего учителя, но не может, поэтому воспринимает его то как вероотступника, то как гения: «Давно уже в сердце Джованни проникли сомнения, новый мятежный дух, “бес мирского любомудрия”, [ему] <...> случилось увидеть некоторые из рисунков Леонардо да Винчи, эти сомнения нахлынули в душу его с такою силою, что он не мог им противиться» [7, т. 1, с. 323]. Джованни у Мережковского отражает духовные искания между Христианством и Язычеством через познание Леонардо. Джованни «заражен» двойственностью и пытается осознать ее в себе и вокруг себя, а когда понимает невозможность возвращения к единству, умирает.

Образ Леонардо был интересен и Гофману, и Мережковскому также в связи с размышлениями над проблемой Человек и Искусство. В эпоху романтизма тема Художника и его творчества стано-

вится одной из главных. Искусство дает человеку новый взгляд на мир и на самого себя, приобщает его к высшим истинам бытия, открывает дверь в иной мир. В результате образ Художника получает ведущую роль посредника между миром реальным и идеальным. Франческо живет и творит в эпоху Возрождения, которая привнесла в искусство много нового. Прежде всего, меняется отношение к роли художника – он получает творческую свободу. Теперь художник уже не мастер, а Творец, Демиург. Франческо в романе Гофмана «от природы имел независимый характер, был горд, своенравен» [2, т. 2, с. 225] и чувствовал в себе присутствие сверхдуха. Он становится ареной борьбы добра и зла. Об этом пишет и Д.Л. Чавчанидзе: «Главная мысль “Эликсиров дьявола” – мысль о двойственной сути художника, поставленного между “средневековой” верой и “ренессансной” внутренней свободой» [14, с. 128]. Эти размышления отразились в ряде произведений Гофмана («Состязание певцов», «Эликсиры дьявола» и др.) и связаны с проблемой «подлинного» и «ложного» искусства. Гофман считает, что «подлинное» искусство способно пробуждать человека к жизни, возрождать, а ложное приводит к греховности: когда в душе Художника зарождается мысль о своем превосходстве над другими и Художник ставит себя наравне с богом, в его душе начинают бороться божественное и дьявольское. Проблема «подлинного» и «ложного» искусства лежит также в основе новеллы «Состязание певцов» Гофмана, где противопоставлены два типа певцов: Эшенбах – олицетворяет собой истинное искусство, так как его песни идут от природы, от сердца, и Генрих, пение которого вдохновлено эгоизмом, поэтому вместо благочестивых напевов слышатся дисгармоничные звуки. Главная героиня Матильда попадает под влияние песен Генриха и с этого момента «всю прелесть и грацию этой дамы словно сдуло – так, как если бы ее кто-то околдовал» [2, т. 4 (1), с. 269]. По мнению Гофмана, истинная поэзия рождается из чистейших глубин души в соединении с природой. В «Состязании певцов» Вольфрам побеждает всесильного Клингсора только потому, что он поет только то, что считает истинно вдохновенным и переполняющим его грудь.

Гофман противопоставляет «подлинное» искусство «ложному» и в романе «Эликсиры дьявола». После смерти Леонардо в душе Франческо «выиграли тщеславие и своенравие... <...> Его самомнение внушало ему, что он величайший художник своего времени, и... объявил он себя князем художников» [2, т. 2, с. 225]. С этого момента начинается процесс грехопадения художника Франческо, так как, «отступив от бесхитростно набожного письма, он выработал новый стиль, помпезной композицией и кричащим блеском ослепляющий толпу» [2, т. 2, с. 225]. Гофман противопоставляет

«бесхитростно набожное» письмо, под которым подразумевается подлинное искусство, имеющее светлое, рациональное начало, созданное по христианским канонам, и ложное искусство – «кричащий блеск, ослепляющий толпу» – это темное, страстное, стихийное иррациональное природное начало, которое вызывает в человеке состояние блаженного восторга, чувство опьянения и дает ощущение свободы. Франческо, одержимый культом языческой богини Венеры, решает написать ее образ вместо святой Розалии. Процесс создания картины – отражает двойственность души героя, в которой борются божественное и дьявольское, языческое и христианское. В результате этой борьбы образ, созданный Франческо на портрете, имеет двойную сущность: он видится ему то как Розалия, то как Венера: «А небесный лик святой Розалии являлся все зримее и зримее, и вдруг она взглянула на Франческо очами... <...> ...Но не лик святой Розалии, нет, Венера, идол его души, улыбалась ему в роскошной влюбленности» [2, т. 2, с. 229].

Искусство, по мнению Гофмана, сильнее и выше человеческой воли, ибо им движет непознаваемое, божественная сила, поэтому, как он не старался воплотить в картине языческое начало: «искусство опровергло умственно-чувственный замысел, и дух, более могущественный, восторжествовал над низким лукавым духом, поработавшим художника. Ангельский лик из Царства Небесного просиял сквозь мгlistый сумрак» [2, т. 2, с. 226]. Художник в процессе творчества становится орудием в руках Божественной силы, которая управляет его разумом, поэтому он не в состоянии противостать этому. По мысли Гофмана, искусство возвышает человека: «Франческо всецело жил своей картиной; картина оказалась могучим духом, который заключил художника в свои крепкие объятия и вознес его над мерзостной житейской трясинной, в которой он барахтался дотеле» [2, т. 2, с. 227]. По мнению немецкого романтика, художник, вкладывая душу в свое творение, способен одухотворить неживое, что и происходит с картиной, созданной Франческо: «ему предстала женщина, которую сочли бы оригиналом, будь его картина портретом. Он чуть было не потерял сознание, узрев перед собою в немыслимой живой прелесть образа, им самим сотворенный в сокровенных помыслах по мраморному образцу, и... ему показалось, что это зеркало, в которое смотрится незнакомка» [2, т. 2, с. 227]. В романе Мережковского проблема искусства и человека связана в первую очередь с образом Леонардо, выступающим как образ идеального художника: он находится в постоянном творческом поиске и вкладывает всю свою душу в произведение искусства. Его картина «Мона Лиза» как зеркало отражает сущность самого художника: «И такую силу жизни почувствовал он в этом лице, что ему сделалось жутко перед

собственным созданием. Вспомнил суеверные рассказы о волшебных портретах, которые, будучи проколоты иглою, причиняют смерть изображенному, здесь, подумал, – наоборот: у живой отнял он жизнь, чтобы дать ее мертвой» [7, т. 2, с. 195].

Гофмана и Мережковского объединяет также сходное понимание связи природы и искусства. Леонардо Мережковского провозглашает принцип превосходства природы над любым творением, созданным человеком, поэтому основной задачей художника является подражание ей: «Никогда не изобретут люди... ничего столь простого и прекрасного, как явление природы» [7, т. 1, с. 434]. Он приходит к мысли, что искусство, приближенное к природе, есть истинная религия: «Все, что есть, родилось от природы, и родило в свою очередь науку о живописи» [7, т. 1, с. 499]. «Истинный художник – выше земных противостояний между христианством и язычеством, его идеал за пределами мира людей, его идеал – природа» [7, т. 1, с. 499]. По мнению исследователей Г.С. Зуева, Г.Е. Горланова, у Мережковского «принцип синтеза является для романа определяющим, а образ Леонардо стал символом демиурга – человека, который смог создать нечто, выходящее за пределы обычного разума» [3, с. 60].

У Гофмана подобная мысль звучит в новелле «Церковь иезуитов в Г.», в основе которой лежит проблема искусства: «Осмысленно показать природу, постигнув в ней то высшее начало, которое во всех существах пробуждает пламенное стремление к высшей жизни, – вот священная цель всякого искусства» [2, т. 2, с. 387]. Гофман считает, что художник – избранный: «Для посвященного вянет язык природы, повсюду ловит он чудный звук ее речей... и тогда, словно Дух Божий, нисходит на него дар зримо выражать это постижение в своих творениях» [2, т. 2, с. 387].

С проблемой искусства у Гофмана и Мережковского тесно связана и проблема механизации общества. В романе Мережковского Леонардо утверждает, что механика, созданная по законам природы, не приносит вреда человеку, она находится в гармонии с ним, идет от Бога. Не случайно, создавая летательный аппарат, он во всем подражает птицам, а сам аппарат выглядит как живое существо: «...распростерлись крылья машины – одно еще голое, другое затянутое перепонкою. <...> Одно из крыльев... тихонько вздрагивало, двигалось, как живое, шуршало о потолок острым верхним концом» [7, т. 1, с. 344]. Слова Леонардо о механике напоминают молитву, в которой переплетается мысль о первом двигателе и Христе: «“О, дивная справедливость Твоя, Первый Двигатель!” Христос его есть Первый Двигатель, который, будучи началом и средоточием всякого движения, – сам неподвижен... И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет» [7, т. 1, с. 583]. Леонардо у Мережковского восхища-

ется гармонией механизмов и описывает процесс работы таких механизмов как священный: «С одинаковой радостью созерцал он, как по членам прекрасных машин – колесам, рычагам, пружинам... ходит сила, переливается: и точно так же – любовь, сила Духа, которою движутся миры, течет, переливается от неба к земле, от матери к дочери... чтобы, совершая вечный круг, вернуться вновь к Началу Своему» [7, т. 2, с. 154]. Однако бездуховное использование механизмов ради корыстных целей, по мнению Мережковского, приводит к трагедии, примером этому может служить подслушивающее устройство Дионисиево ухо, созданное Леонардо. У Гофмана понимание этой проблемы также двойственное: автоматы, заменяющие человека или вмешивающиеся в его жизнь, приводят к трагедии, как в случае с Натаниэлем из «Песочного человека». Однако механизмы, созданные в гармонии с природой, являются ее истинным отражением, как, например, музыкальные инструменты. Гофман противопоставляет механически созданному искусству естественное – музыку. Он считает, что только синтез природы и механики во главе с художником может привести к гармонии: «Клапанами, пружинками, рычажками, валиками и прочими механическими ухищрениями музыку не сотворить. <...> Однако даже самый тупой, самый бесчувственный музыкант лучше совершеннейшей музыкальной машины, ибо все-таки остается надежда, что когда-нибудь мимолетный отсвет души хоть на мгновение озарит его игру, чего никогда не случится с машиной» [2, т. 4(2), с. 314].

Таким образом, миф о Леонардо является смыслообразующим в романах Гофмана «Эликсиры дьявола» и Мережковского «Воскресшие боги...». С его помощью раскрываются основные проблемы произведений: противостояние Христианства и Язычества, Человек и искусство (искусство «подлинное» и «ложное»), проблема механизации общества, раздвоение и поиск синтеза, которые Гофман решает на примере рода Художника Франческо. Мережковский же изображает проблему глобальнее, как надлом в духовном развитии всего христианского католического мира, когда порок прикрывается святостью. Этот процесс в христианском искусстве отражается в появлении двойственных образов, сочетающих в себе языческое (плотское) с истинно христианским (духовным). Художественное решение проблемы противостояния Христианства и Язычества у Гофмана и Мережковского отличается: Гофман возвращает своего героя с помощью иронии к цельности. У Мережковского же самоубийство Джованни, которого преследует дуализм, говорит о невозможности остановить процесс утраты единства христианской культуры. И только Леонардо да Винчи выступает в концепции Мережковского как цельная, гармоничная личность, образ идеального художника.

Библиографический список

1. Булахова П.В. Миф о Леонардо да Винчи в русском художественном сознании XX века: дис. канд. ... филол. наук. – М., 2012. – 30 с.
2. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–1999. – Т. 2, 4.
3. Зуева Г.С., Горланов Г.Е. Зеркальная двуликость образа главного героя романа Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 53–62.
4. Красильникова М.Ю. Имена-мифы в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» в антропологическом измерении Серебряного века // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журнал. – 2012. – № 10 (18).
5. Красильникова М.Ю. Леонардо да Винчи в культурно-философской рефлексии Серебряного века: монография. – Шуя, 2010. – 144 с.
6. Красильникова М.Ю. Миф о Титане. Образ-миф Леонардо да Винчи в наследии Д.С. Мережковского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 6. – С. 162–164.
7. Мережковский Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. 1, 2. – М., 1990.
8. Мережковский Д.С. Лица. Критические статьи о литературе. – М.: RUGRAM POD, 2018. – Т. 1. – 784 с.
9. Микушевич В.Б. Леонардо да Винчи в «Эликсирах дьявола» // Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–1999. – Т. 2. – 426–432 с.
10. Приходько И.С. «Вечные спутники» Д.С. Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д.С. Мережковский: мысль и слово. – М.: Наследие, 1999. – С. 198–206.
11. Пчелина О.В. «Пророк иль демон, иль кудесник...» (Д.С. Мережковский о Леонардо да Винчи: опыты прочтения) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2012. – № 2 (74). – Ч. 2. – С. 130–135.
12. Сергеева Н.М. Феномен Леонардо да Винчи в творческом осмыслении Д.С. Мережковского и А.Л. Волынского // Филологические штудии. – Иваново, 2006. – Вып. 1. – С. 14–22.
13. Чавчанидзе Д.Л. Феномен искусства в немецкой романтической прозе: средневековая модель и ее разрушение. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 294 с.

References

1. Bulahova P.V. Mif o Leonardo da Vinchi v russkom hudozhestvennom soznanii XX veka: dis. kand. ... filol. nauk. – M., 2012. – 30 s.
2. Gofman E.T.A. Sbranie sochinenij: v 6 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991–1999. – T. 2, 4.
3. Zueva G.S., Gorlanov G.E. Zerkal'naya dvulikost' obraza glavnogo geroya romana D.S. Merezhkovskogo «Voskresshie bogi. Leonardo da Vinchi» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2016. – № 2. – S. 53–62.
4. Krasil'nikova M.YU. Imena-mify v trilologii D.S. Merezhkovskogo «Hristos i Antihrist» v antropologicheskome izmerenii Serebryanogo veka // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem: elektron. nauch. zhurnal. – 2012. – № 10(18).
5. Krasil'nikova M.YU. Leonardo da Vinchi v kul'turfilosofskoj refleksii Serebryanogo veka: monografiya. – SHuya, 2010. – 144 s.
6. Krasil'nikova M.YU. Mif o Titane. Obraz-mif Leonardo da Vinchi v nasledii D.S. Merezhkovskogo // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2006. – № 6. – S. 162–164.
7. Merezhkovskij D.S. Voskresshie bogi (Leonardo da Vinchi). Kn. 1, 2. – M., 1990.
8. Merezhkovskij D.S. Lica. Kriticheskie stat'i o literature. – M.: RUGRAM POD, 2018. – T. 1. – 784 s.
9. Mikushevich V.B. Leonardo da Vinchi v «Elikisirah d'yavola» // Gofman E.T.A. Sbranie sochinenij: v 6 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991–1999. – T. 2. – 426–432 s.
10. Prihod'ko I.S. «Vechnye sputniki» D.S. Merezhkovskogo (K probleme mifologizacii kul'tury) // D.S. Merezhkovskij: mysl' i slovo. – M.: Nasledie, 1999. – S. 198–206.
11. Pchelina O.V. «Prorok il' demon, il' kudesnik...» (D.S. Merezhkovskij o Leonardo da Vinchi: opyty prochteniya) // Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. YAKovleva. – 2012. – № 2 (74). – CH. 2. – S. 130–135.
12. Sergeeva N.M. Fenomen Leonardo da Vinchi v tvorcheskom osmyslenii D.S. Merezhkovskogo i A.L. Volynskogo // Filologicheskie shtudii. – Ivanovo, 2006. – Vyp. 1. – S. 14–22.
13. CHavchanidze D.L. Fenomen iskusstva v nemeckoj romanticheskoy proze: srednevekovaya model' i ee razrushenie. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. – 294 s.

ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В КИТАЕ 40–50-Х ГОДОВ XX ВЕКА
В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ, КИТАЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье приведен анализ взглядов китайских, отечественных и западных специалистов на литературный процесс в Китае 40–50-х годов XX века. В результате исследования выявлено, что китайские литературоведы тяготеют к национальным традиционным видам литературоведческого анализа: тематической классификации и биографическому описанию. Отечественные исследователи сосредоточены на анализе литературной полемики, истории прогрессивной демократической мысли и содержании идеологических кампаний. В работах западных специалистов основным объектом исследования является литературный стиль писателей. В результате анализа сделан вывод, что для описания общей литературной ситуации 1940–50-х годов в Китае необходимо учитывать тематический, биографический, идеологический и стилистический факторы, которые с различных сторон высвечивают одни и те же историко-культурные явления.

Ключевые слова: китайская литература 1940-х годов, китайская литература 1950-х годов, хайпай, Чжан Айлин, Су Цин, Сюй Сюй, У Минши.

Китайская литература XX века традиционно привлекает пристальное внимание исследователей. В работах отечественных, китайских и западных ученых отражены сложные процессы возникновения литературы новейшего времени в конце 1910-х годов, развитие литературных обществ и острая литературная полемика 1920–30-х годов, военное время и его влияние на творческий процесс 1940-х годов, формирование единообразного стиля 1950-х годов. Однако, несмотря на то, что практически все литературные явления описаны в критических статьях и монографиях, существенные различия в исследовательских подходах усложняют задачу построения всеобъемлющей объективной картины литературного процесса в Китае. Особенно это актуально для литературы военного времени и первых лет после образования КНР, то есть для 1940–50-х годов XX века.

Временные рамки при исследовании литературы 40-х годов XX века принято расширять и отсчитывать начало новых литературных явлений с событий у моста Лугоцяо 7 июля 1937 года. Последовавшее за ними полномасштабное вторжение японских войск на территорию Китая всколыхнуло китайское общество и литературную общественность, послужило катализатором для рождения новых явлений в литературе.

В результате военных действий страна оказалась разделенной на несколько регионов, отличавшихся по протекавшим в них политическим, социальным и культурным процессам. Китайские исследователи современной литературы выделяют три таких региона: районы, контролируемые Гоминьданом (юго-запад Китая) [16, с. 5–6]; районы, оккупированные японскими войсками (северо-восток и восточное побережье Китая), и коммунистические «освобожденные районы» (северо-запад Китая). Англоязычные исследователи китайской литературы отдельно выделяют город Шанхай

в промежутке между ноябрем 1937 и декабрем 1941 года, называя его периодом «*судао*» (孤島) – периодом «одинокого острова» [11; 13]. В это время территория иностранных селтльментов оказалась единственным не оккупированным районом глубоко в тылу территорий, захваченных японскими войсками. Ученые, исследуя литературные процессы этого периода, говорят о литераторах гоминьдановских районов, «освобожденных» районов, «одинокого острова» и оккупированного Шанхая, а также отмечают необыкновенное разнообразие литературных явлений. По словам американской исследовательницы китайской литературы Николь Хуан (Nicole Huang), «литература военных лет в Китае 30–40-х годов оказалась даже более разнообразной и неоднородной, чем в предыдущие десятилетия» [10, с. 87].

Литература военного времени охватывает период с 1937 по 1945 год, ее дальнейшее развитие проходит на фоне гражданской войны в Китае и завершается победой Коммунистической партии Китая (КПК) и созданием Китайской Народной Республики (КНР) 1 октября 1949 года. После этого события в литературном процессе наметилась тенденция к выработке единого стиля, которая станет характерной чертой литературы 1950-х годов и последующих десятилетий.

В попытке представить общую картину литературного процесса 1940–50-х годов исследователь сталкивается с определенными трудностями. Литература этого периода по-разному описывалась китайскими, отечественными и западными авторами. Каждая из национальных литературоведческих школ, опираясь на свою традицию, выбирает в литературе того времени наиболее интересные для себя явления. Иногда без внимания остаются маргинальные литературные процессы. Так, о литературе Шанхая не упоминают некоторые китайские исследователи, например, Тан Тао [15]. В отечественном литературоведении также прак-

тически отсутствуют упоминания о шанхайских писателях, например, в энциклопедии «Духовная культура Китая» [3] даны только биографические статьи о Чжан Айлин (张爱玲) и Цянь Чжуншу (钱锺书), но в основной статье, посвященной литературе военного времени, шанхайская литература не описывается. Иногда из описания исключаются очевидные явления основной линии развития литературы. Это в большей степени свойственно европейскому и американскому литературоведению, которое уделяет меньше внимания вопросам классовой, революционной и агитационной литературы. Так, например, Ся Чжицин, говоря об агитационной литературе, отмечает только ее низкие художественные качества [19]. Таким образом, литературный процесс представлен фрагментарно и перед исследователем стоит задача, собрав из различных источников разрозненный материал, воссоздать единую, более полную и внутренне согласованную картину.

Прежде всего стоит обратиться к китайским исследователям литературного процесса 1940–50-х годов. В работах, описывающих этот период, можно выделить несколько подходов.

Во-первых, тематический принцип классификации, столь близкий китайской традиционной филологии. История литературного процесса представлена в виде тем и образов, изменения которых отражают исторические сдвиги и идейные трансформации. Примером такого подхода может служить книга исследователей Тань Чжунци и Сунь Чанси «История китайской современной прозы» [18]. В главах книги сделана попытка через изменения в образах интеллигенции, рабочих, крестьян, революционеров, солдат, генералов, чиновников и землевладельцев проследить историю развития современной прозаической литературы.

Во-вторых, биографический подход, который также генетически восходит к китайской традиции. В «Истории современной китайской литературы» исследователь Тан Тао приводит биографические данные крупных писателей 1920–50-х годов, описывает их творческий путь, содержание произведений, принадлежность к той или иной литературной группе [15]. История литературы показана через биографии и литературное творчество отдельных писателей и может служить богатым источником фактологической информации.

В-третьих, при описании литературного процесса можно учитывать характер творческих установок авторов. Янь Цзянь в своей работе «История литературных течений в современной китайской прозе» говорит, что «нельзя рассматривать историю прозы как перечисление и рассказ об отдельных авторах и произведениях, необходимо выявлять то существенно важное, что скрыто в произведении, через разъяснение причин расцвета и упадка в прозе... выявлять закономерности

ее развития» [20, с. 2]. Автор описывает не только известные литературные сообщества, например, «Творчество», «Общество изучения литературы», «Новолуние», «Лига Левых писателей» и др., но и такие группы авторов, которым ранее в китайской литературе не уделялось должного внимания, например, группа неосенсуалистов в Шанхае (新感觉派): Ши Чжэцунь (施蛰存), Му Шиин (穆时英), Е Линфэн (叶灵凤), Лю Наоу (刘呐鸥). Другой пример – авторы, объединившиеся вокруг журнала «Июль» (七月派): Ху Фэн (胡风), Цю Дунпин (丘东平), Пэн Байшань (彭柏山), Лу Лин (路翎). Иногда исследователь объединяет авторов по общему творческому подходу, хотя сами писатели могли и не выступать с общим манифестом или не ощущать своей творческой общности, например, группа социоанализа (社会剖析派): Мао Дунь (矛盾), Ша Тин (沙汀), У Цзусян (吴组缜), Ай У (艾芜); цзинпай (京派): Чжоу Чзожэнь (周作人), Фэй Мин (废名), Шэнь Цунвэнь (沈从文), Ван Цзэнци (汪曾祺), Чжу Гуанцян (朱光潜); представители психологического романа (心里分析小说): Чжан Айлин, Су Цин (苏青); поздние романтики (后期浪漫派): Сюй Сюй (徐许), У Минши (无名氏).

Четвертый подход представлен в книге китайского исследователя Цянь Лицзюня «Беседы и прогулки. Чтение и изучение прозы 40-х годов» [17]. Книга представляет собой сборник докладов участников семинара по литературе 1940-х годов, который вел профессор Цянь Лицзюнь. В докладах подробно рассматриваются авторы, которые по литературным установкам и творческому методу выделяются на фоне общего развития литературы того времени. С одной стороны, это писатели некоммунистической, неревolutionной направленности, например, Шэнь Цунвэнь и Чжан Айлин, с другой стороны, это авторы северо-востока, которые первыми стали писать на военные и патриотические темы, например, Сяо Хун (萧红) и Дуаньму Хунлян (端木蕻良); кроме того, два доклада были посвящены Фэй Мину и Лу Лину – прогрессивным революционным авторам, исповедовавшим традиции реалистической литературы «Движения 4-го мая». Очень интересным и важным дополнением к исследованию литературы данного периода является вступительная статья к этому сборнику под названием «Беседы о идейных течениях в прозе 40-х годов». В ней автор подробно рассказывает о литературной полемике 1930–40-х годов, обращает внимание на теоретические статьи тех авторов, которые противостояли доминирующим тенденциям в развитии китайской литературы того времени. В качестве примера он приводит творчество и теоретические статьи писателя Шэнь Цунвэна, который ратует за «сохранение сущности материала» (保存原料意味), выступает против его подчинения насущным задачам, а также отказывается от принципов типизации и использования

образцовых форм и схем [17, с. 18]. Кроме того, исследователь обращает внимание на эссе шанхайской писательницы Чжан Айлин 1944 года «Статья о себе (о своем творчестве)» («自己的文章»), в которой практически каждое высказывание противостоит основной линии развития литературы того времени [17, с. 20].

Совмещение описанных выше подходов можно наблюдать в книге Хун Цзычэна «История современной китайской литературы» [16]. Один из разделов книги посвящен произведениям 1950-х годов. Автор рассматривает процесс формирования китайского «соцреалистического канона», который в дальнейшем будет назван «красной классикой» (红色经典), описывает сложную и противоречивую литературную полемику и кампании 50-х годов. Отдельные разделы книги посвящены наиболее успешным прозаическим явлениям этого периода: деревенской и историко-революционной прозе. Также автор не оставляет без внимания и неудачные попытки создания производственного романа на китайской почве. Вызывает интерес и то, что отдельная глава посвящена авторам, которые оказываются вне литературного мейнстрима 1950-х годов. Ху Цзычэн описывает ситуацию, при которой литературное произведение, изначально принятое очень благосклонно, в результате кампаний 1950-х годов подвергается критике и объявляется «еретическим» (异端). В качестве примера он приводит судьбы произведений писателей Сяо Ему (萧也牧) и Лу Лина.

Отечественные работы по современной китайской литературе очевидным образом перекликаются с работами китайских литературоведов. Основное внимание отечественных исследователей сосредоточено на явлениях военной и патриотической литературы, а также на литературе коммунистических «освобожденных районов». На русском языке представлены подробные творческие биографии ключевых авторов просветительской, революционной и коммунистической направленности. Творчество таких писателей, как Мао Дунь, Ба Цзинь, Лао Шэ, Дин Лин, представлено на фоне исторических событий, что позволяет читателю погрузиться в атмосферу 1940–50-х годов и ощутить всю противоречивость того времени [1; 2; 6; 7].

Литературная полемика в кругах левых писателей подробно исследуется в работах А.Н. Желховцева [4] и С.Д. Марковой [5]. Оба автора одной из отправных точек литературной политики КПК считают выступления Мао Цзэдуна в 1942 году на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани, во время которого был провозглашен новый творческий метод – пролетарский реализм (无产阶级现实主义) [4, с. 55]. Исследователи отмечают, что уже в этом выступлении прозвучали установки, которые в будущем приведут к формированию единообразного литературного стиля, для

которого будет свойственен утилитарный подход к литературе, отрицание гуманизма, черно-белая прорисовка характеров, романтический оптимизм, примат самодеятельного искусства и отказ от высокого профессионализма [4, с. 11–13]. Работа А.Н. Желховцева, как и большинство работ отечественных исследователей 1950–70-х годов, имеет яркую идеологическую направленность. Работу С.Д. Марковой 2004 года выделяет большая объективность и нейтральный тон в описании исторических и культурных явлений.

Сразу несколько обзорных работ в 1955–1956 годах было посвящено литературе КНР после 1949 года [8; 9]. Необходимость в таких работах возникла в связи с тем, что два романа китайских писателей – Чжоу Либо «Ураган» (暴风骤雨, 1948 г.) и Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» (太阳照在桑干河, 1948 г.) – были удостоены Сталинской премии по литературе 1952 года. Они были официально объявлены в КНР образцовыми произведениями «социалистического реализма» и представляли определенный интерес для советского читателя. По стилю изложения работы Л.З. Эйдлина и Н.Т. Федоренко представляют собой историко-биографическое описание китайских литераторов первых лет после образования КНР и краткий пересказ их основных произведений.

При сопоставлении трудов А.Н. Желховцева, Л.З. Эйдлина и Н.Т. Федоренко можно выявить изменение стиля и характера описания в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда наблюдалось охлаждение в отношениях между СССР и КНР.

В целом отечественными исследователями проделана большая и разнохарактерная работа по описанию основной линии в развитии китайской литературы военного времени и первых лет после образования КНР. С воодушевлением и поддержкой в работах отечественных исследователей середины 1950-х годов показаны процессы, происходившие в «освобожденных районах», в дальнейшем те же самые процессы в работах начала 1970-х годов оказываются переосмыслены в связи с историческими и политическими изменениями. Также обращает на себя внимание отсутствие исследований литературы оккупированных районов и тех писателей гоминьдановских районов, которые не вписываются в рамки принимаемого исследователями литературного мейнстрима.

В работах европейских и американских авторов основной акцент сделан на исследовании уникального стиля конкретного писателя. Так, американский исследователь китайского происхождения Ся Чжицин (夏志清) делает попытку по-новому описать процессы, происходившие в китайской литературе 40-х годов. Творчество писателей старшего поколения (Мао Дуня, Шэнь Цунвэна, Лао Шэ, Ба Цзиня) автор рассматривает в одной общей главе, после чего главными писателями 40-х го-

дов провозглашает Чжан Айлин, Цянь Чжуншу, Ши То (师陀) [20, с. 251–260]. Этого исследователя считают первооткрывателем и пропагандистом шанхайской литературы. Его книга, выпущенная в 1961 году, впервые заговорила о необыкновенно одаренных, но давно забытых на родине писателях. Автор предложил рассматривать литературу военных лет не с точки зрения патриотизма и революционности, но с позиций эстетики, психологизма и духовных травм военного времени.

Европейские и американские работы по китайской литературе 1940-х годов сосредоточены в основном на исследовании литературы оккупированных районов, в частности Шанхая и гоминьдановских районов, что же касается литературы «освобожденных районов» и произведений 1950-х годов, то на английский переведены основные работы китайских авторов по этим темам [15; 16].

Исследование литературы оккупированных районов продолжает Эдвард Гун (Edward M. Gunn). Он емко называет ее «литературой размежевания» (literature of disengagement) [11, с. 5] и говорит, что она объединяет авторов, оказавшихся на оккупированных территориях и сознательно не участвующих в движении сопротивления, сохраняющих политическую неангажированность. Его книга посвящена творчеству писательницы Чжан Айлин, которую он называет уникальным литературным явлением своего времени.

Той же писательнице и ее предшественникам посвящена работа Ли О-фана (Leo Ou-fan) «Шанхайский модерн» [13]. Хотя основная часть книги посвящена литературе 1930-х годов в Шанхае, в последней главе, рассматривая творчество Чжан Айлин, исследователь называет писательницу наследницей китайского модерна. Автор делает очень важное замечание по поводу «гибридности» ее стиля. Этот термин часто используется в работах западных исследователей. Он описывает тип художественного метода авторов колониальных и полуколониальных территорий, при котором в творчестве сочетаются элементы традиционной культуры и новой, пришедшей, иностранной культуры.

Дальнейшие изыскания в литературе оккупированных территорий приводят к открытию феномена китайской женской литературы в Шанхае. Исследовательница Николь Хуан в книге «Женщины, война и семейность» [12] подробно описывает, как после падения Шанхая в 1941 году и введения запрета на националистические темы город покинули многие авторы, настроенные антияпонски. Военное время открыло пути для новых писателей и новых тем в литературе. Автор описывает 1940-е годы в Шанхае как время расцвета женской прозы, в которой по-новому раскрылись темы взаимоотношений полов, психоанализа и духовного надлома военного времени.

Творчество шанхайских писательниц англоязычные исследователи противопоставляют военно-патриотической литературе [12; 13], которая доминировала в это время. Жительницы Шанхая оказываются социально активными в начале и середине 1940-х годов. Они занимаются публицистикой, редактурой, выпуском журналов. Их творчество сосредоточено на частной жизни человека, они сознательно избегают тем войны и революции, однако эти темы проникают в их тексты как декорация, на фоне которой разворачиваются действия их произведений. В рядах шанхайских писательниц насчитывается около десяти основных авторов, а самыми знаменитыми считаются Чжан Айлин и Су Цин.

В 2018 году вышла еще одна книга, посвященная литературе 1940-х годов, под названием «На границах модерна» [14]. Автор книги – Кристофер Розенмейер (Christopher Rosenmeier) – так описывает литературный процесс в оккупированном Шанхае: «Некоторые авторы и интеллектуалы... экспериментируют с романной формой, нарушают то, что раньше было жесткими рамками, разрушают границу между элитарным и популярным, между романтизмом и модернизмом, между традицией и современностью» [14, с. 9]. Его работа посвящена двум самыми известными авторами этого периода – Сюй Сюй и У Минши. Вместе с Чжан Айлин, Су Цин, Цянь Чжуншу и многими другими писателями этих авторов часто причисляют к течению хайпай (海派). Термин стал использоваться применительно к литературе в начале 1930-х годов, с критикой авторов этого направления выступали такие известные публицисты, как Чжоу Цзожэнь и Шэнь Цунвэнь. Сообщество авторов выводилось из противопоставления их творчества новой литературе (新文学). Настоящая высокая литература, по мнению мыслителей, развивавших и продолжавших идеи «Движения 4-го мая», должна была быть связана с судьбой нации, современностью и социальными явлениями, носить яркий просветительский характер. То, что не вписывалось в такие рамки, причислялось к легкой популярной литературе.

Кристофер Розенмейер критикует термин *хайпай*, так как он объединяет очень разных по творческим установкам писателей. И в своей книге доказывает, что объединенные Ян Цзянем в одну группу поздние романтики Сюй Сюй и У Минши по авторскому стилю совершенно разные, общее же у них проявляется только в смешении традиции и новых западных элементов, то есть в «гибридности» стиля.

Произведения У Минши оказываются на границе модернизма и романтизма. Он сознательно уходит от реалистических традиций в содержании и стиле произведений. Часто обращается к сверхъестественному, что свойственно китайской классической литературе, и таким образом вдыхает

новую жизнь в национальную традицию. С другой стороны, интерес к психоанализу, иррациональному, сумасшествию, атака на рациональность и атака на веру в прогресс выявляют его связь с западной традицией [14, с. 3–5].

Сюй Сюй в своих произведениях провокационно использует стереотипы популярной литературы. В них представлен полный список героев популярных романов. Здесь есть и пираты, и проститутки, и продажные чиновники, и женщины-убийцы, и страстные любовники. Однако такие приемы, как нарушение хронологии в изложении событий или эксперименты с ненадежным рассказчиком, а также уход от реализма в манере и содержании повествования также свидетельствуют о влиянии европейской традиции модерна. Что же касается обращения к традиции, то ее он использует как источник материала для повествования и развлечения, а не как повод для национальной гордости и способ вдохновить массы к действию [14, с. 14–16].

В статье мы проанализировали литературоведческие работы китайских, отечественных и западных специалистов, посвященные литературному процессу в Китае 40–50 годов XX века. Различия в подходах к исследованию литературного материала, на наш взгляд, связаны с традициями критического анализа в разных национальных литературоведческих школах.

Тематическая классификация и биографический подход в китайских источниках дают возможность проанализировать изменение литературной теории и принципов изображения в рамках одной темы или на примере биографии одного или группы авторов.

Литературная полемика, исследования прогрессивной демократической мысли и литературы, содержание идеологических кампаний наиболее полно представлены в работах отечественных исследователей. Китайская литература на протяжении веков была связана с государственной идеологией, поэтому исследование этой составляющей в произведениях дает важнейший материал для построения общей картины литературного процесса.

В работах западных специалистов основным объектом исследования является литературный стиль писателя. Авторы подробно рассматривают процесс знакомства китайских писателей с западной литературой и литературными течениями. Для описания взаимодействия национальной и иноземной традиций исследователи используют термин «гибридность», а литературный стиль авторов называют «гибридным стилем».

Таким образом, для описания общей литературной ситуации исследуемого периода необходимо учитывать все представленные выше подходы: тематический, биографический, идеологический и стилистический. Они с различных сторон высвечивают одни и те же историко-культурные явления

и позволяют воссоздать единую, более полную и внутренне согласованную картину литературного процесса 40–50-х годов в Китае XX века.

Библиографический список

1. Баранова Л.В. Жизненный и творческий путь китайской писательницы Дин Лин: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 221 с.
2. Болотина О.П. Лао Шэ. Творчество военных лет, 1937–1949. – М.: Наука, 1983. – 231 с.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Восточная лит., 2006–2010.
4. Желуховцев А.Н. Литературная теория и политическая борьба в КНР. – М.: Наука, 1979. – 208 с.
5. Маркова С.Д. Китайская интеллигенция на изломах XX века: (очерки выживания) / Ин-т стран Азии и Африки при Моск. гос. ун-те им. М.В. Ломоносова. – М.: Гуманитарий, 2004. – 571 с.
6. Никольская Л.А. Ба Цзинь: (Очерк творчества). – М.: МГУ, 1976. – 100 с.
7. Сорокин В.Ф. Творческий путь Мао Дуня / Акад. наук СССР; Ин-т народов Азии. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 183 с.
8. Федоренко Н.Т. Китайская литература: Очерки по истории китайской литературы. – М.: Гослитиздат, 1956. – 731 с.
9. Эйлин Л.З. О китайской литературе наших дней. – М.: Сов. писатель, 1955. – 299 с.
10. A Companion to Modern Chinese Literature / Yingjin Zhang ed. – John Wiley & Sons, 2015. – 592 с.
11. Gunn, Edward M. Unwelcome Muse: Chinese Literature in Shanghai and Peking, 1937–1945. – New York: Columbia University Press, 1980. – 330 с.
12. Huang, Nicole. Women, War, Domesticity, Shanghai Literature and Popular Culture of the 1940s. – Brill Leiden Boston, 2005. – 276 с.
13. Lee, Leo Ou-fan. Shanghai Modern: The Flowering of a New Urban Culture in China, 1930–1945. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – 409 с.
14. Rosenmeier, Christopher. On the Margins of Modernism: Xu Xu, Wumingshi and Popular Chinese Literature in the 1940s. Edinburgh University Press, 2017. – 152 с.
15. Tang Tao. History of Modern Chinese Literature. – Beijing: Foreign languages press, 1993. – 517 с.
16. 洪子诚. 中国当代文学史. 北京大学出版社, 2007. – 402 с. (Хун Цзычэн. История современной китайской литературы. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2007. – 402 с.)
17. 钱理群. 对话与漫游四十年代小说研读. 上海文艺出版社, 1999. – 513 с. (Цянь Лицунь. Беседы и прогулки. Чтение и изучение прозы 40-х годов. – Пекин: Изд-во «Шанхайская литература», 1999. – 513 с.)

18. 田仲济, 孙昌熙. 中国现代小说史. 山东文艺出版社, 1984. – 584 с. (Тянь Чжунцзи, Сунь Чанси. История современной китайской литературы. – Пекин: Изд-во «Литература и искусство провинции Шаньдун», 1984. – 584 с.)

19. 夏志清. 中国现代小说史. 香港中文大学出版社, 2001. – 562 с. (Ся Чжицин. История современной китайской литературы. – Гонконг: Изд-во Китайского ун-та Гонконга, 2001. – 562 с.)

20. 严家炎. 中国现代小说流派史. 人民文学出版社, 1989. – 337 с. (Янь Цзянь. История литературных течений в современной китайской прозе. – Пекин: Изд-во «Народная лит-ра», 1989. – 337 с.)

References

1. Baranova L.V. ZHiznennyj i tvorcheskij put' kitajskoj pisatel'nicy Din Lin: dis. ... kand. filol. nauk. – М., 1995. – 221 s.

2. Bolotina O.P. Lao She. Tvorchestvo voennyh let, 1937–1949. – М.: Nauka, 1983. – 231 s.

3. Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. / Rossijskaya akad. nauk, In-t Dal'nego Vostoka; gl. red. M.L. Titarenko. – М.: Vostochnaya lit., 2006–2010.

4. ZHelohovcev A.N. Literaturnaya teoriya i politicheskaya bor'ba v KNR. – М.: Nauka, 1979. – 208 s.

5. Markova S.D. Kitajskaya intelligenciya na izlomah HKH veka: (oчерki vyzhivaniya) / In-t stran Azii i Afriki pri Mosk. gos. un-te im. M.V. Lomonosova. – М.: Gumanitarij, 2004. – 571 s.

6. Nikol'skaya L.A. Ba Czin': (Oчерk tvorчества). – М.: MGU, 1976. – 100 s.

7. Sorokin V.F. Tvorcheskij put' Mao Dunya / Akad. nauk SSSR; In-t narodov Azii. – М.: Izd-vo vost. lit., 1962. – 183 s.

8. Fedorenko N.T. Kitajskaya literatura: Oчерki po istorii kitajskoj literatury. – М.: Goslitizdat, 1956. – 731 s.

9. Ejdlin L.Z. O kitajskoj literature nashih dnej. – М.: Sov. pisatel', 1955. – 299 s.

10. A Companion to Modern Chinese Literature / Yingjin Zhang ed. – John Wiley & Sons, 2015. – 592 с.

11. Gunn, Edward M. Unwelcome Muse: Chinese Literature in Shanghai and Peking, 1937–1945. – New York: Columbia University Press, 1980. – 330 с.

12. Huang, Nicole. Women, War, Domesticity, Shanghai Literature and Popular Culture of the 1940s. – Brill Leiden Boston, 2005. – 276 с.

13. Lee, Leo Ou-fan. Shanghai Modern: The Flowering of a New Urban Culture in China, 1930–1945. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – 409 с.

14. Rosenmeier, Christopher. On the Margins of Modernism: Xu Xu, Wumingshi and Popular Chinese Literature in the 1940s. Edinburgh University Press, 2017. – 152 с.

15. Tang Tao. History of Modern Chinese Literature. – Beijing: Foreign languages press, 1993. – 517 с.

16. 洪子诚. 中国当代文学史. 北京大学出版社, 2007. – 402 с. (Hun Czychen. Istoriya sovremennoj kitajskoj literatury. – Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta, 2007. – 402 с.)

17. 钱理群. 对话与漫游四十年代小说研读. 上海文艺出版社, 1999. – 513 с. (Cyan' Licyun'. Besedy i progulki. CHtenie i izuchenie prozy 40-h godov. – Pekin: Izd-vo «SHanhajskaya literatura», 1999. – 513 с.)

18. 田仲济, 孙昌熙. 中国现代小说史. 山东文艺出版社, 1984. – 584 с. (Тянь Чжунцзи, Сунь Чанси. История современной китайской литературы. – Пекин: Изд-во «Литература и искусство провинции Шаньдун», 1984. – 584 с.)

19. 夏志清. 中国现代小说史. 香港中文大学出版社, 2001. – 562 с. (Ся Чжицин. История современной китайской литературы. – Гонконг: Изд-во Китайского ун-та Гонконга, 2001. – 562 с.)

20. 严家炎. 中国现代小说流派史. 人民文学出版社, 1989. – 337 с. (Янь Цзянь. История литературных течений в современной китайской прозе. – Пекин: Изд-во «Народная лит-ра», 1989. – 337 с.)

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В.М. ШУКШИНА В РОМАНЕ-БИОГРАФИИ А. ВАРЛАМОВА «ШУКШИН»

В статье рассматривается концепция личности В.М. Шукшина в романе-биографии А. Варламова в контексте традиции этого жанра в русской литературе, сформированного в творчестве Б. Зайцева, В. Ходасевича, Н. Берберовой и др. Целью исследования является анализ характерных типологических принципов жанра в художественном мире современного писателя и литературоведа А. Варламова. Предмет изучения – репрезентация концептуальных составляющих личности В. Шукшина в жанре романа-биографии. Основное внимание уделяется теме драматической судьбы В. Шукшина, мотивам противостояния писателя современной ему власти. Анализируется авторский вариант «прочтения» личности В.М. Шукшина, несколько отличающийся от хрестоматийного. В результате исследования получены выводы о специфике развития жанра романа-биографии в творчестве А. Варламова, об авторском методе художественного исследования биографии писателя в системе «кода судьбы» русского человека, основных мотивов его жизнеописания.

Ключевые слова: А. Варламов, В.М. Шукшин, роман-биография, мотив, документ, Гамлет, блудный сын.

В русской литературе конца XX – начала XXI вв. большую популярность стал приобретать жанр романа-биографии, имеющий глубокие корни в мировой и отечественной культуре [5]. Этот жанр получил широкое распространение в европейской литературе в творчестве А. Моруа, Р. Роллана, С. Цвейга и др. В русской прозе к подобному жанру в первой половине XX века обратились Ю.Н. Тынянов («Кюхля», 1925; «Смерть Вазир-Мухтара», 1928), В.Ф. Ходасевич («Державин», 1931), Б.К. Зайцев («Жизнь Тургенева», 1932; «Жуковский», 1951; «Чехов», 1954), М.А. Булгаков («Жизнь господина де Мольера», 1933), Н.Н. Берберова («Чайковский. История одинокой жизни», 1936). Интерес к жанру художественной биографии был не случаен, он отразил глобальные тенденции европейской и отечественной литературы XX века, ее интерес к психологии и судьбе выдающейся личности.

В своем исследовании «Борис Зайцев и его беллетризованные биографии» А. Шиляева выделила наиболее характерные черты данного жанра: синтез познавательных и эстетических целей, опору на тщательно подобранные и объективно интерпретированные документы, отсутствие вымысла и в то же время право на личное видение героя, воссоздание его психологического облика, духовного мира, хронологический порядок изложения [9]. Главный герой творческой биографии – это, в некоторой степени, литературный персонаж, наделенный характерной внешностью и речью, достоверными и мотивированными чувствами, уникальной судьбой, связью с эпохой. Важнейшей проблемой для создателя романа-биографии становится проблема отбора фактов и их интерпретация. В этом данный жанр свободен и в то же время уязвим: нон-фикшн диктует жесткие законы, но автор романов-биографий не является бесстрастным хроникером; он вправе выражать собственные чувства, давать

оценку изображаемому, создавать авторскую концепцию биографии знаменитого персонажа.

За последние годы в отечественной литературе появилось немало подобных произведений: «Горький» П. Басинского (2005), «Пастернак» Д. Быкова (2005), «Александр Солженицын» Л. Сараскиной (2008), «Леонид Леонов. Игра его была огромна» З. Прилепина (2010) и др. К этому жанру в начале XXI века обратился и А. Варламов, создав серию романов-биографий о М. Пришвине, А. Грине, А.Н. Толстом, М.А. Булгакове, А. Платонове, В. Шукшине. Не случайно премия А.И. Солженицына (2006 г.) была вручена ему за «тонкое исследование в художественной прозе силы и хрупкости человеческой души, ее судьбы в современном мире; за осмысление путей литературы XX века в жанре писательских биографий» [6].

Актуальность и новизна данного исследования определяется необходимостью осмысления некоторых важных тенденций новейшей литературы, в частности, жанра романа-биографии с учетом генезиса и типологии жанра. Цель статьи заключается в стремлении рассмотреть предложенную А. Варламовым современную концепцию личности В. Шукшина в контексте указанного жанра, его характерных, наиболее репрезентативных принципов.

По словам А. Варламова, жанр литературной биографии ему очень близок в связи с личным интересом к истории, закономерности и случайности которой наиболее отчетливо проявляются в жизни и судьбе выдающихся личностей. Идеальными для писателя с точки зрения поэтики биографического жанра являются книги В. Ходасевича о Державине и Б. Зайцева о Жуковском, Тургеневе и Чехове. А. Варламов традиционно соединяет в своих романах-жизнеописаниях черты документального исследования и художественного произведения, пытаясь понять смысл судьбы своих героев, их связь с эпохой. В то же время у него свой почерк,

отличный от предшественников жанра. Например, в противовес беллетризованным лирическим биографиям Б. Зайцева, его произведениям, как правило, свойственна иная поэтика и стилистика, где преобладает не поэзия образа и стремление выразить «невыразимое» в духе импрессионизма и символизма, а глубокий социальный и философский анализ, объективная характеристика эпохи, профессиональный взгляд исследователя-филолога.

А. Варламову важен лейтмотив жизни каждого из писателей, некий «код судьбы». Жанр романа-биографии помогает ему понять, как складываются человеческие судьбы, какую роль играет Божий Промысел в судьбе писателя, свободен ли он в своем жизненном выборе или всецело зависит от предопределения. При этом автору важно оценить не только степень свободы творческой личности, но и ее роль в обществе. А. Варламов утверждает, что большой интерес современного писателя и читателя к романам-биографиям вызван «тоской по большому стилю», отсутствию социально и философски значимых тем, крупных характеров, утраченных в отечественной литературе за последние годы [7].

Художественная ценность его произведений достигается благодаря стремлению раскрыть духовный мир героев, понять их психологию, мотивы действий, связь с эпохой, окружением. Герои книг А. Варламова – А.Н. Толстой, М.А. Булгаков, А. Платонов и другие – не только предмет биографического, историко-литературного исследования, но и своего рода литературные персонажи, не менее, а порой и более интересные, чем вымышленные герои. Эти персонажи наделены яркой, иногда авантюрной биографией, незаурядной волей, независимостью и талантом. Как герои одного автора они типологически близки: в рамках тесного, почти документального повествования автор использует характерные приемы и мотивы своего стиля.

По словам автора, личность и творчество В.М. Шукшина его всегда привлекали. Роман о Шукшине в творчестве А. Варламова – это переход к новому этапу в осмыслении истории и судьбы русской литературы XX века, в том числе и деревенской прозы, к которой сам А. Варламов был всегда близок. Как говорил писатель, в жизни Шукшина оказалось немало тайн и драматических событий: «В итоге Шукшин оказался для меня своеобразным эталоном русского человека XX века. Он вобрал в себя все бездны и все высоты своего времени. <...> И если надо показать восхождение русского человека во всей его полноте, то это ярче всего можно сделать на примере Василия Макаровича Шукшина. Космическая фигура Шукшина оказалась для меня подлинным открытием» [8].

А. Варламов предлагает свой вариант «прочтения» личности В.М. Шукшина, отличный от известного нам образа человека, писателя, режиссе-

ра, сценариста, актера, созданного В. Коробовым в книге «Шукшин. Вещье слово» (1999). Он иначе расставляет акценты, в результате чего отходит от хрестоматийного образа. Ценность этой литературной биографии Шукшина заключается не только в очередной попытке создать целостный образ художника при всех его противоречиях, но и понять его «внутренний жест», истоки и смысл борьбы, неизбежность ранней смерти. Проследить формирование и эволюцию личности одного из самых страстных, «бесконвойных» русских писателей. Сформулировать лейтмотив короткой талантливой жизни, идею его пути. По мнению А. Варламова (и в этом он опирается на признания самого писателя и его современников), Шукшин был «зашифрованной» личностью, вынужденной в жизни нередко идти на компромисс ради искусства, который так и не успел «расшифроваться» полностью.

Сложность фигуры В.М. Шукшина всегда была очевидна для историков литературы и кино, автор говорит об этом недвусмысленно в начале биографического романа: «Историю жизни Василия Макаровича Шукшина можно рассказать по-разному. Можно написать героическое сочинение о том, как парень из далекого алтайского села сумел по-гагарински (или, учитывая фактор землячества, по-титовски) чудесным образом взлететь на высоту своего времени, стать великим писателем, режиссером, актером и стяжать прижизненную народную славу, не так часто выпадающую на русскую долю, когда «любить умеют только мертвых». <...> Можно опознать в нем слово и дело, которые предъявила русская деревня в ответ на то, что с ней творили горожане, чужаки...» [2, с. 6].

Исследуя противоречивую личность писателя, автор использует характерные литературные приемы. Портрет – одна из важнейших характеристик героя любого романа, в том числе и нон-фикшн. Автор биографии, пусть и художественной, не может создать свой портрет исторического персонажа, но он может выбрать лучший из нарисованных современниками. Из всех многочисленных портретных зарисовок Шукшина Варламов безошибочно выбрал две – Беллы Ахмадулиной и Глеба Панфилова. Эти портретные характеристики выбраны неслучайно – они подчеркивают и противоречивость образа Шукшина, и его исключительность. Б. Ахмадулина вспоминала: «...я глянула на него, ощутила сильную неопределенную мысль и еще раз глянула. И он поглядел на меня: зорко и угрюмо. <...> Некоторые глаза – необходимы для зрения, некоторые – еще и для красоты, для созерцания другими, но такой взгляд: задевающий, как оклик, как прикосновение, – берет очевидный источник в мощной исподлобной думе, осязающей предмет, его тайную суть» [2, с. 166].

И совершенно поразительное наблюдение Г. Панфилова: «...какое удивительное сочетание

скифской дикой силы с незащищенностью ребенка. Вот таким он мне и запомнился – властный, пронизывающий взгляд и худое слабое тело. Голова бунтаря – и тонкая щиколотка усталой ноги, которая болталась в неуклюжем ботинке. Он внимательно, как прилежный ученик, вслушивался в то, что нам говорили, и, казалось, не чувствовал, не понимал, какой силой обладает. <...> На всю жизнь остались в моей памяти его тонкая в грубом ботинке нога, его бледный высокий лоб, пылающие глаза и отпущенная для роли борода Степана Разина» [2, с. 268].

Создавая образ «усомнившегося Макарыча» (А. Варламов), писатель акцентирует внимание на важнейших мотивах жизни Шукшина: мотиве тяжбы с судьбой «новоявленного» Степана Разина, мотиве блудного сына русской деревни, мотиве русского Гамлета. Этот мотивный ряд позволяет сконцентрировать черты личности и творчества художника и создать целостный литературный образ. Мотив судьбы не впервые появляется в художественной биографии А. Варламова. Он является основным в его романе о М.А. Булгакове, который и построен как роман судьбы. Заметим, что мотив судьбы является актуальным и для предшественника А. Варламова в жанре романа-биографии – Б. Зайцева («Жизнь Тургенева»), что говорит о важности его традиций для писателя.

А. Варламов создал сложный и трагический образ русского художника-бунтаря, крестьянина, ставшего интеллигентом, наследника тысячелетней крестьянской культуры, подвергшейся разрушению в XX веке. Что же стало причиной бунта? В основе творчества Шукшина, как пишет Варламов, «кровавый, трагический замес шукшинского рода... Он вышел из нашей национальной беды, она его взрастила, она была его думой, его болью...» [2, с. 15]. Утрата отца, расстрелянного в возрасте 21 года как участника «антиколхозного заговора», потрясла воображение будущего писателя, режиссера и актера и стала важнейшим источником творчества. Однако личная, детская травма не заслонила от В. Шукшина ценностей крестьянского мира, а, наоборот, позволила их в полной мере осознать и впоследствии выступить в защиту. Эта незажившая рана и стала главным нервом его художественного мира.

Опираясь на письма и дневниковые записи Шукшина, воспоминания его родных и современников, автор рисует историю его жизни как постоянной борьбы с тяжелейшими обстоятельствами, подчеркивая, что в истории шукшинской биографии реальное и мифологическое переплелись очень тесно. Среди драматических событий и попытка матери уйти из жизни вместе с детьми (отравиться угарным газом), и послевоенный голод, и безотцовщина, и почти горьковское «хождение по Руси», и многое другое, о чем Шукшин умалчивал. А. Варламов выступает в своем романе не как бесстраст-

ный хроникер; опираясь на известные или малоизвестные документы, он стремится их по-новому интерпретировать, но в контексте линии судьбы и характера героя. Следует отметить, что роман о Шукшине – это роман не столько ответов, сколько вопросов и предположений, что является безусловным достоинством новой биографии писателя.

Детально воссоздавая жизнь Шукшина, его восхождение к славе, Варламов заостряет внимание читателя на неизбежном конфликте художника с окружающим миром. Однако Шукшин, вопреки обстоятельствам, не стал диссидентом. Слишком сильными оказались крестьянские корни. В многостороннем социальном, мировоззренческом, нравственном конфликте Шукшина поддерживал тысячелетний крестьянский мир с его традициями, верой, культурой; воспоминания о деревне как «об утраченном, пусть даже мифологизированном, светлом мире детства» [2, с. 26]. Деревенский русский мир стал для него тем идеалом, вне которого никакое творчество немислимо: «И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови» [10]. В этих словах выражена позиция художника, покинувшего отчий дом и мечтающего о возвращении, которое не может реализоваться по простой причине – покинутая деревня – это уже миф.

А. Варламов отмечает, что уход Шукшина из деревни в большой мир был неизбежен и предопределен. В этом уходе – его спасение и в то же время драма, сближающая его судьбу с судьбой С. Есенина, в творчестве которого Г. Адамович в свое время увидел пронзительный мотив блудного сына [1]. В.М. Шукшин – еще один блудный сын своего времени. А. Варламов приходит к выводу, что неизбежный уход был не только причиной нравственных страданий писателя, но одновременно одним из факторов его творчества, о чем свидетельствует исповедальная киноповесть «Калина красная», ставшая шукшинским завещанием. Символическим ключом к этой повести является стихотворение Есенина «Волчья гибель» как сбывшееся пророчество и собственная эпитафия Егора Прокудина.

Необычность и неожиданность трактовки личности Шукшина в романе-биографии А. Варламова заключается в утверждении, что писателя всю жизнь терзал «комплекс Гамлета». Эта грань личности Шукшина впервые отмечена автором романа, который прямо называет Шукшина русским Гамлетом и цитирует его слова о принце датском: «Когда наших отцов убивали, мы молчали, а он...» [2, с. 106]. «Гамлетовский комплекс», по мнению исследователя и писателя, тоже стал основой конфликта Шукшина с властью и скрытым мотивом творчества; в течение многих лет художник вынужден был скрывать свое родство с репрессиро-

ванным отцом ради «правильной» биографии. Грех вынужденного отречения от своего отца так или иначе должен был заявить о себе в произведениях писателя. И здесь, конечно, опять вспоминается «Калина красная» с мотивом отречения от матери. Символика сюжета и образа, переключки с есенинскими мотивами, неизбежность наказания за предательство, пусть и вынужденное – очевидны.

Важную роль в романах-биографиях А. Варламова, как и в произведениях его предшественника Б. Зайцева, играет вопрос веры. Типология варламовского биографического романа укоренена в русской литературе Серебряного века, когда вопрос веры был едва ли не основным. Б.К. Зайцев во всех своих беллетризованных биографиях лейтмотивом жизни и судьбы делает поиски и обретение героем веры. Эта проблема веры и неверия важна и для А. Варламова. Драматургия жизни многих героев его жизнеописаний заключается в том, что, будучи выходцами из православной среды, они в определенном возрасте пережили отход от Бога и возвращение к Нему в самом конце. Наиболее остро эта проблема поставлена в его романе о Михаиле Булгакове. Эта тема звучит и в романе о Василии Шукшине.

Как полагает автор, бунтарь по складу своего характера, Шукшин изначально считал русскую православную церковь враждебной народу, его национальному сознанию и идеалам. Об этом немало сказано в историческом и одновременно остросовременном романе Шукшина «Я пришел дать вам волю». Церковь и воля, религия и свобода оказываются враждебны друг другу в художественном пространстве романа Шукшина. Однако в конце жизни В.М. Шукшин пришел к Богу. С точки зрения А. Варламова, он не был теплохладным человеком. Исследуя эту проблему, писатель ссылается на письма Шукшина, воспоминания родных, друзей, в частности на книгу В. Белова «Тяжесть креста». В связи с этим можно привести высказывания самого писателя. В 1974 году, незадолго до смерти, он напишет: «Верую. Верую, как мать в детстве учила, в Отца и Сына и Святаго Духа» [7].

Автор не мог избежать и традиционной темы, ставшей заключительной и интегральной в романе (как и в жизни самого Шукшина) – «Шукшин и Степан Разин». Для Шукшина Степан Разин был символической фигурой в русской истории и любимым героем, которого он мечтал сыграть всю жизнь. А. Варламов называет этот интерес к фигуре Разина феноменом «двойничества» сквозь века. За этим образом скрывается трагедия крестьянства, расстрел отца, «гамлетовский комплекс», шукшинское «хождение по мукам», его противостояние режиму. «Я пришел дать вам волю» – не только название романа, но идея всего пути, смысл существования и творчества писателя и режиссера. С точки зрения А. Варламова, почти вся жизнь

Шукшина в искусстве – это борьба за право и возможность поставить фильм о русской воле, о Разине, начавшаяся с заявки 1966 года и оборванная его смертью. Фильм о казачьем атамане носил символическое название «Конец Разина».

Варламов цитирует многочисленные высказывания Шукшина о Разине, подчеркивая стремление писателя и режиссера создать собственный вариант образа крестьянского вождя, в котором не было бы хрестоматийного глянца. Он пишет о психологическом, метафизическом сходстве Шукшина с любимым персонажем и сравнивает сценарий о Разине с пьесой, разыгранной Гамлетом в придворном театре. Этот сценарий был неприемлем для цензуры, потому что в образе Разина был воплощен не привычный образ борца за народное счастье, а идеолог современного крестьянского бунта. «В своем неудержимом стремлении к свободе Разин абсолютно современен, созвучен нашим дням, – рассказывал Шукшин в интервью «Литературной газете» в ноябре 1970-го. – Осмысление этого сложного человека, его дела давно началось и на нас не закончится...» [2, с. 268]

Таким образом, Шукшин в романе Варламова – фигура многомерная, противоречивая и в то же время поразительно целостная: и блудный сын сибирской деревни, и «русский Гамлет», и идеолог крестьянского бунта, и воплощение вековечной русской судьбы. Уникальная личность: режиссер, сценарист, артист, писатель, человек, ставший мифом. Ранняя смерть писателя этот миф окончательно закрепила.

Библиографический список

1. *Адамович Г.* Есенин (К 10-летию со дня смерти) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=553215&p=80> (дата обращения: 15.12.2018).
2. *Варламов А.* Шукшин. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 339 с.
3. *Варламов А.* Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (дата обращения: 12.01.2019).
4. *Варламов А., Рычкова О.* После Распутина уже никто не страшен [Электронный ресурс] // «НГ Exlibris». – 2007. – 20 дек. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=3882> (дата обращения: 19.02.2019).
5. *Иванова Е.В.* Жанр биографии в русской литературе: западноевропейские влияния [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-biografii-v-russkoy-literature-zapadnoevropeyskie-vliyaniya> (дата обращения: 14.01.2019).
6. Литературная премия Александра Солженицына 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим до-

ступа: <http://old.rp-net.ru/book/premia/2006/> (дата обращения: 11.09.2018).

7. Новосельцев А. Крестьянская православная культура в жизни и творчестве Василия Шукшина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-345919.html> (дата обращения: 17.12.2018).

8. Сегенъ А. Беседа с писателем Алексеем Варламовым. «Показать восхождение русского человека во всей его полноте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/79574.html> (дата обращения: 15.01.2019).

9. Шилыева А.С. Борис Зайцев и его беллетризованные биографии. – New York: Волга, 1971. – 175 с.

10. Шукшин В. Слово о малой Родине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rospisatel.ru/hr-shukshin1.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

References

1. Adamovich G. Esenin (K 10-letiyu so dnya smerti) [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=553215&p=80> (дата обращения: 15.12.2018).

2. Varlamov A. SHukshin. – M.: Molodaya gvardiya, 2015. – 339 s.

3. Varlamov A. Nashemu narodu nado prosit' u Neba ne spravedlivosti, a miloserdiya [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (дата обращения: 12.01.2019).

4. Varlamov A., Rychkova O. Posle Rasputina uzhe nikto ne strashen [Elektronnyj resurs] // «NG Exlibris». – 2007. – 20 dek. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=3882> (дата обращения: 19.02.2019).

5. Ivanova E.V. Zhanr biografii v russkoj literature: zapadnoevropejskie vliyaniya [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-biografii-v-russkoj-literature-zapadnoevropejskie-vliyaniya> (дата обращения: 14.01.2019).

6. Literaturnaya premiya Aleksandra Solzhenicyna 2006 g. [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://old.rp-net.ru/book/premia/2006/> (дата обращения: 11.09.2018).

7. Novosel'cev A. Krest'yanskaya pravoslavnaya kul'tura v zhizni i tvorchestve Vasiliya SHukshina [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-345919.html> (дата обращения: 17.12.2018).

8. Segen' A. Beseda s pisatelem Alekseem Varlamovym. «Pokazat' voskhozhdenie russkogo cheloveka vo vsej ego polnote» [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/79574.html> (дата обращения: 15.01.2019).

9. SHilyaeva A.S. Boris Zajcev i ego belletrizovannye biografii. – New York: Volga, 1971. – 175 s.

10. SHukshin V. Slovo o maloj Rodine [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://rospisatel.ru/hr-shukshin1.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

Текенова Ульяна Николаевна

кандидат филологических наук

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова,
Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай
tekenovau@mail.ru**ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЕТСКОГО МИРОСОЗНАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. КОКЫШЕВА И Д. КАИНЧИНА***Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай
в рамках научного проекта № 18-412-040008 а(р)*

В данной статье на примере двух произведений разных авторов рассматриваются образы детей, их мир и взаимоотношения со взрослыми. Раскрывая внутренний мир ребенка, писатели воспроизводят личностно-деятельностную и аксиологическую природу становления героев. В работе отмечается поиск новых путей и художественных средств для отражения детского мирознания. Писатели сумели создать художественную реальность, увиденную с позиции детей через включение фольклорно-мифологических мотивов, образов-символов (мировое яйцо, мотив воды, зерно, аил/юрта). В таком ракурсе в алтайском литературоведении исследование проводится впервые. Для наиболее полного раскрытия особенностей характеров и поступков детей в довоенные и послевоенные годы XX в. послужило включение в ткань художественного текста элементов автобиографизма и этнографических мотивов.

Ключевые слова: алтайская литература, Лазарь Кокышев, Дибаш Каинчин, мифологизм, фольклоризм, этнографизм, мотив, тотем, символ.

В настоящее время в алтайском литературоведении отмечается особый научный интерес к творчеству Л. Кокышева (1933–1975) и Д. Каинчина (1938–2012). В их произведениях ярко отразилась смена национальных стереотипов и мышления, влияющих на создание национальной картины мира алтайского народа. По словам Н. Киндиковой, в условиях глобализации мировых процессов именно «проблема локального изучения национальных культур в контексте развития общерегиональных, мировых цивилизаций» подтверждает актуальность данного исследования [8, с. 150]. В данной статье прослеживается «природа мирознания и самосознания» детей, которая открывает «сущностные основы мироздания – его дуальность (контрастность, противоречивость, противопоставленность – и в то же время целостность, гармоничность, взаимопривязанность), амбивалентность окружающей действительности и самого человека – его мыслей, слов, намерений, поступков» [11, с. 140]. Включение в ткань произведений фольклорно-мифологических мотивов способствовали раскрытию детского мирознания: «...народные песни, пословицы... помогают читателю познать характер народа, особенность его национального склада, обычаи и обряды, поэтическую одаренность автора» [7, с. 20–26]. Анализ и целенаправленное чтение кокышевской и каинчинской прозы убеждает нас в многообразии способов и примеров, используемых алтайскими писателями в разработке фольклорных и мифологических материалов (в повествовательных целях, в развитии композиции и сюжета произведения, характеристике образов, передаче художественных особенностей языка, стиля, речи персонажей и т. д.). Р. Палкина, выделяя творческое кредо и народность мировоззрения Л. Кокышева, очень точно подмечает такие

черты его художественного почерка, как «тонкий фольклоризм», «образы-символы...» [13, с. 43]. В качестве примера обратимся в первую очередь к отдельным главам романа «Арина» (1980) Л. Кокышева. Композиционное развертывание событий в произведении в значительной степени осуществляется с помощью психологического параллелизма. Раскрывается сущность характера одного из главных героев романа – Кара. Мальчик хочет понимать язык природы, хочет объяснить самому себе порядок мироустройства, правила взаимодействия между взрослыми, человеком и природой, создавая в своем сознании личную картину мира. Как объект эмоционально-психологической параллели писатель удачно вводит образ природы и сказочный мир. Именно через них проецируется внутренняя жизнь мальчика – помыслы, переживания, настроение, радости и страдания. Удачно подобранный световой фон, эпитеты и метафоры передают жизненное восприятие маленького героя (зеленеющие поля, высокие горы, веселые птичьи голоса, густой мох или деревянный аил/юрта, скромный интерьер, очаг и т. д.).

Наиболее приемлемым для объяснения особенностей мировидения ребенка является фольклорно-мифологическая основа: «Как известно, мир в фольклоре предстает в идеализированном, гармоничном мире. Он статичен, неизменен, следовательно, способен выступать этической и социальной константой, относительно которой реальная действительность предстает в обостренно-противоречивом и разорванном виде. Необходимость в осуществлении гармоничного мира в границах авторского текста часто приводит к удвоению художественного пространства по типу «реальность – мечта», а идеальный мир мечты строится по законам фольклорной традиции» [12, с. 82].

Через воспоминания Карá в текст вводится сказка о кукушке (не подвергая ее каким бы то ни было трансформациям) и мотив о золотом змеином яйце – «*алтын толотко*» (введение данной фольклорной единицы в художественный текст функционально оправдано) [10, с. 66]. По алтайскому преданию, человек, который найдет и проглотит это яйцо, будет понимать и говорить на языке природы. Известно, что в мифологии многих народов мира яйцо олицетворяет Мировое яйцо, образ которого выражает промежуточное состояние между хаосом и миропорядком. Карá в свободное время в лесу искал это яйцо. Знание такого языка принесло бы ему только счастье и радость от общения с природой, помогло бы найти смысл всего происходящего и причины его появления.

Но больше всего его волновали рассказы старших «*кудай керегинде*» («о Боге»), которого мальчик представлял очень большим и добрым человеком. Но его в последнее время интересовали бабушкины «*наадай-кудайлар*» («куклы-боги») – обереги семьи. С. Суразаков относит этих кукол-оберегов к культу предков и приводит разные варианты их названий и предназначений [14, с. 36–37]. Здесь мальчик называет их «*кудайлар*» («боги»). Карá жил в мире сказок и мифов, верил в силу волшебства. Он каждый день поклоняется богам, угощает их, благословляет и шепотом просит воинские доспехи, белого богатырского коня. Но перед ним однажды раскрывается совсем другая картина – все крошки еды, который он оставлял для кукол-богов, склевывали воробьи и съедали мыши.

Поступки и поведение детей в определенных жизненных условиях predeterminedены маленькими взлетами и падениями. Карá решает наказать кукол-оберегов (сначала тыкает ножом, потом пытается сжечь); при этом, как бы оправдывая свой поступок, думает, что Карамай (из их же села) тоже сжег кукол матери, и с ним ничего не случилось: ни грома, ни молнии, ничего. Однако в мире взрослых не попытались понять истинную причину резкой перемены в характере мальчика и мотивы его поступков.

В передаче Л. Кокышева этот эпизод приобретает особое внутренне-человеческое, личностное психологическое значение. Окончательная потеря веры в бога, сомнение в существовании которого заложили в детскую душу уже в школе, приводят к разочарованию: «*Бу жыл санаазы эки башка бөйине берген*» («В этот год у него мысли раздвоились», т. е. появилось сомнение; здесь и далее перевод наш. – У. Т.) [10, с. 67]. Все старые люди утверждают, что бог есть (события происходят перед Великой Отечественной войной).

Л. Кокышев с глубокой проницательностью уловил и выдвинул на передний план внутреннее эмоционально-психологическое состояние маленького героя: «это воплощение добра и нравственности

изначальной, природной, еще не “испорченной”, не социализированной» [4, с. 31]. Но возникает конфликт со стариками. Мальчик, который только собирался идти в первый класс, был наказан девяностолетним стариком по имени Королдой (Карá привязали к коновязи и старик бил его ремнем до потери сознания, но так и не добились от него смирения и покаяния). Обратим внимание на этот эпизод: «*Кайыш кур өрө талбайып чыгала, ойтó сыгырып түйүтү. Карá тын кыйгырып ийеле, бажын жаба тудунып, чакынын төзүн айлана берди*» («Кожаный ремень, распрямившись вверх, со свистом опустился. Карá громко вскрикнул, закрывая голову, стал крутиться вокруг коновязи» [10, с. 70]. Королдой в тот момент был похож на старого пса, который, не в силах разжевать мясо, скулил и рычал. Бабушки не смогли остановить разъяренного старика. А Карá все кричал: «*Кудай жок, кудай жок!*» («Бога нет, бога нет!»). Перед теряющим сознание мальчиком все закружилось и завертелось: «*Оттын жанында чапактар, казандар ончозы айланьжып, күнүрежип, шыгырап турдылар: “Кудай кайда!”*» («Посуда около очага, казаны – все закружилось, загудело и зазвенело: “Где Бог!”»). Чувствуется драматизм, значимость последствий совершенных поступков и Карá, и старых, уважаемых людей. Происходят глубинные психологические коллизии как в жизни мальчика, так и в жизни взрослых. Любознательный, умный мальчик перестает верить в бога. Он глубоко переживает событие, которое произошло (грубость и жестокость взрослых по отношению к нему), хотя внешне старается это не показывать.

Осваивая духовно-нравственные основы взаимодействия со взрослыми, Карá начинает сам разрешать возникающие перед ним дилеммы: «бог есть – бога нет», «справедливость – несправедливость», «добро – зло». В качестве примера рассмотрим поступок Карá, направленный против действий взрослых: вместе с другом Дьармаш он мстит старикам наивно, по-детски, напугав их ночью, в ушербную луну черепом, выдолбленным из тыквы. Через поведение мальчика и взрослых наблюдается конфликт поколений, а именно – отрицание молодым поколением бога, которое передается устами стариков: «*Бала-барка кудаына түйкүрүп, отко-сатка өртөй бергенде, көрмөс тө түймебей кайда бара ол... баш бо-ол!*» («Если дети плюют на своего бога, сжигают (его) на костре, конечно, черти засуетятся... о, господи!») [10, с. 73]. А ведь мальчик хотел понять сам – почему говорят, что бога нет? Наблюдая формирование личности маленького героя, мы видим – все-таки Карá не сдаётся. Мальчик вырос умным, рассудительным (но в чем-то он становится скрытным, так как его открытый интерес был подавлен стариками), не по-детски взрослым – война, работа в колхозе выковали его характер. Автор подробно показывает обряд очищения кукол-оберегов. Через

поведение и поступки старых людей, пытавшихся умиловить бога просьбой простить несмышленого ребенка и совершением обряда очищения, усиливается динамика действия. Бабушка старается исправить ошибку внука: она ненавязчиво, но убедительно просит его совершить ритуал – отнести мешок с оберегами на вершину горы (женщинам на эту священную гору подниматься нельзя, поэтому она доверила эту миссию внуку). Но Карá так и не донес, уснув на берегу, затем он повесил мешок на сук тальника и вернулся домой. «Кудайлар» («боги») все же «не хотели» покидать мальчика. Течением реки мешок с куклами был опять принесен к айлу мальчика. В силу своего возраста и наивности не может разобраться в происходящем, алогичность и неправильность которого он интуитивно ощущает, наблюдая дисгармонию мира взрослых. Внимательный взгляд мальчика улавливает какую-то неправильность в окружающем мире и в поведении бабушки и стариков.

Л. Кокышев создал художественную реальность, увиденную глазами ребенка и прожитую им. Известно, что «дети наделены способностью «врожденного понимания и переживания» различных явлений и смыслов. Состояние, которое характеризует процесс формирования в сознании детей общей картины мира, можно назвать *всепринимаящим*, для которого свойственна особая «свободная легкость» в познании себя и открытии для себя окружающего мира» [11, с. 138]. Автор использует фольклор в полную силу его идейно-эстетических возможностей, пропущенных через призму индивидуального кокышевского восприятия, с помощью фольклорных и этнографических средств идеально сконструирован сюжет, который поражает своей стройностью, гармоничностью и глубиной смысла (справедливость, добро, вера, милосердие).

Фольклорно-мифологические мотивы обусловлены фактами из биографии самого писателя (прототипом Карá является сам Лазарь Кокышев). «Ю.М. Лотман и З.Г. Минц справедливо считают мифологию и литературу двумя принципиально различными способами мировидения, которые существуют одновременно, взаимодействуя друг с другом и лишь в различной степени проявляясь в те или иные эпохи. Они констатируют, что взаимодействие мифа, фольклора и литературы происходит постоянно» [12, с. 79].

Включение в отдельные сюжеты произведений фольклорно-мифологических мотивов несут особую эмоционально смысловую нагрузку. Но именно этот поиск новых путей и художественных средств в этот период в алтайской литературе (вторая половина XX в.) был подвергнут критике. Отмечалось, что эти «поиски решались описанием предметов бытовых реалий, нажимом на этнографизм и т. п. Эта «болезнь роста» вызывала отрицательное отношение критики, усматривавшей

в восхвалении «проклятого» прошлого тенденцию к самоизоляции народа. И лишь с 1960-х годов, с приходом плеяды молодых писателей начался новый этап взросления алтайской литературы, в ней органично переплетаются изобразительные средства фольклорной поэтики с новыми проявлениями художественного слова» [5, с. 19].

Теперь рассмотрим рассказ Д. Каинчина «Талкан» (1984, перевод А. Кузнецова). В название произведения автор вкладывает генетические корни слова-символа «зерно», «семя» («талкан» – это национальная еда из жареного зерна ячменя или пшеницы). Зерно, семя как символ круговорота жизни у многих народов является эквивалентом циклически умирающей и возрождающейся жизни. В алтайской мифологии «зерно величиной с ячменное – «зародыш» будущей земли» [15, с. 25].

В рассказе «Талкан» слово-символ «зерно» служит отправной точкой развития сюжета (сон главного героя): «А сусеки полны ячменя. Семенного ячменя. Сабу берет горсть: ух, тяжелый. На зуб твердый, будто орех». Заметим, что слово-символ «зерно» как лейтмотив проходит через весь рассказ: «Вынес бы хоть горстки две зерна», «Неужели из-за горстки ячменя можно лишить жизни человека?», «Мечтой Сабу было достать ячмень, ячмень, из которого толкут талкан» и т. д. [6, с. 151]. В исследуемом рассказе привлекает образ мальчика по имени Сабу («сабу» в переводе на русский язык обозначает палку для взбивания шерсти). Автор погружает главного героя в иную реальность: его память фрагментами сохранила наиболее яркие эмоционально окрашенные события как позитивного, так и негативного ряда из детства. В произведении представлены три временные оси: прошедшее, настоящее и будущее. Через призму времени осуществляется эволюция оценочных суждений главного героя. Прошлое, связанное с постоянным чувством голода во время Великой Отечественной войны (который «выгоняет» детей, невзирая на погоду, по зернышку собирать с полей остатки урожая), в настоящем превращается в сон, а будущее наблюдается в настоящем. Мальчик оказался заложником жестокого времени, но ребенок интуитивно правильно угадывает потоки зла, исходящие от объездчика Ороя. Сабу едва успевает добежать до поскотины, но от резкой боли в спине падает и теряет сознание. Когда он очнулся, лил дождь. Наблюдается мотив воды, омовения/очищения: дождь очищает детей от злобы, мести за причиненную боль, не столько телесную, сколько душевную. Как известно, «с мотивом воды как первоначально соотносится значение воды как для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте» [13, с. 240].

Интересен и этнографический контекст рассказа, касающийся айла/юрты Сабу. Он построен «лет за шесть до его рождения» отцом, который не вернулся с войны. Описание айла как такового отсутству-

ет: из домашней утвари только надтреснутая ступа с пестом (символизирующая неполную семью) и выбившийся земляной пол, по которому он «перекатывался во сне с бока на бок по народному обычаю» (чтобы родная земля придала сил) [6, с. 155]. В сильные дожди вместо того, чтобы укрыться в аиле, Сабу́ выходил с лопатой и спасал свой очаг от воды.

А очаг – это центр юрты, вокруг которого идет жизнь семьи. Мальчик был единственным мужчиной в доме, поэтому он не должен допустить, чтобы огонь в очаге погас, что равносильно концу жизни в этом аиле. Вот как раскрывается разочарование героя в жизни в родном селе: «Из-за скудной послевоенной жизни Сабу́ возненавидел тогда деревню, потерял интерес к ее людям. Он решил ни за что не возвращаться туда...» [6, с. 158]. Со стороны главного героя это было похоже на побег (от нужды и голода, проблем). Д. Каинчин проводит интересную параллель: «Как только появляется первая зелень, голодный скот начинает перебегать с места на место, уходить от дома все дальше и дальше, так и Сабу́... Видно, животным кажется, что трава, которая растет вдали, сочнее, выше, гуще той, что совсем рядом, низкой и редкой. А зелень-то везде одинакова» [6, с. 158]. Вот так же случилось и с Сабу́. Возможно, Сабу́ Иванович как-то пытается найти оправдание для себя, что не выдержал трудности и покинул отчие края, а теперь его дети даже не знают, что такое «талкан», не говорят на родном языке. Уже достигнув своей цели (образование, хорошая работа, квартира в большом городе, семья, дети и мама жива), он чувствует духовное опустошение. Вроде бы все есть – но зов родины становится с годами все сильнее. Вспоминая свое детство, Сабу́ Иванович заново переживает произошедшие события, но чуть иначе, чем это было в реальности. Происходит рефлексивный анализ событий с позиции уже повзрослевшего человека.

И завершает эту цепочку воспоминаний о драгоценном зерне ячменя генеалогический миф о Богине Умай-Эне, которая дарит новую жизнь и является хранительницей маленьких детей. Устами матери раскрывается великая тайна природы, тайна материнства: «Сидела я, мое дитя, возле очага, пила чай. А бог с неба спустился к нашему дымоходу и бросил в мою пиалу зернышко ячменя. Вот из этого зернышка ты и вырос, сыночек...» [5, с. 158]. Обращение писателя к мифу способствует идейно-эстетическому своеобразию и целостности исследуемого рассказа.

Обращение к теме детства в произведениях алтайских писателей – продолжение сложившейся в литературе традиции изображения детей и мира детства как наиболее яркого показателя духовно-нравственного состояния общества в определенные периоды.

В произведениях Л. Кокышева и Д. Каинчина наблюдаются две художественные картины мира детей и мира взрослых, написанные в разные хронологические периоды. Чувствуется неразрывная

связь этих миров, их взаимодополнение, помогающее раскрыть мирознание детей и мироощущение самих авторов. Включение в произведения фольклорно-мифологических и этнографических мотивов помогает глубже раскрыть детские души. Л. Кокышев и Д. Каинчин воссоздали особый мир детей, с одной стороны, соответствующий детскому восприятию окружающей среды, ожиданию свершения чуда (Кара́) и, с другой, наполненный борьбой с голодом (Сабу́). Этот мир не всегда понятен взрослым, но близок и дорог юным читателям. В качестве подтверждения обратимся к словам Л. Витгенштейна: «мир счастливого совершенно иной, чем мир несчастливому» [1, с. 43]. В исследованных художественных текстах у Кара́ («Арина» Л. Кокышева), несмотря на его конфликты с взрослыми, было счастливое детство, а у Сабу́ («Талкан» Д. Каинчина) – детство нельзя назвать счастливым, так как шла война.

«Как никто из взрослых, дети способны переходить из одного эмоционального состояния в другое: они от всей души радуются, веселятся и получают удовольствие даже от незначительных мелочей – звуков, мимики, движений, слов; искренне огорчаются, возмущаются и протестуют на проявленную к себе (или другим) несправедливость и жестокость; горько переживают обиды и невнимание со стороны любимых людей» [11, с. 139]. Взгляды юных героев на действительность были абсолютно свободными от идеологических норм и стереотипов своего времени, что позволило авторам выстроить событийный мир своих произведений, выразить актуальность и востребованность нравственных ценностей через ценностно-мотивированное отношение к ним ребенка. Отсюда следует, что аксиологическая составляющая мира детства в произведениях алтайских писателей является доминирующей.

Творчество Л. Кокышева и Д. Каинчина в настоящее время привлекает многих алтайских литературоведов, лингвистов, фольклористов и этнографов. В их произведениях выделяется фольклорно-мифологический контекст и этнографические реалии, которые «в сложной повествовательной системе могут рассматриваться как своеобразные этно-эстетические микроединицы, в которых представлены поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа» [3, с. 6, 14].

Библиографический список

1. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книга: Предварительные материалы к философским мыслям. – Новосибирск, 2008. – 255 с.
2. *Далгат У.Б.* Литература и фольклор. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
3. *Далгат У.Б.* Этнопоэтика в русской прозе 20–90-х гг. XX века (Экскурсы). – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 7.

4. Дедина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова. – Горно-Алтайск, 2009. – С. 31.

5. Казагачева З.С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических традиций // Сөстін журукчызы. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 19.

6. Каинчин Д.Б. Талкан // Люди одной долины. – Горно-Алтайск, 1973. – С. 150–159.

7. Каташ С.С. Идеино-тематическое содержание романов Л.В. Кокышева // Алтайские писатели: Юбилейные материалы и автобиографии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2001. – С. 20–26.

8. Киндикова Н.М. Литературы Сибири: опыт исследования. – Горно-Алтайск, 2014. – С. 138–150.

9. Киндикова Н.М. Неповторимое дарование Л.В. Кокышева // Вопросы алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 2016. – С. 54–67.

10. Кокышев Л.В. Арина // Алтайдын кыстары. – Горно-Алтайск, 1980. – С. 66–76.

11. Кондаков П.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания (статья первая) // Российская и зарубежная филология. – Пермь: Вестник Пермского университета. – Вып. 4 (16), 2011. – С. 130–143.

12. МIRONENKO A.E. К вопросу о фольклоризме // Филология. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово, 2008. – С. 78–85.

13. Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1988. – С. 240.

14. Палкина Р.А. Лазарь Васильевич Кокышев // История алтайской литературы. Кн. 2. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 390.

15. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992. – С. 25.

16. Суразаков С.С. Алтай фольклор. – Горно-Алтайск, 1975. – С. 36–37.

17. Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. – Горно-Алтайск, 2012. – С. 90–92.

References

1. Vingenshtejn L. Golubaya i korichnevaya kniga: Predvaritel'nye materialy k filosofskim myslyam. – Novosibirsk, 2008. – С. 255.

2. Dalgat U.B. Literatura i fol'klor. – M.: Nauka, 1981. – С. 304.

3. Dalgat U.B. Etnopoetika v russkoj proze 20–90-h gg. XX veka (Ekskursy). – M.: IMLI RAN, 2004. – С. 7.

4. Dedina M.S. Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze CHingiza Ajtmatova. – Gorno-Altajsk, 2009. – С. 31.

5. Kazagacheva Z.S. Opyt prochteniya prozy D. Kainchina v rakurse epicheskikh tradicij // Söstin jurukchyzy. – Gorno-Altajsk, 2002. – С. 19.

6. Kainchin D.B. Talkan // Lyudi odnoj doliny. – Gorno-Altajsk, 1973. – С. 150–159.

7. Katash S.S. Idejno-tematicheskoe sodержanie romanov L.V. Kokysheva // Altajskie pisateli: YUbilejnye materialy i avtobiografii. – Gorno-Altajsk: Gorno-Alt. tip., 2001. – С. 20–26.

8. Kindikova N.M. Literatury Sibiri: opyt issledovaniya. – Gorno-Altajsk, 2014. – С. 138–150.

9. Kindikova N.M. Nepovtorimoe darovanie L.V. Kokysheva // Voprosy altajskoj literatury. – Gorno-Altajsk, 2016. – С. 54–67.

10. Kokyshev L.V. Arina // Altajdyn kystary. – Gorno-Altajsk, 1980. – С. 66–76.

11. Kondakov P.V., Popkova T.D. Hudozhestvennyj mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniya (stat'ya pervaya) // Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. – Perm': Vestnik Permskogo universiteta. – Вып. 4 (16), 2011. – С. 130–143.

12. Mironenko A.E. K voprosu o fol'klorizme // Filologiya. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo, 2008. – С. 78–85.

13. Mify narodov mira. T. 1. – M., 1988. – С. 240.

14. Palkina R.A. Lazar' Vasil'evich Kokyshev // Istoriya altajskoj literatury. Kn. 2. – Gorno-Altajsk, 2004. – С. 390.

15. Sagalaeв A.M. Altaj v zerkale mifa. – Novosibirsk, 1992. – С. 25.

16. Surazakov S.S. Altaj fol'klor. – Gorno-Altajsk, 1975. – С. 36–37.

17. Tekenova U.N. Hudozhestvennyj mir Dibasha Kainchina. – Gorno-Altajsk, 2012. – С. 90–92.

АРХЕТИП СОЛНЦА В РОМАНЕ СААМСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ НАДЕЖДЫ БОЛЬШАКОВОЙ

Литература российских саамов является одной из наименее известных и изученных саамских литератур, что определяет актуальность данной работы. Цель исследования – проанализировать актуализацию архетипа Солнца в романе саамской писательницы Надежды Большаковой «Алхалалалай» и связанные с ним архетипические мотивы. Новизна исследования состоит в том, что впервые выявляется архетипическое содержание произведения. Для достижения поставленной цели автор использует методы герменевтики и сравнительно-исторический, которые позволяют обнаружить в тексте архетипические сюжеты, образы и мотивы, а также вскрыть глубинные первоосновы литературных героев. Проанализирована актуализация архетипа Солнца на всех уровнях архитектоники романа. Архетип Солнца в романе представлен как полисемический образ, который определяет целый ряд семантических нагрузок и выполняет структурообразующую функцию. Выявлены мотивы бесконечной цикличности, повторяемости, бессмертия, путешествия, мотив добывания невесты, который получает определенную трансформацию в произведении.

Ключевые слова: российские саамы, литература, мифология, фольклор, архетип, мотив, архетипический образ.

Исследование отражения фольклора в зарождающихся литературах, о котором говорил известный венгерский ученый, специалист по финно-угорским литературам П. Домокош [7, с. 293], не теряет своей актуальности и является предметом анализа в современных работах, посвященных литературам народов Севера (труды Ю.Г. Хазанкович, М.А. Мукабеновой, С.Д. Малзуровой, А.В. Пошатаевой, А.В. Ващенко, Е.С. Роговер, В.Б. Огороковой, В.В. Огрызко, Н.В. Цымбалистенко, О.К. Лагуновой и др.). Не менее актуальным является обнаружение влияния фольклора на новописьменную [12, с. 129] литературу российских саамов, история развития которой ограничена временными рамками неполных тридцати лет существования, что подтверждает мысль Г.Д. Гачева об ускоренном развитии литератур [5, с. 7]. Рассматривая литературу саамов по географическому принципу, П. Домокош выделяет финскую, норвежскую, шведскую и российскую саамские литературы [7, с. 295].

Литература российских саамов наименее известна и исследована среди саамских литератур [6, с. 130]. В своем развитии она обнаруживает общие черты как с литературами народов Севера, так и с финно-угорскими литературами, к которым относится по этнолингвистическому принципу – саамский язык составляет отдельную группу финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Сегодня язык саамов Кольского полуострова относится к постепенно угасающим языкам, что связано с отходом саамов от традиционных промыслов и традиционного образа жизни, дисперсностью проживания, отсутствием образовательной среды, функционированием двух орфографических систем, невостребованностью саамского языка в среде саамов, длительностью воздействия на саамский язык русского языка. В условиях ис-

чезновения языка именно литература становится способом передачи культурных ценностей этноса, традиционных форм сознания, которые заключены в архетипах.

Цель работы – проанализировать актуализацию архетипа Солнца в романе саамской писательницы Надежды Большаковой «Алхалалалай» [1] и связанные с ним архетипические мотивы. Произведение не анализировалось с этой точки зрения, что свидетельствует о новизне исследования.

Для достижения поставленной цели автор использует методы герменевтики и сравнительно-исторический, которые позволяют обнаружить в тексте архетипические сюжеты, образы и мотивы, а также вскрыть глубинные первоосновы литературных героев.

В последние годы появились работы, в которых внимание исследователей обращено на реализацию архетипов в литературном творчестве [4; 9; 10; 14–16]. Основным методологическим принципом в этих работах явилось применение теории архетипов К.Г. Юнга, переосмысленное литературоведением. «Архетипы могут реализовывать свои значения в виде различных элементов текста (сюжетов, образов и мотивов) и дают возможность увидеть глубинные содержательные стороны художественного произведения» [4, с. 260]. По мнению Ю.Г. Хазанкович, «внимание художников к архетипическим образам и сюжетам обусловлено активизировавшимися процессами самопознания и национальной самоидентификации [14, с. 177].

Роман Н. Большаковой «Алахалалалай» (2003) – первый роман в литературе российских саамов. Благодаря тому, что в центре произведения – любовь героев, принадлежащих разным культурам – саамской и ительменской, роман «не только о любви героев, он и о судьбах этих народов, их верованиях, мифологии, этнографии, да

и самой жизни» [1, с. 3]. Именно поэтому произведение насыщено легендами саамов и ительменов, в нем затрагиваются общие проблемы коренных малочисленных народов Севера, автор сравнивает их быт, традиции, мировоззрение.

В романе три сюжетных линии: Варван и нуэйт (саамский шаман) Белый День в XVII веке, Екатерины и Сузвая, Насти и Лахэна в наше время. Главными героями являются Настя и Лахэн, женщина саами и мужчина ительмен, которые полюбили друг друга вопреки всем условностям, преградам и расстояниям. Сюжетная линия Варван и Белого Дня является своеобразной экспозицией сюжетной линии Насти и Лахэна. Отсылая нас к далекому прошлому, она знакомит с предками главной героини в XVII веке. В заголовок романа вынесено магическое ительменское слово «Алхалалалай», что значит «праздник очищения от грехов и благодарения природе». Праздник ительменов проводился осенью после окончания рыбной ловли и приготовления зимних запасов. Центральным событием праздника становился сам обряд очищения, для чего устанавливали очистительный березовый круг, проходя через который надо было кричать «Алхалалалай!», чтобы скинуть с себя все грехи [4, с. 237].

Произведение современной саамской писательницы обнаруживает глубинную связь с мифологией и фольклором саамов на уровне архетипов. Одним из доминирующих архетипических образов в романе является образ Солнца, который пронизывает все уровни архитектуры романа.

Образ Солнца связан с языческими представлениями коренного народа Севера об устройстве Вселенной. Солнце – Пеййв пользовалось у саамов религиозным почитанием и относилось к божествам верхнего, небесного мира. Оно принимает участие в солярных и лунарных саамских мифах. В саамской мифологии Солнце может быть как женского, так и мужского рода [2, с. 243–244], то есть андрогинным, что говорит о могуществе его творческой силы, божественном совершенстве [см. об этом: 8, с. 101].

Один из мифов повествует о том, что Солнце едет по небу утром на медведе, в полдень – на олене-быке, а вечером – на олене-важенке. Вне дома оно небесное светило, а в доме – человек [13, с. 19]. С Солнцем и его детьми связан древнейший фольклор саамов. В нем дети Солнца – дочери и сыновья – похожи на людей, спускаются с неба на землю, чтобы жить среди людей. В одном из сюжетов древнего цикла рассказывается о ссоре Солнца с Луной из-за того, что Луна отказалась выдать замуж свою дочь за сына Солнца. Сюжет о свадьбе детей Луны и Солнца относится к наиболее архаичным мифам среди мифов балтов и прибалтийско-финских народов [11, с. 157]. Солнце участвует в космогонических мифах саамов. Сю-

жеты о Солнце встречаются в разных вариантах, иногда в одной сказке они переплетаются. С образом Солнца связан архетипический сюжет добывания невесты, мотив очищения. Образ Солнца присутствует на изображении шаманского бубна, в вышивках саамов, в наскальных изображениях – петроглифах.

Солнце в романе Н. Большаковой – полисемичный образ, который определяет целый ряд семантических нагрузок.

Солнечный свет и тепло придают живописность пейзажам. Роман начинается с описания сочной солнечной осени: «Рыжая лисица пробежала по лесу и окрасила листья в цвет своей шубки. Полыхали огнем деревья, под ногами бурел мох, наливалась красным соком брусника» [1, с. 5]. На протяжении всего произведения автор не раз описывает солнечные дни в Москве, на Камчатке, природу Севера в лучах солнечного света, что помогает создавать теплую, солнечную тональность романа.

С солнечным светом ассоциируется у Лахэна его любовь к Насте: «С твоим отъездом перестало светить солнце...» [1, с. 366], солнце является источником радости и для самой героини [1, с. 102]. Особое значение имеет светило для саамов – его появление после долгой полярной зимы воспринимается ими как праздник: «Наверное, нигде больше, как в Мурманске, жители не отмечают праздника с таким оптимистическим названием, как “Здравствуй, солнце!”» [1, с. 373].

Солнце в романе является мерилем лучших человеческих качеств и женской красоты. Наблюдая за своими спутницами, одна из которых была молодой, другая в возрасте, Сергей отмечает их жизненную энергию, внутренний свет и чувствует себя «щедро обогретым, как солнечными лучами, их гостеприимством и дружбой» [1, с. 149]. Наконец, солнце в романе является мерилем красоты окружающего мира: «Но еще более красив город летним вечером, когда солнце висит над ним, как огромный оранжевый диск, освещая своими лучами цветы иван-чая...» [1, с. 360].

Являясь матерью всего живого для саамов, солнце символизирует для них жизнь и становится необходимым условием ее появления, именно так понимает нуэйт тайну зачатия: «Только доброта и ласка смогут разбудить эту женщину и ее спящее тело. Перед ним распускался пока только морошковый цвет, а чтобы созрела ягода, необходим солнечный луч, которым и должен стать он, нуэйт Белый День» [1, с. 176]. В этом размышлении саама скрывается древнее понимание народа о связи нуэйта с солнцем, отраженное в его деятельности и в изображениях на шаманском бубне.

Свое происхождение саамы велят от Солнца, поэтому в романе много мифов, легенд и сказок, в которых прямо или косвенно указывается на это. Саамы – дети Солнца, об этом говорит саамский

миф о поиске и добывании невесты, в котором Солнцев сын для этого отправляется на землю. Единственной незамужней девушкой на земле в то время была дочь старого великана, сама тоже великанша. «От Солнцева сына и великанши потомство пошло на нашей земле крепкое да сильное и распространилось оно далеко, далеко...» [1, с. 371]. Автор знакомит нас и с древней легендой о кусочке солнца, который раздобыл храбрый вежник (обитатель саамского жилища – вежи) для своих соплеменников [1, с. 25].

Образ солнца лежит в основе сравнений в романе: «Словно морошка навстречу солнцу раскрывает свою чашечку соцветия, Варван навстречу губам Нуэйта раскрывала свои» [1, с. 165]; «улыбнется (Сузвай) – и от улыбки мягкие лучики вокруг глаз, словно солнце в твою душу заглядывает» [1, с. 207]. Отмечая красоту Зовины, возлюбленной Сузвая, автор пишет: «...заблестели огромные глаза девушки, словно солнечные блики заиграли на двух озерах сразу» [1, с. 46]; а сам Сузвай, размышляя о Екатерине и любви, приходит к выводу: «Неуловима душа женщины, словно луч прильнет к мужчине, обогреет и ускользнет в неведомую, недосыгаемую для него высь» [1, с. 347].

Являясь истоком всего, солнце отражает временные характеристики саамской картины мира. Вечер: «И только когда медное солнце закатилось за гору, а темнота стала резко опускаться на землю, выглядывая, сказал старику и тем, кто из любопытства или сострадания оставались еще здесь» [1, с. 96]; далекое прошлое: «Говорят, давно это было. Даже солнце и вершины огнедышащих гор уже не припомнят, когда» [1, с. 197]; время года: «И бабка Синаневт рассказала о том, что, когда по весне солнце взламывает лед на реке, все жители спешили к берегу» [1, с. 222]; годовой период: «Лишь спустя время духи дали Харье знак, что через семь лет вернут в его вежу женщину. И вот седьмой год Солнце-Пеййв завершал свой круг в тундре» [1, с. 6], «С мужем почти полный круг солнца жила – не отяжелела» [1, с. 17].

В романе повествуется о древних обрядах саамов, в которых Солнце как божество верхнего мира принимало участие. Ему приносили жертвы, поклонялись и возносили молитвы. Это касается священного саамского праздника Имание оленей – праздника обновления крови и магического зачатия: «Саамы в день священнодействия строго соблюдали обычай предков, боясь гнева богов. В центре поляны развели большой огонь. Вокруг него собрались мужчины племени, и едва “последнее” перед полярной ночью солнце показалось над угрюмыми осенними сопками, затянули протяжную обрядовую песню и в медленном танце, притопывая, пошли вокруг огня. Песня возвещала восхождение солнца, посылалась огненному шару как жертвенный дар во имя жизнеутверждения и кре-

пости рода. Эта последняя, по сути дела, встреча с солнцем была священна. Яркое светило очищало и освещало души людей на долгую, холодную полярную ночь» [1, с. 159]. Нуэйт Белый День вместе со «знатками» (старейшинами) родов приносит первую жертву богу солнца Пеййву [1, с. 56]; Варван обращается к солнцу и просит «живой солнечный огонь» избавить ее от бесплодия, «обогреть ее душу, а главное – плоть» [1, с. 59] – «низко склонив голову, пришептывала, умоляя светило услышать крик ее души, который на самом деле был громче всех других взываний к богу. Он прорывался сквозь небо, летел навстречу солнцу в надежде быть услышанным» [1, с. 59].

По языческим представлениям саамов, успех ждал всех участников праздника, если на нем «присутствовал нуэйт – посредник между солнечным светом и людьми» [1, с. 56]. Белый День находился под покровительством Солнца, которое определяло его миссию: только нуэйт имел право «смотреть в лицо бога Пеййва своим внутренним зрением» и извещать всех «о принятии жертвы богами» [1, с. 60].

В романе описан путь становления простого саама Харьи в нуэйта Белый День: «Однажды выбрав солнце, нуэйт уже не мог изменять своему пути, а так как покровителем был избран Пеййв, к богине Манне (Луны) и духам темной ночи он мог обращаться только в случаях крайней нужды, когда речь шла о жизни или смерти. На помощь нуэйту приходил свет солнца, очищающий огонь был его союзником, духи белого дня – проводниками» [1, с. 8].

Солнце присутствует в символах обеих культур: это татуировка в виде круга на правой щеке с точкой внутри как символ солнца у ительменов и саамов [1, с. 232]; березовый очистительный круг на ительменском празднике [1, с. 236] и большой круг из костей животных, ранее жертвенных, символизирующий древнее светило, – на саамском [1, с. 58]; наконец, красная половина сине-красного круга посередине саамского флага символизирует солнце [1, с. 147]. В романе часто упоминается любимая саамская ягода морошка, которая также является символом солнечного света, потому что когда созреет, «соком солнечным за много шагов светиться начнет» [1, с. 154].

С солнцем связаны и древние саамские поверья, отражающие как положительное, так и негативное воздействие светила на человека: «Лучи солнца ясность голове дают, тяжелые мысли с ночью отходят» [1, с. 98]; «Великая беда человеку, если кожу нарушишь, если кровь на солнце окажется. Это уже рана, боль. Отсюда болезнь, смерть...» [1, с. 150].

В основе образа главной героини романа лежит архетип Девы – Невесты Солнца (а точнее Сына Солнца – Пеййвальке), непосредственно связанный с архетипом Солнца. Невеста Солнца действует в древнейших саамских мифах о Найнасе – Север-

ном Сиянии, фрагменты которых удалось записать этнографу В.В. Чарнолускому [13, с. 19–79]. В легенде Невеста Солнца – дочь Луны, которую не удалось спрятать от сына Солнца. Из-за отказа Луны отдать свою дочь замуж за сына Солнца разыгралась настоящая небесная война: «Всколебались тут воды, потемнели леса, моря растекаются по суше, а земля-матушка дыбится, ходуном ходит, одна волна земная за другой волною вздымается, ложится гора за горою... <...> Шатко стало на земле» [13, с. 22]. В другой саамской легенде рассказывается о том, как Невеста Солнца в облике девы, «девица-красавица, краше ягоды морошки» [13, с. 24], спустилась к людям и стала между ними жить, чтобы приносить им радость.

Описание главной героини романа прямо или косвенно связано с солнцем: у нее «ярко-рыжие волосы и сочная зелень в глазах», «Она была, как летний день, теплая и солнечная» [1, с. 18], «со своей огненной копной, словно с солнцем вместо волос, шла в компании Жирковых» [1, с. 211]. Описывая танец ительменов, в котором принимала участие Настя, автор отмечает: «Ее распущенные волосы метались из стороны в сторону в такт движениям, и среди темноволосых мужчин и женщин это походило на отблески солнца, спустившегося посмотреть ночной Алхалалалай» [1, с. 342]. Цвет волос героини, цвет осенней травы, цвет морошки – приметы одного цветового ряда, солнечного. Зеленый цвет у саамов символизирует цвет травы, растительности. Солнечной воспринимает любимую Лахэн: «Ты необыкновенная... созданная солнцем... я думал, таких не бывает...» [1, с. 313]. Сама Настя ощущает себя созданной из солнечного света: «Я – Женщина!!! – пела ее душа. – Женщина!!! Благословляемая Богом! Луч солнца!» [1, с. 78].

С архетипом Солнца связан мотив бесконечной цикличности, повторяемости, бессмертия: ежедневно рождая день, Солнце каждый вечер исчезает с небосвода, чтобы на следующее утро возродиться. Такая циклическая модель повторяемости характеризует мифологическое мышление. С этими мотивами связана и героиня романа: символично ее имя – Анастасия, что переводится как «воскресшая, воскресающая». Она воскрешает любимого после его трагедии с Карритой, утверждая таким образом мысль о бессмертии любви. Символом этого бессмертия становится оберег, подаренный Варван ее отцом и передаваемый по наследству женщинам рода. Наконец, с архетипом Солнца связан мотив обновления – природы, крови, рода. Этот мотив начинает звучать с первых страниц романа, когда саамы ожидают священный праздник Имание оленей, и звучит в каждой сюжетной линии, являясь сквозным в романе. Наконец, повторяемость священных праздников Алхалалалай и Имание оленей тоже говорит о мотиве цикличности, характерном для произведения.

С архетипическим образом Невесты Солнца связан сюжет путешествия: герои перемещаются с Севера в Москву, в Париж, на Камчатку и обратно. Заметим, что мотив добывания невесты в романе трансформируется в мотив добывания жениха. Активность в поисках любви проявляют именно женские персонажи: Настя, Екатерина, Каррита. На наш взгляд, это связано с матриархальностью [3] саамской литературы и с художественной концепцией автора.

Таким образом, архетип Солнца в романе является ведущим и пронизывает все уровни архитектоники произведения. Представленный как полисемический образ, он определяет целый ряд семантических нагрузок и выполняет структурообразующую функцию. Солнце символизирует гармонию жизни, свет, тепло, принимает участие в обрядах, отражает временные характеристики саамской картины мира. С архетипом Солнца связан мотив бесконечной цикличности, повторяемости, бессмертия, что характерно для мифологического мышления, однако это проявляется и в композиции современного произведения. Образ главной героини имеет глубокую архетипическую основу. Настя – носительница Света, архетип великого женского начала, в ее образе воплощен архетип Девы, Невесты Солнца, имеющий глубокие мифологические корни. С архетипическим образом Невесты Солнца связан сюжет путешествия, мотив обновления. В произведении представлена авторская художественная реконструкция архетипа Невесты Солнца. Архетипические образы и мотивы помогают постичь суть героев романа, характеризуют художественное мышление автора, его стиль. Реализуя свои значения в сюжетах, образах и мотивах, архетипы помогают глубже понять смысл художественного произведения. Обращение к архетипам в творчестве современных саамских писателей говорит о глубинной и тесной связи современной саамской литературы с ее мифо-фольклорными истоками. Архетип Солнца является одним из основных в картине мира саамов и характеризует их как солнцепоклонников, что и прослеживается в творчестве современных писателей. Актуализация архетипов в произведениях саамских литераторов говорит в пользу того, что саамская литература является формой передачи этнических культурных ценностей, что особенно важно для народа, практически утратившего свой язык.

Библиографический список

1. *Большакова Н.П.* Алхалалалай: роман-эссе. – Мурманск: Кн. изд-во, 2003. – 384 с.
2. *Большакова Н.П.* Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. – Мурманск: Кн. изд-во, 2005. – 416 с.
3. *Большакова Н.П.* Саамской литературе – 15 лет // Наука и бизнес на Мурмане. – 2005. – № 5. – С. 7–24.

4. Варламова В.Н. Архетипический образ дерева в художественном тексте [Электронный ресурс] // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskiy-obraz-dereva-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 10.01.2019).

5. Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы. – М.: Наука, 1964. – 311 с.

6. Домокош Й. Прошлое – это не чужая страна: «Пограничность» (лиминальность) как принцип поэзии Аскольда Бажанова // Саамская литература: материалы и исследования / сост. Вячеслав Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2010. – С. 128–140.

7. Домокош П. Этот удивительный мир // Ненецкая литература: сб. / сост. В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2003. – С. 290–303.

8. Копылова Н.А. Идея андрогинности в античной культуре // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Культурология. Политология. Социология. – Т. 27 (66). – 2014. – № 1. – С. 97–104.

9. Крохина Н.П. Архетип солнца в творчестве К.Д. Бальмонта [Электронный ресурс] // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-solntsa-v-tvorchestve-k-d-balmonta> (дата обращения: 24.12.2018).

10. Орлова Н.А. Архетипический мотив превращения в прозе С. Довлатова [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskiy-motiv-prevrascheniya-v-proze-s-dovlatova> (дата обращения: 10.01.2019).

11. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. – М.: Изд-во Астрель; Изд-во АСТ, 2003. – 464 с.

12. Полторацкий И.С., Силантьев И.В., Широбокова Н.Н. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 124–131.

13. Саамские сказки / обр. В.В. Чарнолуцкого. – М.: Художественная литература, 1962. – 304 с.

14. Хазанкович Ю.Г. Архетип «волка» в фольклоре и литературе [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – Вып. 4 (72). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-volka-v-folklore-i-literature> (дата обращения: 21.10.2018).

15. Хакуашева М.А. Формирование и развитие архетипических образов в кабардинской литературе [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2008. – 382 с. – Режим доступа: <http://www.disserscat.com/content/formirovanie-i-razvitie-arkhetipicheskikh-obrazov-v-kabardinskoi-literature> (дата обращения: 17.01.2019).

16. Ханов В.А. Архетипическая основа образа Якова Маякина в повести М. Горького «Фома Гордеев» [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 2–3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskaya-osnova-obraza-yakova-mayakina-v-povesti-m-gorkogo-fomagordeev> (дата обращения: 20.01.2019).

References

1. Bol'shakova N.P. Alhalalalaj: roman-esse. – Murmansk: Kn. izd-vo, 2003. – 384 s.

2. Bol'shakova N.P. ZHizn', obychai i mify kol'skih saamov v proshlom i nastoyashchem. – Murmansk: Kn. izd-vo, 2005. – 416 s.

3. Bol'shakova N.P. Saamskoj literature – 15 let // Nauka i biznes na Murmane. – 2005. – № 5. – S. 7–24.

4. Varlamova V.N. Arhetipicheskiy obraz dereva v hudozhestvennom tekste [Elektronnyj resurs] // Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze. – 2015. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskiy-obraz-dereva-v-hudozhestvennom-tekste> (data obrashcheniya: 10.01.2019).

5. Gachev G.D. Uskorennoe razvitie literatury. – M.: Nauka, 1964. – 311 s.

6. Domokosh J. Proshloe – eto ne chuzhaya strana: «Pogranichnost'» (liminal'nost') kak princip poezii Askol'da Bazhanova // Saamskaya literatura: materialy i issledovaniya / sost. Vyacheslav Ogrzyko. – M.: Literaturnaya Rossiya, 2010. – S. 128–140.

7. Domokosh P. Etot udivitel'nyj mir // Neneckaya literatura: sb. / sost. V. Ogrzyko. – M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. – S. 290–303.

8. Kopylova N.A. Ideya androginnosti v antichnoj kul'ture // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ser.: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya. – T. 27 (66). – 2014. – № 1. – S. 97–104.

9. Krohina N.P. Arhetip solnca v tvorchestve K.D. Bal'monta [Elektronnyj resurs] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-solntsa-v-tvorchestve-k-d-balmonta> (data obrashcheniya: 24.12.2018).

10. Orlova N.A. Arhetipicheskiy motiv prevrascheniya v proze S. Dovlatova [Elektronnyj resurs] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2010. – № 2. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskiy-motiv-prevrascheniya-v-proze-s-dovlatova> (data obrashcheniya: 10.01.2019).

11. Petruhin V.YA. Mify finno-ugrov. – M.: Izd-vo Astrel': Izd-vo AST, 2003. – 464 s.

12. Poltorackij I.S., Silant'ev I.V., SHirobokova N.N. Nekotorye teoreticheskie aspekty izucheniya mladopis'mennyh literatur // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2013. – № 4. – S. 124–131.

13. Saamskie skazki / obr. V.V. CHarnoluskogo. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1962. – 304 s.

14. Hazankovich YU.G. Arhetip «volka» v fol'klоре i literature [Elektronnyj resurs] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – Vyp. 4 (72). – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-volka-v-folklore-i-literature> (data obrashcheniya: 21.10.2018).

15. Hakuasheva M.A. Formirovanie i razvitie arhetipicheskikh obrazov v kabardinskoj literature [Elektronnyj resurs]: dis. ... d-ra filol. nauk. – Nal'chik, 2008. – 382 s. – Rezhim dostupa: <http://>

www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-arkhetipicheskikh-obrazov-v-kabardinskoj-literature (data obrashcheniya: 17.01.2019).

16. Hanov V.A. Arhetipicheskaya osnova obraza YAkova Mayakina v povesti M. Gor'kogo «Foma Gordeev» [Elektronnyj resurs] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2012. – № 2–3. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskaya-osnova-obraza-yakova-mayakina-v-povesti-m-gorkogo-foma-gordeev> (data obrashcheniya: 20.01.2019).

ПРИНЦИПЫ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОГО ЮМОРА В ПОЭЗИИ Л. ШВАБА

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 19-18-00205 «Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»*

В статье анализируется поэтическая манера Л. Шваба, которая в литературной критике характеризуется как беспристрастная и отстраненная, в то время как важную роль в текстах играют контрастные элементы юмора и насилия. Через теорию сюрреалистического юмора, проясняющую указанное противоречие, проводится исследование природы комического в текстах Шваба, уточняется как эстетико-эмоциональная специфика его поэзии, так и ее восприятие читателем. Последовательно разбираются основные механизмы сюрреалистического юмора – создание мизансцен (театральность), выработка черного юмора, функционирование взаимосвязанных понятий объективного юмора и объективной случайности – и их специфическое действие в стихах Л. Шваба, которые оказываются дополнительно включенными как в контекст русской прозы 1920–30-х годов (А. Платонов), так и в контекст современной объектно-ориентированной философии.

Ключевые слова: сюрреализм, ирония, комическое, театральность, метонимия, война, объектно-ориентированная поэтика, объективная случайность, современная инновативная поэзия, А. Платонов.

В современной отечественной литературной критике поэтическая манера Л. Шваба описывается через представления о лирическом эпосе 2000-х годов, через нелинейную сюжетность и прозаизацию поэзии, отказ от прямой речи, экспрессионизм и монтаж (кинематографичность), сюрреализм и причудливые, неожиданные сочетания объектов/предметов/образов, при этом воздействие, которое оказывают эти сочетания, описывается как медитативное, сновидческое [5]. Именно отчуждение, отстраненность, которые ассоциируются с субъектом высказывания в швабовских текстах, приводит, по мнению В. Шубинского, к тому, что смешение вещей и событий, «утрата у них формально-логического стержня (с годами все более заметные в его стихах) не могут быть предметом эмоционального переживания» [8]. Тем не менее, отмечая все ту же «спокойную важность швабовского текста», М. Степанова в предисловии к книге «Поверить в ботанику» указывает, что Шваб близок поэзии Г. Дашевского и М. Гронаса «с их особой, какой-то небесной, странностью артикуляции и склонностью к метафизическому юмору» [7, с. 8]. Поэт и литературный критик И. Соколов более последовательно не соглашается со складывающейся традицией «описывать швабовскую манеру как совершенно беспристрастную, безоценочную», считая, правда, аргументом против не «метафизический юмор», а «присутствие войны в его поэзии»: «насилие и убийство у Шваба остаются максимально негативным переживанием, концентратом бессмысленности существования» [5]. Указанные конфликтные мета-понятия – отстраненность, объектность, юмор, война, насилие – помогает объединить теория сюрреалистического юмора, позволяющая проанализировать природу комического в текстах Л. Шваба и уточнить как эстети-

ко-эмоциональную специфику его поэзии, так и ее восприятие читателем.

Феномен сюрреалистического юмора подразумевает действие нескольких механизмов, каждый из которых свойственен стихам Л. Шваба из книги «Ваш Николай» (2015), в которую входят также стихи дебютной книги «Поверить в ботанику» (2005): это создание мизансцен (театральность), выработка черного юмора, а также функционирование дополняющих друг друга понятий объективного юмора и объективной случайности. Продуктивная противоречивость сюрреалистического юмора подчеркивается бретоновским определением этого феномена как «парадоксального триумфа принципа удовольствия над реальными условиями в тот момент, когда они кажутся наиболее неблагоприятными», при этом для А. Бретона также важна защитная в психоаналитическом смысле функция юмора – защитная от «перегрузок угроз» [10, с. 724]. Необходимо сразу отметить, что основной читательской реакцией на комическое в текстах Шваба становится не смех, не улыбка, а скорее усмешка, возникающая в разрывах или в конце серии мизансцен. Это затрудняет точечное цитирование фрагментов стихов, оно может скрадывать кумулятивный эффект, не приводя к нюансированной читательской реакции. Впрочем, по наблюдениям Е.Д. Гальцовой, и юмор первого поколения сюрреалистов «необязательно должен был вызывать смех. Концепция сюрреалистического юмора изначально имела критическую, а подчас и абсолютно разрушительную направленность. При этом речь не идет о сатире, потому что сюрреалистический юмор лишен конкретно-обличительного характера. Его объектом является не отдельное явление, а, по мысли французского литературоведа К. Абастадо, существование вообще» [3, с. 199], в связи с чем «и сюрреалисты, и театральные деятели

Арто и Витрак понимали юмор как экзистенциальную категорию» [3, с. 213].

На первом уровне экзистенциального сдвига включается механизм создания «мизансцен» (Л. Арагон), то есть перенесение обычных объектов из привычного бытового контекста, сближение с другими объектами до гибридного состояния (сюрреалистический объект). Активной метафорой подобных процессов становится театр: «Понятие сюрреалистического юмора в осознании театальной путаницы: зритель теряется в игре отражений, утратив представление о точке отсчета реальности, которая сама подвержена иронии» [3 с. 201]. Мотивы зрения, отражений, визуальных иллюзий регулярно задействуются при создании как сюрреалистических объектов, так и сюрреалистического юмора: «В каком-то смысле юмор оказывался аналогом сюрреалистического света, или сюрреалистического освещения, о котором как о преобразователе мировосприятия вообще говорил Бретон еще в первом “Манифесте сюрреализма”» [3, с. 212]. Читатель швабовских стихов действительно во многом становится зрителем, учитывая их кинематографичность, а принцип радикального стихового монтажа выступает аналогом рецептивного сдвига, смещения; такому сдвигу восприятия реальности (и сопутствующему комическому эффекту) почти всегда предшествует визуальная характеристика: «И сестры, осмелев, выходят к полднику, / И пьют сидро, и утирают пот, / И гость снимает со стены гармонику... / <...> / Окно задето фосфорным огнем, / И сестры полагают гостя мужем, / И переодеваются при нем» [6, с. 87]. Отметим, что здесь одновременно вводится и военная тематика, не разрушающая пусть и слабый, но комический эффект.

На образно-мотивном и концептуальном уровнях комизм крайне редко проявляется в стихах Шваба: из наиболее устойчивых – мотивы хохота и веселья, а условно театральные образы группируются вокруг повторяющегося плюрального персонажа «артисты» (для Шваба характерны сквозные персонажи или даже строки, появляющиеся в разных стихах разных лет; например, одна из таких повторяющихся фраз – «И в камень, как в зеркало, глядел» – переключается с феноменом сюрреалистического видения). В более раннем тексте (1994 года) защитная тема эксплицитно сталкивается с комическим: «Караульные исполнили комические куплеты, / Как будто артисты» [6, с. 89], а также показываются гибридные фрагменты современной и Тридцатилетней войны, но в основном элементы театральности задействованы во второй книге, где они создают характерный сюрреалистический эффект: «В последней главе переселенцам приходит конец / У нас ведь как – то пыльные бури то холода / И школьницы пляшут на синей траве / И львы как артисты на тротуарах ле-

жат» [6, с. 39]; «Он (младенец ангельский. – О. Г.) по-товарищески мигает (визуально-зрительная деталь; здесь и далее выделения в текстах наши. – О. Г.) / Железной каскою своей / И я разучиваю праздничные гимны / И кровь сочится из ушей» [6, с. 18]. Заметим, что параллельно с гипокомической тенденцией (не смех, а максимум усмешка) ослабевает и традиционная функция праздника как мотива, который теряет значение сакрального разреживания обыденности, будней (особенно в алегаторическом контексте поэтических событий): «И праздник случится мирским, беспорядочным, / Поскольку ничего не видать (отмена визуальной характеристики. – О. Г.), / И товарищ уж не товарищ» [6, с. 106]; «В прошлом разжалованный офицер / Душа всего микрорайона / Как лютый зверь бормочет про себя / Настанет праздник а ничего не готово» [6, с. 34].

Визуальные иллюзии усложняют природу комического в текстах Л. Шваба, внося элементы иронии и требуя соучастия зрителей (столь важный компонент сюрреалистического театра): «Кришна не плачет. / Медведи в саду преследуют дочь англичанина. / Назревает гроза, девочка схоронилась за камнем. / За оградой произрастают петунии. / <...> // На рассвете стучится домой со товарищи англичанин, / Девочка спит на траве, дождь перестал. / Вместо медведей мы видим сборщиков хлопка» [6, с. 111]. Финальный стих очень показателен в плане двойной стратегии швабовских текстов: с одной стороны, риторическое «мы» обладает отстраняющим, ироническим эффектом (на этом будет строиться объективный юмор), с другой стороны, это вовлекает зрителей-читателей, обнаруживающих и разрушающих иллюзию, созданную поэтом (в тексте, возможно, восприятием девочки). Но здесь же зритель вынужден поймать себя на очередной иллюзии – иллюзии окончательного понимания/видения, поскольку образ англичанина также является повторяющимся, то есть зритель обречен каждый раз видеть только конкретную мизансцену, только часть сюжета, связанного с тем или иным персонажем (о фрагментарности лирического эпоса Шваба и «нового эпоса» в целом см.: [4; 2]). Отчужденная, констативная интонация (как в строке «За оградой произрастают петунии») создает предпосылки для объективного юмора.

Другой важнейший аспект теории сюрреалистического юмора – работа с объектами как реализация «объективной случайности»: случайная находка во время прогулки, встреча с объектом, обнаружение объекта в несвойственном ему контексте – та самая лотреамоновская «случайная встреча на операционном столе зонтика и швейной машинки». В текстах Л. Шваба объекты замещают друг друга в результате метонимического столкновения, но сам характер связи устанавливается субъектом высказывания или субъектом действия

(в частности, когнитивного действия), тем самым переосмысливается свойственный сюрреалистическому методу переход от субъекта к объекту/ситуации: «И тополь напоминал садовника, / И яблоко напоминало зеленщика» [6, с. 100]; «Открывали консервы, как дверь в зоосад» [6, с. 103]; «Тюльпан был тополем, аэродром был конус. / Невдалеке определился молочный рынок» [6, с. 112]; «И девушки в огромных новых платьях / Впадают в море как проточная вода / У бедной продавщицы сладостей / Из-под ногтей выглядывают провода // На набережной крапива и олени / В жилых кварталах ни души / Короткие замыкания хороши» [6, с. 30]; «Калькулятор погиб / Так называемая осень / Гремит и булькает в овраге / И дети говорят какое горе» [6, с. 32]; «Старшеклассники скинувши обувь / Гуляют парами по мелководью / Чайки командуют флотом беда миновала» [6, с. 53]. Усмешку может вызывать как монтаж (и стиховой, и внутрестиховой, как в финальной строке последнего приведенного примера), так и частные решения, например, стилевое и концептуальное отстранение: «На рукаве цветочной клумбы горела свеча, / Любовники недоумевали. / В воздухе пахло грозой, / Кленовый лист прилепился к губам» [6, с. 93]. Метаморфозы и отражения объектов (функционально эту задачу нередко выполняют образы неба/воздуха и оврагов) в стихах 1990-х годов на речевом уровне проявляются в полистилистическом плетении словес: «На самых дальних на дистанциях / Мои товарищи смеются надо мной. / <...> / Как хорошо, я приласкаюсь к сваям трубопровода, / <...> / Олень, как колесо, приподнимается на воздух, / Качая белою или зеленой головой. // Благая весть уж не благая весть, / Овраги переполнены продовольствием, медикаментами. / Я выйду со скрипкой и бубном – я микробиолог, / Неистовостью приводящий в изумление сослуживцев» [6, с. 102].

Стихотворение «Расчеты показали что лучше вернуться домой...» являет чуть ли не единичный пример линейного повествования у Шваба, которое, впрочем, вскоре разрушается из-за сюжетного антитриггера – случайной находки «остова гигантской деревянной пирамиды», что запускает более привычный швабовский формат «герои в поисках сюжета» [1, с. 34]: «Совершенно пустынные дикие места вокруг / Илья и Марта вдруг поцеловались / Григорий уронил карабин и встал на колени / Я ничего особенного не почувствовал было нестерпимо душно // После мы ни разу не вспомнили о находке / Как будто сговорились вычеркнуть тот день из памяти / Илья и Марта поженились, уехали в Чикаго / Григорий погиб, я потерял всякий интерес к изысканиям» [6, с. 28]. Вообще в текстах поэта элемент случайности на уровне композиции постоянно проверяется сквозным отстранением на уровне интонации и инфляцией механического описания, каталогизации, которые буквализируются

в образах механики, производственных предметов, машин, электричества: «Был опыт в градостроительстве, / Строил в Польше, / На рубеже первичных изысканий / Испытывал отвращение как профессионал, / Замыкался в себе, / Отвечал самым высоким требованиям» [6, с. 78] (каждая строка, по сути, меняет фразеологическую точку зрения: поэтическое «на рубеже первичных изысканий», психологическое «замыкался в себе», официально-деловое «отвечал самым высоким требованиям»); «Случайно порезавшийся хлебным ножом / Подросток останавливает кровь холодной водой / Товарищи забрасывают свои пиджаки на небо / <...> / Невероятные приключения неведомо откуда взявшихся героев / Приведут к возрождению земледелия и ремесел / В сущности прежняя жизнь / Но в крошечных измерениях и масштабах» [6, с. 22]; «Опалубка гуляет на ветру / Строительство как-то замешкалось / На площадке руководит случайный в сущности человек / В прошлом разжалованный офицер / Душа всего микрорайона» [6, с. 34].

Сам принцип объективной случайности в сюрреалистической практике, как и во многих стихах Л. Шваба, основывается на общих семиотических интуициях как «некая совокупность знака и события: сначала появляется, распадается на знак без значения, за ним следует событие, которое считается случайным и находится в некоей связи с первоначальным знаком. Событие придает знаку смысл» [9, с. 352]. Таким предшествующим событию знаком может быть сон, греза, видение, гадание, которые и «объективируют» (самим актом предсказания) внешнюю случайность события: «Находясь в командировке в заштатном городе / Посетил краеведческий музей / В панорамной постановке за стеклом / Изображающей сцену из первобытных времен / Разглядел чучело белки-летяги / Присев на музейную кушетку задремал / Очнулся как после наваждения» → «Школьники гадтели, учительница призывала детей к порядку / Белка-летяга обнажала мелкие зубы / Учительница была хороша собой / Счастье это урок / Ученики это бесы» [6, с. 47]; «Я уехал в Монголию, чтобы поверить веселому сну / Сопровождал военизированный караван, / Подножка вертолета скользнула по виску, / На всю жизнь остался фиолетовый шрам» → «Я слышал было шаги развеселого сна, / Но являлся мой старший брат и песен не заводил <...> / Я звал его, шарил по воздуху непослушной рукой, / Обыскивал местность при поддержке ночного огня, / И товарищи, смертельно уставшие за переход, / Угрожали избавиться от меня» [6, с. 92]. В ранних текстах это приводит к размыванию языка (у сюрреалистов действовало расстройство означивания): «Англичанин выходит, ступает на снег. / И снег подтаивает, струится под ним» → «И чувство потери тревожит его. / И он поднимается, ослепший. / Наощупь выводит на снегу – англи-

чанин» [6, с. 64]. В 2000-х это усиливается субверсивной критикой языка: «Одушевленный / Предмет неуживим. // Грядет бездушная замена каруселей, / И венгр венгерский запоет внутренним голосом, / Прекрасный камень телевизор, / Прекрасный город стадион, / И венгр венгерский под страхом смерти Венгрию не покинет» [6, с. 109]; «Дорога сияет и называется мостовую / Подвижное средство катается вниз головою», «В отдельной квартире живут миллионы / Орбита как дом облегает любое подобие шара / И дом как рояль верещит и хохочет / Как будто прощения просит» [6, с. 29]. В 2010-х годах эта же тенденция диалектически оборачивается уже против самого принципа корреляционизма, по К. Мейясу, что сближает эти тексты с поисками современной объектно-ориентированной философии: «Мой хваленый критицизм / Мне мало помогает», «Как будто я школьник отважный / Бренчу на гитаре бумажной // И занавес скрывает чародея / И публика является на свет / Не в силах запомнить ни слова / Не в силах проделать дорогу домой» [6, с. 45]. События теперь могут случаться в горизонтальной плоскости, подчеркивающей сетевой и уже ингуманистический характер взаимодействий между объектами мира: «Долгая жизнь в полях / На деле беспросветна и пуста / Сама природа уменьшается в размерах / Сперва до аиста и далее до воробья» [6, с. 45]. Этот сценарий решается в равной степени как дистопически: «На перекрытиях блестит случайная слюда / В углу копошится коротенький белый зверек / У него раздвоенный язык раскосые глаза // У него огнестрельные раны / И огненный шар в голове / Карнавальная природа человека / Находит одобрение в толпе» (из стихотворения «Однажды в заброшенном метрополитене...») [6, с. 27], так и мифопоэтически: «В медном кабеле запутавшийся олень / Перепугал дошкольников до полусмерти. / Некий солдат в черном фартуке освобождает оленя. // Играется свадьба по прошествии недолгого времени, / Дети ведут для солдата царицу, / Каковая глядит как жена, / И хлеб, и луковица от простуды достаются солдату» [6, с. 113]. Одновременная ориентированность на объект (метонимическое касание феноменов) и сюрреалистическая гибридикация объектов (метонимическое проникновение) придают текстам особое напряжение, не создающее, однако, ощущения «банкротства реальности», по Б. Шульцу, с прозой которого нередко сравнивают поэтическую манеру Шваба. Предшествование знака (сна) как принцип объективной случайности срабатывает и при «наиболее неблагоприятных условиях» – ситуации войны, насилия и аварии (специально швабовский, «механистический» эквивалент катастрофы): «Под пробковым дубом храпит великан / И плачет и любит войну / Серебряные пуговицы, отложной воротник / И ноги бойцы макароны // Из-под земли высовывают тонкие головы бродячие

артисты / Угрюмые как верные друзья / Поедем на праздники в Цфат / Забыть нас товарищ нельзя» [6, с. 31]; «Под сосной как колода лежит Анастасиос / Дремлет и видит во сне железнодорожный вокзал / На платформе солдаты озираются по сторонам / Анастасиос поворачивается на другой бок / Солдаты разбегаются врассыпную» [6, с. 43].

Случаи обращения объективного юмора в сторону катастрофического, трагического приводят к феномену черного юмора, который благодаря «Антологии черного юмора» А. Бретона стал самым показательным вариантом сюрреалистического юмора в целом. Однако у Л. Шваба элементы черного юмора монтируются скорее не с сюрреалистическим дискурсивным комплексом, а с языковым методом А. Платонова. Помимо узнаваемого хрупкого баланса между гуманистической и ингуманистической оптиками («Форштадтская улица есть преднамеренный Млечный Путь, / И каждый суп накормит человека» [6, с. 99]) из платоновского арсенала тексты Шваба заимствуют буквализацию «гибельных» и «народных» метафор: «Ни один из истопников не признался, / Руки держа за спиной, / Шли не подозревая в глубь страны, / Не признаваясь и друг другу. // <...> / И вышли к морю наконец, / Стемнело наконец. // Как истопники умирают, кричали, / Погружаясь в воду, серебрясь, / Как шли в глубь страны прекрасно, / Пели прекрасно» [6, с. 67]. В этом же примере можно видеть аналог «смутного сознания», присущего платоновским героям: истопники и не подозревают, и не признаются (эффект усиливается характерной неразрешенностью переходных глаголов). Концептуальная ирония (ширь страны становится глубиной) дополняется архетипическим чевенгуровским мотивом вхождения в воду. Такой же мифопоэтический (а не метафизический, как пишет М. Степанова) комизм возникает на основе платоновской циклизации жизни и смерти: «И матери несут младенцев из окрестных сел, / И старцы приходили пожить» [6, с. 103], а также на основе прозрачных биографических образов, соединенных с устойчивыми художественными (девочка, отец): «Мелиоратором себя не ощутить, / Вертолетчиком никогда не проснуться. // К подрядчику подкрадывалась девочка-альбинос / И обнимала как родного отца, / И баюкала как родного отца» [6, с. 112].

В сюрреалистическом смысле черный юмор у Шваба проявляется в крайне редких случаях: в текстах «Часы звонят, сердясь и пугая...», «Дух безмятежный рассеивается...» возникают элементы немотивированной жестокости, а в тексте «Любовь как сон причина саботажа...» реализуются практически бретоновский черный (в смысле черного анархистского флага) юмор: «Любовь как сон причина саботажа / Из-за прорыва грунтовых вод / Заметно проседают целые кварталы / В кустах жасмина спят вповалку сторожа // Как будто можно

жить не зная правил / Черный дрозд торгует табаком / На причале устроен обеденный стол / Магросы ходят босиком» [6, с. 35].

Анализ сложной парадоксальной природы юмора в текстах Л. Шваба в перспективе должен включать более полное исследование эволюции комического в его поэзии (от интонационного и метрического комизма к абсурдному, сюрреалистическому), прояснение специфики динамического диапазона (так, например, усиление промышленных и собственно эпических тем и мотивов приводит к ослаблению или полному исчезновению комического эффекта), а также уточнение собственно читательского восприятия комического в новейшей инновативной поэзии.

Библиографический список

1. *Абрамовских Е.В.* Трансформация творческого потенциала незаконченного отрывка А.С. Пушкина «Гости съезжались на дачу...» в стихотворении Л. Шваба // Пушкинские чтения. – 2015. – № 20. – С. 30–35.
2. *Бабицкая В.* Что такое «новый эпос» [Электронный ресурс] // OpenSpace: сайт (2008). – Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/1249/> (дата обращения: 27.02.2019).
3. *Гальцова Е.Д.* Сюрреализм и театр. К вопросу о театральной эстетике французского сюрреализма. – М.: РГГУ, 2012. – 542 с.
4. *Сваровский Ф.* Несколько слов о «новом эпосе» // РЕЦ: литературный журнал. – 2007. – № 44. – С. 3–6.
5. Хроника поэтического книгоиздания [Электронный ресурс] // Воздух. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/hronika/> (дата обращения: 20.02.2019).
6. *Шваб Л.* Ваш Николай: Стихотворения. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 120 с.
7. *Шваб Л.* Поверить в ботанику. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 80 с.
8. *Шубинский В.* Засловье [Электронный ресурс] // OpenSpace: сайт (2011). – Ре-

жим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/22913/?attempt=1/> (дата обращения: 15.02.2019).

9. Энциклопедический словарь сюрреализма / сост. Т.В. Балашова, Е.Д. Гальцова. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 584 с.

10. *Breton A.* Œuvres complètes. – P.: Gallimard, 1999. – Т. 3. – 1492 p.

References

1. Abramovskikh E.V. Transformaciya tvorcheskogo potenciala nezakonchennogo otryvka A.S. Pushkina «Gosti s"ezzhalis' na dachu...» v stihotvorenii L. SHvaba // Pushkinskie chteniya. – 2015. – № 20. – S. 30–35.
2. Babickaya V. CHto takoe «novyj epos» [Elektronnyj resurs] // OpenSpace: sajt (2008). – Rezhim dostupa: <http://os.colta.ru/literature/events/details/1249/> (data obrashcheniya: 27.02.2019).
3. Gal'cova E.D. Syurrealizm i teatr. K voprosu o teatral'noj estetike francuzskogo syurrealizma. – M.: RGGU, 2012. – 542 s.
4. Svarovskij F. Neskol'ko slov o «novom epose» // REC: literaturnyj zhurnal. – 2007. – № 44. – S. 3–6.
5. Hronika poeticheskogo knigoizdaniya [Elektronnyj resurs] // Воздух. – 2016. – № 1. – Rezhim dostupa: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/hronika/> (data obrashcheniya: 20.02.2019).
6. SHvab L. Vash Nikolaj: Stihotvoreniya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 120 s.
7. SHvab L. Poverit' v botaniku. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. – 80 s.
8. SHubinskij V. Zasl'ov'e [Elektronnyj resurs] // OpenSpace: sajt (2011). – Rezhim dostupa: <http://os.colta.ru/literature/events/details/22913/?attempt=1/> (data obrashcheniya: 15.02.2019).
9. Enciklopedicheskij slovar' syurrealizma / sost. T.V. Balashova, E.D. Gal'cova. – M.: IMLI RAN, 2007. – 584 s.
10. Breton A. Œuvres complètes. – P.: Gallimard, 1999. – Т. 3. – 1492 p.

Шарифуллина Светлана Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент
Череповецкий государственный университет
Litera-Tur@yandex.ru**О ТУРКЕСТАНСКОЙ ВЫСТАВКЕ В.В. ВЕРЕЩАГИНА
(на материале статьи в журнале «Семейные вечера»)**

В статье речь идёт о рецензии первой персональной выставки картин художника-баталиста В.В. Верещагина, посвящённой Туркестану и состоявшейся в 1874 г. в Санкт-Петербурге. Известный беллетрист и журналист В.В. Крестовский, современник В.В. Верещагина, предложил своё понимание быта азиатского народа и недостаточно известного русскому зрителю края, воспроизведённого талантливым художником, начинающим триумфальное шествие по миру. Рецензия Крестовского наполнена как восторгом от мастерства творчества художника, так и критическими замечаниями по поводу целесообразности детализации представления экзотического мира. Принимая во внимание всю значимость выставки новых полотен Верещагина для развития художественного вкуса подрастающего поколения, Крестовский, тем не менее, не преминул отметить сомнительный характер детализации творчества баталиста, часто вызывающей недоумения и возможные ложные выводы у зрителя.

Ключевые слова: В.В. Верещагин, В.В. Крестовский, выставка, картины, журнал, рецензия, баталист, история журналистики, критика.

Имя Василия Васильевича Верещагина (1842–1904) впервые громко прозвучало в 1868 г. после получения им высочайшей государственной награды – Георгиевского креста – «За храбрость и мужество во время обороны Самаркандской крепости». Примерно в это же время художник работал над Туркестанской серией картин, «принёсшей Верещагину всероссийский успех и мировое признание» [3, с. 11], а со временем явившейся его «визитной карточкой». В 1870 г. состоялась знаменитая выставка картин Верещагина в Петербурге, в доме Министерства Государственных Имуществ. Интересно, что картины и этюды баталиста занимали «особую залу» [5, с. 12], в других же были выставлены минералогические, зоологические, этнографические коллекции – этот факт подчёркивал несомненную «научную сторону» таланта живописца. Таким образом, к моменту проведения Полной Персональной выставки художника в Санкт-Петербурге в 1874 г., на страницах русских периодических изданий активно обсуждали исключительность таланта Верещагина, которая проявилась в способности передавать быт и нравы народов России с особой тщательностью, иллюстративностью, при этом не лишая их научной достоверности – таким образом, можно говорить об особом, со временем установившемся интересе художественных работ баталиста – «этнографическом, политическом, общественном» [6, с. 18]. «Путешествие признаю великою школою», – писал художник в автобиографии [2, с. 230], замечая, что «одинокое странствование» есть «не охота к перемене мест», не «жажда острых впечатлений», и даже «не страсть к экзотике», а вполне оформившееся в его сознании требование к художнику – изучать материал непосредственно на месте, «не доверяясь свидетельствам третьих лиц» [3, с. 10].

В журнальной периодике отклик на состоявшуюся в Петербурге выставку можно обнаружить

и в «Русском Вестнике», и в «Современной Летописи», и в особенно заинтересовавшем нас журнале «Семейные вечера» (№5 за 1874).

В «Семейных вечерах» была размещена статья известного писателя-беллетриста второй половины XIX века В.В. Крестовского (1840–1895), посвящённая Туркестанской выставке картин В.В. Верещагина.

Интерес к «Семейным вечерам» определён, с исследовательской точки зрения, характером периодического издания: это детский журнал с картинками. В связи с этим мы задались вопросом о том, каким образом статья выдающегося писателя-беллетриста, посвящённая обзору совсем не детской серии картин, оказалась в детском иллюстрированном журнале.

Известно, что конец 1850-х – начало 1860-х гг. – эпоха расцвета журналистики, детской журналистики, в частности. В 1860-е гг. ежегодно возникали один-два детских журнала.

Подобные издания сыграли большую роль в развитии детской литературы этого периода: вплоть до конца века они были средоточием литературной жизни, пропагандировали то или иное направление, новые имена, новые произведения. Журнальные публикации формировали круг чтения ребёнка, развивали интерес к культуре, потребность в познании.

С развитием журналистики тесно связана и литература познавательной направленности; однако основной поток информации шёл в журнальной периодике.

В «детской» журналистике, как и во «взрослой», сталкивались два взгляда: целесообразность публикации на страницах периодических изданий произведений «на злобу дня» или, напротив, «сугубо эстетической направленности». Так, сторонники «эстетического направления» в детской журналистике были против привнесения в литературу для

детей «несовершенств в жизни», видели роль чтения в детском возрасте в развитии эстетического вкуса, нравственного чувства, ума. Именно такую позицию занимал ежемесячный журнал М.Ф. Ростовской «Семейные вечера» (1864–1892), издававшийся в Санкт-Петербурге, и рекомендованный для библиотек средних учебных заведений.

В двух своих отделах – для младших и старших читателей он публиковал сказки, игры, рассказы, повести отечественных и зарубежных авторов, очерки о жизни замечательных людей, статьи по искусству, истории, естествознанию. Издатель журнала, известная писательница, сама активно выступала как автор стихов и повестей, публикуемых в издании. М.Ф. Ростовская не разделяла взглядов радикально настроенной интеллигенции и видела свою задачу в том, чтобы уберечь своих читателей от «новых людей», от нигилистов – это выражалось в отборе тематики исторических и современных материалов. В целом же журнал был разнообразен, давал много ценных познавательных материалов и потому смог просуществовать более двух десятилетий. Готовые подшивки «Семейных вечеров» расходились много лет спустя после выхода в свет чрезвычайно активно.

Журнал был удостоен высокого покровительства государыни императрицы Марии Александровны. «Семейные вечера» из номера в номер радовали своих читателей рассказами, сказками, поучительными историями, биографиями знаменитых людей. В журнале печатались Владимир Даль, Евгения Тур, Николай Львов, Виктор Авенариус, Всеволод Крестовский.

Статьи по искусству были посвящены различным направлениям, тенденциям и явлениям в культурной жизни России и зарубежья. Потому логичным видится обращение одного из ярчайших представителей эпохи 1860–1880-х годов Всеволода Крестовского к искусству современному, живо-трепещущему – выставке картин художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина.

Всеволод Владимирович Крестовский известен широкой аудитории как автор романа «Петербургские трущобы», изданного в 1865 г. и с огромным успехом принятого в обществе, а также антинигилистической дилогии «Кровавый пух» (1875), состоящей из двух романов – «Панургово стадо» и «Две силы», в которых писатель иллюстрирует «картину пореформенной русской жизни, с ее довольно резкими полюсами, показывает «крайнюю степень нравственного падения людей, торжество ненависти» и открывает читателю «глобальный мировоззренческий конфликт, который существует уже тысячелетия» [1, с. 234]. Писатель-беллетрист выступал как участник целого ряда военных кампаний, официальный летописец и историк Ямбургского уланского полка, наконец, как военный журналист (в 1877 г., в эпоху русско-турецкой войны,

Крестовский был послан официальным корреспондентом на территорию театра военных действий).

Таким образом, можно говорить о созвучных поисках двух художников, абсолютно погружённых в «военную атмосферу» писателя и журналиста Всеволода Крестовского и художника-баталиста Василия Верещагина.

Как уже было отмечено ранее, особое место в творчестве Крестовского занимают произведения в жанре военной публицистики. А многие дневники и записки писателя и журналиста раскрывают его талант непревзойдённого рассказчика, этнографа и бытописателя. Статья В.В. Крестовского в «Семейных вечерах», называемая «Выставка картин г. Верещагина (Туркестан)», представляет собой «популярный» искусствоведческий разбор картин, входящих в названную серию.

По мнению автора статьи, помимо удовольствия, которое вынесет зритель с выставки, он ещё и «обогатит, и, так сказать, иллюминует, этнографические сведения о наших отдалённых окраинах, которые в последнее время вообще вызывают неподдельный интерес в образованном обществе» [4, с. 12]. Знаменательное начало статьи, приведённое в цитате, убеждает нас в значимости просвещенческой функции журналистики и указывает на роль проводника в мире баталистической живописи, которую с успехом реализует Крестовский как журналист.

Представляя детальный разбор картин, Крестовский отмечает, что перед зрителем – «целая эпопея степной войны», талантливо воссозданная, охватывающая «по возможности всю жизнь и всю природу Туркестана, со всеми их типическими особенностями»: «эпопея тех тяжких трудов, лишений и доблестных подвигов, живые описания которых так редко приходится встречать в печати, ибо официальные донесения, несмотря на весь свой интерес, не передают нам тех красок, которые только и можно бы встретить в талантливом рассказе или на картине» [4, с. 12]. Крестовский отмечает и «большой драматизм», которым исполнен любой «момент боевой жизни», и тяжёлое впечатление, получаемое от созерцания «ужасной среднеазиатской действительности, нравов и древнего обычая». Таким образом, «художественная сторона выставки» практически безупречна: перед зрителем «достаточно всем известная кисть и манера» г. Верещагина.

Примечательно, что автор статьи не ставит перед собой цель безудержно восхвалять живописца. При том что Крестовский «достаточно впечатлён» увиденным, он пишет и о недостатках, не касающихся художественной значимости. Так, например, в рецензии отмечается, что картины представляют собой «громоздкие полотна», при этом сюжет вполне мог быть отражён и на «полотнах самых скромных размеров». Этим картины, по мнению критика, не удовлетворяют требованиям искусства.

Дальше – резче. «Громадные размеры полотна» абсолютно не оправданы, по мнению Крестовского: никакой драмы, никакого особенного движения не заявлено художником, фигуры среднеазиатских обывателей не выписаны, а представляют лишь «этнографический интерес». Единственное оправдание заявленных масштабов Крестовский видит в тщательнейшем выписывании «замечательно резной работы дверей», но и те «уместились бы на полотне значительно меньших размеров» [4, с. 12].

Крестовский «полемизирует» с Верещагиным и по поводу точности изображения Самаркандского зиндана. Объясняя нам, что «зиндан – это подземная тюрьма, в которую спускали по верёвке через небольшое отверстие сверху, и которая ныне засыпана и сравнена с землёю по велению русских властей» [4, с. 13], Крестовский не допускает возможности изображать её в качестве «общей тьмы», которая «не позволяет вам различить ни выражения лиц этих людей, ни каких-либо аксессуаров этой тюрьмы» [4, с. 14], хотя не может не заметить, что «впечатление на вас сделано». В качестве серьёзной недоработки писатель отмечает «не совсем удачно сделанные подписи к картинам» [4, с. 14], вследствие чего не «объясняется мысль художника» – картины заявлены Верещагиным лишь под своими порядковыми номерами.

И всё же Крестовский благодарен Верещагину за «живость и необыкновенную наглядность» представленной выставки, «за счастливую мысль представить общественному вниманию во всей совокупности результаты его многолетних художественных работ в малоизвестной и столь интересующей нас стране» – и в этом, по заверению писателя, «большая заслуга и перед наукою, и перед обществом» [4, с. 14].

Таким образом, Крестовский, как нам видится, представляет на страницах «Семейных вечеров» детальный разбор творчества выдающегося художника-баталиста, реализует желание участвовать в общем движении воспитания вкуса подрастающего поколения, обращая внимание взыскательного читателя, а, наверняка, и зрителя, на творчество «даровитого художника», «вызывающего сочувствие неутомимо-трудящегося баталиста». Значение картин В.В. Верещагина, входящих в так называемую «Туркестанскую серию», переоценить невозможно: они, по заверению журналиста, «в высшей степени удачно передают оригинальные, типические стороны среднеазиатских нравов и быта», а сама выставка «необыкновенно живо и наглядно знакомит вас с природой, бытом и типами Средней Азии» – в этом, – ни много, ни мало – «заслуга и перед наукою, и перед обществом».

С 70-х годов XIX века В.В. Верещагин становится, как бы сегодня сказали, медийной личностью – об этом можно судить по частотности обращения к его персоне, к его творчеству в периодических изданиях, как основных и ведущих средствах распространения информации. Примечательно, что на страницах газет и журналов, по словам критика и публициста В.В. Стасова, «недовольных Верещагиным было гораздо меньше, чем тех, кто симпатизировал живописцу» [5, с. 23]. Наглядным примером служит анализируемая статья В.В. Крестовского, которая носит, несомненно, положительную коннотацию, касающуюся выставки известного баталиста в Петербурге и его творчества в целом.

Библиографический список

1. *Андреева В.Г.* О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. – Кострома: КГУ, 2016. – 492 с.
2. *Верещагин В.В.* Автобиография // Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова / под ред. А.К. Лебедева. – М.: Искусство, 1950. – 423 с.
3. *Верещагин В.В.* Наполеон I в России / вступит. ст. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. – Тверь: Союззвездие, 1993. – 286 с.
4. *Крестовский В.В.* Выставка картин г. Верещагина (Туркестан) // Семейные вечера. – 1874. – №5.
5. *Стасов В.В.* Василий Васильевич Верещагин // Вестник изящных искусств. – 1883. – Т. 1. – Вып. 1–2.
6. Письмо из Петербурга [О выставке работ В.В. Верещагина] // Русский Вестник. – 1880. – Т. 146. – Кн. 3.

References

1. *Andreeva V.G.* O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka. – Kostroma: KGU, 2016. – 492 s.
2. *Vereshchagin V.V.* Avtobiografiya // Perepiska V.V. Vereshchagina i V.V. Stasova / pod red. A.K. Lebedeva. – M.: Iskusstvo, 1950. – 423 s.
3. *Vereshchagin V.V.* Napoleon I v Rossii / vstupid. st. V.A. Kosheleva i A.V. Chernova. – Tver': Sozvezdie, 1993. – 286 s.
4. *Krestovskij V.V.* Vystavka kartin g. Vereshchagina (Turkestan) // Semejnye vechera. – 1874. – №5.
5. *Stasov V.V.* Vasilij Vasil'evich Vereshchagin // Vestnik izyashchnyh iskusstv. – 1883. – T. 1. – Vyp. 1–2.
6. Pis'mo iz Peterburga [O vystavke rabot V.V. Vereshchagina] // Russkij Vestnik. – 1880. – T. 146. – Kn. 3.

ПОНЯТИЯ «АНГЛИЙСКОСТИ» И «РУССКОСТИ» В ФИЛЬМЕ Т. СТОППАРДА «АННА КАРЕНИНА»

В статье рассматривается фильм «Анна Каренина» Т. Стоппарда, по мнению режиссера, отрывающийся от текста одноименного романа Л.Н. Толстого и претендующий на отдельное произведение. Однако автор статьи анализирует фильм не столько как уникальное произведение, сколько как работу, созданную на основе принципов постмодернизма. Оценивая фильм Т. Стоппарда, автор учитывает концепцию мира как текста, выдвинутую Стоппардом в пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Автор статьи подчеркивает, что в центре фильма «Анна Каренина» находятся два понятия: «русскость» и «английскость», которые оказываются связаны с образом сельской местности. Стоппард, несколько раз подчеркивавший независимость своего фильма от романа Л.Н. Толстого, на самом деле, проводит именно толстовские противопоставления: как и у Толстого, у Стоппарда в центре произведения оказывается оппозиция город-деревня, но английский драматург решает проблему этой антитезы несколько иначе, сводя ее к мечте о подлинной настоящей жизни и задаче зрителя, разгадывающего эту игру в «симулятивное» / «подлинное».

Ключевые слова: постмодернизм, английскость, русскость, мир-театр, симулякр, национальная идентичность.

Фильм «Анна Каренина» Т. Стоппарда можно рассматривать как отдельное произведение, где в центре оказывается национальная идея, выраженная через понятие «английскости». Сам режиссер фильма несколько раз говорил о его автономности, однако содержание фильма и в глобальном, и даже в частностях основано именно на тексте художественного произведения Л.Н. Толстого. Подтверждением тому оказывается антитеза города и деревни и два понятия «русскости» и «английскости», которым уделено немалое внимание как в романе, так и в фильме.

Том Стоппард является родоначальником английской постмодернистской драмы [7]. Поэтому фильм «Анна Каренина» можно рассматривать и с опорой на основные принципы Стоппарда, обнародованные им еще в пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» («Rosencrantz and Guildenstern Are Dead», 1965). В связи с этим можно говорить о том, что «Анна Каренина» – это постмодернистский фильм, где в центре оказывается два очень важных понятия для России и Англии – «английскость» и «русскость».

В основе фильма «Анна Каренина» лежит основной постмодернистский принцип – концепция мира как текста. В данном случае в роли «текста» выступает понятие театра, поскольку режиссер и сценарист основным местом действия в фильме сделали императорский театр XIX века. По словам Т. Стоппарда, идея театра принадлежала Райту. В интервью, данном журналу «Обозреватель», Стоппард рассказал о предложении Райта перенести московские и питерские сцены в театр XIX века. Поначалу, как пишет английский драматург и сценарист, эта идея повергла его в шок [10], но затем он осознал, насколько удачной была эта мысль, поскольку она позволила отразить замысел русского классика, очень много рассуждавшего об

искусственности и притворстве высшего света. Кроме того, как указывает В.Г. Андреева, для романа Толстого очень важным оказывается символ круга, который «участвует в формировании пути главных героев» [2, с. 89]. В фильме мир, представленный как театр – замкнутое круглое пространство, – в полной мере подтверждает этот тезис.

Однако, воплощая на экране русскую классику, Дж. Райт и Т. Стоппард, используя образ театра, неосознанно опираются и на понятие «englishness» («английскость»). Постмодернистский принцип в фильме как раз и реализуется через сценическое воплощение знаменитой шекспировской фразы «весь мир – театр, люди – актеры». Этот тезис становится основополагающим для всего фильма, и происходящее на сцене подтверждает это.

Театр становится символом нереальности, иначе говоря, симулякром. Понятие «симулякр», восходящее к Платону, было сформулировано французскими постструктуралистами. По их мнению, симулякр возникает в процессе различения и совершенно эмансипируется от референта. Так, Ж. Делез, развивая эту мысль, указывал, что симулякр – это знак, который отрицает и подлинник, и копию. Это изображение, лишенное сходства, «образ, лишенный подобия» [3, с. 49]. В качестве иллюстрации он приводит пример создания человека по образу и подобию Божию, и утраты этого подобия Божия, но сохранения образа в результате грехопадения. Ж. Делез считает, что сегодняшний мир определяется властью симулякра.

В фильме театральность жизни передается с помощью смены декораций, постоянно трансформирующихся на сцене. Например, присутственные места, где работает Стива, изменяются в шумную улицу, по которой идет Левин, а затем в гостиницу, где он обедает вместе со Стивой и сразу же вслед за этим в дом Щербацких, где Левин делает пред-

ложение Китти. Декорации меняются прямо на глазах зрителей, более того, сам процесс их смены не завуалирован: показаны даже рабочие, которые их устанавливают: переносят столы, стулья и т.д. Скорее всего, Стоппард хотел показать, что мир, который описывает Толстой, слишком изменчив, что герои в этом мире множество раз в день могут менять маски. И разобрать, где истина, где ложь в этом мире-театре невозможно, поэтому получается, что «<...> истина это лишь то, что кажется истинным» [9].

Меняющая лики реальность создается не только с помощью декораций, но и с помощью актеров. В фильме «Анна Каренина» возникает ощущение, что актеры в театре как будто играют актеров, которые в свою очередь изображают основных персонажей. Они все носят маски, каждый старается сыграть как можно лучше свою роль в обществе. По нашему мнению, тут Стоппард также во многом идет за Толстым, в частности реализуя многочисленные примеры мотива игры, присутствующего в романе и в фильме. Так, например, Вронский, представленный в фильме в образе легкомысленного повесы, изображен в белом мундире с пышными белокурыми вьющимися волосами. Весь его облик напоминает бога любви Амура. Характерно, что не одного Вронского изображает таким образом Стоппард. В фильме довольно много молодых людей, похожих на Вронского: режиссер создает тип. По сути дела, эта типичность символизирует мысль Толстого о ролях, которую люди играют в театре и в обществе: перед нами наглядно представлена роль золотой молодежи. Недаром князь Щербачкий в романе Толстого называет Вронского «франтик петербургский», указывая, что таких на «машине делают».

Кажется, что в фильме симулятивному театру противостоит настоящая, подлинная жизнь, возможная лишь за пределами театра – в сельской местности. И тут Стоппард следует за Толстым, реализуя противопоставление города и деревни, находящее свои истоки еще в античности. Вспомним, что в «Буколиках» Вергилия говорится о противопоставлении райской страны Аркадии негармоничному городу. В фильме присутствует некое пасторальное пространство, связанное с основными человеческими ценностями, которые проявляются только в сельской местности. В романе Толстого противопоставление города и деревни связано с антитезой линий Анны и Левина, с различающимися образами жизни, в центре которых находится, соответственно, работа, труд и игра, удовольствие. Интересно, что Стоппард в своем интервью признавался, что хотел вообще выбросить фигуру Левина из фильма. Тем не менее, он осознал, что без Левина фильм выглядел бы однобоко, плоско, что было бы утрачено целое измерение книги («I think that the film would lack a dimension, which the book

has in spades, if you left Levin out») [4]. Стоппард осознал, что именно этот герой воплощает идеал Толстого, живет и руководствуется истинными и подлинными законами. Понятие «русскости», которое в фильме связано с образом Левина и противопоставлено иностранному, чужому, в фильме связано с понятием «английскости», так как, по мысли П. Парриндера, английская сельская местность является сердцевинной национальной идентичности [8, с. 397].

В романе указанная оппозиция наиболее заметна, когда Левин, расстроенный из-за отказа Китти выйти за него замуж, возвращается из Москвы в деревню и, не успев сойти с поезда, видит своего кучера, чувствует, что «понемногу путаница разъясняется», «стыд и недовольство собой проходят» [5, с. 123]. А когда он надевает тулуп, то чувствует «себя собой» и «не хочет другим быть» [5, с. 123]. Стоппард также акцентирует внимание на тулупе героя в своем фильме. Только в нем Левин чувствует себя уверенно, а как только он его снимает, вся уверенность исчезает. Например, приехав в Москву и встретив Стиву, Левин, одетый в тулуп, очень решительно заявляет о цели своего визита – женитьбе на Китти. Однако стоит герою переодеться во фрак, его решимость сходит на нет, он начинает сомневаться, не может подобрать слова. Левин не просто смущается сделать предложение, думается, что именно в тулупе (как части его деревенской жизни), когда он чувствует себя настоящим, самим собой, он четко понимает, что они с Китти созданы друг для друга. Скорее всего, не осознавая тут всей глубины мотива снятия покровов, реализованного в романе Толстого, Стоппард следует тут за писателем, используя его символы и привнося в фильм особую глубину [1].

В деревне Левин осознает, что только тут и возможно истинное счастье, что именно здесь и возможна настоящая жизнь без масок, декораций и условностей.

В романе «Анна Каренина» Толстой обращает большое внимание на барский дом Левина, описывает отношение своего героя к этому дому, который дорог ему не просто как место обитания, но как фамильная усадьба, как семейное гнездо, где были счастливы его родители. В фильме Т. Стоппарда не так уж много сцен с участием Константина Левина, но режиссер все-таки делает акцент на барском доме. Дом для Левина был синонимом «целого мира» [5, с. 126], и Стоппард сохраняет это смысл. Толстой отмечал, что Левин был влюблен не столько в Китти, сколько в среду «старого дворянства», «образованного и честного семейства» [5, с. 30]. В данном случае проявляются отголоски моррисовской концепции, в которой человек уподобляется архитектурному сооружению. Этот образ дома, связанный со своими владельцами, оказывается важен не только для России, но и для Англии. По-

нятие «дом» («home») является одним из основных концептов английскости. М.В. Цветкова указывает, что по своему значению этот концепт близок русскому понятию «Родина». Получается, что для англичан и для русских дом является не просто уютно обустроенным пространством, но своим миром, крепостью, куда не могут проникнуть никакие внешние проблемы [6, с. 167]. Вот и женитьба для Левина оказывается не просто одним из житейских дел, а главным делом жизни, от которого зависит все его счастье [5, с. 126]. Ведь он ищет не просто жену, а будущую хозяйку своего дома.

Жизнь Левина в сельской местности приравнивается к аркадной, иными словами, подлинной, настоящей жизни. И, кажется, что в фильме именно эта настоящая жизнь противостоит симулятивному театру, как ненастоящим городским ценностям противостоят подлинные, настоящие чувства, возможные только на природе, в сельской местности. Не случайно в романе (и Стоппард сохраняет эту особенность) свидания Анны с Вронским тоже происходит на лоне природы.

Изображая встречи героев на природе, Стоппард, видимо, хотел указать на подлинность чувств Анны, на настоящую жизнь, которая стала возможна для героини, до этого просто игравшей роль в симулятивном театре. Параллель с романом Л.Н. Толстого тут просматривается достаточно хорошо, ведь Толстой объясняет в какой-то мере, почему жизнь Анны так преобразилась. При описании Анны Толстой делал упор на сдержанную оживленность во взгляде, «как будто избыток чего-то так переполнял ее существо» [5, с. 82]. Героиня пробует потушить этот свет в своих глазах, но он светится против ее воли. Толстой также подчеркивает, что после встречи с Вронским Анна меняется: свет, который заметил Вронский в ее глазах, раскрывается в полной мере. Анна начинает чувствовать, что она жила и живет в состоянии притворства. Она недовольна мужем, Лидией Ивановной, даже Сережу она вообразила иным – лучше, чем он есть. Важно, что начиная с этого момента, она хочет именно жить. Не случайно Толстой указывает, что Анна, возвращаясь из Москвы в Петербург, не могла читать, так как ей неприятно было следить за «отражением жизни других людей». Ей, как отмечает писатель, «слишком самой хотелось жить» [5, с. 138]. Стоппард мастерски делает акцент на этом моменте, показывая Анну, пытающуюся читать в поезде. В фильме ее состояние передается через наложение строчек текста книги на сцены их танца с Вронским. Она никак не может дочитать книгу, так как в голове постоянно вертятся сцены бала, и в результате Анна просто захлопывает книгу. Здесь Стоппард вслед за Толстым вводит оппозицию нереальной, т.е. книжной жизни (которую можно сопоставить с ее собственной) с настоящими чувствами, которые охватили героиню во время бала.

По мысли Толстого, путь человека не может быть кругом, если это происходит, то стирается духовное и остается лишь физиология [1, с. 54]. Трагедия Анны, с точки зрения Толстого, в том, что ее жизнь – это и есть круг, из которого она хочет, но не может выбраться. Стоппард также вводит это понятие круга в своем фильме. Так, например, на приеме у графини Трубецкой, Анна смотрит на фейерверк в виде круга, который потом поднимается вверх, ради этого раздвигается даже купол в театре, как бы выпуская фейерверк наружу. Анна настолько поглощена этим зрелищем, что кажется, как будто она сама готова полететь вслед за фейерверком, хочет вырваться из этого театра. Однако слова Вронского возвращают ее в театр, и она сразу же приходит в себя, начиная играть роль светской дамы. Думается, что здесь прослеживается мысль Толстого о невозможности выбраться из этого замкнутого пространства. Характерно, но путь Левина в романе представлен, как отмечает В.Г. Андреева, не как замкнутый круг, а как круг, соединенный с идеей движения, развития, как спираль, как «непрерывное восхождение к Богу» [1, с. 54]. Стоппард в фильме, как нам кажется, также уловил эту мысль, он показывает, что Левин – это единственный человек, который может бывать везде: на сцене, за кулисами, он поднимается на леса, он выходит из театра. Его жизнь находится в разных плоскостях и даже за пределами театра, жизнь же Анны вращается по кругу, разворачивается в одной плоскости.

Стоппард, продолжая мысль русского классика о невозможности выхода из этой ситуации, еще больше усугубляет проитворения, показывая, что бежать Анне некуда. В фильме он изображает деконструкцию аркадного мифа, так как он оказывается всего лишь очередной декорацией симулятивного театра. И трагедия Анны заключается в том, что она не смогла понять этого.

Т. Стоппард указывает, что жизнь и есть игра, где каждый человек – это актер, вынужденный играть свою роль, скрывая при этом истинную сущность. Маска стала смыслом существования, без нее уже нельзя выжить, а раскрыть душу равносильно самоубийству. Только Анна, поддавшись подлинному, нетеатральному чувству, выпадает из этой игры, лишается публики и перестает, таким образом, быть актрисой. Поэтому, по Стоппарду, единственным выходом для нее является смерть.

Этот отказ от своей роли проявляется в облике Анны, в ее одежде. В самых первых сценах фильма Анна изображается в красивых и до мелочей продуманных платьях, ее наряд чопорен и выверен, ее вид четко вписывается в структуру театральной жизни. Однако после встречи с Вронским в ее нарядах появляется какой-то беспорядок. Так, на балу Анна появляется в фильме (как и в романе Толстого) в черном платье: («Анна была не

в лиловом, как того непременно хотела Кити, но в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью») [5, с. 105]. В фильме Стоппард и Райт следуют логике Толстого, оставляют цвет и фасон платья Анны, однако оно оказывается немного полуспущенным, возникает ощущение какой-то недоделанности, непродуманности ее наряда. И дальше в фильме в нарядах героини всегда присутствует какое-то еле уловимое несовершенство. В театре ее платье оказывается в какой-то момент спущенным на одно плечо. Анна, уже встретившись с Вронским и почувствовав первые изменения в себе, сразу же выпадает из норм театра, который живет по определенным правилам и законам. Героиня не желает соблюдать этот свод правил, что сразу же отражается в ее облике.

Характерно, что в романе Толстого в самом начале появляется мысль о смерти главной героини. В разговоре с Китти в доме у Облонских Анна пророчески говорит о своей жизни: «Из этого огромного круга, счастливого, веселого, делается путь всё уже и уже, и весело и жутко входить в эту анфиладу» [5, с. 98]. В фильме этот мотив смерти возникает в сцене бала. Вронский и Анна танцуют, а люди на балу исчезают, они остаются одни и танцуют свой собственный танец. Конечно, с одной стороны, здесь представлен кинематографический прием – иллюстрируется увлеченность Анны и Вронского: они настолько поглощены друг другом, что других просто не замечают. В этом также можно проследить логику романа Толстого, так как классик пишет, что «они (Анна и Вронский) чувствовали себя наедине в этой полной зале» [5, с. 110]. Однако здесь возникает и мотив отчужденности, который так важен для пьесы Стоппарда, – герои перестают ориентироваться во времени и пространстве, ничего и никого не замечают и не хотят замечать, и проживают свой особый танец. Недалом Анна после этого танца сразу же в зеркале видит поезд, который мчится на нее. Получается, что Анна, будучи актрисой, не успев снять маску, подавшись настоящим, подлинным чувствам, сразу же сталкивается с мотивом смерти. Поезд в зеркале символизирует, чем закончится для Анны такой уход из театра. Она останется одна и, по мысли Т. Стоппарда, ее ждет только один удел – смерть.

Заканчивается фильм изображением поляны (некого пасторального хронотопа), на которой Каренин вместе со своим сыном Сережей и дочкой Анны сидит и читает. Важно, что цветы с этой поляны начинают прорастать и в театре. Это своеобразная мечта о подлинной настоящей жизни, взамен условной и симулятивной театральной жизни.

Таким образом, Т. Стоппард, претендовавший на отдельное художественное произведение, фактически не соотносимое с романом Толстого, на

самом деле, следует за романом русского писателя, раскрывая для зрителя важнейшие мотивы и символы романа и воплощая на экране свои драматические принципы. В центре фильма «Анна Каренина» находятся два понятия: «русскость» и «английскость», которые связаны с образом сельской местности. Если у Толстого эти понятия разводятся, то у Стоппарда – максимально сближаются: в фильме не только русская, но и английская естественная жизнь (любая естественная жизнь) видится на лоне природы. Вместе с тем, антитеза города и деревни, реализованная в фильме Стоппарда, приобретает несколько иное звучание. По Стоппарду, Аркадия оказывается нежизнеспособной в современных условиях человеческого существования, в рамках нынешней цивилизации, она показана как мечта о подлинной и настоящей жизни. Задача зрителя, таким образом, заключается в том, чтобы разгадать эту игру в «симулятивное» и «подлинное».

Библиографический список

1. Андреева В.Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Толстого «Анна Каренина». – Кострома: Авантитул, 2012. – 296 с.
2. Андреева В.Г. Символика в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2010. – Т. 16. – № 4. – С. 88–92.
3. Делез Ж. Платон и симулякр / пер. с фр. С. Козлова. – М.: Новое лит. обозрение, 1993. – Вып. 5. – С. 45–51.
4. Стоппард: интервью [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2013. – 21–25 февраля. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/02/25/53657-tom-stoppard-spetsialnodlya-171-novoy-187-menya-vlekla-ideya-sozdaniya-stremitel'nogo-seksual'nogo-filma> (дата обращения: 28.04.2018).
5. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1949. – Т. 1. – 545 с.
6. Цветкова М.В. Концепт «englishness»: основные константы // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. – Воронеж, 2000. – Т. 2. – С. 87–93.
7. Шамина В.Б. Пьесы Тома Стоппарда как отражение характерных черт постмодернизма в драматургии [Электронный ресурс] // Учебные записки казанского государственного университета. – Казань, 2009. – Т. 151, кн. 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/piesy-toma-stopparda-kak-otrazhenie-harakternyh-chert-postmodernizma-v-dramaturgii> (дата обращения: 28.04.2018).
8. Parrinder P. Nation and novel. The English Novel from its Origins to the Present Day. – L.: Oxford University Press, 2006. – 397 p.
9. Stoppard T. Rosencrantz and Guildenstern Are Dead [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://lib.ru/PXESY/STOPPARD/r_g_engl.txt (дата обращения: 28.04.2018).

10. The Observer. Anna Karenina [Электронный ресурс] // Review. – 2012 (Sunday 9, September). – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/film/2012/sep/09/anna-karenina-review-philip-french> (дата обращения: 28.04.2018).

References

1. Andreeva V.G. «Beskonechnyj labirint scepelenij» v romane Tolstogo «Anna Karenina». – Kostroma: Avantitul, 2012. – 296 s.

2. Andreeva V.G. Simvolika v romane L.N. Tolstogo «Anna Karenina» // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2010. – Т. 16. – № 4. – С. 88–92.

3. Delez ZH. Platon i simulyakr / per. s fr. S. Kozlova. – М.: Novoe lit. obozrenie, 1993. – Вып. 5. – С. 45–51.

4. Stoppard: interv'yu [Elektronnyj resurs] // Novaya gazeta. – 2013. – 21–25 fevralya. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/02/25/53657-tom-stoppard-spetsialno-dlya-171-novoy-187-menya-vlekla-ideya-sozdaniya-stremitelnogo-seksualnogo-filma> (дата обращения: 28.04.2018).

5. Tolstoj L.N. Anna Karenina. – М.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1949. – Т. 1. – 545 s.

6. Cvetkova M.V. Konzept «englishness»: osnovnye konstanty // Problemy nacional'noj identichnosti v kul'ture i obrazovanii Rossii i Zapada. – Voronezh, 2000. – Т. 2. – С. 87–93.

7. SHamina V.B. P'esy Toma Stopparda kak otrazhenie harakternyh chert postmodernizma v dramaturgii [Elektronnyj resurs] // Uchebnye zapiski kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. – Kazan', 2009. – Т. 151, kn. 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/piesy-toma-stopparda-kak-otrazhenie-harakternyh-chert-postmodernizma-v-dramaturgii> (дата обращения: 28.04.2018).

8. Parrinder P. Nation and novel. The English Novel from its Origins to the Present Day. – L.: Oxford University Press, 2006. – 397 p.

9. Stoppard T. Rosencrantz and Guildenstern Are Dead [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: http://lib.ru/PXESY/STOPPARD/r_g_engl.txt (дата обращения: 28.04.2018).

10. The Observer. Anna Karenina [Elektronnyj resurs] // Review. – 2012 (Sunday 9, September). – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/film/2012/sep/09/anna-karenina-review-philip-french> (дата обращения: 28.04.2018).

Иващенко Елена Геннадьевнакандидат филологических наук, доцент
Амурский государственный университет, г. Благовещенск
eivaschenko@mail.ru**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАЙОННЫХ СМИ
АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ 1930-Х ГГ.**

Статья представляет собой попытку описать основные жанровые формы, используемые в районной периодической печати в 30-е гг. XX в. (материалом исследования являются районные издания Амурской области за 1934 г.). Речь идет как о собственно журналистских жанрах (заметках, передовых статьях, отчетах), так и о жанрах деловой коммуникации (приказах, решениях, распоряжениях, сводках и др.), игравших значительную роль в прессе тех лет. Уделяется внимание рассмотрению жанров «письма» (в его жанровых вариациях), «красной доски» и «черной доски». Также проводится анализ факторов, повлиявших на формирование жанровой палитры СМИ, среди которых отмечается восприятие журналистики как средства пропаганды, необходимость решать стоящие перед колхозами, совхозами и машинно-тракторными станциями производственные задачи, недостаточная журналистская квалификация сотрудников редакций.

Ключевые слова: жанр, журналистика, деловая коммуникация, районная газета, Амурская область.

Информационная политика в СМИ России 30-х гг. XX века целиком зависела от государственных установок. Средства массовой информации были призваны способствовать решению задач, стоявших перед властными структурами, поэтому направление, идейно-творческая концепция, подход к определенным вопросам целиком диктовался «сверху». Необходимость реализации партийных задач оказывала прямое влияние на специфику жанровой системы советской журналистики тех лет.

Жанр как устойчивый тип публикаций, объединенный сходными содержательно-формальными признаками, является одной из краеугольных характеристик журналистского текста. Специфика жанровых форм в том или ином издании позволяет судить о его типе, целевой направленности, о специфике и запросах читательской аудитории и др. Поэтому жанровые характеристики текстов в их теоретических и прикладных аспектах неоднократно становились объектом исследования в журналистике. В работах А. Акопова [2], М. Кима [7], Л. Кройчика [8], Г. Лазутиной [9], А. Тертычного [15] и др. рассматривалось современное состояние жанровой системы в разных сферах журналистской деятельности, особенности ее обновления, жанрообразующие факторы, специфика отдельных форм.

При этом некоторые аспекты формирования жанровой системы нуждаются в дальнейшем изучении. В частности, в недостаточной степени раскрыт вопрос об истории функционирования и специфике использования разных жанровых форм в районных изданиях (в частности, в газетах совхозов, колхозов, а также в изданиях МТС) 1930-х гг. Малая изученность истории прессы Амурской области, вкуче с недостаточностью исследований по специфике газетных жанров в 1930-е годы, определяют новизну данного исследования.

Рассмотрим жанровое своеобразие районных изданий в 30-е гг. XX в. на примере газет Амурской

области. Актуальность этой темы связана как с необходимостью создания развернутого представления о прессе сталинской эпохи, так и с продолжающимся изучением изменяющейся жанровой системы журналистики.

1930-е гг. в Амурской области, как, впрочем, и во всей России, были временем становления районной прессы. Издателями газет совхозов, колхозов, а также машинно-тракторных станций выступали райкомы, райисполкомы, политотделы, видящие в СМИ инструмент эффективного воздействия на население. В Амурской области, с ее уклоном в аграрный сектор, районные издания и влившиеся в них позже газеты МТС играли значительную роль. К середине десятилетия выпускались такие газеты, как «Голос ударника», «Большевик Томи», «За большевистские колхозы», «Колхозная трибуна» (органы политотделов МТС); «Зерновик», «Красный тракторист», «Ленинский путь» (органы политотделов зерносовхозов); «Голос колхозника», «Приисковская правда», «Серп и молот» (органы райкомов ВКП (б), Райисполкомов, Райпрофсоветов) и многие другие. Их задачи сводились не столько к информированию населения об общественно значимых событиях, сколько к решению целого ряда хозяйственных и политических проблем, к воспитанию трудящихся в духе коммунизма. Необходимость реализации указанных задач во многом определяла жанровую повестку СМИ.

Для характеристики жанрового своеобразия изданий мы взяли по одному номеру пяти газет разных районов Амурской области. Объектом исследования стали типичные номера изданий (т.е. не приуроченные ни к каким знаменательным датам или чрезвычайным событиям) за сентябрь 1934 г.:

1) газета «Авангард», номер от 11 сентября 1934 г. (Райчихинский зерносовхоз) [1];

2) газета «Большевик Томи» от 21 сентября 1934 г. (Томская МТС) [3];

3) газета «Ленинский путь», номер от 4 сентября 1934 г. (зерносовхоз Партизан) [10];

4) газета «За Ленинский совхоз», номер от 9 сентября 1934 г. (Борисоглебский зерносовхоз) [6];

5) газета «Ударник полей», номер от 24 сентября 1934 г. (Бузулинская МТС) [16].

Тираж данных газет колебался от 300 до 500 экземпляров, объем составлял 1–2 листа. Большая часть материалов была собственной, перепечатки из центральной прессы встречались, но не занимали значительного объема. Как правило, это были публикации ТАСС и «Правды». Итак, жанровое своеобразие рассматриваемых изданий полностью определялось сотрудниками редакций.

Ведущую роль на страницах газет играли жанры деловой коммуникации, в частности, директивные статьи, постановления, решения, циркуляры, телеграммы, сводки и др. Они были нацелены на решение производственно-хозяйственных проблем, а также на политическое воспитание масс. Публикации должны были стимулировать производственный процесс в колхозах и МТС, укреплять трудовую дисциплину, следить за выполнением пятилетних планов, вести борьбу с бесхозяйственностью и халатностью, курировать организацию разного рода социалистических соревнований и др. К таким материалам можно отнести «Телеграмму крайкома и политсектора треста», опубликованную в «Авангарде»: *«Обязываю директора, управляющих отделений, начполитотделов, их помощников на отделениях в связи с большими потерями уборки немедленно организовать подгребку и сбор колосьев скошенных массивов запрещая производить вспашку язби, а также сжигать стерну и солому где не была проведена уборка потерь...»*. Подпись «*Секретарь Крайком ВКП(б) ЛАВРЕНТЬЕВ, Начальник политсектора треста ОВЧИНИКОВ*» [1, с. 1]!. Мы видим очевидное отсутствие каких-либо попыток адаптировать текст под журналистский формат. Публикуя подобные директивные материалы, редакция не просто информировала население, а стремилась добиться неукоснительного выполнения инструкций и распоряжений.

Особого внимания заслуживала ставшая приметой времени такая жанровая форма, как «Красная доска» и «Черная доска». В рассматриваемых нами изданиях этот жанр встречался в газете «Ленинский путь» [10, с. 1]. На «Доски» были занесены успехи и неудачи отделений колхозов, но для большего эффекта рядом были указаны фамилии бригадиров и колхозников. Представляя, по своей сути, нечто среднее между рейтингом и отчетом, жанр служил средством поощрения и наказания работников. Указание конкретных фамилий, как можно предположить, значительно усиливало эффективность влияния публикаций. В.А. Бондарев, говоря о методах морального стимулирования в советское время, отмечал: «Существовала своеобразная

иерархия «красных» и «черных» досок. На низших ступенях находились доски колхозов, далее следовали машинно-тракторные станции, затем – уровень района (доски, учреждаемые райкомами или райисполкомами), края или области. Кроме того, существовала даже Всесоюзная красная доска, на которую могли быть занесены особо отличившиеся сельхозпредприятия из любого региона СССР (поэтому в региональной прессе колхозникам внушалось, что за ударный труд их имена может узнать вся страна)» [4, с. 46]. Механизм морального стимулирования работал эффективно, поэтому на долгие годы «прижился» в советской прессе.

Жанры деловой коммуникации позволяли также решать пропагандистские задачи: они разъясняли массам позицию партии, формировали ее положительный имидж, согласно принципу «бдительности» выявляли классово-чуждых элементов и боролись с ними.

Внимание к подобным жанровым образованиям имело под собой прочную основу. Прежде всего, их публикация была требованием и приметой времени: газеты обязаны были размещать на своих страницах официальные инструктивно-директивные материалы. Также играла свою роль способность подобных текстов решать практические задачи: информируя, поощряя и запугивая, они стимулировали производственный процесс, формировали лояльность колхозников. Конечно, свою роль играла и недостаточная подготовка редакционного коллектива. Не имея профессиональных навыков работы с журналистскими текстами, сотрудники редакций (по преимуществу сотрудники политотделов, далекие от журналистики) не всегда могли трансформировать жанры деловой коммуникации в газетные.

Обзор изданий позволяет утверждать, что собственно журналистские жанры использовались скудно. Одну из ведущих ролей играли передовые статьи. Данный жанр был характерен для газет советского времени и ушел из жанрового репертуара СМИ в период перестройки. Характер подобных публикаций в амурских газетах, как и в целом по стране, был директивно-агитационным.

Передовица *«Усилить темпы косовицы, развернуть молотью»* (газета «За Ленинский совхоз») носила разгромный характер: *«Совхоз позорно плетется в хвосте в районе, в области и во всем крае...»*. В конце публикации выдвигалось требование: *«Не жалея сил, используя каждый час суток для уборки и молотью 13 сентября во что бы то ни стало закончить план уборки»* [6, с. 1]. Так, используя резко негативную лексику и императивные формы, редакция пыталась добиться повышения производительности труда.

В газете «Большевик Томи» передовая статья *«Хлебозакупки не хлебосдача»* имела разъяснительно-агитационный характер. Она показывала крестьянам разницу между хлебосдачей и хлебоза-

купками, подчеркивая выгоду последних: «Продав хлеба на рубль колхозник может получить товаров на 3 рубля» [3, с. 1]. При этом авторы публикации, предвидя возможные сомнения и недоверие колхозников, попытались пресечь их «на корню»: «Нельзя забывать и того, что разгромленное, но недобитое еще кулачество, спекулянты, лодыри и рвачи будут всячески стараться сорвать работу по хлебозакупкам, будут вести агитацию за отказ от продажи хлеба кооперации. Таким вылазкам классового врага надо дать самый решительный отпор» [3, с. 1]. Газета давала понять, что любое несогласие с проводимой политикой будет расценено как «кулацкие происки» со всеми вытекающими последствиями.

В газете «Ударник полей» место передовицы занял не менее популярный жанр – отчет о совещании председателей колхозов «Сдача натурплаты, семсуды – первая заповедь». Вновь в центре внимания оказался производственный процесс, а, точнее, выявление причин отставания от намеченных планов. В тексте присутствовала одна из важнейших составляющих новой информационной политики – упоминание о заслугах И. Сталина, в частности, выдержка из его высказывания, выделенная жирным шрифтом: «Чтобы скорее претворить в жизнь указание нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина “Сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными”» [16, с. 1]. Не были забыты и традиционные угрозы в адрес кулаков, и призывы к классовой бдительности. Обращал на себя внимание заголовок публикации, особенно выражение «первая заповедь». Отсыл к религиозной образности в атеистическом издании был, как ни парадоксально, общим местом в советской журналистике тех лет. Еще П.И. Новгородцев, рассуждая о «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса, отмечал: «...в воззрении Маркса социализм совершенно и всецело заменяет религию. Он несет с собою человеку такую полноту обетований, что поистине можно сказать, он сам становится религией, и более того: как всякая единоспасающая вера, он вступает в непримиримую вражду с той другой религией, которую издавна исповедовали люди, – религией неба и Бога, религией трансцендентного мира и мироправительного разума» [12, с. 212]. Заимствуя из центральных газет традицию представления требований и правил в виде «заповедей», районные СМИ получали возможность говорить с крестьянами на доступном им языке, апеллировать к традиционным ценностям для достижения собственных целей.

Наряду с передовыми статьями и отчетами на страницах газет присутствовал такой традиционный жанр, как заметка. Но столь распространенный журналистский жанр встречался далеко не в каждом номере районных газет. В рассматриваемых нами изданиях заметки присутствовали только

на страницах «Авангарда» (не считая перепечаток ТАСС). Первая из них, «Решение райисполкома», рассказывала об открытии базара для советско-колхозной торговли. Вторая, «Решение суда» – о приговоре суда за растрату денежных средств заведующим столовой: «7-го сентября в помещении столовой центральной усадьбы, состоялось заседание народного суда. Суд рассмотрел дело о растрате 5635 руб. принадлежащих ОПСу Николаевым, быв. зав. столовой. Установив виновность Николаева суд **ПРИГОВОРИЛ** «Николаева Степана Петровича, на основании ст. ст. 109 и 116 ч. 2 УК и их совокупности избрать ему социальной защиты лишение свободы сроком на шесть (6) лет с заключением в концлагерь...» [1, с. 1].

Материалы в целом соответствовали требованиям, предъявляемым к данной жанровой форме: они носили новостной (событийный) характер, отличались фактологичностью, краткостью, безэмоциональностью. Незначительное количество заметок на страницах изданий, на наш взгляд, вновь объяснялось тем, что сотрудники политотделов не считали нужным трансформировать поступающую информацию под журналистский формат, оставляя исходную форму. Поэтому место новостных жанров чаще всего занимали жанры деловой коммуникации: решения, постановления, инструкции, циркуляры и др.

Значительную часть объема в изданиях отводили под корреспонденцию селькоров. Письма с мест были представлены во множестве вариаций: письма-советы, письма-жалобы, письма-обличения, письма-призывы, письма-вызовы на социалистические соревнования, письма-обличения, письма-благодарности, письма-сигналы. Они в какой-то мере компенсировали отсутствие жанра заметки, информируя о событиях, вводя в курс дела. Из-за присущей корреспонденциям субъективности, письма придавали материалам газет высокую степень эмоциональности, что значительно «оживляло» издания, погрязшие в инструктивно-директивных документах.

Публикация под заголовком «КРАВЧЕНКО ИРИНА» являлась типичным образцом селькорской корреспонденции. Она, как это нередко встречалось, была подписана псевдонимом «Черниговец»:

«...Зато в этом же колхозе есть и такие, которые только свет коптят. Настоящие трутни.

Галайда Анастасия здоровая женщина, нет совсем детей, ничем не связана дома, оштрафована и все же на работу упорно не выходит. Надо только подумать – с начала уборки ни одного дня не была на работе. Ее муж Галайда Иван поддерживает бездельницу, оставляя ее дома стены караулить, а на колхозный хлеб ему наплевать.

Будник Ирина также симулирует, грудных детей у нее нет, а на работе редкий гость.

Совсем надо стыд потерять делая так, как делает Кравченко Ирина, на работу идти живот болит, а на базар, так где моя ложка большая. Ни одного базара в городе не пропускает, там для нее климат другой, сиди спекулируй и семячки лузгай.

Кравченко Малах, муж Ирины, делегат краевого слета колхозников-ударников, а такой позор допускает, что жена на базаре толкается, а на колхоз, как на чужой двор смотрит.

Лодырь, прогульщик – враги колхоза, они подбивают борьбу за зажиточность, им надо объявить самую беспощадную борьбу» [16, с. 2].

Письмо-обличение (или сигнал с места событий) было одним из самых распространённых жанровых разновидностей письма на страницах газет. Редакции в большом количестве печатали подобные материалы, борясь со «срывщиками» и «саботажниками». Использование оскорбительных слов и выражений «*бездельница*», «*лодырь*», «*сиди спекулируй и семячки лузгай*» усиливали негативное впечатление. То, что критика исходила от «своих» (обилие просторечных выражений и общая безграмотность свидетельствовали о том, что авторами были колхозники), а не «сверху», служило средством формирования общественного мнения. Селькоровская корреспонденция помогала наладить прямую связь с читателями, вызвать их неподдельный интерес.

Таким образом, изучение газет Амурской области 1930-х гг. позволило в общих чертах представить картину жанровой специфики районной прессы. Ведущая роль на страницах изданий отводилась жанрам деловой коммуникации, позволяющим не только информировать население, но и решать пропагандистские и производственные задачи. Собственно журналистские жанры отходили на второй план. В рассмотренных номерах изданий встречались лишь передовые статьи, отчеты и заметки. При этом в них отчетливо прослеживались элементы все той же официально-деловой стилистики. Особое место на страницах газет занимали письма селькоров. Они «оживляли» контент, вынося на страницы пусть однобокие, но все же личные мнения и оценки, позволяли наладить диалог с населением.

Подобная жанровая одноликость, на наш взгляд, была обусловлена несколькими причинами. К 1930-м годам советская журналистика, утратив самостоятельность, вынуждена была проводить партийную политику. Следствием этого стала публикация инструктивно-деловой документации. Интересы целевой аудитории, ее потребности волновали редакции не в первую очередь, ведь главной задачей считалось соответствие выдвигаемым требованиям. Еще одной причиной жанровой скудности был кадровый состав редакций. Не имея достаточной журналистской квалификации, сотрудники редакционных коллективов считали

уместным размещение официальных материалов без их адаптации под журналистские стандарты. Вследствие этого на страницах районных газет чрезвычайно редко встречались (а иногда не встречались вовсе) такие «классические» жанры журналистики, известные еще дореволюционной прессе (да и центральной советской прессе), как репортаж, проблемная статья, обзорное, очерк, фельетон. Они требовали от своих создателей определенной профессиональной подготовки, поэтому районные СМИ обходили их стороной. Совокупность указанных причин привела к доминированию в районной прессе 1930-х гг. Амурской области жанров деловой коммуникации.

Примечание

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация авторов даны без изменений.

Библиографический список

1. Авангард. Орган политотдела и рабочкома Райчихинского зерносовхоза. – 1934. – 11 сентября. – № 23.
2. Акопов А.И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья. – Ростов-на-Дону: Институт массовых коммуникаций, 1996. – 51 с.
3. Большевик Томи. Орган политотдела Томской МТС. – 1934. – 21 сентября – № 31(54).
4. Бондарев В.А. Рогожные знамена: методы и результаты морального стимулирования колхозного производства на юге России в 1930-х гг. // Белые годы. – 2012. – № 23(1). – С. 44–49.
5. Горохов В.М. Газетно-журнальные жанры. – М.: МЭГУ, 1993. – 175 с.
6. За Ленинский совхоз. Орган политотдела Борисоглебского зерносовхоза ДВК Амурской области. – 1934. – 9 сентября. – № 48(66).
7. Ким М.Н. Жанры современной журналистики. – СПб.: Знание, 2004. – 335 с.
8. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. – СПб.: Знание, 2000. – С. 125–168.
9. Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 320 с.
10. Ленинский путь. Орган политотдела совхоза «Партизан» ДВК. – 4 сентября 1934 г. – № 42(114).
11. Лукина М.М. Технология интервью. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 191 с.
12. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Издательство «Пресса», 1991. – 640 с.
13. Свитич Л.Г. Современная периодика: поле понятий и терминов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2013. – № 6. – С. 20–34.
14. Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Ширяева А.А., Шкондин М.В. Городская газета как фактор обще-

ственного диалога в социуме (по итогам социологического исследования в газетах малых и средних городов Российской Федерации) // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 5(97). – С. 149–156.

15. Тertychnyj A.A. Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 315 с.

16. Ударник полей. Орган политотдела Бузулинской МТС. – 1934 г. – 24 сентября. – № 36(57).

References

1. Avangard. Organ politotdela i rabochkoma Rajchihinskogo zernosovhoza. – 1934. – 11 sentyabrya. – № 23.

2. Akopov A.I. Analiticheskie zhanry publicistiki. Pis'mo. Korrespondenciya. Stat'ya. – Rostov-na-Donu: Institut massovyh kommunikacij, 1996. – 51 s.

3. Bol'shevik Tomi. Organ politotdela Tomskoj MTS. – 1934. – 21 sentyabrya – № 31(54).

4. Bondarev V.A. Rogozhnye znamena: metody i rezul'taty moral'nogo stimulirovaniya kolhoznogo proizvodstva na yuge Rossii v 1930-h gg. // Belye gody. – 2012. – № 23(1). – С. 44–49.

5. Gorohov V.M. Gazetno-zhurnal'nye zhanry. – М.: МEGU, 1993. – 175 с.

6. Za Leninskij sovhoz. Organ politotdela Borisoglebskogo zernosovzoha DVK Amurskoj oblasti. – 1934. – 9 sentyabrya. – № 48(66).

7. Kim M.N. ZHanry sovremennoj zhurnalistiki. – SPb.: Znanie, 2004. – 335 s.

8. Krojchik L.E. Sistema zhurnalisticheskix zhanrov // Osnovy tvorcheskoj deyatel'nosti zhurnalista. – SPb.: Znanie, 2000. – С. 125–168.

9. Lazutina G.V., Raspopova S.S. ZHanry zhurnalistikogo tvorchestva. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 320 с.

10. Leninskij put'. Organ politotdela sovhoza «Partizan» DVK. – 4 sentyabrya 1934 g. – № 42(114).

11. Lukina M.M. Tekhnologiya interv'yu. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 191 с.

12. Novgorodcev P.I. Ob obshchestvennom ideale. – М.: Izdatel'stvo «Pressa», 1991. – 640 s.

13. Svitich L.G. Sovremennaya periodika: pole ponyatij i terminov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. – 2013. – №6. – С. 20–34.

14. Svitich L.G., Smirnova O.V., SHiryaeva A.A., SHkondin M.V. Gorodskaya gazeta kak faktor obshchestvennogo dialoga v sociume (po itogam sociologicheskogo issledovaniya v gazetah malyh i srednih gorodov Rossijskoj Federacii) // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii. – 2014. – № 5(97). – С. 149–156.

15. Tertychnyj A.A. ZHanry periodicheskoy pechati. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 315 с.

16. Udarnik polej. Organ politotdela Buzulinskoj MTS. – 1934 g. – 24 sentyabrya. – № 36(57).

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЩАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В данной статье рассматриваются вопросы становления и развития мещанско-сословного управления конца XVIII – начала XIX в. Автором предпринята попытка раскрыть основные этапы развития мещанского самоуправления в России в рамках предложенной периодизации. В работе проведён анализ основных правовых актов и вносимых ими изменений в правовое регулирование деятельности органов мещанского самоуправления в определённых исторических рамках. Автором даётся анализ правового регулирования вопросов внутрисословного характера и представительства членов мещанских корпораций в органах местного самоуправления и государственной власти. На основе проведенного исследования сформулированы выводы о необходимости дальнейшего реформирования существующих форм участия населения в решении вопросов местного значения с учётом исторического опыта.

Ключевые слова: история государства и права, мещанское общество, местное самоуправление, история местного самоуправления, народное представительство, Российская империя, периодизация.

В настоящее время механизм формирования органов местного самоуправления приобретает особое значение в рамках обеспечения реализации гражданами своих конституционных прав. Помимо этого предметом многочисленных научных дискуссий являются вопросы определения правового статуса самоорганизаций граждан, а также форм их участия в формировании повестки работы органов муниципальной власти. От уровня правовой грамотности и активности институтов гражданского общества во многом зависит реализация общественных инициатив, в том числе участия населения в правотворческой деятельности. Перечисленные вопросы детально обсуждались на XVIII Российском муниципальном форуме, состоявшемся в сентябре 2018 года в г. Анапе. В рамках пленарного заседания президент Российской муниципальной академии, президент Общенационального союза некоммерческих организаций Александр Айгистов высказал мнение, согласно которому в настоящее время требуется разработка принципиально новых подходов взаимодействия власти и общества [10, с. 9].

Внимание к историко-правовому контексту вынесенного на рассмотрение вопроса обусловлено тем, что определение правового статуса мещанского общества позволит выработать предложения по дальнейшему совершенствованию современных форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления и расширению народовластия. Изучение сословных форм организаций граждан в лице мещанских обществ позволяет определить юридическую природу форм самоорганизаций граждан в исторической ретроспективе, а также предпринять попытку систематизации сословного законодательства в отношении членов органов мещанского самоуправления как наиболее многочисленной самоорганизации в структуре городского населения дореволюционной России.

Для уяснения правовой природы мещанского самоуправления необходимо определить этапы его становления и развития. Ввиду того, что анализируется правовой статус корпоративных органов управления мещан, представленная периодизация не будет в точности синхронизироваться с этапами систематизации сословного законодательства. Собственно, это связано ещё и с тем, что механизм сословного управления представлял собой особую организационно-правовую систему. Обладая статусом юридического лица, мещанские общества по аналогии с дворянскими, купеческими и ремесленными обществами были включены в систему не только органов местного самоуправления, но и государственной власти. Собственно, данный правовой феномен сословных обществ представляет особый интерес для подробного изучения в настоящее время в связи с тем, что демонстрирует определённую «близость» граждан к органам власти всех уровней.

Рассматривая вопрос периодизации органов сословно-мещанского самоуправления, считаем необходимым выделить три этапа развития. В рамках первого, который приходится на конец XVIII – начало XIX вв., происходил процесс правового закрепления сословия мещан в рамках отдельной сословной структуры наряду с интеграцией членов мещанских обществ в органы власти. В частности, должности мещанских и купеческих старост были введены в 1775 году с изданием «Учреждений для управления губерний всероссийской Империи» [8, с. 16]. Нормативный правовой акт также закреплял за членами мещанских корпораций право представительства в составе нового сословного правоприменительного органа – совестного суда [8, с. 16]. В соответствии со ст. 395 основными принципами судопроизводства в них являлись милосердие и человеколюбие, добровольности и справедливости. Под юрисдикцию совестных

судов попадали малозначительные преступления, а также общественно опасные деяния, субъектами которых выступали «безумные лица, малолетние, а также колдуны... так как в их действиях заключалась глупость, обман и невежество» [9, с. 332]. Согласно ст. 53 и 57 «Учреждений», члены мещанских обществ в составе совестного суда, а также мещанские старосты наделялись статусом гражданского служащего и получали чин десятого и четвертого классов соответственно, что свидетельствует о доступе мещанского сословия к государственной службе в целом.

Члены мещанских обществ наряду с купеческими были представлены также в должностях бургомистров и рагманов также в составе общегородских органов управления – городских магистратов. Выбор представителей во всесословные органы зависел от решения схода. Учрежденный при городском магистрате сиротский суд также при участии мещан рассматривал дела по опекунству. Срок полномочий членов мещанских обществ в составе городских и губернских магистратов составлял три года. Говоря о порядке формирования магистратов, следует отметить, что, согласно ст. 313 «Учреждений», выбранного на общем сходе мещан кандидата утверждал в должности исключительно глава губернии.

Члены мещанских обществ были представлены и в составе одного из шести заседателей губернского магистрата. Его членов избирали каждые три года на сходе мещанского общества, после чего кандидатов утверждал на должность также губернатор [8, с. 128]. В составе общегородского общества члены мещанских обществ были наделены правом выбора городского головы. Анализируя текст «Учреждений», нужно отметить, что собственно положений, которые регулировали бы правовой статус органов мещанского самоуправления, данный нормативный правовой акт не содержал.

Впервые законодательное оформление института мещанского самоуправления получил с введением Жалованной грамоты городам 1785 г. Екатериной II [5]. Собственно сословный принцип в указанный исторический период стал основополагающим при формировании институтов власти, в том числе и судебных органов. Норма ст. 31 «Грамоты на права и выгоды...» не только подтвердила ранее предоставленное право членов мещанских обществ на участие в формировании органов судебной власти, но и расширило объем полномочий. В частности, члены мещанских союзов также наделялись правом участия в выборах общей и шестигласной дум, возглавляемых городским головой. Важно отметить, что собственно представительство членов мещанских обществ в составе дум было гарантировано законодательно. Согласно ст. 167 Грамоты, в составе общей думы на гласных от мещанского общества были возложены обязанности по приня-

тию решений по вопросам распределения средств городского бюджета, установлению контроля за бюджетными доходами, принятию мер по взысканию задолженностей по уплате обязательных платежей, а также по организации хозяйственной деятельности на территории города.

Мещане в рамках деятельности сословных страт получили исключительное право самостоятельного принятия решений в отношении определённого круга вопросов как в составе общегородских органов управления, так и в составе своих корпораций. В указанный период государство возложило на мещанские союзы обязанность по соблюдению членами обществ паспортного режима, то есть фактически возложило на самоорганизации мещан обязанность по выполнению части государственных функций посредством выдачи мещанскими старостами паспортных книжек, паспортов и бесплатных билетов на отлучку. Собственно, наделение мещанского общества правом выдачи удостоверяющих личность документов было одним из эффективных способов установления, во-первых, контроля за передвижением мещан, а, во-вторых, исполнения в полном объёме обязательств по уплате налогов и платежей. Это было обусловлено тем, что лицам, имевшим недоимки по сборам, паспортные книжки выдавались только исключительно с согласия членов сословного общества по решению мещанского схода.

Помимо этого, согласно ст. 52 Грамоты, мещанские общества по решению общего собрания были правомочны отдавать в рекруты или отсылать на поселение мещан, имеющих задолженность по уплате обязательных платежей, либо допустивших противоправное деяние, а также лиц «ленивых и развратных».

О фундаментальности и прогрессивности Грамоты свидетельствует тот факт, что деятельность мещанских обществ практически не претерпела серьёзных изменений вплоть до судебной реформы 1864 года. Второй период (начало XIX – середина XIX вв.) характеризуется уточнением правового статуса органов мещанского самоуправления. В частности, полномочия мещанских обществ были расширены в связи с принятием Рекрутского устава 1831 года. В полномочия мещанских обществ стали входить вопросы организации деятельности участков для набора рекрутов [6, с. 505]. Тем самым государство делегировало мещанским сословным союзам важную правительственную функцию по участию в формировании вооружённых сил. Данный этап также характеризуется окончательным утверждением публично-правового статуса мещанского общества в качестве юридического лица. Фактически государство, предоставив мещанскому сословию право объединения в относительно автономную организацию и передав часть контрольных полномочий, получило в лице

мещанских союзов довольно эффективную общегосударственную систему надзора за поставку рекрутов, выплату обязательных платежей, обеспечение паспортного контроля.

Весомую роль в процессе систематизации сословного законодательства и собственно институционального оформления сословного, в том числе и мещанского, самоуправления сыграл М.М. Сперанский. Свод законов 1857 г. продемонстрировал « всю сословную стратификацию населения и отразил использование на законодательном уровне политико-правовой связи населения и государства » [1, с. 93]. Свод законов о состояниях детализировал положения Жалованной грамоты и обобщил правовые нормы, регулирующие деятельность сословных союзов, в том числе и во взаимодействии с органами власти. Согласно « Законам о состояниях » 1857 г., впервые мещанским обществам было предоставлено право по приговорам сословного схода исключать из своей среды « порочных мещан » по следующим основаниям, а именно: если мещанин совершил преступление, за которое судом назначено наказание в виде « ссылки в Сибирь на каторгу или переселение, отдачи в арестантские роты или рабочие дома », если мещанин не менее трех раз по приговору суда был подвергнут исправительным наказаниям без лишения особенных прав, а также если лицо обвиняется в порочном и развратном поведении [7, с. 114]. Собственно, формулировка последнего положения раскрыта в тексте самой правовой нормы: « ...если лицо изобличается... в буйстве, бродяжничестве, в продолжительном пьянстве и неплатеже податей, по нерадению или по беспутной жизни, и не изменится в поведении после предоставленных обществу по статье 570 мер исправительных » [7, с. 115].

В рамках рассматриваемого этапа мещанские общества входили в систему органов городского управления, что подтверждается следующими обстоятельствами: во-первых, непосредственным участием городского головы в работе общего собрания мещан города, во-вторых, обязательным утверждением приговоров мещанского общества городским головой, в-третьих, проведением обязательной процедуры утверждения кандидатур на должности исполнительных органов мещанского самоуправления, и, в-четвёртых, осуществлением проверок финансово-экономической деятельности сословно-мещанских обществ. В указанный период формирование органов власти происходило главным образом согласно сословному принципу, что и объясняется наличием мещанского представительства в органах местного самоуправления и губернской власти. Вместе с тем широкие полномочия мещанских обществ в области профилактики преступности и взимания налогов свидетельствуют о том, что сословно-мещанские корпорации являлись звеном системы, обеспечивающей

жесткую централизацию власти, а вопрос разграничения полномочий являлся неразрешённым, что фактически приводило к дублированию ряда полномочий.

Третий этап развития мещанского самоуправления относится ко второй половине XIX – началу XX в. Именно в этот период окончательно законодателем был определён правовой статус мещанского общества, он наделялся статусом юридического лица. В данный период происходит смена сословного принципа формирования органов местного самоуправления на имущественный, выход мещанских обществ из структуры общегородского управления, а также детализация норм, регламентирующей деятельность органов мещанского управления в России. Согласно ст. 2 Городового положения 1870 г., факт уплаты налоговых отчислений являлся определяющим при формировании органов общегородского управления [3, с. 822]. А в дальнейшем с развитием капиталистических отношений и введением Городового положения 1892 г. податный ценз был окончательно заменён имущественным. В соответствии со ст. 24 Положения 1892 г., избирательным правом наделялись исключительно лица, стоимость имущества которых оценивалась в размере от 300 до 3000 рублей в зависимости от его месторасположения.

Ранее, следуя утверждённому принципу, были упразднены сословные суды и введён принцип всесословности деятельности органов судебной власти [4, с. 181]. Тем не менее за членами мещанского общества было сохранено право участия в отправлении правосудия в связи с введением института присяжных заседателей. Вместе с тем не были законодательно разграничены полномочия органов мещанского управления – старост и управ, что приводило к дублированию ими полномочий. Можно предположить, что, перераспределив часть обязанностей мещанского старосты на управу, государство создало весьма эффективную систему сдержек и противовесов, обеспечивающую внутренний контроль за общиной.

В рассматриваемый период мещанская община была окончательно изъята из структуры общегородского управления, но при этом « продолжилась её интеграция в структуру государственного управления и контроля » [2, с. 313]. С введением Городового положения 1870 г. законодательно было закреплено право созыва схода за мещанскими старостами и управами. Собственно, сам порядок созыва мещанских сходов, правила делопроизводства, права и обязанности участников схода определялись другим нормативным правовым актом – « Правилами о производстве дел в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях » 1867 г. В ст. 534 Городового положения 1870 г. впервые законодательно закреплялось определение мещанского управления в качестве сословного

органа управления независимого от общественных городских учреждений.

С введением Городового положения 1870 года статус собственника городских земель мещанскими обществами был заменён на арендатора, что привело к изменениям в правовом статусе как мещанской корпорации, так и отдельных её членов. Исключительные полномочия при этом государство делегировало мещанским обществам в части решения вопросов обеспечения правопорядка, пресечения преступлений, самостоятельного избрания меры наказания для мещан и обеспечения норм миграционного законодательства. Без соответствующего судебного решения мещанский сход мог признать своего члена безвестно отсутствующим. Проведённый анализ деятельности института сословного самоуправления в лице мещанского общества свидетельствует об осуществлении им части государственных полномочий при отсутствии соответствующего финансирования и чёткого правового закрепления положения органов управления: старосты и управы.

Издание Городового положения 1892 года обеспечило сдерживающее развитие органов сословно-мещанского управления и их дальнейшую правовую стагнацию.

Подводя итог, скажем, что опыт деятельности сословно-мещанских обществ представляет особый интерес не только в рамках изучения исторических форм народовластия, но и с точки зрения дальнейшего реформирования системы местного самоуправления. В настоящее время общей тенденцией деятельности органов власти всех уровней является объединение задач для достижения общих целей. По сути, столь жёсткая управленческая вертикаль, обеспечивающая координацию деятельности, во многом является серьёзным препятствием для дальнейшего развития форм участия населения в решении вопросов местного значения. Несмотря на конституционально закреплённый принцип децентрализации власти, на современном этапе развития российского государства чётко прослеживается проблема правовой несостоятельности многочисленных форм самоорганизаций граждан.

Во-первых, исторический опыт деятельности аналогичных органов в лице сословно-мещанских корпораций свидетельствует о необходимости совершенствования форм непосредственной демократии, в том числе введения дополнительных правовых механизмов для реализации общественных инициатив, создания условий для реализации в полном объёме гражданами своих конституционных прав.

Во-вторых, как показал многолетний опыт становления и развития мещанского самоуправления в России, одной из важных составляющих участия общества в решении вопросов местного значения является создание и функционирование системы

взаимодействия органов местного самоуправления с общественными институтами, а также укрепление правового статуса последних.

В-третьих, важным обстоятельством, влияющим на возможность реализации общественных инициатив, является наличие необходимого финансирования, а также реальная возможность осуществлять контрольные функции за выполнением работ и расходованием средств муниципально-бюджета.

Представляется, что данные предложения призваны усовершенствовать систему общественного контроля и скоординировать деятельность по предоставлению государственных и муниципальных услуг. С одной стороны, указанные предложения призваны обеспечить формирование эффективной системы взаимодействия органов представительной и исполнительной власти на уровне муниципалитета, а с другой – сформировать устойчивую систему народовластия в России.

Библиографический список

1. *Кодан С.В.* Сословная стратификация общества и законодательство о состояниях в политике российской верховной власти (1800–1850-е гг.) // *Политика и общество.* – 2012. – № 3 (93). – С. 90–99.
2. *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др.* – Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000. – 693 с.
3. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. II. Т. XLV. Отд. I. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1870. – 897 с.
4. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. II. Т. XXXIX. Отд. II. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1832. – 822 с.
5. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. I. Т. XXII. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 1041 с.
6. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. II. Т. VI. Отд. I. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1832. – 844 с.
7. Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. – 572 с.
8. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи. – М.: Печатано при Сенате, 1775. – 229 с.
9. *Харсеева О.В.* Состынные суды в истории ювенального правосудия Императорской России // *Ученые записки Крымского университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Юридические науки.* – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 330–342.
10. *Юркова С.Н., Широкова А.Н., Милькина И.В.* Итоги Российского муниципального форума // *Муниципальная академия.* – 2018. – № 4. – С. 7–12.

References

1. Kodan S.V. Soslovnaya stratifikaciya obshchestva i zakonodatel'stvo o sostoyaniyah v politike rossijskoj verhovnoj vlasti (1800–1850-e gg.) // *Politika i obshchestvo*. – 2012. – № 3 (93). – S. 90–99.
2. Oчерки городского быта дореволюционного Поволжья / A.N. Zorin, N.V. Zorin, A.P. Kaplunovskij i dr. – Ul'yanovsk: Srednevolzhskij nauchnyj centr, 2000. – 693 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobr. II. T. XLV. Otd. I. – SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1870. – 897 s.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobr. II. T. XXXIX. Otd. II. – SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1832. – 822 s.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobr. I. T. XXII. – SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1830. – 1041 s.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobr. II. T. VI. Otd. I. – SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1832. – 844 s.
7. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. IX. Zakony o sostoyaniyah. – SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1857. – 572 s.
8. Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernij vserossijskoj Imperii. – M.: Pечатано pri Senate, 1775. – 229 s.
9. Harseeva O.V. Sovestnye sudy v istorii yuvenal'nogo pravosudiya Imperatorskoj Rossii // *Uchenye zapiski Krymskogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: YUridicheskie nauki*. – 2018. – T. 4 (70). – № 2. – S. 330–342.
10. YUrkoва S.N., SHirokova A.N., Mil'kina I.V. Itogi Rossijskogo municipal'nogo foruma // *Municipal'naya akademiya*. – 2018. – № 4. – S. 7–12.

Мельников Иван Николаевич
кандидат юридических наук
Костромской государственной университет
Melnikk44@gmail.com

Смирнова Ольга Анатольевна
Помощник нотариуса Нотариального округа г. Костромы
и Костромского района Костромской области
notarius_44@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОТАРИАТА НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Статья посвящена исследованию процесса становления института нотариата на Костромской земле. В работе определены основные этапы развития института нотариата в условиях развития государства и источников правового регулирования данного направления правоохранительной деятельности. В процессе проведенного историко-правового анализа выявлены особенности практической деятельности нотариусов, которые нашли отражение в документах, хранящихся в Фондах Государственного архива Костромской области. Особое внимание уделено реализации судебной реформы 1864 года и ее роли в вопросе формирования российского нотариата. Основной целью работы стала оценка влияния исторического опыта на современное состояние института нотариата, а также выявление утраченных традиций в этой сфере юриспруденции. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области истории права и краеведения.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, институт нотариата, Костромская область, история становления, право собственности.

В России, включая земли ныне входящие в состав Костромской области, институты, подобные нотариату, стали формироваться с XV–XVI вв. Упоминания о них содержатся в таких исторических документах правового характера, как Псковская судная грамота 1467 года, Судебник 1550 года, Соборное уложение 1649 года.

Необходимость в наличии на Руси органов публичной власти, обладающих полномочиями в сфере регулирования отдельных частноправовых институтов, окончательно была оформлена в XV веке. В это время отдельные виды действий, которые по своему характеру можно отнести к нотариальным, осуществлялись княжескими писцами, в XVI в. – судебными органами, в XVII в. указанные полномочия были переданы «площадным» подьячим, которые в начале XVIII века были переименованы в «подьячих крепостных дел». Одной из важнейших задач органов нотариального сообщества были функции по обеспечению наследственных и имущественных прав граждан. Примером реализации подобных полномочий были действия по нотариальному заверению завещаний, которые в то время именовались «изустными» или «духовными помятиями», нередко эти действия выполнялись также представителями православного духовенства. При этом конкуренции между указанными формами удостоверения завещаний с точки зрения их правовых последствий не возникало. Для простых горожан и сельских жителей данную процедуру выполняли приходские священники. Например, в фондах Государственного архива Костромской области хранится один из древнейших подобных документов – «Изустная память Терентия Филиппева сына Подолново прозвищем Шумило», датированный 1594 годом [1, с. 1].

В конце XVIII века с развитием общественных отношений значительно повысилась потребность в осуществлении нотариальных действий. В рамках общей реформы государственного управления функции по нотариальному свидетельствованию были вновь переданы судебным органам: палатам гражданского суда и уездным судам. Данный порядок действовал до 27 апреля 1866 года, когда по повелению императора Александра II было введено в действие «Положение о нотариальной части», которым впервые в истории России нотариат был выделен в отдельный правовой институт [2, т. 41, с. 346–362].

Согласно «Положению о нотариальной части», заведывание ею осуществлялось нотариусами и старшими нотариусами, действовавшими при нотариальных архивах. Контроль над деятельностью нотариусов осуществляли судебные органы («судебные места»). В тех городах и иных населенных пунктах, где нотариусов не было, их функции (в части «засвидетельствования явки актов») осуществляли мировые судьи.

В круг обязанностей нотариуса в соответствии с «Положением о нотариальной части» входили:

- 1) совершение для желающих всякого рода актов, кроме изъятых из его ведения законом;
- 2) выдача «выписей» из актовых книг и копий актов;
- 3) засвидетельствование актов, протестов, а также времени и места их совершения;
- 4) принятие на хранение документов от частных лиц.

Особое внимание, с точки зрения регулирования, уделялось актам, касающимся перехода прав собственности на недвижимое имущество от одного лица к другому (так называемые «крепостные акты»), помимо заверения нотариусом, указанные акты требовали также утверждения старшим нота-

риусом. В фондах Государственного архива Костромской области имеется «Отношение галичского нотариуса Костромского окружного суда И.К. Бонякевича старшему нотариусу Костромского окружного суда о направлении выписи из актовой книги о продаже недвижимого имущества Торгового дома «Надежда» в Чухломском уезде Костромской губернии от 22 июня 1913 года [3, с. 2].

Помимо общей реформы нотариата большое внимание в «Положении о нотариальной части» было уделено вопросам организации деятельности нотариуса и делопроизводству. Была разработана номенклатура дел, которые был обязан вести нотариус. К ним в частности относились:

- 1) реестр совершаемых нотариальных действий;
- 2) две актовые книги для внесения в них нотариальных актов, одна из них – для актов по недвижимому имуществу, другая – для всех остальных;
- 3) книга для записи взимаемых сборов;
- 4) общий алфавитный указатель всех совершаемых нотариальных действий.

Книги приобретались самим нотариусом, а затем прошивались и заверялись секретарем и членом окружного суда. В фондах Государственного архива Костромской области имеется «Книга для актов, не относящихся к недвижимому имуществу, костромского нотариуса Н.Н. Бестужева», датированная 1915 годом [4, с. 1, с. 5].

Нотариусу предписывалось иметь собственную печать с изображением герба губернии и надписью «печать нотариуса такого-то (имя и фамилия) там-то (наименование города или уезда)». Образец печати и подписи нотариуса хранился в нотариальном архиве. Это в значительной степени ассоциировалось нотариальную деятельность с государственной и вводило систему персонализации нотариусов, а также их ответственности перед заинтересованными лицами, участвующими в гражданском обороте.

В фондах Государственного архива Костромской области имеется «Выпись из актовой книги костромского нотариуса И.А. Добровольского о продаже отставным рядовым К.А. Полевым по доверенности жены коллежского секретаря А.П. Подозерской деревянного флигеля в г. Костроме на Солдатской улице костромскому мещанину И.Е. Козлову» от октября 1872 года. Документ заверен печатью и подписью костромского нотариуса и утвержден подписью старшего нотариуса [5, с. 4].

Необходимо отметить и тот факт, что нотариальная деятельность представлялась доступным видом юридической помощи при осуществлении прав, и для этих целей создавалось достаточное количество нотариальных контор, а информация об их местонахождении и режимах работы публиковалась. Так о том, где в XIX – начале XX века располагались в Костроме нотариальные конторы, свидетельствует издание «Костромской календарь на 1895 год» [6, с. 43–44].

Нотариус считался государственным служащим, при назначении ему присваивался чин VIII класса по «Табели о рангах» (чин коллежского асессора), однако права на государственное жалование, повышение в чине и пенсию он не имел. Свое содержание он получал из средств, взимаемых за совершение нотариальных действий (либо в виде фиксированного оклада, либо «по соглашению», в зависимости от решения руководства окружного суда). Любой нотариус перед вступлением в должность вносил определенную сумму в качестве залога, который затем пополнялся за счет отчислений из жалованья. Данный залог мог использоваться для покрытия убытков, возникших в результате действий нотариуса. В системе современного нотариата этот институт был заменен институтом обязательного страхования ответственности нотариуса. Важно отметить и тот факт, что бремя содержания сотрудников нотариальной конторы также возлагалось на самого нотариуса.

Нотариусами могли быть только русские поданные, совершеннолетние, достигшие 21 года, «неопороченные судом или общественным приговором» и не занимающие никакой иной должности в государственных или общественных учреждениях. Также нотариусам было запрещено исполнять обязанности адвоката («присяжного поверенного»). О каком-либо специальном образовании в «Положении о нотариальной части» сказано не было, но вступлению в должность предшествовал своеобразный экзамен («испытание»), а также принесение присяги на ближайшем публичном заседании окружного суда.

В фондах Государственного архива Костромской области имеется Свидетельство, говоря современным языком, характеристика, выданное нотариусом Костромского окружного суда П.П. Михайловским коллежскому регистратору П.А. Тихановскому о службе в его нотариальной конторе [7, с. 30]. Данное свидетельство было выдано, по всей видимости, для предъявления его в связи с желанием занять должность нотариуса.

В целях систематизации и единообразного учета документов, которые образовывались в деятельности нотариусов «Положением о нотариальной части» вводилась обязанность ведения нотариального архива. Руководство нотариальным архивом осуществлял старший нотариус, который, в отличие от нотариуса, был полноценным государственным служащим, приравненным «относительно содержания, служебных прав и преимуществ и в порядке определения и увольнения» к членам окружного суда.

Подробная регламентация организации нотариальной деятельности стала определённым этапом в развитии «нотариального процесса». В современной системе законодательства о нотариате невозможно разделить нормы, регулирующие основы нотариальной деятельности и процесс ее осуществ-

вления. При этом необходимо отметить тот факт, что многие положения нотариального процесса были впервые закреплены в «Положении о нотариальной части» 1866 года.

Не обошлась без участия нотариусов и реализация столыпинской аграрной реформы. В фондах Государственного архива Костромской области имеется «Выкопировка из плана на отрубные земельные участки селения Климентино Коткишевской волости Кологривского уезда Костромской губернии, принадлежащие на праве единоличной собственности наследникам крестьянина Владимира Постникова» от 5 марта 1915 года. На указанном документе содержится запись лица, замещающего старшего нотариуса Костромского окружного суда о том, что данное владение отмечено в реестре крепостных дел Костромского нотариального архива и на нем не лежит запрещение по каким-либо долгам [8, с. 3].

После Октябрьской революции Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 года были упразднены все существовавшие до этого на Костромских землях и всей России судебные органы, в связи с чем нотариусы также прекратили свою деятельность, несмотря на то, что в Декрете об этом речь не шла. Общим основанием для упразднения института нотариата принято считать попытку отказа от права частной собственности, а поскольку нотариат рассматривался как институт, обеспечивающий право собственности, то и его необходимость в обществе ставилась под вопрос. Однако уже в начале 1918 года был издан Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов «О суде» (Декрет №2). Ст. 11 вышеупомянутого Декрета описывала функции нотариусов «Надписи о понудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам, на основании правил о понудительном исполнении, делаются нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами их замещающими, причем эти лица, а равно нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном размере» [9].

Принятие Декрета № 2 ознаменовало начало формирования нового института нотариата, первым шагом после принятия Декрета которого стало принятие в 1922 г. Декрета Совета народных комиссаров «Положение о государственном нотариате». Согласно данному Положению, исполкомы местных органов власти открывали государственные нотариальные конторы во всех городах республики. Исполкомам можно было учреждать конторы также и в сельской местности, на узловых станциях, пристанях, временно на ярмарках и т.п. Общее количество государственных нотариальных контор утверждалось Народным комиссариатом юстиции [10].

В фондах Государственного архива Костромской области имеется «Циркуляр Народного комиссариата юстиции №140 об организации при

губернских судах государственных нотариальных отделений и нотариальных архивов» от 20 апреля 1923 года [11, с. 4].

Одним из важнейших направлений деятельности нотариусов в 1920-е годы стало нотариальное оформление договоров об отчуждении немunicipализированных строений и праве застройки в городах, что открывало перед гражданами возможность приобретать жилье в собственность и вести индивидуальное жилищное строительство. 13 июня 1923 года в Костромскую губернию был направлен Циркуляр № 125 Народного комиссариата юстиции «О порядке совершения нотариальными контрами актов об отчуждении строений и права застройки в городах» [12, с. 18].

В фондах Государственного архива Костромской области имеется договор на право застройки земельного участка в г. Макарьеве между Управлением лесного хозяйства Макарьевского исполкома и застройщиками Мушниковыми, заключенный в Макарьевской государственной нотариальной конторе 10 мая 1926 года. Земельный участок по данному договору предоставлялся на 40 лет – до 10 мая 1966 года [13, с. 17–18].

В 1947 году в связи с преобразованием Народного комиссариата юстиции в Министерство юстиции РСФСР, потребовалось провести смену печатей судов и нотариусов. Судя по документам, оформляющим уничтожение печатей в Костромской области, в указанный период действовало 16 государственных нотариальных контор [14, с. 36–37].

В 1974 году был принят Закон СССР «О государственном нотариате». Согласно ст. 1 данного закона: «Задачами государственного нотариата являются охрана социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, государственных учреждений, предприятий и организаций, колхозов, иных кооперативных и других общественных организаций, укрепление социалистической законности и правопорядка, предупреждение правонарушений путем правильного и своевременного удостоверения договоров и других сделок, оформления наследственных прав, совершения исполнительных надписей и иных нотариальных действий» [15].

В советское время нотариусы принимали активное участие в сохранении культурного достояния Костромской области, в частности, библиотечного фонда. Об этом свидетельствует «Справка по обобщению нотариальной практики выдачи исполнительных надписей по требованиям государственных, кооперативных и общественных библиотек за невозвращенные книги за 1985 год в Первой костромской государственной нотариальной конторе» [16, с. 8].

1993 год стал определяющим для современного нотариата. 11 февраля 1993 г. были приняты «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [17]. Основной идеей, заложенной

в Основы, было формирование российского нотариата согласно Латинской модели, в которой нотариусу отводится ключевое место в защите прав путем совершения нотариальных действий. В целях координации и контроля за деятельностью нотариусов создаются нотариальные палаты субъектов Российской Федерации и Федеральная нотариальная палата Российской Федерации.

На данный момент Федеральная нотариальная палата объединяет 84 нотариальные палаты субъектов Российской Федерации. В Костромской области 18.11.1993 года была создана Костромская областная нотариальная палата. Все нотариусы, осуществляющие нотариальную деятельность на территории региона, являются членами данной общественной организации. Государственных нотариусов в Костромской области по состоянию на 01.01.2019 г. нет.

Институт нотариата Костромской области прошёл длительный процесс формирования и становления до того уровня развития, на котором мы можем наблюдать его сейчас. Сегодня институт нотариата представляет собой институт внесудебной защиты прав и свобод человека, соответствующий международным демократическим и правовым стандартам. Современные отношения все чаще требуют наличия элементов превентивного правосудия к которым относится нотариат. Кроме того, строительство гражданского общества в России предопределяет особое внимание к вопросу обеспечения прав и свобод, в связи с чем процесс совершенствования института нотариата в России видится непрерывным.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. 362. – Оп. 1. – Д. 466. – Л. 1–1 об.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 41. Отделение первое. СПб. 1866. № 43186. – С. 346–362.
3. ГАКО. – Ф. 738. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.
4. ГАКО. – Ф. 738. – Оп. 1. – Д. 1450. – Л. 1, 5.
5. ГАКО. – Ф. 738. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 4–4 об.
6. Костромской календарь на 1895 год. – Кострома: Губернская типография, 1895. – С. 43–44.
7. ГАКО. – Ф. 738. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 30.
8. ГАКО. – Ф. 738. – Оп. 1. – Д. 1501. – Л. 3.
9. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов «О суде» (Декрет № 2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_254.htm (дата обращения: 30.01.2019).
10. Декрет СНК РСФСР от 04.10.1922 «Положение о государственном нотариате» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18174#028931606636077656> (дата обращения: 30.01.2019).

11. ГАКО. – Р-1149. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 4–4 об.
12. ГАКО. – Р-1149. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 18.
13. ГАКО. – Р-531. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 17, 18 об.
14. ГАКО. – Р-2281. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 36–37 об.
15. Закон РСФСР от 02.08.1974 «О государственном нотариате» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2746#030718737692292364> (дата обращения: 30.01.2019).
16. ГАКО. – Р-2281. – Оп. 4. – Д. 152 а. – Л. 8.
17. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1): (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 30.01.2019).

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO). – F. 362. – Op. 1. – D. 466. – L. 1–1 ob.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbornie vtoroje. T.41. Otdelenie pervoe. SPb. 1866. № 43186. – S. 346–362.
3. GAKO. – F. 738. – Op. 1. – D. 1. – L. 2.
4. GAKO. – F. 738. – Op. 1. – D. 1450. – L. 1, 5.
5. GAKO. – F. 738. – Op. 1. – D. 11. – L. 4–4 ob.
6. Kostromskoj kalendar' na 1895 god. – Kostroma: Gubernskaya tipografiya, 1895. – S. 43–44.
7. GAKO. – F. 738. – Op. 1. – D. 3. – L. 30.
8. GAKO. – F. 738. – Op. 1. – D. 1501. – L. 3.
9. Dekret Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabocih, soldatskih, krest'janskix i kazach'ih deputatov «O sude» (Dekret № 2). [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_254.htm (data obrashcheniya: 30.01.2019).
10. Dekret SNK RSFSR ot 04.10.1922 «Polozhenie o gosudarstvennom notariate» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18174#028931606636077656> (data obrashcheniya: 30.01.2019).
11. GAKO. – R-1149. – Op. 1. – D. 4. – L. 4–4 ob.
12. GAKO. – R-1149. – Op. 1. – D. 4. – L. 18.
13. GAKO. – R-531. – Op. 1. – D. 17. – L. 17, 18 ob.
14. GAKO. – R-2281. – Op. 1. – D. 28. – L. 36–37 ob.
15. ZakonRSFSR ot 02.08.1974 «O gosudarstvennom notariate» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2746#030718737692292364> (data obrashcheniya: 30.01.2019).
16. GAKO. – R-2281. – Op. 4. – D. 152 a. – L. 8.
17. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 N 4462-1): (red. ot 27.12.2018) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (data obrashcheniya: 30.01.2019).

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ, СИСТЕМНЫЙ, СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО АНАЛИЗА НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

В статье утверждается, что для научных исследований в сфере административного права важен разнообразный гносеологический инструментарий. При появлении новых методологических подходов и дальнейшем их использовании необходимо основываться на принципе дополненности. Подходы и методы должны дополнять друг друга для целостного отражения правовой реальности и выработки производительных знаний о ней. Это главная аксиома, которой целесообразно руководствоваться, исследуя сущность и содержание норм административного права.

Доказывается, что углубленно исследовать нормы административного права можно с помощью диалектического и системного подходов. С их помощью можно выявить свойства норм административного права, а также проследить, как данные социальные регуляторы объединяются в структурированную систему с определенными внешними и внутренними функциональными связями.

Отмечается, что структурный и функциональный анализ тоже имеют важное значение для всестороннего исследования норм административного права. Гносеологический потенциал последних позволяет: выделить в данных социальных регуляторах соответствующие структурные элементы; определить критерии классификации норм административного права; охарактеризовать функции источников норм административного права; проанализировать особенности функционирования системы норм административного права в определенной внешней среде.

Ключевые слова: административное право, норма, научный подход, метод, диалектика, системный анализ, структура, функция.

В административно-правовой науке не может быть более значимых и менее значимых средств познания. Все научные методы и научные подходы в равной степени ценны и важны. Поэтому правы те исследователи, которые отмечают, что даже при появлении новых методологических подходов и дальнейшем их использовании необходимо основываться на принципе дополненности, а не на изменении одного представления на другое. Подходы и методы должны дополнять друг друга для целостного отражения правовой реальности и выработки производительных знаний о ней [14, с. 12]. И это главная аксиома, которой целесообразно руководствоваться, исследуя сущность и содержание норм административного права.

Чтобы всесторонне познать социально-правовую природу, разобраться в особенностях создания, толкования, реализации, структурного выражения и формального закрепления норм административного права, надо стремиться осуществить апелляцию к большинству научных методов и подходов. Именно такой ориентир способен гарантировать максимальное приближение к возможной полноте исследования того или иного объекта научного интереса, а также выявить действительную сущность и содержание последнего.

Учитывая сказанное, в данной статье хотелось бы привести характеристику отдельных научных подходов и показать, как последние могут быть использованы в целях освещения определенных параметров проблематики норм административного права. В рамках обозначенной цели сначала раскроем гносеологический потенциал диалектического подхода.

Ученые отмечают, что данный исследовательский подход является чрезвычайно полезным для

познания и конструирования социальной действительности, благодаря чему в гносеологии он продолжает занимать хотя и не решающее, но все же свое достойное, обособленное место [9, с. 241]. Благодаря наличию такого потенциала диалектический подход достаточно часто и эффективно используется учеными-административистами. В частности, А.М. Асадову он предоставил возможность всесторонне исследовать методологические проблемы административно-правовых отношений в сфере экономики и финансов [2], а Б.Н. Комахину – осветить административно-правовые основы развития государственно-служебной деятельности в контексте политики модернизации [6]. В.А. Гуреев с учетом данного подхода основательно проанализировал особенности административной деятельности Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства [4], а Н.Г. Кутын сформировал целостное представление об административно-правовом режиме промышленной безопасности опасных производственных объектов в Российской Федерации [7]. Научные работы административистов, в которых познание проведено с учетом диалектических законов, можно и дальше продолжать перечислять, хотя, как представляется, в этом отсутствует острая необходимость. Считаем, что упомянутых примеров уже достаточно для убедительного подтверждения того факта, как можно наряду с иными приемами и способами научного познания использовать диалектический подход, чтобы так же качественно попытаться на высоком научном уровне исследовать проблематику норм административного права.

Следовательно, позитивный опыт использования диалектического подхода вышеуказанным

ми учеными достоин того, чтобы его перенимали и другие приверженцы административно-правовой науки, которые будут пытаться разрешить вопросы, связанные с созданием, реализацией, интерпретацией и фиксацией в определенных источниках норм административного права.

Если более предметно обратить внимание на аксиологическое значение использования данного подхода в исследовании норм административного права, то оно может проявиться, в частности, в том, что мышление правоведа с учетом соответствующих законов диалектики способно пройти в своем развитии следующую диалектическую триаду: тезис, антитезис и синтез. А означает это следующее. Так, например, обращаясь к использованию в своем исследовании методологических возможностей диалектического познания, ученый-административист, как правило, уже осознает тот факт, что в имеющихся научных наработках его предшественниками была сформулирована какая-то научная идея относительно феномена правовой нормы – то есть тезис. Данный тезис исследователь может расценить как небесспорный, благодаря чему у последнего возникнет желание имеющемуся тезису противопоставить противоположную идею – антитезис. Борьба между тезисом и антитезисом будет длиться до тех пор, пока не возникнет решение, которое будет учитывать ценностные характеристики как тезиса, так и антитезиса. И такое решение станет третьей диалектической ступенью – синтезом [11, с. 165–194], который с определенной вероятностью может быть воспринят как социумом, так и правовой практикой в качестве ориентира для повседневной деятельности.

Следовательно, если административист попытается двигаться в фарватере указанной диалектической триады, то это, очевидно, позволит ему сформулировать более оптимальные для развития науки административного права теоретические положения относительно административно-правовых норм, которые, в свою очередь, будут отвечать требованиям современного развития общества и государства.

Наряду с этим использование в научном поиске и таких парных категорий диалектики, как: форма и содержание, общее и особенное, абстрактное и конкретное, количество и качество – может также предоставить возможность более углубленно исследовать нормы административного права и прийти к обоснованным выводам. В свою очередь, важнейшие законы диалектики способны нацелить на применение дополнительно и тех приемов мышления, которые будут способствовать познанию и пониманию процесса развития норм административного права как самих по себе, так и в соционормативной системе того или иного государства. Соответствующие операции могут стать возможными за счет: «разделения» единого и изучения противоречивых его сторон (при этом ориентация должна происходить на диалектический закон единства и борьбы противоположно-

стей); различения количественных и качественных изменений в развитии правового явления (здесь уместно будет ориентироваться на диалектический закон перехода количественных изменений в качественные); отрицания отрицанием, которое будет означать замену устаревших тенденций развития объекта новыми и жизнеспособными (в качестве ориентира в этом случае уже будет выступать диалектический закон отрицания отрицания).

Чтобы двигаться в направлении всестороннего исследования сущности и содержания норм административного права, необходимо также опираться на потенциал системного подхода. Применение последнего административистами обуславливает, в частности, общая потребность анализа и обобщения сложных социально-правовых явлений с учетом особенностей как самого предмета исследования, так и целого ряда других факторов, которые влияют на развитие всей системы административного права определенного государства. Отдельные представители административно-правовой науки с помощью системного подхода уже очертили в своих монографических работах ориентиры познания многообразия данных факторов. В диссертационных исследованиях А.Н. Дерюги [5], Д.В. Осинцева [12], В.П. Уманской [16], А.Ю. Соколова [15] и других правоведов описаны некоторые из них. Поэтому труды большинства ученых-административистов уже способны выполнить роль методологического базиса для обоснования авторской точки зрения на проблематику норм административного права.

Системный подход – это аспект, ракурс исследования, который предусматривает рассмотрение определенного объекта как сложного, многогранного, разнокачественного явления с соответствующими внутренними элементами, связи между которыми образуют относительно неизменную структуру и обеспечивают его системную целостность. Данная системная целостность находится в непрерывном развитии и владеет определенной автономией относительно окружающей среды. Системный подход, таким образом, может позволить раскрыть соответствующие механизмы развития сложной административно-правовой нормативной системы любой державы.

Исходя из сказанного, можно с большой долей уверенности утверждать, что системный подход, при его приложении к изучению феномена норм административного права, способен открыть специфические возможности исследования последних в качестве определенных образований с интеграционными характеристиками, которые имеют соответствующие условия для саморазвития и присущую им (как и иным социальным нормам) структурированную систему с определенными внешними и внутренними функциональными связями. Аксиологическое значение системного подхода дополнительно проявляется и в том, что он позволяет во время научной рефлексии глубже познать как общие свойства всей совокупности

существующих норм административного права каждого государства и особенности характера ее взаимоотношений с внешней средой, так и более полно охарактеризовать условия сохранения данной нормативной совокупностью устойчивости, с параллельным выявлением явных и латентных проблем управления последней.

Убеждены, что системный подход может быть полезен и во время анализа системы источников норм административного права, которая, например, в Российской Федерации выступает в качестве упорядоченной, целостной и логично построенной нормативной совокупности. Как отмечают А.Г. Мамонтов и Ф.М. Гаджинова, с помощью системно-познавательного исследовательского инструментария можно сформулировать ряд выводов и положений, позволяющие внести определенную новизну в уже существующие дискуссии о понимании источников права, их месте и значении в национальных правовых системах, а также спрогнозировать возможности реформирования и усовершенствования системы именуемых источников [8, с. 9–14].

Расширить границы познавательных возможностей во время исследования норм административного права способен и структурно-функциональный подход. Сущность последнего заключается в выделении в системных объектах соответствующих структурных элементов (компонентов, подсистем) и определении их роли (функций) в той системе, составляющими которой они являются. Элементы и связи, которые имеются в определенной системе, создают структуру последней. Каждый элемент выполняет свои специфические функции, которые «работают» на общесистемные функции. Структура характеризует систему в статике, а функции – в динамике. Следовательно, между ними есть системно обусловленная зависимость.

С учетом отмеченного структурно-функциональный подход может быть использован учеными в качестве приема расчленения того или иного объекта исследования на составные части, а также с целью изучения связей между указанными частями, определения их места и роли в функционировании объекта как некой целостности, которая взаимодействует с внешней средой.

Принимая во внимание, что указанный исследовательский подход (иногда его разбивают на два самостоятельных приема научного познания – структурный и функциональный, хотя и используют сообща) имеет соответствующий гносеологический потенциал, представители административно-правовой науки уже давно стали брать его на вооружение в своих научных изысканиях [1; 3; 10; 13].

Надеемся, что ученым-административистам удастся достаточно эффективно задействовать гносеологический потенциал структурно-функционального подхода также и в целях всестороннего познания норм административного права, например, при: выделении в данных социальных регуляторах соответствующих структурных элементов,

а также особенностей функционирования и взаимосвязи последних; определении научно обоснованных, методологически выверенных и пригодных для практического приложения критериев классификации административно-правовых норм; исследовании других объективно присущих указанным нормативам характеристик и параметров их создания, реализации, интерпретации и закрепления в определенных источниках.

Убеждены, что использование структурно-функционального подхода способно позволить исследователям осуществить всестороннюю характеристику источников норм административного права через анализ их функций, которые они выполняют, – как каждый отдельный феномен, так и целостное системное образование. Функциональный характер системы источников норм административного права обуславливает те методологические принципы ее исследования, которые сводятся к необходимости изучения динамичности отмеченной системы. Очевидным является то, что последняя постоянно развивается, учитывая присущие ей внутренние и внешние противоречия, функционирует в определенной внешней среде, которая определяет и развивает ее, детерминирует направленность ее функционирования, а следовательно, обуславливает апеллирование к указанному исследовательскому подходу.

Характеристика гносеологического инструментария, которая представлена выше, конечно же, не исчерпывает всего методологического многообразия научно-познавательных подходов, которые могут быть использованы в процессе рефлексии над нормами административного права. Предмет исследования объективно обуславливает применение и другого методологического базиса (в частности, информационного, антропологического, культурологического и других подходов), который позволит получить научно обоснованные, социально-полезные и ценные с практической точки зрения предложения и рекомендации. Последние, в свою очередь, могут стать почвой для обновления консервативных взглядов на административно-нормативную проблематику, что, возможно, в дальнейшем выльется в разработку такой теории норм административного права, которая по своей сущности будет являться «теорией отражения актуально существующей социально-правовой реальности (действительности)».

Библиографический список

1. *Аникин С.Б.* Административно-правовое регулирование предметов совместного ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2011. – 50 с.
2. *Асадов А.М.* Косвенные (опосредованные) административно-правовые отношения в сфере экономики и финансов: дис. ... д-ра юрид. наук. – Челябинск, 2014. – 377 с.

3. *Босхамджиева Н.А.* Административно-правовые основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 369 с.
4. *Гуреев В.А.* Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 447 с.
5. *Дерюга А.Н.* Концептуально-прикладные основы развития административной деликтологии: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012. – 479 с.
6. *Комахин Б.Н.* Административно-правовые основы развития государственно-служебной деятельности в контексте политики модернизации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 484 с.
7. *Кутын Н.Г.* Административно-правовой режим промышленной безопасности опасных производственных объектов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 420 с.
8. *Мамонтов А.Г.* Принципы системного подхода в исследованиях источников права / А.Г. Мамонтов, Ф.М. Гаджинова // Вестник Московского университета МВД России. – 2005. – № 1. – С. 9–14.
9. *Маркин А.В.* Место и роль диалектики в методологии исследования права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 2 (16). – С. 240–243.
10. *Миронов А.Н.* Административные процедуры технологии подготовки нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 427 с.
11. *Ныркоу В.В.* Парные юридические категории: логико-философские основания и перспективы разработки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. А.В. Малькова, Н.И. Матузова. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – 560 с.
12. *Осинцев Д.В.* Методы административно-правового воздействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 54 с.
13. *Павлов П.В.* Особые административно-правовые режимы осуществления внешнеэкономической деятельности (теоретико-прикладной аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. – Люберцы, 2012. – 487 с.
14. *Пархоменко Н.М.* Джерела права: проблеми теорії та методології: монографія. – К.: Видавництво «Юридична думка», 2008. – 336 с.
15. *Соколов А.Ю.* Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2013. – 535 с.
16. *Уманская В.П.* Система правовых актов органов исполнительной власти: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – 410 с.
- polnomochij Rossijskoj Federacii i sub"ektov Rossii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Saratov, 2011. – 50 s.
2. *Asadov A.M.* Kosvennye (oposredovannye) administrativno-pravovye otnosheniya v sfere ekonomiki i finansov: dis. ... d-ra jurid. nauk. – CHelyabinsk, 2014. – 377 s.
3. *Boskhamdzhieva N.A.* Administrativno-pravovye osnovy obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2014. – 369 s.
4. *Gureev V.A.* Administrativnaya deyatelnost' Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov v sfere ispolnitel'nogo proizvodstva: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2013. – 447 s.
5. *Deryuga A.N.* Konceptual'no-prikladnye osnovy razvitiya administrativnoj deliktologii: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2012. – 479 s.
6. *Komahin B.N.* Administrativno-pravovye osnovy razvitiya gosudarstvenno-služhebnogo deyatelnosti v kontekste politiki modernizacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2014. – 484 s.
7. *Kut'in N.G.* Administrativno-pravovoj režim promyšlennoj bezopasnosti opasnyh proizvodstvennyh ob"ektov v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2013. – 420 s.
8. *Mamontov A.G.* Principy sistemnogo podhoda v issledovaniyah istochnikov prava / A.G. Mamontov, F.M. Gadzhinova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2005. – № 1. – S. 9–14.
9. *Markin A.V.* Mesto i rol' dialektiki v metodologii issledovaniya prava // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 2 (16). – S. 240–243.
10. *Mironov A.N.* Administrativnye procedury tekhnologii podgotovki normativnyh pravovyh aktov federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2013. – 427 s.
11. *Nyrkov V.V.* Parnye juridicheskie kategorii: logiko-filosofskie osnovaniya i perspektivy razrabotki // Sovremennye metody issledovaniya v pravovedenii / pod red. A.V. Mal'kova, N.I. Matuzova. – Saratov: SYUI MVD Rossii, 2007. – 560 s.
12. *Osincev D.V.* Metody administrativno-pravovogo vozdejstviya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Ekaterinburg, 2013. – 54 s.
13. *Pavlov P.V.* Osobyje administrativno-pravovye režimy osushchestvleniya vneshnetorgovoj deyatelnosti (teoretiko-prikladnoj aspekt): dis. ... d-ra jurid. nauk. – Lyubercy, 2012. – 487 s.
14. *Parhomenko N.M.* Dzherela prava: problemi teorii ta metodologii: monografiya. – K.: Vidavnicтво «Yuridichna dumka», 2008. – 336 s.
15. *Sokolov A.YU.* Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Saratov, 2013. – 535 s.
16. *Umanskaya V.P.* Sistema pravovyh aktov organov ispolnitel'noj vlasti: teoreticheskie i prikladnye aspekty: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2015. – 410 s.

References

1. Anikin S.B. Administrativno-pravovoe regulirovanie predmetov sovmestnogo vedeniya i

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ НА УРОВНЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ (на примере Приволжского федерального округа)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления»

В настоящей статье проанализированы основные организационно-правовые элементы противодействия коррупции на уровне федерального округа в их взаимосвязи и взаимозависимости. В качестве примера обозначен опыт Приволжского федерального округа, который является весьма показательным в силу ряда причин. Определены важнейшие организационно-правовые мероприятия по противодействию коррупции на уровне федерального округа, вопросы реализации государственной антикоррупционной политики на межрегиональном уровне государственного управления. Рассмотрены структурные элементы механизма противодействия коррупции в Приволжском федеральном округе, которыми предстают как государственные, так и негосударственные формирования. В заключение сделан вывод, что существующий организационно-правовой механизм обеспечения реализации антикоррупционной политики государства и противодействия коррупционным проявлениям в Приволжском федеральном округе в целом соответствует насущным проблемам и задачам в этой государственно-значимой области, оптимален и эффективен. Однако данное обстоятельство никоим образом не может выступать препятствием его дальнейшего развития и совершенствования. Сформулировано предложение создать Центр противодействия коррупции Приволжского федерального округа.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, механизм противодействия коррупции, административно-правовые меры противодействия коррупции, федеральный округ, Приволжский федеральный округ, государственное управление, межрегиональное государственное управление.

Противодействие коррупции в современной России осуществляется на всех уровнях властвования и публичного управления – федеральном, региональном, муниципальном. Федеральному государственному территориальному управлению последних лет свойственна децентрализация его органов и структур (центрального аппарата, территориальных) на межсубъектном уровне – уровне федерального округа. Таковых на сегодняшний день восемь единиц – Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Северо-Кавказский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа. Особое значение в ракурсе государственного управления имеет Приволжский федеральный округ, отличающийся сосредоточением на сравнительно небольшой территории значительного количества населения и промышленных объектов (в первую очередь, автомобильного машиностроения и нефтегазового комплекса), а также обусловленных этим обстоятельством размещением государственных органов, государственных и муниципальных служащих. Напомним, территорию Приволжского федерального округа составляют территории следующих субъектов Российской Федерации: Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан (Татарстан), Удмуртская Республика, Чувашская Республика – Чувашия, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область.

К сожалению, к настоящему времени многие вопросы противодействия коррупции на межрегиональном уровне государственного управления – уровне федерального округа – в юридической литературе освещены и изучены явно недостаточно. Имеются лишь отдельные исследования, причём в большинстве своём частично затрагивающие данную проблематику [6; 8]. Вместе с тем нельзя не отметить имеющийся в правовых научных источниках разносторонний и разноаспектный анализ вопросов противодействия коррупции и осуществления механизма антикоррупционной политики государства на центральном федеральном и местном уровнях реализации публичной власти [1–5; 7].

Несомненно, содержание и направления противодействия коррупции в пределах Приволжского федерального округа в большинстве своём являются общими для всей страны, что обусловлено едиными проблемами и нормативной правовой основой их решения. Тем не менее эти характеристики обладают и своей спецификой, что определено особенностью данной территории в части национального состава и традиций, построения и организации деятельности органов управления, а также в некоторой степени видением мер и способов решения проблемных вопросов полномочным представителем президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. Данное обстоятельство в значительной степени проявляется в организационно-правовых аспектах противодействия коррупции в пределах Приволжского федерального округа.

Полномочный представитель президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, наряду с полномочными представителями президента Российской Федерации в иных федеральных округах, входит в качестве члена в состав Совета Безопасности России, Государственного совета Российской Федерации, Комиссии по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров и уже в этом качестве напрямую занимается вопросами противодействия коррупции как угрозы национальной безопасности в общегосударственном масштабе, а также в пределах Приволжского федерального округа. Более того, положения базового нормативного акта, регламентирующего основы его правового статуса, юридически обязывают полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе осуществлять организационно-правовые меры по противодействию коррупции. В первую очередь, речь идет об исполнении в федеральном округе поставленных перед ним основных задач, а равно обозначенных функций и прав, связанных с организацией работы по реализации органами государственной власти определяемых президентом России основных направлений внутренней и внешней политики государства; организацией контроля за исполнением решений федеральных органов государственной власти; обеспечением реализации кадровой политики главы государства; представлением президенту России регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности, внесении в его адрес соответствующих предложений.

Обеспечивая деятельность полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, непосредственно реализацию антикоррупционной политики в Приволжском федеральном округе осуществляют подразделения его аппарата. Так, в структуре аппарата полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе отдельными аспектами противодействия коррупции, так или иначе, в той или иной части занимаются соответствующие заместитель и помощник полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, а также департаменты: по вопросам внутренней политики; по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности; по взаимодействию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления; по вопросам экономической и социальной политики; контрольного департамента.

Однако напрямую воплощение комплекса мер по противодействию коррупции возложено на департамент по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград. Его деятельность направлена на решение следующих взаимосвязанных задач:

– участие в обеспечении деятельности полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе по реализации конституционных полномочий президента России в части решения кадровых вопросов, полномочий по проведению государственной политики в области государственной службы и государственных наград Российской Федерации;

– осуществление в пределах своих полномочий контроля за исполнением федеральных законов (в части, касающейся полномочий президента Российской Федерации), указов, распоряжений и поручений президента России по вопросам государственной службы и кадров;

– подготовка докладов президенту России по вопросам реализации государственной политики в области профилактики коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления;

– совершенствование механизмов противодействия коррупции на государственной службе, участие в развитии института комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации и органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений как одного из основных механизмов предупреждения коррупции, выявления и разрешения конфликта интересов на государственной гражданской службе;

– кадровое и организационно-штатное обеспечение деятельности аппарата полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе.

Особая роль в осуществлении государственной антикоррупционной политики на уровне федерального округа принадлежит совещательным органам при полномочном представителе президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. Данные структуры призваны осуществлять консультативное сопровождение управленческой деятельности в области противодействия коррупции. При этом их создание и функционирование обусловлено, как правило, необходимостью решения широкого спектра вопросов обеспечения национальной безопасности, важной составной частью которой является противодействие коррупции во всех её проявлениях. При этом предполагается специализация структурных подразделений данных органов исходя из вида угроз национальной безопасности, в том числе коррупционной направленности. Созданы и обособленные тематические консультативные структуры.

Важные роль и значение в механизме противодействия коррупции имеет в силу своего правового статуса и состава Совет при полномочном представителе президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, созданный в соответствии с актом главы государства в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах

Приволжского федерального округа, повышения эффективности института полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе.

Являясь совещательным органом, содействующим реализации полномочий главы государства, Совет при полномочном представителе президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, в частности, решает задачи, так или иначе затрагивающие как общие вопросы обеспечения национальной безопасности, так и аспекты противодействия коррупции. Например, обсуждение основных вопросов кадровой политики в регионе (федеральном округе), имеющих особое государственное значение проблем, вопросов обеспечения выполнения поручений главы государства по итогам заседаний Государственного совета России и его президиума; рассмотрение вопросов исполнения (соблюдения) федерального законодательства, проектов федеральных законов и указов президента России, имеющих важное значение на федеральном и региональном уровне.

Не менее значимыми в области обеспечения национальной безопасности являются консультативные органы, созданные на основании решений полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. Компетенцией общего характера в этой сфере обладает Коллегия по вопросам безопасности при полномочном представителе президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, которая является постоянно действующим координационным органом, обеспечивающим плановое взаимодействие субъектов, осуществляющих защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проведение единой государственной политики в области обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом на территории Приволжского федерального округа.

Решение широкого круга кадровых вопросов, а в рамках него и противодействия коррупции на государственной муниципальной службе, возложено на Координационный совет Приволжского федерального округа по государственной кадровой политике. Цель деятельности данного консультационного органа состоит в создании условий обеспечения реализации единой государственной кадровой политики на территории Приволжского федерального округа, а основными задачами являются:

- обеспечение взаимодействия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, научных и образовательных организаций при реализации единой государственной кадровой политики, в том числе формировании единого кадрового пространства на территории Приволжского федерального округа;

- подготовка предложений по вопросам реализации единой государственной кадровой политики

на территории Приволжского федерального округа, развития государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации и муниципальной службы, совершенствования нормативного правового регулирования в этой области;

- оценка эффективности организации государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации и муниципальной службы в органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления;

- содействие развитию и совершенствованию процессов внедрения современных кадровых технологий в деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Отдельные аспекты противодействия коррупции в Приволжском федеральном округе затронуты в деятельности консультативных (совещательных) структур, основная цель функционирования которых не связана напрямую с вопросами обеспечения национальной безопасности и противодействия коррупции, но, так или иначе, эти аспекты затрагиваются в рамках практического осуществления принадлежащих полномочий. Например, Комиссия по улучшению инвестиционного климата, снижению административных барьеров и развитию малого и среднего предпринимательства в Приволжском федеральном округе, цель деятельности которой состоит в содействии созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику Приволжского федерального округа. Среди её основных задач, в частности, – принятие мер по устранению административных барьеров, оказание содействия развитию малого и среднего предпринимательства. Вместе с тем успешное решение обозначенных задач невозможно без рассмотрения аспектов противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе.

Особый интерес в рамках исследуемой проблематики представляет специализированная консультативно-совещательная структура «узкой» направленности – Рабочая группа по координации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Приволжского федерального округа. Данный орган создан при полномочном представителе президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе в целях реализации единого комплекса мер по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Приволжского федерального округа, а также профилактики коррупционных правонарушений на публичной службе. Значение его предопределено не только сферой деятельности, но и составом, который образует: руководитель – заместитель полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе (руководитель), помощник полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе (заместитель руко-

водителя), начальник департамента по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград (ответственный секретарь); члены – начальник департамента по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности, главный советник департамента по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград, федеральный инспектор департамента по взаимодействию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, главный советник департамента по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности, советник департамента по вопросам внутренней политики, советник контрольного департамента.

В заключение отметим: существующий организационно-правовой механизм обеспечения реализации антикоррупционной политики государства и противодействия коррупционным проявлениям в Приволжском федеральном округе в целом соответствует насущным проблемам и задачам в этой государственно-значимой области, вполне оптимален и эффективен, что, однако, не может выступать и не является препятствием его дальнейшего развития и совершенствования. В данном контексте в целях повышения эффективности работы полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе по решению поставленных перед ним основных задач представляется целесообразным создать Центр противодействия коррупции Приволжского федерального округа. Данная структура предположительно должна аккумулировать соответствующие организационные и иные ресурсы, достаточные для успешной реализации антикоррупционной политики российского государства именно на окружном, а не региональном уровне государственного управления, непосредственно заниматься вопросами противодействия коррупции на межрегиональном уровне. В этом случае, думается, механизм осуществления антикоррупционной политики на уровне федерального округа будет включать исчерпывающий набор инструментов противодействия коррупции и позволит максимально успешно противостоять её негативным проявлениям.

Библиографический список

1. *Илюшина М.Н.* Гражданско-правовые механизмы преодоления коррупции и реформа гражданского законодательства о недействительности сделок // *Российский следователь.* – 2017. – № 24. – С. 22–27.
2. *Ишекков К.А.* Нормативное правовое регулирование антикоррупционной политики: проблемы и перспективы // *Российский следователь.* – 2017. – № 24. – С. 28–32.
3. *Козлова Е.Б.* Проблемы формирования и реализации региональной политики антикоррупционного просвещения на современном этапе // *Правовая культура.* – 2016. – № 4 (27). – С. 17–25.

4. *Малеванова Ю.В.* К вопросу о разграничении отдельных видов коррупционного поведения государственных гражданских служащих // *Российский следователь.* – 2018. – № 6. – С. 55–59.

5. *Фоменко Е.В.* Подкуп: криминологический портрет и отдельные основания криминализации // *Вестник Российской правовой академии.* – 2017. – № 3. – С. 57–62.

6. *Черкасов К.В.* Административно-правовое регулирование противодействия коррупции на межрегиональном уровне государственного управления // *Административное и муниципальное право.* – 2010. – № 8 (32). – С. 30–32.

7. *Черкасов К.В.* Совершенствование антикоррупционного законодательства России в рамках административной реформы: некоторые проблемы // *Правовая политика и правовая жизнь.* – 2010. – № 2. – С. 217–219.

8. *Черкасов К.В.* Становление и развитие института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах / под ред. проф. П.П. Сергуна. – Саратов: Саратовский юридический ин-т МВД России, 2006.

References

1. *Ilyushina M.N.* Grazhdansko-pravovye mekhanizmy preodoleniya korrupcii i reforma grazhdanskogo zakonodatel'stva o nedejstvitel'nosti sdelok // *Rossijskij sledovatel'.* – 2017. – № 24. – S. 22–27.
2. *Ishekov K.A.* Normativnoe pravovoe regulirovanie antikorrupcionnoj politiki: problemy i perspektivy // *Rossijskij sledovatel'.* – 2017. – № 24. – S. 28–32.
3. *Kozlova E.B.* Problemy formirovaniya i realizacii regional'noj politiki antikorrupcionnogo prosveshcheniya na sovremennom etape // *Pravovaya kul'tura.* – 2016. – № 4 (27). – S. 17–25.
4. *Malevanova YU.V.* K voprosu o razgranichenii ot del'nyh vidov korrupcionnogo povedeniya gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih // *Rossijskij sledovatel'.* – 2018. – № 6. – S. 55–59.
5. *Fomenko E.V.* Podkup: kriminologicheskij portret i ot del'nye osnovaniya kriminalizacii // *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii.* – 2017. – № 3. – S. 57–62.
6. *CHerkasov K.V.* Administrativno-pravovoe regulirovanie protivodejstviya korrupcii na mezhregional'nom urovne gosudarstvennogo upravleniya // *Administrativnoe i municipal'noe pravo.* – 2010. – № 8 (32). – S. 30–32.
7. *CHerkasov K.V.* Sovershenstvovanie antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossii v ramkah administrativnoj reformy: nekotorye problemy // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'.* – 2010. – № 2. – S. 217–219.
8. *CHerkasov K.V.* Stanovlenie i razvitie instituta polnomochnyh predstavitelej Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nyh okrugah / pod red. prof. P.P. Serguna. – Saratov: Saratovskij yuridicheskij in-t MVD Rossii, 2006.

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

В данной работе изучается содержание и признаки жестокости и особой жестокости как психологических явлений, имеющих уголовно-правовое значение. Особая жестокость рассматривается с точки зрения проблемы акцентуированных черт характера. Проводится детальное исследование личностных особенностей человека, которые могут повлиять на совершение преступления с особой жестокостью. К таковым автор относит возрастные особенности лица, характер поведения лиц, страдающих заболеваниями психики. На совершение преступлений с особой жестокостью оказывают влияние и некоторые мотивы совершения преступлений, к которым следует отнести мотив кровной мести при совершении убийства. Отдельно в работе обращается внимание, что в судебной и следственной практике очень важно знание особенностей возникновения и проявления акцентуации характера в поведении участников уголовного судопроизводства. Представлена научная классификация преступлений, совершаемых с особой жестокостью. Автор указывает на то, что в Уголовном законе нет определения особой жестокости. В связи с этим предлагается дополнить ст. 105 Уголовного закона примечанием, в котором будет даваться данное определение. В статье представлено авторское понятие особой жестокости.

Ключевые слова: жестокость, акцентуация характера, преступление, классификация, квалификация.

В уголовном процессе при привлечении лица к уголовной ответственности и назначении наказания в случаях, предусмотренных законом, учитываются эмоциональные явления и особенности психического состояния виновного в момент или после совершения преступления. К одному из таких явлений, наряду с аффектом, фрустрацией, тревожностью, относится особая жестокость. В судебно-следственной практике вопросы, связанные с выявлением у виновного в совершении преступления лица подобных состояний психической напряженности, являются наиболее спорными.

Особая жестокость представляет собой акцентуированную, то есть достигающую крайней границы нормы, черту характера человека. По мнению отечественного психолога А.Е. Личко, некоторые черты характера в отдельных, как правило, конфликтных ситуациях (а преступление есть не что иное, как конфликт) могут достигать наибольшей степени своей выраженности. В результате они способны образовывать своеобразный архетип характера, что в психологии называется акцентуацией характера [2, с. 54]. А.Е. Личко отмечает, что при усилении свойств отдельной черты характера становятся уязвимыми ряд психогенных воздействий. Одновременно у лица проявляется повышенная устойчивость к другим воздействиям [2, с. 57].

Какие личностные особенности могут влиять на совершение преступления с особой жестокостью?

Во-первых, это могут быть возрастные особенности лица. К группе риска можно отнести несовершеннолетних лиц, и не только тех, которые считаются трудными подростками, но и тех, которые в обычных условиях не проявляют себя с негативной стороны, а при возникновении неординарных ситуаций, возможно под влиянием групповых интересов, проявляют жестокость к другим людям. В одном из сибирских городов несколько лет назад

было совершено жестокое преступление с участием подростков-девушек. Некоторые из них пытались усадить свою одноклассницу на колени, всячески унижали ее, пинали ногами. Одноклассница оказывала сильное сопротивление. Тогда 14-летние девушки нанесли ей многочисленные побои, в результате которых жертва скончалась [5]. Что явилось причиной проявления особой жестокости у девушек-подростков?

В отечественной юридической психологии разработана теория причинной обусловленности преступлений, исходя из которой следует, что каждое конкретное преступление имеет целый ряд объективных и субъективных причин. В данном случае сыграли свою роль психологические особенности групповой преступности, несформированность ценностей и общечеловеческих установок отдельного подростка, присутствие ненависти к другим лицам и другие причины.

Во-вторых, особая жестокость есть проявление в поведении лиц, страдающих заболеваниями психики. По данным некоторых исследователей, из всех лиц, совершающих насильственные преступления, 57 % – это лица с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости [1]. Соответственно, данные лица совершают преступления, в том числе с особой жестокостью.

Также проявлению особой жестокости при совершении преступлений могут способствовать и некоторые мотивы. Таковым может быть убийство, совершенное по мотиву кровной мести. Сегодня законодатель, придавая особое значение правильной квалификации убийств именно по этому мотиву, выделил его в отдельный п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Согласно статистическим данным, в современной структуре убийств достаточно велик процент данных преступлений, совершенных по мотиву кровной мести. Это характерно для национальных республик, входящих в состав РФ, таких как Че-

ченская республика, Дагестан, Северная Осетия, поскольку в них до сих пор в периоды отсутствия сильной политико-правовой власти действуют некоторые внеправовые обычаи как способы регулирования общественных отношений [4, с. 26].

В юридической практике знание особенностей возникновения и проявления акцентуации характера в поведении участников уголовного судопроизводства (у подозреваемого, потерпевшего, свидетелей) приобретает большое значение. Это дает возможность понять механизм совершения преступления конкретным лицом, выявить факторы, повлиявшие на процесс принятия решения о совершении преступления, выявить у подозреваемого различные состояния психологической напряженности. Все это влияет на правильности квалификации преступления. Анализ акцентуации характера как психического явления позволяет выявлять и социально положительные качества личности, например, невозможность совершения субъектом определенных форм противоправного поведения (из хулиганских побуждений, с особой жестокостью и т. д.).

Преступления, совершенные с особой жестокостью, можно классифицировать следующим образом:

– деяния, посягающие на жизнь и здоровье человека (п. «д» ч. 2 ст. 105; п. «б» ч. 2 ст. 111; п. «в» ч. 2 ст. 112);

– деяния, посягающие на половую неприкосновенность или половую свободу личности (п. «б» ч. 2 ст. 131; п. «б» ч. 2 ст. 132); иные виды деяний, совершенных с особой жестокостью.

В Уголовном законе как такового определения особой жестокости нет. В практике борьбы с преступностью при квалификации содеянного и при назначении наказания должны учитываться следующие факторы:

– применение пыток до убийства или в процессе убийства;

– истязание или психологическое давление на жертву до самого убийства, а также лишение ее свободы;

– убийство с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью;

– убийство особенно болезненным для человека способом (сожжение, отравление, убийство посредством лишения жертвы еды или воды, смерть от болевого шока);

– лишение человека жизни в присутствии его родных или близких.

Как было сказано выше, признание наличия особой жестокости в действиях лица зависит еще и от времени ее применения: до совершения преступления, в момент совершения деяния или после него.

Это одна из самых значительных особенностей данного отягчающего обстоятельства. Итак, рассмотрим все три временных промежутка:

1. Применение особой жестокости до самого убийства может заключаться в пытках, истязаниях, эмоциональном давлении на жертву, незаконным лишением лица свободы. При этом если смерть

будет легкой и мгновенной, то все равно будет рассматриваться именно статья 105 УК РФ, пункт «д».

2. Применение особой жестокости во время убийства может быть охарактеризовано самим способом убийства. Это может быть что-то, вызывающее у жертвы особые психологические или физические страдания, либо просто очень болезненный способ убийства.

3. Присутствие особой жестокости в противоправных действиях лица после убийства – весьма спорный фактор, который может быть учтен судом только в том случае, если далее страдает не жертва убийства, а его свидетели. Например, если убийство произошло на глазах у родственников или причинило психологические травмы наблюдателю.

В юридической практике также встречаются случаи, когда определенные факторы, имеющие признаки жестокости, таковыми могут не признаваться. В качестве примера приведем совершение убийства с последующим глумлением над телом жертвы и расчленением тела. При квалификации данного преступления в случае, если убийца продолжил издевательства над пострадавшим уже после его смерти, ему будет вменено еще одно весьма серьезное преступление, а именно статья 244 УК РФ «Надругательство над телом». Трудности также могут возникнуть и при квалификации убийства с расчленением тела. Данное действие лица однозначно будет учитываться судьей при вынесении приговора, но вот будет ли это действие расцениваться как особая жестокость – вопрос другой. И ответить на него сможет только сам судья, исходя из своей собственной практики.

Преступления, совершенные с особой жестокостью, относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям. Признак тяжести – это всегда оценочный признак. Суд в каждом конкретном случае решает вопрос о возможности отнесения деяния к категории тяжких или особо тяжких. Во внимание принимается как вред, который непосредственно причинен преступлением, так и косвенный вред. Судья в каждом случае устанавливает, действительно ли находится причиненный вред в причинной связи с преступлением, а также имел ли умысел субъект преступления на причинение данного вреда.

Л.Д. Гаухман подчеркивает, что «при хищении это может выразиться в приостановке производства или срыве графика сева, в задержке выплаты заработка значительному кругу лиц; при клевете или истязании – в самоубийстве потерпевшего; при убийстве – в лишении многодетной семьи кормильца и т. д.» [6, с. 256].

В последнем случае суд может в качестве наступления тяжких последствий как отягчающего обстоятельства учесть лишение многодетной семьи кормильца, если убитым лицом был многодетный отец.

Совершение убийства может отягчаться различными обстоятельствами: убийство сразу нескольких лиц, убийство, совершенное группой лиц, убийство по мотиву ненависти или враж-

ды и другими обстоятельствами. Данные виды убийств называются в юридической практике квалифицирующими составами убийства. Все виды квалифицирующих убийств изложены в исчерпывающем перечне пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ. В этот перечень не входит основной признак убийства – наступление смерти потерпевшего, который выявляет всю тяжесть совершенного деяния.

В процессе правильной квалификации особое значение имеет установление наличия или отсутствия отягчающих обстоятельств при совершении убийства. Этот факт еще более важен при назначении в суде наказания виновному. В уголовном праве РФ можно выделить два вида обстоятельств, отягчающих наказание и в целом влияющих на привлечение лица к уголовной ответственности. Первый вид обстоятельств изложен в ст. 63 УК РФ и адресует их к лицу, совершившему преступление. Второй вид обстоятельств, отягчающих ответственность, излагается в Особенной части УК РФ и является признаком конкретного состава преступления. Этот признак обязательно будет влиять на квалификацию содеянного. Первый вид обстоятельств, изложенных в ст. 63 УК РФ, по сути, формирует базу (или основное направление) применения в юридической практике обстоятельств второго типа. То есть те обстоятельства, которые изложены в ст. 63 УК РФ, конкретизируются в каждом отдельном составе Особенной части УК РФ. Это положение в полной мере следует отнести к обстоятельствам, отягчающим ответственность за убийство. Например, что касается убийства с особой жестокостью, то для его выделения законодателем закреплен в ч. 2. ст. 105 УК РФ отдельный пункт, а именно пункт «д».

В этом пункте детализируется специфика совершения данного преступления, а именно: суд будет учитывать способ причинения особой жестокости, временной фактор данного деяния, посткриминальное поведение подозреваемого лица.

Пленум Верховного суда РФ дал разъяснения о квалификации убийства при отягчающих обстоятельствах [3].

Таким образом, в Уголовном кодексе законодатель учитывает особую жестокость как отягчающее обстоятельство и одновременно включает совершение преступления с особой жестокостью в квалифицирующие признаки отдельных составов Особенной части Кодекса.

В результате проведенного нами исследования считаем целесообразным дополнить ст. 105 УК РФ примечанием, в котором будет даваться определение особой жестокости следующего содержания:

«В преступлениях, предусмотренных главой 16 УК РФ и другими главами УК РФ, под особой жестокостью необходимо понимать пытки, мучения, истязания и иное воздействие на человека, причиняющее прижизненные страдания физическому или психическому состоянию потерпевшего или иным лицам, в том числе состоящим в родствен-

ных отношениях с виновным, и нарушающее их право на жизнь, здоровье, личную безопасность и неприкосновенность, а равно совершенное в присутствии несовершеннолетних или близких лиц потерпевшего».

Библиографический список

1. Казарян М.А. Анализ насильственных преступлений, совершаемых лицами, имеющими психические аномалии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-litsami-imeyuschimi-psihicheskie-anomalii>.
2. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1983. – С. 54–57.
3. Постановление от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: (в ред. Постановлений Пленума Верховного суда РФ от 06.02.2007 № 7, от 03.04.2008 № 4, от 03.12.2009 № 27, от 03.03.2015) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2018).
4. Сайгимов У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 43–47.
5. Смертельное избивание школьницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aneews.com/p/82000062-smertelnoe-izbienie-shkolnicy-ehkspertiza-dala-neozhidannyj-rezultat/>.
6. Уголовное право: Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. проф. Л.Д. Гаухмана и др. – М., 2009. – 784 с.

References

1. Kazaryan M.A. Analiz nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh licami, imeyushchimi psihicheskie anomalii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-litsami-imeyuschimi-psihicheskie-anomalii>.
2. Lichko A.E. Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. – L.: Medicina, 1983. – S. 54–57.
3. Postanovlenie ot 27 yanvarya 1999 g. № 1 «O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve (st. 105 UK RF)»: (v red. Postanovlenij Plenuma Verhovnogo suda RF ot 06.02.2007 № 7, ot 03.04.2008 № 4, ot 03.12.2009 № 27, ot 03.03.2015) [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 22.06.2018).
4. Sajgitov U.T. Vliyanie tradicij i obyчаev na prestupnost' v Respublike Dagestan // Zhurnal rossijskogo prava. – 2004. – № 3. – S. 43–47.
5. Smertel'noe izbienie shkol'nicy [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.aneews.com/p/82000062-smertelnoe-izbienie-shkolnicy-ehkspertiza-dala-neozhidannyj-rezultat/>.
6. Ugolovnoe pravo: Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik / pod obshch. red. prof. L.D. Gauhmana i dr. – M., 2009. – 784 s.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА НОВОГО СВИДЕТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются основные подходы по определению и содержанию процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, анализируются положения Федерального закона от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым определен статус этого лица, и обосновываются предложения по совершенствованию правового положения нового участника уголовного процесса.

Ключевые слова: институт досудебного соглашения о сотрудничестве, подозреваемый (обвиняемый), заключивший досудебное соглашение, процессуальный статус субъекта досудебного соглашения, выделение уголовного дела.

Проблемы реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве с момента его введения являются предметом активной научной дискуссии [2; 3; 5; 6], вызывают потребность выработки единообразия в применении его норм в судебной практике [9], а также состоят в исполнении решения Конституционного суда РФ о необходимости осуществления корректировки ряда норм уголовно-процессуального закона [10]. При этом существо этих проблем обуславливаются в значительной мере потребностью четкого определения правового положения лица, заключившего такое соглашение [1; 8].

В целом внесение в 2018 году новелл в УПК РФ (введение новых статей 56.1 и 281.1 и внесение дополнений в ст. 113, 164, 287, 288, 389.13) [12] следует расценить как положительные, способствующие повышению эффективности применения норм института досудебного соглашения о сотрудничестве и достижения его предназначения в уголовном процессе.

Вместе с тем ряд положений, в том числе предлагаемые представителями науки и практическими работниками, направленные на уточнение процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве с органами расследования, не нашли своего отражения в новых нормах УПК РФ или воспринимаются с долей сомнения в правильности их определения.

Как известно, в большей степени основанием для внесения изменений в уголовно-процессуальный закон по дополнительной регламентации статуса субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве послужило Постановление Конституционного суда РФ от 20.07.2016 № 17-П (далее – Постановление Суда № 17-П) [10], в котором суд обязал федерального законодателя внести в УПК РФ соответствующие изменения, касающиеся участия обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбирательстве по основному делу

в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним.

При этом следует отметить, что в указанном постановлении предварительно были уже определены основные общеобязательные подходы к восполнению пробелов правового регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве, которые должны учитываться при подготовке соответствующего законопроекта.

В первую очередь это касалось следующих значимых положений.

1. Фактическое подтверждение Конституционным судом РФ не только возможности в соответствии с п. 4. ст. 156 УПК РФ (в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого (обвиняемого)), но и необходимости во всех практически случаях выделения из уголовного дела в отдельное производство другого уголовного дела в отношении заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве подозреваемого или обвиняемого.

В обосновании этого положения суд в п. 3.1 данного постановления указал, что отдельное расследование и рассмотрение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как следует из правовых позиций Конституционного суда РФ, изложенных в определениях № 1177-О от 29.05.2014 и № 798-О от 16.07.2015, не нарушая права иных подозреваемых и обвиняемых в том же преступлении, направлены, с одной стороны, на защиту интересов такого лица, а с другой – на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, возмещение причиненного преступлением вреда, восстановление конституционных прав и свобод, что соответствует конституционно значимым целям (ст. 55, ч. 3 Конституции РФ) и отвечает предназначению уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) [10].

2. Определение в этом же пункте рассматриваемого постановления Конституционного суда РФ правовой позиции о том, что обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного согла-

шения, при производстве допроса в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления в соучастии с ним, приобретает в процессе по основному делу особый статус, который не может быть соотнесен ни с правовым положением свидетеля, ни с правовым положением подсудимого. И главный вывод – при даче показаний указанным лицом в рамках производства по основному делу этот субъект не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний.

3. Показания лица, как указано в Постановлении Суда № 17-П, чье уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения, не могут свидетельствовать об опровержении презумпции невиновности обвиняемого по основному делу, не освобождает органы обвинения от обязанности доказывания виновности и иными средствами и подлежат проверке и оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности по всем правилам, установленным уголовно-процессуальным законом [10].

4. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу предупреждается о предусмотренных главой 40.1 УПК РФ последствиях, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от судебного следствия каких-либо существенных сведений.

Соответственно, эти основные выводы Конституционного суда РФ были в значительной мере учтены законодателем и реализованы посредством внесения указанных выше новелл в УПК РФ. Однако некоторые положения этих нововведений, на наш взгляд, требуют совершенствования.

Во-первых, это касается правомерности приближения субъекта досудебного соглашения к «свидетелям» обвинения и распространения на него большинства статусных характеристик свидетеля посредством помещения новой нормы о нем в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства».

Ряд ученых-процессуалистов [1; 7], как и представители Федеральной палаты адвокатов, отмечают, что для позиции свидетеля в уголовном деле свойственна процессуальная нейтральность, и указывают на ее отсутствие у обвиняемого, а также на наличие у него в основном и выделенном уголовных делах процессуального интереса. В связи с этим ими предлагалось рассматривать процессуальный статус этого лица в качестве одного из видов процессуального статуса обвиняемого, существующего определенный период времени и включающего особые «сокращенные» права как «особого обвиняемого», «сообвиняемого» [7; 11],

или использовать путь расширительного толкования понятия «подсудимого» [1]. На основании этого обосновывалось предложение о размещении подобной нормы в главе УПК РФ, предусматривающей наличие субъектов уголовного процесса, имеющих в деле собственный интерес.

Однако законодателем избрано по данному вопросу, на наш взгляд, наиболее оптимальное решение – путем отнесения данного субъекта к иным участникам уголовного судопроизводства и более близкого к статусу свидетеля. Обоснованием этого в значительной мере является то, что в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и последующего контроля за исполнением обязательства по нему подозреваемым (обвиняемым) основную роль выполняет прокурор как один из основных участников уголовного судопроизводства, он же поддерживает от имени государства обвинение перед судом и доказывает наличие исполнения данным лицом этих обязательств. Соответственно, этим можно в определенной степени объяснить приближенность лица, заключившего досудебное соглашение, к свидетелю со стороны обвинения.

Во-вторых, в новеллах о статусе лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения, не нашло отражение предложение многих исследователей о закреплении в УПК РФ положения о необходимости рассмотрения судом выделенного уголовного дела только после проведения судебного разбирательства по основному уголовному делу [4; 11].

Данное предложение отличается сугубо практической направленностью. Как свидетельствует судебно-следственная практика, не редкостью являются факты отказа осужденного по выделенному уголовному делу в связи с заключением досудебного соглашения от дачи показаний или изменения показаний при рассмотрении судом основного уголовного дела. Подобные действия, хотя и влекут за собой наступление последствий, предусмотренных главой 40.1 УПК РФ, однако также свидетельствуют о недостижении целей заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, состоящих в содействии раскрытию и всестороннему, полному расследованию преступлений.

В-третьих, как указывалось, исходя из особенностей процессуального статуса лица, который допрашивается по уголовному делу в отношении соучастников преступления, как в Постановлении Суда № 17-П (со ссылкой на практику Европейского суда по правам человека), так и в научных публикациях обращалось особое внимание на значимость правильной оценки показаний такого лица, недопустимости придания этим показаниям заранее установленной силы.

В связи с этим, по нашему мнению, исследователями обоснованно предлагается это положение

ние закрепить в законодательном порядке, а также внести в ст. 74 УПК РФ дополнение о признании в качестве допустимых показания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

В-четвертых, представляется, что указание в ч. 3 ст. 56.1 УПК РФ на наступление для лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренные главой 40.1 УПК РФ последствия несоблюдения им условий и невыполнение обязательств, предусмотренных досудебным соглашением в случае отказа от дачи показаний, должно быть дополнено и положениями о наступлении этих последствий и «в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия каких-либо существенных сведений».

Кроме того, предлагается дополнить ч. 5 ст. 164 УПК РФ после слов «в том числе случаев» словами «отказа от дачи показаний». Подобное изменение необходимо внести и в ч. 2 ст. 281.1 УПК РФ, где также после слов «в том числе случаев» добавить слова «отказа от дачи показаний».

Необходимость внесения дополнения в ч. 3 ст. 56.1 УПК РФ обусловлена тем, что эти положения в структуре уголовно-процессуального закона занимают место базисных основ, общего определения правового положения и содержания процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Соответственно, в этой норме должны содержаться основные права и обязанности, меры ответственности и другие статусные характеристики данного нового участника уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, вполне логичным является и необходимость предупреждения субъекта досудебного соглашения, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, перед допросом или проведением иного следственного действия с его участием о последствиях несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, состоящих не только в сообщении ложных сведений или умышленного сокрытия от следствия каких-либо значимых сведений, но и в случае отказа давать показания по делу.

Таким образом, обобщая изложенное, можно констатировать, что как в целом уголовно-процессуальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве, так и процессуальный статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, требуют дальнейшего совершенствования, в том

числе и с учетом судебно-следственной практики применения норм о новом участнике уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Гарусов А.В., Дикаев С.У. Об определении процессуального статуса лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве и дающих показания против своих соучастников по основному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД РФ. – 2017. – № 2 (74). – С. 94–96.

2. Головки Л.В. Сделки с правосудием: объективная тенденция или модное поветрие? // Закон. – 2009. – № 9. – С. 187–196.

3. Ермакова Т.А. Уголовно-процессуальные аспекты судебного допроса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Молодой ученый. – 2016. – № 7. – С. 511–513.

4. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016.

5. Колоколов Н.А. Заключение досудебного соглашения: проблемы избрания меры пресечения // Российский следователь. – 2010. – № 23.

6. Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013.

7. Михайловская И.Б. Досудебное соглашение о сотрудничестве: предмет судебной оценки по уголовному делу // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 16–18.

8. Пилюк А.В. О процессуальном статусе лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве со следствием // Уголовная юстиция. – 2015. – № 1 (5). – С. 56–59.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. – 2012. – 11 июля. – № 156.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СЗ РФ. – 2016. – № 31. – Ст. 5088.

11. Тиссен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Оренбург, 2017.

12. Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. – 2 нояб. – № 376.

References

1. Garusov A.V., Dikaev S.U. Ob opredelenii processual'nogo statusa lic, v otnoshenii kotoryh ugovnoe delo vydeleno v otdel'noe proizvodstvo v svyazi s zaklyucheniem s nimi dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve i dayushchih pokazaniya protiv svoih souchastnikov po osnovnomu delu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD RF. – 2017. – № 2 (74). – S. 94–96.
2. Golovko L.V. Sdelki s pravosudiem: ob"ektivnaya tendenciya ili modnoe povetrie? // Zakon. – 2009. – № 9. – S. 187–196.
3. Ermakova T.A. Ugolovno-processual'nye aspekty sudebnogo doprosa lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve // Molodoy uchenyj. – 2016. – № 7. – S. 511–513.
4. Kachalova O.V. Uskorennoe proizvodstvo v rossijskom ugovnom processe: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – M., 2016.
5. Kolokolov N.A. Zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya: problemy izbraniya mery presecheniya // Rossijskij sledovatel'. – 2010. – № 23.
6. Kubrikova M.E. Aktual'nye voprosy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – CHelyabinsk, 2013.
7. Mihajlovskaya I.B. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: predmet sudebnoj ocenki po ugovnomu delu // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2014. – № 2. – S. 16–18.
8. Piyuk A.V. O processual'nom statuse lic, zaklyuchivshih dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve so sledstviem // Ugolovnaya yusticiya. – 2015. – № 1 (5). – S. 56–59.
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 16 «O praktike primeneniya sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva ugovolnyh del pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve» // Rossijskaya gazeta. – 2012. – 11 iyulya. – № 156.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 iyulya 2016 g. № 17-P «Po delu o provereke konstitucionnosti polozhenij chastej vtoroj i vos'moj stat'i 56, chasti vtoroj stat'i 278 i glavy 40.1 UPK RF v svyazi s zhaloboj grazhdanina D.V. Usenko» // SZ RF. – 2016. – № 31. – St. 5088.
11. Tissen O.N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossijskom ugovnom processe: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Orenburg, 2017.
12. Federal'nyj zakon ot 30.10.2018 № 376-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. – 2018. – 2 noyab. – № 376.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРОВ В СВЕТЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ОРГАНОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ (часть 2)

В статье представлен анализ международных актов – рекомендаций Комитета министров Совета Европы и заключений Консультативного совета европейских прокуроров, в которых затрагивались вопросы организационно-управленческого обеспечения функционирования органов прокуратуры, а также сделаны выводы о степени реализации норм указанных международных актов в прокуратуре Российской Федерации на современном этапе. При этом отдельное внимание уделено вопросам информационно-аналитического обеспечения прокурорской деятельности; отбора, повышения квалификации и карьерного продвижения прокурорских кадров; организации взаимодействия между прокурорами, судьями, сотрудниками правоохранительных органов в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства, а также со средствами массовой информации, институтами гражданского общества; совершенствованию критериев оценки работы прокуроров и общих подходов к осуществлению контрольной деятельности. По итогам анализа сделаны выводы о значении рекомендаций, изложенных в международных актах, для дальнейшего реформирования российской прокуратуры с учетом современной социально-экономической, политической ситуации.

Ключевые слова: прокуратура, суд, правоохранительные органы, эффективность правосудия, права человека, независимость прокуроров, гарантии прокуроров, критерии отбора прокуроров, карьера прокуроров, повышение квалификации прокуроров, средства массовой информации, информационно-аналитическая работа, информационные технологии, взаимодействие, мультимедийные команды, критерии оценки работы, положительный опыт, контроль.

Остановимся на основных проблемах практической реализации в современной прокуратуре рекомендаций Комитета министров Совета Европы и Консультативного совета европейских прокуроров (КСЕП).

Информационно-аналитическая работа является основой для любой деятельности: направленной на реализацию функций прокуратуры как государственного органа, а также на создание условий для их осуществления внутри системы прокуратуры. В приведенных рекомендациях КСЕП указывается на необходимость более полного, эффективного использования информационных технологий в процессе получения, обработки, обмена информацией между различными подразделениями прокуратуры, а также с другими органами – партнерами по взаимодействию (полицией, судами, СМИ) в целях повышения эффективности борьбы с преступностью, формирования стабильной правоприменительной практики, взаимного информирования о положении дел в вопросах, представляющих общий интерес. Однако имеющееся в прокуратуре программное обеспечение автоматизирует в основном формирование статистических (учетных, выраженных в цифрах) показателей работы и не учитывает иные многочисленные потребности в получении информации помимо данной отчетности, не позволяет в автоматическом режиме получить данные о лицах, конкретных ситуациях, находившихся на рассмотрении в органах прокуратуры, сущность принятых по ним актов прокурорского реагирования и т. д. При таких обстоятельствах, в прокуратуре для истребования необходимой информации вышестоящими прокуратурами направ-

ляются многочисленные запросы, поручения; ответы на них готовятся работниками нижестоящих прокуратур в форме справок, докладных записок для подготовки которых зачастую бывают задействованы работники нескольких структурных подразделений прокуратуры, что приводит к огромным временным затратам, длительным срокам исполнения, замедляет выполнение работниками прокуратуры их непосредственных функциональных обязанностей. Вместе с тем имеющиеся в настоящее время технологии позволяют полностью автоматизировать данный процесс путем занесения всех данных о функциональной деятельности прокуратуры в специальную систему (программу), предусматривающую возможность прямого доступа и получения информации из данной системы определенных должностных лиц, в том числе работников вышестоящих прокуратур, что позволило бы в зависимости от степени конкретизации информации на данном электронном носителе либо крайне минимизировать, либо вовсе исключить из практики запросы о предоставлении большинства информации, то есть значительно упростить как обмен данными внутри системы прокуратуры, так и их предоставление при необходимости в другие заинтересованные органы. Внедрение подобных технологий является дорогостоящим и трудозатратным процессом, для создания соответствующего программного обеспечения необходимо привлечь IT-специалистов, программистов, организовывать их взаимодействие с прокурорскими работниками, с последующим введением в штат прокуратур соответствующих специалистов по обслуживанию данных систем. Таким образом будут

реализованы и рекомендации Комитета министров Совета Европы об экономии кадровых ресурсов прокуратуры за счет освобождения прокуроров от выполнения задач, которые могут быть выполнены другим персоналом.

В прокуратуре Российской Федерации действует определенная система отбора, профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров. Однако одним из недостатков этой системы является отсутствие четких, понятных, доступных критериев отбора принимаемых на службу работников. Так, нередко наблюдается ситуация, когда из имеющегося в прокуратуре кадрового резерва на службу принимаются явно отстающие по основным критериям кандидаты: хуже сдавшие экзамен, имеющие более низкие оценки в дипломе об окончании ВУЗа, с более низкой пригодностью для работы в данной профессии по результатам проведенного тестирования. Если обратить внимание на кадровые перестановки, то нередко работники, включенные в резерв для выдвижения на вышестоящую должность, фактически эти должности в итоге не замещают, а на вновь освободившиеся должности назначаются лица, вовсе не состоящие в указанном резерве. Таким образом, принцип «прозрачности» профессионального отбора, повышения в должности и перемещения по службе прокуроров в полной мере не реализуется. Четкие критерии, устанавливающие, за какие конкретно действия (бездействия) прокурорский работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, депремирован, также не разработаны, практика привлечения работников прокуратуры к различным видам ответственности весьма обширна. При этом случаи обжалования подобных решений вышестоящего прокурора – редки, что свидетельствует прежде всего о том, что в прокуратуре не создано достаточных гарантий того, что обжалование не отразится негативно на дальнейшей карьере прокуроров.

Что касается системы повышения квалификации прокурорских работников в специализированных институтах (филиалах) Университета прокуратуры Российской Федерации, следует отметить недостаточную практическую значимость подаваемого материала, а также отсутствие комплексного обучения руководящих кадров менеджменту (науке об управлении) в системе прокуратуры, которая, безусловно, имеет свою специфику по сравнению с управлением в других государственных органах, коммерческих и некоммерческих организациях. При этом именно управление как целенаправленное воздействие субъекта управления на объект имеет первостепенное значение в органах прокуратуры в силу того, что данный государственный орган строится по принципу централизации, подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 4 Закона о прокуратуре [2]),

и в данной системе большинство работников в той или иной мере выполняют управленческие функции. Так, к руководителям относятся прокуроры, их заместители, начальники структурных подразделений. Кроме того, с некоторой условностью к руководящему составу относят и так называемых «функциональных руководителей», «зональных прокуроров» прокуратур субъектов Российской Федерации, Генеральной прокуратуры РФ – работников, оказывающих практическую помощь в организации и осуществлении отдельных видов и направлений прокурорской деятельности нижестоящим прокурорам, выполняющим в порядке делегирования в отношении них функцию контроля. Наряду с этим в прокуратуре отсутствует не только четкая система обучения руководителей, но и достаточное количество учебной литературы, содержащей сведения об основах менеджмента в системе прокуратуры. Анкетирование, проведенное в Институте повышения квалификации руководящих кадров Академии Генеральной прокуратуры РФ в 2011 году, показало, что значительная часть слушателей из числа прокурорских работников, включенных в резерв кадров для выдвижения на должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров имеют весьма смутное представление о том, кто по отношению к ним является вышестоящим прокурором (24 % опрошенных в качестве вышестоящего прокурора назвали начальника отдела прокуратуры субъекта Федерации, 16 % – «зонального» прокурора вышестоящей прокуратуры) [3], что наглядно свидетельствует об уровне их осведомленности относительно организационно-управленческих аспектов функционирования прокуратуры. Работники прокуратуры, как правило, недостаточно вовлечены в управленческий процесс, им не преподаются комплексные методики эффективной управленческой деятельности, организации работы в прокуратуре. Их знания в данной сфере зачастую носят выборочный, теоретический характер, что приводит к низкой эффективности руководства на местах. Таким образом, рекомендации о качественной подготовке прокуроров-руководителей в должной степени не реализованы.

Что касается рекомендаций КСЕП о разработке нормативов нагрузки на прокуроров, которые в свою очередь должны приниматься во внимание при количественном формировании кадрового состава, здесь следует отметить, что в современных непростых социально-экономических и политических условиях, с учетом информированности граждан о своих правах и законных притязаниях на их соблюдение, есть и будет сохраняться тенденция увеличения, а не снижения нагрузки на прокуратуру как орган надзора за исполнением законов, что отнюдь не свидетельствует о необходимости постоянного автоматического увеличения штата

прокурорских работников. Любые разработанные нормативы нагрузки носят весьма оценочный, условный, неустойчивый характер. При таких обстоятельствах решение проблемы чрезмерной нагрузки на прокуроров видится не в увеличении штатной численности работников, а в поиске возможностей оптимального использования имеющихся кадровых ресурсов, отказе от неэффективных методов работы, имеющейся излишней бюрократизации прокурорской системы (к примеру, от написания некоторых отчетов и справок), внедрении в работу современных цифровых, информационных технологий, совершенствовании взаимодействия подразделений и должностных лиц внутри системы прокуратуры, а также с внешними партнерами, сотрудничество с которыми способно повысить потенциал прокуратуры при выполнении ее функций.

Так, на наш взгляд, недооценены в России остаются возможности взаимодействия органов прокуратуры с судами. Разделение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в связи с принятием в 2001 году УПК РФ, введение принципа состязательности в уголовном процессе привело правоприменителей к не вполне обоснованному выводу об отсутствии правовых оснований для взаимодействия прокуроров и судей за рамками уголовного судебного процесса. Вместе с тем, как справедливо отмечено в рекомендациях Комитета министров Совета Европы, и суд, и прокуратура являются публичными субъектами, «частями одной и той же правовой системы», имеющими общие задачи, такие как стабильность и последовательность правоприменительной практики, сокращение сроков производства по уголовным делам, «взаимодополняющие» обязанности, что определяет важность их сотрудничества, направленного в конечном итоге на обеспечение прав личности и эффективности системы уголовного правосудия. Формы взаимодействия для достижения этих общих целей видятся, прежде всего, в обмене информацией (к примеру, со стороны суда – о результатах судебного рассмотрения дел; со стороны прокуратуры – информирование руководителей судов о расхождениях в правоприменительной практике с целью выработки единого образного подхода судей к применению закона), в проведении совместных обучающих семинаров с обсуждением проблем правоприменительной деятельности, в том числе с приглашением представителей правоохранительных органов, адвокатов. Иногда необходимо и определенное внепроцессуальное взаимодействие, направленное на обеспечение судебного рассмотрения дел – в тех случаях, когда ресурсов суда для этого недостаточно. К примеру, когда неизвестно местонахождение свидетелей, без участия которых в судебном заседании невозможно вынести законный, обоснованный и справедливый приговор, а также когда для про-

ведения судебно-следственных действий требуется организация выезда участников на место происшествия, привлечение статистов, использование определенных технических средств, специалистов, не имеющих в штате суда, а также в некоторых других случаях. Фактически перечисленные виды взаимодействия с большой осторожностью применяются в практике прокуроров и судей ввиду их объективной необходимости, но отсутствие прямого указания в законодательстве о возможности, допустимости подобных форм совместной деятельности затрудняет их практическую реализацию и снижает взаимную мотивацию по осуществлению таких видов сотрудничества. Связано это зачастую с тем, что, с одной стороны, совместные цели по эффективному осуществлению правосудия не всегда осознаются прокурорами, а с другой – взаимодействие судьи с прокурором позволяет представителям со стороны защиты делать и оглашать в суде выводы об «обвинительном уклоне» судей, что подрывает авторитет судебной власти в глазах участников процесса. Вместе с тем практическое применение рекомендацией КСЕП о формировании сбалансированной политики государства в сфере взаимодействия суда, прокуратуры, полиции, уголовно-исполнительной системы и других в целях «эффективного и действенного» уголовного правосудия вполне могло бы решить обозначенные проблемы, послужить правовой основой для совместных обучающих мероприятий для судей, прокуроров, представителей органов исполнительной власти, осуществляющих уголовное преследование, а также представителей адвокатуры. Сотрудничество судов, прокуратуры и правоохранительных органов позволило бы обеспечить полноценное взаимодействие данных органов со средствами массовой информации, совместную подготовку полных, непротиворечивых, достоверных сведений по актуальным проблемам применения права и находящимся в производстве делам, а также реализацию таких эффективных, но мало практикуемых форм передачи информации, как брифинг, пресс-конференция, участие в семинарах и круглых столах.

В условиях постоянного совершенствования форм, способов осуществления преступной деятельности, сокрытия преступлений лицами, их совершившими, весьма актуальной является рекомендация относительно формирования «мультидисциплинарных команд» специалистов неюридической профессии для выявления, раскрытия, расследования, обеспечения судебного рассмотрения уголовных дел определенных категорий. К примеру, в настоящее время значительно затруднена борьба с преступлениями, совершаемыми с использованием сети Интернет, а следователи, прокуроры, судьи не обладают достаточными специальными познаниями в этой сфере. Без специ-

альных познаний в области бухгалтерского учета и аудита зачастую сложно выявить и обеспечить доказательственную базу по делам об экономических преступлениях, о преступлениях против интересов коммерческой организации. Привлечение соответствующих специалистов, безусловно, повысило бы эффективность борьбы с подобными преступлениями, однако в России отсутствует необходимая для этого правовая основа. Осуществляемая государственными учреждениями экспертная деятельность распространяется лишь на уже выявленные преступления, практики экспертного сопровождения уголовных дел не имеется.

В части рекомендаций о совершенствовании взаимодействия прокуратуры с уполномоченными по правам человека в различных сферах деятельности, другими институтами гражданского общества, осуществляющими правозащитную деятельность, следует отметить недостаточную правовую регламентацию в Российской Федерации форм их совместной деятельности, механизмов, обеспечивающих ее согласованность; недостаточную ясность в вопросе о соотношении полномочий и компетенции омбудсмена и прокурора в сфере защиты прав и свобод человека.

Что касается оценки работы прокуроров по результатам, по смыслу рекомендаций, речь идет прежде всего не о статистических показателях, по которым в большей степени в настоящее время оценивается деятельность прокуратуры, а о степени ее вклада в обеспечение законности и правопорядка, прав и законных интересов граждан. С этой целью следует учитывать не только количество актов прокурорского реагирования и проведенных проверок, но и их содержание, значение для достижения указанных целей, что, безусловно, требует высокой квалификации лиц, осуществляющих контроль. В рекомендациях КСЕП правильно акцентировано внимание на том, что целью контроля должно стать в первую очередь выявление положительного опыта с целью дальнейшего развития прокурорской деятельности, а не подавление инициативы прокуроров путем его игнорирования и акцентуации на выявленных в работе недостатках. Кроме того, важной составляющей частью контроля должно стать оказание практической помощи прокурорам в организации работы и ее совершенствовании. КСЕП рекомендовано учитывать достигнутые прокурорами результаты работы при осуществлении финансирования прокурорской системы, однако данное положение не конкретизировано, а потому неясно – в случае, если ожидаемые цели прокуратурой не реализованы либо реализованы не в полной мере, влечет ли это увеличение или уменьшение финансирования прокурорской системы. Вероятно, в этих положениях речь идет о надлежащем обосновании пред-

полагаемых материальных затрат и последующем контроле за использованием финансовых и иных материальных ресурсов.

Обобщенный в вышеизложенных рекомендациях международный опыт имеет важное значение для обеспечения функционирования органов прокуратуры в соответствии с их социальным предназначением, выражающимся в достижении верховенства закона, соблюдения прав и свобод человека; ориентирует на реформирование прокуратуры с учетом изменяющихся потребностей; предлагает перспективные направления совершенствования ее деятельности; раскрывает ее потенциал, который может быть реализован за счет совместной деятельности с другими государственными органами, а следовательно, будет способствовать оптимизации деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Библиографический список

1. Кудряшова А.В. Организационные аспекты деятельности прокуроров в свете рекомендаций органов Совета Европы (часть 1) // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 230–234.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=315090&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.06375368305342444#05051953714254749> (дата обращения: 06.01.2019).
3. Кудряшова А.В. Организация работы в прокуратуре субъекта Российской Федерации по обеспечению участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: дис. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2012. – 240 с. – С. 220–225.

References

1. Kudryashova A.V. Organizacionnye aspekty deyatel'nosti prokurorov v svete rekomendacij organov Soveta Evropy (chast' 1) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1. – S. 230–234.
2. O prokurate Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=315090&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.06375368305342444#05051953714254749> (data obrashcheniya: 06.01.2019).
3. Kudryashova A.V. Organizaciya raboty v prokurate sub"ekta Rossijskoj Federacii po obespecheniyu uchastiya prokurora v rassmotrenii ugolovnyh del sudami: dis. ... kand. jurid. nauk. – Kostroma, 2012. – 240 s. – S. 220–225.

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРОКУРАТУРЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ, УЧЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ

В статье раскрываются вопросы реализации прокуратурой правотворческой функции. В частности, приводятся примеры нарушений, выявляемых прокурором при осуществлении надзора за исполнением законов об экологической экспертизе и предлагаются пути устранения причин и условий, способствующих таким правонарушениям.

Автором предлагается совершенствование нормативной базы органов местного самоуправления посредством разработки прокуратурой модельных актов, регламентирующих вопросы организации по требованию населения общественных экологических экспертиз, общественных обсуждений, проведения опросов, референдумов среди населения о намечаемой хозяйственной и иной деятельности, которая подлежит экологической экспертизе.

По мнению автора, только разработанные прокурором с учетом всех положений специализированного законодательства, а также складывающейся судебной практики в анализируемой сфере модельные акты позволят максимально соблюсти баланс интересов общества и государства, предусмотреть все возможные со стороны заинтересованных лиц злоупотребления правами, а также пресечь в будущем факты произвольного толкования законодательства.

Ключевые слова: прокуратура, правотворческая функция прокуратуры, правотворчество, модельные акты, экологическая экспертиза, общественная экологическая экспертиза, общественные слушания.

Важнейшим компонентом национальной безопасности России является обеспечение экологической безопасности. В таких условиях сохранение и восстановление природных систем остаются приоритетными направлениями деятельности государства и общества [7].

Однако экологическая стабилизация России невозможна без создания эффективно действующей системы эколого-правовых норм. Направления государственной политики в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, борьбы с современными экологическими проблемами декларирует Экологическая доктрина Российской Федерации [7], признаваемая некоторыми учеными в качестве нетрадиционных источников права [1]. В соответствии с указанным документом преодоление экологического кризиса возможно только на основе формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, исключающих возможность разрушения и деградации природной среды. Предусматривается, что для обеспечения реализации обозначенных задач государственная политика в стране должна базироваться на таких принципах как: предотвращение негативных экологических последствий в результате хозяйственной деятельности, учет отдаленных экологических последствий; отказ от хозяйственных и иных проектов, связанных с воздействием на природные системы, если их последствия непредсказуемы для окружающей среды; открытость экологической информации; участие гражданского общества, органов самоуправления и деловых кругов в подготовке, обсуждении, принятии и реализации решений в области охраны окружающей среды и рационального природопользования и др. [7].

Средствами реализации поименованных направлений государственной политики в области экологии являются, в частности: совершенствование механизма и усиление роли государственной и общественной экологической экспертизы, включая экспертизу проектов, технологий и государственных программ; внедрение стратегической оценки воздействия на окружающую среду и анализа ее состояния в масштабах страны и регионов [7].

Достижению поставленных задач может способствовать устранение противоречий между законодательством в области охраны окружающей среды и нормами иных отраслей права; обеспечение реализации законодательных актов путем принятия подзаконных нормативных правовых актов, необходимых для полноценного применения федеральных законов; гармонизация законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды и норм международного права в этой области, а также укрепление системы прокурорского надзора и реализация мер прокурорского реагирования в области охраны окружающей среды.

Органами прокуратуры проводится целенаправленная работа по защите экологических прав, гарантированных Конституцией РФ, посредством осуществления надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании, являющегося одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. В названном направлении прокурорского надзора надзор за исполнением законодательства об экологической экспертизе занимает самостоятельное место. Указано, что в ходе проверок исполнения законодательства об экологической экспертизе следует исходить из закрепленных в законе принципов презумпции потенци-

альной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности и обязательно проведения экспертизы до принятия решений о реализации объекта экологической экспертизы; надзор необходимо осуществлять комплексно, с учетом принципов гласности, участия общественных организаций (объединений), учета общественного мнения, с максимальным использованием возможностей институтов гражданского общества [6].

Реализация поименованных принципов осуществляется путем инициирования, организации и проведения в установленном порядке общественной экологической экспертизы, а также путем организации общественных обсуждений, проведения опросов, референдумов среди населения о намечаемой хозяйственной и иной деятельности, которая подлежит экологической экспертизе. Организация перечисленных мероприятий является полномочием органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [9] (далее по тексту – Закон)). Однако именно то обстоятельство, что перечень мероприятий, охваченный понятием «организация», в Законе не поименован, а понятие «организация» на федеральном уровне не раскрыто, обуславливает реализацию органами местного самоуправления обозначенных полномочий с нарушениями Закона или нереализацию их вовсе.

Так, в ноябре 2018 г. на коллегии Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры была озвучена следующая статистика: в 4 регионах (Республика Марий Эл, Ивановская, Ульяновская и Ярославская области) из 15, входящих в состав межрегиональной прокуратуры, не приняты нормативные правовые акты по вопросу организации общественных обсуждений, проведения опросов, референдумов среди населения о намечаемой хозяйственной и иной деятельности, которая подлежит экологической экспертизе; и только в 6 регионах (Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Костромская, Рязанская и Ярославская области) из 15 урегулированы вопросы организации по требованию населения общественных экологических экспертиз [8]. Таким образом, анализ правоприменительной практики, стоящие перед органами прокуратуры задачи диктуют необходимость выработки единых подходов к организации этой работы. Исследование обозначенных и связанных с ними вопросов позволит выявить наиболее эффективные формы работы на данном направлении.

Представляет научный интерес практика надзора за исполнением законов об экологической экспертизе Костромского межрайонного природоохранного прокурора Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры (далее по тексту – межрайпрокурор, Костромской межрайонный природоохранный прокурор).

Так, 29 декабря 2015 г. в рамках подготовки к экологической экспертизе администрацией Красносельского района Костромской области, заключившей концессионное соглашение с простым товариществом ООО «ЭкоТехноМенеджмент» и ООО «Техно Р-Полигон» на строительство на территории района полигона захоронения твердых коммунальных отходов, прошедших сортировку на мусоросортировочном комплексе, организовано проведение общественных слушаний (обсуждений) проекта строительства такого полигона, в ходе которых населением высказано негативное отношение к идее реализации такого объекта.

В ходе прокурорской проверки было установлено, что в нарушение ст. 9 Закона у администрации Красносельского муниципального района отсутствует действующий нормативный правовой акт, регламентирующий порядок организации общественных обсуждений, проведения опросов, референдумов среди населения о намечаемой хозяйственной и иной деятельности, которая подлежит экологической экспертизе. Такой правовой акт отсутствовал и на момент проведения 29 декабря 2015 г. указанных общественных слушаний (обсуждений), что стало одной из причин их проведения с нарушением Закона. Изложенное сделало результаты указанных обсуждений юридически ничтожными, дальнейшее их использование стало невозможным. Предоставление на государственную экологическую экспертизу таких материалов обсуждений объекта государственной экологической экспертизы с гражданами и общественными организациями (объединениями), организованных органами местного самоуправления, в составе материалов, подлежащих экспертизе, повлечет либо затягивание сроков проведения государственной экологической экспертизы проектной документации объекта строительства, либо невозможность ее проведения. Учитывая, что в полномочия федеральных и региональных органов государственной власти, уполномоченных на проведение государственной экологической экспертизы, не входит проверка легитимности материалов обсуждений объекта государственной экологической экспертизы с гражданами и общественными организациями (объединениями), организованными органами местного самоуправления, обозначенное бездействие органов местного самоуправления Красносельского района Костромской области могло повлечь за собой принятие экологически значимого решения в отсутствие общественного мнения, отвечающего требованиям законности, объективности и полноты.

Кроме того, в ходе этой же проверки межрайпрокурором было установлено, что в январе 2016 г. в администрации Красносельского района зарегистрировано письмо Костромского областного общественного экологического движения «Во имя жизни», в котором содержалась просьба о регистрации

заявления на проведение общественной экологической экспертизы материалов проекта строительства объекта «Полигон захоронения коммунальных отходов, прошедших сортировку на мусоросортировочном комплексе мощностью до 150 тыс. тонн в год». Однако в нарушение ст. 9 и ст. 23 Закона в установленный срок такое заявление о проведении общественной экологической экспертизы не зарегистрировано, проведение общественной экологической экспертизы не организовано, ответ в адрес экологического движения не направлен, в том числе по причине отсутствия в администрации района правового акта, регламентирующего порядок государственной регистрации заявлений о проведении общественной экологической экспертизы. Как отмечалось автором ранее в ином исследовании, в силу п. 2.1 ст. 25 Закона заключение общественной экологической экспертизы учитывается в случае, если общественная экологическая экспертиза была проведена в отношении того же объекта до дня окончания срока проведения государственной экологической экспертизы. Таким образом, указанное бездействие администрации района не только влечет затягивание сроков начала и сроков проведения общественной экологической экспертизы, но и может повлечь невозможность учета ее результатов при проведении государственной экспертизы, поскольку действующим законодательством не предусмотрена возможность приостановления уполномоченными государственными органами процедуры проведения государственной экологической экспертизы на период проведения общественной экологической экспертизы или на период обжалования заинтересованными лицами действий (бездействия) органов местного самоуправления при реализации ими своих полномочий по организации общественной экологической экспертизы [5].

По всем обозначенным нарушениям межрайпрокурором в марте 2016 г. в адрес главы администрации Красносельского района Костромской области внесено представление об устранении нарушений Закона. От идеи строительства на территории Красносельского района полигона по захоронению коммунальных отходов было принято решение отказать.

Кроме фактов отсутствия на муниципальном уровне нормативных правовых актов, регламентирующих анализируемую сферу правоотношений, устанавливались и факты принятия органами местного самоуправления нормативных актов, не соответствующих Закону.

Так, в июне 2016 г. Костромским межрайонным природоохранным прокурором было опротестовано постановление администрации г. Буй Костромской области от 27.04.2016 № 318 «Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги “Государственная регистрация заявления о проведении общественной

экологической экспертизы”». Установлено, что указанным постановлением были предусмотрены иные, чем поименованы в Законе, субъекты, которые могут быть заявителями при предоставлении муниципальной услуги по проведению общественной экологической экспертизы; сроки предоставления муниципальной услуги по государственной регистрации заявления о проведении общественной экологической экспертизы; основания для отказа в предоставлении муниципальной услуги и др., что создавало препятствия, а в отдельных случаях делало невозможным реализацию экологических прав.

По причине несоответствия постановления администрации г. Костромы от 28.11.2002 № 4591 «О новой редакции Положения “Об общественных обсуждениях намечаемой хозяйственной и иной деятельности, подлежащей государственной экологической экспертизе”» Закону администрацией г. Костромы допущены многочисленные нарушения при организации и проведении общественных обсуждений по проектной документации объекта государственной экологической экспертизы «Гостиничный комплекс по адресу: г. Кострома, ул. Ленина, д. 150ж», размещение которого произведено в границах особо охраняемой природной территории регионального значения «Парк Берендеевка». В ходе проверки Костромским межрайонным природоохранным прокурором было установлено, что в нарушение Закона в протоколе и в итоговом документе общественных слушаний по проектной документации отсутствует информация о возрасте (а именно о достижении возраста 18 лет) 203 человек и месте жительства (в г. Костроме) 85 человек, принявших участие в таких обсуждениях, в отношении 21 участника обсуждений сведения о месте жительства в г. Костроме указаны не полностью. Отсутствует информация о гражданстве лиц, участвующих в таких общественных обсуждениях. Несмотря на то обстоятельство, что экологически значимое решение принималось в отношении объекта, строительство которого осуществлялось на территории г. Костромы, к участию в проведении общественных обсуждений допущены лица, проживающие за пределами г. Костромы, в основном на территории близлежащих районов.

Вместе с тем было установлено, что в нарушение принципа гласности, учета общественного мнения при принятии экологически значимых решений информирование общественности о сроках и месте доступности указанного объекта общественных обсуждений через средства массовой информации не осуществлялось. Так, объявление о проведении общественных обсуждений по проектной документации объекта государственной экологической экспертизы «Гостиничный комплекс по адресу: г. Кострома, ул. Ленина, д. 150ж» было опубликовано только в «Официальном вестнике города Костромы» (№ 21 от 15.05.2015), который не является

средством массовой информации и имеет тираж всего 120 экземпляров, что с учетом численности жителей г. Костромы (около 300 000 человек) не может свидетельствовать об информировании общественности о сроках и месте доступности объекта общественных обсуждений. Итоговый протокол общественных обсуждений от 15 июня 2015 г. не был подписан гражданами, общественными организациями (объединениями), заказчиками.

Изложенное создало благоприятные условия для проведения общественных обсуждений с участием ограниченного круга лиц, находящихся в зависимости от заказчика строительства и экологической экспертизы, что не может свидетельствовать об объективности и об учете общественного мнения при принятии указанного экологически значимого решения. По результатам рассмотрения внесенного межрайпрокурором представления общественные обсуждения проекта строительства были проведены повторно.

Недостаточное правовое регулирование стало причиной допущенных администрацией Костромского района Костромской области нарушений при проведении 22 декабря 2017 г. общественных слушаний по вопросу рассмотрения проекта материалов по оценке воздействия на окружающую среду намечаемой хозяйственной деятельности по строительству на территории Кузьмищенского поселения Костромского района полигона захоронения твердых коммунальных отходов. Так, в постановлении администрации Костромского района, регламентирующем порядок организации и проведения общественных обсуждений объектов государственной экологической экспертизы на территории Костромского района, не детализирована процедура регистрации участников общественных обсуждений, не определен круг субъектов, имеющих в соответствии с Законом право на участие в таких общественных обсуждениях. Ввиду изложенного, ненадлежащим образом организована регистрация участников общественных слушаний. Так, лист регистрации участников общественных слушаний не содержит информации о гражданстве участвующих лиц, дате рождения, об основаниях эмансипации (при необходимости). Отсутствие таких данных может свидетельствовать о возможном допуске к участию в голосовании лиц, не имеющих на это право. Протокол общественных слушаний от 25 декабря 2017 г. не подписан представителями органов исполнительной власти, гражданами, общественными организациями (объединениями), заказчиком.

Кроме того, органами местного самоуправления Костромского района не приняты меры к надлежащей организации информирования общественности и других участников оценки воздействия на окружающую среду. Заказчиком не опубликована в кратком виде информация в официальном издании органов исполнительной власти субъекта РФ и органов мест-

ного самоуправления Кузьмищенского сельского поселения Костромского района, а также в официальных печатных изданиях органов местного самоуправления, на территории которых намечаемая хозяйственная и иная деятельность может оказать воздействие (например, муниципальные образования, граничащие с Кузьмищенским сельским поселением Костромского района Костромской области).

Все выявленные нарушения получили отражение в представлении прокурора, внесенном в адрес главы администрации Костромского района.

Практика показывает, что наибольшей эффективности в выполнении прокурором задач по укреплению законности, ликвидации правонарушений и преступности, устранению причин и условий, их порождающих, возможно добиться не только пресечением нарушений, но и принятием мер по предупреждению совершения аналогичных правонарушений. Учитывая изложенное, реализуя полномочия по участию в правотворческой деятельности, костромской межрайонный природоохранный прокурор, обобщив приведенную в настоящей работе практику прокурорского надзора за исполнением законов об экологической экспертизе за последние три года, разработал для органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов модельные акты: «Административный регламент по предоставлению муниципальной услуги по государственной регистрации заявления о проведении общественной экологической экспертизы» и «Об утверждении порядка организации и проведения общественных обсуждений в форме общественных слушаний о намечаемой хозяйственной и иной деятельности, которая подлежит экологической экспертизе». Такие модельные акты были разработаны с учетом всех положений специализированного законодательства, а также складывающейся судебной практики в анализируемой сфере, что позволило максимально соблюсти баланс интересов общества и государства, предусмотреть возможные злоупотребления правами со стороны заинтересованных лиц, а также пресечь в будущем факты произвольного толкования законодательства и иные негативные последствия. На поднадзорной территории органами местного самоуправления такие модельные акты приняты.

В рамках настоящего исследования проведено анкетирование прокурорских работников, в ходе которого подавляющее большинство (47 из 50,94%) респондентов дали отрицательный ответ на вопрос о том, допускались ли ими при осуществлении своей практической деятельности факты направления в орган местного самоуправления модельных правовых актов в сфере экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую природную среду для решения вопроса об их принятии, тогда как такими респондентами отмечен высокий уровень правонарушений в обозначенных сферах. Причиной из-

ложенного является недооценка практикующими работниками предупредительной роли правотворческой функции прокуратуры, которая присуща всем этапам развития российской прокуратуры.

Так, в период становления прокуратуры в России при Петре I генерал-прокурор также был наделен полномочиями в сфере правотворчества: предлагал Сенату принимать решения по вопросам, не урегулированным правом. В соответствии с п. XI указа «О должности генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 г. генерал-прокурору было предоставлено право законодательной инициативы. При обнаружении пробелов в законодательстве генерал-прокурору предписывалось давать соответствующие предложения Сенату, «...чтоб учинили на те дела ясные указы; и как сочинят, доносить нам...» [4].

Законом СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» участие в совершенствовании законодательства непосредственно включено было в перечень основных направлений деятельности этого органа государства (ст. 3) [2]. В соответствии со ст. 114 Конституции СССР (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) [3] Генеральный прокурор Союза ССР обладал правом внесения законодательных предложений Съезду народных депутатов СССР и Верховному Совету СССР. Соответствующим правомочием были наделены прокуроры союзных и автономных республик.

В настоящее время участие прокуроров в правотворческом процессе представляет собой назревшую в обществе необходимость и является действенным инструментом, направленным на приведение российского законодательства в стройную и согласованную систему, соответствующую требованиям времени.

Учитывая актуальность вопроса строительства на территории регионов объектов по обращению и для размещения отходов, статистику выявляемых нарушений в анализируемой сфере, представляется, что надзор за исполнением законов об экологической экспертизе должен находиться в постоянном поле зрения прокуроров всех уровней. Ввиду изложенного повсеместное распространение и совершенствование опыта Костромской межрайонной природоохранной прокуратуры по реализации правотворческой функции прокуратуры как способа обеспечения реализации принципа гласности, участие общественных организаций (объединений), учет общественного мнения при принятии экологически значимых решений положительно скажется на укреплении законности и правопорядка.

Библиографический список

1. Бошно С.В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 82.
2. Ведомости Верховного совета СССР: журнал. – 1979. – № 49. – Ст. 843.
3. Ведомости Верховного совета СССР: журнал. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

4. Звягинцев А.Г. История российской прокуратуры. 1722–2012: Краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях, документах. – М.: Олма Медиа Групп, 2012. – С. 14–16.

5. Орловская И.В. Проблемы обеспечения законности при выявлении нарушений законодательства об общественной экологической экспертизе // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 04 (29). – С. 68–73.

6. Приказ Генерального прокурора РФ от 01.04.2014 № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 09.09.2002. – № 36. – Ст. 3510.

8. Справка «О результатах проверки исполнения в Волжском бассейне законодательства об экологической экспертизе» (ноябрь 2018).

9. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. – 27.11.1995. – № 48. – Ст. 4556.

References

1. Boshno S.V. Doktrinal'nye i drugie netradicionnye formy prava // Zhurnal rossijskogo prava. – 2003. – № 1. – S. 82.
2. Vedomosti Verhovnogo soveta SSSR: zhurnal. – 1979. – № 49. – St. 843.
3. Vedomosti Verhovnogo soveta SSSR: zhurnal. – 1977. – № 41. – St. 617.
4. Zvyagincev A.G. Istoriya rossijskoj prokuratury. 1722–2012: Kratkoe izlozhenie istorii prokuratury v licah, sobytiah, dokumentah. – M.: Olma Media Grupp, 2012. – S. 14–16.
5. Orlovskaya I.V. Problemy obespecheniya zakonnosti pri vyavlenii narushenij zakonodatel'stva ob obshchestvennoj ekologicheskoy ekspertize // Otechestvennaya yurisprudenciya. – 2018. – № 04 (29). – S. 68–73.
6. Prikaz General'nogo prokurora RF ot 01.04.2014 № 165 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov ob ohrane okruzhayushchej sredy i prirodopol'zovanii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31.08.2002 № 1225-r «Ob Ekologicheskoy doktrine Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 09.09.2002. – № 36. – St. 3510.
8. Spravka «O rezul'tatah proverki ispolneniya v Volzhskom bassejne zakonodatel'stva ob ekologicheskoy ekspertize» (noyabr' 2018).
9. Federal'nyj zakon ot 23.11.1995 № 174-FZ «Ob ekologicheskoy ekspertize» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 27.11.1995. – № 48. – St. 4556.

Пашин Вадим Михайловичдоктор юридических наук
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
kafuprk@mail.ru**Павлюков Виталий Владимирович**Кубанский государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина
ука@mail.ru

ПОНЯТИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

В настоящей статье анализируется существующая терминология, связанная с прокурорским надзором, и дается новое понятие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Обновление терминологии становится актуальным по причине реформирования надзорной деятельности прокуратуры Российской Федерации. Указанное направление имеет ряд определенных особенностей, что связано с большим количеством принятых законодательных актов, регулирующих надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности уполномоченными прокурорами. В связи с этим авторы приходят к выводу, что целесообразно начать с обновления существующего понятия прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности на основе анализа некоторых исследований был сделан акцент на повышение эффективности деятельности оперативных подразделений путем проведения профилактических действий со стороны сотрудников прокуратуры.

Ключевые слова: надзор, понятие прокурорского надзора, оперативно-розыскная деятельность, профилактика.

Деятельность правоохранительных органов на различных стадиях уголовного процесса связана с вмешательством в личную жизнь людей, ограничением их законных прав, применением принуждения, что обуславливает необходимость существования контроля и надзора.

На первый план выходит соблюдение прав и свобод человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), поэтому Конституция Российской Федерации (далее – РФ) возложила функцию надзора за соблюдением законов органами внутренних дел на прокуратуру. Реформирование прокуратуры РФ в условиях развития общества, осуществление надзора за законностью и обоснованностью решений оперативного сотрудника, зачастую ограничивающих права человека, требуют не только новых подходов к усилению эффективности прокурорского надзора на предварительном расследовании, но и обозначения четкой терминологии каждого действия.

Что касается надзорной деятельности в общем, то ее осуществление началось три сотни лет назад, практически сразу после того, как в январе 1722 года указом Петра Великого и была создана прокуратура. Изучая труды Ю.В. Лучинского, можно заметить, что за время своего развития и до наших дней качество прокурорского надзора за соблюдением законности при осуществлении той или иной деятельности постоянно колебалось и видоизменялось [10]. Исторический опыт свидетельствует и о том, что доминирующий над оперативно-розыскной деятельностью надзор приводит к существенным злоупотреблениям, в том числе и со стороны прокуратуры.

В свой черед, за трехсотлетний период законодательный багаж, регулирующий надзорную деятельность прокуратуры и ее полномочия, не прекращал увеличиваться. Сейчас правовые основы организации и деятельности прокуратуры помимо Конституции РФ определяются различными международными актами, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», иными федеральными законами, указами Президента РФ, а также правовыми актами Генерального прокурора РФ и нижестоящих прокуроров, которых на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации насчитывается более 150 [2]. Умение применять законодательные акты на практике из-за постоянного увеличения их количества становится подчас весьма затруднительным делом для начинающего свою деятельность прокурора, и поэтому указанный институт не всегда действует эффективно.

В связи с этим в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации был обозначен ряд тезисов, среди которых акцент был сделан на необходимости прекращения действия с 1 января 2021 года всех существующих нормативных актов в сфере контроля и надзора. Данная сфера, по мнению Президента России, должна быть обновлена [6].

Реакция правительства на Послание Президента не заставила себя долго ждать, и уже через несколько дней был создан Департамент по реформе контроля и надзора. В Департаменте были рассмотрены различные задачи, среди которых приоритетной станет проведение глобальной реформы контроля и надзора [1].

Поддерживая обозначенный Президентом РФ посыл, считаем, что первоочередные меры в обновлении законодательной базы должны коснуться и ученых правоведов, сконцентрировав их внимание на подготовке научных рекомендаций по надзору за защитой и соблюдением конституционных прав граждан, их жизни, чести и достоинства. Нарушения последних возникают в силу различных обстоятельств, где все чаще фигурируют случаи несоблюдения законодательства работниками оперативно-розыскных подразделений в процессе осуществления своей деятельности. Бесспорно, это не единственное направление, на которое необходимо обратить внимание, однако нужно понимать, что неправомерная деятельность сотрудников, осуществляющих ОРД, может стать подспорьем для более серьезных последствий, а также развязать руки недобросовестным сотрудникам полиции.

Стоит обратить внимание и на разномастный состав объектов надзорной деятельности прокуратуры, что требует высокой организованности, компетентности и профессионализма [5, с. 35], а также необходимости не только изучать, но и понимать правоприменительную практику существующих норм. В научной литературе остается много нерешенных вопросов касательно четкого определения категориального аппарата, связанного с прокурорским надзором. Поэтому, чтобы эффективно решать задачи надзорной деятельности прокурора, необходимо, как представляется, начать с изучения и наработки терминологии – в первую очередь с понятия «надзор», который, как указано в словаре Ожегова, осуществляет орган, группа лиц для наблюдения за кем-то или чем-то, за соблюдением каких-то правил [9].

Что касается научных определений понятия прокурорского надзора, то И.Р. Закиров под последним обоснованно понимает урегулированный нормами права специфический вид государственной деятельности, осуществляемый от имени Российской Федерации уполномоченными органами (органами прокуратуры) с использованием установленных законом полномочий и правовых средств их исполнения и заключающийся в проверке соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на территории РФ, принятии мер к предотвращению, пресечению и устранению нарушений закона, а также привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности [3, с. 241].

Из вышеуказанного понятия вытекает одно из отличий прокурорского надзора от других видов государственной деятельности, которое заключается в том, что уполномоченный прокурор осуществляет надзорную деятельность за исполнением законов. Очевидно, как сотрудник прокуратуры, так и прокурор не могут знать все законы и поэтому их деятельность разделена по отраслям работы. Так, например, в рамках отдельной отрасли выведен

прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД и предварительное следствие [11, с. 73].

Факт осуществления прокурорского надзора закреплен в нескольких законодательных актах. Например, статья 52 Федерального закона «О полиции» гласит, что надзор за исполнением законов сотрудниками полиции осуществляют Генеральный прокурор РФ, а также подчиненные ему прокуроры в соответствии с полномочиями, прописанными федеральным законодательством. Из данной статьи сложно вычленивать конкретику.

В частности, более конкретно законодатель попытался расширить сферу надзорной деятельности прокуратуры за ОРД и в статье 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» прописал, что прокурор может потребовать от руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, предоставить:

- дела оперативного учета;
- материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств;
- учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий [12].

Закрепленные за этим направлением прокуроры, помимо указанных ранее законодательных актов, также руководствуются приказом Генеральной прокуратуры РФ от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (далее – Приказ).

Анализируя Приказ, мы можем отметить, что надзор за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» будут осуществлять лица, назначенные Генеральным прокурором из числа подчиненных работников – уполномоченных прокуроров.

В п. 4 Приказа во главу угла ставится обеспечение законных гарантий соблюдения прав человека и гражданина при организации и осуществлении надзора за исполнением законов во время реализации оперативно-розыскной деятельности. В том числе указано, что прокурор должен обеспечить законность при проведении оперативно-розыскных мероприятий, и даже таких, на проведение которых разрешение дано судом, а также проверить порядок выполнения оперативно-розыскных мероприятий, принятые должностными лицами решения и результаты оперативно-розыскной деятельности на соответствие их законам и правовым актам [8].

Некоторые положения данного Приказа являются весьма дискуссионными, поскольку в ч. 5 ст. 76 Конституции РФ прописано, что положения подзаконных актов не могут противоречить нормам федеральных законов. Общий анализ реализации

функции прокурорского надзора с учетом положений Приказа и базирующейся на его основе правоприменительной деятельности свидетельствует, что содержание подзаконного акта, с одной стороны, по многим параметрам противоречит нормам Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», с другой – неоправданно расширяет содержащиеся в нем предписания, касающиеся полномочий надзирающих прокуроров, а в итоге – ухудшает состояние борьбы с преступностью.

На данном этапе у нас уже сформировалось тезисное представление о понятии прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении ОРД, однако для полной картины не лишним будет рассмотреть и существующие термины, которые обозначили ученые правоведы.

Под прокурорским надзором за исполнением законов при осуществлении ОРД по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений С.А. Потапов понимает деятельность уполномоченных прокуроров, направленную на выявление и устранение нарушений требований ФЗ об ОРД и других законов органами, осуществляющими ОРД по указанным направлениям [7, с. 172].

Однако, как нам видится, не были учтены гарантии в обеспечении законности, профилактика нарушений законности, ведь, как правильно заметил И.С. Курьшов, организация прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности должна осуществляться в целях повышения эффективности деятельности оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел как при противодействии преступности, так и содействию реализации оперативно-розыскной деятельности [4].

Резюмируя изложенное, считаем, что под прокурорским надзором за исполнением законов в ОРД стоит понимать деятельность уполномоченных Генеральным прокурором должностных лиц прокуратуры, направленную на выявление и устранение нарушений законодательства при проведении оперативно-розыскной деятельности, а также на осуществление профилактических мероприятий касаясь производства конкретных оперативно-розыскных действий сотрудниками правоохранительных органов.

Библиографический список

1. В правительстве создали департамент по форме контроля и надзора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190225/1551331469.html> (дата обращения: 14.02.2019).
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/documents/legal-base/> (дата обращения: 17.02.2019).
3. *Закиров И.Р.* К вопросу о понятии прокурорского надзора // Экономика и социум. – 2017. – № 7 (38). – С. 238–242.

4. *Курьшов И.С.* Прокурорский надзор за исполнением законов субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/prokurorskii-nadzor-za-ispolnieniem-zakonov-subektami-osushchestvlyayushchimi-operativno-rozu> (дата обращения: 11.03.2019).

5. *Мануков М.М.* Механизм прокурорского надзора за исполнением законов субъектами оперативно-розыскной деятельности // Государство и право в XXI веке. – 2017. – № 4. – С. 35–44.

6. Послание Владимира Путина Федеральному собранию: Главное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/36371204/?frommail=1> (дата обращения: 29.03.2019).

7. *Потапов С.А.* Осуществление прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – № 12. – С. 170–176.

8. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257526/#ixzz5gcovgH1a> (дата обращения: 05.02.2019).

9. Словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 26.02.2019).

10. Становление прокуратуры в Российской Империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokuratura-krasnodar.ru/stanovlenie-prokuratury-v-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 15.02.2019).

11. *Тюрин Н.С.* Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности: некоторые вопросы // Уголовная юстиция. – 2014. – № 2 (4). – С. 73–75.

12. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10104229/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/#ixzz5gpKvSkC6/> (дата обращения: 07.03.2019).

References

1. V pravitel'stve sozdali departament po reforme kontrolya i nadzora [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20190225/1551331469.html> (data obrashcheniya: 14.02.2019).
2. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://genproc.gov.ru/documents/legal-base/> (data obrashcheniya: 17.02.2019).

3. Zakirov I.R. K voprosu o ponyatii prokurorskogo nadzora // *Ekonomika i socium*. – 2017. – № 7 (38). – S. 238–242.

4. Kuryshov I.S. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov sub"ektami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost', doznanie i predvaritel'noe sledstvie v organah vnutrennih del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.dissercat.com/content/prokurorskii-nadzor-za-ispolneniem-zakonov-subektami-osushchestvlyayushchimi-operativno-rozy> (data obrashcheniya: 11.03.2019).

5. Manukov M.M. Mekhanizm prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov sub"ektami operativno-rozysknnoj deyatel'nosti // *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. – 2017. – № 4. – S. 35–44.

6. Poslanie Vladimira Putina Federal'nomu sobraniyu: Glavnoe [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://news.mail.ru/politics/36371204/?frommail=1> (data obrashcheniya: 29.03.2019).

7. Potapov S.A. Osushchestvlenie prokurorskogo nadzora za soblyudeniem zakonnosti v operativno-rozysknnoj deyatel'nosti // *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*. – 2016. – № 12. – S. 170–176.

8. Prikaz General'noj prokuratury RF ot 15 fevralya 2011 g. № 33 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri osushchestvlenii operativno-rozysknnoj deyatel'nosti» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257526/#ixzz5gcovgHla> (data obrashcheniya: 05.02.2019).

9. Slovar' Ozhegova [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ozhegov.org/> (data obrashcheniya: 26.02.2019).

10. Stanovlenie prokuratury v Rossijskoj Imperii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://prokuratura-krasnodar.ru/stanovlenie-prokuratury-v-rossiyskoy-imperii> (data obrashcheniya: 15.02.2019).

11. Tyurin N.S. Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu operativno-rozysknnoj deyatel'nosti: nekotorye voprosy // *Ugolovnaya yusticiya*. – 2014. – № 2 (4). – S. 73–75.

12. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknnoj deyatel'nosti» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/10104229/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/#ixzz5gpKvSkC6//> (data obrashcheniya: 07.03.2019).

**МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ РЕШЕНИЙ:
СУЩНОСТЬ, ЭЛЕМЕНТЫ, ОТНОШЕНИЕ К ПРЕДМЕТУ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА**

В статье рассматривается ряд концептуальных положений, посвященных вопросам определения механизма принятия решений. Автором проводится анализ терминов «механизм» и «принятие решения», разработанных представителями разных направлений (отраслей) научных знаний: философии, психологии, кибернетики, социологии, теории управления. Изучаются предложенные научным сообществом мнения относительно этапов (элементов) механизма принятия решений. Такой подход дал возможность установить широкое и узкое значения механизма принятия решений: особый институт конкретной сферы деятельности, состоящий из элементов; локальные процедуры взаимодействия, складывающиеся из операций по достижению установленной цели. Общий анализ рассмотренных научных изысканий позволил автору преломить полученные в ходе исследования результаты в сферу прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности. Предложено понятие и элементы механизма принятия оперативно-розыскных решений. Сформулированы положения, отражающие отношение механизма принятия оперативно-розыскных решений к предмету прокурорского надзора.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное решение, механизм, механизм принятия оперативно-розыскного решения, прокурорский надзор, предмет прокурорского надзора, уполномоченный прокурор, законность, оперативно-розыскное мероприятие, профессиональный риск.

Законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), является важнейшим и неотъемлемым элементом предмета прокурорского надзора, закрепленным положениями ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации». Данная установка законодателя имеет концептуальный характер и, по сути, выступает формой реализации главной обязанности государства в лице субъектов ОРД и органов прокуратуры по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, а также исполнению нормативных предписаний при их негласном ограничении в установленных законом случаях и порядке. Одновременно она предполагает необходимость взвешенного учета правоприменителем всего комплекса компонентов, формирующих системное и содержательное представление об обоснованности вышеуказанных решений, конкретизирующих предмет надзорной деятельности в сфере ОРД.

В юридической доктрине проблеме прокурорского надзора за законностью решений в сфере ОРД либо отдельным ее аспектам посвятили свои труды А.И. Бастрыкин, В.Г. Бессарабов, А.Ю. Винокуров, Э.А. Дидоренко, Г.В. Дытченко, О.Д. Жук, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, О.С. Капинус, П.М. Каркач, А.Ф. Козусев, Н.И. Курочка, С.Н. Назаров, В.М. Пашин, В.П. Сальников, А.Г. Халиулин, С.М. Ховавко и другие авторитетные ученые. В то же время без внимания остается ряд теоретических вопросов, имеющих прикладное значение в рамках осуществления надзорной деятельности уполномоченными прокурорами. К таковым относится механизм принятия оперативно-розыскных решений, позволяющий объективно оценивать процессы проведения оперативно-розыскных ме-

роприятий, применения негласных методов, сил и средств ОРД в контексте их правомерности.

Как показало проведенное нами исследование, термин «механизм» (нем. *mechanismus*, фр. *mechanisme*, греч. *mechanismo* – орудие, машина) заимствован науками гуманитарного профиля из инженерно-технической сферы. Он означает внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие (как пример – часовой механизм).

В философии «механизм» – это философское направление, сводящее все многообразие бытия к простым законам механики (механицизм). «Интерпретируется как система движений или событий, устройство или приспособление, в котором либо посредством которого совершаются эти движения, определяемые законами природы. Таким образом, в общеприкладном смысле механизм какого-либо явления рассматривается в триедином измерении: как система, как процесс и как средство (инструмент) для решения определенных задач» [17, с. 226].

Обозначенная трехмерная особенность философского толкования сущности термина «механизм», на наш взгляд, была аксиоматично принята большинством представителей разных наук, занимающихся проблематикой принятия решений. Об этом свидетельствует не только отсутствие в периодических и учебно-методических изданиях соответствующих возражений либо иных критических высказываний, но и конструкция существующих определений механизма принятия решений, в которых философская основа, обогащенная спецификой представленной области знаний, проходит «красной нитью».

Одной из вышеуказанных наук, изучающих взаимосвязи принятия решений с мыслительной, интеллектуально-волевой, интуитивной и близкими

к ним видам умственной деятельности индивида, выступает психология. В ее рамках обсуждается широкий спектр факторов и инструментов, влияющих на гипотизостроение, поведение человека, выбор им модели решения в определенных условиях психологической реальности.

К известным представителям психологической школы относится Ю. Козелецкий, который в книге «Человек многомерный» [9] проанализировал мотивации и личностные устремления человека при принятии решений, а также личностные образования, ведущие индивида за пределы известного. Не менее авторитетным ученым является Т.В. Корнилова, предложившая систему аргументированных измышлений в вопросах психологии риска и принятия решений [10]. Разработки мэтров послужили научно-методологическим ориентиром в определении сущности механизма принятия решений в психологии, значимым подспорьем в проведении серии близких по тематике исследований. В качестве примера приведем мнение Е.И. Бойко, который на основе ряда логически выстроенных умозаключений делает вывод, что данный механизм есть проявление функционирования когнитивной деятельности группового и индивидуального субъектов принятия решений [5].

В ряду с психологией существенный вклад в познание механизма принятия решений внесла такая наука, как социология. К числу ее авторитетных деятелей относится Толкотт Парсонс – американский социолог-теоретик, глава школы структурного функционализма, один из создателей современной теоретической социологии. В рамках структурно-функционального подхода для понимания сущности понятия «механизм» американский ученый в своих исследованиях обращается к понятию «процесс» «в значении способа или метода, посредством которого одно состояние системы превращается в другое ее состояние. При этом им проводится терминологическое разграничение. В частности, указывается, что если понятие «процесс» предполагает описание начального и конечного состояния системы, выявление отдельных стадий изменения ее состояний, то понятие «механизм» подразумевает рассмотрение процесса в контексте более широкой системы, а именно с позиций альтернативных следствий этого процесса для системы в целом или какой-либо ее части» [13].

Весомую роль в развитии представлений о сущности механизма принятия решений сыграла наука кибернетика. В частности, американские ученые А. Ньюэлл, Х. Саймон и Дж. Шоу экстраполировали термин «механизм» на программы для электронных вычислительных машин, имитирующих мышление. Тем самым авторы подчеркнули информационный аспект мыслительной деятельности, обозначили важность для принятия решений возможностей алгоритмизации анализа разного рода данных силами искусственного интеллекта.

В результате ими разработано иное определение механизма принятия решений, которое предлагается рассматривать в двух форматах: как отдельные элементарные информационные процессы и как длинные, ветвящиеся последовательности этих процессов, называемые программами (такими механизмами-программами могут выступать целостные процессы мышления и решения задач).

Наиболее фундаментальные исследования проблем принятия решений были осуществлены в рамках теории управления. На основе их результатов механизм принятия управленческих решений интерпретируется в нескольких взаимно дополняющих значениях. Во-первых, как «система взаимодействия различных (индивидуальных, групповых, собственно организационных) акторов с целью решения какой-либо организационно-управленческой проблемы. При этом руководитель выступает в качестве лица, уполномоченного принимать окончательное решение и нести ответственность за его последствия» [6, с. 27; 11]. Во-вторых, как своеобразный институт, определяющий стратегию и тактику развития организации. К числу механизмов принятия решений Г.В. Сорина причисляет ряд следующих процедур: «объективное исследование имеющихся данных, сопоставление результатов проведенных исследований, обсуждение различных точек зрения по поводу рассмотренных проблем, проведение разъяснительной работы в социуме (в коллективе) перед принятием окончательного решения и оглашения его результатов» [16].

Комплексно-системный анализ вышеприведенных и иных научных положений относительно сущности термина «механизм принятия решений» в разных областях знаний демонстрирует его многомерность. В зависимости от угла обзора и глубины осмысления данный механизм рассматривается либо в широком значении (системном качестве), как особый институт конкретной сферы деятельности, состоящий из элементов, либо в узком – в виде локальных процедур взаимодействия, складывающихся снова-таки из операций по достижению установленной цели. В обоих случаях это упорядоченный процесс, имеющий определенную продолжительность и структуру.

Сформулированное умозаключение видится сбалансированным и логически состоятельным. В то же время оно не в полной мере отражает сущностные характеристики механизма принятия решений в такой специфической сфере деятельности, как оперативно-розыскная. В этой связи целесообразно обратиться к доктринальным разработкам теории управления, накопившей наибольшую систему знаний относительно логики внутреннего устройства процесса принятия решений, взаимосвязей этапов и иных важных составляющих исследуемого процесса.

Так, в орбите интересующего нас вопроса можем отметить работу советского ученого Л.Г. Ев-

ланова, в которой автор своими рассуждениями описал общие параметры процесса принятия управленческих решений, подчеркивая при этом важность информационного компонента. В частности, им указывается, что «в процессе принятия решений наблюдается уменьшение неопределенности. Формирование проблемной ситуации как бы порождает вопрос “что делать?”». Последовательное выполнение процедур приводит к формированию ответа на него – «что и как нужно делать» [8, с. 30].

Предложенный алгоритм, будучи познавательным, на наш взгляд, заслуживает внимания, поскольку в целом отражает близкую с ОРД информационную природу принятия решений. Как отмечают авторитетные ученые, «оперативно-розыскная информация, будучи стержневым звеном во всей ОРД, способствует выявлению в условиях конкретного места и времени непосредственных объектов ОРД, определению реальной потребности в целесообразной предметной направленности оперативно-розыскного воздействия на них, прогнозированию результатов данного воздействия, выбору соответствующих мер, средств, форм, методов деятельности и т. д.» [12, с. 143]. Не лишено мнение Л.Г. Евланова и недостатков, поскольку содержит абстрактность суждения, не имеет конкретики в аспекте элементов (стадий) процесса принятия решений.

Стоит отметить, в теории управления личные парадигмы не единичны. В ряду исследований рассматриваются схожие по сути элементы механизма принятия решений в привязке к стадиям принятия решений. Наиболее часто механизм принятия управленческих решений рассматривается в формате одной из двух стадий – подготовки решения либо принятия решения, – каждая из которых наделяется авторами определенной автономностью.

Например, Г.В. Атаманчук, «рассуждая над вопросами подготовки управленческих решений, выделяет следующие этапы: анализ и оценку управленческой ситуации; прогнозирование и моделирование необходимых (и возможных) действий по сохранению или преобразованию управленческой ситуации; разработку проектов предполагаемых управленческих решений или организационных мероприятий; осуществление организационных мероприятий; принятие управленческих решений; организацию выполнения принятых решений» [1, с. 116, 121]. В свою очередь, А.Ф. Мельник, А.Ю. Оболенский, А.Ю. Васина и Л.Ю. Гордиенко не усматривают в исследуемом механизме стадии подготовки решений, предлагают непосредственно формулу принятия управленческих решений в виде последовательности этапов: «доведение управленческих решений до исполнителей; определение календарных (конечных и промежуточных) сроков выполнения, назначение соответствующих исполнителей, конкретизацию задач и ответственности, обеспечение ресурсами, коор-

динацию действий исполнителей, корректировку ранее принятого решения, мотивацию деятельности, учет и контроль исполнения» [7, с. 121].

На наш взгляд, применительно к оперативно-розыскной сфере и особенностям принятия оперативно-розыскных решений приемлемой выступает позиция таких специалистов в области управления органами внутренних дел, как В.М. Плишкин и А.М. Бандурка. В своих работах ученые справедливо объединяют процедуры подготовки и принятия управленческих решений в единую стадию управленческого процесса.

В частности, А.М. Бандурка процесс принятия решений представляет в виде следующих этапов: 1) получение информации, включая ее сбор, обработку или систематизацию, то есть размещение в разных сводках, таблицах, учете; 2) анализ информации [4, с. 139–141]. Более развернутой выглядит позиция В.М. Плишкина, детализирующая элементы механизма принятия решений и подчеркивающая их системную взаимосвязь: диагностирование состояния системы и управляемого объекта; выявление, осознание и формулирование проблемы; определение цели; выдвижение управленческих гипотез; оперирование информацией (сбор, обработка, анализ, оценка управленческих гипотез); подготовка (разработка) вариантов решения; оценка вариантов решений, выбор оптимального варианта; оформление выбранного варианта в виде проекта решения; согласование проекта решения с заинтересованными лицами; обсуждение проекта решения; принятие решения (предоставление решению юридической силы); доведение решения до исполнителей (организаторов выполнения) [14, с. 53].

По нашему мнению, оригинальность вышеуказанных подходов заключается в учете учеными неразрывного единства правовых, содержательных (целенаправленность, анализ, оценка, определение путей и средств достижения целей) и организационных (организация практической деятельности) свойств управленческого решения. Отсутствие хотя бы одного из них исключает возможность отнесения решений к категории управленческих или указывает на дефектность решения.

С оглядкой на аналитическую природу ОРД, прикладной характер этой деятельности можно выделить также механизм принятия управленческих решений, предложенный В.М. Прыймаком. По задумке автора, такой механизм составляют всего четыре взаимосвязанных элемента: 1) признаком решения выступает наличие выбора, когда принимающее решение лицо располагает несколькими вариантами возможного решения; 2) выбор должен быть сознательным, то есть ему должна предшествовать цепочка мыслительных процессов; 3) целенаправленность, то есть выбор должен быть ориентированным на одну либо несколько целей и предусматривать достижение результатов; 4) выбор должен завершаться действием, то есть решение –

как субъективный мыслительный акт и акт волеизъявления – должно вызывать ряд целенаправленных действий для его реализации [15, с. 10].

Общий анализ рассмотренных научных исследований, отражающих существенные характеристики механизма принятия решений, его элементов в разных сочетаниях с учетом содержательной схожести и различий, позволяет преломить полученные знания в сферу ОРД. Опираясь на специфику этой деятельности и особенности практики ее осуществления, механизм принятия оперативно-розыскных решений нами представляется «целенаправленным процессом познания, включающим применение методов анализа оперативно-розыскной ситуации, проблем и способов их решения с учетом имеющихся оперативно-розыскных сил и средств, оценку альтернативных вариантов и выбор оптимального решения» [3, с. 294].

К элементам механизма принятия оперативно-розыскных решений относим следующие: анализ и оценку оперативно-розыскной ситуации; определение цели и задач, на достижение которых направлено решение; определение возможных вариантов решений и прогнозирование результатов (как положительных, так и отрицательных) их реализации; осуществление организационных мероприятий; выбор оптимального оперативно-розыскного решения.

Предложенное видение механизма принятия оперативно-розыскных решений позволяет ставить вопрос о его отношении к предмету прокурорского надзора, органично связанного с установлением законности ОРД. В данном ракурсе тезисно очертим несколько положений, которые, на наш взгляд, выступают подспорьем для дальнейшей полемики.

Во-первых, как известно, отсутствие положительных результатов в оперативно-розыскной работе по выявлению подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений закономерно обращает взор уполномоченных прокуроров в сторону субъектов ОРД. В таком случае изучение оперативно-розыскных материалов в алгоритмическом порядке с учетом последовательности элементов принятия оперативно-розыскных решений отображает реальную картину на предмет применения оперативно-розыскных сил и средств в ходе предупреждения и раскрытия преступлений, создает объективное и системное представление о законности предпринимаемых мер при решении задач ОРД.

Во-вторых, использование при раскрытии преступлений знаний о сущности механизма принятия оперативно-розыскных решений существенно облегчает работу уполномоченным прокурорам по своевременному выявлению злоупотреблений и иных отступлений от требований закона, позволяет пресекать бездеятельность и другие нарушения, влекущие в комплексе безнаказанность преступного элемента.

В-третьих, при изучении оперативно-розыскных дел уполномоченным прокурором знание

механизма принятия оперативно-розыскных решений способствует формированию убеждения о соблюдении оперативным сотрудником правовых оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. Тем самым предупреждаются вероятные нарушения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Основным законом Российской Федерации.

В-четвертых, механизм принятия оперативно-розыскных решений выступает достаточно удобным теоретико-прикладным инструментом в установлении правомерности проведения интрузивных оперативно-розыскных мероприятий в ситуациях оперативной необходимости. Имеются в виду характерные для ОРД случаи, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, в связи с чем предполагают особую процедуру судебного санкционирования. Такой инструмент вносит четкость в понимание законности действий сотрудников оперативных подразделений, создает условия для наступательности ОРД, сводит к минимуму возможные нарушения.

В-пятых, механизм принятия оперативно-розыскных решений по своей логической конструкции увязывает мыслительную деятельность сотрудника оперативного подразделения с конкретной оперативной обстановкой, имеющейся у него оперативной информацией, а также требованиями действующего законодательства. В этом ключе последовательный и глубокий анализ элементов механизма применительно к конкретной сложившейся ситуации позволяет уполномоченным прокурорам давать качественную оценку оперативно-розыскным решениям, принимаемым в условиях риска [2, с. 235–238], определять их правомерность с учетом объективных и субъективных факторов.

Не претендуем на безапелляционность предложенных автором положений. Надеемся на их критическое обсуждение учеными и практиками, изучающими проблемы прокурорского надзора в сфере ОРД. Приглашаем к содержательной дискуссии.

Библиографический список

1. *Атаманчук Г.В.* Государственное управление: организационно-функциональные вопросы. – М.: ОАО «НПО»: Экономика, 2000. – 302 с.
2. *Бабичев Д.А.* Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений, принимаемых в условиях риска: проблемы применения уголовного закона // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 235–238.
3. *Бабичев Д.А.* Механизм принятия решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и преподавателей

(г. Шахты, 8–9 апреля 2009 года): в 2 т. Т. 2. – Шахты: ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2009. – С. 293–294.

4. Бандурка О.М. Управління в органах внутрішніх справ України: Підручник. – Х.: Ун-т внутр. справ, 1998. – 480 с.

5. Бойко Е.И. Механизм умственной деятельности: Избранные психологические труды // под ред. А.В. Брушлинского, Т.Н. Ушаковой. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. – 688 с.

6. Бушкова-Шиклина Э.В. Механизмы принятия управленческих решений: проблема концептуализации // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 1. – С. 25–30.

7. Державне управління: Навчальний посібник / А.Ф. Мельник, О.Ю. Оболенський, А.Ю. Васіна та Л.Ю. Гордієнко; за ред. А.Ф. Мельник. – К.: Знання-Прес, 2003. – 343 с.

8. Евланов Л.Г. Теория и практика принятия решений. – М., 1984. – 175 с.

9. Козелецкий Ю. Человек многомерный. – Киев: Лыбедь, 1991. – 197 с.

10. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 286 с.

11. Механизм принятия управленческих решений: сущность и структура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studref.com/310942/sotsiologiya/mehanizm_prinyatiya_upravlencheskih_resheniy_suschnost_struktura (дата обращения: 11.02.2019).

12. Основы оперативно-розыскной деятельности в Украине (понятие, принципы, правовое обеспечение). Ч. 1: учеб. пособие / Э.А. Дидоренко, Б.И. Бараненко, В.А. Глазков и др.; под ред. проф. Э.В. Виленской; МВД Украины, Луг. акад. внутр. дел им. 10-летия независимости Украины. – Луганск: РИО ЛАВД, 2006. – 245 с.

13. Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

14. Плишкін В.М. Теорія управління органами внутрішніх справ: підручник / за ред. Ю.Ф. Кравченка. – К.: НАВСУ, 1999. – 702 с.

15. Приймак В.М. Прийняття управлінських рішень: навчальний посібник. – К.: Атіка, 2008. – 240 с.

16. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: монография. – М.: Гардарики, 2005. – 253 с.

17. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М., 1997. – 576 с.

References

1. Atamanchuk G.V. Gosudarstvennoe upravlenie: organizacionno-funkcional'nye voprosy. – М.: ОАО «НРО», Экономика, 2000. – 302 с.

2. Babichev D.A. Prokurorskiy nadzor zakonost'yu operativno-rozysknyh reshenij, prinimaemyh v usloviyah riska: problemy primeniya ugovolnogo

zakona // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1. – S. 235–238.

3. Babichev D.A. Mekhanizm prinyatiya reshenij o provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij // Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya studentov, aspirantov i преподаvatelej (g. SHahty, 8–9 aprelya 2009 goda): v 2 t. T. 2. – SHahty: GOU VPO «YURGUES», 2009. – S. 293–294.

4. Bandurka O.M. Upravlinnya v organah vnutrishnih sprav Ukraini: Pidruchnik. – H.: Un-t vnutr. sprav, 1998. – 480 s.

5. Bojko E.I. Mekhanizm umstvennoj deyatel'nosti: Izbrannye psihologicheskie trudy // pod red. A.V. Brushlinskogo, T.N. Ushakovej. – М.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: NPO «MODEK», 2002. – 688 s.

6. Bushkova-SHiklina E.V. Mekhanizmy prinyatiya upravlencheskih reshenij: problema konceptualizacii // Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2007. – № 1. – S. 25–30.

7. Derzhavne upravlinnya: Navchal'nij posibnik / A.F. Mel'nik, O.YU. Obolens'kij, A.YU. Vasina ta L.YU. Gordienko; za red. A.F. Mel'nik. – K.: Znannya-Pris, 2003. – 343 s.

8. Evlanov L.G. Teoriya i praktika prinyatiya reshenij. – М., 1984. – 175 s.

9. Kozeleckij YU. CHelovek mnogomernyj. – Kiev: Lybed', 1991. – 197 s.

10. Kornilova T.V. Psihologiya riska i prinyatiya reshenij: ucheb. posobie dlya vuzov. – М.: Aspekt Press, 2003. – 286 s.

11. Mekhanizm prinyatiya upravlencheskih reshenij: sushchnost' i struktura [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://studref.com/310942/sotsiologiya/mehanizm_prinyatiya_upravlencheskih_resheniy_suschnost_struktura (data obrashcheniya: 11.02.2019).

12. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti v Ukraine (ponyatie, principy, pravovoe obespechenie). CH. 1: ucheb. posobie / E.A. Didorenko, B.I. Baranenko, V.A. Glazkov i dr.; pod red. prof. E.V. Vilenskoj; MVD Ukrainy, Lug. akad. vnutr. del im. 10-letiya nezavisimosti Ukrainy. – Lugansk: RIO LAVD, 2006. – 245 s.

13. Parsons T. Social'naya sistema // Parsons T. O social'nyh sistemah / pod red. V.F. CHesnokovoj, S.A. Belanovskogo. – М.: Akademicheskij Proekt, 2002. – 832 s.

14. Plishkin V.M. Teoriya upravlinnya organami vnutrishnih sprav: pidruchnik / za red. YU.F. Kravchenka. – K.: NAVSU, 1999. – 702 s.

15. Prijmak V.M. Prijnyattya upravlinskih rishen': navchal'nij posibnik. – K.: Atika, 2008. – 240 s.

16. Sorina G.V. Prinyatie reshenij kak intellektual'naya deyatel'nost': monografiya. – М.: Gardariki, 2005. – 253 s.

17. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. – М.: INFRA-M., 1997. – 576 s.

Тетерина Ольга Анатольевна
Костромской государственной университет
teterina_o_a_65@mail.ru

Метелкин Андрей Алексеевич
Костромской государственной университет
andreymetelkin1@gmail.com

Иванова Кристина Алексеевна
Костромской государственной университет
ivanj2015@yandex.ru.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ХОДАТАЙСТВА СЛЕДОВАТЕЛЯ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Статья посвящена детальному исследованию участия прокурора в рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании мер пресечения. В статье проанализированы позиции ученых и практических работников по данному вопросу. На основании анализа юридической литературы и российского уголовно-процессуального законодательства авторами дана оценка роли прокурора и выявлены проблемы его участия в рассмотрении судом ходатайств следователя об избрании меры пресечения. Особо отмечается, что недопустим спор между прокурором и следователем при рассмотрении судом ходатайства следователя. Авторами предлагается возвратить прокурору право давать согласие следователю на возбуждение соответствующего ходатайства перед судом, а также предусмотреть обязательность для суда отказа прокурора от поддержания ходатайства. В статье также сформулированы изменения, которые предлагается внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурор, меры пресечения, следователь, руководитель следственного органа, ходатайство об избрании меры пресечения, прокурорский надзор, судебный контроль.

В современном российском уголовном судопроизводстве особое место отведено должностным лицам органов прокуратуры, которые уполномочены осуществлять надзор за законностью процессуальных решений органов предварительного расследования, а также представлять сторону обвинения.

Но, несмотря на свою важность для обеспечения прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве и для достижения его целей, закреплённый в уголовно-процессуальном законе порядок участия прокурора в уголовном процессе является далеко не совершенным. В частности, из-за законодательных пробелов малоэффективным представляется участие прокурора в рассмотрении судом ходатайств следователей об избрании мер пресечения, что недопустимо – особенно в современный период, когда усилия законодателя направлены на гуманизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в том числе сокращение случаев избрания в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Для подробного рассмотрения данного вопроса необходимо определиться с тем, какую роль выполняет прокурор при избрании судом по ходатайству следователя меры пресечения. В научной литературе есть несколько позиций на этот счет.

Одни ученые (А.М. Васильев, Н.А. Васильева) полагают, что прокурор, участвуя в судебном заседании, осуществляет исключительно надзорные функции. Они обосновывают это тем, что у прокурора есть право высказать позицию, противоположную позиции, изложенной в ходатайстве следователя, и из этого можно заключить, что его

действия не направлены на поддержание обвинения [1, с. 46].

Другие (Н.А. Колоколов) придерживаются мнения, что прокурор участвует в судебном заседании при избрании мер пресечения только как представитель обвинения, так как именно на прокуроре (по общему правилу) лежит обязанность обосновать ходатайство органов предварительного расследования [3, с. 33].

Третьи же (Н.С. Манова, К.А. Рыгалова) считают, что прокурор является субъектом процесса избрания судом мер пресечения, который осуществляет одновременно свои надзорные функции и представляет сторону обвинения [4, с. 8].

Согласиться со сторонниками первого подхода нельзя, так как право прокурора высказывать позицию, отличную от указанной в ходатайстве следователя, не говорит о том, что он не представляет сторону обвинения, а осуществляет надзор. Законодатель предоставил ему такое право, принимая во внимание назначение уголовного судопроизводства и руководствуясь принципами законности, гуманизма и охраны прав и свобод человека и гражданина. Также не ясен и объект прокурорского надзора в этой сфере: все действия, необходимые для избрания меры пресечения, следователь уже выполнил без участия прокурора под ведомственным контролем, а за судебными органами прокурор осуществлять надзор не вправе.

Можно было бы согласиться с позицией Н.С. Мановой и К.А. Рыгаловой, если бы она была высказана относительно участия прокурора в процессе избрания судом мер пресечения при производстве дознания по уголовному делу, так как у прокуро-

ра имеются надзорные полномочия по отношению к дознавателям в данной сфере – дача согласия на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства.

Представляется верной точка зрения тех ученых (например, Н.А. Колоколова), которые утверждают, что прокурор, участвуя в избрании судом мер пресечения, является представителем стороны обвинения, так как именно прокурора законодатель наделил полномочием обосновывать ходатайство органов предварительного следствия, которое он вправе передать следователю, тем самым подчеркивая, что прокурор является ключевой фигурой стороны обвинения.

Определив роль прокурора при избрании судом по ходатайству органов предварительного следствия меры пресечения, остановимся на отдельных проблемных вопросах участия прокурора в рассмотрении судом указанных ходатайств.

Так, при направлении в суд следователем с согласия руководителя следственного органа ходатайства об избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста, заключения под стражу суд обязан в течение 8 часов с момента поступления материалов известить надлежащим образом прокурора о месте и времени рассмотрения ходатайства органов следствия и рассмотреть его по существу. Поскольку прокурор лишен права давать согласие на возбуждение следователем соответствующего ходатайства и следователь не обязан уведомлять прокурора о направлении ходатайства в суд, не ясно, как прокурор может в достаточной степени ознакомиться со всеми материалами, приложенными к постановлению о возбуждении ходатайства, а также с самим постановлением, если возможность их изучить появляется у него лишь перед началом судебного заседания.

Возможно, что именно недостаток времени на подготовку своей позиции приводит к формализму в участии прокурора в судебном заседании, следовательно, вышесказанным объясняются замечания многих работников следственных органов и органов прокуратуры по поводу того, что «прокурор при обосновании ходатайства в судебном заседании почти всегда придерживается позиции следователя и лишь в единичных случаях прокурор высказывает мнение, отличное от позиции следователя» [5, с. 4].

Существующий порядок избрания судом меры пресечения может привести к возникновению спора между прокурором и следователем в судебном заседании, который предстоит разрешить суду. Учитывая, что и прокурор, и следователь являются должностными лицами, выступающими на стороне обвинения, такой спор представляется недопустимым, так как он противоречит одному из основных принципов уголовного процесса – принципу состязательности сторон. Так, А.Г. Халиулин

считает, что в соответствии с данным принципом суд должен разрешать спор между сторонами уголовного процесса, но никак не между должностными лицами одной стороны, кроме того, в данном случае суд становится органом уголовного преследования. С данным мнением согласны и другие авторы, среди которых М.А. Табакова, Н.С. Манова, К.А. Рыгалова [4, с. 6; 8, с. 208].

Существует и иная точка зрения. Например, Н.Н. Ковтун полагает, что суд разрешает не спор между должностными лицами прокуратуры и органов предварительного следствия, являющимися представителями стороны обвинения, а спор о наличии или отсутствии оснований для удовлетворения того или иного ходатайства, возбужденного следователем [2, с. 31]. Автор не учел, что указанный спор все равно ведется между должностными лицами органов прокуратуры и следствия, а перенесение в суд какой-либо дискуссии между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения в любом случае противоречит принципу состязательности, а сам суд превращает в орган уголовного преследования.

В юридической литературе предлагаются различные пути решения указанных выше проблем.

К примеру, С.П. Щерба, А.В. Попова считают, что необходимо наделить прокурора правом отзывать ходатайство, возбужденное перед судом следователем, либо правом заявлять о прекращении рассмотрения ходатайства [10, с. 23].

Н.С. Манова, К.А. Рыгалова предлагают обязать следователя копию ходатайства направлять прокурору, а суд прекращать рассмотрение данного ходатайства, если прокурор выразил несогласие с ним [4, с. 10].

В.Б. Ястребов для повышения эффективности участия прокурора в судебном заседании по рассмотрению ходатайств органов предварительного следствия предлагает наделить прокурора правомочием получать беспрепятственный доступ к материалам уголовного дела и к информации о принятых и планируемых процессуальных решениях должностных лиц органов предварительного следствия [11, с. 81].

Ряд ученых (А.Г. Халиулин, Т.Л. Оксюк и другие) предлагают возратить прокурору полномочие в виде дачи согласия следователю на возбуждение соответствующего ходатайства [6, с. 9; 9, с. 30].

Л.Н. Попова предложила отказать от обязательного участия прокурора в судебном заседании по рассмотрению ходатайств следователя и дознавателя об избрании меры пресечения, а обязанность обосновывать ходатайство возложить на дознавателя, следователя [7, с. 337].

Наиболее оптимальным и разумным видится предложение о возвращении прокурору права давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения,

а также об обязательности для суда отказа прокурора поддерживать возбужденное как дознавателем, так и следователем ходатайство. Обязательность для суда отказа прокурора от поддержки соответствующего ходатайства без установления обязанности следователя получать разрешение на возбуждение перед судом ходатайства лишь увеличивает нагрузку на органы судебной системы.

Расширение надзорных полномочий прокурора за предварительным следствием повысит не только эффективность участия прокурора в процессе избрания мер пресечения, но и эффективность поддержания государственного обвинения в суде, рассматривающим дело по существу.

Здесь стоит отметить, что при изменении порядка согласования следователем постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения следует сохранить существующий порядок согласования ходатайства следователя о производстве следственных действий, поскольку в данном случае права граждан ущемляются в гораздо меньшей степени, чем при применении любой из мер пресечения, следовательно, здесь ведомственный и судебный контроль являются эффективной и достаточной гарантией прав и свобод граждан в уголовном процессе.

Мнение тех ученых, которые предлагают отказаться от участия прокурора в судебном заседании по рассмотрению ходатайств следователей и дознавателей об избрании мер пресечения, представляется ошибочным, поскольку должностные лица органов прокуратуры являются гарантом соблюдения прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве, играют ключевую роль в уголовном преследовании.

В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства предлагаем:

– п. 5 ч. 1 ст. 37 УПК РФ изложить в следующей редакции: «давать согласие дознавателю и следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения, а также согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения»;

– п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ изложить в следующей редакции: «давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, за исключением ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения...»;

– ст. 108 УПК РФ дополнить ч. 6.1 следующего содержания: «6.1. Если при рассмотрении постановления о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу прокурор придет к выводу, что отсутствуют основания для избрания в качестве меры пресечения

заключения под стражу, то суд отказывает в удовлетворении ходатайства»;

– в ч. 3 ст. 108 УПК РФ слова «с согласия руководителя следственного органа, а также» заменить словом «и»;

– в ч. 2 ст. 109 УПК РФ слова «внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа» исключить;

– в ч. 3 ст. 109 УПК РФ слова «в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти)» заменить словами «Генерального прокурора или его заместителя»;

– в ч. 7 ст. 109 УПК РФ слова «руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа» заменить словами «прокурора субъекта Российской Федерации или приравненного к нему военного прокурора».

О целесообразности внесения предложенных изменений свидетельствуют статистические данные прокуратуры Костромской области. Так, в 2016 году прокурором не было поддержано 22 ходатайства следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу из 428, рассмотренных судом (5,1 %), в 2017 году – 6 из 392 (1,5 %), в 2018 году – 7 из 336 (2,1 %). За этот же период судом первой инстанции не было удовлетворено ни одного ходатайства следователя, не поддержанного прокурором [12].

Библиографический список

1. Васильев А.М., Васильева Н.А. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 46–48.
2. Ковтун Н.Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 29–34.
3. Колоколов Н.А. Глава 52 УПК РФ: новое в законе // Уголовный процесс. – 2007. – № 6. – С. 30–37.
4. Манова Н.С., Рыгалова К.А. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения // Законность. – 2017. – № 12. – С. 6–10.
5. Наседкин В.А. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов – действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. – 2016. – № 3. – С. 3–4.
6. Оксюк Т.Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. – 2010. – № 3. – С. 3–9.

7. Попова Л.Н. Участие прокурора в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию образования Могилевского института МВД. – Могилев: Могилевский институт МВД, 2018. – С. 334–337.

8. Табакова М.А. Пробелы правового регулирования учета позиции прокурора при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. – 2012. – № 2. – С. 207–209.

9. Халиулин А.Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 11. – С. 30.

10. Щерба С.П., Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. – 2016. – № 1. – С. 23.

11. Ястребов В.Б. Взаимосвязь полномочий прокурора, следователя, руководителя следственного органа (научно-практический анализ) // Законодательство. – 2012. – № 5. – С. 77–82.

12. Статистический отчет «Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства» прокуратуры Костромской области за 2016, 2017, 2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kosoblproc.ru/default.php?page=stat_spisok (дата обращения: 11.01.2019).

References

1. Vasil'ev A.M., Vasil'eva N.A. Problemy pravovogo statusa prokurora v dosudebnom proizvodstve // Rossijskaya yusticiya. – 2014. – № 5. – С. 46–48.

2. Kovtun N.N. K diskussii ob «utrachennyh» polnomochiyah prokurora. Est' li predmet dlya diskussij? // Rossijskaya yusticiya. – 2010. – № 5. – С. 29–34.

3. Kolokolov N.A. Glava 52 UPK RF: novoe v zakone // Ugolovnyj process. – 2007. – № 6. – С. 30–37.

4. Manova N.S., Rygalova K.A. Rol' prokurora pri reshenii sudom voprosa o primenenii mer presecheniya // Zakonnost'. – 2017. – № 12. – С. 6–10.

5. Nasedkin V.A. Optimizaciya procedury podderzhaniya v sudah hodatajstv sledstvennyh organov – dejstvennyj sposob povysheniya effektivnosti prokurorskogo nadzora na dosudebnoj stadii ugolovnogogo sudoproizvodstva // Zakonnost'. – 2016. – № 3. – С. 3–4.

6. Oksyuk T.L. Usmotrenie prokurora v ugolovnom processe // Zakonnost'. – 2010. – № 3. – С. 3–9.

7. Popova L.N. Uchastie prokurora v sudebnyh zasedaniyah pri rassmotrenii v hode dosudebnogo proizvodstva voprosov ob izbranii mery presecheniya // Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: tezisy dokladov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 70-letiyu obrazovaniya Mogilevskogo instituta MVD. – Mogilev: Mogilevskij institut MVD, 2018. – С. 334–337.

8. Tabakova M.A. Probely pravovogo regulirovaniya ucheta pozicii prokurora pri primenenii zaklyucheniya pod strazhu v kachestve mery presecheniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve: YUridicheskij zhurnal. – 2012. – № 2. – С. 207–209.

9. Haliulin A.G. Zashchita prokurorom prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennom ugolovnom processe Rossii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2011. – № 11. – С. 30.

10. SHCHerba S.P., Popova A.V. Diskreционnye polnomochiya prokurora pri primenenii mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu // Zakonnost'. – 2016. – № 1. – С. 23.

11. YAstrebov V.B. Vzaimosvyaz' polnomochij prokurora, sledovatelya, rukovoditelya sledstvennogo organa (nauchno-prakticheskij analiz) // Zakonodatel'stvo. – 2012. – № 5. – С. 77–82.

12. Statisticheskij otchet «Nadzor za ispolnieniem zakonov na dosudebnoj stadii ugolovnogogo sudoproizvodstva» prokuratury Kostromskoj oblasti za 2016, 2017, 2018 gody [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://kosoblproc.ru/default.php?page=stat_spisok (data obrashcheniya: 11.01.2019).

Кукушкина Любовь Анатольевна

кандидат педагогических наук
Костромской государственной университет
lub-kuku@mail.ru

Редков Николай Александрович

Свердловский районный суд г. Костромы
redkov0202@yandex.ru

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ РОСТА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье раскрываются сущность и особенности правового воспитания несовершеннолетних, а также затрагиваются наиболее актуальные проблемы, возникающие в этой сфере. Отдельно авторы выделяют проблему правового воспитания подростков, помещенных в Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Авторами предлагается ряд мер, направленных на снижение и профилактику преступности несовершеннолетних, сообщается о необходимости введения специального курса в системе повышения квалификации либо отдельной программы специального профессионального обучения, которые раскрывали бы специфику работников центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей и особенности работы с трудными подростками.

Ключевые слова: правовое воспитание, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, несовершеннолетние правонарушители, профилактика правонарушений.

Преступность несовершеннолетних лиц является для общества не новой проблемой. Современный этап развития российского общества характеризуется значительным ростом экономических и социальных проблем, увеличением разводов и количества неполных семей, ослаблением роли института семьи в целом, случаями проявления насилия в семьях, что оказывает существенное влияние на воспитание детей.

Следует отметить, что несовершеннолетний не всегда осознает, что те или иные его действия являются противозаконными и представляют опасность для общества. Это объясняется многими факторами. Физиологические и психические особенности несовершеннолетних по многим показателям отличаются от показателей взрослого человека и не соответствуют его развитию, поскольку процесс формирования личности несовершеннолетних не завершен. То, как подросток воспринимает происходящие вокруг него события, во многом зависит от его воспитания и жизненных условий. С учетом этого несовершеннолетние на одну и ту же ситуацию или событие могут реагировать по-разному.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности, представленным на официальном сайте Управления УМВД России по Костромской области, доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилась с 278 до 327 (выросла на 17,6%) и составляет ныне 4,1% от общего числа преступлений (несмотря на то, что в Костромской области в 2018 году появилась тенденция к снижению преступности). В число самых распространенных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в Костромской области, входят кражи – 65%, угоны – 12%, грабежи – 7%, мошенничества – 3% [3]. Анализ вышеприведенной статистики приводит к выводу о необходимости принятия более эффективных и конкретных

мер, направленных на правовое воспитание подростков.

Как отмечает в своей монографии В.И. Жуков, в последнее время в России имеется тенденция ухода несовершеннолетних в маргинальные слои общества. Результатом этих процессов следует называть рост распространения в подростковой и детской среде алкоголя, наркотиков и различных психотропных средств, и, как следствие этому – рост и количества правонарушений среди несовершеннолетних. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что несовершеннолетние представляют собой в настоящее время одну из наименее социально защищенных и наиболее криминально пораженных категорий населения [2].

Как правило, уровень правовой культуры у большинства несовершеннолетних является крайне низким, что неизбежно приводит к совершению ими различных правонарушений. При этом перед обществом встает объективная задача по формированию позитивно ориентированного правосознания у детей и подростков. В целях решения данной проблемы необходимо создать такую систему профилактики и государственной поддержки, которая бы смогла обеспечить ребенку доступ к знаниям о его обязанностях и основных правах на этапе профилактики преступности, а не после самого факта противоправного деяния.

В настоящее время мотивация преступного поведения изменилась кардинальным образом. В частности, увеличилось количество преступлений, который носят умышленный характер, а не ситуационный, а также преступлений, имеющих взрослую мотивацию (жестокость, корысть, агрессивность, садизм), а не детскую. Помимо этого, следует отметить, что в настоящее время в Костромской области имеется тенденция увеличения количества несовершеннолетних преступников из

таких социальных групп, которые традиционно криминологами признавались как благополучные – дети из благополучных и полных семей. Данное обстоятельство значительно расширило социальную базу преступности несовершеннолетних.

Так, можно привести пример из судебной практики Свердловского районного суда г. Костромы в отношении несовершеннолетнего, который из корыстной заинтересованности совершил распространение компьютерных программ, заведомо предназначенных для нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Как отмечается в материалах дела, семья несовершеннолетнего характеризуется с положительной стороны. Родители отрицательного влияния на несовершеннолетнего не оказывают. Инспектор ПДН, опрошенная в ходе судебного разбирательства, пояснила, что по месту жительства несовершеннолетний и его семья характеризуются положительно, жалоб и заявлений от соседей не поступало. По месту обучения молодой человек также характеризуется положительно, на воспитательные беседы реагирует правильно. В ходе судебного следствия выяснилось, что подросток узнал о возможности заработка путём распространения вредоносных программ, от друзей, которые ранее также привлекались к ответственности за аналогичные преступления [6].

В другом уголовном деле в отношении несовершеннолетней, которая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, было выявлено, что несовершеннолетняя проживает совместно с матерью, отцом и младшей сестрой в двухкомнатной благоустроенной квартире. Имеются все необходимые условия для занятий и отдыха несовершеннолетней. Родители занимаются воспитанием детей, но несовершеннолетняя вышла из-под их контроля. Отрицательного влияния со стороны родителей на несовершеннолетнюю не оказывается. Взаимоотношения между членами семьи удовлетворительны. В ходе судебного следствия было выяснено, что несовершеннолетняя пошла на совершение преступления под влиянием друзей, которые также были на скамье подсудимых за совершение аналогичных преступлений [7]. На данном примере хорошо видно, что благополучные родители нередко не имеют в глазах детей авторитета. Представляется, что в таких ситуациях все органы, занимающиеся профилактикой преступности несовершеннолетних, должны проводить совместную комплексную работу со всей группой друзей, с окружением подростка. Такая работа должна быть нацелена на исправление поведения несовершеннолетнего и изменение его отношения к товарищам и их поведению. По нашему мнению, необходимо не разобщать определенную группу несовершеннолетних преступной направленности, а, наоборот, вести профилактическую работу в группе, приоб-

щать ребят к здоровому образу жизни, разъяснять нормы закона и морали, подбирать для каждого своё или общее благое хобби, привлекать в молодежные движения, максимально занимать так, чтобы не оставалось времени на противоправные действия. Инспекторы по делам несовершеннолетних г. Костромы признают, что работа по разобщению ребят, причастных к совершению преступлений и объединенных в группы, приносит положительные результаты лишь в единичных случаях.

Перед тем, как рассмотреть особенности правового воспитания несовершеннолетних, представляется необходимым рассмотреть сущность понятия «правовое воспитание».

Т.В. Худойкина определяет правовое воспитание, как управляемый, организованный и целенаправленный педагогический процесс, в рамках которого на сознание человека происходит воздействие в целях формирования высокого уровня правовой культуры и правового сознания [10, с. 206].

О.В. Адаева и А.Б. Бибнева отмечают, что помимо этого правовое воспитание также является процессом, формирующим у несовершеннолетнего лица, главным образом, нравственную основу законопослушного поведения, а также закрепляющим в его сознании образцы социально-одобряемого и должного поведения [1, с. 13].

Как видим, правовое воспитание представляет собой систематический и целенаправленный процесс, в котором можем выделить следующие особенности:

- во-первых, до сведения несовершеннолетних правовые предписания доводятся государством;
- во-вторых, в качестве исходной базы правового воспитания следует назвать систему правовых норм;
- в-третьих, основывается правовое воспитание на возможности государственного принуждения;
- в-четвертых, осуществляется правовое воспитание в специальных правовых формах с использованием особых методов и средств.

Условием эффективности правового воспитания считается обязательная передача накопленных знаний, которые содержатся в правовых нормах. Как справедливо отмечает А.К. Мухамбеткалиева, в обществе должно быть сформировано определенное отношение к праву и к его реализации. В частности, автор имеет в виду чувство уважения к праву и к правовым нормам со стороны населения при осознанном соблюдении и усвоении положений действующего законодательства [4, с. 83].

По нашему мнению, субъектов, которые осуществляют процесс правового воспитания, необходимо разделять на две группы:

- первичные субъекты, осуществляющие процесс правового воспитания, к которым относятся субъекты, осуществляющие первичную социализацию несовершеннолетнего, в том числе: родители,

семья, ближайшее окружение, школа, колледж и т.д. Перечисленные субъекты и социальные институты отвечают за нравственную составляющую правового воспитания несовершеннолетнего и оказывают воздействие на формирование его правового сознания. Так, к примеру, уже в школе и среди родителей и ближайшего окружения несовершеннолетний усваивает первичные социальные нормы (в том числе и правовые), которые ему необходимы в дальнейшем для формирования правового поведения);

– вторичные субъекты, осуществляющие процесс правового воспитания, к которым относятся все правоохранительные органы, особое место среди них отводится учреждениям ювенальной юстиции. В учреждения ювенальной юстиции входят все отделы по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, органы социальной защиты, уполномоченные по правам ребенка; органы здравоохранения и органы внутренних дел; специализированные органы и учреждения юстиции, образования и культуры; специализированные пенитенциарные учреждения; государственная служба занятости; государственные органы, которые занимаются молодежной политикой; должностные лица прокуратуры, дознания и следствия, специализирующиеся по работе с несовершеннолетними лицами.

Все перечисленные выше вторичные субъекты, осуществляющие процесс правового воспитания, призваны обеспечить правомерное поведение несовершеннолетних посредством использования различных мер, в том числе и государственных мер принуждения.

В статье 22 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [8] (который на законодательном уровне закрепляет основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними лицами) выделены особенности содержания подростков в Центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (ЦВСНП).

Указанные Центры, как отмечается в части 1 статьи 22 Закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ, решают следующие основные задачи:

– во-первых, обеспечивают круглосуточный прием несовершеннолетних правонарушителей и их временное содержание с целью защиты их здоровья и жизни, а также в целях предупреждения совершения подростками повторных правонарушений;

– во-вторых, с доставленными в такие центры подростками проводят индивидуальную профилактическую работу, выявляют среди несовершеннолетних тех лиц, которые являются причастными к совершению общественно опасных деяний и преступлений; устанавливают условия, причины

и обстоятельства, способствующие совершению таких деяний и преступлений; информируют об этом соответствующие органы внутренних дел и другие учреждения и органы, заинтересованные в такой информации;

– в-третьих, доставляют несовершеннолетних граждан в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также в пределах предоставленной им компетенции осуществляют иные меры, направленные на устройство подростков, содержащихся в указанных учреждениях [8].

Анализ положений Закона № 120-ФЗ и вышеуказанных задач позволяет сделать вывод о том, что основная цель деятельности ЦВСНП заключается в профилактике безнадзорности и недопущения совершения подростками повторных правонарушений и преступлений, в частности, ранее содержащимися в таких центрах. Однако следует заметить, что в самом Законе и в ведомственных нормативных правовых актах цель ЦВСНП не закреплена, в связи с чем полагаем, что данная цель должна быть официально закреплена и детализирована.

В ЦВСНП могут быть помещены следующие категории несовершеннолетних:

1) направляемые по постановлению судьи или по приговору суда в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа;

2) несовершеннолетние, которые временно ожидают рассмотрения судом вопроса о помещении их в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в следующих случаях:

а) в случае необходимости обеспечения защиты жизни или здоровья несовершеннолетнего;

б) в случае необходимости предупреждения совершения таким несовершеннолетним лицом повторного общественно опасного деяния;

в) в случае отсутствия у него места пребывания или места жительства;

г) в случае злостного уклонения подростка от медицинского освидетельствования либо от явки в суд.

3) несовершеннолетние граждане, которые самовольно ушли из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа;

4) совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста наступления уголовной ответственности за это деяние, в случаях, если необходимо предупредить совершение ими повторного общественно опасного деяния или обеспечить защиту жизни или здоровья подростка;

5) совершившие правонарушение, влекущее административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность.

Как отмечает А.Ю. Подколзина, при помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП необходимо исходить из того, что эта мера воздействия на его противоправное поведение направлена на психологическую и социально-педагогическую реабили-

литацию несовершеннолетнего, предупреждение совершения подростком повторных правонарушений, формирование в его сознании законопослушного поведения, разъяснение последствий и особенностей привлечения к административной и уголовной ответственности. Мерой государственного принуждения или одним из видов наказания помещение подростков в такие Центры не является. Вместе с тем, данная профилактическая мера применяется не так часто, что обусловлено, по мнению А.Ю. Подколзиной, отсутствием единого понимания сущностной особенности этого участка профилактической работы, во-первых, судами при вынесении соответствующих постановлений о помещении несовершеннолетних в такие Центры, а, во-вторых, сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел [5, с. 145].

К примеру, Л.П. Хашимова придерживается мнения, что Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей многими судами рассматриваются исключительно в качестве учреждения пенитенциарной системы, что фактически не соответствует целям деятельности таких учреждений [11, с. 30]. При этом обязательным содержанием профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в подобных Центрах является приобщение подростков к труду и учебе, ориентированность на устранение противоправной составляющей в поведении, а также развитие у несовершеннолетних новых навыков, умений, интересов, положительных склонностей, хобби и увлечений. Е.Н. Коновалова, начальник ЦВСНП УМВД России по Костромской области, представляющая интересы учреждения в судах, справедливо отмечает, что профилактическая работа ЦВСНП носит лишь временный характер и, как правило, ребенок из ЦВСНП возвращается в привычную среду, которая подталкивает его к продолжению противоправного поведения. Полагаем необходимым расширить задачи ЦВСНП, включив возможность осуществления всей профилактической работы с лицами, побывавшими в ЦВСНП до достижения ими совершеннолетия, в случае если поведение несовершеннолетних будет нестабильным. Полагаем, что определенная работа сотрудниками ЦВСНП должна проводиться и с родителями несовершеннолетних правонарушителей: это позволило бы понять, в какой семейной обстановке живет правонарушитель, выявить причины преступности, найти общий язык подростка с родителями, разъяснить нормы права и морали не только подросткам, но и их родителям и т.д. Разработка дополнительного способа профилактики и предупреждения преступности в значительной степени уменьшила бы её рост.

Представляется, что наиболее пристальное внимание сотрудники ЦВСНП должны уделять

подросткам из неблагополучных семей, в которых родители плохо занимаются воспитанием своих детей и сами ведут антиобщественный образ жизни. Детям из подобных семей может так понравиться в ЦВСНП, что они не захотят возвращаться домой. Вышеописанной категории родителей следует особо подробно разъяснять ответственность за уклонение от воспитания детей и основные обязанности, определенные Семейным кодексом РФ.

Полагается, что по результатам содержания в ЦВСНП несовершеннолетние должны изменить своё отношение к жизни и встать на путь исправления. Во многом данный результат зависит от профессионализма работников ЦВСНП. К сожалению, для подготовки сотрудников должностных категорий не предусмотрен отдельный курс обучения в системе высшего ведомственного образования. Считаю необходимым и целесообразным ввести специальный курс в системе повышения квалификации либо отдельную программу специального профессионального обучения, которые раскрывали бы специфику работников ЦВСНП по содержанию несовершеннолетних и особенностях работы с ними. Для обеспечения данной меры необходимо законодательное регулирование вопроса, в т.ч. путём закрепления обязанности по прохождению отдельного курса обучения в системе высшего ведомственного образования в статье 22 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [8].

Таким образом, помещение несовершеннолетнего в ЦВСНП является профилактической мерой и тем самым дает возможность для подростка-правонарушителя, находящегося в конфликте с законом, встать на путь исправления, в полной мере осознав противоправность своего поведения, вернуться к нормальной законопослушной жизни. Расширение задач ЦВСНП, комплексная работа с несовершеннолетними правонарушителями и их родителями, профессиональная подготовка сотрудников ЦВСНП позволит сделать шаг к снижению преступности несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Адаева О.В. Особенности правового воспитания несовершеннолетних // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 7–2. – С. 13–15.
2. Жуков В.И. Концепция ювенального права современной России. – М.: РГСУ, 2015. – 536 с.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Костромской области // Официальный сайт Управления УМВД России по Костромской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://44.mvd.rf/Dejatelnost/statistika-i-analitika/sostojanie-prestupnosti/item/15774876> (дата обращения: 20.02.2019).

4. Мухамбеткалиева А.К. Правовое воспитание как средство профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 83–85.

5. Подколзина А.Ю. Помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей как мера воздействия на противоправное поведение несовершеннолетних // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 145–148.

6. Приговор Свердловского районного суда города Костромы по делу № 1-31/2019 от 16.01.2019 года // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 28.01.2019).

7. Приговор Свердловского районного суда города Костромы по делу № 1-47/2019 от 17.01.2019 года // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 28.01.2019).

8. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 12.12.2018).

9. Хашимова Л.П. Надзор за исполнением законодательства при помещении несовершеннолетних в центр временного содержания // Законность. – 2013. – № 3. – С. 30–33.

10. Худойкина Т.В. Правовое воспитание как основной фактор предупреждения юридических конфликтов // Глобальный научный потенциал. – 2015. – № 11 (56). – С. 206–208.

References

1. Adaeva O.V. Osobennosti pravovogo vospitaniya nesovershennoletnih // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2016. – № 7–2. – С. 13–15.

2. Zhukov V.I. Konceptsiya yuvenal'nogo prava sovremennoj Rossii. – M.: RGSU, 2015. – 536 s.

3. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Kostromskoj oblasti // Oficial'nyj sajt Upravleniya UMVD Rossii po Kostromskoj oblasti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://44.mvd.rf/Dejatelnost/statistika-i-analitika/sostoyanie-prestupnosti/item/15774876> (data obrashcheniya: 20.02.2019).

4. Muhambetkalieva A.K. Pravovoe vospitanie kak sredstvo profilaktiki pravonarushenij sredi nesovershennoletnih // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. – 2015. – № 3. – С. 83–85.

5. Podkolzina A.YU. Pomeshchenie v centr vremennogo soderzhaniya dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej kak mera vozdejstviya na protivopravnoe povedenie nesovershennoletnih // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 1 (41). – С. 145–148.

6. Prigovor Sverdlovskogo rajonnogo suda goroda Kostromy po delu № 1-31/2019 ot 16.01.2019 goda // GAS RF «Pravosudie» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://bsr.sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 28.01.2019).

7. Prigovor Sverdlovskogo rajonnogo suda goroda Kostromy po delu № 1-47/2019 ot 17.01.2019 goda // GAS RF «Pravosudie» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://bsr.sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 28.01.2019).

8. Federal'nyj zakon «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» ot 24.06.1999 № 120-FZ [Elektronnyj resurs] // Informacionno-pravovaya sistema «Zakonodatel'stvo Rossii». – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya 12.12.2018).

9. Hashimova L.P. Nadzor za ispolneniem zakonodatel'stvapriпомeshchenii nesovershennoletnih v centr vremennogo soderzhaniya // Zakonnost'. – 2013. – № 3. – С. 30–33.

10. Hudojkina T.V. Pravovoe vospitanie kak osnovnoj faktor preduprezhdeniya yuridicheskikh konfliktov // Global'nyj nauchnyj potencial. – 2015. – № 11 (56). – С. 206–208.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

В статье анализируются проблемы правового статуса, формирования и функционирования избирательной комиссии муниципального образования. В статье приводится критический анализ положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав», определяющих статус избирательной комиссии муниципального образования. Автор отмечает следующие проблемы правового положения муниципальной комиссии: во-первых, формирование муниципальной избирательной комиссии представительным органом муниципального образования; во-вторых, обязанность представительного органа муниципального образования назначить половину от общего числа членов муниципальной избирательной комиссии на основе поступивших предложений от избирательной комиссии субъекта РФ; в-третьих, отсутствие у муниципальной избирательной комиссии статуса юридического лица, в связи с чем возникает большая зависимость муниципального органа от избирательной комиссии субъекта РФ; в-четвертых, порядок работы членов муниципальной избирательной комиссии; в-пятых, неопределенная сфера действия федерального закона о закупках. В статье предлагаются меры по усовершенствованию избирательного законодательства.

Ключевые слова: муниципальная избирательная комиссия, избирательное право, избирательная комиссия, правовой статус избирательной комиссии, формирование избирательных комиссий.

Право избирать и быть избранным является одним из основополагающих, конституционных прав граждан. В соответствии с Конституцией РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы [5]. Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав»), демократические, свободные и периодические выборы в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также референдум являются высшим непосредственным выражением принадлежащей народу власти [9].

Как известно, разновидностями публичной власти являются власть государственная и власть муниципальная. В рамках муниципальной власти реализуются функции и полномочия местного самоуправления [3, с. 4]. Исходя из вышесказанного, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав» предусматривает два вида выборов: выборы органов государственной власти и наделение полномочиями должностных лиц, замещающих государственные должности, и выборы органов местной власти (местного самоуправления) и должностных лиц, замещающих должность главы муниципального образования.

В соответствии со ст. 24 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав» муниципальная избирательная комиссия организует в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, уставом муниципального образования подготовку и проведение выборов в органы местного самоуправления, местного референдума. Также в полномочия муниципальной избирательной

комиссии входит организация проведения голосования и по таким вопросам, как изменение границ муниципального образования, отзыв местного депутата, главы муниципального образования.

В настоящее время Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав» установлено, что муниципальная избирательная комиссия является муниципальным органом и не входит в структуру органов местного самоуправления. Правоведами отмечается неопределенность ее правового статуса, ставятся вопросы о соотношении понятий «муниципальный орган» и «орган местного самоуправления». Стоит указать, что законодатель, не включая избирательную комиссию в структуру органов местного самоуправления, скорее всего, хотел подчеркнуть независимость избирательных комиссий, так как в соответствии с законом избирательные комиссии в пределах своей компетенции независимы от органов государственной власти и органов местного самоуправления. Это говорит о том, что государственные и муниципальные органы не вправе вмешиваться в осуществление избирательными комиссиями их полномочий и издавать обязательные для исполнения акты, а решения избирательных комиссий, в свою очередь, обязательны для органов государственной власти и местного самоуправления и вступают в силу без их последующего утверждения и регистрации.

Вышеизложенное позволяет некоторым ученым говорить о формировании «избирательной власти» как самостоятельной ветви власти [7, с. 18], в рамках которой действует централизованная система избирательных комиссий, действующая по принципу жесткой иерархии и подчинения: избирательные комиссии субъектов Российской Федерации подчиняются Центральной избирательной комиссии РФ, а все остальные избирательные комиссии в рамках субъекта РФ: территориальные,

муниципальные, окружные, участковые – подчиняются региональному избиркому.

Исходя из ст. 24 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав», муниципальная избирательная комиссия может как иметь статус юридического лица, так и не иметь его, кроме того, она может вообще не создаваться и в таком случае, полномочия муниципальной избирательной комиссии на основании обращения представительного органа муниципального образования по решению избирательной комиссии субъекта РФ будут возложены на территориальную или на участковую муниципальную избирательную комиссию. На практике полномочия муниципальных избирательных комиссий возлагаются на территориальные, кроме малонаселенных и отдаленных муниципальных образований.

Таким образом, наблюдается парадоксальная ситуация – происходит возложение полномочий муниципального органа, организующего выборы в органы местного самоуправления и голосование по иным вопросам, на государственные органы субъектов РФ, ведь территориальные избирательные комиссии, в соответствии с законом, находятся в системе государственных органов. Фактически территориальные комиссии формируются и подчиняются избирательной комиссии субъекта, при возложении на территориальные комиссии полномочий муниципальных происходит передача данных полномочий и ответственности за проведение выборов на региональный избирком. Это можно рассматривать как прямо не предусмотренную законом форму взаимодействия государственных и муниципальных органов. Отметим, что при проведении выборов в органы местного самоуправления избирательная комиссия муниципального образования не является нижестоящей по отношению к избирательной комиссии субъекта РФ.

Кроме того, в связи с проведением выборов в единый день голосования происходит совмещение нескольких выборов, что приводит к тому, что территориальная избирательная комиссия параллельно занимается федеральными, региональными и муниципальными выборами. Отметим, что территориальные комиссии хоть и работают на постоянной основе, но их нельзя сравнивать с избирательной комиссией субъекта РФ – на практике у территориальных избиркомов нет статуса юридического лица, нет ставок, чтобы члены комиссии могли работать на постоянной (штатной) основе, нет аппарата с высококвалифицированными юристами. Фактически членами территориальных комиссий являются люди, выполняющие общественный долг и получающие небольшое денежное возмещение за отработанное время. Конечно же, встает вопрос о качестве выполняемой работы комиссий, параллельно проводящих все виды выборов.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем недопустимым возлагать полномочия муниципальных избирательных комиссий на территориальные как в силу фактической передачи муниципальных полномочий на государственный уровень, так и в силу неспособности территориальных комиссий к параллельному проведению всех видов выборов.

Теперь рассмотрим проблемы формирования и деятельности муниципальной избирательной комиссии.

Во-первых, формирование муниципальной избирательной комиссии осуществляется представительным органом муниципального образования. Исходя из логики формирования вышестоящих избирательных комиссий, не совсем понятно, почему в данном процессе не принимает участие избираемый народом глава муниципального образования, как это делает Президент РФ при формировании Центральной избирательной комиссии РФ, или высшее должностное лицо субъекта РФ при формировании регионального избиркома.

Во-вторых, возникает вопрос об обязанности представительного органа муниципального образования назначить половину от общего числа членов муниципальной избирательной комиссии на основе поступивших предложений от избирательной комиссии субъекта РФ. Таким образом, половину членов муниципальной комиссии фактически назначает региональный избирком, государственный орган субъекта РФ наполовину формирует муниципальный орган. Кроме того, на практике избирательная комиссия субъекта РФ предлагает и кандидатуру председателя муниципальной избирательной комиссии.

Не возникает сомнения, чью кандидатуру на должность председателя муниципальной избирательной комиссии поддержат ее члены, половина из которых назначена той же избирательной комиссией, которая и предлагает его кандидатуру. Таким образом, муниципальный орган, юридически независимый, при организации выборов в органы местного самоуправления фактически подчинен государственному органу субъекта РФ, который, в соответствии с законом, не может влиять на выборы в органы местного самоуправления, так как муниципальная избирательная комиссия в данном случае является организующей выборы, а не проводящей их.

Говоря о «независимости» избирательных комиссий, не будем забывать и о партийно-политической составляющей их деятельности. Политическая основа деятельности избирательных комиссий заложена в процедуру их формирования [6, с. 10]. Члены комиссий, выдвинутые политическими партиями, сохраняют свое членство в партии и продолжают подчиняться партийному руководству, от которого и зависит, будут ли данные лица направлены в качестве членов избирательных комиссий на новый срок. С другой стороны, как отмечает С.А. Авакьян, участие политических партий и дру-

гих общественных организаций в формировании и деятельности избирательных комиссий подчеркивает их общественные начала, свойственные всем видам избирательных комиссий [1, с. 327].

Данная «вертикаль» была выстроена Центризбиркомом, который отвечает за проведение выборов и референдумов в стране в целом. В случае нарушения в деятельности муниципальных комиссий Центризбирком все равно «будет спрашивать» с избирательной комиссии субъекта, которой не остается ничего, кроме как контролировать деятельность муниципальных комиссий. Центральная избирательная комиссия, в свою очередь, участвует в формировании избирательных комиссий субъекта РФ, предлагает кандидатуру председателя.

В-третьих, если муниципальная избирательная комиссия действует без статуса юридического лица, возникает еще большая зависимость муниципального органа от избирательной комиссии субъекта РФ. Только при придании муниципальной комиссии статуса юридического лица она становится «полноценным органом», появляются штатные сотрудники, обычно председатель либо заместитель председателя и секретарь, которые занимают муниципальные должности и получают заработную плату из местного бюджета. Таким образом, появляется «баланс интересов» – с одной стороны, половину членов муниципального избиркома назначает региональная комиссия, с другой – часть членов работают на постоянной (штатной) основе и получают жалование из местного бюджета.

Помимо «баланса интересов», отсутствие статуса юридического лица и штатных сотрудников вызывает для муниципальной избирательной комиссии еще немало проблем.

Одной из них является «кадровый голод». Партии, имеющие квоту на назначение члена комиссии, рассматривают данную должность как политическую. Они назначают на нее преданных партии людей, независимо от их возможности, наличия компетенции для качественного выполнения работы в избирательной комиссии. Не будем забывать, что в муниципальной комиссии без статуса юридического лица отсутствует аппарат и всю работу комиссии, составление всех документов должны осуществлять члены комиссии.

В связи с тем, что выборы проводятся в единый день голосования – второе воскресенье сентября, основная работа комиссии приходится с июня по октябрь, с момента назначения выборов до проверки окончательных финансовых отчетов кандидатов. В это время как минимум три члена комиссии с правом решающего голоса – председатель, заместитель председателя и секретарь – должны иметь возможность постоянно работать в стенах избирательной комиссии. Встает вопрос: как человек, работающий в избирательной комиссии на

непостоянной (штатной) основе, может покинуть свое основное место работы на четыре – пять месяцев? В законе говорится лишь о компенсации за счет бюджета за период, в течение которого члены избирательной комиссии были освобождены от основной работы. На практике средний заработок не возмещается в полном объеме, если заработная плата члена комиссии на основном месте работы слишком высокая, кроме того, данное время не засчитывается в трудовой стаж, вследствие этого снижается средний заработок. Все это приводит к тому, что работать в комиссию на непостоянной (штатной) основе идут неработающие пенсионеры, обладающие большим количеством свободного времени и желающие получить «прибавку» к пенсии, педагоги, отдыхающие в летний период, которым достаточно тяжело совмещать работу в комиссии с основной работой в июне, сентябре и октябре, и люди, готовые совмещать фактически две работы, чья эффективность в итоге снижена либо в избирком, либо по основному месту работы.

В России задан тренд на абсолютно прозрачные, открытые, честные выборы, проводимые четко в соответствии с законом. Исходя из вышеизложенного, встает вопрос, почему данная тенденция не находит свое выражение в формировании избирательных комиссий с профессионалами высочайшего уровня, а сохраняет деятельность членов комиссий в качестве «дополнительного занятия» в свободное время, с оплатой труда, сравнимой с минимальным размером оплаты труда?

На практике вопрос компетентных кадров решился иначе – на должностях председателя, заместителя председателя и секретаря работают государственные и муниципальные служащие, которые в свое рабочее время выполняют работу по избирательной комиссии. Встает вопрос как о нецелесообразности использования рабочего времени, так и о «независимости кадров». В то же время, как отмечает С.Д. Князев, именно принцип независимости является наиболее важным компонентом, обеспечивающим реализацию избирательными комиссиями своих полномочий [4, с. 40].

В-четвертых, за последнее десятилетие все в России привыкли к закону «о закупках». Все государственные и муниципальные органы должны осуществлять закупки в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [8]. Встает вопрос – почему из сферы действия данного закона «выпали» большинство избирательных комиссий? Помимо этого, действие закона о закупках распространено на избирательные комиссии, являющиеся административными центрами (столицами) субъектов РФ. Получается, что данные комиссии, в соответствии с законом «Об основных гарантиях избирательных прав», могут не иметь статуса юридического лица,

но должны соблюдать требования этого закона, элементарно не имея электронной цифровой подписи.

Подводя итоги, отметим, что муниципальные избирательные комиссии являются важнейшим звеном избирательных комиссий в России. Их существование и деятельность базируются на признании и гарантированности в Российской Федерации местного самоуправления. Исходя из этого, с учетом разработки Избирательного кодекса РФ, предлагаем законодательно закрепить следующее:

1. Определить правовой статус муниципальной избирательной комиссии, а именно, определить понятие «муниципальный орган». Если законодатель усматривает какие-то различия между муниципальными органами и органами местного самоуправления, то следует указать, в чем именно они заключаются.

2. Исключить возможность возложения полномочий муниципальных избирательных комиссий на территориальные избирательные комиссии в крупных муниципальных образованиях.

3. Предоставить статус юридического лица всем муниципальным избирательным комиссиям центров субъектов РФ;

4. Закрепить требование к председателю муниципальной избирательной комиссии об обязательном высшем юридическом образовании, а его работу осуществлять исключительно на штатной основе.

5. Засчитывать работу в избирательной комиссии на непостоянной (нештатной) основе в трудовой стаж, компенсировать утраченный заработок в полном объеме, за вычетом денежных средств, полученных в качестве компенсации за работу в избирательной комиссии.

6. Снизить количество членов муниципальной избирательной комиссии, предлагаемых избирательной комиссией субъекта РФ и установить назначение части членов муниципальной комиссии главой муниципального образования.

7. Закрепить расчет денежной компенсации членам муниципальных, территориальных, окружных, участковых избирательных комиссий, работающих на непостоянной (не штатной) основе исходя из оклада председателя избирательной комиссии субъекта РФ.

Библиографический список

1. *Авакьян С.А.* Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. – М.: Юстицинформ, 2015. – 656 с.
2. *Белюсова Е.В.* Избирательная комиссия муниципального образования – муниципальный орган с неопределенным статусом // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4. – С. 89.
3. *Гумашвили Л.Э.* К вопросу об основах статуса избирательных комиссий муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2015. – № 3. – С. 3–6.

4. *Князев С.Д.* Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации: перспективы развития // Журнал российского права. – 1999. – № 10. – С. 36–45.

5. Конституция Российской Федерации 1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

6. *Макарецов А.А.* Избирательная комиссия муниципального образования: к проблеме правового статуса // Российская юстиция. – 2014. – № 8. – С. 9–13.

7. *Станских С.Н.* Избирательная власть как ветвь государственной власти: к постановке проблемы // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 1. – С. 16–20.

8. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. – № 80. – 12.04.2013.

9. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. – № 106. – 15.06.2002.

References

1. *Avak'yan S.A.* Konstitucionnyj leksikon: gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar'. – M.: YUsticinform, 2015. – 656 s.
2. *Belousova E.V.* Izbiratel'naya komissiya municipal'nogo obrazovaniya – municipal'nyj organ s neopredelennym statusom // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2010. – № 4. – S. 89.
3. *Gumashvili L.E.* K voprosu ob osnovah statusa izbiratel'nyh komissij municipal'nyh obrazovanij // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. – 2015. – № 3. – S. 3–6.
4. *Knyazev S.D.* Pravovoj status izbiratel'nyh komissij v Rossijskoj Federacii: perspektivy razvitiya // Zhurnal rossijskogo prava. – 1999. – № 10. – S. 36–45.
5. *Konstituciya Rossijskoj Federacii 1993 g.* // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 04.08.2014. – № 31. – St. 4398.
6. *Makarcev A.A.* Izbiratel'naya komissiya municipal'nogo obrazovaniya: k probleme pravovogo statusa // Rossijskaya yusticiya. – 2014. – № 8. – S. 9–13.
7. *Stanski S.N.* Izbiratel'naya vlast' kak vetv' gosudarstvennoj vlasti: k postanovke problemy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2004. – № 1. – S. 16–20.
8. *Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ* «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» // Rossijskaya gazeta. – № 80. – 12.04.2013.
9. *Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ* «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. – № 106. – 15.06.2002.

Дедюева Майя Вадимовнакандидат юридических наук
Костромской государственной университет
turbotaxator@mail.ru**Соловьева Дарья Александровна**Костромской государственной университет
dsolovyova1997@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДРУГОЙ РАБОТЫ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО СОКРАЩЕНИЮ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА РАБОТНИКОВ

В статье рассмотрен ряд проблемных вопросов, возникающих при предложении увольняемому по сокращению численности или штата работнику другой работы, в частности, существует ли обязанность предложения временной работы, работы в другой местности. Проанализировав позиции ученых по вопросу предложения должности сотрудницы, которая находится в отпуске по беременности и родам, в отпуске по уходу за ребенком, авторы приходят к выводу, что такая должность юридически является занятой. На основе исследования судебной практики сделан вывод о том, что должности, которые заняты по совмещению, также не являются вакантными. В статье поднимается вопрос о том, нужно ли предлагать сокращаемому работнику должность, которая предложена другому лицу, приглашенному в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя? Авторы считают, что если месячный срок со дня увольнения лица с прежнего места работы еще не истек, то такая должность также не может быть предложена в качестве другой работы при увольнении по сокращению, так как работодатель обязан соблюдать предусмотренные законом гарантии при приеме на работу.

Ключевые слова: работник, работодатель, трудовой договор, сокращение численности или штата работников, вакантная должность, квалификация работника, работа в другой местности.

Сокращение численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя в современных условиях оптимизации является распространенным основанием прекращения трудового договора, поэтому обращение к особенностям другой работы, которую работодатель предлагает сокращаемому работнику, является весьма своевременным.

Проверяя законность увольнения по инициативе работодателя, суд устанавливает, подтверждается ли представленными в дело доказательствами примененное основание увольнения, а также соблюдена ли работодателем предусмотренная законом процедура увольнения. Установив, что имеет место нарушение предусмотренного законом порядка увольнения, отразившееся на трудовых правах уволенного, суд может посчитать увольнение незаконным и применить последствия незаконного увольнения. Таким образом, соблюдение процедуры увольнения является важным обстоятельством для каждого работодателя.

При увольнении работника по п. 2 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации – сокращение численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя – необходимо соблюдать не только общий порядок оформления прекращения трудового договора, предусмотренный ст. 84-1 ТК РФ, но и процедурные моменты, присущие только данному основанию.

Так, в силу ч. 3 ст. 81 ТК РФ «Увольнение по основанию, предусмотренному пунктом 2 или 3 части первой настоящей статьи, допускается, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодате-

ля работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации работника, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья. При этом работодатель обязан предлагать работнику все отвечающие указанным требованиям вакансии, имеющиеся у него в данной местности. Предлагать вакансии в других местностях работодатель обязан, если это предусмотрено коллективным договором, соглашениями, трудовым договором» [4].

Таким образом, предлагаемая работнику при сокращении под роспись другая работа, должность, против которой работник должен указать, согласен он на перевод на эту работу или не согласен, должна обязательно соответствовать по состоянию здоровья.

Что касается квалификации работника, то другая работа не может быть выше по квалификации, иначе работник с ней не справится. Однако она вполне может быть более низкой квалификации, соответственно, и менее оплачиваемой, поскольку работник высокой квалификации с такой работой справится и, возможно, предпочтет на какое-то время работу с меньшим уровнем оплаты, нежели увольнение, пусть даже и по такому льготному с точки зрения выплат основанию, как сокращение штатов.

Именно поэтому, на наш взгляд, работодатель обязан предлагать сокращаемому работнику имеющуюся в организации работу временного характера, даже если очевидно, что через обозримый промежуток времени ее не будет, а в штатном расписании она обозначена как введенная временно на 1–2 месяца. Однако если данная должность яв-

ляется свободной, то обязанность ее предложить у работодателя имеется.

В приведенной выше норме закона прямо указано на то, что обязанности предлагать работу в другой местности, что применительно к трудовым нормам означает за пределами данного населенного пункта, у работодателя нет. Такое указание в законе особенно важно для организаций, которые имеют структурные подразделения на всей территории России, например ПАО «Сбербанк России». Отследить вакансии и предложить их на протяжении периода с момента предупреждения об увольнении и до увольнения технически сложно, соответственно, без такого указания в законе произведенное увольнение всегда будет сомнительным с точки зрения предложения увольняемому другой работы.

Обязанность предлагать работу в другой местности в силу прямого указания в законе появляется, если это записано в коллективном договоре, заключенном в данной организации у данного индивидуального предпринимателя, либо в коллективном договорном акте более высокого уровня – соглашении, либо в трудовом договоре, заключенном между сторонами трудовых правоотношений. На наш взгляд, обязанность предлагать работу в другой местности может быть отражена и в отдельно подписанном обязательстве перед работником.

Законодатель в приведенной выше правовой норме указал, что предлагаемая работа должна быть вакантной, то есть свободной, не занятой другим работником. Однако понимание того, является ли должность вакантной и следует ли ее предлагать сокращаемому работнику, не всегда является однозначным. Например, следует ли предлагать увольняемому по сокращению должность сотрудницы, которая находится в отпуске по беременности и родам, в отпуске по уходу за ребенком?

И.С. Цыпкина считает, что «при сокращении штата работнику должны быть предложены также должности временно отсутствующих» [5, с. 82]. Это положение данный автор предлагает закрепить на уровне постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Такое предложение содержит ряд положительных моментов для сокращаемого работника. С практической точки зрения период, когда должность свободна, может оказаться достаточно длительным, например, сначала основной работник находится в отпуске по уходу за ребенком до достижения ребенком возраста полутора лет, затем – возраста трех лет. Все это время сокращенный работник будет трудоустроен, сможет трудиться и зарабатывать. Но не следует забывать о том, что находящийся в отпуске по уходу за ребенком работник вправе выйти на работу в любое время.

Однако суды общей юрисдикции в большинстве своем должность работника, находящегося в отпу-

ске по беременности и родам, в отпуске по уходу за ребенком, не считают вакантной, полагают, что у работодателя нет обязанности предлагать работникам, увольняемым по сокращению численности или штата, должности временно отсутствующих.

Очевидно, что суды учитывают утверченный Рострудом ответ на этот вопрос, когда со ссылкой на ч. 1 ст. 180, ч. 3 ст. 81, ч. 1 ст. 255, ч. 4 ст. 256 Трудового кодекса разъяснено, что «такие должности не являются вакантными (свободными). На период отпуска по беременности и родам, а также ежемесячного отпуска по уходу за ребенком за сотрудником сохраняется место работы (должность)» [2].

Мы склонны согласиться именно с такой позицией. Представляется, что именно она отвечает правильному толкованию правовых норм в их совокупности.

Если взять за основу мнение И.С. Цыпкиной о предложении сокращаемым работникам должностей временно отсутствующих работников, то для переводимого на такую должность работника трудовой договор из заключенного на неопределенный срок перерастает в срочный, а это противоречит ТК РФ, так как он такую трансформацию не предусматривает.

Между тем разрешить сложившуюся ситуацию возможно. Работодатель, у которого работник находится в отпуске по беременности и родам, по уходу за ребенком, сокращаемому работнику это место не предлагает, а увольняет работника по сокращению. Уже после такого увольнения бывший работник может обратиться с заявлением о принятии его на работу на время отпуска по уходу за ребенком отсутствующего работника. Работодатель вправе осуществить такой прием на работу. Работа такого сотрудника будет прекращена по выходу из отпуска основного работника.

Небезынтересным является вопрос о том, следует ли предлагать сокращаемым должности, которые заняты по совмещению, являются ли такие должности вакантными? Полагаем, что такие должности следует считать занятыми, соответственно, у работодателя нет обязанности их предлагать увольняемым по сокращению работникам.

Работодатель самостоятелен в организации производственного процесса. Если работодатель считает, что интересам дела отвечает поручение выполнения работы по той или иной должности работнику, занятому по другой должности, с выполнением работ по обеим должностям в одно и то же время с дополнительной оплатой, то такое решение работодателя правовых норм (ст. 60.2, 151 ТК РФ) не нарушает. Обязанности для работодателя отменить поручение о выполнении работником дополнительно работы в период проведения сокращения численности или штата закон не содержит.

Уместным будет привести следующий пример из судебной практики.

ФГБОУ ВПО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия» обратилась в суд с заявлением об оспаривании решений должностных лиц Государственной инспекции труда в Костромской области.

Со ссылкой на ст. 151, 60.2 Трудового кодекса заявитель просил признать незаконными выводы, изложенные в акте проверки № 7-753-13-ОБ/115/3/2 от 25 октября 2013 г., предписание № 7-753-13-ОБ/115/3/3 от 25 октября 2013 г. главного государственного инспектора труда (по правовым вопросам) Государственной инспекции труда в Костромской области об устранении нарушения трудового законодательства и иных правовых актов, содержащих нормы трудового права, решение № 7-753-13-ОБ/115/3/3А от 14 ноября 2013 г. по жалобе на акт проверки и предписание, вынесенное заместителем руководителя Государственной инспекции труда в Костромской области по жалобе заявителя.

Требования обосновывались тем, что указанные в акте проверки должности, которые, по мнению государственного инспектора труда, должны быть предложены увольняемому по сокращению В., не являлись вакантными, поскольку были заняты по совмещению другими работниками, получающими за расширение зоны обслуживания дополнительную заработную плату. К участию в деле в качестве заинтересованного лица привлечен В., по жалобе которого Государственной инспекцией труда в Костромской области проводилась проверка. Решением Ленинского районного суда г. Костромы от 06 декабря 2013 г. в удовлетворении заявления было отказано.

В апелляционной жалобе ректор ФГБОУ ВПО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия» просит решение суда отменить и принять по делу новое решение об удовлетворении заявления. В возражениях относительно апелляционной жалобы главный государственный инспектор труда (по правовым вопросам) апелляционную жалобу полагает подлежащей отклонению.

Рассматривая дело по заявлению ФГБОУ ВПО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», суд фактически дал оценку законности увольнения В., что соответствует позиции Президиума Верховного суда РФ о порядке и пределах рассмотрения таких дел [3].

Суд первой инстанции пришел к выводу о нарушении прав В. при расторжении трудового договора по сокращению штата работников и указал, что сокращению подлежала должность водителя. В ходе рассмотрения дела В. ссылался на то, что имеет более высокую квалификацию по сравнению с некоторыми другими водителями организации, так как имеет все категории управления транспортными средствами, его стаж работы в организации превышает стаж других работников, он является водителем I класса.

Поскольку в штатном расписании машинно-тракторного парка на момент увольнения имелось 12 штатных единиц водителей, то суд первой инстанции указал, что в силу ст. 179 ТК РФ проведение процедуры выявления оснований для преимущественного оставления работника на работе была для работодателя обязательной, однако этого работодателем сделано не было.

Оценивая эти выводы суда, судебная коллегия указала, что суд первой инстанции правильно заключил, что оспариваемое предписание об отмене приказа об увольнении В. соответствует закону ввиду неприменения положений ст. 179 ТК РФ.

Вместе с тем судебная коллегия не согласилась с выводом суда первой инстанции о том, что в нарушение ст. 180, 181 ТК РФ В. были предложены не все имеющиеся в организации вакантные должности, соответствующие его специальности и квалификации, а именно должности, работу по которым выполняли другие сотрудники учреждения в порядке совмещения без освобождения от основной работы, определенной трудовым договором, получая доплату за расширение зоны обслуживания (должности дежурного по общежитию, сторожа опытного поля, курьера).

Судебная коллегия посчитала, что такие должности, не предложенные В., нельзя признать вакантными, и указала, что из ст. 60.2, 151 ТК РФ следует, что работающий с совмещением должностей работник фактически выполняет наряду со своей работой трудовые функции по совмещаемой должности, получает оплату труда. То, что выполнение работы по совмещению не оформляется отдельным документом, не свидетельствует об отсутствии трудовых правоотношений между работодателем и работником о выполнении работником определенной по соглашению сторон трудовой функции. Из представленных в материалы дела приказов видно, что работники, замещающие спорные должности, выполняют работу по этим должностям длительное время, срок выполнения этой работы сторонами не ограничен.

Однако несогласие судебной коллегии с выводами суда первой инстанции в этой части с учетом правильности оценки незаконности увольнения В. в связи с несоблюдением процедуры оценки преимущественного права на оставление на работе не повлекла отмены или изменения решения. Таким образом, решение Ленинского районного суда г. Костромы от 06 декабря 2013 г. было оставлено без изменения, апелляционная жалоба заявителя – без удовлетворения [1].

Небесспорным является и вопрос о том, нужно ли предлагать сокращаемому работнику должность, которая предложена другому лицу и на которую это лицо приглашено в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, если месячный срок со дня увольнения лица с прежне-

го места работы еще не истек? Имеется в виду ситуация, предусмотренная ч. 4 ст. 64 ТК РФ, в силу которой «запрещается отказывать в заключении трудового договора работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы».

Полагаем, что данная должность занята приглашенным работником, и увольняемому по сокращению работнику ее предлагать нельзя, так как она является юридически несвободной, несмотря на то, что трудоустроенного по этой должности лица еще нет. Однако работодатель обязан соблюдать предусмотренные законом гарантии при заключении трудового договора. Если месячный срок ожидания истечет, а приглашенный работник так и не трудоустроится на данную должность, то она, как свободная, может предлагаться сокращаемым.

На наш взгляд, в рассматриваемой ситуации также важен вопрос и о том, когда сделано письменное приглашение перейти в порядке перевода на работу лицу, которое работает у другого работодателя: до издания в организации приказа о сокращении или после.

Представляется верным мнение, неоднократно высказываемое правоприменителями, что работодатель в период сокращения в организации не должен предлагать вакантные должности другим работникам, должен предлагать их только работникам своей организации, конечно, если должности соответствуют по состоянию здоровья и уровню квалификации.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Костромского областного суда от 03 марта 2014 г. по делу № 33-323 // Архив Костромского областного суда за 2014 год.

2. Доклад с руководством по соблюдению обязательных требований, дающих разъяснение, какое поведение является правомерным, а также разъяснение новых требований нормативных правовых актов за 2 квартал 2017 г., утв. Рострудом: (по состоянию на 27.12.2017) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.03.2019).

3. Обзор судебной практики Верховного суда РФ за первый квартал 2011 года, утв. Президиумом Верховного суда РФ 01.06.2011 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система: раздел «Судебная практика». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.03.2019).

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: (по состоянию на 20.10.2018) [Электронный ресурс] // Законодательство России: информационно-правовая система. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).

5. Цыпкина И.С. Постановления Пленума Верховного суда РФ: нерешенные вопросы трудового законодательства // LexRussica. – 2017. – № 7 (128). – С. 82.

References

1. Apellyacionnoe opredelenie Kostromskogo oblastnogo suda ot 03 marta 2014 g. po delu № 33-323 // Arhiv Kostromskogo oblastnogo suda za 2014 god.

2. Doklad s rukovodstvom po soblyudeniyu obyazatel'nyh trebovanij, dayushchih raz'yasnenie, kakoe povedenie yavlyaetsya pravomernym, a takzhe raz'yasnenie novyh trebovanij normativnyh pravovyh aktov za 2 kvartal 2017 g., utv. Rostrudom: (po sostoyaniyu na 27.12.2017) [Elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 18.03.2019).

3. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo suda RF za pervyj kvartal 2011 goda, utv. Prezidiumom Verhovnogo suda RF 01.06.2011 g. [Elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema: razdel «Sudebnaya praktika». – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 18.03.2019).

4. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ: (po sostoyaniyu na 20.10.2018) [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo Rossii: informacionno-pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 20.10.2018).

5. Cypkina I.S. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo suda RF: nereshennyye voprosy trudovogo zakonodatel'stva // LexRussica. – 2017. – № 7 (128). – S. 82.

Дедюева Майя Вадимовнакандидат юридических наук
Костромской государственной университет
turbotaxator@mail.ru**Носкова Анна Дмитриевна**Костромской государственной университет
Suchas_itis@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЫСКАНИЯ С РАБОТНИКА РАСХОДОВ НА ОБУЧЕНИЕ

Статья посвящена комплексному исследованию проблемных аспектов применения ст. 249 Трудового кодекса Российской Федерации. Опираясь на судебную практику, автор делает вывод о том, что взыскание с бывшего работника затрат на обучение может производиться не только при наступлении тех случаев, которые перечислены в трудовом договоре, но и в других случаях, если они охватываются нормой статьи 249 ТК РФ об увольнении без уважительных причин до истечения срока отработки. Проведя анализ научных точек зрения, автор предлагает дополнить ст. 249 ТК РФ перечнем уважительных причин, что снизит субъективность правоприменителей при разрешении вопроса о том, является ли причина уважительной. По аналогии с гражданским законодательством, где нижний предел снижения неустойки зафиксирован в законе, автор предлагает установить на законодательном уровне механизмы для определения нижнего предела снижения взыскиваемых с работника затрат на обучение.

Ключевые слова: работник, работодатель, обучение работника, обязанность отработать после обучения, увольнение без уважительных причин, содержание трудового договора, возмещение затрат, пределы снижения суммы возмещения.

Трудовым законодательством предусмотрено привлечение работника к материальной ответственности для возмещения затрат, связанных с обучением. Статья 249 Трудового кодекса Российской Федерации гласит: «В случае увольнения без уважительных причин до истечения срока, обусловленного трудовым договором или соглашением об обучении за счет средств работодателя, работник обязан возместить затраты, понесенные работодателем на его обучение, исчисленные пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени, если иное не предусмотрено трудовым договором или соглашением об обучении» [11].

Однако на сегодняшний день существует ряд достаточно спорных моментов при применении данной нормы, что вызывает необходимость дальнейшего исследования и делает обращение к названной теме весьма своевременным.

Обязанность отработать после обучения может быть прописана как в самом трудовом договоре, так и в дополнительном соглашении, при этом в данных документах могут быть перечислены случаи, при наступлении которых согласно достигнутой сторонами договоренности может наступать обязанность работника возместить затраты на обучение.

Однако существующая судебная практика позволяет сделать вывод о том, что взыскание с бывшего работника затрат на обучение может производиться не только при наступлении этих перечисленных в трудовом договоре или дополнительном соглашении случаев, но и в других случаях, если они охватываются нормой статьи 249 ТК РФ об увольнении без уважительных причин до истечения срока отработки.

Так, Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Костромской области обратилось в суд с иском к К. о возмещении затрат на обучение, ссылаясь на то, что К. 01.08.2014 г. был принят на службу в уголовно-исполнительную систему и направлен на обучение в Вологодский институт права и экономики ФСИН России, где обучался с 01.08.2014 г. по 15.09.2017 г. С ним был заключен контракт о службе в уголовно-исполнительной системе, согласно которому К. принял на себя обязательства после окончания учебного заведения отслужить 5 лет. На основании приказа начальника указанного выше учебного заведения от 15.09.2017 г. К. был отчислен из него и уволен из уголовно-исполнительной системы по п. «а» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел РФ по собственному желанию.

Заключенным с К. контрактом было предусмотрено, что контракт может быть расторгнут досрочно в случае отчисления сотрудника из учебного заведения, если он подлежит увольнению из уголовно-исполнительной системы России по одному из оснований, предусмотренных пунктами «д-м» ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел РФ, а также в случае прекращения гражданства РФ.

Решением Нейского районного суда Костромской области от 29.06.2018 г. [9] с К. взысканы затраты на обучение в пользу УФСИН России по Костромской области для последующего перечисления в доход бюджета Российской Федерации, несмотря на то, что К. был уволен по иному основанию, нежели то, которое было указано в контракте в числе оснований увольнения, при которых может производиться взыскание затрат на обучение.

Суд руководствовался нормой ст. 249 ТК РФ, в силу которой такое взыскание может произво-

даться при увольнении до истечения срока отработки без уважительной причины.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда от 19.09.2018 г. решение суда было оставлено без изменения [1].

Президиум Костромского областного суда 11 января 2019 года по кассационной жалобе К. решение Нейского районного суда Костромской области от 29.06.2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда от 19.09.2018 г. отменил, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции [5].

Однако причиной для отмены судебных постановлений послужили иные обстоятельства, а не вопрос о возможности взыскания затрат на обучение, при том что обучаемый был уволен со службы по причинам, которые не перечислены в контракте в качестве оснований для взыскания затрат на обучение. Вопрос о возможности взыскания затрат в рассматриваемой ситуации спорящими сторонами под сомнение не ставился.

Отдельно стоит остановиться на таком проблемном вопросе, как отсутствие законодательно закрепленного перечня уважительных причин досрочного расторжения трудового договора. Уважительные причины для увольнения могут быть предусмотрены самим договором или соглашением об обучении с работником, но в случае возникновения спора суд не связан их содержанием и вправе признать уважительной иную причину, не оговоренную сторонами.

Понятие уважительных причин встречается в Трудовом кодексе. Так, из содержания ст. 128 ТК РФ можно сделать вывод, что уважительной причиной могут выступать семейные обстоятельства. Некоторые авторы указывают на то, что в качестве уважительных причин можно рассматривать случаи увольнения, указанные в ч. 3 ст. 80 ТК РФ. В силу данной нормы, «в случаях, когда заявление работника об увольнении по его инициативе (по собственному желанию) обусловлено невозможностью продолжения им работы (зачисление в образовательную организацию, выход на пенсию и другие случаи), работодатель обязан расторгнуть трудовой договор в срок, указанный в заявлении работника».

Помимо Трудового кодекса относительно определения перечня уважительных причин имеются разъяснения, данные в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 [6] Так, в п. 5 названного постановления указано: «В качестве уважительных причин пропуска срока обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, препятствовавшие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового

спора (например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи)». В п. 22 данного постановления записано: «Если заявление работника обусловлено невозможностью продолжения им работы (зачисление в образовательное учреждение, выход на пенсию либо наличие иных уважительных причин, в силу которых работник не может продолжать работу, например направление мужа (жены) на работу за границу, к новому месту службы)... работодатель обязан расторгнуть трудовой договор в срок, указанный в заявлении работника».

Необходимо отметить, что не все названные причины в действительности будут являться уважительными, о чём делают замечание исследователи данной проблемы. Так, И.В. Рогов, говоря о вопросе определения уважительности причин работника, считает спорным признание в качестве уважительной причины зачисление в образовательную организацию, так как «...у работника появляется возможность злоупотребления правом путем поступления в учебное заведение с целью увольнения до истечения установленного срока» [10, с. 37].

Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, поскольку для отказа отработав в течение определенного срока работнику будет достаточно поступить в любое учебное заведение. Однако в том случае, если работник зачисляется в магистратуру, аспирантуру (ординатуру) по той же специальности, сомнений в том, что он повышает свою квалификацию, улучшает свои профессиональные качества, на наш взгляд, быть не может, и увольнение для продолжения такого обучения должно расцениваться в качестве уважительной причины, что исключает взыскание с работника затрат на обучение.

Что касается целесообразности применения ст. 80 ТК РФ относительно определения уважительности причин в рассматриваемом вопросе взыскания затрат на обучение, то здесь нет однозначной позиции. Некоторые ученые указывают на возможность применения установленных в данной статье правил. Но существует и другое мнение – о невозможности применения данной нормы к рассматриваемому вопросу. Так, А.М. Куренной указывает, что ТК РФ упоминает лишь уважительные причины несоблюдения работником условий соглашения, к каким, по её мнению, не могут относиться случаи, «...когда работодатель обязан расторгнуть трудовой договор в срок, указанный в заявлении работника (ч. 3 ст. 80 ТК РФ)» [3, с. 43]. Сходную позицию занимает М.В. Пресняков, который также отмечает, что «...причины, указанные в ст. 80 ТК РФ, не распространяются на рассматриваемые правоотношения, поскольку имеют иное целевое назначение» [8, с. 23].

На наш взгляд, представляется необходимым закрепить законодательно те причины, которые будут являться уважительными и освобождающими работника от обязанности возмещения понесенных работодателем затрат на его обучение. Это уменьшит субъективный момент при оценке ситуации как работодателем, так и судом.

В этой связи предлагается ст. 249 ТК РФ дополнить следующим: «Уважительными для целей настоящей статьи следует считать следующие причины: болезнь (инвалидность) работника, делающая невозможным его дальнейшую деятельность по соответствующей специальности; переезд супруга (супруги) работника в другую местность; зачисление в магистратуру (аспирантуру) по той же специальности; необходимость ухода за малолетним ребенком; другие причины, признанные судом уважительными».

Также возникает вопрос о возможности применения к рассматриваемым правоотношениям ст. 250 ТК РФ. Согласно данной правовой норме, «Орган по рассмотрению трудовых споров может с учетом степени и формы вины, материального положения работника и других обстоятельств снизить размер ущерба, подлежащий взысканию с работника. Снижение размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, не производится, если ущерб причинен преступлением, совершенным в корыстных целях».

Может ли суд по своей инициативе снизить размер ущерба или об этом стороной ответчика должно быть сделано соответствующее заявление? Категоричный ответ на этот вопрос дан в Обзоре практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника, утвержденном Президиумом Верховного суда Российской Федерации 05.12.2018 г. [4], согласно которому «Правила статьи 250 ТК РФ о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, применяются судом при рассмотрении требований о взыскании с работника причиненного работодателю ущерба не только по заявлению работника, но и по инициативе суда» (п. 6).

Небесспорным является вопрос о пределах такого снижения.

Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного суда РФ от 16.11.2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» [7] суд не вправе полностью освободить работника от такой обязанности. Иных ориентиров нижнего предела в трудовом законодательстве не указано.

Если обратиться к гражданскому законодательству, то относительно применения такого вида гражданско-правовой ответственности, как неустойка, закон содержит вполне конкретные рекомендации относительно нижнего предела

снижения неустойки, которую суд в отношении физических лиц, которые не являются субъектами предпринимательства, как и в трудовом законодательстве, может снижать по своей инициативе.

Так, п. 1 ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит: «Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку. Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении» [2].

В силу п. 6 ст. 395 ГК РФ, «если подлежащая уплате сумма процентов явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд по заявлению должника вправе уменьшить предусмотренные договором проценты, но не менее чем до суммы, определенной исходя из ставки, указанной в пункте 1 настоящей статьи».

Согласно п. 1 ст. 395 ГК РФ, «1. В случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором».

Из совокупного толкования данных правовых норм следует, что размер неустойки не может быть уменьшен до размера ниже ключевой ставки Банка России в соответствующие периоды.

Полагаем, что и трудовое законодательство должно быть дополнено нормой, содержащей конкретные механизмы для определения нижнего предела снижения взыскиваемого с работника материального ущерба, включая затраты на обучение.

При этом должны учитываться интересы работодателя, ведь если снижение будет велико, то возможность реализовать право на возмещение понесенных расходов на обучение работника будет сведена к минимуму и действие нормы о возмещении затрат на обучение будет фактически отменяться.

С другой стороны, должны учитываться и интересы работника, для которого сумма возмещения не должна являться неподъемной. Особенно это касается возмещения затрат на обучение, которые, как правило, взыскиваются с людей молодого возраста. Такие лица только вступают в жизнь и начинать свой трудовой путь с долга на обучение размером в миллион рублей и свыше вряд ли отвечает требованиям разумности и справедливости.

Библиографический список

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда 33-1928/2018 // Архив Костромского областного суда за 2018 год.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (по состоянию на 03.08.2018) [Электронный ресурс] // Законодательство России: информационно-правовая система. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.01.2019).

3. Куренной А.М. Материальная ответственность сторон трудового договора // Законодательство. – 2015. – № 7. – С. 43.

4. Обзор практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.12.2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система: раздел «Судебная практика». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.02.2019).

5. Постановление президиума Костромского областного суда от 11 января 2019 г. № 44-Г-03/2019

6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 № 2: (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: раздел «Судебная практика». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.02.2019).

7. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 16.11.2006 № 52: (ред. от 28.09.2010) «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: раздел «Судебная практика». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.02.2019).

8. Пресняков М.В. Ответственность работника за увольнение без уважительных причин: проблемы практического применения статьи 249 Трудового кодекса РФ // Трудовое право. – 2012. – № 2. – С. 23.

9. Решение Нейского районного суда Костромской области 2-148/2018. – Режим доступа: https://www.sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=2-148®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-cour (дата обращения: 9.03.2019).

10. Рогов И.В. К вопросу об определении уважительности причин увольнения работника // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 37.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: (по состоянию на 20.10.2018) [Электронный ресурс] // Законодательство России: информационно-правовая система. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.01.2019).

References

1. Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Kostromskogo oblastnogo suda 33-1928/2018 // Arhiv Kostromskogo oblastnogo suda za 2018 god.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 № 51-FZ: (po sostoyaniyu na 03.08.2018) [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo Rossii: informacionno-pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 15.01.2019).

3. Kurennoj A.M. Material'naya otvetstvennost' storon trudovogo dogovora // Zakonodatel'stvo. – 2015. – № 7. – S. 43.

4. Obzor praktiki rassmotreniya sudami del o material'noj otvetstvennosti rabotnika, utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 05.12.2018 [Elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema: razdel «Sudebnaya praktika». – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 15.02.2019).

5. Postanovlenie prezidiuma Kostromskogo oblastnogo suda ot 11 yanvarya 2019 g. № 44-G-03/2019

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF ot 17.03.2004 № 2: (red. ot 24.11.2015) «O primenении sudami Rossijskoj Federacii Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema: razdel «Sudebnaya praktika». – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 12.02.2019).

7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF ot 16.11.2006 № 52: (red. ot 28.09.2010) «O primenении sudami zakonodatel'stva, reguliruyushchego material'nyu otvetstvennost' rabotnikov za ushcherb, prichinennyj rabotodatel'yu» [Elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema: razdel «Sudebnaya praktika». – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 15.02.2019).

8. Presnyakov M.V. Otvetstvennost' rabotnika za uvol'nenie bez uvazhitel'nyh prichin: problemy prakticheskogo primeneniya stat'i 249 Trudovogo kodeksa RF // Trudovoe pravo. – 2012. – № 2. – S. 23.

9. Reshenie Nejskogo rajonnogo suda Kostromskoj oblasti 2-148/2018. – Rezhim dostupa: https://www.sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=2-148®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-cour (data obrashcheniya: 9.03.2019).

10. Rogov I.V. K voprosu ob opredelenii uvazhitel'nosti prichin uvol'neniya rabotnika // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2018. – № 4. – S. 37.

11. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ: (po sostoyaniyu na 20.10.2018) [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo Rossii: informacionno-pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 22.01.2019).

ОТ ИСТОРИОГРАФИИ ДО ПРОПОВЕДИ: ПЛАСТИКА ЖАНРА ИЛИ ИДИОСТИЛЯ?

Рецензия на монографию: Харченко В.К. Митрополит Макарий (Булгаков): пластика языка и стиля. – Белгород: Белгородская областная типография, 2017. – 224 с.

В рецензии описывается научная монография В.К. Харченко, посвященная изучению и характеристике особенностей языка и стиля митрополита Макария (Булгакова), постановке теоретических вопросов исследования языковой пластики, выявлению механизмов ее воплощения. Глубокий анализ историографического труда митрополита Макария и ряда текстов его проповедей, отчетов и писем позволяют автору дать объемный портрет митрополита как писателя, как проповедника и как языковой личности, что делает эту монографию чрезвычайно ценным трудом для филологов и для рядового читателя.

Ключевые слова: В.К. Харченко, монография, митрополит Макарий (Булгаков), жанровая форма, историография, идиостиль, пластика языка.

Язык историографических и проповеднических произведений выдающегося деятеля церкви, митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) (1816–1882) уже при жизни митрополита вызывал положительные отклики, однако на протяжении вот уже третьего столетия в полном объеме практически не становился предметом специального рассмотрения.

Объектом исследования В.К. Харченко послужили труды митрополита Макария (Булгакова), и прежде всего объемный материал «Истории русской церкви» в восьми томах (далее ИРЦ), а также тексты проповедей, отчетов и личная переписка. Монография В.К. Харченко посвящена изучению и характеристике особенностей языка и стиля митрополита Макария, постановке теоретических вопросов исследования языковой пластики, выявлению механизмов ее воплощения. Под пластикой текста автор монографии понимает соответствие текста всем требуемым параметрам, начиная от прозрачности изложения и кончая набором стилистических фигур. Автор исходит из необходимости выявления сущности этого явления, поскольку современная ситуация нередко бывает связана или с отсутствием пластики (попытками терминоворчества, увлечения заимствованными словами в научных текстах), или с «наличием пластики» как плавности, лёгкости выражения мысли при полном отсутствии основополагающей новой идеи. Последнее наблюдается во всевозможных отчётах о проделанной работе и нередко подменяет собой анализ ситуации в целом.

В начале своего исследования В.К. Харченко приводит ряд свидетельств, доказывающих пластику текста митрополита Макария (Булгакова), выбранных из различных трудов митрополита: «Истории русской церкви», отчетов в Синод, сохранившихся текстов проповедей, а также из лич-

ной переписки. Автор сожалеет, что в книге не использованы дневниковые записи митрополита, которые находятся в Киеве. Однако и собранного материала предостаточно, чтобы, во-первых, поставить вопрос о природе пластики текста, а во-вторых, выявить её составляющие.

Предваряя принцип полидискурсивности и полимасштабности анализа, В.К. Харченко пишет о необходимости широкого контекста исследования пластики, о связи языка и тела, о необходимости по максимуму разнообразить текст, но не выходя за требования жанра.

Далее начинается детальный и увлекательный анализ самих текстов митрополита, позволяющий качественно подойти к признакам пластики, выявляя индивидуальные, но весьма значимые особенности языка и стиля митрополита. «Особенность и сложность изучения пластики проистекает из одного немаловажного её свойства. Пластику затруднительно анализировать в чистом виде, поскольку как следствие, как эффект она должна опираться на определённые стилистические платформы, должна обнаруживать (хотя она неохотно обнажает!) механизмы своего воспроизводства». Автор показывает, к каким приёмам прибегает митрополит Макарий и осознанно как выученик блестящих учителей церковного красноречия, и как сформировавшийся учёный-энциклопедист, то есть подсудно, интуитивно.

Глава «Ясность и прозрачность изложения» выстраивается на приёме анализа начальных предложений в «Истории русской церкви». Внимание читателя обращается на «микроинтригу», микрочаряд в трёх небольших повествованиях. «Историю православной Церкви в нашем отечестве обыкновенно начинают с обращения к христианству великого князя Владимира, и начинают весьма справедливо» [ИРЦ, кн. 1, с. 83].

Географический срез в самых первых строках глав демонстрирует значимость фактов уже в самом начале изложения. А факты, как известно, – это далеко не только география. Это и персоналогия, и хронология. В конце каждого тома перечисляются имена, упоминаемые в тексте, и их количество завораживает. То, что сейчас называется актуальностью исследования и что тонет подчас в схоластических фразах, у митрополита Макария, по наблюдению автора, с первых строк проясняет, собственно, цель написания главы или раздела. Возникает вполне закономерный вопрос: что же способствует такой прозрачности при освещении столь неоднозначных и подчас противоречивых исторических фактов? Здесь в развёртывании исторического полотна можно выделить когнитивные поворотные (сигнальные) скрепы. В.К. Харченко называет их когнитивными шифтерами (переключателями): *«Что касается до причетников, т. е. дьячков и пономарей... Надобно, однако ж, помнить, что тогда в России... А потому очень естественно, что... Достойно замечания, что... Надобно присовокупить, что... Обратимся теперь к... О церквах соборных мы упоминали ещё...»*.

Когнитивные поворотные скрепы важны, однако автор ненавязчиво показывает, как митрополит Макарий применяет для гармонии и пластики изложения целый арсенал и других замечательных приёмов. Так, безусловно, облегчает создание и восприятие текста приём нумерации аргументов или событий. Далее анализируется приём каталога и приём удвоенных эпитетов, что усиливает воздействие текста: *«...относилось... неприязненно и враждебно; Чтобы дьяконы держали себя в церкви благоговейно и чинно; высказал её точно и определённо; Какие это чада православной церкви, которые относятся к своему исповеданию безучастно и безразлично...; И этот выбор тем более был им дорог и приятен, что... Но большую часть показания его достоверны и драгоценны для нас как показания современника, и притом латинянина»*. Здесь пластика текста сопряжена с лингвотикой и лингвоэстетикой.

Далее отмечается, что пластика ввода метафор в текст свидетельствует об уместности и мере метафоризации. Особое место уделено перифразам, которые создают эффект украшения, аналитизма, кода (некоторой загадки текста), эффект позитива: *«...Строить церкви своего благочестия [ИРЦ, кн. 2, с. 241]; Святой Нифонт Новгородский... не раз силою слова примирял враждовавших князей и успокаивал народ; вообще был муж самых строгих правил и непоколебимых убеждений...» [ИРЦ, кн. 2, с. 297]*.

В.К. Харченко рассматривает проблему лексического разнообразия текстов митрополита Макария, проводит подсчёт впервые встречающихся и повторяющихся слов в трех отрывках из «Исто-

рии русской церкви». Для такого количественного анализа был выбран небольшой, но относительно завершённый авторский текст, а именно Предисловие [ИРЦ, кн. 1, с. 83–86].

Яркость языкового ландшафта читатель ждет от художественного произведения, но перед ним научный текст, текст исследовательский, к типологии которого филология пока ещё не склонна относиться столь внимательно, как к художественной ткани. Автор находит всего знаменательных и служебных слов в Предисловии 1031. Коэффициент лексического разнообразия текста: $161 : 1031 = 0,156$. Каждое десятое слово в тексте встречается впервые, точнее: встречается в первый... и в последний раз.

Далее анализируются «новые слова» в структуре предложения, и оказывается, что они близки к концу предложения. В параграфе «Пластика и ритм» аналогичный подсчет был проделан применительно к рассуждениям, описаниям и повествованиям. Грамматическое разнообразие стиля рассмотрено на примере средств выражения превосходной степени, хотя не только они демонстрируют факты грамматического богатства. Показательна таблица, где сосредоточены носители признака (исторические лица, вызывающие восхищение; сильные противники; церкви; чувства; ситуации) и микроконтексты с прилагательным в превосходной степени. Таким образом, мы убеждаемся, как в ИРЦ талантливо использованы возможности грамматики превосходной степени имён прилагательных.

Отдельного внимания заслуживает глава «Образ автора в “Истории русской церкви”», где анализируется исследовательская честность митрополита Макария (Булгакова). В качестве примера приводится один отрывок: *«А сказать, чтобы в тот период изменился к лучшему самый характер русского народа, чтобы русские более прониклись духом Евангелия, более утвердились и возвысились в началах христианского благочестия, отнюдь не позволяет история» [ИРЦ, кн. 3, с. 308]*. В этой главе автор останавливается на двух концептах – «честь» и «достоинство», которые весьма характерны для рукописи «История русской церкви». Своей частотностью в ИРЦ обращают на себя внимание и существительные, репрезентирующие такие концепты, как «усердие», «ревность» (в значении усердия, труда на пределе возможного). Об усердии в молитве свидетельствует такой эпитет, как «пламенный», «пламенно»: *«пламенно молился»* (из письма митрополита).

Автор приводит интереснейший факт о неупоминании митрополитом Белгородской епархии, откуда он родом, что свидетельствует об объективности анализа в целом. В главе «Типология текстов: пластика в рассуждениях, описаниях, повествованиях» анализируются фрагменты текста, которые отвечают заявленному требованию и, соответ-

ственно, вычисляется их пластика. Автор отмечает глубину и тонкость комментариев, например: «*Следовательно, если нельзя назвать неправым Киприана, то нельзя также утверждать, чтобы вовсе были неправы и новгородцы и чтобы они действовали только по одной вражде против Москвы, по одному нежеланию находиться в зависимости от митрополита, по одному своеволию и упорству*» [ИРЦ, кн. 3, с. 222]. Подчеркивается стереоскопическое изображение характеров исторических лиц. Отмечается роль описаний в историческом труде, которую трудно переоценить: их немного, но они весьма значимы (описание пола в церкви Пресвятой Богородицы, византийских фресок и мозаических икон Софийского собора и др.).

Помимо «Истории русской церкви», в монографии исследованы и другие жанры речи с точки зрения их пластики. Так, проповеди как жанр устной речи весьма привержены пластике, и митрополит Макарий (Булгаков) блестяще подтверждает это. Автор сетует, что многие проповеди митрополита не сохранились, но и по имеющимся текстам замечает, каким образом пластика работает на существо мысли, какие образы сменяют один другого, как нарастает эффект к концу проповеди. Для детального анализа автор обращается к проповеди на открытие Харьковского университета. «*...Обращаясь, в частности, к тебе, богоспасаемый град Харьков, предназначенный быть отныне средоточием моей архипастырской деятельности, я радуюсь духом при мысли о двух важнейших твоих преимуществах, которые суждены на долю немногим, весьма немногим отечественным городам нашим. Радуюсь, что здесь преподаются науки во всей обширности современных успехов и отсюда разливают благодетельный свет свой на все области нашего южного края, что здесь влагаются прочные убеждения в умы юного поколения, которое в свою очередь передаст их следующему роду*». В отличие от текста документа или научной работы искусство проповеди требует особой пластики – пластики убеждения. И здесь автор монографии обнаруживает особую тонкость подхода, представляя сами жанры выступлений по принципу частично налагающихся друг на друга кругов П. Эйлера.

Разумеется, каждый жанр требует своей особой пластики. В тех отрывках, которыми полна монография, по мнению В.К. Харченко, хорошо видна главная мысль, которая схватывается читателем сразу же. Иногда для её уточнения приводятся данные, но эти данные не затмевают главного в изложении. Не является исключением и жанр отчётов. Автор анализирует отчёты митрополита Макария (Булгакова) по недавно опубликованному изданию: «Собрание материалов для науки канонического права Русской Православной Церкви, изложенное в систематическом порядке» под ре-

дакцией К.Г. Капкова (2012 г.). Эти отчёты, как подчеркивает В.К. Харченко, звучат остро и современно. Например, мысль о том, что в периоды перемирия или затишья во внешней среде не надо разрешать себе действовать во имя своего обогащения. Периоды затишья надо использовать на благо дальнейшего дела. Следующая глава книги посвящается личной переписке митрополита Макария (Булгакова). И пластика в письмах тоже присутствует. Автор соотносит письма митрополита с перепиской известных лиц, находя общее и трактуя индивидуальное.

В итоге всего анализа на странице 135–136 даётся модельная схема пластики текста, включающая в себя пять ярусов (признаки пластики, интерпретации её, условия придания пластики тексту, механизмы и эффекты воздействия) с подробным анализом составляющих каждого яруса. Например, третий ярус включает в себя следующие звенья: богатство лексических средств, включая служебные, грамматическое разнообразие, наличие ритма прозы. К эффектам воздействия (пятый ярус) отнесены: неустареваемость, легкость цитирования, легкость произнесения, запоминаемость, доверие к автору, новые оттенки при перечитывании произведения, текстовое исполнение как образцовое.

Последняя глава монографии посвящена урокам митрополита, которые проистекают из всего изложенного. Здесь хорошо видна практическая направленность издания. Рассматриваются некоторые из «уроков». Характеризуя не только писательское, но и дидактическое мастерство митрополита Макария (Булгакова) и его философскую мудрость, автор монографии показывает, как митрополит учит нас писать историю церкви, не погружаясь ни в гиперкритику, ни в гипокритику, то есть находя «золотую середину», оценивая действия своих сограждан с пониманием всех причин и в то же время отдавая должное их мужеству и стойкости. В самом деле, нередко бывает, что, печатая исторические труды, мы неминуемо впадаем или в сверхкритику, или в стиль житийной литературы, не позволяя себе ни слова сомнения или протеста.

В целом монография В.К. Харченко высвечивает все возможные стороны ежедневного труда митрополита. Перед нами научная работа, посвящаемая, казалось бы, одному аспекту деятельности митрополита Макария (Булгакова) – пластике стиля, но тщательный подход к анализу историографического произведения и ряда документов позволяют автору представить объёмный портрет митрополита и как писателя, и как проповедника, и как языковой личности, что делает эту монографию чрезвычайно ценным трудом, описывающим пластику жанра и идиостиля, который, несомненно, будет востребован как филологической элитой, так и рядовым читателем, живо интересующимся историей и культурой страны.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Aleksandr G. Avdeyev

*St Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow
avdey57@mail.ru*

The patrimonial tomb of the Gotovtsevs in the village of Likurga: preliminary results of the study

The paper, written in the framework of the CIR project (Corpus of Russian inscriptions / Corpus Inscriptionum Rossicorum), summarises the preliminary results of the study of the complex of white stone tombstones from the unique historical, cultural and architectural monument of the late 17th century – the ancestral tomb of the Gotovtsevs, Galich noble family in the village of Likurga of Buy district of Kostroma Region. It has preserved 11 white stone tombstones with epitaphs, the earliest of which dates the late 16th to the early 17th century, while the latest, 1725. The inscriptions on the tombstones contain important material on the genealogy of Galich branch of the noble family of the Gotovtsevs, up to its suppression in the first quarter of the 18th century. The Annex to the paper publishes the oldest tombstone with the epitaph to Davyd Urakov, son of Gotovets.

Keywords: epigraphics of Muscovite Rus', white-stone tombstones, Kostroma Region, village of Likurga, nobles of Muscovite Rus', Russian noble families genealogy, noble family Gotovtsevs.

Takhmina Ch. Dzhabayeva

*Dagestan State University, the City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
tahmina.dj@mail.ru*

Formation of large feudal property on Kумыk Plain of Dagestan from the 16th to the mid 18th centuries

The article is devoted to a detailed analysis of the history of the formation of the feudal land ownership of the Kумыk princes of Dagestan, its features, the role of the family and clan factor. The caution and foresight of the Russian Tsarist authorities in establishing contacts with the rulers of Dagestan, including the Kумыk princes, is noted. In addition, data are provided on the formation of mutually beneficial relations between the Kумыk princes of Dagestan and Russian power. It is noted that by 1722, the land on Kумыk Plain of Dagestan had already been in full ownership of the princely house. Later, the documents issued by the imperial authority only confirmed and to a certain extent regulated the land tenure of the princes. The article concludes that long before the 18th century the lands of the Kумыks had been in hereditary possession of the Kумыk princes. In the fourth generation after Sultan Mut – the ancestor of the Kумыk princes – (approximately in the early 18th century) his lands were divided into allotments according to the number of princely clans who owned them together, not dividing them among themselves.

Keywords: Dagestan, land tenure, Kумыk plain, princes, descendants, Russian Tsar's power, seizure of lands, documents.

Vladimir N. Benda

*State Pedagogic University of Leningrad Region,
the town of Pushkin, Saint Petersburg
bvn.1962@mail.ru*

Nikolay D. Kozlov

*State Pedagogic University of Leningrad Region,
the town of Pushkin, Saint Petersburg
kozni49@yandex.ru*

On the reasons of plunder of material and financial means in military department in the 2nd half of the 18th century and measures of fight against them (on the example of the Moscow artillery office)

The article deals with the results of a comprehensive audit of money and material resources in the places of their storage and maintenance, carried out in accordance with the instructions of the Senate in the middle of the second half of the 18th century. On the example of Moscow artillery office – the Department of the Main military authority of the artillery and engineering corps in Moscow, the problems of ensuring the integrity and safety of state financial and material resources in this institution are considered. The author analyses the reasons that led to the mass theft of money and material resources in Moscow artillery office and presents the results of the investigation into this fact. Measures of responsibility to which officials of office guilty or involved in these abuses were brought are shown. The article summarises the new material on the topic under study, previously unpublished archival documents are introduced into scientific circulation.

Keywords: 18th century, Catherine II, office of Chief of artillery and fortifications, artillery of Moscow office, financial and material resources, theft, special Commission.

Andrey Yu. Butin

*Kostroma State University
igumenantoniy@mail.ru*

August patron of the learned priest from the province

The issue of influence of a circle of acquaintances on life and creative work of the provincial scientist from spiritual estate Mikhail Yakovlevich Diyev thanks to which, Kostroma historical thought became known to the scientific world of Russia, is considered in this article. The author for the first time has revealed the degree of influence of the environment of the scientist priest, represented by the botanist and naturalist from the nobility Aleksandr Boshnyak, Professor of Moscow University, ethnographer Ivan Snegiryov, poet Vasily Zhukovsky. The article deals with the key moments of Mikhail Diyev's life that contributed to his fame at the Emperor's court. The provincial priest became known to Emperor Nicholas I and his heir. Only the Imperial patronage stopped the wave of harassment of the rural scientist priest by the local diocesan

authorities and provided him with the opportunity of fruitful scientific work and pastoral service.

Keywords: Mikhail Diyev, Aleksandr Boshnyak, Nicholas I, Alexander Pavlovich, Vasily Zhukovsky, Yuriy Bartenev, Nerekhta, diocesan school, oppression, patronage.

Gennadiy G. Bril'
Kostroma State University
g_bril@ksu.edu.ru

Leonid N. Zaytsev
Kostroma State University
zln15@uandex.ru

Kostroma provincial gendarmerie management and its first supervisor

In this article, the authors for the first time using little-known historical and archival footage to trace the history of the origin, formation, development of Kostroma provincial gendarmerie management (hereinafter referred to as the KPGM). The chronological framework of the article covers the period of 1857—1890. The theme of daily life of employees of the KPGM is not widely enough disclosed in modern research, the history of one person, including the heads of local law enforcement agencies. Topicality of the article lies in the lack of knowledge of the provincial gendarmerie managements. The effectiveness of the political police is impossible without a wise, professional, competent leader. In the scientific circulation for the first time are archival documents relating to the identity of the first head of the KPGM Ivan Nikolaevich Chaleyev. In the formative years, the KPGM faced some difficulties in recruitment, however, Ivan Chaleyev successfully coped with the selection and placement of staff. The authors for the first time investigated the personnel of the KPGM, which served experienced officers. Special attention is paid to the formation of school for training and preparation for the future activities of the lower ranks of the gendarmes on October 29, 1870 in St. Petersburg. For the first time, attention has been drawn to the attitude of gendarmes to religion. We have come to the conclusion that the activities and effectiveness of the political police authority on the ground largely depended on the personality of its leader. In the study period, the activities of the CPGM professionalism, personal qualities, its authority in the region and leadership entrusted to Ivan Chaleyev provided adequate security of the ruling regime in Kostroma Province.

Keywords: Kostroma Province gendarme administration, Kostroma Province, head of Department, political police, human resources, Ivan Chaleyev.

Andrey V. Rukoleyev
Altai State Pedagogic University, the City of Barnaul
rukoleyev.av@yandex.ru

Features of the Mineralogical Society in Russia in the pre-revolutionary period

This article presents the conditional periodisation of the stages of the St. Petersburg Mineralogical So-

ciety. The object of the research is its activity from 1817-1917. This article deals with issues of the daily and scientific activities of the Society. We provide state financial support of Mineralogical Society. The quantitative results of various areas of research in the field of mineralogy, geology and other related sciences are presented. The data of research and experiments of the members of the Mineralogical Society are given. The basic mechanisms of cooperation between the state and the scientific community are consecrated. The conclusion is made about the special role of this society in the regulation of scientific relations in Russia and abroad. The vigorous activity of the scientific society on the versatile research of Russia allowed the state to conduct scientific research on new territories, to unite Russian scientists leading the study of minerals, rocks and minerals, to activate public interest in science.

Keywords: Mineralogical society, scientific society, geology, mineralogy, research, stages of activity, periodisation.

Viktor I. Kovba
Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko Military Academy
of Nuclear, Biological and Chemical Defence
viktorkovba@yandex.ru

Yevgeniy A. Chugunov
Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko Military Academy
of Nuclear, Biological and Chemical Defence
e.a.chugunov@yandex.ru

Ol'ga D. Chugunova
Kostroma State University
od_chugunova@ksu.edu.ru

Military historian's fate in the context of the country's history (Aleksandr de Lazari: military commander, teacher, oppression victim)

The authors of the article drawn on a wide range of historical materials examine the course of life and the teaching as well as research activities of the first historian of nuclear, biological and chemical defence corps of Russia, Major General, Professor Aleksandr de Lazari, who significantly contributed to the development of the country's polemology and the higher military education system of Soviet Russia in the 1930s and fell victim to the Stalinist repressions. The authors study his biography, and they come to the conclusion that it has some similarities with Russian officers, intellectuals, scientists and teachers at a turn of the history of Russia. However, Aleksandr de Lazari fully shared the tragic fate of the nobility, and perhaps of his generation, and his country on the whole. It is concluded in the article that his numerous military-historical and other scientific works have been topical and remain so for the modern era.

Keywords: military history, military academy, General Staff, chemical weapons, World War I, officer, scientific works.

Maksim V. Yermushin

*Kostroma State Agricultural Academy
ermushin@yandex.ru*

Aleksey G. Mitrov

*Kostroma State Agricultural Academy
mika238@yandex.ru*

Gennadiy V. Belyayev

*Kostroma State Agricultural Academy
belyaevarmy2014@yandex.ru*

Production meetings at the enterprises of the Soviet industry in the 1920s-30s in the studies of Soviet, Russian and foreign historians

The article analyses the results of the historical research activities of productive meetings at the enterprises of Soviet industry in the 1920s-30s. Analysis of the historiography has allowed the authors highlighting the trends and stages of work study meetings. In the first phase in the second half of the 1920s, the research focuses on the forms and methods of organisation of workers' self-government and its role in the life of enterprises. Subsequently, in the 1930s, the production meetings are considered as an element of socialist competition. At the third stage, in the 1950s-70s, historians focused on the role of production meetings in the development of political consciousness of workers. In 1980s-90s, interest in the study of this topic is reduced. At the present stage, due to the intensification of the study of history of the working movement, the topic of production meetings has again become topical. The authors identify the tasks of further study of the history of production meetings.

Keywords: production meetings, trade unions, industry, socialist competition, historiography, production companies.

Yelena N. Abovyan

*Bryansk State Technical University
abovyan-elena@rambler.ru*

Valeriy V. Dzyuban

*Institute of World Civilisations, Moscow
bryanskstudzuban@mail.ru*

Town of Novozybkov and its region at World War II (East Front)

The regional aspect of partisan movement at World War II (East Front) on the example of Novozybkov district of Bryansk Region is considered in the article, process of creation and activity of the guerrilla groups in the specified region is analysed. The authors of the article represent historiography of this issue, restore a way of development of partisan movement in the region as well as its features, on the basis of investigations. Special attention is paid to the description of structure and work of underground groups. The article contains important factual material; the chronology of fights and actions as well as information on completeness of groups with equipment and weapon is described by the authors; the significant role of partisan movement in advance of the Soviet troops to the victory is emphasised.

Keywords: World War II (East Front), partisans, partisan movement, resistance, occupation, victory.

Dmitriy A. Nesterov

*Samara State University of Social Sciences and Education
dmitriynesterov1994@gmail.com*

Features of the use of air support forces in conditions of asymmetric conflict on the example of the Malayan Emergency (1948–1960)

This article analyzes the materials of the British military, devoted to the peculiarities of the use of air support forces in conditions of asymmetric conflicts on the example of the Malayan Emergency (1948-1960). Attention is focused on the transfer of British colonial experience by the US military, carried out through pilot schools, symposia, publication of reports of colonial military. The main strategic and tactical tasks of the air force in counter-guerrilla warfare are considered. The main difficulties of using support aviation forces in conditions of anti-instabilities are analysed, the tasks faced by the pilots are considered. The article focuses on the functional features of the use of helicopter forces, which have become one of the defining mechanisms for dealing with the insurgency. It is concluded that it was the British experience of using the air support forces in asymmetric conflicts that formed the basis of the strategy and tactics of the US air forces in the framework of the Vietnam War.

Keywords: counterinsurgency, asymmetrical conflict, air support, Vietnam War, Malayan Emergency, helicopter forces, air intelligence, colonial experience, decolonialism.

Anna M. Novotortseva

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
annov1@mail.ru*

Archpastoral service of Guriy (secular surname – Yegorov), Metropolitan Simferopol and the Crimea under Soviet power

The article is devoted to the life and archpastoral service of Metropolitan of Crimea and Simferopol Guriy (Yegorov), Candidate of Theology, who passed through prison camps and deportations from the Arctic Ocean and the White Sea–Baltic Canal to Central Asia, Ashkhabad and Tashkent; the founder and one of the leaders of Alexander Nevsky fraternity in Leningrad, who secretly preserved the traditions of Russian monasticism and theological and pastoral knowledge. The scientific significance of the article is represented by factual material from the personal file of Guriy (Yegorov), Metropolitan of Crimea and Dnepropetrovsk, from the State Archives of the Russian Federation, the fund of the Council on the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR (1943-1965), revealing the clergyman's stay in Saratov, Minsk, Leningrad and Crimean departments, since 1953. The article reveals the confessional feat of Metropolitan Guriy and shows the features of forming of state-church relations in the Soviet period (in the 1950s and the 1960s). Article material may be of interest of researchers in the field of the Russian Orthodox Church history, as well as of church history on the whole and of history of Russia of modern times.

Keywords: Metropolitan Guriy (Yegorov), Metropolitan of Yaroslavl and Rostov John (Wendland), Alexander Nevsky Fraternity, Russian Orthodox Church, Commissioner of Council for Russian Orthodox Church under USSR Council of Ministers in Crimea, Chairman of Council for Russian Orthodox Church under USSR Council of Ministers, personal archive of John's (Wendland's) Yaroslavl & Rostov Metropolitan's spiritual daughter, inspector of Leningrad Theological Academy Lev Pariyskiy, archpriest of A.Nevsky monastery's Holy Trinity Cathedral Vasiliy Lesnyak.

Sergey M. Zinchuk
Kostroma State University
zinchuk_sergej@mail.ru

Intra-Church processes during the implementation of parish reform in the 1st half of the 1960s

The author describes in the article some important components and features of Church life in the period initiated by Nikita Khrushchev and known as the parish reform, which, among other things, was aimed at undermining the financial base of the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the Church) in the USSR. It is noted that Stalin's post-war system of state-Church relations had a serious defect in the form of ineffective legal consolidation: in addition, after the end of the World War II, the question if the Soviet power praised Orthodoxy and other religions stood no longer disappeared. All this allowed Stalin's successors carrying out a number of serious measures aimed at weakening the Church. Khrushchev's religious policy differed from the persecution of the 1920s-1930s, because it included measures aimed at indirect destruction of Orthodoxy, primarily through administrative pressure on the clergy and laity. The parish reform, aimed at depriving deans of financial powers and handing them over to churchwardens, appointed, in fact, by local authorities, which allowed to ruin churches and monasteries with compliance with the formalities of the regime's toleration, can be considered to be a typical manifestation of that trend.

Keywords: USSR religion, Russian Orthodox Church, parish reform, times of Khrushchev's adversity.

Dmitriy I. Sazonov
Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
sazonow63.12@gmail.com

Renunciation of faith.

Worldview conviction or the sum of circumstances? On the topic of the 1960s apostasy

Denial of religious beliefs, the "worldview revolution" is analysed in the article in terms of Ivan Kubin, a priest. On the basis of archival data, the real motives Ivan Kubin was guided by, with a thrust at those who wish his anti-religious revelations were truly atheistic, are shown: in fact, they were in the sphere of everyday interest. The logic of Ivan Kubin's apostasy shows that his act was an act of circumstances

and personal relations with Astrakhan bishop Pavel (secular surname – Golyshev), with whom, mainly because of Ivan Kubin's position in relation to church living space, there was misunderstanding, which was subsequently expressed by an act of "renunciation". In general, the psychological situations between church authorities and ordinary clergymen were used by the Soviet power for anti-religious purposes, which had subsequently had a disadvantageous effect on the fate of the "victims" themselves. Their tight situations were used by the authorities only as a propaganda device.

Keywords: priest, science, renegade, patriarchy, bishop, religion, renunciation.

Yuriy S. Nikiforov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
nikifor2108@yandex.ru

Synthesis of classical and interdisciplinary methods in the study of regional problems of the Soviet Russian history (the 1950s till the 1980s)

The article discusses the role of classical and interdisciplinary methods in the study of the Soviet regions of the late Socialist era. The chronological scope of the study is limited to 1950-1980. The study uses the concept of "late socialism" in Alexei Yurchak's interpretation. The study is based on the analysis of the ideas of Viktor Mokhov on Regional Elites; of Oleg Khlevniuk and Yoram Gorlizki, on the Soviet governing regional networks; of Lorina Repina, Irina Savel'yeva, Andrey Poletayev, on historical memory. Through the vector of "region-centre" communication, the methods of research of the Soviet regional elites of the Upper Volga regions (Vladimir, Ivanovo, Kostroma, Tver, Yaroslavl regions) are considered. The study is based on interdisciplinary theoretical concepts – Kurt Lewin's theory of group dynamics and social field; Morton Deutsch's and Harold B. Gerard's information model of conformity; Randall Collins' theory of reference authority; Veronika Nurkova's ideas on autobiographical memory; "categorisation" and "schematisation" concepts highlighted by Jerome Seymour Bruner.

Keywords: regional elites, USSR, communicative practices, archival documents, historical memory, Soviet province, late Socialist period, lobbyism.

SCIENCE OF LITERATURE

Irina A. Shishkova
Gorky World Literature Institute, Moscow
ishishkova@yandex.ru

The sentimental revolution and Victorian values in American literature

The article deals with the creative contribution of Louisa May Alcott to the Victorian period of American literature and the evolution of interpersonal relationship characteristic of the American middle class. The aim of the paper is to examine the influence of sentimental authors on the development of sociocultural life in the United States and their progressive interpretation of the role distribution in the family. In this regard, the article analyses the undying interest in the work of Louisa May Alcott, whose writing absorbed

the ideas of sentimentalists as well as the humane impulse of the British authors. By illustrating her works with the examples from her own life, Louisa May Alcott gave hope and moral support to lots of women and children in need. Despite the skeptical attitude of some American scholars towards the "disappeared world" of Victorianism, none of them would deny the importance of its contribution to the world culture. Louisa May Alcott was not afraid to give impartial assessments to some representatives of the white population of the United States and to speak freely and fearlessly of social burning issues. The results of the article will allow to take a fresh look at Alcott's impact on the development of the family novel.

Keywords: Victorianism, Louisa May Alcott, sentimentalists, interpersonal relations, Jacksonian Democracy, American middle class, family novel.

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow
markovius@gmail.com*

Complex ekphrasis in Russian poetry: basics of theory and one case

Along with a simple ekphrasis, a description of a separate work, we would like to single out a complex ekphrasis, a description of the whole museum hall or museum collection. Such a description implies an intense experience of space and is possible primarily in descriptive lyrics with intense drama. In the complex ekphrasis, one can see the influence not only of tastes, but also of artistic criticism ideas of the time. It is proved that the poem "The Escape to Egypt" by Nikolay Zabolotsky (1955) is a complex ekphrasis, which arose under the indirect influence of Charles Pierre Baudelaire's poetry and Alexandre Benois's artistic criticism, describing the effects of one of the Hermitage halls. The influence of the plots presented in this hall of the Hermitage on poetic decisions could also be traced in later poetry.

Keywords: ekphrasis, museum, descriptive poetry, lyrical plot, space in art, Nikolay Zabolotsky, Hermitage.

Ol'ga A. Tufanova

*Gorky World Literature Institute, Moscow
tufoa@mail.ru*

Legendary political episode in "The Tale of Victorious Moscow State"

The article analyses the legendary prediction about the fate of Patriarch Filaret of Moscow twice included in the text of "The Tale of Victorious Moscow State". The essence of the prediction is that Patriarch Hermogenes of Moscow "at the end of" his life secretly appointed Filaret the Metropolitan of Rostov as the Patriarch of all Rus'. The prediction is divided into two parts: the first is dedicated to the fate of the Metropolitan; the second, to the deeds of the king Sigismund III of Poland. The motifs given in the prediction are developed in the subsequent story about the Russian embassy to the Polish king and are repeated in the narrative about the election of Filaret to the patriarchal

throne, completing repeated story about the legend. Analysis of the literary form, which is unusual for the cycle of works on the Time of Troubles, leads to the conclusion that in later works about the Time of Troubles, legendary political episodes appear and have ideological significance relevant to the 1620s – "to prove the legality" of the election.

Keywords: "Tale of Victorious Moscow State", Patriarch Filaret of Moscow, Patriarch Hermogenes of Moscow, prediction, literary form, motif, political propaganda.

Mikhail V. Novikov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
m.novikov@yspu.org*

Tat'yana B. Perfilova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
m.novikov@yspu.org*

Manliness and womanliness of national epos heroes in interpretation of Fyodor Buslaev

The problem of interpretation of anthropological artistic images by Fyodor Buslaev is considered in the article; those are presented in monuments of national literature. Tracing sources of origin of the aesthetic ideas in the most ancient forms of language, Fyodor Buslaev made an attempt to explain development of artistic views of the people of antiquity. He connected this long process with influence and interaction of many factors – evolution of religious mythological ideas and epic creative work, streamlining of matrimonial relations, more rational distribution of gender and role functions in everyday life, formation of gender identity idea, origin of moral imperatives. Mythology and folklore gave him an opportunity to highlight changes of female images (from mannish battle-axes to owners of a classical ideal of beauty); the sage explained their aestheticisation with change of female essence criteria ideas and "canons" of female attractiveness. Fyodor Buslaev came to a conclusion which was later confirmed by Vladimir Propp and Aron Gurevich – indicators of external appeal of both women and men were inalienable from ethical estimates by society which considered moral nobility, decent conduct of life of mythical and epic characters.

Keywords: mythological consciousness, natural objects' idolisation, supernatural nature of warriors, Russian epic manlike heroines, images' aestheticisation process, gender identity, female beauty criteria, coincidence of aesthetic and ethical aspects.

Natal'ya V. Volodina

*Cherepovets State University,
the City of Cherepovets, Vologda Region
natalivolodina@mail.ru*

"Once again" about "unwanted people": the transformation from literary type to a concept (historical and functional aspect). Part II.

The article continues the analysis of "unwanted people" in the literary criticism and journalism from the mid 19th century till the century's end. The focus of the authors' attention is on the polemic of Nikolay Dobrolyubov and Alexander Herzen concerning a his-

torical role of "unwanted people" who are associated for them with generation of the intellectuals of the 1830s—40s. It is shown in the article that characteristic of "unwanted people" is built by critics on material of literature and actuals of life of modern society. In Nikolay Dobrolyubov's works, the leading place is taken by opposition "superfluous" Vs. "new" people. This opposition excepts the idea of continuity of generations. Alexander Herzen emphasises historical value of "superfluous men" for development of consciousness of the person and spiritual culture of society. As the author notes, traditions of criticism of the 1830s—60s had remained in criticism and journalism within the early 20th century. The idea of denial of "unwanted people" in Russia and recognition of value of their historical experience was updated in this period. The concept of "unwanted people" becomes the sign of tragic fate of Russian intellectuals.

Keywords: literary type, concept, intellectuals, "unwanted people", Ivan Turgenev, criticism & journalism, Nikolay Dobrolyubov, Alexander Herzen, Vatslav Vorovsky, Anatoly Lunacharsky.

Anna A. Fedotova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru*

**"What People at Our Place Used to Be
Condemned to Penal Servitude for":
criminal plot in Nikolai Leskov's early prose**

The article is devoted to the study of the topical problem of the interaction of mass and "elite" literature on the material of Nikolai Leskov's early prose. The material for the analysis are the little-known stories of the writer "The Drought" (1862) and "Taunt" (1863), which are considered in the context of the writer's early work as a whole. Using modern text analysis techniques, the author explores the problematics and poetics of Nikolai Leskov's fictional works, analyses current issues of organising a dialogue with the reader by the writer, identifies narrative and language ways of enhancing reader's attention. The result of the analysis is the concretisation of the ideas about the problematics and poetics of the author's early prose, who begins his difficult journey in the "big" literature, the mechanisms of intertextual enrichment of the writer's writings, and the peculiarities of the author's receptive strategies. The analysis of the stories "The Drought" and "Taunt" in the article shows that the writer's mastering of the mass reading literary "canon" began with his first fiction experiments and was characterised by creative processing of the "entertaining" literature clichés.

Keywords: Russian 19th century literature, Nikolai Leskov, mass literature, crime plot, narrative, reception, motif.

Irina A. Ovchinina
*Ivanovo State University
ovchn@yandex.ru*

Irina A. Khromova
*Ivanovo State University
khromova54@mail.ru*

**Russian Shrovetide as an art dominant
of the opera libretto "The Power of the Fiend"
by Alexander Ostrovsky**

Artistic features of libretto of the opera "The Power of the Fiend" by Alexander Ostrovsky are considered in the article. Value of genre and ceremonial scenes in either semantic and subject or composite structure of the opera scenario is defined in it, features of poetics of the latter come to light. The attention of authors is paid to specifics of the main action ("the family drama") and to the nature of Shrovetide festivity scenes connected with the plot. It is noted how Alexander Ostrovsky gradually expands scenic space, creates bright crowd scenes with participation of the people and also the Choir which acts on behalf of Shrovetide in the libretto. Authors of the work emphasise the dual nature of Shrovetide as a peculiar Russian carnival that finds reflection in the ditty "Celebrating Shrovetide Grandly" sung by Yeryomka and, in the fourth act, represents the culmination of a national holiday. Clarification of the reasons of disagreements between Alexander Serov, the composer, and the playwright is an important point as the latter refused cooperation with the former. In this regard, problem of authorship of the fourth act of the libretto is put forward, the conclusion about undoubted participation of the playwright in its creation is drawn.

Keywords: Alexander Ostrovsky's creative work, libretto, opera, drama, Russian Shrovetide, folkish song, authorship problem.

Yuriy V. Lebedev
*Kostroma State University
y.v.lebedev@yandex.ru*

**"A Spring's Tale" "The Snow Maiden" by
Alexander Ostrovsky in the 1870s literary process**

Organic connection of perspective and poetics of "The Snow Maiden" by Alexander Ostrovsky with spiritual search of his contemporaries, the 1870s writers, is shown in the article, and the playwright's aesthetic position originality – going beyond the limits of poetic schools which were at enmity with each other, and overcoming contradiction between them in new artistic synthesis – comes to light. Fragility of human communications, disappearance of attachment to family life from daily communication is very characteristic of that time, that found reflection in Leo Tolstoy's, and Fyodor Dostoevsky's, Mikhail Saltykov-Shchedrin's and Alexander Ostrovsky's creative work. It becomes clear that the playwright's conflict with Nikolay Nekrasov concerning "The Snow Maiden" was caused by distinction of aesthetic positions rather than by fi-

nance disputes. New poetic synthesis which reflected breadth and Christian "toleration" of Alexander Ostrovsky's lyric soul sickened Nikolay Nekrasov. After aesthetic rejection, rejection of the substantial party of "Spring's Tale" as well did not take long – social actuality characteristic of Nikolay Nekrasov as a poet, was obviously softened in it.

Keywords: cold snap in nature, lovers' tiff, family reunion, spiritual healing.

Nina A. Lobkova
Kostroma State University
lobkova.nina.a@yandex.ru

**From history of Pavel Annenkov's publications
in "Vestnik Evropy" (Herald of Europe)
(by the letters to Mikhail Stasyulevich)**

The article describes the history of two Pavel Annenkov's publications in the magazine "Vestnik Evropy" (Herald of Europe) ("The Extraordinary Decade", "The Idealists of the 1830s"), according to his letters to the editor; defines more precisely the facts of the preparation of the memoirs "Gogol in Rome at the Summer of the Year 1841" for the first book "Memoirs and Critical Essays" in Mikhail Stasyulevich's publishing house. Special attention is paid to the new details of the creative history of the memoirs "The Extraordinary Decade" by Pavel Annenkov's letters to Mikhail Stasyulevich. The article tells about Vissarion Belinsky's role in the memoir's structure and about the features of the narration, originated from oral materials, and the difference between this book and Alexander Pypin's biography of Vissarion Belinsky. The analysis of Pavel Annenkov's article "The Idealists of the 1830s" brightened up the meaning of the mystical romantic ideals of young Alexander Herzen in his future. The comparison of two texts about Alexander Herzen during the years of emigration lets understanding the difference between a memoir and an essay.

Keywords: Pavel Annenkov, Vestnik Evropy (Herald of Europe), Mikhail Stasyulevich, memoirs, letters, Nikolai Gogol, Vissarion Belinsky, Alexander Herzen.

Wang Liye
Beijing Foreign Studies University
cylzhv@inbox.ru

Nature and feeling in Ivan Turgenev's story

The nature and the person on pages of Ivan Turgenev's stories are in dialectic unity: they now set each other off, now contrast. The nature merges here with the person in love, responds to its love, grieves and rejoices together with heroes and heroines, takes active part in psychological experiences of characters. The landscape in Ivan Turgenev's prose is not only one of key elements of the psychological analysis, but bears philosophy and ethics as well. Relationship and interaction between "silence" and "noise" in Ivan Turgenev's descriptions of the nature is peculiar. Against the background of silence all moving and sounding becomes more visible and is more sonorous. The silence is deeper, the sound is thinner and is more notable.

Keywords: person & nature, psychologism, personal naturalness & humanity of nature, dialectics of noise and silence, first love.

Grigoriy V. Tokarev
Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University
grig72@mail.ru

Leo Tolstoy's views on marriage

The article considers Leo Tolstoy's views on marriage in the evolutionary aspect. For young Leo Tolstoy, marriage and family is one of the main values. He understands them as a sphere saving a person from disharmony, despondency, sin, helping to find the meaning of life. The family is interpreted by Leo Tolstoy as the main purpose of person's life. In his early works, he builds a family model. Marriage and family for young Leo Tolstoy are considered to be the main condition for happiness. Love for the spouse is understood as a sense of respect for parents of their children. Over the years, Leo Tolstoy's views on marriage have changed significantly. This is due to the change in Leo Tolstoy's attitude to the Church and to Church religion (by his definition), the writer's complete denial of private property, the complication of relations with his wife and children. Leo Tolstoy explains his point of view on marriage by following the true Christian teaching. Leo Tolstoy motivates the denial of marriage in the Christian way by the fact that the main purpose of a Christian is to serve God; marriage makes people serve themselves. Leo Tolstoy identifies justification by the church of the marriage with the excuse of "physical love". Leo Tolstoy considers marriage as a veiled form of fornication. However, he denied divorce because he believed that a woman left without a husband or a man without a wife would be exposed to moral decline. The author finds contradictory Leo Tolstoy's assessments of the marriage in the later work.

Keywords: Leo Tolstoy, marriage, family, Orthodoxy, sin, concept.

Oksana S. Rudova
Dorzhi Banzarov Buryat State University
shitina87@mail.ru

**Nikolai Gogol's text in the works
of Vladimir Nabokov: the history of foundation
of the issue in criticism and literary studies**

The author of the article tried to trace the formation of the idea about the connection of the works of Vladimir Nabokov with Nikolai Gogol's tradition based on the material of the Russian émigrée critics' works of and literary critics of the 20th—21st centuries. This process is considered as a progressive one, largely specified by the development of researching idea. The émigrée criticism saw the reason for the similarity these writers' works in their similar aesthetics based on the relationship of the perception of the world and the human. In turn, literary studies of the late 20th century presented a new way of comparison, where Nabokov's prose is considered to be a complicated fiction on the whole, in which there is not only Nikolai Gogol's subtext, but also allusions to the other writers'

works, called "polygenetics". The author of the article offers a generalisation of methodological nature, indicating different types of literary links.

Keywords: tradition, Nikolai Gogol's text, comparative analysis, criticism, allusion, reminiscence.

Anastasiya S. Dymchenko

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Secondary school # 10 of the City of Arkhangelsk
antipina.anastasija41@yandex.ru*

**Historical prose about the epoch of Peter I into
Arkhangelsk local text: novels "Peter I"
by Aleksey Nikolayevich Tolstoy
and "Young Russia" by Yuri German**

The article deals with the image of Arkhangelsk presented in the historical novels about the epoch of Peter I: "Peter I" by Aleksey Nikolayevich Tolstoy and "Young Russia" by Yuri German. The article describes the regular appeal of Soviet writers of the 1930s – 1940s to the reforms of Peter the Great and the necessity of introduction of the image of the City of Arkhangelsk and the chronotope of the Russian North into the narration of the historical novels about Peter I. Moreover, the paper analyses the differences in the approach to representation of Arkhangelsk by A.N. Tolstoy and Yuri German. Creative reinterpretation of the town by A.N. Tolstoy enhances the idea of conflict between West-European progress and old-Russian stagnation expressed in his novel, while preserving the ancestral traditions of shipbuilding in the North is of primary importance to Yuri German. Besides, the continuity between the novel by Yuri German and flash fiction of Boris Shergin is retraced in the article.

Keywords: historical novel, Soviet literature, Aleksey Nikolayevich Tolstoy, Yuri German, Northern text of Russian literature, local urban text, local historical method.

Vera V. Korolyova

*The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru*

**Myth about Leonardo the artist in the novels
"Resurrection of Gods. Leonardo da Vinci"
by Dmitry Merezhkovsky
and "The Devil's Elixirs" by E. T. A. Hoffmann**

The novel "The Devil's Elixirs" by E. T. A. Hoffmann is considered in this article as one of possible references of the myth about Leonardo in the work "Resurrection of Gods. Leonardo da Vinci" by Dmitry Merezhkovsky. This statement is based on comparative identification of community of plot, perspective and images. Opposition of Christianity and Paganisms (apostasy), Man and art (genuine art vs. fake one), society mechanisation problem, human consciousness bifurcation and search of spiritual synthesis are central in the novels by E. T. A. Hoffman and Dmitry Merezhkovsky. A number of E. T. A. Hoffman images (Leonardo da Vinci, the artist's apprentice, the White deviless, the dual portrait) are realised in the novel by Dmitry Merezhkovsky.

Keywords: Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, Dmitry Merezhkovsky, Christianity vs. Paganism,

"genuine" art vs. "fake" one, society mechanisation problem, bifurcation, synthesis.

Irina A. Moshchenko

*Gorky World Literature Institute, Moscow
lotvin@mail.ru*

**Reflection of Chinese Literature
of the 1940s—50s in the Russian,
Chinese and Western critical papers**

The article analyses the critical views on Chinese literature of the 1940s—50s. The analysis was based on Chinese, Russian and Western critical papers. It revealed a different approach to the study of literary material. Chinese scholars use national traditional methods of literary analysis, that is thematic classification and biographical description. Russian researchers focus on the analysis of literary controversy, the history of progressive democratic thought and the content of ideological campaigns. In the studies of Western scholars the emphasis is made on the description of the literary style of the author or his masterpiece. In the conclusion it is said that the proper analysis of Chinese literature of the 1940s—50s should take into account different types of literary analysis, focus on thematic, biographical, ideological and stylistic approaches.

Keywords: 1940s Chinese literature, 1950s Chinese literature, haipai, Zhang Ailing, Su Qing, Xu Xu, Wu Mingshi.

Irina A. Kostilyova

*The Stoletovs Vladimir State University
irakostyleva@yandex.ru*

**The concept of personality of Vasily Shukshin
in the biography novel by Aleksey Varlamov
"Shukshin"**

The article discusses the concept of personality of Vasily Shukshin in the biography novel by Aleksey Varlamov in the context of the tradition of this genre in Russian literature, formed in creative work of Boris Zaytsev, Vladislav Khodasevich, Nina Berberova etc. The aim of the study is to analyse the characteristic of the typological principles of the genre in the artistic world of the modern writer and literary critic Aleksey Varlamov. The subject of study is the representation of the conceptual components of Vasily Shukshin's personality in the biography novel genre. The main attention is paid to the theme of Vasily Shukshin's dramatic fate, the motives of the writer's opposition to that time's power. The author's version of the "reading" of Vasily Shukshin's personality, which is slightly different from the textbook one, is analysed. As a result of the study, the conclusions about the specifics of the development of the biography novel genre in the works of Aleksey Varlamov, about the author's method of artistic research of the writer's biography in the system of "code of fate" of a Russian, the main motives of his life.

Keywords: Aleksey Varlamov, Vasily Shukshin, biography novel, motive, document, Hamlet, prodigal son.

Ul'yana N. Tekenova

*Surazakov scientific-research institute of science on Altai peoples and languages, town of Gorno-Altaysk, Altai autonomy, Russia; Gorno-Altaysk State University
tekenovau@mail.ru*

Folklore and mythological foundations of children's worldview by Lazar' Kokyshev and Dibash Kainchin

In this article, on the example of two works by different authors, the images of children, their world and relationships with adults are considered. For Lazar' Kokyshev and Dibash Kainchin, the depiction of the life and attitude of young heroes and teenagers is the most important stage in the development of their artistic concepts. As this study shows, the same deep-seated collisions are observed in the lives of little heroes as in the lives of adults. The world of children is a special period of accumulation of social experience and moral and ethical knowledge, the formation and development of a system of spiritual values. In these works, in our opinion, the writers managed to create an artistic reality seen from the perspective of the children. The inclusion of folk-mythological and ethnographic motifs into the fabric of the artistic text are served for the most complete revelation of the characteristics of characters and their actions in the prewar and postwar years of the 20th century.

Keywords: Altai literature, Lazar' Kokyshev, Dibash Kainchin, mythopoeics, mythologism, folklorism, ethnographism, motif, totem, image-symbol.

Viktoriya B. Bakula

*Murmansk Arctic State University
vs@yandex.ru*

The archetype of the Sun in the novel by the Saami writer Nadezhda Bol'shakova

Russian Saami literature is one of the least known and studied among the Saami literatures, which determines the relevance of this work. The aim of the study is to analyse the actualisation of the archetype of the Sun in the novel by the Saami writer Nadezhda Bol'shakova "Alkhalalalay" and the associated archetypal motifs. The novelty of the study is that the archetypal content of the work is revealed for the first time. To achieve this goal, the author uses the methods of hermeneutics and comparative history, which allow to find archetypal subjects, images and motifs in the text, as well as to reveal the deep fundamental principles of literary heroes. The actualisation of the Sun archetype at all levels of the novel's architectonics is analysed. The archetype of the Sun in the novel is presented as a polysemic image that defines a number of semantic loads and performs a structure-forming function. The motifs of infinite cyclicality, repetition, immortality, travel, the motif of getting the bride, which receives a certain transformation in the work, are revealed.

Keywords: Russian Saami, literature, mythology, folklore, archetype, motif, archetypal image.

Oleg S. Gorelov

*Ivanovo State University
og-rus@inbox.ru*

Principles of surrealist humour in the poetry of Leonid Shvab

The article analyses the poetic style of Leonid Shvab, which is described as impassive and distant in literary criticism, while the contrasting elements of humour and violence play an important role in the texts. Through the theory of surrealist humour, which clarifies this contradiction, the nature of the comic in Leonid Shvab's texts is investigated, and the aesthetic-emotional specificity of his poetry is clarified, as well as its perception by the reader. The basic mechanisms of surrealist humour – the creation of a *mise en scène* (theatricality), the realisation of gallows humour, the functioning of interrelated concepts of objective humour and objective chance – and their specific action in Leonid Shvab's verses, which turns out to be included in the context of Russian prose of the 1920s and 30s years (Andrei Platonov) and in the context of object-oriented philosophy.

Keywords: surrealism, irony, comic, theatricality, metonymy, war, object-oriented ontology, objective chance, contemporary innovative poetry, Andrei Platonov.

Svetlana V. Sharifullina

*Cherepovets State University, the City of Cherepovets, Vologda Region
litera-tur@yandex.ru*

About the Turkestan exhibition of V.V. Vereshchagin (based on the article in the magazine «Family Parties»))

In the article we talk about the review of the first personal Vasily Vereshchagin's paintings exhibition, that was devoted to Imperial Russia's Central Asian territories and held in 1874 in St. Petersburg. Vsevolod Krestovsky, the well-known fiction writer, journalist and a contemporary of Vasily Vereshchagin, offered his understanding of the life of the Asian people reproduced by a talented painter who begins the triumphal march around the world. Vsevolod Krestovsky's review is filled with both enthusiasm for the mastery of the artist's work and criticism about the desirability of detailing the representation of the exotic world. Taking into account the importance of the exhibition of Vasily Vereshchagin's canvases for the development of the artistic taste of the younger generation, Vsevolod Krestovsky, nevertheless, did not fail to note the dubious nature of the detailing of the battle, often causing confusion and possible false conclusions from the viewer.

Keywords: exhibition, paintings, magazine, review, battleist, history of journalism, criticism.

Tina A. Sklizkova

*The Stoletovs Vladimir State University
tinka_s@list.ru*

The notions "Englishness" and "Russianess" in Tom Stoppard's film "Anna Karenina"

The film "Anna Karenina" is looked through the novel by Leo Tolstoy and at the same time in the basis of the film lies the main principle of postmodernism – "the vision of the world as a text" – put forward by Tom Stoppard's play "Rosencrantz and Guildenstern Are Dead". There are two important for Russia and England notions in the centre of the film: "Englishness" and "Russianess", which are connected with the county side. Stoppard as Leo Tolstoy paid attention at the "rural" and "urban" opposition. But he developed this problem in his film. This Arcadia became impracticable in the modern situation. There is the certain game in the film (real Vs. unreal) and the task of the spectators is to guess it, to solve the question of reality and unreality of the life and people.

Keywords: postmodernism, "Englishness", "Russianess", theatre, simulacrum, national identity.

Yelena G. Ivashchenko

*The Amur State University, the City of Blagoveshchensk
eivaschenko@mail.ru*

Genre variety of Soviet local mass media of the Amur region during the 1930s

This article is describing the main genre forms used in the local periodicals in the 1930s. It talks about both the journalistic genres themselves (notes, editorials, reports), and the genres of business communication (orders, decisions, bylaws, etc.) that played a significant role in the press of those years. The article also considers the genres of "letters" (in its genre variations), the "heroic list" and the "black list". The article analyses the factors that influenced creation of the genre palette of the media, including the perception of journalism as means of propaganda, the need to solve production tasks facing collective farms, state farms and machine and tractor stations, insufficient journalistic skills of editorial staff. The research is based on local periodicals of the Amur Region in 1934.

Keywords: genre, journalism genres, business communication genres, local newspaper, Amur Region.

JURAL SCIENCE

Natal'ya N. Okutina

*Griboyedov Ulyanovsk Institute of International Law and Economy
ocutina@mail.ru*

On the issue of the state and legal regulation of petty bourgeois' self-government in the Russian Empire

This article examines the formation and development of the petty bourgeois' self-government of the late 18th — the early 19th centuries. The author made an attempt to reveal the main stages of development of petty bourgeois' self-government in Russia within the framework of the proposed periodisation. The paper analyses the main legal acts and the changes they make to the legal regulation of the activities of the local gov-

ernment bodies within a certain historical framework. The author provides an analysis of the legal regulation of issues of an intra-class nature and the representation of members of petty-bourgeois corporations in local government and state bodies. On the basis of the conducted research, conclusions are drawn up on the need for further reform of the existing forms of public participation in solving local issues, taking into account historical experience.

Keywords: history of state & law, petty bourgeois society, local self-government, local self-government history, people's representation, Russian Empire, periodisation.

Ivan N. Mel'nikov

*Kostroma State University
melnikk44@gmail.com*

Ol'ga A. Smirnova

notarius_44@mail.ru

The history of the formation of notariat in Kostroma land

The article is devoted to the study of the process of formation of the institution of notaries in Kostroma land. The work identifies the main stages of the development of the institution of notaries in the development of the state and the sources of legal regulation of this area of law enforcement. In the process of the historical and legal analysis, the peculiarities of the practical activity of notaries, reflected in the documents which are stored in the holdings of the State Archives of Kostroma Region, are revealed. Particular attention is paid to the implementation of the judicial reform of 1864 and its role in the formation of the Russian notariat. The main purpose of the work was to assess the influence of historical experience on the current state of the institution of notaries, as well as to identify lost traditions in this area of jurisprudence. The results of this study may be of interest to specialists in the field of history of law and local history.

Keywords: notariat, institution of notariat, Kostroma Region, history of formation, development, Kostroma Region State Archive holdings, deeds, right of ownership.

Sergey I. Sayenko

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
sergeisaenko@rambler.ru*

Dialectical, systemic, structural and functional aspects of the scientific analysis of administrative law norms

It is stressed in the article that a various gnoseological toolkit is important for scientific research in the field of administrative law. At the appearance of new methodological approaches and their further use it is necessary to be based on the principle of complementarity. Approaches and methods must complement each other for a holistic reflection of legal reality and generation of productive knowledge about it. This is the main axiom, which is advisable to follow, exploring the essence and content of administrative law norms. It is proved that dialectical and systemic approaches

are useful for an in-depth study of administrative law norms. They can be used to identify the properties of administrative law norms, as well as to trace how these social regulators combine into a structured system with certain internal and external functional linkage. It is noted that structural and functional analyses are also essential for a comprehensive study of administrative law norms. Gnoseological potential allows selecting appropriate structural elements in current social regulators; determining the criteria of classification of administrative law norms; describing administrative law norms sources' functions; analysing the peculiarities of functioning of the system of administrative law norms in the particular external environment.

Keywords: administrative law, rule, scientific approach, method, dialectics, systemic analysis, structure, function.

Konstantin V Cherkasov
All-Russian State University of Justice
cherkasovkv1978@yandex.ru

**Anti-corruption at the level of the federal district:
organisational and legal aspects
(on the example of the Volga Federal District)**

This article analyses the main organisational and legal elements of combating corruption at the level of the federal district in their interrelation and interdependence. As an example, the experience of the Volga Federal District is indicated, which is very revealing for a number of reasons. The most important organisational and legal measures to combat corruption at the level of the federal district, issues of implementation of the state anti-corruption policy at the interregional level of government have been identified. The structural elements of the anti-corruption mechanism in the Volga Federal District, which represent both state and non-state formations, are considered. In the end, it was concluded that the existing organisational and legal mechanism for ensuring the implementation of anti-corruption policy of the state and combating corruption in the Volga Federal District in general corresponds to the pressing problems and tasks in this state-significant area, is optimal and effective. However, this circumstance in no way can act as an obstacle to its further development and improvement. We formulated a proposal to create a Centre for countering corruption of the Volga Federal District.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption mechanism, administrative and legal anti-corruption measures, federal district, Volga Federal District, state administration, interregional state administration.

Natal'ya V. Kuz'mina
Kostroma State University
kuzmina.nat@yandex.ru

**Special cruelty at crime committing:
concept and features of qualification**

Contents and signs of cruelty and special cruelty as psychological phenomena which matter in terms of penal law, is studied in this work. Special cruelty is

considered in terms of the issue of accentuated traits of character. The detailed research of personal features of the person which can influence committing the crime with special cruelty is conducted. The author refers age features of the person, the nature of behaviour of persons who suffer from mental diseases, to accentuated strains. Certain motives of commission of crimes have an impact on commission of crimes with special cruelty as well, for example, blood feud motive at murder commission. Special attention is paid in the work to the fact that knowledge of features of emergence and manifestation of character accentuation in criminal trial participants' behaviour is of great importance in court and investigative practice. Scientific classification of crimes which one commits with special cruelty is presented. The author points lack of "special cruelty" definition in the Criminal law. In this regard, it is offered to supplement Article 105 of the Russian Criminal law with the note in which definition of special cruelty would be given. The author's concept of special cruelty is presented in the article.

Keywords: cruelty, character accentuation, crime, classification, qualification.

Fyodor M. Kobzaryov
Kostroma State University
kobzarfm@yandex.ru

**On the issue of determination
of the procedural status of the new witness
for the prosecution in criminal procedure**

The main approaches to definition and to the content of the procedural status of the person with respect to which, the criminal case is allocated in separate legal proceedings in connection with conclusion of the pre-trial agreement with it concerning cooperation are considered in the article; provisions of the Federal law as of 10/30/2018, #376-ФЗ "On amendments to the Code of Penal Procedure of the Russian Federation" are analysed; according to them, the status of this person is defined, and suggestions for improvement of the legal status of the new participant of criminal procedure are proved.

Keywords: institution of pre-trial agreement on being cooperative defendant; suspected (defendant) who concluded pre-trial agreement; cooperative defendant's procedural status; allocation of separate criminal case.

Alla V. Kudryashova
Kostroma State University
alla880@mail.ru

**Organisational aspects of prosecutors' activity
in view of recommendations of bodies
of the Council of Europe (part 2)**

The article presents an analysis of international acts – recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe and the conclusions of the Consultative Council of European Prosecutors, which addressed the issues of organisational and managerial support of the functioning of the Prosecutor's office, as well as the degree of implementation of the norms of these

international acts in the Prosecutor's office of the Russian Federation at the present stage. At the same time, special attention is paid to the issues of information and analytical support of prosecutorial activities; selection, professional development and career advancement of prosecutors; organisation of interaction between prosecutors, judges, law enforcement officers in order to improve the efficiency of criminal proceedings, as well as with the media, civil society institutions; improvement of criteria for assessing the work of prosecutors and general approaches to the implementation of control activities. As a result of the analysis, conclusions were drawn on the importance of the recommendations set out in international acts for further reform of the Russian Prosecutor's office, taking into account the current socio-economic and political situation.

Keywords: Prosecutor's office, court, law enforcement agencies, efficiency of justice, human rights, independence of prosecutors, guarantees of prosecutors, criteria of selection of prosecutors, career of prosecutors, professional development of prosecutors, mass media, information and analytical work, information technologies, interaction, multidisciplinary teams, criteria of assessment of work, positive experience, control.

Irina V. Orlovskaya
Kostroma State University
lawkostroma@yandex.ru

The law-making function of the Prosecutor's office as an effective way to ensure the implementation of the principle of transparency, taking into account public opinion when making environmentally significant decisions

The article deals with the implementation of the Prosecutor's office law-making function. In particular, examples of violations identified by prosecutors in the supervision of the implementation of laws on environmental expertise are given, and ways to eliminate the causes and conditions that contribute to such offenses are proposed. The author proposes to improve the regulatory framework of local governments through the development of model acts by the Prosecutor's office, regulating the organisation of public environmental expertise, public discussions, surveys, referendums among the population on the planned economic and other activities, which are subject to environmental expertise. According to the author, only model acts developed by the Prosecutor, taking into account all the provisions of specialised legislation, as well as the emerging judicial practice in the analysed sphere, will allow observing the balance of the interests of society and the state as much as possible, to provide for all possible abuses of rights by interested persons, as well as to prevent in the future the facts of arbitrary interpretation of the legislation.

Keywords: prosecutor's office, law-making function of Prosecutor's office, law-making, model acts, ecological examination, public ecological examination, public hearings, consideration of public opinion when making environmentally significant decisions.

Vadim M. Pashin
All-Russian State University of Justice
kafuppk@mail.ru

Vitaliy V. Pavlyukov
The Kuban State Agrarian University, the City of Krasnodar
ykc@mail.ru

The concept of the prosecutor's supervision for the execution of the laws in the sphere of operational-searching activity at the present stage of reforming supervisory activity of the prosecutor

This article analyses the existing terminology associated with prosecutorial supervision, and gives a new concept of prosecutorial supervision over the implementation of laws in operational investigative activities. Update of terminology becomes topical due to the reform of the supervisory activities of the Prosecutor's office of the Russian Federation. The specified direction has a number of certain features that is connected with a large number of the adopted legislative acts regulating supervision of execution of laws in operational investigative activities by authorised prosecutors. In this regard, the authors come to the conclusion that it is advisable to start with an update of the existing concept of prosecutorial supervision over the implementation of laws in operational investigative activities. In the formation of the concept of Prosecutor's supervision over the implementation of laws in the operational-investigative activities, based on the analysis of some studies, stress was laid on improving the efficiency of the operational unit through preventive action by prosecutors.

Keywords: supervision, concept of prosecutor's supervision, operational investigative activities, prevention.

Dmitriy A. Babichev
Kostroma State University
babichev-lavd@inbox.ru

Mechanism of determining operational-investigative decisions: essence, elements, relation to the subject of prosecutor's supervision

The article discusses a number of conceptual provisions devoted to the definition of a decision-making mechanism. The author analyses the terms "mechanism" and "decision making" developed by representatives of different areas (branches) of scientific knowledge – philosophy, psychology, cybernetics, sociology, control theory. The opinions proposed by the scientific community regarding the stages (elements) of the decision-making mechanism are studied. Such an approach made it possible to establish the broad and narrow values of the decision-making mechanism: a specific institution of a specific field of activity, consisting of elements; local interaction procedures, consisting of operations to achieve the set goal. A general analysis of the reviewed scientific studies allowed the author refracting the results obtained in the course of the research into the sphere of prosecutorial oversight of the legality of the operational-search activity. The concept and elements of the mechanism for making operational-search decisions are proposed. We formulated provisions reflecting the attitude of the mecha-

nism for making operational-search decisions to the subject of prosecutorial oversight.

Keywords: operational-search activity, operational-investigative decision, mechanism, mechanism for making operational-investigative decision, prosecutor's supervision, subject of prosecutor's supervision, authorised prosecutor, legality, operational-search measure, professional risk.

Ol'ga A. Teterina

*Kostroma State University
teterina_o_a_65@mail.ru*

Andrey A. Metyolkin

*Kostroma State University
andremetelkin1@gmail.com*

Kristina A. Ivanova

*Kostroma State University
ivanj2015@yandex.ru*

**The problematic issues of the participation
of the prosecutor in the consideration
by the court of the petition of the investigator
to elect a preventive measure**

The article is devoted to a detailed study of the participation of the prosecutor in the court's consideration of the investigator's petition on the choice of preventive measures. The article analyses the positions of scientists and practitioners on this issue. Based on the analysis of legal literature and Russian criminal procedural legislation, the authors assessed the role of the prosecutor and identified the problems of his participation in the court's consideration of the investigator's petitions on the choice of a preventive measure. It is especially noted that a dispute between the prosecutor and the investigator is unacceptable when the court considers the investigator's petition. The authors propose to return to the prosecutor the right to give consent to the investigator to initiate a relevant petition before the court, and also to make the prosecutor's refusal to support the petition mandatory for the court. The article also formulates the amendments that are proposed to be made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: Prosecutor, preventive measures, investigator, head of the investigative body, prosecutor's supervision, judicial control.

Lyubov' A. Kukushkina

*Kostroma State University
lub-kuku@mail.ru*

Nikolay A. Redkov

*Court in Sverdlov district of the City of Kostroma
redkov0202@yandex.ru*

**Legal upbringing of minors in the context
of the growth of crime determination**

The article reveals the essence and features of legal upbringing of minors, as well as the most pressing problems arising in this area. Separately, the authors highlight the problem of legal upbringing of adolescents placed in Temporary detention centres for juvenile offenders. The authors propose a number of measures aimed at reducing and preventing juvenile delinquency, including: the need to introduce a special course in the training system or individual programme

specialised for training that would reveal the specifics of temporary detention centres' workers with respect to minors and specifics of work with them.

Keywords: legal upbringing, temporary detention centres for juvenile offenders, juvenile offenders, crime prevention.

Aleksandr S. Tkach

*National Research Tomsk State University
alexandertkach01@gmail.com*

**On the formation and functioning
of the municipal election commission**

The article deals with problems of the legal status, formation and functioning of the election commission of the municipality. The author analyzes the provisions of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights," this law determines the status of the election commission of the municipality. The author notes the following problems of the legal status of the municipal commission. First, the representative body of the municipal formation forms the municipal election commission. Secondly, the representative body of the municipality must appoint half of the total number of members of the municipal election commission on the basis of proposals of election commission of the subject of the Russian Federation. Thirdly, the municipal election commission is not legal entity, in this connection, the municipal authority is more dependent on the election commission of the subject of the Russian Federation. Fourth, the order of work of members of the municipal election commission is uncertain. Fifthly, the scope of the federal procurement law is not correct. Proposals to improve the electoral legislation are formulated in the research.

Keywords: municipal election commission, election commission, legal status of the election commission, formation of election commissions, electoral law.

Maya V. Dedyuyeva

*Kostroma State University
turbotaxator@mail.ru*

Dar'ya A. Solov'yova

*Kostroma State University
dsolovyova1997@mail.ru*

**Problematic issues of another job offer upon
termination of an employment contract to
downsize the number or staff**

The article describes a number of problematic issues that arise upon offering another job to an employee who is dismissed by number or staff reduction, – whether it is a duty to offer temporary work, or work in another locality. After analysing the opinions of scientists regarding the offer of the position of an employee who is on maternity leave, parental leave, the authors come to the conclusion that such a position is legally occupied. On the basis of a study of judicial practice, it was concluded that the positions that are employed in the positions overlapping are also not vacant. The article raises the question about offering to reduced employee a position that is offered to another person invited to work in writing, in order of transfer from another employer. The authors consider that if

the monthly period from the day of dismissal of person from the previous job has not yet expired, such a position also can not be offered as another job in case of dismissal to reduce, because the employer is obliged to comply with the guarantees provided by law when applying for a job.

Keywords: employee, employer, employment contract, downsizing staff, vacant position, employee qualifications, work in another locality.

Maya V. Dedyuyeva

*Kostroma State University
turbotaxator@mail.ru*

Anna D. Noskova

*Kostroma State University
uchas_itis@mail.ru*

Financial obligations in employment contract of the parties: comparative analysis

The article is devoted to a comprehensive study of the problematic aspects of the application of Art. 249 of the Labour Code of the Russian Federation. Based on judicial practice, the authors conclude that recovery of training costs from a former employee can be made not only in cases that are listed in the employment contract, but also in other cases if they are covered by the provision of article 249 of the Labour Code on dismissal without good reason before the expiration date. After analysing the scientific points of view, the authors propose to supplement Art. 249 of the Labour Code of the Russian Federation with a list of valid reasons, which would reduce the subjectivity of law enforcers when deciding whether a reason is

valid. By analogy with civil law, where the lower limit of the penalty is fixed in the law, the authors propose to establish mechanisms at the legislative level to determine the lower limit for reducing the training costs charged to the employee.

Keywords: employee, employer, employee training, obligation to work after training, dismissal without good reason, content of employment contract, cost recovery, limits of reducing amount of compensation.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Tat'yana N. Fedulenkova

*The Stoletovs Vladimir State University
fedulenkova@list.ru*

From historiography to a sermon: grace of genre or individual style?

The scientific monograph by Vera Kharchenko is described in the review; it is devoted to studying and characterising of Metropolitan Macarius' (Bulgakov's) language and style features, to statement of theoretical questions of language grace research, to identifying mechanisms of its embodiment. Deep analysis of Metropolitan Macarius' historiographic work and number of his sermons' texts, reports and letters allow the author to give a voluminous portrait of the Metropolitan as a writer, a preacher and a language personality, which makes this monograph of extreme interest for philologists and ordinary readers.

Keywords: Vera Kharchenko, monograph, Metropolitan Macarius (Bulgakov), genre form, historiography, individual style, grace of language.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствии с требованиями транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://translit-online.ru/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Теля В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.) [Электронный ресурс]. – Выходные данные издания. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск: М., 2011. – С. 31–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2019 – Т. 25 – № 2

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 26.04.2019.
Дата выхода в свет 17.06.2019.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 36,3.
Уч.-изд. 37,7 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 128.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна